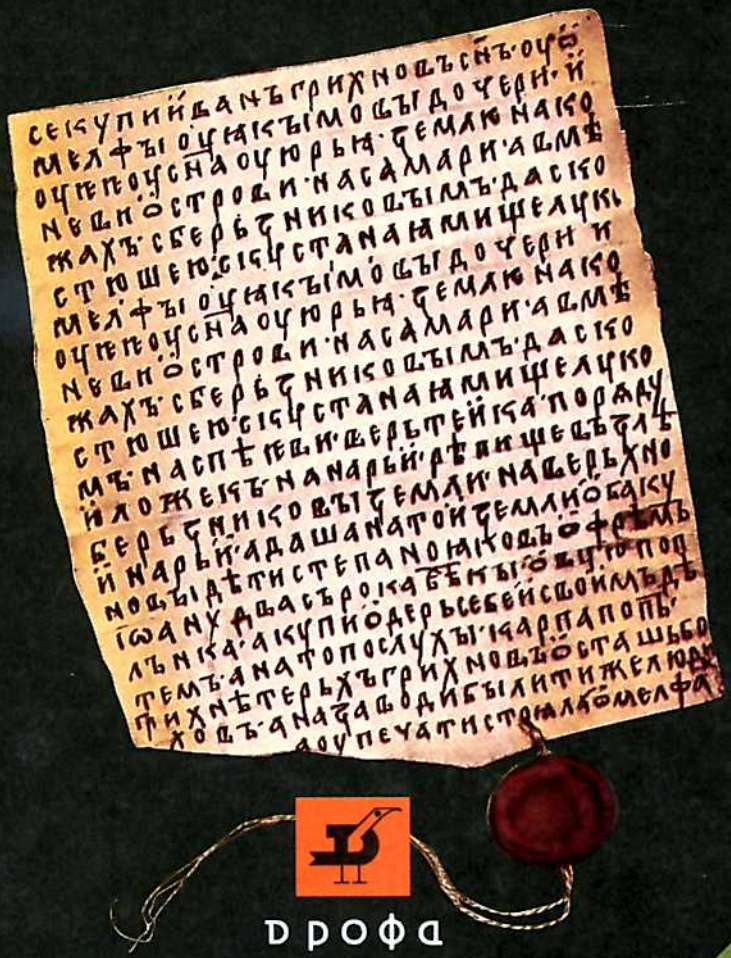
В ПОМОЩЬ АБИТУРИЕНТУ

И. В. КУРУКИН,
И. В. ВОЛКОВА, С. В. ЛЕОНОВ

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ СТАРШИХ КЛАССОВ
И ПОСТУПАЮЩИХ В ВУЗЫ

ДРОФА

В ПОМОЩЬ АБИТУРИЕНТУ

И. В. КУРУКИН,
И. В. ВОЛКОВА, С. В. ЛЕОНОВ

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

для школьников старших классов
и поступающих в вузы

3-е издание, стереотипное

ДРОФА
Москва · 2005

УДК 373.167.1:94(47)
ББК 63.3(2)я723
К93

Курукин, И. В.
К93 История Отечества : пособие для школьников старших классов и поступающих в вузы / И. В. Курукин, И. В. Волкова, С. В. Леонов. — 3-е изд., стереотип. — М. : Дрофа, 2005. — 735, [1] с.
ISBN 5-7107-9879-7

Пособие охватывает весь период российской истории от раннего средневековья до 2002 г. В нем рассматривается ряд важных проблем, многие из которых, как правило, остаются за рамками учебных изданий, — это развитие политической системы, государственного аппарата, армии, церкви и т. д. Пособие снабжено списком рекомендуемой литературы.

Книга предназначена для поступающих в вузы, студентов неисторических специальностей, а также будет полезна всем, кто интересуется историей своей страны.

УДК 373.167.1:94(47)
ББК 63.3(2)я723

Учебное издание

Курукин Игорь Владимирович,
Волкова Ирина Владимировна,
Леонов Сергей Викторович

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

Пособие для школьников старших классов
и поступающих в вузы

Зав. редакцией *Н. Е. Рудомазина*. Редактор *Н. Н. Матвеева*
Художественное оформление *А. А. Осколкова*. Технический
редактор *Е. Д. Захарова*. Компьютерная верстка *В. В. Ивлиева*
Корректор *А. Ю. Буланова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.15.953.Д.005481.08.04 от 25.08.2004.

Подписано к печати 11.08.05. Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,64. Тираж 6000 экз. Заказ № 4510092.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Предложения и замечания по содержанию и оформлению книги просим направлять в учебную редакцию издательства «Дрофа»: 127018, Москва, а/я 79. Тел.: (095) 795-05-41. E-mail: chief@drofa.ru

По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа» обращаться по адресу: 127018, Москва, Сущевский вал, 49.
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник». 109172, Москва, Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Сеть магазинов «Перелетные птицы». Тел.: (095) 912-45-76.

Отпечатано на ФГУИПП «Нижполиграф».
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 5-7107-9879-7

© ООО «Дрофа», 2003
© ООО «Дрофа», 2004, с исправлениями

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее пособие рассчитано на читателей, уже имеющих некоторое представление об отечественной истории. Оно призвано расширить и систематизировать эти знания. Книга может быть полезна как для поступающих в вузы, особенно на гуманитарные факультеты, так и для студентов неисторических специальностей, а также для всех, кто интересуется историей своей страны.

Пособие знакомит с ключевыми фактами и тенденциями российской истории. Оно охватывает весь ее период: от раннего средневековья до начала XXI в. Книга написана на основе широкого круга источников, с учетом последних достижений отечественной и западной историографии. По некоторым дискуссионным проблемам в ней излагаются различные точки зрения и оценки, существующие в исторической литературе.

В отличие от аналогичных работ, пособие «История Отечества» написано в проблемно-хронологическом ключе. Традиционное, хронологически-последовательное изложение материала сочетается в нем с относительно целостным, «сквозным» освещением ряда важнейших проблем отечественной истории, многие из которых, как правило, остаются за рамками учебных изданий.

Книга состоит из трех частей, соответствующих крупнейшим эпохам в истории страны: средневековье (IX–XVII вв.), «императорский» (XVIII – начало XX в.) и новейший (1917–2002 гг.) периоды. При этом в каждой части, наряду с сюжетами политиче-

ской истории, содержатся главы, посвященные формированию и развитию экономики, структуры общества, основных социальных групп, верховной власти и государственного аппарата, армии, чиновничества, церкви, внешней политики и т. д.

Подобное структурирование материала, несмотря на свою непривычность и даже кажущуюся усложненность, позволяет не только существенно расширить эрудицию, фактологические знания читателей, но и понять основные тенденции развития важнейших сфер жизнедеятельности общества, особенности отечественной истории, которая по своей насыщенности, противоречивости и драматизму, пожалуй, не имеет аналогов в мировой истории.

О том, насколько удачен оказался этот замысел, судить читателям.

* * *

Первая часть пособия написана *И. В. Курукиным*, вторая — *И. В. Волковой*, третья — *С. В. Леоновым* (главы 20, 22 — с участием И. В. Курукина и И. В. Волковой).

Часть I

РУСЬ СРЕДНЕВЕКОВАЯ (IX—XVII вв.)

Глава 1
У ИСТОКОВ ГОСУДАРСТВА

«Откуда есть пошла Русская земля»? — этот вопрос летописца XII в. до сих пор остается в науке без однозначного ответа. Наличие разных точек зрения в учебниках и пособиях неизбежно, поскольку относительно достоверные и подробные сведения о славянах в письменных источниках появляются только с VI в. н. э. Сенсационные же публикации последних лет — сочинения по «новой хронологии» А. Т. Фоменко и его последователей, «Мифы древних славян» Г. С. Гриневича и А. И. Асова, основанные на так называемой «Влесовой книге», — к науке отношения не имеют и представляют интерес лишь как определенные проявления реакции на былую «официальность» школьной истории в совокупности с вполне «рыночными» спекуляциями на историческую тему.

«Новая хронология», предложенная математиком А. Т. Фоменко, — концепция всемирной истории. Согласно автору и его последователям, известная нам по книгам европейская история до XI в. вымышленна. История же России

до XVII в. была сфальсифицирована по заказу династии Романовых с целью очернить «ордынскую династию» Руси, которая на самом деле и была «монгольской империей». (См.: *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Империя. М., 1999; История и антиистория. Критика «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко. М., 2000.)

«Влесова книга» — деревянные дощечки с непонятными письменами, якобы обнаруженные в России в 1919 г. Сами дощечки странным образом исчезли в 1941 г., но расшифровка их копий представляет собой захватывающий рассказ об истории древних славян с IX в. до н. э. по IX в. н. э. (публикации такого рода стали появляться в 50-х гг. XX в.). Палеографический и языковедческий анализ текстов «Влесовой книги» показал, что «открытие» является не слишком грамотной фальсификацией с целью обоснования тезиса о славянах как основателях всей европейской цивилизации. (См.: Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. СПб., 1990. Т. 43.)

Историческая наука — прежде всего рутинная «черновая» работа, и сенсации в ней редки. Ученые вынуждены скрупулезно собирать, анализировать и сопоставлять данные археологии, лингвистики, антропологии, этнографии; это приводит к появлению различных гипотез в поиске прародины и прародителей славян среди племен, населявших в древности территорию между Одером, Днепром и Дунаем.

■ **«Неолитическая революция».** Согласно утвердившейся в науке точке зрения, выделение человека из животного мира началось в Восточной Африке более двух миллионов лет назад. Примерно полтора миллиона лет назад древнейшие люди разными путями пришли из Африки в Европу. На территории бывшего СССР самые древние стоянки первобытных людей (около 1 млн лет назад) обнаружены в Закарпатье, а также в Южном Таджикистане. Тогда на громадном пространстве от Атлантического океана до Урала природные условия были примерно одинаковыми. В X тысячелетии до н. э. началось последнее Великое оледенение, за которым последовало гло-

бальное потепление, сформировались современные почвенно-климатические зоны. Обширные леса и болота отделили тундру на севере и степи на юге. Природные катаклизмы заставляли людей объединяться в коллективы, чтобы выжить в экстремальных условиях. Так было легче вести загонную охоту на мамонтов и мускусных быков, добывать и поддерживать огонь, строить первые наземные жилища. В борьбе за жизнь человек изобрел первое грозное оружие — лук и стрелы.

Постепенно собирательство и охота уступают место производящим формам хозяйства — земледелию и скотоводству. Начиная с X тысячелетия до н. э. в жизни человеческого общества происходит колоссальный технический переворот — *«неолитическая революция»*, в процессе которой человек перешел к оседлому образу жизни, научился делать глиняную посуду, овладел такими техническими приемами изготовления орудий труда, как шлифовка, сверление, а также довел до совершенства приемы охоты и рыбной ловли. В VIII тысячелетии до н. э. люди научились выплавлять *металл* — древнейшие изобретатели этой технологии жили в Малой Азии. В Европе медные изделия впервые появились на Балканах в V тысячелетии до н. э. В ту эпоху сложились и великие торговые пути, по которым медь и бронза из закавказских или уральских рудников попадали к племенам, населявшим причерноморские и поволжские степи, а от них — к соседям, в лесную зону Восточной Европы. В степях между Днепром и Доном найдены древнейшие части узды и кости домашней лошади, относящиеся к IV тысячелетию до н. э. С тех пор и до середины XIX в. лошадь оставалась для европейцев основной тягловой силой и средством передвижения. Технический рывок позволил человеку противостоять природным катаклизмам, ослабил постоянную угрозу голода и вызвал настоящий демографический взрыв: к концу эпохи неолита население увеличилось по крайней мере в 10 раз. В IV—III тысячелетиях до н. э. на территории Восточной и Центральной Европы складываются археологические культуры «бронзового века» — *трипольская, воронковидных кубков, майкопская*. Ее представители умели делать бронзовые (из

сплава меди с оловом) орудия и украшения, выращивали пшеницу, овес, лен, горох, виноград; строили громадные погребальные курганы и укрепленные центры — городища.

Археологическая культура, или ***культурно-историческая общность***, — это комплекс исследованных древних памятников на определенной территории, в границах которой люди изготавливали и пользовались однотипными орудиями труда и керамикой, строили однотипные жилища, соблюдали единый погребальный обряд и т. д.

Но в ту же эпоху человечество испытало и первый экономический и экологический кризис. Из-за роста населения используемые человеком природные ресурсы стали истощаться, что привело к упадку богатых земледельческих культур Южной Европы. Нехватка пригодной для обработки земли и пастбищ для скота обусловила борьбу за них, и с тех пор войны стали постоянным явлением в истории. В III тысячелетии до н. э. началось первое Великое переселение народов. На восток из бассейна Одера распространялась культура *шаровидных амфор*; южнее, в степной полосе, с востока на запад продвигались племена *ямной* культурно-исторической общности и культуры *колоколовидных кубков*; в лесной полосе Восточной Европы осваивали новые земли носители культуры *боевых топоров*, которым принадлежали первые известные в Европе колесные повозки, запрягавшиеся быками. Длительное похолодание и засуха на рубеже III—II тысячелетий до н. э. способствовали увеличению роли скотоводства, а овладение верховой ездой позволило начать освоение необъятных степных просторов от Монголии до Дуная. Именно тогда зарождались первые цивилизации кочевников. Занятие скотоводством требовало новых территорий, ведь только одной овце для прокорма ежегодно нужно 9 га пастбища. Это занятие преобладало у племен *срубной* и *андроновской* культур, распространившихся в степной зоне во II тысячелетии до н. э.

■ **Поиски прародины славян.** Язык славян относится к индоевропейской языковой группе. Это было установлено еще в XIX в. на основании целого ряда общих черт в языках народов, отделенных сегодня друг от друга тысячами километров, но когда-то имевших единых предков. По проценту совпадающих корней в родственных языках и соотнесению общих слов (обозначающих родство, названия растений и животных, ландшафт, производственную деятельность) с археологическими находками можно установить время существования древней индоевропейской общности — V—IV тысячелетия до н. э. На рубеже IV—III тысячелетий до н. э. праиндоевропейский язык стал распадаться.

Археологически Западная и Восточная Европа изучены неплохо. Но откуда начали движение ***индоевропейские племена*** и с какими известными археологическими культурами в Европе III тысячелетия до н. э. (*ямной, боевых топоров, воронковидных кубков*) можно их отождествить? Этот вопрос вызывает споры в науке. Одни ученые считают, что прародиной индоевропейцев были южнорусские степи; другие называют Балканы, третьи — Малую Азию, четвертые — центр Европы. (См.: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX—XII вв.). Курс лекций. М., 1998. С. 21—25.)

Сложившаяся к **XII в. до н. э.** на огромном географическом пространстве, включавшем на западе территорию современной Франции, а на востоке — Украины, культурно-историческая общность (группа близких по типу культур) *полей погребений*, или *полей погребальных урн*, стала основой для формирования таких будущих европейских народов, как кельты, германцы, италики, а также латыши, литовцы и славяне. Причем последние примерно до середины I тысячелетия до н. э. представляли собой единую балто-славянскую общность. Можно выделить и другой рубеж — **V—VI вв. н. э.**, когда между Одером и Днепром, на территории нынешних Польши, Чехии, Белоруссии, Украины, России появляются несколько археологиче-

ских культур (*пражская, пеньковская, «длинных курганов»* и т. д.), которые бесспорно считаются славянскими. Именно с VI в. славяне как особая этническая группа упоминаются в письменных источниках — у готского историка Иордана, у византийских писателей и хронистов.

Что же происходило с праславянами в «промежутке» между X в. до н. э. и VI в. н. э., характеризуемом перемещением различных племен и народов, расцветом и упадком целых культур?

Одни историки полагают, что о предках славян — *скифах-пахарях*, или *сколотах*, — писал еще знаменитый древнегреческий историк Геродот в V в. до н. э. К славянским же относят *зарубинецкую* (I в. до н. э. — II в. н. э.) и *черняховскую* (II—IV вв. н. э.) археологические культуры в Среднем Поднепровье. Оседлые земледельческие племена сколотов в середине I тысячелетия до н. э. входили в могущественное «Скифское царство» и вместе с другими народами вступали в контакты с античным миром Северного Причерноморья. Здесь с VI в. до н. э. в процессе великой греческой колонизации стали появляться небольшие поселения, многие из которых превратились затем в процветающие города-полисы — Ольвию, Херсонес (современный Севастополь), Феодосию, Горгиппию (Анапа), Диоскурию (Сухуми), Фасис (Поти) или мощные греко-варварские государства — Боспорское царство со столицей в Пантикапее (Керчь). Расцвет античных центров Причерноморья был обусловлен их многоотраслевой экономикой и налаженными торговыми связями. С берегов Черного и Азовского морей в Афины и другие города Греции вывозились зерно, соленая и копченая осетрина, другая рыба, а также рабы. В обмен поселенцы и варварская периферия получали вино, оливковое масло, цветные металлы, посуду и украшения (предметы, сделанные в греческих мастерских для скифской знати, ныне украшают сокровищницы Эрмитажа и других музеев). Античные города-государства не раз подвергались набегам варваров. Скифов в причерноморских степях сменили воинственные *сарматы*. Во II—III вв. н. э. с южных берегов Балтийского на северный берег Черного моря переселились *готы*. До начала III в. н. э. Крым оставался крайним северо-

восточным форпостом Римской империи: ее солдаты охраняли Херсонес, римские военные корабли стояли на базе-крепости Харакс (близ современного Ласточкина гнезда под Алупкой). Но в IV в. н. э. мощный поток варварских вторжений привел империю к гибели. Сложившийся в Центральной Азии обширный гуннский союз кочевых племен в 370 г. н. э. форсировал Волгу, разгромил причерноморские центры, нанес поражение сарматам и готам и вытеснил их вместе с «черняховцами» и другими народами на запад.

Другие ученые указывают на резкий разрыв культурных традиций богатой *черняховской* культуры (с гончарной керамикой, использованием стекла, римскими монетами и украшениями) с гораздо более бедными славянскими памятниками VI в. н. э. Они полагают, что прародина славян находилась севернее, на территории современной Польши и Белоруссии. Там, на Западе, праславянские племена (культуры *подклешевых погребений* IV—I вв. до н. э. и *пшеворской* II—V вв. н. э.) познакомились с лучшими металлургами той эпохи — *кельтами* — и переняли у них производство кольчуг, замков с ключами, пил, напильников. От германцев в язык славян попали такие слова, как «меч» и «шлем».

В поисках «прародины» славян современные археологи от культур достоверно славянских, относящихся к раннему средневековью, продвигаются в глубь времен. Основной проблемой при этом является выяснение степени соотнесенности той или иной археологической культуры с конкретным этносом: поскольку при смене таких культур на одной и той же территории происходят резкие изменения в уровне жизни, технологии производства, погребальном обряде, то встает вопрос, могли ли эти изменения происходить в рамках одной этнической общности. Тем более что и черняховская, и пшеворская культуры были полиэтничными: наряду с предками славян они включали германцев, сарматов, фракийцев. Решение этой проблемы усложняется тем, что в лесостепной полосе в те времена проходили миграции и столкновения различных земледельческих и кочевых племен.

В эпоху крушения античного мира Великое переселение народов захватило и часть славянского населе-

ния: в 448 г. византийский посол слышал в ставке могущественного вождя гуннов Аттилы славянскую речь и записал, что его подданные сажают просо и пьют «медос», а при погребении устраивают пир — «страву». В VI в. н. э. славяне — страшные для цивилизованных соседей варвары — выходят на международную арену. С середины столетия они систематически вторгаются за Дунай, в пределы Восточной Римской империи (Византии), не раз осаждают и грабят Константинополь, Фессалоники и Афины; совершают морские экспедиции на остров Крит и в Южную Италию. Некоторые из них поступали на военную службу в империи; другие — даже в армию арабского халифа Мервана II. Византийский хронист Иоанн Эфесский в конце VI в. н. э. подвел итог этим вторжениям «проклятого народа склавинов»: «Они стремительно прошли всю Элладу, области Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле». На территории империи появились даже независимые славянские племенные княжения — славинии, но уже к IX в. произошла эллинизация поселенцев: они быстро усвоили технологию, агрикультуру, язык и религию своей новой родины. И только на окраинах Византийской империи сложились самостоятельные славянские государства — Болгария (VII в. н. э.), Хорватия (X в.), Сербия (XI в.).

■ **Что такое синтез в истории?** В середине I тысячелетия н. э. Рейн и Дунай стали примерными границами, по обе стороны которых складывание средневекового общества в Европе шло разными путями.

На Востоке становление новых общественных структур и государственных институтов было *бессинтезным*, т. е. они формировались непосредственно на базе варварских, первобытных племенных отношений при отсутствии на первых порах развитых городов и торговли. Здесь долгое время основной массой населения оставались свободные крестьяне-общинники, которые подвергались преимущественно государственной форме эксплуатации в виде дани — налога на содержание князя и дружины.

На Западе этот процесс протекал в условиях *синтеза*: на территории бывшей Римской империи варварское население и созданные им «королевства» усваивали в той или иной степени достижения и традиции предшествующей античной цивилизации. К ним можно отнести систему путей сообщений, развитые формы землевладения, денежное обращение, пути средиземноморской торговли. Несмотря на разрушительные варварские нашествия, Запад унаследовал крупные городские центры с «городской» культурой. Такие средневековые города, как Кёльн, Трир, Вена, Париж, Лондон, Марсель, возникли еще в античную эпоху. Неизменными остались структура христианской церкви, независимой от государства, и ее собственность. Вместе с варварскими законами — «правдами» — действовало римское право. В целом была унаследована римская система образования («семь свободных искусств»), и на протяжении многих столетий латынь оставалась языком науки и культуры стран Европы. Быстрое социальное расслоение варварского общества привело уже в VII—VIII вв. к появлению частных владений — вотчин-сеньорий с зависимыми крестьянами и к складыванию вассально-ленных отношений с иерархией феодалов-землевладельцев — герцогов, графов, баронов, рыцарей, средоточием власти которых с X в. становятся господствующие над сельской округой замки.

Иной оказалась судьба восточнославянских племен. С VI в. н. э. они начали осваивать огромные и слабозаселенные территории Восточно-Европейской равнины. Этот процесс растянулся на столетия и стал характерной чертой прошлого России, что позволило знаменитому историку С. М. Соловьеву определить ее как страну, которая колонизуется. Данные археологии, антропологии и этнографии показывают, что волны славянской колонизации вступали во взаимодействие с народами балтийского и угро-финского происхождения, но при этом не происходило их уничтожения или вытеснения — местное население «перемешивалось» с пришлым, вливаясь в различные славянские группы, а впоследствии — и в рамки общего государства. Процесс этот не был закончен и в XX столетии (только в XVI в. россияне перешагнули за Урал и начали освое-

ние Сибири, тогда как в Западной Европе внутренняя колонизация пригодных для освоения территорий завершилась в XIV–XV вв.). Постепенно происходит складывание огромной многонациональной России с колоссальными запасами природных ресурсов. Обилие неосвоенных земель давало возможность длительной эксплуатации природных богатств страны — сначала в виде рыболовства, охоты и прочих лесных промыслов, а с XVII в. — добычи полезных ископаемых. Но то же обстоятельство наряду с другими природными факторами стимулировало развитие не интенсивного, а экстенсивного хозяйства, т. е., давая обществу весомый «запас прочности», оно же и замедляло его экономический и культурный рост. Это в конце XX в. стало одной из серьезных проблем модернизации экономики страны.

Другим важным фактором исторического развития России стало соседство мира оседлых земледельцев и горожан с миром кочевых племен. С глубокой древности полоса степей, протянувшихся от Алтайских гор до Дуная, представляла собой дорогу для кочевых народов, волна за волной двигавшихся из глубин Центральной Азии с востока на запад.

Гуннское нашествие было остановлено на территории современной Франции в Битве народов в 451 г., вскоре после чего гунны покинули занятую ими Венгрию и исчезли со страниц письменных памятников. После гибели гуннской державы многочисленные ее народы, скрытые ранее под общим названием «гунны», образовали самостоятельные политические объединения. О них упоминают византийские и закавказские исторические хроники, а также «Повесть временных лет». Последняя сохранила известия о «примучивании» славянских племен обрами — аварской ордой. В 626 г. аварское войско (куда входили и славянские отряды) осаждало столицу Византии Константинополь. В конце VIII в. Аварский каганат пал под ударами армии короля франков Карла Великого, и древнерусский летописец, вспоминая об этом, счел нужным привести пословицу: «погибоша, аки обре».

В VI в. н. э. в Великой степи складывается Тюркский каганат, с которым вынуждены были считаться

крупнейшие государства того времени — Китай, Иран, Византия. После кровавой междоусобицы он рухнул, и на его развалинах стали возникать новые образования. В 30-х гг. VII в. в приазовских степях появилась «Великая Болгария» кочевников-болгар; тогда же сложился и Хазарский каганат. Под давлением хазар часть болгар откочевала за Дунай, где вместе с оседлым славянским населением положила начало современной Болгарии; другая ушла на север и обосновалась в Поволжье — здесь до XIII в. ближайшим соседом северо-восточных русских земель была Волжская Булгария.

В середине VII в. хозяевами южных степей стали хазары. Им удалось создать огромное многоэтничное государство, включавшее Восточный Крым, Северный Кавказ и степи между Волгой и Доном. Хазарская держава была не простым объединением кочевых и оседлых народов (хазар, болгар, мордвы, алан, славян). На местах существовала администрация — *тудуны* и *малики*; в больших городах (Фанагории, Беленджере, Самандаре, Атиле) находились кварталы ремесленников и купцов — «русов», мусульман и евреев; там же селилась и хазарская знать, на лето откочевывавшая в степь. Хазарские власти прочно контролировали торговые пути по Волге и Дону; при дворе верховного хазарского владыки — *хакана* состояли мусульманская гвардия и особая коллегия из семи судей для решения дел подданных согласно их вере и закону. В союзе с Византией Хазария воевала с Арабским халифатом и по-своему решила вопрос выбора веры: в IX в. хакан и знать приняли иудаизм. В итоге хазарам так и не удалось создать прочное государство: у каганата не было единого законодательства и письменности, но в период своего расцвета эта держава сумела подчинить ряд славянских племен (северян, вятичей, радимичей, полян) и взимать с них дань. Уже в 30-х гг. IX в. византийские мастера выстроили в низовьях Дона — северо-восточной границы каганата — город-крепость Саркел и ряд других пунктов обороны от наступления племенных славянских союзов. Свидетельствами взаимовлияния славян и хазар остались археологическая *салтово-маяцкая* культура, пришед-

шие из тюркского языка термин «боярин» и титул «каган», который носили в X—XI вв. киевские князья.

■ **От общины — к городам.** В VI—IX вв. происходит постепенный переход восточнославянских племен от первобытного общества к цивилизованному, т. е. к качественно иной ступени развития, связанной с появлением городов, письменности, новой социальной структуры и государства.

Данные археологии, письменные (византийские и арабские) источники позволяют проследить основные этапы и направления этого процесса в развитии восточнославянского общества. К середине I тысячелетия н. э. «селища» славян-земледельцев представляли собой патриархально-семейные общины в 150—200 человек. Дома общинников располагались вокруг «площади», где находились мастерские и хранилища для зерна и других продуктов.

Важнейший этап в развитии общества связан с овладением технологией выплавки и обработки железа (древнейшие известные в Центральной Европе железные изделия относятся к началу I тысячелетия до н. э.). Более позднее по сравнению с медью появление железа вызвано высокой температурой его плавления — 1500°С, которой древние достигать не умели; поэтому в древнерусских сыродутных печах-*домницах* получали сначала насыщенные железом пористые слитки-*крицы*, которые надо было отковать. Зато железо встречается гораздо чаще меди (в России в виде болотных руд) и производительность железных орудий намного выше каменных и бронзовых, что давало возможность эффективнее вырубать леса и отвоевывать землю под пашню.

После потрясений эпохи Великого переселения народов славяне принесли в лесную зону новый хозяйственный уклад, основанный на пашенном земледелии и возделывании ржи; начался переход к более совершенной трехпольной системе земледелия — она включала посев яровых, озимых и отдыхающий под паром клин. Совершенствование орудий труда и агрокультурные достижения дали возможность отдельным семьям вести самостоятельное хозяйство в рамках *соседской общины*. В такой общине каждый

крестьянин имел право на надел пахотной земли, который можно было передать по наследству; угодья же — выгоны, сенокосы, леса, воды — находились в общем и нераздельном пользовании. Это привело к избавлению крестьянина от пут родового строя, он стал более независимым и мобильным. Отныне отдельные семьи или группы семей могли выделиться из рода и отправиться на освоение новых земель, что ускорило процесс колонизации. Древнейшие миграции славян происходили еще в римское время; новая волна переселений с берегов Вислы и Южной Балтики началась в середине I тысячелетия н. э., а в VII—IX вв. еще одна группа племен пришла с Дуная.

Существенным признаком распада родового общества стало появление начиная с VIII в. первых городских центров — *протогородов*, которыми становились и центры известных по летописи союзов племенных объединений или княжений полян, северян, кривичей, словен (Киев, Чернигов, Псков, Изборск, Полоцк), и поселения торгово-ремесленного характера на оживленных торговых путях (Старая Ладога, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово близ нынешнего Смоленска). В таких центрах оседали воины и купцы. Здесь создавались первые ремесленные мастерские — кузнечные, ювелирные, косторезные, гончарные (к X в. появляется и гончарный круг). Их владельцы обладали дорогостоящим вооружением и участвовали в торговых операциях. Судьба таких поселений была разной: одни подвергались разрушениям в неизвестных нам войнах, другие по не всегда понятным причинам пришли в упадок; третьи же к X в. превратились в «нормальные» средневековые города с укрепленным *детинцем* или *кремлем* в центре, окруженным торгово-ремесленным *посадом*.

Историк VI в. Прокопий Кесарийский, упоминая о вторжениях в Византийскую империю славян-язычников, живших «в народоправстве», сообщает о наличии у них знати — *рексов и архонтов*, а также рабов. Прокопий и другие хронисты называют имена князей (Мезамира, Хильвудия, Пирогаста), переходивших на византийскую службу и становившихся полководцами и администраторами в империи. Вместе с ними

были и профессиональные *воины-дружинники*, о чем говорят их захоронения IX—X вв. Ученый-географ и руководитель почтовой службы Арабского халифата ибн-Хордадбех в своей «Книге путей и стран» (вторая половина IX в.) упоминает о том, что из страны славян купцы «ар-Рус» привозили в Константинополь на кораблях или морским же путем на южный берег Каспия, а далее караванами в столицу халифата Багдад ценные меха и мечи. Влиятельной прослойкой становится языческое жречество. Археологи обнаружили на Западной Украине целые городища-святилища, где жили жрецы-*волхвы* и проходили религиозные церемонии. Ученый-энциклопедист начала X в. ибн-Рустэ свидетельствует о наличии у славян городов с искусными ремесленниками, знахарями-жрецами и о ежегодном сборе славянским князем (*«главой глав»*) дани с подданных «на свое содержание».

Другой арабский историк — аль-Истахри пишет о трех политических центрах «русов» во главе с «царями». Одним из них несомненно был Киев (Куйяба). Возможно, именно отсюда в 838—839 гг. в Константинополь, а затем ко двору императора франков Людовика, сына Карла Великого, отправилось посольство от правителя-кагана народа рос. С этим известием одной из западноевропейских хроник можно сопоставить и византийские известия о появлении войска росов под стенами Константинополя в 860 г. Другое объединение (Славийа) располагалось на севере и включало союзы кривичей, словен и местных угрофинских племен. Аль-Истахри упоминает еще об одном загадочном городе — Арса. Появление таких образований говорит о первых попытках создания племенных конфедераций или объединений нескольких племенных княжений.

Таким образом, можно полагать, что во второй половине I тысячелетия н. э. внутреннее развитие восточнославянских племен привело к появлению первых городов и торговли, усложнению социальной структуры общества, к образованию межплеменных союзов и первых политических центров, стремившихся объединить эти племена, что и произошло в конце IX в.

■ **Создание единой Руси.** Для IX в. историки имеют более или менее конкретные даты, хотя надо сказать, что они «расставлялись» в летописном тексте, создававшемся двести с лишним лет спустя — в начале XII в. Под 862 годом в «Повести временных лет» помещен красочный рассказ о «призвании варягов»: славяне и их соседи «изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси... Реша русь, чюдь, словени и кривичи и вси: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидете княжити и володети нами». И избраша 3 братья с роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другий, Синеус, на Белеозере, а третей Изборсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля...» (Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13.)

Двести лет этот текст вызывал ожесточенные идеологические споры. Во времена Ломоносова вопрос о том, кем был по национальности основатель Российского государства, считался весьма актуальным и для ученых, и для политиков. Но уже в XIX в., со времени публикации работ С. М. Соловьева, стало ясно, что складывание государства — это результат внутреннего развития самого общества, и вопрос о национальности Рюрика отошел на второй план. Вновь обострился он уже в советскую эпоху. В условиях «холодной войны» для советских идеологов признать, что у истоков страны социализма стоял пришелец с Запада, было невозможно.

Но дело не только в политической конъюнктуре. Ученые XVIII—XIX вв. не сомневались в достоверности вышеприведенного рассказа. Исследование его текста в конце XIX в. показало, что «Сказание о призвании варягов» не современная событию запись летописца, а сделанная спустя 250 лет вставка в летописный свод, авторы которой по-своему осмыслили и переработали дошедшие до них предания.

В Западной Европе морские походы норманнов-викингов приводили в IX—X вв. к заселению или за-

хвату обширных земель в Восточной Англии и Франции (Нормандия). Там, приняв христианство, пришлые варвары-норманны и их предводители быстро влились в структуры феодального общества, а их владения, определенные договорами с местными правителями, рано или поздно вошли в состав формировавшихся европейских государств.

На Руси скандинавские воины-купцы появились, как свидетельствуют археологические раскопки в Старой Ладоге и под Ярославлем, уже в середине VIII в. Роль варягов в отечественной истории фактом «призвания» не исчерпывается. Отличные мореходы, воины и торговцы, прошедшие на своих кораблях-драккарах северное побережье Европы, Средиземноморье и даже добравшиеся до далекой Америки, скандинавы в IX—X вв. прошли по рекам и озерам Северной Руси и освоили великие водные пути — Днепр и Волгу. Эти же магистрали осваивали и славянские колонисты-переселенцы, связанные с прежними районами обитания. Жители новых поселений нарушали замкнутость родовых общин местных угро-финских и балтских племен.

С помощью варягов была создана *единая система коммуникаций*, связавшая молодые «варварские» государства Северной и Восточной Европы со странами Ближнего и Среднего Востока. В настоящее время факт появления варяжского князя (призвание его каким-то объединением славянских и угро-финских племен по *«ряду»* — договору) не ставится под сомнение. Возможно, им был известный по западным хроникам Рерик Ютландский — князь-воин из датского королевского рода Скъольдунгов. Можно предположить, что приглашенный конунг со своей дружиной не удовольствовался предоставленными ему по договору полномочиями «володеть и судить по праву».

Поздняя Никоновская летопись XVI в. содержит уникальные сведения о том, что Рюрик совершил «государственный переворот» — устранил воеводу или князя Вадима Храброго и его «советников»-старейшин. Известно, что во второй половине IX в. варяжские воины жили на Рюриковом городище недалеко от Новгорода, который стал городом только в середи-

не X в. Однако это не привело ни к скандинавской колонизации этих земель, ни тем более к завоеваниям. На обширных лесных территориях Северо-Восточной Европы, где можно было продвигаться только по речным системам, «находникам» с Севера приходилось ладить с местным населением. Сохранившиеся с древности топонимы показывают, что в этих краях норманнская колонизация отсутствовала, а оседавшие здесь по тем или иным причинам скандинавские конунги со своими воинами быстро сливались со славянской знатью.

Следующая дата — 882 год, под которым соответствующий летописный рассказ сообщает, как преемник Рюрика князь Олег объединил под своей властью Северную и Южную Русь с Киевом и стал контролировать путь «из варяг в греки». Олег начал первым из русских князей «ставить города» — опорные пункты на подвластной территории и «уставлять дани» славянским племенным княжествам — словенам, кривичам, древлянам, северянам, радимичам. В итоге образовался военно-политический союз; его объединенное войско совершило успешный поход на Византию в 907 г., в результате которого состоялось дипломатическое «признание» Руси и появился ее первый международный документ — договор с греками. В этом же документе упоминаются и нормы русского обычного права — *«закона русского»*, вошедшие позднее в Русскую Правду.

Особая проблема — происхождение этнонима *«Русь»*. В приведенном выше рассказе летописец то отождествляет это понятие со славянами, то считает его «пришлым». В других статьях «Повести временных лет» «русь» прямо относится к варягам-скандинавам, хотя в самой Скандинавии народа по имени «русь» не было.

Существует несколько гипотез происхождения этого имени. Одна из них связывает «русь» с финно-угорским названием соседей — шведов и норвежцев — «ruotsi», восходящим в свою очередь к древнескандинавскому «roths» — «гребцы». Другие авторы считают, что под именем «рос» выступает древнейшее славянское раннегосударственное образование

VI—VII вв. вокруг Киева, и привязывают его к названию правого притока Днепра — реки Рось. Третьи обращают внимание на упоминание в византийских хрониках «скифского народа рос» и древнюю топонимику Приазовья и Крыма, где известны названия с корнем «рос». Еще одна точка зрения исходит из того, что это имя на Балтику и в Поднепровье «принесли» иллирийцы-кельты («руги») с Верхнего Дуная. (См.: Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой. М., 1998.)

В настоящее время наиболее перспективной представляется точка зрения, согласно которой «русь» вообще не является названием какого-либо народа. Это понятие не этническое, а социальное. Скорее всего так называли на Севере «находников» — варяжских князей-конунгов и их разноплеменных воинов-гребцов. Договоры с греками запечатлели славянские, скандинавские и кельтские имена бояр из окружения первых варяжских князей, а в дружинных и княжеских погребениях X в. под Черниговом соседствуют славянская керамика, франкские мечи с варяжскими рукоятками, византийские монеты и восточные ритоны — кубки для пиршеств. Возможно, это понятие у славян вначале обозначало интернациональную среду слуг и дружинников первых князей, а уже позднее название «Русь» распространилось на подвластные князьям и их дружине земли: «От тех варяг прозвася Руская земля». В 944 г. уже все войско князя Игоря в новом походе на Византию именуется «русью» и договор заключают послы «от всех людий Руския земля».

Глава 2
НАРОД И ВЛАСТЬ

■ **«Дружинное государство».** Итак, к началу X в. образовалось единое государство Русь. Если оценивать его по привычным для нас сегодня канонам, оно было очень необычным — скорее это было объединение союзов племенных княжений. Границы, обозначенные впоследствии на исторических картах, тогда

никто не проводил и не охранял (за исключением немногих пунктов). По «непроезжим» местам осмеливались странствовать самые отважные, вроде Ильи Муромца. Отсутствие связи, полиции, чиновников делало весьма затруднительным управление удаленными от Киева землями, ведь путь от столицы до границы занимал две-три недели.

Удачным выходом из этой ситуации стало *полюдье* — объезд князем и дружиной подвластной территории с глубокой осени до ранней весны. Полюдье — это не только сбор дани-налога, но и способ управления страной при отсутствии государственного аппарата, практиковавшийся и норвежскими королями, у которых подобная кампания называлась *вейцла* — «гощение». Во время объезда князь лично разрешал конфликты, творил суд, улаживал пограничные споры. Но это не означало, что он мог самоуправствовать: в 945 г. произвольный сбор дани в древлянской земле закончился убийством князя Игоря и его приближенных.

Согласно летописному рассказу, у древлян была своя *столица* Искоростень, свой верховный *князь* Мал, а у него — «мужи, иже держаху Деревску землю». Таким образом, в X в. под властью киевского князя находились местные племенные структуры, с которыми он должен был считаться. Поэтому и известные договоры с греками X в. заключались Олегом и Игорем от имени «великих и светлых князей», возглавлявших союзы племенных княжений. Поэтому мудрая княгиня Ольга, победив древлян, провела первую в истории Руси налоговую реформу: она утвердила точный размер платежей Киеву — *уставы и уроки* и создала систему административных центров — *погостов*, где останавливались князья и княжеские «мужи» для сбора дани и административно-судебного управления.

Новый этап развития древнерусской государственности связан с правлением **Владимира Святославича (980—1015)** и **Ярослава Мудрого (1019—1054)**, когда молодая держава Рюриковичей переживала наивысший подъем. При Владимире впервые начинается чеканка своей монеты («златников» и «сребреников»), которая являлась не только средством обмена, но и

символом государственного суверенитета. В 1015—1019 гг. Ярославом создается древнейшая часть Русской Правды — первого письменного свода законов.

На рубеже X—XI вв. князь Владимир постепенно ликвидировал племенные княжения. Летопись сообщает о захвате Владимиром Полоцка и убийстве его князя Рогволода. Археологические исследования показали, что многие племенные центры в это время утратили прежнее значение, а некоторые из них были уничтожены. Так, в древлянской земле на месте сожженного Искоростеня появился княжеский замок Овруч, возникли также другие княжеские «грады» — Смоленск, Туров, Владимир-Волынский, Белгород, Рязань, — куда князь стал сажать в качестве наместников «волостей» своих детей. Например, будущий Ярослав Мудрый был отправлен сначала в Ростов и основал на северо-восточной окраине Руси город Ярославль, а затем был перемещен в Новгород.

Дружина являлась главным и единственным органом власти, и не случайно летописец подчеркнул, что князь Владимир Святославич «любя дружину и с ними думая о строе земленем и о ратех и о уставе земленем». С ней князья отправлялись в полюдье. Дружинники исполняли судебные и административные функции и получали за это часть дани, пошлин и военной добычи; население же должно было кормить их в это время. В XI в. уже выделяется «старейшая», или «большая», дружина — ближайший круг княжеских советников-бояр, и «младшая» («отроки», «детские») — рядовые воины, сборщики дани, судебные исполнители.

Такой тип государства в некоторых учебниках и пособиях определяется как *раннефеодальная монархия*. Русь X — начала XII в. была схожа по типу развития с другими молодыми государствами Восточной и Северной Европы — Норвегией, Швецией, Польшей, Чехией, Венгрией, которые от стран Западной Европы отличались прежде всего отсутствием частной феодальной собственности на землю и преобладанием централизованной эксплуатации свободных крестьян-общинников со стороны корпорации дружинной знати во главе с князем.

В новых городах и замках князь оставлял свои гарнизоны с наместниками (на Руси — «посадниками», в Польше и Чехии — «каштелянами», в Венгрии — «ишпанами»); сюда стекались дани, треть которых шла в пользу наместника и его воинов; здесь вершился суд. Окрестное население — жители княжеских сел — было обязано не только платить дань, но и выполнять определенные *службы*-повинности: строить крепости, поставлять в них хлеб, мед и рыбу, пасти княжеские табуны и т. д. Близ княжеских городищ-крепостей археологи нашли остатки больших пекарен, где делали хлеб для княжеских людей. Документы XIV—XV вв. подтверждают, что службы княжеских бобровников, бортников, рыбаков и т. д. сохранялись и позднее. Поэтому в литературе такой тип государства иногда характеризуется как «дружинный», а отношения власти и подданных как *служебная организация общества*.

При этом власть еще не полностью «оторвалась» от народа. Одним из освященных временем обычаев были воспетые в преданиях и сказках пиры князя Владимира. В эпоху становления государственности такие застолья становились своеобразным общественным институтом — совещанием князя со своей дружиной и «множеством народа», где обсуждались вопросы войны и мира, сбора дани с подвластных земель, принимались послы. В былинах богатыри на пиру вызывались «на службу дальнюю», а затем предъявляли трофеи (например, в виде пленного Соловья-разбойника). В торжественной обстановке князь вершил суд, награждал отличившихся, одаривал обездоленных, т. е. непосредственно общался с подданными и реагировал на общественные настроения.

Самым загадочным институтом древнерусской государственности остается вече, о котором за столетие (997—1097) имеются только шесть глухих упоминаний в летописи: «...поведаша на вечи. И реша людье», «створиша вече», «рече им на вечи» и др. Можно предположить, что этот институт в течение нескольких столетий принципиально изменился: из архаического высшего органа племенного народного самоуправления вече превратилось к XII в. в городской представительный орган. Судя даже по отрывоч-

ным данным, вече играло важную роль: проводило денежные сборы, решало вопросы обороны, приглашало князей. К сожалению, нет сведений о том, кто на нем присутствовал и принимал решения, а это немаловажно, поскольку, как правило, вече проявляло себя в критических ситуациях — в условиях безвластия, народных волнений или военных поражений. Еще одна характерная черта этого института — неопределенность его полномочий. Вече могло судить и карать княжеских слуг, но не подменяло собой княжеской власти и нигде, за исключением Новгорода и Пскова, не переросло в систематически организованную правительственную деятельность с четкими законодательными правами.

Сама же Русь была, так сказать, коллективной собственностью княжеского рода, каждый из представителей которого имел право на свою долю власти и доходов. На практике это выражалось в том, что киевские князья Святослав Игоревич (964—972), Владимир и Ярослав Мудрый обязательно выделяли «города» своим детям, т. е. делили территорию Руси на «сферы влияния» с условием передачи в Киев части дани с этих земель. При этом княжичи сохраняли наследственное право власти и в случае смерти кого-либо из них остальные передвигались, занимая все более престижные княжения. После смерти великого князя между его сыновьями начиналась борьба за владение Киевом, и каждый раз победитель заново возрождал эту *лествичную* систему.

После смерти Ярослава Мудрого его наследники — Изяслав, Святослав и Всеволод — жили дружно до 1068 г., когда после поражения от половцев на р. Альте между братьями началась борьба за Киев. На нескольких княжеских съездах — *снемах* они пробовали условиться о принципах разделения «столов», но договориться удалось только в 1097 г., когда внуки Ярослава — Святополк Изяславич, Владимир Всеволодович Мономах, Василько Ростиславич, Давыд и Олег Святославичи — установили новый принцип власти: *«Кождо да держит отчину свою»*: отныне княжества отцов — «отчины» — должны были передаваться детям — наследникам каждой из княжеских линий. После сошествия с политической сцены трех

старших Ярославичей киевский престол перешел к сыну Изяслава Святополку. Но он оказался плохим полководцем и корыстолюбивым правителем, и его смерть в 1113 г. послужила сигналом к народному восстанию в Киеве.

По просьбам киевлян великим князем киевским стал **Владимир Мономах (1113–1125)**, прославившийся своей многолетней борьбой с половцами. С его именем связано дополнение к Русской Правде — «Устав Владимира Всеволодовича», регулировавший взимание процентов ростовщиками. Своим авторитетом и умелой политикой этот князь сумел сохранить мир и относительное единство Руси: его дети управляли такими «волостями», как Переяславль, Смоленск, Суздаль, Новгород, Владимир-Волынский, Туров. Столь же решительно действовал и сын Мономаха **Мстислав Великий (1125–1132)**: по его указу подвластные князья совершили успешный поход на Полоцк, а тамошние князья Всеславичи попали в заточение. Но после смерти Мстислава Русь окончательно раскололась на отдельные княжества.

■ **Распад державы Рюриковичей.** В 30-х гг. XII в. относительно единая держава Рюриковичей сравнительно быстро и без особых конфликтов трансформировалась в систему отдельных земель и княжеств со своими княжескими династиями.

Причинами процесса «феодальной раздробленности» были не только появление «натурального хозяйства» как основы существования изолированных друг от друга областей или стремление древнерусских князей отделиться от Киева, приводившее к бесконечным усобицам. Обе эти причины сами по себе не объясняют процесс распада, ведь натуральное хозяйство древнерусским крестьянином велось и в X в., а в XII столетии уровень экономического развития, включая рост городов и торговли, был наверняка выше, чем во времена князя Владимира, да и княжеские усобицы — дело давнее (первая случилась еще после смерти князя Святослава между его сыновьями).

Почему же центробежные тенденции развития оказались в XII в. сильнее? Ответить на этот вопрос было бы гораздо легче, если бы ученые располагали

сколько-нибудь достоверными данными о размерах производства, объеме торговли, динамике образования феодального землевладения, взаимоотношениях между городом и деревней и т. д. Но от XII в. до нас дошли только четыре *жалованные грамоты* на владение землями, тогда как археологические исследования выявили не один десяток появившихся в XII в. феодальных усадеб. От XIII столетия, например, сохранилось всего 26 подлинных актов — *жалованных, договорных, судных грамот*. Поэтому понятна приблизительность суждений на эту тему, хотя они и опираются на выявленные факты.

Распространение вотчин и усадеб обусловило складывание слоя землевладельцев, которые были объединены уже не только связью с конкретным князем, но и общими местными интересами. Применительно к XII в. летописи сообщают о влиятельных корпорациях бояр киевских, черниговских, полоцких, которые могли не только помочь «своему» князю в борьбе с другим претендентом на престол, но и выступить против неугодного князя. Достаточно напомнить, как был отравлен на пиру у киевского боярина в 1157 г. Юрий Долгорукий. Создание корпораций местных землевладельцев, заинтересованных в развитии «своего» княжества, неминуемо должно было вступить в противоречие с интересами Киева: местному боярству нужен был князь, способный обеспечивать и оберегать его интересы. Так, потомки сына Владимира Мономаха Мстислава утвердились в Смоленске и на Волыни, Владимирская земля досталась сыновьям другого сына — Юрия Долгорукого, а в Чернигове осели Ольговичи — наследники соперника Мономаха Олега Святославича.

XII столетие — время становления и расцвета многих древнерусских городов. Однако появление новых экономических, политических и культурных центров, в свою очередь, не могло не подрывать могущество Киева, ведь окрестные землевладельцы да и крестьяне были связаны прежде всего со «своим» городом — его рынком, мастерскими, храмами и монастырями. Купцы и ремесленники также были заинтересованы в процветании «своего» города и развитии его торговых связей. Таким образом, не «натуральное хозяйство»,

а именно развитие сельского хозяйства и ремесла, формирование феодальных усадеб и новых городских центров способствовали установлению новых политических форм средневекового общества на Руси, расцвету его экономики и культуры.

Не было утрачено и государственное единство: главой новой политической системы (иногда ее называют «федеративной монархией») выступал великий князь киевский, но его «старейшинство» определялось уже не генеалогическим положением, а реальной властью. За обладание Киевом боролись четыре самых крупных княжеских клана: черниговские Ольговичи, волынские Изяславичи, владимирские Юрьевичи и смоленские Ростиславичи (три последних рода вели происхождение от Владимира Мономаха). Русские князья были связаны сложной системой договоров, где за терминами *отец, брат старейший, брат молодший* стояли вассальные отношения: старшие князья наделяли младших *волостями*, а те обязывались военной службой и приносили присягу: «Хочу... подле тебя ездити». В девяти княжествах власть закрепилась за отдельными ветвями династии Рюриковичей, в четырех (Киев, Новгород, Переяславль Русский, Псков) за княжеский стол боролись различные группировки.

Напряженные отношения князей с боярами и горожанами сложились в Галицко-Волынской земле. Внутренняя борьба осложнялась здесь постоянным вмешательством в нее соседних государств — Польши и Венгрии. Князя Ярослава Осмомысла (1153—1187) арестовали его же бояре. Вместе с жителями Галича они изгнали незаконного сына князя и сожгли княжескую любовницу. На рубеже XII—XIII вв. Роман Мстиславич (1199—1205) сумел объединить под своей властью галицкие и волынские земли, но после его гибели на галицкий стол стали претендовать представители других линий — черниговские Ольговичи, владимирские Юрьевичи, киевский князь Рюрик Ростиславич. Одновременно с ними за богатые галицкие земли сражались венгерский король Андрей и польский князь Лешко. Приглашенные в Галич дети новгород-северского князя Игоря Святославича, начавшие настоящую войну с боярством, в итоге были

повешены. В ходе этой смуты в княжество неоднократно вторгались польские и венгерские войска. Им поочередно правили венгерские королевичи Коломан и Андрей, князь Мстислав Удалой, черниговские князья Михаил Всеволодович и Ростислав Михайлович, а в 1212 г. даже боярин Владислав (единственный случай на Руси).

Молодого **Даниила Романовича Галицкого (1221—1263)** бояре не раз вынуждали покидать княжество. Только к концу 30-х гг. XIII в. он смог окончательно утвердиться на княжении и даже временно подчинить Киев. В середине XIII в. Даниил стал одним из самых сильных русских князей. Он провел военную реформу и создал у себя регулярную пехоту. Признав свою зависимость от Монгольской империи, Даниил в то же время заключил союз с Венгрией и даже — в расчете на помощь против татар — в 1254 г. принял от римского папы королевский титул. В том же году он предпринял успешный поход в литовские земли и Черную Русь (часть современной Белоруссии), после чего заключил союз с литовским князем Миндовгом, зятем которого стал его сын Шварн. Другого сына Даниил женил на австрийской принцессе и пытался посадить его на трон австрийского герцога. Дочь его в 1250 г. была выдана замуж за брата Александра Невского, великого князя владимирского Андрея, с которым Даниил, по-видимому, заключил союз в борьбе против татар. Однако в 1259 г. под угрозой татарского похода Даниил вынужден был срыть все свои укрепления и признать себя данником Золотой Орды. По заданию Даниила был составлен «Летописец», утверждавший его права на Галич.

После смерти князя его дети объединили в своих руках Галицко-Волынскую землю и Литву, но это объединение оказалось непрочным. Лев Данилович (1264—1301) сумел присоединить к своей державе Закарпатье и претендовал на польский трон. Но при его преемниках положение княжества в окружении Орды и крепнувших соседей — Литвы и Польши — стало ухудшаться. В 1323 г. оба правнука Даниила — Лев и Андрей Юрьевичи — умерли или погибли (возможно, в результате происков Орды), а в середине XIV в. га-

лицко-волынские земли были захвачены Польшей и Великим княжеством Литовским.

Полоцкое княжество уже в XII в. распалось на несколько мелких уделов. В середине XIII в. на полоцком столе оказались князья литовского происхождения, а в начале XIV в. это княжество также вошло в состав Литвы. Киевское боярство, озабоченное непрекращавшейся борьбой за киевский стол, в последней четверти XII в. стало приглашать одновременно двух князей из соперничавших ветвей. Так, в эпоху «Слова о полку Игореве» в Киеве правили Святослав Всеволодович из черниговских Ольговичей и Рюрик Ростиславич из Мономаховичей. Черниговское княжество в начале XIII в. пережило недолгий расцвет, но затем подверглось сильнейшему разорению со стороны монголов. Его столица из запустевшего Чернигова была перенесена в более спокойный Брянск.

В XII — начале XIII в. «золотой стол» Киева оставался притягательным для князей, но на смену Киеву уже выдвигались новые политические центры со своими особенностями. О них и пойдет речь ниже.

■ **Владимирское «царство».** Расположенное на Северо-Востоке Руси, это княжество представляло собой огромную, слабо заселенную территорию волго-окского междуречья, куда в X—XI вв. устремился колонизационный поток. Первоначально здесь обосновывались небольшие сельские общины. По соседству с родоначальным большим поселением располагались курганный могильник и городище-убежище или культовый центр. К концу XI в. на территории современного московского региона появляются первые города (Волоколамск и, очевидно, Москва, называвшаяся тогда Кучково). Основой процветания княжества стало *ополье* — плодородная безлесная территория, где возникли древнейшие города края Ростов и Суздаль.

Владимирские князья активно содействовали этому строительству: вместе с крестьянами-поселенцами в новые места двинулись и княжеские дружинники. Владимир Мономах основал на Клязьме в 1108 г. будущую столицу — Владимир, а также город Ярополч. Ростово-Суздальская земля досталась в удел одному из сыновей Владимира — **Юрию Долгоруко-**

му (1125—1157). При нем строилась не только пограничная Москва, но и Углич, Дубна, Переяславль-Залесский, Юрьев (Польской), Звенигород, Коломна, Дмитров. Позднее появились Городец, Микулин, Кострома, Устюг. В XIII в. владимирскими князьями были основаны Тверь, Галич (Мерьский) и Нижний Новгород. Эти княжеские центры интенсивно росли и развивались, их население поддерживало князей в конфликтах с боярством и претендентами на престол из других княжеских домов.

Другой опорой владимирских князей стали известные по Владимирской летописи XII в. «дворяне» — низшие слуги княжеского двора, назначавшиеся за верную службу на административные должности и получавшие от князя содержание. При этом владимирские «дворяне» являлись не *вассалами* князя (т. е. слугами, связанными с сюзереном определенными договорными отношениями), а *министериалами-«милостниками»*, целиком зависевшими от княжеской воли и расположения.

Вассалитет — система отношений между феодалами. Основана на договоре и взаимных обязанностях: вассал обязан нести военную службу, участвовать в совете сеньора и выкупать его из плена; сеньор должен защищать вассала и его имущество. Договор скреплялся особым обрядом — оммажем и клятвой верности сеньору. Неисполнение обязанностей влекло за собой расторжение договора и нередко — войну.

Министериалы — несвободные слуги короля (князя) или крупного феодала, которые выполняли военную или административно-хозяйственную службу при дворе. Их отношения с господином не регулировались договором; за верную службу князь мог награждать слуг жалованьем или земельными владениями, а также отобрать их.

Опираясь на городское население и дворян, владимирские князья в XII в. могли концентрировать в своих руках значительные силы и средства. До 10-х гг. XIII в. княжество не дробилось на уделы, и потомки Юрия Долгорукого могли проводить активную внут-

реннюю и внешнюю политику. **Андрей Боголюбский (1157—1174)** совершил удачные походы на Волжскую Булгарию, подчинил Рязанское княжество, вмешивался в дела Южной Руси и сажал на киевский престол «подручных» князей. С 1158 г. он осуществлял обширную строительную программу: были созданы такие шедевры древнерусской архитектуры, как княжеский Боголюбовский замок под Владимиром, Успенский собор во Владимире и церковь Покрова на Нерли.

Новая держава имела свои святыни: икону Владимирской Богоматери с повестью о ее «чудесах» и святого-покровителя — канонизированного епископа Леонтия Ростовского. При князе Андрее были созданы такие памятники владимирской литературы, как «Сказание о Леонтии Ростовском», «Сказание о победе над волжскими болгары», «Сказание о чудесах Владимирской иконы Богоматери». Есть предположение, что сам князь Андрей является автором «Слова о праздновании 1 августа» — дня победы над болгарами и нового праздника Владимирской земли. Князь даже пытался в 1163 г. основать во Владимире независимую от Киева митрополию. В 1169 г. его войска взяли Киев, Андрей посадил там своего брата Глеба. Придворный летописец оправдывал этот разгром необходимостью наказания непокорных «рукою благочестивой царскою правдивого благоверного князя Андрея». Так гордого и властолюбивого князя впервые на Руси назвали царем. Но князь-«самовластец» не рассчитал своих сил. Коалиция южнорусских князей не дала ему утвердиться в Киеве, его войска потерпели поражение под стенами Новгорода в 1170 г., а сам он в 1174 г. пал жертвой заговора приближенных.

Однако престиж княжества, как и его военно-экономический потенциал, нисколько не уменьшился. Владимирский престол перешел к братьям Андрея — Михаилу и Всеволоду. В конце XII в. автор «Слова о полку Игореве» называл младшего брата Боголюбского **Всеволода III (1177—1212)** самым сильным и авторитетным среди русских князей. В сфере его влияния оставались Рязань и Новгород, на юге ему принадлежало Переяславское княжество, к нему об-

ращались с просьбой быть арбитром в спорах и киевский князь Рюрик Ростиславич, и Роман Мстиславич Галицкий.

Таким образом, особенностями развития Владимиро-Суздальского княжества можно считать сильную центральную власть князя, опиравшегося на города и дворян. Однако не стоит отождествлять государственное устройство той эпохи с властью московских царей XVI—XVII вв., ведь наряду с князьями-«самовластцами» в XII—XIII вв. действовали и другие органы управления, о которых нам известно намного меньше: вечевые собрания во Владимире, Переяславле-Залесском, Ростове. Мы плохо знаем их структуру и функции, но, судя даже по скупым сообщениям летописи, князья вынуждены были с ними считаться. Так, в 1157 г. Андрей Юрьевич, законный князь и наследник, не просто «садился» на престол своего отца, но проходил определенную процедуру утверждения: «Сдумавши ростовцы, и суждальцы, и володимерцы вси, пояша Андрея... и посадиша и на отни столе». Всеволод III в борьбе с претендентами на княжение должен был считаться и с требованиями «людьи вси», а в 1211 г., решая важный для государства вопрос о престолонаследии, князь созвал «бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоанна и игумены, и паны, и купце, и дворяны, и вси люди...». При Всеволоде III Владимирская земля переживает период своего наивысшего расцвета и могущества. В дальнейшем и здесь центробежные силы оказались сильнее: дети Всеволода III основали свои уделы в Ростове, Переяславле, Юрьеве, Угличе и других центрах. Ко времени татарского нашествия существовало уже шесть отдельных княжеств, а к концу столетия их стало семнадцать.

■ **Первая республика.** Другую модель государственного и общественного устройства представляла Новгородская земля — Господин Великий Новгород. В XIX в. декабристы противопоставляли новгородскую «вольность» московскому «деспотизму», да и современные представления о новгородской «демократии» зачастую основаны на фильмах, в которых народ на вече громким криком принимает решение о

войне или мире, а простой мастеровой спихивает с «трибуны» знатного боярина...

К счастью, о Новгороде нам известно больше, чем о других древнерусских землях. Север избежал татарских набегов: здесь лучше сохранились летописи и документы. С 1932 г. в Новгороде постоянно ведутся археологические раскопки, важнейшим открытием которых стали берестяные грамоты. Их число к настоящему времени превышает 900. Исследования подтвердили, что Новгород — это действительно «новый город»: он возник из поселков нескольких объединившихся славянских (кривичей и словен) и угрофинских (мери и чуди) племенных союзов в середине X в., а век спустя была построена первая общегородская крепость-детинец. Однако, говоря о Новгороде, надо иметь в виду не только город, но и обширное государство, никогда, в отличие от других земель и княжеств, не дробившееся на уделы.

В большинстве учебников приводится известная дата — 1136 г., когда новгородцы изгнали неугодного им князя и стали приглашать князей по своему выбору. Но это только один этап на пути оформления особого социального и государственного устройства Новгорода. Его истоки уходят в глубокую древность, когда родоплеменная верхушка разноэтничных славянских и угро-финских племен возглавила эту «федерацию», впоследствии превратившись в новгородское боярство.

В отличие от других земель, где боярином становился княжеский советник или дружинник, новгородским боярином можно было только родиться: лишь представители 40—50 родов (Онциферовичи, Мишиничи, Нездиничи-Мирошкиничи и др.) носили это звание. Археологические раскопки показали, что каждому из этих родов принадлежало по 8—10 усадеб (площадью 1500—2000 м^2 каждая), переходивших из поколения в поколение и на протяжении столетий не менявших своих границ. Такие клановые усадьбы представляли собой мощные хозяйственные комплексы с двухэтажными боярскими хоромами (с балконами, стеклянными окнами и цветными витражами) и многочисленными хозяйственными постройками, где жила челядь и хранились запасы продовольствия,

ремесленными мастерскими, где трудились зависимые люди разных категорий. Усадьбы каждого рода группировались в определенном *конце* (районе) Новгорода и держали под контролем несколько кварталов. Они составляли прочную городскую опору боярских родов, издавна являвшихся настоящими хозяевами города и подвластных ему территорий. В отличие от Киева, где сбор дани осуществлял князь с дружиной, в Новгороде сборщиками дани стали в X—XI вв. новгородские бояре. Они умело использовали эти полномочия для закабаления крестьян: известные древнейшие берестяные грамоты — это как раз записи долгов горожан и смердов, хранившиеся в боярских усадьбах.

В дальнейшем бояре превращаются в землевладельцев, и в XIV в. 90% новгородских владений становятся боярскими вотчинами. Вотчинное хозяйство (целые «погосты» в сотни квадратных километров с десятками деревень) и промыслы давали боярам возможность экспортировать ценные товары, ведь Новгород до XVIII в. был для Руси «окном в Европу» и главным центром торговли с западными и северными странами. Из боярских вотчин поступали тонны воска, десятки тысяч бобровых, беличьих и других шкурок, мед, рыба и «рыбий зуб» (моржовые клыки). Обратным потоком шли западноевропейские товары (сукно, соль, янтарь) и полуфабрикаты (цветные металлы). Все это добро поступало в мастерские ремесленников, а оттуда готовые товары расходились по всей Руси. Былинный Садко — это историческая фигура, правда, он был не купцом, а боярином Садко Сытиничем, на свои средства построившим церковь Бориса и Глеба. Церкви рядом со своими усадьбами строили и другие бояре: местные священники поддерживали влияние «своего» боярина на соседей по улице и кварталу.

Раннее участие в управлении облегчило новгородским боярам подчинение свободных общинников и горожан и захват огромных территорий-вотчин, а обладание вотчинами и городскими хозяйственными комплексами-усадьбами обеспечило боярству контроль за экономикой и политическое господство. Наличие «боярских» ремесленников (по раскопкам

известно уже 150 мастерских) объясняет отсутствие, несмотря на высокий технический уровень производства, профессиональных организаций горожан — цехов.

Но при этом новгородское боярство не было единым. Отдельные кланы, опиравшиеся на свои центры и концы — городские районы, соперничали друг с другом. Вперемежку с боярскими усадьбами на новгородских улицах находились дворы землевладельцев-небояр («житьих людей»), ремесленников, духовенства и прочих «черных людей». Все это население составляло уличанскую общину — прусов (Прусской улицы), витковцев, кузмодемьян — и собиралось на уличанское вече; свое вече было и у каждого из 5 концов. Археологи обнаружили выгороженные и вымощенные для них участки на перекрестках улиц, где новгородцы во время политических споров дружно грызли орехи — их скорлупа так и осталась лежать толстым слоем на мостовой.

Помимо включения в уличанские общины, все небоярское население Новгорода для участия в ополчении и уплаты налогов разделялось на десять *сотен*; во главе этого устройства — *тысячи* — стоял выборный *тысяцкий*, представлявший, таким образом, интересы непривилегированных граждан. Сельское население — *смерды* — находилось в зависимости от землевладельцев-бояр и новгородских властей и обязано было платить дани, *корма* и *проторы* — пошлины администрации, строить крепости на рубежах.

Верховным законодательным органом власти было новгородское вече. Вечевая площадь на Ярославовом дворище около Никольского собора была относительно небольшой (1200—1500 м^2), там находились «степень» (трибуна) для посадников и других руководителей государства и скамьи для прочих участников — на вече не стояли, а сидели, как в настоящем парламенте. Такая площадь не могла вместить более 300—500 человек, что соответствует количеству представителей все тех же боярских кланов. Скорее всего, они-то и заседали на вече, но о его составе и порядке выборов точных данных у нас нет. Поэтому одни историки полагают, что вече состояло исключительно из

бояр — владельцев усадеб, другие считают возможным и более широкий состав представительства через систему кончанских и уличанских вечевых собраний, участниками которых могло быть все свободное население концов и улиц.

Главным представителем исполнительной власти в Новгороде был *посадник* из числа бояр. Однако и князья оказывали серьезное влияние на политику Новгорода через своих сторонников: в XII в. новгородцы часто меняли князей, но и князья выгоняли посадников, используя противоречия между боярскими кланами. Цивилизованной смене власти пришлось долго учиться — нередко посадников изгоняли из города, а то и убивали. Только к XIII в. республиканский строй оформился окончательно: взаимоотношения Новгорода с князьями были урегулированы в договорах, а посадник стал избираться на год из числа пяти пожизненных кончанских посадников. Тогда же новгородское боярство захватило в свои руки и должность тысяцкого, в ведении которого находились организация ополчения, сбор налогов, торговый суд. В дальнейшем состав высшего органа власти постоянно расширялся: с 1354 г. стали избираться 6 посадников, в начале XV в. их количество увеличилось до 18, а к моменту ликвидации Новгородской республики там было 36 посадников, т. е. практически каждый боярский клан имел своего представителя в этой властной структуре. Поэтому новгородские бояре не рассредоточивались по своим вотчинам, а концентрировались в Новгороде — иначе они утратили бы возможность участвовать в борьбе за власть.

С середины XII в. в Новгороде избирали и главу церкви — *архиепископа*, затем направлявшегося на поставление к митрополиту. Новгородский архиепископ хранил государственную казну, утверждал сделки с земельной собственностью, во время конфликтов мирил враждовавшие стороны и нередко выступал в качестве дипломата в отношениях с другими княжествами. У каждого из перечисленных должностных лиц был свой аппарат, каждый из них обладал, в рамках своих полномочий, судебной властью. Их судебные права определялись «Новгородской судной грамотой».

Отношения приглашаемых князей с Новгородом определялись разработанным формуляром договора (первый дошедший до нас относится к 1264 г.). Новгородцы нуждались в князе прежде всего как в политическом союзнике: он должен был обеспечить независимость республики и свободу торговых путей из Новгорода в южнорусские земли, так как в случае политических конфликтов князья-противники легко могли перекрыть новгородским купцам дороги для подвоза хлеба. Поэтому на новгородском столе мог находиться и князь-ребенок или его представитель-наместник. Если возникала необходимость, князь возглавлял (но далеко не всегда) объединенное войско новгородцев и своих дружинников.

Князь раздавал вотчины и отбирал их у провинившихся, осуществлял судебные функции, но только вместе с посадником: «А бес посадника ти, княже, суда не судити, ни волости раздавати, ни грамот даяти. А без вины мужа волости не лишати». Он же скреплял судебные решения своей печатью. За это князь получал доход с определенной территории и взимал судебные пошлины. При заключении договора он целовал крест «на всей воли новгородской», а гарантией его соблюдения был категорический запрет князю и его слугам приобретать в новгородских владениях земли. Таким образом, князь в Новгороде ставился в положение высокооплачиваемого чиновника и мог быть в любое время сменен, поскольку не обладал материальными возможностями для сопротивления «новгородской воле».

Новгородскую «демократию» не стоит идеализировать — большинство населения богатого города находилось в той или иной степени зависимости от боярских кланов, а окрестные крестьяне-смерды вообще не были представлены на вече. Но в боярской республике была создана сложная система «разделения властей»; население города участвовало (на уровне улиц, сотен, концов) в местных органах самоуправления: археологи обнаружили и места уличанских вечевых собраний, и остатки деревянных «палат» суда вместе с массой берестяных грамот о судебных спорах. Рядовые торговцы и ремесленники были грамотными и умели отстаивать свои права: «От Незнанка к

Рюре. Собираешься ли платить 6 гривен? Если не собираешься, то поезжай (на суд) в город» — так корректно приглашал неизвестный нам новгородец своего оппонента разрешить имущественный спор в самом начале XIII в.

Во время восстаний (например, в 1207, 1418 гг.) «черные люди» оказывали давление на боярскую верхушку. Но в Новгороде даже массовые народные выступления не приводили к принципиальным изменениям в политическом строе. Возглавляемые боярами городские районы постоянно боролись друг с другом; широко использовалась социальная демагогия: у власти стоят «плохие» бояре с другого конца, давайте их скинем и поменяем на своих! Так, восстание 1207 г. против посадника Дмитра Мирошкинича из бояр Неревского конца привело к разорению усадеб его сторонников: «...и села их распродаша и челядь, а сокровища их изыскаша и поимаша бещисла, а избыток розделиша по зубу по 3 гривне, и от того многи разбогатеша», и власть перешла в руки другой боярской группировки с Людина конца. В итоге боярство смогло полностью подчинить своей воле все политические институты Новгорода. Но их господство как раз и подорвало социальную базу республики. К моменту решающего столкновения с Москвой в 70-е гг. XV в. рядовые новгородцы вовсе не горели желанием защищать боярскую олигархию; в республике произошел раскол: «И разделишася людие — инии хотяху за князя (Ивана III), а инии за короля за Литовского».

Но в XIII в. Новгород уверенно утверждал свою независимость, как и другие русские земли.

■ **Господство Орды.** Непрерывные усобицы и непрочные политические союзы подрывали стабильность политической системы. Как раз накануне монгольского вторжения, в 1235 г., князья Южной Руси затеяли очередную усобицу и Киев несколько раз переходил из рук в руки.

Нашествие 1237—1240 гг. поставило русские земли под контроль восточного улуса великой Монгольской империи — Золотой Орды. О социально-экономических последствиях ордынского господства речь пойдет ниже (см. главы 4 и 5). Здесь же важно отметить,

что правители Орды сумели использовать в своих целях политическую раздробленность Руси и существовавшие традиции взаимоотношений между князьями.

Все русские князья разом утратили свой суверенитет. С 1243 г. получение ими княжеского стола зависело от воли хана, подтверждавшейся выдачей им соответствующего документа — *ярлыка* на княжение. По призыву хана князья должны были выступать со своими войсками и участвовали в походах на Польшу, Литву и Северный Кавказ. Для закрепления своего господства Орда использовала систему Великого княжения Владимирского. Получивший в Орде ярлык на великое княжение прибавлял (временно) к своим владениям и обширную территорию великого княжества (Владимир, Переяславль-Залесский, Кострома, Нижний Новгород, Вологда) и становился новгородским князем. Таким образом, он оказывался самым могущественным среди прочих князей, чтобы поддерживать порядок, прекращать усобицы и обеспечивать бесперебойное поступление дани. Но как только такой князь становился настолько сильным, что казался Орде опасным, ярлык на великое княжение отбирался у него и передавался сопернику, что гарантировало раздоры среди князей и их борьбу за ярлык при ханском дворе.

Для контроля и своевременной информации о положении на Руси в крупных городах оставались доверенные лица хана — *баскаки*, которые наблюдали за сбором дани и деятельностью князей. С этой же целью в приграничной полосе целые города с округой (Переяславль, Коломна, Тула, Елец) передавались татарским правителям. Периодически на Русь наведывались «сильные послы» из Орды с вооруженными отрядами, которых надо было обеспечить подводами и всем необходимым («татарский проезд» и «татарский ям»). В случае неповиновения следовали карательные экспедиции («Неврюева рать» 1252 г., «Дюденева рать» 1293 г., поход на Тверь в 1327 г. и др.). По мере упрочения господства Орды сбор дани переходил из рук среднеазиатских купцов-откупщиков («бесерменов») к самим князьям. Карательные походы сменялись репрессиями против отдельных князей — так погибли Михаил (1318 г.) и Александр

(1339 г.) Тверские, Иван Рязанский (1327 г.), Федор Стародубский (1330).

Продуманная система мер обеспечила Орде достаточно эффективный контроль за русскими землями. В первой половине XIV в. ханы умело поддерживали и разжигали противостояние московских и тверских князей. В новых условиях постепенно перестали созываться вечевые собрания — последние упоминания о них относятся к началу XV в. Наконец, политическое господство Орды стимулировало раздробленность. Так, по распоряжению хана Узбека выделилось (для ослабления Москвы) в 1341 г. Великое княжество Нижегородское; в 1328 г. разделилось надвое Великое княжество Владимирское.

Ордынское иго означало не только потерю суверенитета и материальные тяготы, оно произвело сдвиг в традиционном укладе жизни и отменяло привычные морально-правовые нормы. Князья разоренных и ослабленных северо-восточных земель после смерти Александра Невского вели почти беспрерывную борьбу за великокняжеский престол. Летописи и литературные произведения тех лет содержат немало примеров произвола и преступлений боровшихся за ярлыки князей, «несытовства имения» их слуг и подручных. После разбойных набегов на поволжские города православные новгородцы продавали в Орде захваченный ими в Костроме или в Нижнем Новгороде русский «полон». Тверичи столь же варварски разгромили новгородский город Торжок в 1372 г.: «И бысть пагуба великая христианом, овы огнем погореша во дворе над животы, а друзии выбежаша в церковь, в святый Спас, и ту издахошася, и огнем изгореша много множество, инии же бежаче от огня в реце, в Тферци истопоша, и добрые жены и девицы видяще над собой лупление от тферич, а они одираху до последней наготы, его же погании не творят...» «Ненависть на другы» сочеталась с сознанием собственной беззащитности; летописец с горечью записывал свои впечатления от творящейся вокруг несправедливости: «И бяше видети дело стыдко велми страшно, и хлеб в уста не идет от страха». Сменилось не одно поколение, прежде чем русские земли смогли восстановить свой потенциал, вступить в борьбу с Ордой и победить.

■ **«Собирание земель».** «Кто то знал, что Москве государством слыти?» — спрашивали в ту эпоху русские книжники и летописцы, пытаясь осмыслить процесс объединения Северо-Восточной Руси под руководством московских великих князей. После смерти Александра Невского в 1263 г. наступило временное ослабление великокняжеской власти. Его дети — Дмитрий и Андрей — вели непрерывную усобицу и с помощью татарских войск поочередно захватывали великокняжеский престол. В ходе этой борьбы князь Дмитрий Александрович при помощи своего брата, московского князя Даниила, одержал первую военную победу над войсками одного из ордынских «царевичей». На подвластных ему территориях произошло важное изменение в порядке сбора ордынской дани: ее теперь собирали не татарские чиновники, а сами русские князья. Но беспрерывные войны и набеги привели к разорению основной территории великого княжества. К началу XIV в. на его окраинах складываются новые политические центры — Тверь, Москва, Нижний Новгород.

Тверской и владимирский великий князь **Михаил Ярославич (1305—1318)** первым принял титул «великого князя всея Руси»; именно в Твери был построен первый после нашествия каменный собор, а в 1305 г. составлен летописный свод общерусского характера. Но в продолжавшейся несколько десятилетий борьбе тверских и московских князей за гегемонию на Руси победа оказалась на стороне последних.

Основы будущего могущества Москвы заложил **Даниил Александрович (1276—1303)**: к нему в относительно спокойную «залесскую» землю стали выезжать киевские и черниговские бояре — Федор Бяконт, Нестер Рябец вместе со своими слугами. При Данииле у Смоленского княжества был отнят Можайск, а у Рязани — Коломна и присоединен Переяславль-Залесский. Сын Даниила Юрий сумел овладеть выморочным Городецким княжеством; в 1314 г. он занял стол в Новгороде Великом, в течение многих лет соперничал с Михаилом Тверским за великое княжение и все-таки добился своего в 1317 г., взяв в жены ханскую дочь. Задиристого московского князя убил в Орде сын казненного татарами Михаила Ярос-

лавича, за что и сам поплатился жизнью. Престол вновь перешел к тверскому князю Александру Михайловичу, но подавление вспыхнувшего в Твери восстания против татар привело к разгрому княжества.

Великим князем стал коварный и расчетливый **Иван Данилович Калита (1325–1340)**. Он пять раз ездил с богатыми дарами в Орду и сумел закрепить за собой и своими детьми Великое княжение Владимирское, руками хана устранил в 1339 г. своего главного соперника — Александра Михайловича Тверского и выпросил у повелителя Орды в пожизненное владение Углич, Галич, Белоозеро, обязавшись вовремя выплачивать дань с этих земель. Хозяйственный князь покупал и «примысливал» даже отдельные села в соседних княжествах. Освоение новых земель, щедрые пожалования и покровительство князя Ивана привлекали в Москву и крестьян, и феодалов из окрестных земель, разоренного Владимира и самой Твери. Так, на московской службе оказались бояре Годуновы, Романовы, выходцы из Литвы (князья Голицыны, Хованские) и ордынские «царевичи». Иван Калита отстроил новые дубовые стены Кремля и первые московские белокаменные соборы. С 1326 г. Москва стала и церковной столицей Руси — резиденцией митрополита. Своим детям Калита завещал, чтобы они управляли совместно и получали доход с Москвы и ее окрестностей по «третям», что исключало дробление и войны за обладание крупнейшим экономическим центром.

Накопленный в правление Ивана Калиты и его детей военно-экономический потенциал позволил его внуку **Дмитрию Донскому (1359–1389)** не только сохранить за собой великое княжение: при Дмитрии в него включаются собственно московские земли, к которым присоединяются Галич, Дмитров, Белоозеро. Московские бояре и слуги были заинтересованы в этом процессе: они становились воеводами, судьями и наместниками на территории великого княжения и здесь же получали новые пожалования — вотчины. Вслед за ними на московскую службу потянулись и владельцы мелких уделов. Одновременно князь реформировал сложившуюся систему управления: в 1374 г. он упразднил связанную с прежними вольнос-

тями должность московского тысяцкого. По давней традиции тысяцкий ведал ополчением, торговлей и таможенными пошлинами — эту должность можно сопоставить с постом премьер-министра и столичного мэра. В 1367 г. в Москве были возведены новые укрепления — белокаменный Кремль, в 1368—1372 гг. трижды выдержавший осады литовских войск князя Ольгерда, с которым заключил союз главный противник Москвы — тверской князь Михаил Александрович. Вскоре Дмитрий начал борьбу с Ордой, внутри которой в то время шла отчаянная война между претендентами на ханский трон.

Центральным событием в истории Руси XIV в. стала Куликовская битва. Однако следует напомнить, почему победа в ней стала возможной. За 6 лет до Мамаева побоища — после съезда князей в Переяславле-Залесском — Дмитрий Иванович прекратил выплату дани Орде, а затем в 1375 г. провел совместный поход против Твери, и тверской князь признал себя его вассалом. *Таким образом, Москве впервые удалось создать и возглавить союз русских княжеств — это и была главная историческая заслуга князя Дмитрия, его бояр и митрополита Алексия.*

Затем несколько лет шла «пограничная» война с татарами, в ходе которой московские войска в 1377 г. потерпели поражение на р. Пьяне, в 1378 г. разгромили на р. Воже ордынское войско мурзы Бегича, а затем и основные силы Орды в 1380 г. на Куликовом поле. Ситуацию не смогли принципиально изменить ни поход хана Тохтамыша и сожжение Москвы в 1382 г., ни возобновление выплаты «выхода». Дмитрий Донской не только сохранил за собой великое княжение, но накануне смерти, в 1389 г., передал его своему сыну **Василию Дмитриевичу (1389—1425)**. Тохтамыш вынужден был с этим согласиться — у московского князя больше не было в Северо-Восточной Руси соперника достаточно сильного, чтобы с ханской помощью решить вопрос иначе.

В это же время процесс объединения шел и в других странах: Франции, Испании, Польше. Преодоление раздробленности и образование единых национальных государств — закономерность в развитии европейских стран в эпоху позднего средневековья.

Но чтобы подобное объединение стало возможным, необходим ряд условий или предпосылок.

Во-первых, по мере экономического развития создаются более или менее устойчивые связи между отдельными землями, княжествами, государствами, а развитые города начинают поддерживать объединительную политику власти.

Во-вторых, потребность в объединении стимулируется оформляющимся национальным сознанием, что нередко происходит в процессе длительных войн или отражения агрессии, и требует, в свою очередь, концентрации сил. Так, Испанское государство складывалось в ходе Реконкисты (войны с мусульманами-маврами), австрийская держава Габсбургов — в борьбе с турецким завоеванием; объединению Франции способствовала Столетняя война с Англией. Для княжеств Северо-Восточной Руси таким фактором стала борьба с Золотой Ордой, начавшаяся во второй половине XIV в.

В-третьих, для успешного объединения нужно наличие экономического, политического и культурного центра, обладающего мощным потенциалом, способного возглавить объединительный процесс и довести его до конца. В ходе развития феодального землевладения и беспрерывных войн складывался и слой служилых людей, которым были необходимы сильный правитель и единое государство. В этом же были заинтересованы и другие группы населения — горожане и купцы, а также такая влиятельная сила, как церковь.

Все эти предпосылки на практике тесно взаимосвязаны, и отсутствие какой-либо из них может серьезно замедлить процесс объединения: так, экономически развитые Германия и Италия до XIX в. не обладали государственным единством и представляли собой систему мелких и мельчайших княжеств, герцогств и епископств. Там же, где происходит объединение, соотношение между названными предпосылками, их роль различны и зависят от конкретно-исторических условий, поэтому столь непохожими оказались французская, английская, польская и российская монархии.

Москва стала безусловным лидером в процессе «собирания земель». Уже в 1392 г. Василий Дмитриевич захватил и присоединил к Москве Нижний Новгород, затем — Муром, Городец, Мещеру, Тарусу, Ржев. Он попытался — правда, неудачно — подчинить и Великий Новгород: в 1397 г. войска князя захватили старинную новгородскую волость — Двинскую землю. С 1399 г. Псков стал постоянно принимать князей «от руки» великого князя, а рязанский князь по договору 1402 г. отказался без согласия Москвы вступать в какие-либо отношения с Литвой. В начале XV в. появились и знаменитый символ власти московских князей — «шапка Мономаха», и первый общерусский летописный свод — Троицкая летопись 1408 г.

Ведущее положение Москвы не поколебала и война между потомками Дмитрия Донского — сыном Василия Дмитриевича **Василием II (1425—1462)** и его дядей, князем Звенигородским и Галичским Юрием. Дважды (в 1433 и 1434 гг.) князь Юрий лишал своего соперника московского стола и умер в Москве. После этого Василий II вернул себе столицу, но в 1445 г. попал в плен к татарам и обязался выплачивать огромный «окуп». Тогда сын Юрия, Дмитрий Шемяка, в 1446 г. вновь захватил Москву, ослепил Василия и взял с него «проклятую грамоту» об отказе от великого княжения.

Затяжная усобица между членами московского дома показала прочность созданной в Москве военно-политической структуры. Противники московского князя были энергичными правителями и хорошими полководцами. Они вовсе не хотели возвращаться к временам раздробленности и в отличие от Василия II вели активную борьбу с Ордой. Галичские князья стремились восстановить «старину» в виде федерации самостоятельных княжеств под главенством Москвы и опирались на свои «дворы» и провинциальные земли. На стороне Василия II оказались московское боярство и государев двор, которые *«не повыкли служити уделным князем»*, а также церковь. Они помогли своему князю вернуть престол. После изгнания из Москвы в 1447 г. Дмитрий Шемяка пытался создать на Севере свое государство со столицей в Устюге, но

был разбит, бежал в Новгород, где был отравлен в 1453 г. Василий II расправился с помогавшим Шемяке удельным можайским князем, разгромил в 1456 г. новгородские войска, ликвидировал серпуховский удел.

Феодальная война могла лишь замедлить «собирание земель», но не остановить его, тем более что и Тверь, и Новгород в то время стремились только сохранить свою независимость и не претендовали на гегемонию. Завершающий этап объединения пришелся на время княжения правнука Дмитрия Донского — **Ивана III (1462—1505)** и его сына **Василия III (1505—1533)**.

Иван III по праву заслужил имя Грозного — так стали впервые называть именно его, а не его внука. Еще при жизни отца он был объявлен в 1451 г. его соправителем и с 12 лет начал участвовать в военных походах. Позднее Иван III стал первым из московских князей, который перестал лично водить полки и не участвовал в сражениях. Расчетливый и беспощадный политик, искусный дипломат, он был организатором московских побед, продумывая даже мелочи. Так, в поход на Новгород он отправил не только военных, но и дьяка с летописями, должным образом отредактированными, чтобы с их помощью продемонстрировать новгородцам их «неправды».

При Иване III процесс объединения земель Северо-Восточной Руси вступил в завершающий этап. По завещанию отца он получил большую часть владений — 16 городов, тогда как четырем его братьям досталось только 12. Материальные возможности и военная сила Москвы были подавляющими: в 1463 г. был присоединен Ярославль, в 1474 г. ростовские князья продали Ивану III вторую половину Ростова (первую половину присвоил еще Иван Калита). В 1471—1478 гг. после упорного сопротивления покорился Новгород; республиканское правление было уничтожено, и московская территория сразу увеличилась в два раза. В 1485 г. объединенное московское войско осадило Тверь, и последний тверской князь бежал в Литву. В 1489 г. была присоединена Вятская земля.

При Василии III в 1510 г. была ликвидирована независимость Пскова, в 1514 г. у Литвы отвоеван Смоленск, в 1521 г. присоединена Рязань. Таким образом, все основные земли Северо-Восточной Руси перешли «под высокую руку» великого князя московского. В год смерти Василия III его владения составляли 2 800 000 км^2, что в шесть с половиной раз превосходило размеры княжества его отца в 1462 г.

В 1485 г. Иван III принял титул «государя всея Русии». В 1497 г. появился новый знак государственной власти — большая печать с официальным изображением герба — двуглавого орла. Вопреки распространенным представлениям, державный орел не является «гербом Византии», а скорее всего взят из государственной символики Священной Римской империи. Именно при Иване III Москва стала столичным городом европейского масштаба. Государь начал грандиозное строительство: под руководством итальянских архитекторов и инженеров были возведены кирпичные стены и башни нынешнего Кремля, великокняжеский дворец с Грановитой палатой и ансамбль храмов Соборной площади.

Однако «собирание земель» еще не означало подлинного государственного единства. По давней традиции московские князья выделяли своим детям уделы. Княжества братьев Ивана III и Василия III представляли собой хотя и небольшие, но самостоятельные государственные образования, не связанные между собой земли. У удельных князей были свои бояре и слуги, полки, с которыми они ходили на войну, своя казна и администрация. В своих владениях князья сами выдавали жалованные грамоты. Со старшим братом они заключали договоры — *докончания*. Удельные князья при Иване III не имели права чеканить монету и вести самостоятельную внешнюю политику, но зато как члены московского княжеского дома они имели право на престол, и великим князьям приходилось постоянно держать своих родственников под контролем.

В 1480 г. братья Ивана III, Андрей и Борис, воспользовавшись тем, что шла война с Ливонским орденом и выступил хан Ахмат, подняли мятеж и потребовали передела земель. В 1491 г. Иван III за

очередное ослушание «поймал» своего брата Андрея Угличского и ликвидировал его удел, но перед смертью вновь выделил владения детям, и Василию III опять пришлось иметь дело с уделами своих братьев. Поскольку у великого князя долгое время не было детей, он запретил братьям жениться, в результате чего к концу своего правления присоединил выморочные Волоцкий, Калужский и Угличский уделы; но еще сохранялись княжества Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого. Таким образом, к началу XVI в. была в целом ликвидирована старая политическая система — федерация больших и малых княжеств, где великое княжение являлось коллективной собственностью всего рода московских князей. Но следы ее в виде уделов сохранялись до конца XVI в.

Помимо уделов, в рамках московских владений находились на правах вассалов князья Стародубские, Мстиславские, Одоевские, Воротынские, перешедшие на московскую службу из Литвы вместе со своими княжествами. Эти «служилые князья» оставались полными хозяевами своих пограничных земель, имели бояр и слуг и даже укрепленные города — Воротынск, Венев, Епифань. Самостоятельную структуру представляла и церковь: митрополит и епископы владели значительными вотчинами, имели бояр и светских слуг, которых наделяли землей.

На присоединенных территориях (например, в Ярославском княжестве) местные князья перестали быть суверенными государями, но сохранили свои вотчины уже как «пожалование» великого князя. На этих землях по-прежнему действовала их администрация (волостели и таможенники), князья собирали дань и сохраняли право суда по всем делам. Сами же эти территории сохраняли многие права и особенности. Новгородская земля имела свою денежную систему (новгородская деньга была вдвое тяжелее московской) и единицу налогообложения — *обжу*. Новгород сохранил кончанское деление, администрацию и судебные порядки; тамошние землевладельцы должны были нести военную службу в пределах своей территории, а купцы имели монопольное право на торговлю с Ливонией. После присоединения Смоленска в

1514 г. жалованная грамота давала горожанам целый ряд налоговых привилегий. На территории страны действовали разные нормы взимания даней.

■ **Строительство державы.** Начавшееся с конца XIII в. восстановление экономики Руси, отрезанной от морских торговых путей и разоряемой ордынским «выходом», шло медленнее по сравнению с западноевропейскими странами, где уже нарождался буржуазный уклад. Приходилось как бы заново «повторять» пройденный путь, возрождая устойчивое феодальное хозяйство, городское ремесло, денежное обращение. Лишь к концу XIV в. страна достигла домонгольского экономического уровня. В процессе создания единого государства на первый план вышли не столько экономические, сколько политические факторы, и прежде всего необходимость противостояния Золотой Орде и другим соседям: Литве, Ливонскому ордену, Швеции.

Главной задачей Ивана III и его наследников с 80-х гг. стало не просто собирание земель и княжеств, а превращение их в единое государство. Быстрое объединение территорий со своим укладом жизни и правовыми нормами при относительно низком уровне экономического развития и торговых связей делало новую державу внутренне непрочной, рыхлой, поскольку в обществе еще не созрели условия для внутреннего единства многочисленных бывших уделов, городов и разнородных слоев знатных и незнатных вотчинников и «вольных слуг».

Выход был найден в строительстве централизованного аппарата управления и развитии условной формы феодального землевладения, т. е. такой формы обеспечения военной и гражданской службы, которая ставила землевладельца-помещика в прямую зависимость от государя и центральных властей.

Базой для формирования новой системы управления стало великокняжеское хозяйство — *дворец* и *государев двор* (см. главу 4). Канцелярия «дворца» уже накопила опыт и кадры специалистов; с 60—70-х гг. XV в. они смогли создать систему государственной документации — посольские, разрядные, писцовые книги. Государев двор в начале XVI в. включал уже не только старые боярские, но и княжеские роды, до-

бровольно или не совсем переходившие на московскую службу. Московским государям служили князья ярославские (Курбские, Сицкие), оболенские (Долгоруковы, Репнины), суздальские (Шуйские), ростовские (Темкины, Лобановы), а также отпрыски литовской династии Гедиминовичей — князья Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие.

В 1517 г. впервые в источниках появляется термин *дума*, где 5—10 бояр и столько же окольничих стали ближайшими советниками государя. Из состава «двора» выбирались *наместники* и *волостели*, которых великий князь ставил во главе новых территориальных единиц — *уездов*, делившихся на *волости* и *станы*. При отсутствии на местах готового аппарата управления наместники приезжали на службу со своим «двором» — вольными слугами и холопами. Деятельность наместников на такой должности — *кормлении* регулировалась специальными «уставными грамотами»; они определяли объем полномочий и размер содержания — *корма*, который должно было предоставлять (деньгами и натурой — мясом, рыбой, овсом) местное население. Наместник творил суд по уголовным и гражданским делам и взимал в свою пользу штрафы и судебные пошлины. Но во избежание злоупотреблений он должен был судить только с участием местных выборных — *сотских* и *добрых людей*, а его решения могли быть обжалованы в Москве.

С начала XVI в. из отдельных поручений (*приказов*), дававшихся боярам и другим слугам князя, стали вырастать специальные государственные учреждения — Посольский, Разрядный, Конюшенный и другие *приказы*. К середине века действовала уже система важнейших общегосударственных приказов: Разрядный, Посольский, Ямской, Большого прихода, Разбойный; существовал и особый Челобитенный приказ, принимавший жалобы на работу других органов управления. В приказах работали чиновники — дьяки и подьячие. Таким образом, рубеж XVI в. стал временем рождения российской бюрократии — профессионалов-управленцев, назначавшихся «сверху вниз» и не подлежавших контролю со стороны управляемых. Образованные и талантливые дьяки — Федор Курицын при Иване III, Иван Висковатый и братья

Щелкаловы при Иване IV — становились в XVI в. ближайшими советниками государя и занимали почетное место в Боярской думе (*думные дьяки*).

При Иване III складывается и общегосударственная система связи — *ямская гоньба*. Крестьяне расположенных по большим дорогам сел становились потомственными ямщиками: они были обязаны перевозить от одной станции — *яма* до следующей казенные грузы и людей: гонцов, послов, воевод.

В едином государстве утверждаются и единые нормы судоустройства и судопроизводства, закрепленные в *Судебнике* **1497 г.** Этот документ подробно классифицировал виды преступлений (тогда впервые были запрещены взятки — *посулы*), регламентировал проведение судебного поединка — *поля*, нормы судебных пошлин и порядок выдачи судебных актов. Впервые вводился принцип опроса представителей местного населения под присягой в случае отсутствия против подозреваемого бесспорных улик; при этом голоса феодалов и прочих «добрых христиан» были равноценны. В повседневной практике Иван III и его дьяки систематически ограничивали при выдаче жалованных грамот судебные права крупных землевладельцев: из их ведения изымались самые тяжкие преступления — «душегубство, разбой и татьба с поличным».

Проходившее на глазах двух-трех поколений людей становление новой государственности не могло не вызвать в обществе осмысления этого процесса в рамках средневековых представлений. Сначала московские власти обосновывали свои права на бывшие древнерусские земли как «отчину» своих предков. Сам Иван III, согласно летописному своду 1472 г., так приказал объявить новгородцам о преемственности своей власти: «Отчина есте моя, людие новгородстии, изначала от дед и прадед наших, от великого князя Володимира, крестившего землю Рускую, от правнука Рюрикова, первого великого князя в земле вашей».

Но возвышение Москвы совпало с другим событием мировой истории — падением Византийской империи. Церковная уния, заключенная в 1439 г., согласно которой православная церковь признавала католические догматы и верховенство римского папы, не об-

легчила положения Византии. Западные страны не оказали империи военной помощи, и в 1453 г. Константинополь был взят турецким султаном Мухаммедом II. Московское царство стало единственным самостоятельным могущественным православным государством в мире. В сознании московских книжников падение тысячелетнего православного царства было связано с тем, что греки «испроказили» веру.

Следствием этих событий стало появление в конце XV — начале XVI в. ряда публицистических произведений. Митрополит Зосима в 1492 г., обосновывая религиозную преемственность Руси от Византии, называл Москву «новым градом Константина», а Ивана III «новым царем Константином». Самым известным стало выражение «Москва — Третий Рим» из посланий псковского монаха Филофея Василию III. Он называл Москву столицей истинной христианской веры и церкви после падения Рима и Константинополя: «Все царства православные христианские веры снидошася в твое едино царство». При этом главной задачей царя должны были стать поддержка истинного благочестия, устройство церковных дел и искоренение пороков.

Однако такая церковная постановка вопроса была слишком узкой. С расширением международных связей России и задач внешней политики великий князь нуждался в достойном обосновании места и роли России в европейском историческом процессе. Официальная идеология нового государства была выражена в «Сказании о великих князьях Владимирских». Согласно его содержанию, киевские и московские великие князья вели свое происхождение от римского императора Августа: от его «сродника» Пруса произошли Рюрик и его потомки, получившие в свою очередь (Владимир Мономах) из Византии знаки императорской власти. Это положение стало с 1554 г. использоваться московскими дипломатами на переговорах как аргумент, подтверждающий право Ивана IV на царский титул.

■ **Альтернативы XVI столетия.** Шестнадцатый век в нашей истории тесно связан с образом **Ивана IV Грозного (1533–1584)**, который в литературе, кино,

публицистике приобретал прямо противоположные, крайние характеристики: от мудрого правителя до сумасшедшего злодея. На самом деле не стоит рассматривать историю страны с точки зрения действий одного человека, тем более что далеко не все в XVI в. делалось самим Иваном Грозным или по его замыслам.

Перед страной стояли сложные проблемы. Процесс централизации был далеко не завершен. Существовали уделы — владения родственников царя со своей администрацией и войском. Удельные князья не могли вести самостоятельную внешнюю политику, но как члены правящей династии имели право на престол в случае отсутствия прямого наследника. Мощной и относительно самостоятельной структурой оставалась церковь. Она обладала не только духовной, но и немалой материальной силой: у митрополита были свои приказы, бояре и служилые люди — администрация, которая управляла огромными вотчинами. Местные корпорации знати (князья Ростовские, Оболенские и др. и их бывшие бояре) сохраняли свои земельные владения и иммунитетные права.

Иван IV, будущий Грозный, вступил на московский престол в возрасте трех лет. В первые годы его правления советники Василия III и его вдова Елена Глинская продолжали прежнюю внешнюю политику. Были арестованы братья Василия III, удельные князья Юрий и Андрей Ивановичи. В 1535 г. началась денежная реформа, в результате которой в России появилась единая денежная система, а основной монетой стала серебряная копейка.

В 1538 г. началась губная реформа. На территории уездов создавались округа — *губы* во главе с *губными старостами*, избиравшимися из числа местных помещиков. Губные старосты вместе с выборными из местных крестьян и посадских людей *сотскими* и *десятскими* боролись с разбоем и воровством: выявляли «лихих людей», проводили следствие и имели право казнить преступников. Губная реформа означала, следовательно, появление независимых от наместника органов местного самоуправления.

В 40-х гг. XVI в. в политике на первый план выходит борьба различных боярских группировок (Бель-

ских, Шуйских, Глинских) за власть и влияние на юного царя. Но после страшного пожара и восстания в Москве против царских родственников бояр Глинских (июнь 1547 г.) московская верхушка согласилась на компромисс. В 1548 г. складывается новое «правительство» — круг близких советников молодого царя во главе с А. Ф. Адашевым, царским духовником Сильвестром, посольским дьяком И. М. Висковатым, боярами Захарьиными-Юрьевыми. В 1549 г. царь впервые выступил со «словом» о злоупотреблениях бояр и наместников перед собранием епископов и находившимися в столице дворянами, после чего было принято решение о неподсудности дворян-помещиков наместникам. Это было первое в нашей истории заседание *Земского собора* — законосовещательного органа, состоявшего из представителей разных сословных групп — членов Думы, епископов, выборных от служилых людей, купечества и посадов.

С 1552 г. стала проводиться земская реформа: наместники постепенно заменялись выборными *земскими старостами* или *излюбленными головами*, платившими центру специальный налог — «наместничий корм». Земские старосты раскладывали и собирали налоги, вершили суд, проводили выборы нижестоящих должностных лиц — сотских и десятских, подбирали себе для ведения дел грамотных помощников — земских дьяков.

В **1550 г.** Боярской думой был принят новый *Судебник*: в нем впервые разграничивался целый ряд преступлений: подлог документов, разбой, грабеж, мошенничество; вводилась новая мера наказания — тюремное заключение; фиксировалось положение, что закон обратной силы не имеет; устанавливались единый размер податной единицы — *большая соха* и единая ставка для сбора прямых налогов.

Приговор 1551 г. существенно ограничил права духовных землевладельцев: отныне продажа вотчин монастырям разрешалась только с санкции царя.

«Уложение о службе» 1556 г. вводило единый порядок несения военной службы: с каждых ста четвертей вотчинной или поместной земли ее владелец должен был выставлять одного вооруженного всадника.

Все эти структурные реформы отвечали интересам не только широкого круга «служилых людей», но и зажиточных крестьян и посадских — из числа последних избирались земские старосты. Они укрепляли централизацию, но вместе с тем предоставляли определенные права формировавшимся сословиям: рядом с органами центральной власти появились и выборные представители на местах.

Новое правительство проводило активную внешнюю политику. Но с началом затяжной Ливонской войны в борьбу за экономически и стратегически важные земли Прибалтики вступили и Польско-литовское государство, и Швеция, и Дания, и Священная Римская империя (см. главу 6). С первыми поражениями вновь обострилась и внутриполитическая борьба. В начале 60-х гг. царь отстранил от власти прежнее правительство и казнил несколько видных бояр. Репрессии вызвали протест Думы и митрополита, и Иван IV временно должен был отступить.

Царь был изворотливым политиком и опытным дипломатом. Оставшись без родителей и с раннего детства находясь в кругу придворных интриг, Иван Грозный рос «трудным ребенком», но все же сумел стать одним из самых образованных людей своего времени. До сих пор ученые и кладоискатели ищут следы знаменитой библиотеки Ивана Грозного, якобы хранившей не дошедшие до нас сочинения античных авторов; впрочем, независимо от исхода ее поисков, сейчас известно более сотни книг царя, в основном пожалованных им в монастыри. Его послания говорят, что он обладал ярким и самобытным талантом писателя. Царя отличала склонность к эффектным театральным жестам: он обряжал своих палачей-опричников в монашеские одежды, устраивал страшные массовые казни и вершил суд с поистине «черным юмором». Так, ушедшему от его гнева в монахи (принявшему «ангельский чин») стрелецкому командиру он пожелал «со ангелы на небо взлетети», после чего жертву взорвали на бочке с порохом. В то же время Иван IV мог испытывать глубочайшее раскаяние: «Сам бо всегда в пьянстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, убийстве, в граблении, в хищении, в нена-

висти, во всяком злодействе...» — писал он о себе в послании монахам Кирилло-Белозерского монастыря.

Вопреки сложившемуся мнению, царь был плохим полководцем и вообще стремился держаться подальше от поля боя. Любовь к книжной мудрости сочеталась у него с патологической подозрительностью, жестокостью, фанатичной верой — он душил своих незаконнорожденных детей, как не угодных Богу, а при взятии Полоцка в 1563 г. приказал утопить всех местных евреев после отказа перейти в православие.

В молодости он твердо усвоил мысль о том, что неограниченная самодержавная власть есть наилучшая форма правления и что «русские владатели... вольны были подовластных своих жаловати и казнити». Но эти представления о «вольном самодержавстве» не вполне соответствовали действительности середины XVI в. В России никогда не было ограничивавших власть государя законов, но, как в любом средневековом обществе, отношения власти и подданных определялись неписаными нормами и традициями. Так, например, нельзя было просто отрубить голову заслуженному боярину без предъявления обвинения и суда Думы. А с мнением бояр приходилось считаться: в 1549 г. царь Иван собирался разорвать перемирие с Литвой за непризнание его царского титула, но не решился из-за протеста бояр, ссылавшихся на неурегулированные отношения с Крымом и Казанью и невозможность войны на три фронта.

В 1564 г. царь нашел выход из положения: вместе с ближайшими советниками, семьей и казной уехал в Александрову слободу и оттуда прислал две грамоты. Бояр и приказных людей он обвинял в измене и заявлял, что по этой причине «оставил свое государство». А в открытом письме к горожанам он объявлял, что на них опалы и гнева не держит, и жаловался на боярские обиды, после чего народ выразил понятное желание «потребить» изменников. Поставленная в безвыходное положение знать вынуждена была просить царя вернуться на трон, что он и сделал, выдвинув свое условие — ввести *опричнину*.

Теперь Иван IV потребовал и получил право казнить всех изменников, конфисковывать их имущество, «и весь освященный собор и бояре то все положи-

ли на государской воле». То есть, говоря современным языком, в стране вводилось чрезвычайное положение с отменой всяких норм и традиций, а единственным источником права становилась воля царя. Страну и столицу царь разделил на две части — земщину и опричнину, где были созданы своя Боярская дума, свои приказы, свое войско — опричники. Таким образом, царь раскалывал армию, приказной аппарат, Думу и даже церковь (в опричнине были свои монастыри), надеясь часть их привлечь на свою сторону и предотвратить сопротивление. А чтобы закрепить этот раскол, Иван в «опричных» уездах отнимал земли у местных землевладельцев. Их вотчины шли в раздачу опричникам, а бывшие владельцы — десятки и сотни не только князей-Рюриковичей, но и обычных «детей боярских» — выселялись на окраины либо в «иные города», где получали поместья.

Вопреки традиционным представлениям, опричнина вовсе не противопоставляла бедных, но честных и верных дворян богатым изменникам-боярам. В опричнине и земщине служили представители одних и тех же родов московского и провинциального дворянства. В опричной Думе заседали князья Шуйские, Ростовские, Одоевские, Пронские, знатные бояре — Басмановы, Бутурлины, Колычевы, Годуновы — и даже главный палач Малюта Скуратов-Бельский происходил из вполне достойного служилого рода. Так и опричный террор был направлен не против знати, но против представителей всех социальных слоев, выражавших недовольство политикой царя. Так, уже в 1566 г. царь казнил членов Земского собора, выступивших против опричнины. Главными «опричными процессами» были публичная казнь боярина И. П. Федорова и расправа с митрополитом Филиппом Колычевым в 1568 г.; осенью 1569 г. убили двоюродного брата царя, князя Владимира Андреевича Старицкого, и его семью (опричники заставили их выпить яд).

Зимой 1569—1570 гг. царь предпринял карательный поход на Тверь и Новгород, подозревая их в измене в пользу Литвы. Новгородский архиепископ Пимен был схвачен и умер в заточении, а жители стали жертвами устрашающей расправы: опричники громи-

ли лавки купцов, уничтожали и жгли их товары; дома новгородцев царь повелел «ломати, а окна и ворота... без милости высекати». В Новгороде Иван поголовно уничтожил всех приказных людей, а затем конфисковал имущество монастырей и архиепископскую сокровищницу. По возвращении, летом 1570 г. на Чистых прудах в Москве, он устроил показательную казнь 120 «изменников», в их числе многих видных дьяков московских приказов во главе с Иваном Висковатым.

Мы не можем сказать сейчас, существовали ли в действительности какие-либо заговоры бояр против царя, но он сам был искренне уверен, что окружен изменниками. В 1568 г. царь покинул Москву и снова затворился в своей любимой Александровой слободе. Иван IV хотел заключить союз с Англией и даже просил политического убежища в этой стране. Но когда королева Елизавета сослалась на необходимость обсуждения вопроса о союзе в парламенте, он возмутился таким порядкам и пристыдил царственную «сестру»: «У тебя мимо тебя люди владеют, и не только люди, но мужики торговые... а ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица».

Опричное войско не сумело преградить путь крымскому хану Девлет-Гирею — его войска летом 1571 г. прорвались к Москве и сожгли ее. После этого царь перестал доверять и своему окружению — он объединил земскую и опричную армию, казнил руководителей — бояр М. Т. Черкасского, В. И. Темкина-Ростовского (еще раньше погибли «основатели» опричнины отец и сын Басмановы и князь А. Вяземский) и многих рядовых опричников: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхов-реку, с камением топил». После победы над татарами под Серпуховом в 1572 г. опричнина была официально отменена. Однако в 1575 г. царь вновь «разделил» свое государство на «земщину» и «двор». Деление на земскую и «дворовую» службу, на земские и «дворовые» уезды сохранялось до конца его царствования, хотя массовых репрессий больше не было.

Тем не менее Ивана IV преследовали неудачи. Жестокими мерами царь подавил всякую оппозицию, но внутри- и внешнеполитическое положение страны

стремительно ухудшалось. Эпидемия чумы и неурожаи на рубеже 60—70-х гг. XVI в. привели к разорению многих крестьянских хозяйств и дворянских владений, чему способствовали и произвол при взимании налогов, и прямые грабежи опричников. Записи в писцовых книгах начала 80-х гг. свидетельствуют о том, что во многих уездах намного сократилась пашня, а население вымерло или разбежалось: «Опричники замучили, живот пограбили, двор сожгли» или «волость запустела от гладу и от мору и от Басаргина правежу» (т. е. от сбора податей отрядом опричника Басарги Леонтьева). Казни воевод и разорение поместий делали небоеспособной армию: дворян в конце 70-х гг. надо было бить кнутом, чтобы заставить отправиться на службу в полки.

В 1581 г., после внезапной смерти наследника царевича Ивана, потрясенный царь приказал составить списки казненных по его приказу и разослать их по монастырям вместе с крупными денежными вкладами на поминовение покойных. В спешке придворные дьяки вносили в перечень жертв выдержки из следственных дел: «По Малютине ноугородские посылки отделано ручным усечением 1500 человек, из пищали отделано 15 человек», — эта фраза попала в синодик из отчета Малюты Скуратова о поездке в Новгород. Согласно этим «синодикам опальных», в годы опричнины было убито около 4000 человек, и палачи в спешке не успевали записывать имена своих жертв — приходилось указывать: «имена их ты, Господи, веси». Современников поражали не столько сами казни, сколько демонстративная и изощренная жестокость палачей. Изменников искореняли «всеродне»: вместе с женами, детьми и десятками слуг и холопов; убийства совершались внезапно, на улице или прямо во дворце, чтобы приговоренный не успел покаяться и получить отпущение грехов. Показательные казни творились с выдумкой — людей резали «по суставам» или варили заживо; трупы казненных разрубали на куски или бросали в воду. По-видимому, царь был убежден: все, кто препятствует ему, поставили себя вне христианских норм и не только заслуживают самых страшных наказаний, но и недостойны спасения души.

Итоги опричной политики не исчерпываются списком жертв. Попытка царя насильственным образом изменить сложившуюся систему не укрепила, а скорее ослабила государство: репрессии и опричные преобразования подорвали единство армии и государственного аппарата, но зато резко усилили личную власть государя. Непоследовательно велась финансовая политика: ограничение иммунитета и церковного землевладения в 60–70-е гг. нарушалось предоставлением льгот «нужным» царю светским и церковным феодалам. «Земские» уезды платили в 70-х гг. почти в 2 раза больше налогов, чем «дворовые». Была проиграна Ливонская война (см. главу 6). Социально-экономический кризис, сокращение суммы налоговых поступлений и небоеспособность армии привели к тому, что при проведении по отдельным уездам новой переписи земель в начале 80-х гг. крестьянам было запрещено уходить из вотчин и поместий. Так с введения *«заповедных лет»* начался двухсотлетний период существования в России крепостного права.

Мы уже говорили, что процесс создания единых национальных государств был основным в развитии средневекового общества и на Западе, и на Востоке Европы. Но результаты его были различны.

Во Франции, Англии, Испании объединение проходило в условиях *динамического равновесия различных сил и корпораций* — королевской власти, знати, дворянства, церкви, городов, местных органов и традиций самоуправления. Там появились достаточно сильные органы сословного представительства, такие как английский *парламент*, французские *Генеральные штаты*, испанские *кортесы*. В Англии парламент реально ограничивал права короля; в других странах королевская власть оказалась сильнее, но зато там действовали независимые суды (французские *парламенты*) и сословные штаты провинций, а в Испании монархия вынуждена была считаться с автономией и правами королевств-провинций; сохранялся баланс интересов между сильным государством и автономными сословиями.

В Восточной Европе, менее экономически развитой и не имеющей развитого «городского строя», развитие пошло другим путем. В Польше и Венгрии ре-

альная власть все более сосредотачивалась в руках дворянства, которое шаг за шагом добивалось ограничения королевских полномочий, с одной стороны, и закрепощения крестьян — с другой. Этот путь привел к установлению *шляхетской монополии* на власть при умалении прав прочих сословий и ослаблении центрального правительства и структур управления.

Наконец, в XVI—XVIII вв. существовали и могучие *военные империи* Ближнего и Среднего Востока — Турция и держава Великих Моголов, объединившие под властью завоевателей регионы и народы с различным уровнем развития и совершенно разными культурными традициями.

В России также на смену былой раздробленности пришло единое государство. Московское царство унаследовало различные политические традиции — как берущие начало в Древней Руси, так и заимствованные из Византии или Орды. В XVI в. Россия по уровню экономического развития была далека от передовых стран Западной Европы. Но в то же время она оставалась европейской христианской страной. Здесь сформировалась развитая система бюрократического управления (система приказов), был создан единый для всей страны Судебник; на местах вводились выборное земское самоуправление и элементы сословного строя (губные органы). Но при этом на огромной территории сохранялись натуральные формы хозяйствования, в деревне происходила консервация общинных институтов (см. главу 4) и расширялось условное поместное землевладение. Все эти черты как раз характерны для восточных деспотических империй.

Во второй половине XVI в. в стране наглядно проявились *две тенденции развития: первая способствовала централизации системы управления и складыванию сословного строя* (см. главу 4), *органов местного самоуправления и появлению Земских соборов; вторая утверждала неограниченное «самодержавство» с привилегированной бюрократией и крепостным правом.*

В итоге победила вторая из этих тенденций — и, по-видимому, закономерно. В процессе образования Российского государства политические предпосылки «сработали» раньше, чем созрели условия для под-

линного экономического объединения. Относительно быстрое объединение при отсутствии сложившихся сословий и городов привело к сосредоточению в руках государя огромной власти. Сохранялась и укреплялась ведущая (по сравнению с Западной Европой) роль государственной власти как силы, концентрирующей все ресурсы страны для решения общенациональных задач. В условиях недостаточно высокого уровня развития городов и товарно-денежных отношений они решались путем создания поместной дворянской армии, укрепления бюрократического аппарата и за счет ограничений сословных прав и местных «вольностей». Опричнина стала одним из факторов, придавших русскому самодержавию его деспотический облик. Роль Ивана Грозного в таком выборе несомненна.

■ **Московское царство в XVII в.** От потрясений Смуты, которые едва не привели к развалу государства, страна оправлялась почти полстолетия. Надо было заново восстановить разрушенную систему управления, возродить армию, наладить финансы. Новая династия Романовых не могла решить этих вопросов без содействия «земли» и ее представителей. В XVII в. такую роль играли Земские соборы. Всего нам известно о 57 состоявшихся соборах. В XVI столетии они созывались относительно редко, но уже в 1598 г. именно Собор избрал на царство нового царя после смерти последнего из потомков Ивана Калиты. Во время Смуты Земские соборы при ополчении превратились в постоянный верховный орган власти и решали многие вопросы внешней и внутренней политики. После 1613 г. они уже выступали в качестве совещательного органа при верховной власти, когда правительство намечало крупные внешнеполитические акции или нуждалось в чрезвычайных налоговых поступлениях. Кроме того, цари новой династии непременно утверждались на царство.

В это время складывается практика таких совещаний. Из Москвы рассылались по уездным городам царские грамоты о выборе депутатов «изо всех чинов... для земского совета» по примерным нормам. Местные воеводы должны были организовывать

такие выборы от посадских и служилых людей; только в исключительных случаях (как в 1613 г.) на Соборе были представители государственных крестьян и никогда — владельческих. По итогам выборов составлялся протокол, и депутаты с письменными полномочиями прибывали в столицу, где им выдавали небольшое жалованье (5 руб.) на расходы. В назначенный день прибывших собирали в Кремле, в Грановитой или какой-то другой палате дворца. Затем сам царь или один из думных дьяков объявлял «повестку дня» и просил собравшихся обсудить тот или иной вопрос. Депутаты совещались, после чего подавали по «чинам» свои коллективные мнения — *сказки* или *речи*. Так, в 1614—1618 и в 1632—1634 гг. принимались решения о взыскании дополнительных налогов; в 1648—1649 гг. депутаты принимали Соборное уложение; в 1653 г. обсуждали вопрос о присоединении Украины. В одних случаях правительство довольствовалось высказанными мнениями; в других, как в 1653 г., составлялся соборный акт-*приговор* с единодушным мнением: Украину в подданство принять, а «против польского короля войну весть».

Соборы не противопоставляли себя ни царю, ни боярам, ни епископам. «По должности» в них участвовали члены Боярской думы и представители высшего духовенства — *Освященный собор*. Их состав дополнялся выборными от населения депутатами, хотя четких правил избрания не существовало. Разные города посылали разное количество депутатов; не сложилось каких-либо твердых норм представительства и от различных групп населения. Не всегда понятно, как проходили сами выборы, но случаи фальсификации и произвола воевод случались и вызывали жалобы. Законодательная инициатива принадлежала царю и Думе; депутаты никогда не предлагали ограничить царскую власть, и вообще спорить с царем было не принято. Однако мнения и настроения собравшихся приходилось учитывать, тем более что депутаты пользовались случаем подать государю свои индивидуальные и коллективные челобитные.

Так, в 1642 г., когда на Соборе решался вопрос, воевать или нет с Турцией из-за захваченного донскими казаками Азова, все представители соглашались с

необходимостью войны против «турских и крымских татар». Но дальше мнения разделились: одни не желали, чтобы в набираемое войско брали их «крестьянишек»; другие полагали, что требовать ратных людей и денег надо прежде всего с бояр и приказных бюрократов, которые разбогатели «неправедным своим мздоимством» и настроили палат каменных, «таких, что неудобь сказаемыя»; третьи жаловались на свою бедность; купцы и посадские заявили о своем крайнем «оскудении» от «государевых великих податей». В итоге правительство вынуждено было отказаться от военных планов и вернуть Азов туркам.

В 1613–1622 гг. соборы заседали почти постоянно, но затем они стали созываться все реже и реже, и в 1653 г. состоялся последний Собор. Таким образом, «земство» сумело поддержать и укрепить монархию, но не смогло юридически закрепить свое право на участие в решении государственных дел. По-видимому, соборы просто некому было отстаивать. Главные интересы наиболее активной и влиятельной части населения — дворян были удовлетворены в 1649 г. Служилые люди подтвердили свое право на вечное владение крепостными, и не случайно отмену *«урочных лет»* они называли «Божьим деянием». А «третье сословие» (горожане и буржуазия) как серьезная общественная сила в России появилось только к концу XIX в. К тому же к середине XVII в. правительство сумело восстановить и укрепить централизованный механизм управления.

Постепенно менялось положение Думы: она превратилась в большой совет (153 человека в 1690 г. вместо обычных 20–30), который в полном составе и не собирался. Зато выделились «думные дьяки» — руководители крупнейших приказов и «комнатные бояре» — узкий круг людей, принимавших вместе с царем решения. Увеличилось количество «именных указов», касавшихся военных вопросов, управления, судебных дел по государственным преступлениям и принятых без согласования с Думой. Но вопросы, связанные с правовым регулированием землевладения, царь, как правило, обязательно отдавал на предварительное рассмотрение Думы.

Приговоры Думы признавались источником законов; ее члены участвовали в обсуждении важнейших вопросов и составляли постоянное окружение царя — ходили с ним в церковь, обедали, участвовали в царских выходах и поездках. Государь был обязан считаться с родовой «честью» своих слуг и с моральным авторитетом патриарха. Но никакой особой компетенцией Дума, как и любое другое учреждение в России, не обладала: государь мог взять к своему личному рассмотрению любое дело, что нередко случалось по делам судебным — и тогда первые лица государства по царскому указу в особом порядке допрашивали в застенке какую-нибудь «ведомую вориху ворожею Феньку».

Взаимоотношения государя с Собором, боярами и церковью не имели сколько-нибудь четкой правовой основы, они регулировались обычаем, традицией и реальным соотношением сил. В XVII в. быстро росли новая бюрократия и новая армия — опора царской власти.

XVII столетие — это время расцвета приказной системы. При царе **Алексее Михайловиче (1645—1676)** одновременно действовали уже около 40 приказов, к началу XVIII в. — 50. За 50 лет — с 1646 по 1698 г. — количество дьяков и подьячих выросло почти в 5 раз — с 845 до 4646 человек. Бюрократия стала потомственной, ее верхушка входила в Думу и получала вотчины и поместья.

При этом система приказов оставалась сложной и нечеткой. Почти все приказы были и административными, и судебными, и финансовыми органами одновременно. Например, Пушкарский приказ ведал не только артиллерией, но и судил пушкарей и мастеровых пушечных дворов по 84 городам, взимал с них налоги и не позволял другим органам вмешиваться в его дела. Большинство приказов (даже Посольский) имели в своем ведении определенную территорию, налоги с которой шли на их содержание, так что общего бюджета не существовало. Действовали и территориальные приказы, например Сибирский, занимавшийся всеми вопросами в границах этой области. Помимо постоянных, возникали и временные приказы — так

появился «приказ пятинного сбора», который собирал чрезвычайные налоги — *пятины.*

Не было в приказах и строго определенного жалованья, его надо было выпрашивать особой челобитной. Верхушка бюрократии — думные дьяки и руководители приказов получали за службу земли и становились помещиками. Низшие же «приказные люди» жили на небольшое денежное и хлебное жалованье, которое власти постоянно урезали. Большинство приказных «кормились от дел», т. е. получали по обычаю плату с посетителей за снятие копий, выдачу справок, написание просьб-челобитных. Опытные челобитчики хорошо знали, что подьячему надо к празднику принести в «почесть» свежей рыбы или куль соли, а для ускорения дела — накормить обедом с чаркой вина и заготовить «поминки». Все это считалось вполне нормальным порядком, в отличие от *посулов* — взяток за нарушение закона или «неправое» решение дела в суде.

Повседневную работу приказов с их знаменитой «московской волокитой» ярко описывает инструкция знатного вотчинника своему приказчику: «Пришедши к дьяку, в хоромы не ходи, прежде разведай — весел ли дьяк, и тогда войди, побей челом и грамотку отдай. Примет дьяк грамотку прилежно, то дай ему три рубля, да обещай еще. А кур, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухе». После такого «подноса» начальник-дьяк мог быстро решить дело просителя, но чтобы правильно его оформить, надо было задабривать и подьячих.

В середине XVII в. власть впервые начала борьбу с бюрократизмом с помощью сокращения штатов и суровых наказаний за взятки — в Москве уличенных в лихоимстве служащих водили по улицам с привязанным на шее кошельком и били кнутом.

Возглавлял государственную машину сам царь Алексей Михайлович — первый самодержец-бюрократ в нашей истории. Государи XVI в. сами бумаг в руки не брали — это считалось «невместным» занятием для их сана. Через сто лет ситуация изменилась — у царя Алексея Михайловича был свой кабинет и письменный стол; он не ленился сам проверять расходные ведомости дворцового хозяйства, читал докла-

ды послов и воевод. Из-под его пера выходили десятки писем и сотни резолюций. Для контроля над своим аппаратом царь основал Счетный приказ для финансовых проверок и собственную канцелярию — приказ Тайных дел. Его подьячие сопровождали посольства и посылались в действующую армию, «и те подьячие над послы и над воеводами подсматривают и царю, приехав, сказывают».

Бюрократизация управления шла не только «сверху», но и «снизу». С 20-х гг. XVII в. в 200 с лишним уездов Московского государства из столицы стали присылать **воевод**, сосредоточивших в своих руках военную, административную и судебную власть (по гражданским делам) над местным населением. Именно они вели «сыскные дела в убивстве и в порче, и в медовой краже, и в воровской подписке (подделке документов. — *Авт.*), и в краденой лошади... и в скверных богомерзких речах, и в дворовом пожеге...». При дворе воеводы появилась *приказная изба* со своими дьяками и подьячими, где имелись «Уложение», эталоны мер и весов, велось делопроизводство и хранились присланные из Москвы бумаги. Но реально развитого аппарата власти у воеводы еще не было, поэтому к делу он привлекал гарнизонных стрельцов, а также родственников, слуг и даже холопов. В глазах служилых людей такое назначение воспринималось скорее как отдых от боевой службы, и дворянин не стеснялся просить государя «отпустить на воеводство покормиться». По традиции население обязано было подносить воеводе по праздникам «корм» натурой и деньгами, что порой в несколько раз превосходило официальное жалованье.

Однако за городскими стенами, на территории стана или волости государственных органов власти не существовало, там действовали только прежние органы самоуправления — земские и губные старосты и выборные «мирские» люди. В XVII в. земские власти попали в подчинение к воеводе — они должны были снабжать воеводу и его канцелярию всем необходимым, о чем говорят сохранившиеся документы земских изб. Но и воевода на деле не мог управлять уездом без поддержки местного населения и его выборных органов — именно они раскладывали и собирали

налоги. Поэтому земский староста порой мог, например, уговорить воеводу снизить налоговое бремя по случаю голода или военного разорения. В иных случаях местный «мир» добивался смещения жадного или жестокого воеводы или, наоборот, просил оставить своего воеводу по истечении срока «за рассуд» и даже защищал его от восставших во время крестьянской войны 1670—1671 гг.

Поэтому, несмотря на отчетливую тенденцию усиления царской власти в XVI—XVII вв., русское государство еще не было самодержавной или абсолютной монархией — оно станет ею лишь в ходе петровских реформ.

В современной литературе можно встретить разные термины, определяющие характер государственной власти: ***«централизованное государство»***, ***«унитарное государство»*** или ***«деспотическое самодержавие»***. Все они имеют определенное основание и логику, однако наиболее удачным кажется ***«патриархальная монархия»***, т. е. «внешне ограниченная аристократией, представительным учреждением и церковью как институтом, а внутренне — обычаем, традицией, законом, православной догматикой. Государь осуществлял традиционное господство, так как оно основывалось на вере в законность и священность издревле существующих порядков». (См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. С. 125.)

Новый свод законов — *Соборное уложение* **1649 г.** в отличие от прежних судебников охватывал все отрасли права: регламентировал отношения крестьян и их владельцев, определял положение посадских людей и дворян.

Впервые в русском законодательстве в Уложении была выделена в особую главу уголовно-правовая защита государя и его «чести», причем даже умысел на «государское здоровье» карался смертной казнью; то же наказание грозило участникам любого выступления *«скопом и заговором»* против бояр, воевод и приказных людей, т. е. всех представителей власти. Закон

закрепил знаменитую формулу *«государево слово и дело»*; так начала складываться система политического сыска в России.

Выражение ***«государево слово и дело»*** появилось в начале XVII в. Так называлось обвинение кого-либо не только в измене, заговоре или самозванстве, но и в оскорблении царского имени и «чести». Каждый узнавший об «измене» или хотя бы «непристойных словах» в адрес власти должен был под страхом смертной казни немедленно подать устный или письменный *извет* — донос о них; недонесение каралось так же, как соучастие.

Местный воевода должен был допросить доносчика и, если его показания признавались основательными, доставить в Москву. Следствие велось с применением пыток: «Женскому полу бывают пытки против того же, что и мужскому полу, окромь того, что на огне жгут и ребра ломают» — так описывал практику «сыска» в XVII в. подьячий Григорий Котошихин.

В качестве наказания стали практиковать ссылку в Сибирь и использование заключенных на каторжных работах. Широко применялись такие наказания, как отрезание уха, руки, носа, порка кнутом или батогами. Особо опасные преступления карались смертной казнью: за поджог двора — сожжением, за изготовление фальшивых денег — заливанием горла расплавленным свинцом; за убийство мужа жену живьем закапывали в землю. Уложение стало первым печатным памятником права в России — до этого законы обнародовались оглашением их на площадях и в церквях.

■ **От дружины — к армии.** В XVII в. старая организация армии исчерпала себя. Основу ее со времен Древней Руси составляли профессиональные воины княжеских дружин. Из старшей дружины — бояр и «мужей» — был создан постоянный совет при князе, без согласия которого он обычно не принимал важных решений. Младшие дружинники (*гриди, отроки*) жили при княжеском дворе, из них формировались гарнизоны крепостей. Обычно князь имел несколько

сотен дружинников, и только самые могущественные князья располагали дружиной в 2—3 тыс. воинов.

Нелегко было выучить и вырастить воина; очень дорого стоило и его вооружение: только для одной кольчуги требовалось изготовить и склепать 35 000 проволочных колец. Поэтому в постоянных усобицах (в 1060—1237 гг. произошло 130 таких малых войн) участвовали весьма немногочисленные силы, они не приводили к таким разрушениям, как в войнах XX в. Только в редких случаях столкновения между князьями сопровождались мобилизацией *воев* — простых воинов из числа городского ополчения. В бою такие ополчения стояли особыми полками. В X—XI вв. в состав княжеского войска входили варяжские отряды, в походах и войнах XII в. участвовали в качестве союзников половцы.

Разнообразие природных условий и тактики противников заставляло приспосабливаться русских князей и дружинников. Так, на южных границах в арсенал русских воинов вошла сабля; появилась легкая конница, вооруженная луками и стрелами. На северо-западе приходилось иметь дело с иными противниками — шведскими и немецкими рыцарями; там большую роль играли тяжеловооруженная пехота с копьями и осадное искусство. Конные дружины делились на *копья*, каждое состояло из всадника в полном вооружении и его слуг. Несколько «копий» составляли *стяг* (отряд) под боевым знаменем — к нему собирались дружинники после победы или поражения. Дружине полагалась доля захваченной добычи, и она имела голос в княжеском совете. Известны случаи, когда недовольные дружинники покидали своего князя и «отъезжали» к другому. По мере развития вотчинного землевладения и дробления княжеств менялась и организация войска. Оно все чаще состояло из отдельных отрядов княжеских вольных слуг, «дворов» подвластных князей и бояр. Такая структура оказалась непригодной для борьбы с отмобилизованной монгольской армией с единым командованием (см. главу 6).

В условия договоров московских великих князей с удельными, а затем и независимыми княжествами стали включаться статьи о совместных действиях

против общих врагов «без ослушанья». С 1373 г. московская рать почти ежегодно «по вестям» занимала рубежи на Оке, чтобы предупреждать татарские вторжения на территорию княжества. При постоянной сезонной службе в Москве с середины XV в. стали составляться «разряды» — особые росписи расположения отрядов и их командиров, порядка их взаимодействия. Создавались специальные «сторожи» и «караулы» на границах и переправах. По призыву князя вассалы и слуги разных князей должны были садиться в осаду и выходить в поход под началом московских наместников. В XV в. московские князья постепенно ограничивали право своих вассалов «отъезжать» со службы: в договоры с ними вносились условия о потере ими в таких случаях своих вотчин. С московских слуг стали брать *поручные записи*, которыми они обязывались великому князю и его детям «служити до своего живота, а не отъехати... ни х кому».

Обязательные повинности в XIV—XV вв. распространялись и на прочее население в виде *городового дела* (строительства крепостей) и *посошной службы*, или *посохи*, — выделения по разнарядке с определенного количества земли крестьян для перевозки обозов и артиллерии, осадных и прочих вспомогательных работ во время военных действий.

За годы своего правления Дмитрию Донскому удалось создать общерусскую армию. Когда в 1380 г. фактический правитель Орды Мамай повел свое войско на Русь, Дмитрий за месяц смог собрать под единым командованием войско в 50—60 тыс. человек и перехватить инициативу, т. е. сделать то, что было исторически неосуществимо в XIII в. Совместно с великокняжескими и московскими войсками против татар выступили отряды из формально независимых Ростовского, Ярославского, Тверского, Смоленского, Тарусского, Елецкого княжеств, Пскова и Новгорода — всего из 36 городов; многие из них прибыли к Москве за 7—10 дней, пройдя расстояние в 150—700 км. В итоге московский великий князь сумел вывести войско навстречу противнику и тем самым предупредить соединение ордынских войск Мамая с его союзником литовским великим князем Ягайло. На Куликовом

поле вместе сражались и профессиональные княжеские дружинники — *кованая рать*, и пехота, состоявшая из зажиточных горожан, купцов и прочих «черных людей». Знаменитая победа досталась дорогой ценой: по современным подсчетам, в битве пала треть русского войска вместе со многими князьями и их боярами. Как известно, ослабленное Московское княжество испытало в 1382 г. набег хана Тохтамыша; была возобновлена и выплата дани. Но и Орда уже не могла в полной мере восстановить свою прежнюю власть — Дмитрий Донской сохранил право на великое княжение и уже в 1386 г. смог опять собрать в поход на Новгород общерусское войско.

После эпохи ожесточенных междоусобных войн в процессе объединения земель Северо-Восточной Руси на смену системе княжеских дружин пришла единая армия — *дворянское ополчение*, созданное на основе *поместной системы*.

Поместье — участок казенной земли с крестьянами, отданный конкретному лицу на условиях военной службы без права продажи, заклада, обмена. Передаваться по наследству поместье могло, только если сын выходил на службу «в отца место».

В поместную раздачу шли не только государственные («черносошные») и дворцовые земли. Присоединение к Москве Новгорода, Твери, Рязани нередко сопровождалось «выводом» местной знати и конфискациями ее земель. Организацией всей поместной системы в масштабах государства занималось специальное ведомство — Поместный приказ. Это учреждение ведало учетом всех пригодных для раздачи земель, туда молодой дворянин-*новик* подавал челобитную с просьбой его «испоместить» и там ему вручали документ на владение поместьем. Обычно перед большим походом дворяне-помещики могли получать и государево жалованье в 1—3 рубля, чтобы «подняться» на службу и справить себе новое вооружение.

И московская знать, и дворяне-помещики выступали на войну со своими лошадьми, вооружением, сна-

ряжением и необходимыми припасами. Согласно «Уложению о службе» 1556 г., с каждых 100 четвертей пахотной земли своих владений (50 га) они должны были приводить одного вооруженного слугу — боевого холопа «на коне и в доспехе полном». Знатный боярин мог себе позволить приобрести дорогостоящее «импортное» вооружение («шолом черкасской, да юшман шамахейской... саблю турскую») стоимостью 40—50 руб. — за эту сумму можно было купить целое село с деревнями. Рядовые помещики выходили в отцовских и дедовских «пансырях» и кольчугах (или в более дешевых стеганых кафтанах-«тегиляях»). Они и составляли основу русской армии времен Ивана Грозного — в середине XVI в. их количество достигало 40—50 тыс. человек. В походе дворяне делились на «сотни»: соседи по уезду служили вместе во главе с авторитетными и опытными ветеранами. Сотни входили в состав основных войсковых подразделений-полков: Большой полк, полк Правой руки, Передовой полк, Сторожевой полк, полк Левой руки. Полками командовали воеводы из состава государева двора.

Рост поместного войска способствовал созданию жесткой, милитаризованной политической системы Московского государства, приспособленной к отражению военного давления извне. Но для нормального функционирования этой системы постоянно требовались освоенные земли с крестьянами для поместных раздач, и нехватка таких земель стимулировала активность Москвы во внешней политике: «Хотя бы такая землица и в дружбе была, ино бы ея не мочно терпети за такое угодие», — писал в своей челобитной великому князю дворянин Иван Пересветов про земли соседнего Казанского ханства.

Помимо дворянского ополчения, при Иване III появилась и первая пехота, вооруженная огнестрельными *ручницами*; в XVI в. пехотинцы стали называться *стрельцами*. Стрелецкие полки-«приказы» (500—1000 чел.) составляли гарнизоны городов и крепостей, они же несли полицейскую службу. Стрельцы были вооружены гладкоствольными ружьями-пищалями, бердышами (топорами на длинных рукоятках) и саблями. Они набирались из вольных людей, служили пожизненно и службу наследовали, получая за нее го-

сударево жалованье. У стрельцов уже была единообразная форма, и кафтаны разных полков различались по цвету — красные, синие, зеленые. Но в мирное время стрельцы жили в Москве и других городах в своих слободах с семьями, занимались ремеслом и торговлей. Помимо стрельцов, в состав войска входили и другие служилые люди «по прибору» — пушкари, сторожа на засеках, казаки (см. главу 4).

В Москве действовали арсенал — Оружейная палата — и Пушечный двор, где отливались весьма совершенные орудия. Знаменитый архитектор Аристотель Фиораванти был «по совместительству» главным военным инженером русской армии и за попытку уехать с московской службы на родину окончил свои дни в тюрьме. В XVI в. русские мастера уже умели изготавливать орудия с казенными затворами и многоствольные установки на вращающемся барабане — *сороки* и *органы*. Тяжелые пушки с крупным калибром составляли *большой наряд* — осадную и крепостную артиллерию; в полевых войсках находился *полковой наряд* — более легкие и подвижные орудия (калибром до 9—10 см). В походах русская армия имела артиллерийский парк до 200 стволов; всего же на вооружении в крепостях и арсеналах находилось до 2000 орудий. На ежегодных смотрах пушкари показывали свое искусство в стрельбе по мишеням. В полевых сражениях с татарской конницей успешно применялись *гуляй-города* — подвижные замкнутые укрепления из щитов с отверстиями для пушек и пищалей. С появлением артиллерии деревянные стены перестали быть надежным укрытием, поэтому стали строить крепости из камня и кирпича — новые кремли в Москве, Туле, Зарайске; крепости Ивангород и Смоленск. Постройкой крепостей и осадными работами руководили инженеры-«розмыслы».

Смута показала, что дворянское ополчение и стрельцы по своим боевым качествам уступали войскам соседей. Поэтому уже при царе Михаиле с 1630 г. началось формирование четырех полков «нового строя». Опыт набора солдат-иноземцев оказался неудачным: наемники обходились дорого и при невыплате жалованья могли перейти к противнику. В дальнейшем на службу в Россию приглашали толь-

ко военных специалистов-офицеров с патентами и рекомендациями. Во второй половине XVII в. на русской службе находилось 300—500 таких иноземцев, их семьи составляли большую часть населения московской Немецкой слободы. К концу столетия в этих полках сложился и отечественный офицерский корпус из дворян. Рядовых в солдатские, драгунские и рейтарские полки сначала брали из добровольцев — беспоместных дворян, казаков и «вольных людей», а с 1658 г. стали проводиться общегосударственные наборы *даточных людей* (1 человек с 20—25 крестьянских дворов) в пожизненную солдатскую службу. Кавалеристов обычно на зиму отпускали домой, а солдаты находились на полном государственном обеспечении и жили в городах в особых солдатских слободах.

Оружие в этих полках выдавалось государством. Рейтары имели на вооружении карабин, пистолеты, шпагу и латы; драгуны — мушкет и шпагу. Солдатские полки состояли из мушкетеров и пикинеров — последние имели не только ружья, но и пики, чтобы защищать строй от атак конницы. Полки делились на роты; появились знакомые нам офицерские (прапорщик, поручик, капитан, полковник) и генеральские чины. В полках обучали строю и стрельбе по европейским уставам, переведенным на русский язык, таким, как «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 1647 г. К 1680 г. полки «нового строя» составляли уже 80 тыс. человек, т. е. половину русской армии. Такая перестройка имела и социальную сторону: постоянная армия делала царя все более независимым от самих служилых землевладельцев. Модернизация армии и постоянные войны XVII в. (со Швецией, Польшей, Турцией и Крымским ханством) требовали огромных затрат: военные расходы в 1680 г. составляли более 60% бюджета.

■ **Как на Руси налоги собирали.** Само слово «бюджет» пришло к нам из английского средневековья — так назывался кожаный мешок для денег и свитков, с которым являлся в парламент канцлер казначейства. К сожалению, от того времени осталось слишком мало документов, и можно только гадать о размерах

государственных доходов во времена Ярослава Мудрого или Владимира Мономаха. Население платило князьям дани в основном натурой, а не деньгами.

Древнейшей формой налога с подданных была дань мехами или продуктами, которую собирали киевские князья во время полюдья. Тогда же возникли и проблемы: как известно, в 945 г. князь Игорь решил произвольно увеличить сбор дани в древлянской земле, что закончилось убийством Игоря и его приближенных. Княгиня Ольга жестоко отомстила древлянам за мужа, но провела первую в нашей истории налоговую реформу: утвердила точный размер платежей Киеву — *уставы* и *уроки*. Дань и впоследствии оставалась основной формой налога; князья самостоятельно определяли ее размеры «на волости по людем и по силе», различные в разных землях. Основным принципом сбора дани в стране, где 9/10 населения были крестьянами, стало поземельное обложение: княжеские писцы измеряли количество и качество пахотной земли. От уплаты дани князья могли по тем или иным причинам освобождать крупных землевладельцев — бояр, митрополита, монастыри.

В битвах удельного времени выросло Московское государство. Становление новой армии и администрации, как и активная внешняя политика, требовало средств, поэтому в XVI в. сложилась единая система прямого налогообложения. При Иване III стали составляться писцовые книги — валовые описания пахотных земель и крестьянских дворов по каждому уезду и каждому владению: с определенного количества земли («сохи») собиралась в казну сумма, которую раскладывали между собой сами крестьяне-общинники. Основные прямые налоги получили в XVI в. название *дани, ямских* и *полоняничных денег*; *соха* же была в середине века унифицирована и составляла от 1500 до 2400 га «худой», «средней» или «доброй» пашни разной для владений дворян, церкви и черносошных крестьян. При этом приказные и воеводы не вмешивались в раскладку налогов: их размеры для каждой семьи определяла «по животам и по промыслам» крестьянская община. Обмануть соседей было куда труднее, чем чиновника, и большинство населения страны платило подати по принципу круго-

вой поруки до 1903 г., что было по-своему выгодно и властям, и подданным.

После Смуты отчаянно нуждавшееся в деньгах правительство часто прибегало, помимо основных поземельных налогов, к чрезвычайным и очень обременительным сборам «пятой» или «десятой деньги» — в таких случаях обыватели должны были отдать государству 1/5 или 1/10 движимого имущества в денежном исчислении. С другой стороны, крестьянам разрешали уплачивать часть налогов натурой, например хлебом для снабжения стрелецких полков. Обязательные военные повинности распространялись на все население в виде «городового дела» (строительства крепостей) и «посошной службы» (по разнарядке с определенного количества земли направляли крестьян для перевозки обозов и артиллерии, осадных и прочих вспомогательных работ во время военных действий). Тяжелой повинностью на протяжении столетий оставалась «ямская гоньба» — перевозка от одной станции-«яма» до другой казенных грузов и людей: гонцов, послов, воевод.

В те времена не существовало общего финансового управления и привычного для нас понятия бюджета. Отдельные учреждения-*приказы* сами собирали и расходовали деньги; на местах воеводы составляли *«окладные росписи»* всем предполагавшимся доходам и собирали их с помощью выборных «мирских» властей. Неплательщиков в допетровской России обычно ставили «на правеж»: ежедневно били палками по ногам перед приказной избой, затем отпускали; с утра операция повторялась до тех пор, пока деньги не вносились. Воеводы той эпохи отчитывались в своей деятельности царю: «Правил на них твои государевы доходы нещадно, побивал насмерть...» По реформе 1679 г. все прямые налоги были сведены в один, который стал теперь исчисляться не с «сохи», а с двора. Была сделана и первая попытка составить единый бюджет: доходы составили 1 220 367 рублей (напомним, что 1 рубль того времени «стоил» примерно 17 золотых рублей начала XX в.).

Косвенные налоги собирались путем установления государственной монополии на продажу таких товаров, как соль и *«хлебное вино»* (низкоградусная вод-

ка). Последнее появилось в России в начале XVI в., а в середине столетия уже работали первые государственные питейные дома — *кабаки*. Они сдавались на откуп частным лицам или управлялись выборными людьми из числа местного населения. Эти выборные приносили присягу («целовали крест») и становились *кабацкими головами* и *целовальниками* — их задачей было выполнение спущенного из Москвы плана сбора кабацких доходов непременно «с прибылью против прежних лет».

Если план выполнялся и перевыполнялся, кабатчиков принимали в царском дворце и давали ценные подарки; за недобор же им приходилось оправдываться, а то и расплачиваться собственным имуществом. Зато такой целовальник получал неприкосновенность от любых жалоб и судебных исков на время исполнения служебных обязанностей. Действовало жесткое правило «питухов от кабаков не отгонять»: продажа шла в долг или под залог вещей. Злоупотребления кабацких голов и жалобы населения и даже воевод на кабацкие безобразия привели в 1652 г. к началу по инициативе патриарха Никона первой в нашей истории кампании по борьбе с пьянством: сокращались количество кабаков, время торговли и нормы отпуска товара — только «по одной чарке одному питуху». Но уменьшение доходов в годы войны заставило правительство уже через несколько лет вернуться к прежней системе.

Прочими источниками денежных поступлений государства служили таможенные пошлины, а затем, в XVI—XVII вв., и доход от перечеканки западноевропейских серебряных монет — талеров. «Бунташный» XVII век показал, что резкие эксперименты с налогами грозят серьезными последствиями. Правительство боярина Б. И. Морозова попробовало однажды перенести тяжесть обложения на косвенные налоги: в 1646 г. цену на соль увеличили в 3 раза — и ее перестали покупать. Реформа провалилась, и власти объявили о сборе отмененных перед тем прямых налогов, чем вызвали массовое недовольство, приведшее к грозному восстанию в Москве в 1648 г.

Но все же развитие бюрократического аппарата, появление новой организации вооруженных сил, це-

ликом зависевшей от царя и его воевод, укрепление законодательной базы — все это способствовало концентрации власти в руках монарха. В итоге «тишайшему» царю Алексею Михайловичу через 100 лет после Ивана IV уже не надо было казнить своих вельмож: он мог палкой избить почтенного боярина (и своего тестя!) прямо в Думе, чего и Грозный не смел... Но рядом с Московским царством в Восточной Европе существовала и другая политическая система.

■ **Великое княжество Литовское и Русское.** Сведения о литовских племенах и их вождях появляются в немецких и польских источниках с X в. Но только в середине XIII в. литовский князь Миндовг сумел объединить племенные союзы под своей властью. В борьбе с Тевтонским орденом Миндовг то принимал от римского папы королевский титул, то искал союза против крестоносцев с Александром Невским. Не знавшая татарского ига Литва быстро расширяла свою территорию за счет ослабевших западнорусских княжеств и уже в XIII в. представляла собой балто-славянское государство, включавшее в себя западные земли нынешней Белоруссии.

Подлинный расцвет княжества начался в XIV в., когда энергичные князья **Гедимин (1316—1341)** и **Ольгерд (1345—1377)** сумели создать огромную державу, в состав которой вошли Полоцк, Витебск, Минск, Гродно, Брест, Туров, Волынь, Брянск и Киев. Ольгерд выступил против Орды и в 1362 г. разгромил татар при Синих Водах. Таким образом, к середине XIV в. на территории бывшей Киевской Руси сложились два центра, претендовавшие на объединение всех русских земель: Москва и Вильно (основан в 1323 г.). Конфликт между ними был неизбежен, и в 1368—1372 гг. Ольгерд совершил три похода на Москву. Но силы соперников были примерно равны, и договор 1372 г. разделил «сферы влияния». Вскоре после Куликовской битвы был составлен новый проект договора: литовский князь Ягайло должен был принять православие, жениться на дочери Дмитрия Донского и стать его вассалом. В 1385 г. Ягайло действительно женился — только на польской королеве Ядвиге — и принял христианство в его католическом варианте.

С этого времени история Литвы тесно связана с историей Польши: в XIV—XVI вв. эти государства были объединены личной унией (у них был один глава из династии потомков Ягайло — Ягеллонов).

При великом князе **Витовте (1392—1430)** княжество вступает в период своего наивысшего расцвета. В союзе с двоюродным братом Ягайло Витовт разгромил Тевтонский орден при Грюнвальде (1410 г.), присоединил Смоленскую землю (1404 г.) и княжества в верховьях Оки (Мценск, Одоев, Новосиль). Витовт сажал своих ставленников на ордынский престол. Огромную дань-откуп платили ему Псков и Новгород, а московский князь Василий Дмитриевич был женат на его дочери и называл Витовта «отцом», т. е. признавал себя его вассалом. При Витовте земли великого княжества простирались от Балтийского моря до Черного, но их объединение проходило на иной по сравнению с Московским государством основе.

Включая в свой состав более экономически и политически развитые земли, чем коренная Литва, великие князья сохраняли их автономию и социальную структуру: «Старины не рушаем, новины не вводим». Многие местные князья-Рюриковичи (Друцкие, Воротынские, Одоевские) сохраняли свои владения. Другие княжества сохраняли свои права и обычаи. Они оформлялись специальными уставными грамотами — *привилеями*. На их основании жители Полоцкой, Витебской и других земель могли потребовать смены наместника; великий князь обязывался не «вступать» в права православной церкви, не «выводить» местных бояр в другие земли, не раздавать земельных владений выходцам из других мест, не «посуживать» принятых местными судами решений; горожане получали право собирать таможенные сборы; сохранялось прежнее административное деление. До XVI в. на славянских землях великого княжества действовало право, восходившее к Русской Правде.

По сути, Литва представляла собой *федерацию земель и княжеств* под властью великих князей из династии Гедиминовичей. Многоэтничный характер державы отражало и ее официальное название — Великое княжество Литовское и Русское, где русский

язык стал государственным, официальным для составления актов великокняжеской канцелярии.

Иными были в Литве и взаимоотношения власти и подданных. В языческой Литве в условиях постоянной войны с Тевтонским орденом долго сохранялось свободное крестьянство, обязанное великому князю военной службой. Еще в конце XIV в. официальные грамоты называли всех свободных воинов боярами. В следующем столетии раздачи земель и крестьян привели к образованию достаточно широкого слоя землевладельцев, получивших заимствованные из Польши гербы и названных *бояре-шляхта*. Запрещение православным князьям и боярам занимать высшие государственные должности вызвало сопротивление, и привилеи 1432—1434 гг. уравняли их в правах с католиками, провозгласили неприкосновенность вотчин и их владельцев от репрессий без суда. Привилей 1447 г. освобождал всех зависимых крестьян от натуральных и денежных податей в пользу государства и предоставлял землевладельцам право суда над своими крестьянами.

Расширению власти литовских феодалов (шляхты) над крестьянами способствовала и экономическая конъюнктура. В XVI в. наиболее развитые страны Западной Европы нуждались в большом количестве сельскохозяйственных продуктов, поставщиками которых стали Польша, Литва и другие прибалтийские земли: за столетие вывоз зерна через порты Гданьска и Риги увеличился в 10 раз, а цены на него — в 5 раз. Расширяя свое хозяйство, землевладельцы переводили крестьян на барщину, чтобы вывезти зерно на экспорт. По этому же пути пошло и государство. В 1557 г. в Великом княжестве была проведена реформа — *«Волочная помера»*: вся земля в селе делилась на участки-*волоки*, и одну из каждых семи волок крестьяне должны были пахать на великого князя, а урожай опять-таки шел на рынок. Однако развитые в хозяйственном отношении земли соседствовали с «медвежьими углами», где крестьяне уплачивали натуральную дань и обычай полюдья сохранялся до XVI в. Были в Литве и лично свободные крестьяне, обязанные нести военную службу (*бояре панцирные*).

Городов в Литве было немного, и для их развития князья (как и в Польше) приглашали иноземцев — немцев и евреев, получавших специальные привилегии. С XVI в. Вильно, Ковно, Брест, Полоцк, Минск, Киев, Владимир Волынский и другие города получили *магдебургское право* — городское самоуправление. Горожане-*мещане* избирали городских *радцев* — советников, решавших городские дела, ведавших городскими доходами и расходами, и двух *бурмистров* — католика и православного, судивших горожан вместе с великокняжеским наместником. С XV в. в городах появляются ремесленные цеха, чьи права закрепляются в специальных уставах.

Знать же делилась в XVI в. на три «стана». Первый составляли князья — Рюриковичи и Гедиминовичи; второй — паны: крупные магнаты-землевладельцы литовского (Радзивиллы, Сапеги) или русского (Воловичи) происхождения. Они получали от великого князя огромные владения, выводили на войну сотни слуг и занимали посты наместников, воевод, старост. Третьим «станом» была шляхта — основной слой землевладельцев, обязанных великому князю военной службой. Принятый в XVI в. свод законов — Литовский статут — закреплял все права шляхты, полученные ими за 150 лет: пожалованные земли объявлялись их частной собственностью, шляхтич мог свободно переходить на службу к панам, уезжать за границу и не подвергался аресту без решения суда; местные земские суды избирались самой шляхтой на собраниях-сеймиках, там же решался вопрос и о платеже государственных налогов, от которых шляхетские владения были освобождены. Литовский статут утвердил и 10-летний срок сыска беглых крестьян.

Своеобразным было и государственное устройство Великого княжества. Сохранение значительной части властных полномочий на местах привело к тому, что в Литве не сложилось аппарата центрального управления, подобного приказной системе в Москве. Главой государства был *великий князь*; он распоряжался государственным фондом земель и назначал на важнейшие государственные должности. При дворе великого князя были должностные лица, но не было учреждений. Так, *подскарбий земский* хранил и расходо-

вал деньги, но не собирал налоги; *гетман* командовал шляхетским ополчением, когда оно формировалось; постоянная же армия насчитывала в XVI в. примерно 5000 наемных солдат. Единственным постоянным органом была канцелярия великого князя, где составлялись акты и привилеи и хранился государственный архив.

Все важнейшие акты внутренней и внешней политики великий князь с 1492 г. должен был согласовывать с *Радой панов* в составе 4 епископов и 15 воевод и наместников из числа крупнейших магнатов. Рада управляла страной в отсутствие князя, контролировала все земельные пожалования, расходы и внешнюю политику.

Третьим элементом в этой системе стал *Вальный сейм* — высший законодательный орган Великого княжества. С 1507 г. он созывался постоянно, и в его компетенцию входило принятие законов, решений о сборе налогов для князя, о созыве шляхетского ополчения. В 1566 г. сейм постановил: никакое изменение в законах невозможно без его одобрения. В отличие от сословно-представительных учреждений других европейских стран, в сейме была представлена только шляхта. Ее депутаты-«послы» избирались по воеводствам и поветам местными сеймиками и должны были отстаивать на сейме наказы своих избирателей.

Окончательно государственное устройство Польши и Литвы определилось во второй половине XVI в. В 1569 г. в ходе Ливонской войны с Россией по Люблинской унии произошло объединение обоих государств в Речь Посполитую с едиными органами власти — сенатом и сеймом. А в 1572 г. после пресечения династии Ягеллонов король стал избираться на сейме, и Речь Посполитая превратилась в своеобразную шляхетскую республику с выборным королем во главе.

Такая модель государственного устройства обеспечила шляхте широкие возможности для политического развития и экономического господства на базе барщинного хозяйства и крепостного права. Привилеи сохраняли местное своеобразие, а широкое самоуправление эффективно охраняло шляхетские права

и от короля, и от крепостных: в Польше и Литве не было ни опричнины, ни крестьянских войн. Но в иных условиях, когда соседние государства превратились в мощные централизованные монархии, шляхетская республика с ее анархической *«златой вольностью»* и отсутствием действенной центральной власти, финансовой системы и регулярной армии оказалась нежизнеспособной.

Глава 3
ЦЕРКОВЬ, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В РОССИИ

■ **Древнерусское язычество.** Язычество — это сложная система появившихся в разные исторические эпохи мифологических и космологических представлений со своими магическими культами, сопровождавшими древних людей от рождения до смерти. Тысячелетние языческие верования в течение многих веков уживались с победившим христианством и в виде многочисленных пережитков дошли до нашего времени.

По сообщению «Слова об идолах» безымянного русского писателя XII в., древние славяне поклонялись *упырям (вампирам) и берегиням*; скорее всего эти культы восходили ко временам каменного века с их представлениями о добрых и злых духах. От той же эпохи дошли русские сказания о «чудищах хоботистых» — мамонтах.

С переходом к земледелию появились разработанный аграрный календарь и культ земледельческих небесных божеств Рода и «рожаниц». Для периода VI—IX вв. уже характерна развитая система космологических представлений: Земля виделась славянам неподвижной, вокруг нее вращались планеты и звезды, а Солнце ночью проплывало по предполагаемому подземному океану. Земным миром ведала богиня плодородия Макошь, над ним существовали два неба — небесная твердь и «верхнее небо» с запасами дождевой воды; миром подземным управлял Ящер и связанный с культом предков бог Волос. Изображе-

ние этих трех сфер на скульптуре давно известного Збручского идола свидетельствует, что славянам уже была известна идея монотеизма — объединения нескольких ипостасей богов в одном изображении, что подтверждает и византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский: «Они (славяне) считают, что только один Бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды. Судьбы они не знают...» Кроме верховных божеств, славяне верили и в мир более близких им существ — леших, домовых, водяных, русалок.

К богам надо было обращаться при помощи магических заклинаний, а просьбы сопровождать соответствующими обрядами и жертвоприношениями. Так образовался устойчивый календарь аграрных в своей основе языческих молений и празднеств, которые уже в рамках христианства дожили до наших дней. В новогодние святки проводились маскарады «ряженых» и гадали о предстоящем годе (девушки — о замужестве); ко дню весеннего солнцестояния была приурочена Масленица с проводами зимы и приготовлением обрядовых блинов — символа солнца. Главным летним событием был день Купалы — древний общеславянский праздник Русалий, день летнего солнцеворота, когда надо было совершать моления о дожде, плодородии полей и разжигать костры по берегам рек с пением, плясками и «игрищами неподобными». Помимо особых праздничных молений, люди стремились всеми возможными мерами оградить себя и свой дом от воздействия чужих, враждебных сил — упырей-вампиров и мертвецов-*навий*. Для этого служили особые заговоры и нанесение специальных знаков на жилище, утварь и одежду. Такими знаками служили изображения солнца и вспаханной земли под крышей русской избы, на наличниках окон, ковшах, прялках, вышитые фигуры языческих богинь на полотенцах, деревянные фигурки бородатых домовых-пращуров.

В эпоху славянского расселения и «предгосударственного» развития происходит изменение в русской погребальной обрядности. Захоронение урн с прахом сожженного покойника в деревянных избушках-домо-

винах сменяется погребением праха в курганах; затем происходит еще один, не вполне еще выясненный, перелом в религиозном сознании — переход от сожжения к простому захоронению тела в кургане с разведением ритуальных костров. При этом по-прежнему покойникам клали в могилу посуду с едой и питьем; крестьянина сопровождал в иной мир нож, женщину — подвенечный убор, воина — оружие. Князя хоронили вместе с рабынями, конями и соответствующим убранством. Неотъемлемой частью древнего быта было и ежегодное поминовение умерших в родительские дни (Радуница, родительская суббота), включенное затем в православный церковный обиход.

В VI—X вв. возникали крупные культовые центры — *святилища*. На обнаруженных археологами городищах (Богит и Звенигород на реке Збруч на Украине) находились специальные *капища* — вымощенные камнем площадки, где ставились идолы, совершались моления и приносились жертвы. В жертвенных ямах находили кости животных, зерно, обычные предметы обихода: стеклянные браслеты (круг — символ Солнца), металлические замки и ключи (символы сохранности), ножи, косы, стрелы (для защиты от злых сил). Богатые люди отдавали золотые и серебряные украшения: височные кольца, колты, гривны. В особых случаях совершались человеческие жертвоприношения — в ямах встречаются и детские черепа, и кости. Круглая форма таких капищ определила их название — *хоромы* (от «хоро» — круг); позднее в христианской религии это древнее слово стало обозначать церковь-храм. Рядом с капищами находились большие общественные постройки, где выпекался культовый хлеб и проходили ритуальные пиры-братчины.

Руководили такими культовыми центрами языческие жрецы-волхвы, разрабатывавшие систему обрядов, тексты молений и их календарные сроки, знавшие лекарственные травы и организовывавшие многодневные общественные празднества.

Формирование древнерусской государственности привело к тому, что в X в. язычество стало государственной религией. Князь Владимир I провел первую

на Руси религиозную реформу, создав общерусский пантеон из шести богов: «И поставил кумиры на холме... Перуна древяна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Даждьбога, и Стрибога, и Семаргла и Макошь». Реформа «устранила» архаических богов Рода и Волоса, на их место выдвинулся покровитель дружинников и войн Перун, а небесный бог Стрибог-Сварог, его «сын» Даждьбог (Солнце) и древняя богиня земли Макошь должны были быть противопоставлены христианскому Богу, Христу и Богородице. Видимо, с этими же усилиями по объединению страны связано появление у князя девятисот наложниц. Этот знаменитый «гарем» Владимира — не свидетельство разгула князя-язычника, а его «священные жены», которые присылались подвластными ему землями; сочетание с ними должно было обеспечить им плодородие и мир.

Наконец, именно с языческой Русью связано возникновение письменности. Сохранилось несколько свидетельств X в. (договоры с Византией 911 и 944 гг., данные арабского путешественника ибн-Фадлана и автора жития славянского просветителя Кирилла) о загадочных «русьских письменах», о характере и происхождении которых до сих пор спорят ученые. Нет полной ясности и в вопросе о происхождении двух славянских алфавитов — кириллицы и глаголицы (по-видимому, с именами Кирилла и Мефодия все-таки связано появление глаголицы); но во всяком случае очевидно, что оба они использовались на Руси с конца IX — начала X в., попав сюда из Болгарии или из Чехии.

Но широкого распространения письменность не получила. Языческая культура Руси ориентировалась на устную традицию и была тесно связана с устным народным творчеством. Обрядовая славянская поэзия — свадебные песни, надгробные плачи, «веснянки» и «колядки» — продолжала бытовать и в XVIII—XIX вв., когда была впервые записана собирателями фольклора. Устно передавались из поколения в поколение и произведения исторического эпоса — былины. Их сравнительно позднее появление было не случайным: объединение племенных союзов в IX—X вв. способствовало утверждению в народном

сознании идеи государственного единства Русской земли и необходимости ее защиты от воинственных соседей-кочевников. Героями наиболее раннего былинного цикла стали пахарь Микула Селянинович и крестьянский сын Илья Муромец, продолжавший, несмотря на обиды, служить великому князю Владимиру, начавшему строительство оборонительных рубежей на южной границе и посылавшему туда «заставы богатырские».

Неразрывная связь языческой культуры с традиционной жизнью славянских племенных общин помешала язычеству в итоге стать общегосударственной религией. Начавшийся в VIII—IX вв. социальный переворот привел к усложнению общественной структуры; появились первые институты многонационального государства, куда, кроме славян, входили народы угро-финского происхождения — карелы, коми, весь, меря, чудь — и тюрки-кочевники; усилились контакты с соседями. Глубокие изменения в обществе неизбежно должны были затронуть и духовную сферу: языческие культы были не в состоянии отразить новую структуру общественных отношений и рано или поздно должны были уступить место более гибкой идеологической системе. Не имело язычество и выработанных цивилизацией средств для контроля над мировоззрением людей: оно не создало устойчивой догматики, канона священных книг, не знало борьбы с ересями. Тесно связанное с фольклорной традицией славянское искусство не могло в законченном виде выразить идею единобожия, подчеркнуть ценность человеческой личности и ее духовного совершенствования. В итоге через несколько лет после появления языческого пантеона государственной религией Руси становится одна из ведущих мировых религий — христианство.

■ **Церковь на Руси.** Изменения в укладе жизни, социальной структуре и организации власти закрепило принятие христианства в его восточном (православном) варианте, что стало еще одной важнейшей реформой князя Владимира. Точно установленные факты распространения христианства на Руси относятся к IX—X вв., когда крещение стали принимать пред-

ставители киевской знати и часть дружинников, а в столице уже существовала в середине X в. церковь св. Ильи; к концу IX в. относятся и первые христианские захоронения на Руси. По-видимому, можно говорить о существовании различных общин и направлений этого учения: такие слова, как «крест», «алтарь», «церковь», «пастырь», имеют западное происхождение. В византийской же церкви не было колоколов, и она не знала понятия десятины.

Распространению новой религии способствовало и расширение международных связей Руси. Князь Владимир Святославич на современном ему историческом фоне выглядел не благочестивым исключением, а правилом: в IX в. христианство приняли Болгария и Чехия, в X в. — Польша, Дания и Венгрия, в XI в. — Норвегия и Швеция, что в известном смысле завершило процесс формирования европейской цивилизации. Окончательный же выбор Русью восточного варианта христианства — православия — был обусловлен как давними связями с Константинополем, так и традициями восточной церкви: тесной зависимостью от светской власти и допущением богослужения на родном языке.

Умелое использование внутреннего кризиса в Византии позволило молодой русской дипломатии избежать при принятии христианства вассальной зависимости от империи и утвердить международный авторитет Руси. Император Византии Василий II в 987 г. вынужден был обратиться к Владимиру за помощью в борьбе против мятежного полководца Варды Фоки. Князь обязался послать на помощь войска и принять христианство в обмен на согласие Василия II выдать за него замуж свою сестру Анну. После разгрома мятежника Фоки (с помощью 6-тысячного русского войска) Василий II, видимо, не спешил с исполнением взятого на себя обязательства; тогда Владимир с войском вторгся в византийские владения в Крыму, захватил Херсонес. Это заставило императора поспешить с бракосочетанием и восстановить мирные отношения. О дате и обстоятельствах этого события ученые спорят до сих пор, что обусловлено трудностью анализа разноязычных источников с различной системой летосчисления. Но когда

бы ни произошло крещение Владимира и его подданных (в промежутке между 988–990 гг.), этот шаг означал, что на Руси появился новый общественный институт — церковь.

С тех времен и до наших дней она сохранила единую систему управления: *митрополит* (с 1589 г. — *патриарх*) — *епархии* (области) во главе с *архиереями* (архиепископами и епископами) — *приходы* (приходские храмы со штатом священно- и церковнослужителей — *причтом*) и *монастыри*.

Православное духовенство разделяется на *черное* (монашество) и *белое* (священников и церковнослужителей) и имеет три степени иерархии — *диаконы, священники* и *епископы*.

Приход — небольшой церковный округ со своим храмом; прихожане (как правило, жители нескольких окрестных деревень или городского квартала) в средневековой России избирали членов причта и кандидата в священники, который затем представлялся для посвящения в сан (*рукоположения*) епископу; с «поставленным» священником прихожане заключали договор о взаимных обязанностях и вознаграждении за службу.

Причт — общее название для служащих при какой-либо церкви лиц. Состоит из священнослужителей (*священники* и *диаконы*) и церковнослужителей (*дьячки, пономари, чтецы*). Священник ведет богослужение и совершает основные *таинства* (крещение, покаяние, заключение брака, причащение и др.); он же учит (проповедует) и исповедует своих прихожан и является для них духовным отцом. Церковнослужители помогают совершать церковные службы, но не имеют «благодати» совершать таинства.

Монастыри — общины отрекшихся от мира иноков-монахов, принявших *обеты* нестяжания, безбрачия и послушания и посвятивших себя служению Богу. Жизнь в мужских и женских монастырях строится на основании *устава*; во главе монастыря стоит настоятель-*игумен* (*игуменья*), подчиняющийся епископу или непосредственно митрополиту. Из рядов монашества формировалась высшая церковная иерархия — епископы, архиепископы, митрополиты и патриархи.

По современным оценкам, в XIII в. на Руси существовало около 60 монастырей и несколько тысяч приходов, значительная часть которых находилась в городах.

В патриархальном обществе церковь, как более зрелая и «опытная» структура, помогала становлению древнерусского государства и взяла на себя часть его функций. В ее руках находился *суд по семейно-брачным и наследственным делам* (наряду с Русской Правдой действовал переведенный с греческого кодекс церковного права — *Номоканон,* или *Кормчая книга*). Вплоть до 1917 г. именно православная церковь осуществляла в России все функции *органов записи актов гражданского состояния* (*ЗАГСа*). В ведении церкви находились определенные категории населения: лекари, клирошане, *калики* (паломники). В эпоху средневековья в церквях оглашались царские указы и манифесты, хранились документы, эталоны мер и весов. Духовенство как самое грамотное до XVIII в. сословие выступало в качестве школьных учителей, переписчиков книг, составителей летописей. Основными учебными центрами становились монастыри, где изучались богословие, церковная литература, греческий язык, искусство красноречия. Из Киево-Печерского и других монастырей выходили первые поколения русской интеллигенции: первый русский митрополит Иларион, летописец Нестор, иконописец Алипий, составитель календарно-математического трактата XII в. иеродьякон Кирик. Они стали авторами выдающихся литературно-публицистических произведений — «Слова о законе и благодати», «Сказания о Борисе и Глебе», «Повести временных лет».

Наконец, приходские храмы служили своего рода центрами общения людей: там можно было увидеть на воскресной службе дальних соседей, там «высматривали» невест, обменивались новостями, заверяли сделки и завещания.

Не менее важной функцией церкви стала и *социальная защита* наиболее обездоленных слоев общества: «...нищих кормление и чад мног, страньным прилежание, сиротам и убогим промышление, вдовам пособие, девицам потребы, обидным заступление, в напастех поможенье, в пожаре и в потопе, пленным

искупленье, в гладе прокормление, в худобе умирая покровы и гробы» — так характеризует эти обязанности памятник XIII в. «Правило о церковных людях». Церковные власти поощряли милостыню, устраивали богадельни; в «церковном доме» могла найти убежище незамужняя женщина с ребенком; под особым покровительством находились паломники, «хромцы и слепцы».

Наступая на традиционные общинные права и обычаи, церковь из столетия в столетие усиливала *контроль за поведением людей* в наиболее консервативной и труднодоступной для государственного вмешательства сфере семейного быта. Грамоты новопоставленным пастырям предписывали неуклонно выполнять свои повседневные обязанности в гуще мирской жизни: «...завтрени и вечерни, часы и молитвы пети, и дети духовные держати, и свадьбы венчати, и к роженицам ходити, и молитвы давати... и больных маслом свящати, и мертвых похоронити». Сейчас трудно себе представить, как тяжело было простым приходским священникам. Им приходилось уговаривать господ «миловать свою челядь» и с большим трудом приучать к новому образу жизни соотечественников, которые «без стыда и срама» имели по несколько жен и наложниц, играли свадьбы без венчания с буйными плясками, «гудением и плесканием», не признавали постов, устраивали языческие «игрища», а то и «творили насилье» прямо в храме.

Постепенно утверждались нормы христианского общежития с непременным крещением и церковным браком, который допускался лишь с установленного возраста (мужчины — с 15 лет, женщины — с 13—14 лет) и лишь дважды — третий уже воспринимался как «свинское житие», а четвертый не разрешался вовсе. Брак заключался для продолжения рода, а никак не «плотноугодия и слабости ради»: поэтому даже законные «любы телесные» ограничивались, и к XVI в. супружеские отношения разрешались только два раза в неделю.

Мужчина обладал в браке несомненным преимуществом: побои жены и детей не считались преступлением (даже наоборот); измена супруги влекла за собой развод и почти всегда ее уход в монастырь, тогда

как муж в подобном случае отделывался штрафом и после развода мог опять завести семью. Однако это не означало полной правовой приниженности женщины. Ухудшение ее социального положения произошло только в XVI—XVII вв., но и тогда женщины сохранили право владеть собственностью: боярыня — селами, а крестьянка — своим приданым. Берестяные грамоты XIII—XV вв. показывают, что новгородские дамы активно участвовали в общественной жизни: давали деньги в рост, делили земельные участки, получали в наследство движимое и недвижимое имущество. Оттуда же дошли до нас и первые образцы брачных контрактов XIII в. Помимо традиционных причин (безвестное отсутствие, уход в монастырь, физическая неспособность к браку), жена могла получить развод и в случае если муж «начнет красть одежду жены или пропивать» или насильственного принуждения к вступлению в интимные отношения. Но обоим супругам запрещалось покидать друг друга в болезни.

Развод (*«роспуст»*) в то время был редкостью — и не только по причине особой теплоты чувств. В аристократическом кругу браки заключались по политическим мотивам, а крестьянские семьи могли нормально существовать только при сочетании мужского и женского труда. Вести дом и хозяйство при холостой жизни было практически невозможным, тем более что она осуждалась и церковью (за исключением ухода в монастырь), и общественным мнением, от которого нельзя было укрыться в общине или небольшом городе.

Дети до вступления в брак находились в полной власти родителей, но последние несли ответственность за незамужество дочери — так же, как и за ее покушение на самоубийство в случае насильственного брака. Отказ от женитьбы после сговора (помолвки), ставивший девушку в щекотливое положение, дорого обходился жениху и его родне: «...за сором ей 3 гривны, а что потеряно (на приготовление к свадьбе. — *Авт.*), тое заплатити, а митрополиту 6 гривен, а князь казнит». Аборты при помощи различного «зелья» были грехом относительно терпимым, как и разного рода сексуальные отклонения. Но за убийство

своего ребенка — обычное явление в средневековье — или незаконный брак (если муж не развелся с прежней женой) женщина попадала в «дом церковный» на исправление и покаяние.

Не менее трудным делом для духовенства было заставить вчерашних язычников «молвити своя грехи» духовному отцу — белому или черному священнику, призванному контролировать повседневную жизнь своих прихожан. Надо было добиться раскаяния, не отпугивая при этом строгостью наказания, чтобы грешник «в отчаянье не впал». По грехам и «по силе» каждого после исповеди назначалось наказание — епитимия, а при огласке какого-либо бытового «грехопадения» его виновники представали перед закрытым епископским судом, «мирян не припущая».

Горизонтальное и вертикальное членение храма должно было напоминать основные христианские представления о мироздании. Община верных предстояла иконам и святилищу-алтарю, где совершались таинства богослужения, а готовившиеся принять крещение («оглашенные») и исполняющие церковное наказание стояли отдельно в притворе (нартексе); над головой верующих символом неба являлись купола с изображением Христа в окружении божественных чинов. Стены и своды здания служили «книгой для неграмотных»: их росписи рассказывали о земной жизни Христа и Богородицы; на противоположной алтарю западной стене, отделявшей храм от притвора, изображались сцены Страшного суда.

В организующем пространстве храмов проявлялись во взаимосвязи все виды средневекового искусства. Для храма создавались книги (сюда их «вкладывали» на помин души, здесь переписывали и хранили), художники писали иконы и расписывали стены и своды здания, городские ремесленники изготавливали церковные сосуды и прочую утварь, а мастерицы — шитые покровы и «воздухи»; в храме же звучали проповеди, молитвы и песнопения. При этом нередко сюжеты живописцев рождались из литературных произведений, а содержание праздничных песнопений передавалось на иконах и фресках.

При помощи разработанного вероучения и стройной организации (ничем этим язычество не обладало)

церковь стремилась освятить и укрепить новый общественный строй. Но если бы дело было только в насаждении сверху в угоду узкой правящей прослойке системы ценностей, чуждой подавляющему большинству населения, то оно было бы обречено на провал: внедрить силой никакую идею нельзя. Утверждение новой религии означало и переворот в мировоззрении людей, которым христианство предложило иную по сравнению с язычеством систему ценностей.

■ **Христианское мировоззрение.** Князя и его дружину вполне устраивал утверждаемый новой верой принцип богоустановленности власти и всего существующего на земле порядка. Принятие христианства было обусловлено и расширением международных связей Руси. Но «крещение Руси» не только соответствовало интересам верхушки общества. Новая религия принесла с собой и неизвестную язычеству идею *равенства* людей. Во-первых, христианство исключало племенные и этнические различия; во-вторых, каждому — от князя до землепашца — предстояло отвечать за свои земные дела на Страшном суде: ни высокое положение, ни богатство не спасали грешника и злодея от геенны огненной, которая доходчиво изображалась художниками на западной стене христианского храма; праведника же за терпение и добрые дела ожидал рай.

Христианство разрывало языческий круговорот бытия: воина эпохи Игоря и Святослава хоронили с оружием для будущих битв, а при жизни он клялся, что при неисполнении договора «да будет раб во весь век в будущий», и предпочитал смерть плену, который предопределял на ином свете его неизбежное рабство. В новой системе ценностей происхождение и социальный статус человека не имели значения: на Страшном суде «смерд» вполне мог оказаться более достойным, чем боярин или князь. При этом новая вера не посягала на земные порядки («Киижду бо раб своего господина хвалит», — писал знаменитый проповедник XII в. Кирилл Туровский), хотя и осуждала резкий разрыв между евангельскими нормами и реальностью грешного мира. Но само признание равенства — хотя бы только перед Богом — и уверенность

в грядущем разрешении всех земных противоречий до определенной степени сдерживали страсти и смягчали остроту социальных конфликтов.

Кроме того, христианство возвышало личность человека, *созданного по образу и подобию Божьему*, т. е. человека-творца, создателя, выбирающего своим разумом свой путь и отвечавшего за свои поступки. Такой подход к личности противостоял родовому языческому быту, требовавшему подчинения отдельного человека роду, традициям и судьбе-року. Но христианство не только уравнивало людей перед божеством; оно вырывало их из круговорота слепой космологической зависимости: *личная ответственность невозможна без свободы личностного выбора* и духовной самостоятельности каждого человека, который отныне мог по мере своих сил приобщиться к божественной благодати («нетварной энергии»). А навстречу ему раскрывался Бог в человеческом лице Иисуса Христа, реально соединившем божество со всей природой человека. Личностное восприятие мира как Божьего дара давало христианину надежду: даже на пороге смертного часа раскаявшийся грешник мог получить прощение и облегчить свою участь.

Такой подход поднимал человека на немыслимую для языческого мироощущения высоту и представлял его важнейшей частью мироустройства. «Человек — благороднейшее из сотворенных существ. Он соединяет в себе смертное с бессмертным, разумное с неразумным, представляя своей природой образ всего творения, и справедливо называется поэтому «малым миром». Ради человека и для его нужд создано все в мире. Бог творил его по своему образу и подобию и ради спасения его сам вочеловечился» — так емко охарактеризовал новое мировоззрение епископ IV в. Немесий Эфесский. Именно в свободном общении человека с Богом видел выдающийся древнерусский писатель XI в. Иларион превосходство новой веры, которая в назначенное время дошла «до нашего народа русского» и распространилась здесь усилиями князя Владимира.

Новое истолкование мира и роли человека в нем открыло людям мудрость «чудно» и «дивно» устроенной Вселенной, которую выразил знаменитый полко-

водец и государственный деятель, великий князь киевский Владимир Мономах: «...велий еси, Господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в векы по всей земли. Иже кто не похвалит, ни прославляет силы твоея и твоих великых чудес и доброт, устроенных на сем свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, Господи, твоим промыслом! Зверье разноличнии, и птица и рыбы украшено твоим промыслом, Господи! И сему чюду дивуемся...» Установка на свободу личности человека, созданного по образу и подобию Бога-творца, стала характерной чертой европейской культуры, определила ее открытость и терпимость по отношению к другим типам культуры — и в то же время принципиально отличала ее от фаталистического мира ислама и восточных культур, для которых человек — лишь частное проявление универсального потока жизни.

Но в рамках европейского культурного единства имелись и отличия, вызванные разными путями развития регионов и доставшимися от прошлого традициями. Русь не знала и не осваивала непосредственно составившее важнейший источник западноевропейской культуры античное наследство с его городскими культурными центрами, римским правом, латинской образованностью и классической школой. Вплоть до XVII в. Русь не была знакома со *схоластикой* — христианским философствованием, которое пыталось рационально истолковать и обосновать церковные догматы.

И само христианство пришло на Русь уже в «готовом» виде, с утвержденной догматикой и культом после столетий борьбы за чистоту вероучения. Поэтому в фундамент духовных основ русской культуры закладывались не интеллектуальный поиск или правовое устройство общественной жизни, а идеи внутреннего преобразования личности в обществе, развитие которого определяло государство, являвшееся и главным собственником. При этом категории «милосердие» и «совесть» стояли выше, чем «справедливость» и «закон». При отсутствии «школьных» традиций систематического мышления русской культуре и искусству пришлось взять на себя задачу приобщения

людей к миру духовности не через интеллект, а через чувство: философские идеи воплощались не в виде понятийно-логических конструкций, а в художественно-пластических образах.

Акт принятия христианства в качестве государственной религии не означал, конечно, быстрого и повсеместного его утверждения в обществе; это был длительный и сложный процесс. Наиболее заметен он был в городах, где население было меньше связано патриархальными традициями и где шло активное храмовое строительство. Так, если во второй половине XI в. было построено всего 18 церквей, то во второй половине XII в. — уже 112. Однако в это время и на юге, и в северо-восточном Суздале прямо за городским валом по-прежнему насыпались курганы. Только в XIII в. погребения по языческому обряду начали исчезать, на севере он сохранялся до начала XVI в., а еще спустя 50 лет новгородские архиепископы жаловались в Москву о «скверных молбищах идолских» во главе с «арбуями» — жрецами.

И в городе, и в деревне христианизация привела к *двоеверию* — устойчивому религиозно-магическому синкретизму языческих и христианских верований и обрядов, что было в известной мере характерно и для других европейских стран, где примитивное восприятие основных положений вероучения и культа сопровождалось его фольклоризацией и паганизацией, т. е. «объязычиванием». Сочетанию церковной культуры и повседневной жизни соответствовало двуязычие: в храме звучал церковнославянский (древнеболгарский) язык, а в миру говорили на разговорном древнерусском. При рождении средневековый человек получал два имени — языческое и крещальное, а в придачу к ним — прозвище, сопровождавшее его всю жизнь; понятие фамилии появится в кругу дворян в XV в., а у крестьян — только к концу XIX в., и то лишь по официальным документам.

Священному пространству храма и красному углу крестьянской избы с иконами и лампадами противостояли «нечистые» места: перекрестки дорог, овин и баня (в ней проживали «домашние» темные силы, там полагалось снимать крест и совершать гадания). Вместе с молитвами в течение многих столетий в упо-

треблении оставались заговоры на все случаи жизни, подобные тому, что сохранился в безымянной новгородской грамоте XIV в.: «Как разгорелось сердце мое и душа моя до тебя, и до виду до твоего, и до тела до твоего, так пусть разгорится и душа твоя до меня, и до виду моего, и до тела моего». В повседневной жизни за помощью в деликатных ситуациях обращались не только к священнику, но и к местным колдунам-волхвам за «зельем» для «приворожения», лекарственными травами или просто за советом. Ведь до XVI в. приходские церкви не всегда были рядом с домом, а многие языческие святилища продолжали действовать до XIII в. Форма погребального обряда постепенно становится христианской, но вместе с крестами и образками в могилу кладут амулеты-обереги — металлические подвески-коньки, бубенчики, кремневые ножи и наконечники стрел.

По крайней мере до XVII в. вполне терпимыми «конкурентами» духовенству выступали скоморохи («веселые»), которые вполне легально занимались своим ремеслом, отмечались в переписях как постоянные городские или сельские жители, их «бесчестье» (оскорбление) даже каралось штрафом. В репертуар скоморохов входили и вполне серьезные духовные стихи, а сами они рассматривались как обладатели магических знаний и силы. По праздникам или на свадьбах, куда вместе призывали «иереев со кресты, а скоморохов с дудами», последние выступали как необходимые служители смеха и веселья, которых нельзя было прогнать и с которыми церковь до поры вынуждена была мириться.

Регулирование бытового поведения людей требовало осторожности. Духовенство постепенно вводило языческие ритуалы в рамки церковного календаря: святки стали частью праздника Рождества, а ночь на Ивана Купалу «совместила» языческие Русалии и Рождество Иоанна Предтечи. Но и спустя 500 лет после крещения Руси в церковных поучениях постоянно звучало осуждение подобных празднеств: «Стучат бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и плясание и главам их покивание, устам их неприязнен клич и вопль, всесквернены песни, бесовские угодия совершахуся, и хребтом их

вихляние, и ногам их скакание...» — сокрушался из-за поведения своих прихожан игумен одного из псковских монастырей Памфил в 1505 г. Священнослужители упрекали свою паству и в том, что она не часто посещает церкви, верит в дурные приметы, откликается на «чих» заклятием (от которого происходит наше «будьте здоровы!»). К тем, кто по-прежнему поклонялся «бесом, и болотом, и кладезем», предписывалось применять «наказанье и поученье ни единожды, ни дважды, но различно, дондеже уведают и уразумеют воистину».

В народных представлениях христианские святые, подобно языческим божкам, принимали на себя «заведование» повседневными житейскими проблемами: Флор и Лавр охраняли лошадей, св. Терентий — кур; Николай-угодник (иностранцы говорили о нем в XVI в. как о «втором русском Боге») был покровителем всех путешествующих и странствующих; св. Антипе надлежало молиться об избавлении от зубной боли, а Моисею Мурину — от «винного запойства». Появились на Руси и особенные «народные» святые: Никодим Кожеезерский, умерший от отравы, приготовленной другому его злодейкой-женой; Артемий Веркольский, в 12 лет убитый молнией в поле, где пахал с отцом; Варлаам Керетский, убивший жену и наложивший на себя обет — плавать в лодке с покойницей вдоль берега Белого моря, пока «мертвое тело тлению предастся». Вопреки церковным канонам стал святым Кирилл Вельский, принародно утопившийся в реке из-за притеснений воеводы. Эти святые — простые крестьяне — не совершали подвигов и не принимали мучений за веру, но в народном сознании сподобились святости за перенесенное ими горе.

Но надежда на святых покровителей и на рубеже XX в. сочеталась с верой в леших и домовых; смешение верований и обрядов приводило к тому, что после молебна о дожде крестьяне могли катать священника в облачении по пашне с произнесением соответствующих заговоров. «Двоеверие» было характерно не только для повседневной народной жизни. И для «верхов» древнерусского общества принятие христианства не всегда означало отказ от традиции. Первый русский митрополит Иларион, прославляя князя Владимира,

ставил в один ряд с ним язычников — «старого Игоря, сына же славного Святослава», поскольку они «мужьством же и храбрьством прослуша (прослыли) в странах многих и поминаються ныне и словуть. Не в худе бо и не в неведоме земли владычествоваща, но в Русьской, яже ведоша и слышима есть всеми коньци земля». Гордость за величие и равноправие Руси в ряду других христианских стран не отвергала ее языческое прошлое и деяния ее князей. В XI—XIII вв. князья так же, как и их подданные, носили двойные имена, совершали языческие воинские обряды («постриги»); на княжеских дворах устраивались веселые пиршества с «играми», на которых исполнялись ритуальные языческие танцы, запечатленные на женских браслетах XII в.

Языческие образы и сюжеты органично вписывались и в мир высокой культуры: мифологические животные и птицы (грифоны, львы, «древо жизни») присутствуют в росписи Софийского собора в Киеве, в декоре белокаменных владимирских соборов XII в., в ювелирных произведениях киевских мастеров. Древнейшие языческие идеограммы (вроде иранского по происхождению Сэнмурва-Симаргла — крылатого зверя, хранителя «древа жизни») встречались в орнаменте и заставках, украшающих вполне христианские по содержанию рукописи, и силой своего эмоционального воздействия готовили читателя к нелегкому делу чтения и постижения новых мировоззренческих истин. По воле автора «Слова о полку Игореве» герои обращались за помощью к языческим стихиям (ветру, солнцу, Днепру), а князь Всеслав Полоцкий представал в фантастическом образе волка-оборотня, способного затмить солнце. Все эти образы были вполне понятны современникам спустя двести лет после крещения Руси и естественно вписывались в мировоззрение людей той эпохи, которое по целому ряду «параметров» отличалось от современного.

■ **Нарушенная «симфония».** От Византии Древняя Русь унаследовала тесную связь государственной власти и церкви — вплоть до того, что функции царя и патриарха смешивались. Патриарх короновал императора, а император считался блюстителем веры и за-

щитником церковных догматов; он был единственным из мирян, кто имел право входить в алтарь и даже участвовать в богослужении. На практике императоры постоянно вмешивались в церковные дела и догматические споры и даже смещали неугодных патриархов.

Утверждение христианства и церковной организации на Руси происходило по воле князя и обусловило ее зависимость от княжеской власти. Князья обеспечивали церковь материально: в X—XI вв. она получала *десятину* — десятую часть отчислений от княжеских доходов: штрафов, пошлин и натуральных даней; этот порядок вместе с другими правами церкви был закреплен в особых «Уставах». Князья же помогали создавать церковную организацию — появились епархии в крупнейших центрах Руси — Чернигове, Новгороде, Ростове. С расширением границ княжеских владений строились новые церкви; вместе с выделением отдельных земель в XII—XIII вв. появлялись и новые епископские кафедры в Смоленске, Галиче, Рязани, Владимире. К середине XIII в. на Руси было 16 епархий, соответствующих крупным русским княжествам.

Это говорит о том, что церковная структура складывалась у нас не по византийскому образцу, а в соответствии с местными условиями. Такая единая церковная организация в известной мере восполняла политическую раздробленность Руси. Прибывавшие вместе с митрополитами художники и ремесленники приносили на Русь традиции византийской культуры, в том числе опыт строительного искусства, живописи, музыки.

Однако назначение митрополита в Киев проходило в Константинополе, т. е. во главе русской церкви становились митрополиты-греки, представители другой державы, отстаивавшие прежде всего интересы патриархии. Уже в XI—XII вв. князья пытались нарушить эту традицию. Так, Ярослав Мудрый устроил в 1051 г. поставление собором епископов в митрополиты русского священника Илариона, а в 1147 г. внук Мономаха Изяслав Мстиславич выдвинул в митрополиты «книжника и философа» Климента Смолятича, но в обоих случаях после смерти князей-покровите-

лей старый порядок поставления митрополитов-греков был восстановлен.

Русские князья стремились обеспечить себе поддержку со стороны влиятельных церковных корпораций и боролись за право покровительства отечественным святыням — таким, например, как мощи первых русских святых князей Бориса и Глеба. Они же выдвигали кандидатов в епископы из числа близких к ним духовных лиц; княжеские семьи становились покровителями — «ктиторами» — основанных ими монастырей и распоряжались монастырским и храмовым имуществом. В период феодальной раздробленности епископы вмешивались в политическую борьбу на стороне «своих» князей. Так, владимирское духовенство помогло Андрею Боголюбскому в утверждении патронального культа Богородицы перенесением из Киева на север почитаемой иконы Богоматери — будущей Владимирской — и введением не санкционированного Константинополем и киевским митрополитом праздника Покрова. Случались (у того же Андрея и других князей) и конфликты с церковными иерархами и монастырями, но все же через 200 лет после крещения Руси православная церковь стала важным и влиятельным институтом в феодальной общественной структуре.

Уже в конце XI в. Киево-Печерский монастырь принял «волости» от князя Ярополка Изяславича и обзавелся «рабами», а в XII в. земельные владения получают и епископы: церковь стала превращаться в феодального землевладельца. Кроме того, духовенство по-прежнему пользовалось доходами от штрафов и пошлин церковного суда и вознаграждениями за совершение церковных служб по просьбам прихожан — крещение младенцев или венчание молодых. Люди средневековья в заботе о своей душе и о судьбе умерших родственников дарили церквям и монастырям «вклады» — книги, ценные вещи, деньги и нередко собственные земельные владения-вотчины. Имена жертвователей записывали в особую книгу-синодик, и монахи обязаны были поминать своих благодетелей «доколе святая обитель стоит». Так путем княжеских пожалований и вкладов частных лиц складывалось церковное землевладение.

Татарское нашествие нанесло огромный урон всему обществу и церкви. Погибли возглавивший оборону Владимира епископ Митрофан и переяславский епископ Симеон. Множество других церковных людей были убиты или уведены в плен, разрушены монастыри и церкви, разграблено их имущество, сожжены иконы и книги. Но вместе с тем монгольская политика во всех покоренных землях предусматривала веротерпимость и покровительство служителям церкви всех народов. И на Руси установление ордынского господства сопровождалось освобождением духовенства от налогов. Первый из дошедших до нас ярлык хана Менгу-Тимура 1267 г., помимо дарования церкви податных льгот, освободил ее от обязанности предоставлять подводы для ханских послов и запретил расхищение церковного имущества. Освобождение от дани и других податей и повинностей содержалось и в последующих ярлыках 1309, 1351 и 1357 гг.

В самой Орде появилась русская (Сарайская) епископия — ее владыки осуществляли дипломатические связи Орды с Византией и с русскими князьями и одновременно духовно «окормляли» попавших в неволю пленников. Русское духовенство в своих молитвах поминало ордынского «царя», но в то же время церковь установила культ «новых мучеников» — князей, погибших от рук «безбожных» татар. Так, были канонизированы великий князь владимирский Юрий Всеволодович, ростовский князь Василько Константинович, рязанский князь Роман Ольгович; наибольшее распространение получил культ черниговского князя Михаила Всеволодовича, отказавшегося пройти монгольские обряды очищения огнем в ставке хана.

Канонизация — причисление высшей церковной властью умершего человека как «подвижника веры и благочестия» к сонму святых — лиц, которые удостаиваются особой благодати и молятся за живых христиан, а те, в свою очередь, должны воздавать им молитвенное чествование. Основанием для канонизации, как правило, служат проявившиеся при жизни или после смерти кандидата чудеса, нетление его останков-*мощей* и «святая жизнь». Канонизация предусматривает установление дня празднования памяти святого, со-

ставление особой службы в его честь и биографии-*жития* с описанием чудес. До начала XVIII в. церковью были признаны для общецерковного и местного почитания более 200 русских святых.

Татарское иго задержало и деформировало развитие древнерусского общества. Татарская политика усилила раздробленность. В XIII–XV вв. на Руси не сложилось ни светской рыцарской, ни городской культуры как самостоятельных направлений. Религиозное мировоззрение именно в этот период завоевывает господствующие позиции в обществе, проникая в крестьянскую среду. Церковь сохранила единство, но митрополит Максим перебрался в 1299 г. из разоренного Киева на север, во Владимир. В ходе борьбы между Москвой и Тверью Иван Калита сумел уговорить его преемника Петра переехать в Москву. Для московских князей был очень важен союз с церковью: при митрополите **Алексии (1354–1378)** из княжеских пожалований складываются основные земельные владения кафедры, представлявшие целые обширные волости и город Алексин. Митрополит в своих землях имел право сбора дани и суда; у него были свои бояре и военные слуги — *дети боярские*.

Но возрождение могущества Руси требовало не только материальных средств. Нужен был моральный импульс, сознание национальной духовной общности, подвиг для объединения разобщенных и связанных повседневными заботами и страхами людей. Эта миссия в отечественной культуре выпала на долю **Сергия Радонежского (1321–1391)**, его учеников и последователей. Секрет авторитета Сергия и его духовного влияния, хорошо видного современникам, не отражался в письменных источниках, и его «тихое и чудное житие» во многом остается скрытым для людей последующих поколений. Но даже то, что дошло до нас, позволяет увидеть, что настоятель маленького монастыря сумел воплотить в себе лучшие качества национального характера (спокойствие духа, внутреннюю свободу и верность своим принципам), что помогло ему возродить и обновить традиции церковной жизни. Сергий сочетал в себе знатность происхожде-

ния с бескорыстием, постоянным трудом и утверждал своей жизнью нравственный идеал эпохи («чему словом учил, то сам делом творил»), привлекая к себе людей из разных слоев общества.

Главным итогом его деятельности стало создание нового для Руси типа общежительных монастырей, основанных на равенстве, строгом нестяжательстве и личном труде братии. Уходившие на «взыскание места пустынного» монахи создавали новые экономические и религиозно-культурные центры, обраставшие хозяйственными постройками и крестьянскими слободами; всего ученики Сергия основали около 40 общежительных монастырей. Новые обители способствовали колонизации некогда окраинных земель и закреплению их за Москвой. Не случайно основатель и игумен Троицкого монастыря Сергий оказался в 1374 г. на съезде русских князей в Переяславле-Залесском, где было принято решение о начале борьбы с Ордой, а затем стал духовным отцом другого героя эпохи — Дмитрия Донского.

При этом он вовсе не был безусловным сторонником московской великокняжеской власти. Вместе с другими церковными деятелями Сергий выступил против Дмитрия Донского, когда тот захотел возвести на митрополичий престол своего ставленника, священника Митяя, и изгнал из Москвы законного митрополита Киприана. Сын Дмитрия Донского, Василий I, в 1392 г. заставил церковь участвовать в уплате ордынской дани — «выхода». В период феодальной войны между князьями московского дома епископы и монахи не раз колебались в выборе, как рязанский епископ Иона, который сначала занял митрополичий престол по воле Дмитрия Шемяки, а затем перешел на сторону Василия II. В итоге иерархи русской церкви оказали поддержку Василию II в борьбе с его противниками и в **1448 г.** с санкции великого князя выбрали митрополитом рязанского епископа **Иону**. Отныне русская церковь стала самостоятельной (автокефальной): ее глава выбирался собором русских епископов, а не назначался константинопольским патриархом.

И великий князь Василий II, и церковь единодушно отвергли *Флорентийскую унию* 1439 г. и при-

нявшего ее «латынского злого прелестника» митрополита-грека Исидора — он был арестован и вынужден бежать из Москвы. Собор 1459 г. закрепил новый порядок поставления главы русской церкви «по святым правилом святых апостол и святых отец и по повелению господина нашего, великого князя, русского самодержца». Разрыв с патриархом-вероотступником дал возможность русской церкви обрести независимость, но одновременно оставлял ее один на один с крепнувшей властью московских государей.

Флорентийская уния — объединение православного и католического исповеданий, заключенное на церковном соборе 1439 г. по инициативе византийского императора Иоанна VI с целью получения помощи против турецкой агрессии. Предусматривала признание главенства римского папы и католическое толкование Символа веры, но разрешала принятый у православных брак белого духовенства и богослужение на родном языке. Надежды императора на помощь оказались напрасными: Константинополь пал под натиском турок в 1453 г., а сама уния была отвергнута греческим духовенством и народом.

В процессе объединения русских земель вокруг Москвы светская власть начала наступление на привилегии землевладельцев: великие князья постепенно ограничивали их налоговые льготы и подчиняли настоятелей монастырей своему суду (по светским делам). Особенно задели эти меры церковь: ей (архиерейским кафедрам и крупнейшим монастырям) принадлежало в первой половине XVI в. примерно 20% всех пахотных земель и угодий в государстве. В 1478 г. Иван III конфисковал половину владений новгородского архиепископа и 6 монастырей, а на церковном соборе 1503 г. пытался «у митрополита, и у всех владык, и у всех монастырей села поимати», но встретил мощное сопротивление церковных властей и отступил.

Василий III в отношениях с церковью был более осторожен и получил поддержку влиятельного игуме-

на Волоколамского монастыря **Иосифа** и вышедшего из этой обители митрополита **Даниила (1522–1539)**. Митрополит своей властью санкционировал развод и новый брак Василия III и расправы великого князя со своими политическими противниками, а Иосиф Волоцкий в своих сочинениях провозглашал божественный характер царской власти: «Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властию же подобен есть вышням Богу», на земле же царь является высшим судьей и в светских, и в церковных делах, и его «суд не посужается».

И позднее сотрудничество церкви с царской властью не раз приводило к конфликтам. Церковные соборы 1547 и 1549 гг. во главе с митрополитом **Макарием (1542–1563)**, видным политиком и писателем, канонизировали 39 «новых чудотворцев» (в числе святых, в основном епископов и настоятелей монастырей, был и князь Александр Невский), что поднимало престиж церкви. Тот же Макарий принимал активное участие в заседаниях Боярской думы и во внешнеполитических делах. В 1547 г. он стал одним из организаторов венчания Ивана Грозного на царство и возложил на его голову «шапку Мономаха». Но на церковно-земском соборе 1551 г. молодой царь вновь поставил вопрос, «достойно ли» монастырям приобретать села, вести торговлю и судебные тяжбы. И опять высшее духовенство объявило церковное и монастырское землевладение незыблемым, а покушавшихся на него — «разбойниками». Но все же с 1551 г. продажа вотчин монастырям разрешалась только с санкции царя; тогда же начался пересмотр жалованных грамот духовных землевладельцев — их лишили права не платить основных налогов и таможенных пошлин.

Жестокости опричнины Ивана Грозного вызвали сопротивление со стороны руководства церкви. В 1566 г. митрополит Афанасий демонстративно сложил с себя сан; новый глава церкви, **Филипп Колычев (1566–1568)**, стал публично обличать репрессии и угрожал царю гневом божьим. Но Иван IV сумел расколоть ряды высшего духовенства: щедрыми льготами он привлек на свою сторону нескольких епископов и настоятелей монастырей. Строптивый митропо-

лит был осужден, низложен и сослан в отдаленный монастырь, а позднее задушен знаменитым опричником Малютой Скуратовым во время похода на Новгород. Царской опале подвергались и другие епископы. А опричники царя по его воле одевались в грубые монашеские одежды и ежедневно собирались на церковные службы и трапезы во главе с царем-«игуменом» — такое «братство» своих верных слуг царь, видимо, считал идеальной моделью организации общества.

После свержения Филиппа на митрополичий престол возводились безликие фигуры, которые безропотно благословляли все действия Ивана Грозного и даже запрещенный канонами четвертый и последующий браки. Так же, как с бывшими опричниками, царь расправился и с угодничавшими перед ним иерархами — новгородскими архиепископами Пименом и Леонидом и рязанским епископом Филофеем. Однако в борьбе с руководством церкви царь раздавал и восстанавливал привилегии духовных корпораций (московский Симонов монастырь был даже взят в опричнину), и в целом опричные потрясения привели к обогащению многих монастырей. Туда охотно отдавали свои вотчины служилые люди — взамен они пожизненно пользовались доходами с них или постригались в стенах обители.

Со смертью грозного царя испытания для церкви не закончились. В ожесточенной борьбе за власть при неспособном к правлению царе Федоре был лишен сана митрополит Дионисий. Он пострадал вместе с родом бояр Шуйских, стремившихся развести царя с женой — сестрой Бориса Годунова и устранить последнего от власти.

Следующий глава церкви, бывший настоятель опричного Симонова монастыря и доверенное лицо правителя **Иов** в **1589 г.** получил высший духовный сан патриарха. Официально вполне каноническая процедура поставления Иова константинопольским патриархом Иеремией скрывала расчетливую интригу московского двора. Прибывший в Москву за пожертвованиями патриарх-грек попал, по сути, под домашний арест: Борис Годунов и его окружение щедрыми посулами и угрозами заставили его согласиться на учреж-

дение патриаршества в России и поставление указанного ему кандидата. Так окончательное закрепление независимости русской церкви от Константинополя в нормах канонического права прошло по инициативе и под давлением светской власти.

В годы Смуты противоборствующие стороны ставили во главе церкви «своих» патриархов. Патриарх Гермоген поддерживал царя Василия Шуйского и после его свержения в своих посланиях призывал к защите православной веры и сплочению национальных сил; а находившийся в лагере Лжедмитрия II Филарет (бывший боярин Федор Никитич Романов, насильно постриженный в монашество соперник Бориса Годунова) вместе с другими боярами приглашал на русский престол польского королевича Владислава.

После утверждения новой династии Романовых Филарет вернулся из польского плена и был торжественно избран патриархом. **Филарет (1619—1633)** был фактическим соправителем своего сына — царя Михаила: также именовался «великим государем», устроил свой двор и учредил патриаршие приказы (Разрядный, Казенный, Дворцовый, Судный), которые судили подчиненное духовенство и ведали хозяйством и денежными сборами с патриарших вотчин. Архиереи, монастыри, их слуги и население их вотчин вновь стали независимыми от местной администрации и ее суда по гражданским делам.

Так попытки светских властей ограничить или совсем конфисковать церковные земли остались нереализованными. Во внутренней и внешней политике правительство нуждалось в поддержке церкви и пошло на союз с ней. Его результатами уже в XVI в. стали подавление возникавших ересей, осуждение знакомства с «чужой» культурой, распространение идеологии «самодержавства».

Общегосударственная канонизация, составление официальной истории («Степенной книги»), сборника рекомендуемой литературы («Великие Четьи-Минеи» митрополита Макария), правил для иконописцев («иконописные подлинники»), наставлений в повседневной жизни («Домострой») — все эти меры были направлены на усиление контроля над духовным миром людей, определяли круг тем, мыслей и об-

разов, пригодных для благочестивых и послушных подданных. После Смуты церковные и светские власти осуждали контакты с иностранцами, запрещали книги «немецкой печати», церковный собор 1620 г. даже постановил заново крестить всех принимавших православие иностранцев на русской службе и испытывать в вере побывавших за рубежом православных.

Церковь внесла свой вклад и в сакрализацию царской власти: царь был единственным из мирян, кто мог входить в алтарь. Второго царя новой династии, Алексея Михайловича, в церковных службах уже называли при жизни «святым» вместе со всем родом. Такая политика церкви способствовала укреплению крепостничества и самодержавия, т. е. придавала процессу централизации консервативный характер. Но благодаря этому церковь надолго сохранила свои земельные богатства и относительную автономию.

Только Земский собор 1648 г. и Соборное уложение отменили судебную привилегию церкви — отныне суд над духовенством и зависимыми от него людьми осуществлял Монастырский приказ. Категорически было запрещено дарить или продавать монастырям вотчины. Посадская реформа отобрала в казну городские владения епископов и монастырей — «белые» (т. е. освобожденные от податей) слободы и дворы.

Но зато государство решительно поддержало церковь в проведении *церковной реформы* — исправлении и унификации текстов богослужебных книг и обрядов по греческому образцу. Ее проведение новым патриархом **Никоном (1652–1666)** было вызвано не только «нестроениями» в самой церкви, но и внешнеполитическими планами правительства: именно в это время решался вопрос о присоединении Украины, шли переговоры о том же с молдавским господарем, и надо было устранить религиозно-обрядовые расхождения с православными церквями этих стран.

■ **Царь и патриарх.** Родившийся в семье простого крестьянина, Никон (Никита Минов) уже в 20 лет стал священником. Затем благодаря своей памяти, способностям и энергии сделал стремительную карьеру в монашестве, познакомился с юным царем Алек-

сеем Михайловичем и стал по его рекомендации новгородским митрополитом, а потом и патриархом. Созванные по его инициативе церковные соборы 1654, 1655 и 1656 гг. постановили устранить различия в богослужебных книгах и обрядах между русской и константинопольской церквями, в том числе заменить *двоеперстие* на *троеперстие* при совершении крестного знамения, восьмиконечный крест — на четырехконечный; в текстах служб вместо «Исус» стали писать «Иисус» и т. д.

Совместная борьба с *расколом* (см. главу 7) не предотвратила столкновения государства и руководства церкви в лице властного патриарха, стремившегося сохранить свою роль ближайшего советника царя. Никон фактически играл роль главы государства, когда царь отправлялся в военные походы; вмешивался в деятельность приказов. Патриарх убеждал царя начать войну со Швецией — он мечтал об объединении сил всех христианских государей в борьбе с «басурманами».

Но дело было не только в самовластии патриарха. Никон не менее энергично централизовал и управление церковью, но при этом стремился сохранить ее автономию. В предисловии к изданному в 1655 г. служебнику он прославлял «премудрую двоицу: великого государя царя Алексея Михайловича и великого государя святейшего Никона патриарха, которые праведно преданные им грады украшают и суд праведный творят». Царь называл патриарха «отцом», т. е. высшим авторитетом, и даже после разрыва с Никоном не мог самостоятельно переменить или судить патриарха: это могли сделать только другие патриархи. Низовые же звенья церковной организации сохраняли еще демократические традиции — прихожане выбирали священников. Он заключал с ними договор, где обязывался совершать службы, навещать больных и «без мирского ведома не съезжати» из деревни. Независимость церкви неизбежно входила в противоречие с усиливавшейся светской властью — итогом этого столкновения был разрыв царя со своим «собинным другом». В 1658 г. Никон отказался от патриаршества, сохранив за собой сан патриарха, но все же надеялся вернуть себе престол на своих условиях.

«Дело» опального патриарха затянулось на несколько лет. Никон отчаянно защищался от всех обвинений и в свою очередь доказывал: «Не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство пользуются... яко священство царства превыше есть». Только на Соборе 1666—1667 гг. Никон был осужден и лишен сана. Опальный патриарх высмеял своих судей, как «бродяг» и «султанских невольников», отказался принять царские подарки и отправился в северный Ферапонтов монастырь простым монахом. Умер он в 1681 г., по пути из ссылки, откуда его вернул следующий царь Федор Алексеевич.

Однако окончательно подчинить церковь в то время еще не удалось; более того, царь пошел на уступки: ликвидировал Монастырский приказ и освободил духовенство от светского суда. Церковь смогла отстоять многие привилегии и не только сохранила свои земельные владения, но к концу XVII в. даже расширила их. По-прежнему православные иерархи боролись против привлечения на службу иноземцев: «Гощения их и состроенные напитки, и зловонная табака, и танцы со органы толико християнских душ погубиша», считая что такое общение непременно приведет к утверждению «ереси латинской и лютерской». В 1690 г. патриарх Иоаким в своем завещании обращался к молодому Петру I, умоляя царя разорить «еретические» храмы и не допускать общения православных с иноверцами.

Глава 4

ЛЮДИ СЛУЖИЛЫЕ И ТЯГЛЫЕ

■ **Что такое сословия?** Если бы средневековый человек каким-нибудь невероятным образом оказался в большом современном городе, он был бы поражен не только техническими достижениями, но и чрезвычайной мобильностью общества. Человек нашей эпохи имеет широкую возможность выбора: чему учиться, кем стать, где и как жить и работать, с кем дружить — даже с учетом неизбежных ограничений по способностям, образованию или материальному положению.

Более того, один и тот же человек несколько раз на дню может сменить свою социальную роль — после утра в студенческой аудитории отправиться на работу в офис какой-нибудь фирмы, а вечер провести в компании друзей-художников или автолюбителей.

В жизни средневекового общества неизмеримо большую роль играла традиция, изначально и навсегда определявшая жизненный путь человека. С рождения он получал четко определенный социальный статус (крестьянин, посадский человек, холоп, дворянин и т. д.), который практически нельзя было изменить. Принадлежность к какой-либо группе определяла и профессию: повзрослевший дворянский недоросль и в XVI, и в XVIII столетии отправлялся служить в полк на смену отцу; крестьянский сын с детства приобщался к деревенской работе, не имея возможности — и даже не подозревая о таковой — сменить род занятий. Закон определял права и обязанности людей по-разному: одно и то же преступление грозило дворянину тюремным заключением или лишением поместья, а крестьянину — битьем кнутом или отсечением руки. Штраф за оскорбление — *бесчестье* — мог достигать 50-кратной разницы в зависимости от социального положения потерпевшего.

Намеченные с детства жизненные рамки дополнялись повседневным контролем со стороны той группы, к которой человек принадлежал по рождению или профессии: феодального рода, купеческого объединения, крестьянской или монастырской общины. Средневековье — это мир личных связей, когда вся жизнь человека в деревне или небольшом городе проходила на виду у соседей и родных, формировались четкие стандарты поведения и ценностей, отклонение от которых вызывало и официальное (со стороны властей и церкви), и неофициальное, но еще более действенное осуждение. Но при этом принадлежность к «своей» группе означала реальную защиту, покровительство, взаимопомощь; страшным наказанием и несчастьем становилось изгойство, когда человек оказывался фактически вне закона в суровом средневековом мире.

В этой системе человек являлся не столько личностью, сколько частью иерархического устройства об-

щества и мира. Каждая социальная группа создавала свой «образ жизни» с присущими ему поступками и их «оформлением» — ритуалом, чего требовали и хозяйственная деятельность, и война, и дипломатия, и бытовое поведение. Такие «образцы» предстают перед нами в средневековых литературных памятниках. В том мире князя окружали «бояре думающие» и «мужи храбрствующие», которым надлежало «искать себе чести, а князю славы». Бояре и дружинники доставляли своему князю «высокие столы» и получали от него по заслугам «честь», которая вполне могла иметь материальное выражение в виде захваченной в бою добычи. При этом накопление ценностей и тем более их приумножение путем торговли или ростовщичества для феодала неприемлемы: знатность предполагает демонстративную щедрость и расточение богатства для награждения достойных, пиров, церковных пожертвований.

Идеал князя-воина рисует в своем «Поучении»-завещании Владимир Мономах: князь «трудился... в разъездах и на охотах с тринадцати лет» и участвовал за многие годы в 83 больших военных походах, остальных он уже «не упомнит». Война — обычное княжеское дело, и Мономах строго следует ее этике: прощает противника (Олега Святославича) за смерть своего сына в усобице («суд от Бога пришел ему») и возвращает ему его родовые владения. Но с «погаными» половцами уже можно поступать по-другому: знатных берут в плен и заключают с ними мир, а «иных витязей молодых пятнадцать... приведя живых иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей». В мирное же время князю полагается вставать затемно, после церковной службы «думать с дружиною... творить суд людям, или ехать на охоту, или на сбор дани, или лечь спать — спанье в полдень назначено Богом...» Князь — справедливый судья и заботливый хозяин: «...весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал... Так же и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком, и за службой сам наблюдал». При этом вера и благочестие не требуют особых усилий: получить Царствие

Небесное можно и «малыми делами» — покаянием, слезами и милостыней.

На практике далеко не все представители знати следовали примеру одного из самых талантливых и образованных русских князей, но отмеченный им круг занятий и обязанностей оставался в силе и много столетий спустя.

Для характеристики средневековых общественных групп часто используется западноевропейское понятие «сословие» (estate). Но выработанные на Западе четкие критерии сословного строя трудно применить к средневековой Руси — они появляются на протяжении XVII—XVIII вв.

Признаки сословия:

каждое сословие имеет специфические права и социальные функции, которые закреплены юридически в обычае или законе;

сословные права передаются по наследству и приобретаются по рождению;

представители сословий объединяются в сословные организации или корпорации;

сословия имеют право на самоуправление и участие в местном управлении или центральном государственном управлении (в сословно-представительных учреждениях);

сословия обладают специфическим менталитетом и сознанием;

существуют внешние признаки сословной принадлежности — одежда, прическа, особые украшения и т. п. (См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 76.)

До этого времени различия между разными социальными группами были фактическими, но не закреплялись юридически; внутри таких групп не было сословного равенства и корпоративной сплоченности. Кроме того, эти социальные группы долгое время не были замкнутыми и допускали порой довольно существенное изменение статуса человека. Наконец, на Западе сословия складывались постепенно, так сказать, естественным путем и позднее добивались так

или иначе закрепления своих сословных прав в законах или местной традиции. В России на формирование таких групп решающее влияние оказывала государственная власть, поэтому они различались не столько правами, сколько обязанностями по отношению к государству. Одни лично несли службу, другие платили налоги и несли повинности.

■ **От вассалов к подданным.** Уже в первом известном документе Древней Руси — договоре Олега с Византией начала X в. — упоминаются князья и их бояре. Однако происхождение и смысл термина «бояре» трудно определить однозначно — так назывались и старшие дружинники князей, и наследственная каста владельцев родовых усадеб в Новгороде, и простые воины в Великом княжестве Литовском.

Все же для большинства земель Древней Руси бояре — это княжеские слуги, члены его совета и дружины. Среди известных по летописи княжеских дружинников вначале часто встречаются скандинавские имена (Эймунд, Свенельд), а с XI в. появляются тюркские (Улан, Торчин, Олбырь, Кочькарь).

В те времена боярином мог стать и умелый воин, и «попов внук», и даже выходец «из племени смердья» — такой, как былинный Илья Муромец. При раскопках дружинного лагеря князя Владимира — Белгорода была найдена греческая амфора из-под вина с хозяйской подписью «Илия»; возможно, она принадлежала прототипу народного героя-богатыря.

Эти военные слуги князя жили за счет сбора дани и добычи в далеких походах. Но уже в XII в. бояре начинают получать от князя вотчины и становятся землевладельцами — Пространная Русская Правда упоминает боярских холопов, рядовичей и тиунов-управляющих. Отношения древнерусского князя и его бояр были близкими к договорным. Дружина могла отказаться выполнять его самовольные решения. «О собе, княже, замыслил, а не едем по тобе — мы того не ведали», — ответили слуги волынскому князю Владимиру Мстиславичу, задумавшему без их совета поход на Киев. Влиятельные местные бояре практически приглашали понравившегося им князя, но могли

и изгнать его: «Поиди прочь, княже, ты нам еси не надобен».

Отношения между самими князьями в XII—XIII вв. складывались в сложную систему патронатавассалитета вместо прежнего родового старшинства: старший член рода мог ездить «подле стремени» более сильного князя, брат называл брата-сюзерена «отцом», заключал с ним «ряд» и получал удел.

Относительно краткий период развития феодальных отношений в домонгольской Руси не привел к созданию устойчивых феодальных связей и «феодальной иерархии» по западному образцу. Юридическая сторона вассальных отношений не была четко разработана; многое во взаимоотношениях самих князей и их бояр определялось не правом, а реальной силой в непрерывных усобицах. Будущий великий князь киевский, один из героев «Слова о полку Игореве» Святослав Всеволодович (1125—1194) в молодые годы успел за 11 лет 11 раз сменить сюзерена, совершив при этом десять клятвопреступлений. Возможно, здесь сказалось и отсутствие на Руси западноевропейских правовых традиций. «Если на Западе договорное сознание, магическое по своей далекой основе, было окружено авторитетом римской государственной традиции... то на Руси оно осознавалось как языческое по своей природе», т. е. в представлениях средневековых русских людей договор не представлял собой культурной ценности. (См.: *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // *Лотман Ю. М.* Избранные статьи. Таллин, 1993. Т. 3. С. 347.)

Не сложилась в древнерусском обществе и система обязательств между подданными и верховной властью, еще сохранявшей некоторые патриархально-родовые черты. Дошедшие до нас памятники общественной мысли и летописи XI—XIII вв. не содержат каких-либо представлений о формальном ограничении княжеской власти, кроме моральной ответственности перед Богом и необходимости «совета» с мудрыми боярами. А автор распространенного «Слова Даниила Заточника» отстаивает противоположную точку зрения по поводу службы князю: «Добра бо пса князи и бояре любят».

В ходе монгольского нашествия первыми гибли князья, их бояре и дружинники. Это прервало процесс складывания и развития вотчин — основных ячеек феодального общества. Не случайно большинство боярских фамилий ведут свою родословную лишь с конца XIII—XIV в. Но все же вместе с вотчинным землевладением и выделением в княжеских семьях уделов на Руси появляется правовое регулирование этих связей. Отношения между князьями определялись *договорными грамотами*, а сами князья выдавали своим духовным и светским слугам *жалованные* грамоты. Вот образец жалованной грамоты Ивана III 1491 г.: «Се яз, князь велики Иван Васильевич всея Руси, пожаловал есми Костю Дмитриева сына Муромцова в Муроме в Унженском стану своими великого князя деревнями... с тем, что к ним потягло. И хто у него в тех деревнях учнет жити людей, наместници мои муромски и их тиуны тех его людей не судят, опричь душегубства и розбоя с поличным, и кормов своих у него не емлют, и не всылают к ним ни по что. А праведчики и довочики доходов своих не берут и не въежжают к ним ни по что. А ведает и судит Костя тех своих людей сам или кому прикажет... А кому буде чего искати на Косте или на его прикащике, ино его сужу аз, князь велики, или мой боярин веденой». Они предоставляли новым владельцам частичные, а иногда и полные *иммунитетные права.*

Иммунитет — передача землевладельцу князем части своей государственной власти, т. е. освобождение от налогов и повинностей (налоговый иммунитет) или от суда княжеских чиновников (судебный иммунитет).

Обычно вотчинник освобождался от «кормов» наместнику и от повинностей (например, косить сено для княжеских коней) в пользу княжеского хозяйства, реже — от уплаты основных налогов. Он же становился и судьей для своих крестьян по большинству дел, как правило, за исключением самых тяжких преступлений — убийств и грабежа; княжеские судьи и их слуги не имели права въезжать во владения вот-

чинника, а сам он представал на суд великого князя или его доверенного боярина. Такой землевладелец считался «вольным слугой» и имел право «отъезда» на службу к другому князю, сохраняя при этом вотчину во владениях прежнего сюзерена. Эти отношения закреплялись в княжеских договорных грамотах формулой: «А бояром и детем боярским и слугам промеж нас вольным воля».

Однако возрождение вотчинного хозяйства происходило уже в новых условиях: вотчины раздавались князьями, которые сами превратились из суверенных правителей в «служебников» ордынского «царя». В итоге русский боярин оказывался гораздо более тесно связан с верховной властью, чем английский или немецкий барон: на Руси XIV—XV вв. не было феодальных замков, и боярские фамилии происходили не от названий владений (на Западе — с помощью предлогов «де» и «фон»), а от имен и прозвищ предков. Были и другие условия, которые препятствовали складыванию договорных отношений между князем и его подданными.

В 1228—1462 гг. русские княжества выдержали 302 военных похода и 85 крупных сражений — ни одно государство Европы не знало такой интенсивной борьбы за национальную и государственную независимость. В условиях такого давления формировалась не только сильная верховная власть московского великого князя и зависимый от него слой «служилых людей», но и иные по сравнению с Западной Европой политические традиции.

Непрерывная борьба за независимость была чужда условностей и ритуалов европейских феодальных войн, когда небольшие рыцарские армии сражались друг против друга ради добычи и территориальных приобретений при неучастии гражданского населения. «Веселая вещь война... на войне любишь так крепко» — такой видел свою профессию рыцарь Жан де Боэй, сподвижник Жанны д'Арк. Во Франции XIII в. рыцарь был обязан служить королю 40 дней в году; в воюющей с маврами Испании подобный Дон Кихоту идальго служил 3 месяца.

Находившееся на краю Европы и отрезанное от мировых торговых путей небогатое Московское госу-

дарство складывалось как огромный военный лагерь: его финансы не позволяли нанимать солдат. Слуги князя — от боярина до последнего «городового сына боярского» — всегда должны были быть готовы к мобилизации. В российских условиях знатные и незнатные дворяне обороняли не свои усадьбы, а княжескую столицу и все княжество. В отличие от своих европейских «коллег» они вплоть до XVIII в. служили *бессрочно*. В России никогда не было профессиональной наемной армии, резко отличавшейся по национальному составу и образу жизни от гражданского населения.

Удивляло иностранцев и участие в войне народных масс: они привыкли к тому, что войну по правилам ведут короли и узкий слой военных профессионалов. Не случайно Наполеон был искренне возмущен «варварством» русских крестьян, которые не желали брать деньги у французов и нападали на них — он ведь «по-европейски» воевал с императором Александром, а не с ними. И так же не случайно ответил ему М. И. Кутузов: «Народ почитает сию войну нашествием татар...» Обязательные военные повинности в XIV—XV вв. распространялись и на прочее население в виде *городового дела* (строительства крепостей) и *посошной службы*, или *«посохи»*, — выделения по разнарядке с определенного количества земли крестьян для перевозки обозов и артиллерии, осадных и прочих вспомогательных работ во время военных действий.

В XIV—XV вв. сложился *государев двор* — военно-административная корпорация слуг московских князей, насчитывавшая 2—3 тыс. человек. В нее входили более 30 потомственных московских боярских родов, а также «выехавшие» на московскую службу князья и бояре из Литвы и Твери. Из этого круга назначались наместники, воеводы, послы, их помощники и подчиненные. Менее знатные слуги составляли *государев полк* — дворцовую охрану и основную, наиболее надежную часть великокняжеского войска. Низшим, но крайне важным звеном этой системы стали порой совершенно незнатные казначеи, дворские, ключники, тиуны — аппарат дворцовой администрации, обеспечивавший каждодневные потребности князя и его

двора. Вчерашними холопами были великокняжеские *дьяки* — но именно они хранили его казну, составляли канцелярию князя, создавали важнейшие государственные документы — договоры, завещания, жалованные грамоты.

Связанный с Москвой земельными пожалованиями (не только на территории собственно Московского, но и на землях великого княжения) и наследственной службой государев двор стал мощной опорой московских князей в борьбе за первенство. Московские бояре нередко получали вотчины в разных местах, что делало их сторонниками великокняжеской объединительной политики. По мере роста московского могущества сюда «выезжали» другие знатные «слуги». Они становились московскими воеводами и боярами, но еще долго сохраняли в своих землях право суда по всем делам, выдавали свои «жалованные грамоты» монастырям и держали «дворы» из военных слуг.

Постепенно эти права ликвидируются. Уже в XIV в. московские князья начинают ограничивать права своих слуг на отъезд. В следующем столетии они запрещают удельным князьям принимать великокняжеских вассалов. Иван III первым стал брать со своих слуг *крестоцеловальные записи*, в которых те обязывались никогда не покидать своего государя. Такие обязательства закреплялись поручительством за подозреваемых в «отъезде» их родственников и других бояр. Сами же боярские и княжеские владения могли быть легко отобраны и часто меняли хозяев. С конца XV в. московские князья начали проводить массовые переселения землевладельцев — *«выводы»*. Так случилось после присоединения Новгорода: Иван III конфисковал там около 1 млн га бывших боярских, архиерейских и монастырских вотчин и раздал их в поместья тысячам дворян из коренных москвичей. Затем такие же конфискации и переселения были проведены в Твери, Пскове и других присоединенных землях.

В первой половине XVI в. наметились признаки формирования сословий. Постепенно все феодалы — от вчерашнего владетельного князя-Рюриковича до рядового «сына боярского» — переходили на положе-

ние непосредственных служилых людей московского великого князя. Сложилась *поместная система* (см. главу 2). В ходе реформ при Иване Грозном провинциальные дворяне были освобождены от суда наместников и стали избирать губных старост для борьбы с разбоями и «лихими людьми». Военная реформа ввела единые принципы службы и с поместья, и с вотчины. Все это способствовало возникновению общесословных прав дворян.

«Посадское строение» ограничило расширение частновладельческих слобод в городах, подавляющее большинство которых стало «государевыми». Среди городского населения выделились привилегированные *гости* (они «тянули» налоги отдельно от прочих горожан, владели вотчинами, выполняли торговые поручения за границей) и *черные люди*. Они составляли одну посадскую общину, выбирали купеческих старост, их представители заседали в суде у наместников. Земская реформа 50-х гг. XVI в. открыла перед городской верхушкой и зажиточными крестьянами возможность выбирать органы местного самоуправления — земских старост. Представители служилых и посада появились на первых земских соборах.

Но этот путь развития общества был прерван бурными событиями второй половины царствования Ивана Грозного. Опричные репрессии разрушили старое родовое землевладение знати — частью оно было конфисковано, частью ушло в монастыри. К концу его правления владения уцелевших или сделавших в опричнине карьеру князей и бояр были разбросаны по всей территории страны и состояли из поместий и новых, полученных от царя за службу вотчин. Сложился и особый порядок службы: теперь представители аристократических фамилий уже не служили вместе со своими провинциальными соседями по поместью, а делали карьеру при дворе в составе особого чина — *дворян московских*.

Так прежняя родовая знать превращалась в знать служилую и все больше отдалялась от основной массы служилых людей. Изменилось и положение последних. По современным подсчетам, в 60—70-е гг. XVI в. почти половина светских землевладельцев поменяли свои владения в ходе опричных переселений

и высылок; при этом многие из них не только теряли прежние вотчины, но и разрывали старые соседские и родственные связи. Изменялся и статус их владений: прежние вотчинники получали на новых местах земли на поместном праве, что означало больший контроль над ними со стороны государства.

Та же судьба постигла и горожан. Помимо опричных погромов и казней, Иван Грозный практиковал массовые «своды» горожан в Москву, особенно после татарского набега и пожара 1571 г. В столицу стягивались купцы и искусные мастера из Новгорода, Твери, Торжка, Великих Лук, Коломны, Ярославля и других городов. В результате этих мероприятий наиболее богатый и предприимчивый слой горожан в провинциальных посадах был ликвидирован — а вместе с ним пришло в упадок и прежнее городское устройство; со страниц документов исчезли упоминания о купеческих старостах.

Ускоренное развитие в XVI в. условного землевладения привело впоследствии к становлению крепостнических отношений, т. е. ограничению личных прав владельческих крестьян, что почти на 300 лет определило развитие страны и ускорило процессы «похолопления» всего общества. «Самодержавство» и произвол сами по себе не способствовали централизации, но они препятствовали формированию наметившегося в России сословного общества, т. е. появлению настоящих сословий — организованных «снизу» корпоративных структур, независимых по отношению к государственной власти. Со времени Ивана Грозного все, даже самые знатные его слуги должны были обращаться к царю в челобитных не иначе как «холоп твой Ивашка... челом бьет».

Основой складывания российской политической традиции стала формировавшаяся с XIV в. *система военно-служилой государственности*, способствовавшая объединению страны при отсутствии развитой городской экономики, денежных связей, самоуправляемых гильдий, цехов, университетов. В итоге сложилось общество, в котором основные социальные группы в XVI—XVII вв. стали *служилыми сословиями* — всех их объединяло не столько наличие особых прав и свобод, сколько обязательная служба,

в той или иной форме, государству и государственный же контроль над ними.

■ **Служилые «по отечеству» и «по прибору».** К концу XVI в. *вассально-договорные* отношения со слугами были окончательно заменены *подданническими* по принципу «полновластный государь — бесправный холоп», что и выразил главный идеолог самодержавия в XVI в. царь Иван IV: «Жаловать своих холопей вольны... а и казнить вольны ж есмя». В бурную эпоху царя Ивана и последующей Смуты исчезли удельные и «служилые» князья — вассалы царя и владельцы собственных княжеств. Представители знатных и незнатных фамилий теперь располагались на лестнице служилых чинов.

Наиболее престижной была служба в составе государева двора. Первые места здесь занимали *бояре, окольничие, думные дворяне* — это был цвет московской знати, члены которой заканчивали свою карьеру в этих «думных чинах». Собственно бояр (т. е. тех, кому «сказывался» боярский чин) в XVI в. было немного — 10—15 человек, но жаловался этот высший чин, как правило, представителям наиболее «честных» 40 родов — тем, чьи предки издавна бывали «в боярех» и вошли в официальный «государев родословец». Его получали старомосковские бояре — потомки тех фамилий, которые из поколения в поколение служили своим князьям со времен Ивана Калиты — Плещеевы, Пушкины, Шереметевы, Романовы, Бутурлины, Морозовы. Вместе с ними — иногда и с великой «честью» — в Думе заседали и бывшие независимые князья Голицыны, Куракины, Хованские, Мстиславские, Шуйские, Лобановы, Темкины, Долгоруковы, Одоевские и другие. В Думе заседали и окольничие (их ранг считался ниже боярского), а при Иване Грозном появились думные дворяне и представители верхушки бюрократии — думные дьяки.

Дума была важнейшим государственным органом: там утверждались судебники, осуществлялось руководство приказами, обсуждались и принимались новые законы с формулировкой: «царь указал и бояре приговорили» или «уложил царь со своими бояры». Переговоры с иностранными послами обычно вела

специальная комиссия из думных чинов, а их итоги выносились на обсуждение Думы. Кроме того, почти все бояре непременно участвовали в походах в качестве воевод. Многие из них стали выдающимися военачальниками: князья М. И. Воротынский, А. Б. Горбатый и М. В. Скопин-Шуйский, боярин А. Д. Басманов.

В XVII в. в число бояр постепенно входили и представители неродовитого дворянства. Одни из них выдвигались благодаря службе и царской милости — так, боярами при царе Алексее Михайловиче стали известный дипломат А. Л. Ордин-Нащокин или «ближний боярин» А. С. Матвеев. Другие получали боярство благодаря царской женитьбе, которая сразу возвышала «худородных» родственников царицы — Стрешневых, Милославских, Нарышкиных, Лопухиных. В 1678 г. бояре в среднем имели по 830 крестьянских дворов (на деле — от нескольких десятков до нескольких тысяч дворов) в больших и маленьких вотчинах. В боярских усадьбах жили десятки, а иногда и сотни слуг-холопов, составлявших двор хозяина.

За ними шли менее знатные, но все же родовитые *дворяне московские*. Эти «большие» дворяне также состояли из представителей титулованной знати и древних служилых родов. К середине XVII в. их насчитывалось более тысячи, а к концу столетия по «московскому списку» служили около 6500 человек. Выходцы из этого круга могли получить и боярство, но, как правило, занимали низшие придворные чины стольников, стряпчих, жильцов. Они же обычно назначались на средние руководящие посты в армии и государственном аппарате — становились командирами в полках, судьями в приказах, послами, воеводами в провинции. Дворяне московские были неплохо обеспечены землей (от 700 до 2500 га в XVII в.) и получали относительно высокое жалованье (в среднем около 50 руб. в год). Средняя вотчина столичного дворянина насчитывала около 40 дворов и более сотни крестьян.

Дворяне выборные стали промежуточной группой между «московскими» чинами и основной массой дворян. Это были представители старых служилых фамилий бывших независимых княжеств и их уделов.

Их земельное и денежное обеспечение было в два раза меньше по сравнению с «московскими дворянами». Но они периодически приглашались на службу в столицу, где имели возможность отличиться и быть замеченными государем; у себя же в уезде они, как наиболее авторитетные и зажиточные люди, возглавляли местное дворянское ополчение и избирались в губные старосты. Обычно такие выборные дворяне стремились всеми правдами и неправдами закрепиться в «московском списке» и перетянуть на престижную столичную службу своих родственников.

Отношения между родами и назначения по службе чинов государева двора регулировались местничеством.

Местничество — система назначений членов государева двора на военную, административную и придворную службу и порядок их размещения за царским столом и на придворных церемониях. При разрешении возникавших споров учитывались происхождение, служебное положение предков и ближайших родственников, а также личные заслуги. Местничество основывалось на традиции иерархии дворянских родов; учитывалось также и старшинство внутри рода: каждый младший брат находился ступенью («местом») ниже старшего брата.

На военной службе «места» соотносились по «старшинству» полков, на которые делилась в XVI в. армия. Все военные и административные назначения заносились в «разрядные книги», которые служили справочниками при решении местнических споров.

Конфликты знатных лиц разбирались специальной комиссией под контролем или при участии царя: она учитывала случаи более высоких, чем у соперника, назначений членов рода и проводила подсчет «мест» предков споривших сторон. Проигравший обвинялся в нанесении «бесчестья» выигравшему и приговаривался к штрафу или даже мог быть «выдан головой» своему сопернику и должен был, стоя на его дворе, выслушивать упреки победителя. (См.: *Эскин Ю. М.* Местничество в России. М., 1994.)

Дети, племянники и внуки одного боярина должны были находиться в тех же служебных взаимоотношениях с потомками другого, как и их предки. «Отече-

ская честь» зависела от происхождения: было принято, что «за службу жалует государь поместьем и деньгами, а не отечеством», и это заставляло московских князей назначать на ответственные должности людей с родословной.

Но с другой стороны, местничество основывалось на прецедентах, и роды, долго и верно служившие московским князьям, укрепляли свои позиции. Унаследованную «отеческую честь» необходимо было постоянно поддерживать службой. Учитывались заслуги и предков, и самого претендента, поэтому наложение великокняжеского наказания-*опалы*, бегство с поля боя или отъезд в Литву одного представителя семьи могли сказаться на местническом положении всего рода и привести его к «закосненью». Верховным судьей в местнических спорах был сам государь: «чей род любится — тот род и высится». Местничество было основой воспитания молодого дворянина, учившегося защищать свой род от посторонних посягательств и отстаивать родовую «честь». В XVI в. местничались лишь представители аристократической верхушки, но в XVII в. такие споры охватили почти все дворянство и стали препятствием нормальной работе учреждений и военной службе. В 1682 г. «братоненавистное и любовь отгоняющее местничество» было отменено.

Основную же массу дворян-помещиков составляли провинциальные *дети боярские* или *дворяне городовые*. Иные из дворян конца XV — начала XVI в. были вчерашними холопами и боярскими «послужильцами» и еще не имели фамилий — в документах их называли «псарь Данилко», «истопник Антон» и т. д.

С другой стороны, помещиками становились и члены самых знатных родов — одни из них теряли земли в результате опричных конфискаций и царских опал; обширные вотчины других постоянно дробились в результате семейных разделов; вместе с прежними вотчинами такие измельчавшие князья со временем теряли и титул. С 15 лет безземельные дворянские «недоросли» уже считались взрослыми для службы и подавали челобитную с просьбой наделить их «поместейцем».

В Поместном приказе устанавливался земельный и денежный *оклад* помещика, но, как правило, он получал только часть (половину, а то и треть) полагавшейся ему по окладу земли — *дачу*, т. е. то количество, которым реально располагала казна в том уезде. Остальное приходилось «приискивать» самому дворянину и немедленно подавать новую просьбу о закреплении за ним обнаруженного участка земли с крестьянами. На владение поместьем выдавалась особая грамота — как та, что получил в 1503 г. только что ставший новгородским помещиком Семен Огарев, предупреждавшая нового владельца: «А что из тех обеж (обжа — новгородская мера площади. — *Авт.*) Семен возьмет себе или своим людям на пашню, и ему с тех обеж на крестьянах своих доходов не имати. А что прибавит на крестьян своего дохода, и он в том волен, только бы не было пусто... А доспеет пусто, и Семену платити великих князей дань и посошная служба самому, а от великих князей в том быти ему в опале».

Так государство разрешало помещику заводить свою барскую пашню и «прибавлять» крестьянские повинности с тем, однако, условием, чтобы новый владелец не разорил крестьян и не «запустошил» поместья. Грамоты второй половины XVI в. уже прямо указывают крестьянам, чтобы они помещика «слушали во всем, и пашню на него пахали, и оброк ему денежной и хлебной платили, чем он вас изоброчит».

Вместе с такими же мелкопоместными соседями дворяне являлись на смотры, где чиновники проверяли их готовность, раздавали жалованье и «верстали» молодых дворян на службу. «Всем городом» эти смоляне, можаичи или тверичи шли в поход, где служили в одних и тех же «сотнях». В дворянских челобитных их жизненный путь предстает как непрерывная череда походов и боев. На смотрах дворяне объявляли о «побитых» в боях родственниках (иногда по 5—10 человек из рода) и гордились своими заслугами — «бились явственно, убили 12 мужиков». Неявка на смотр или в полк — *нетство* — грозила потерей поместья, а понесенные на службе тяготы («кровь и раны и полонное терпение») считались основанием для увели-

чения оклада или перевода в «выбор», а то и в престижный «московский список».

Сама же служба была весьма тяжелой, пожалуй, намного тяжелее, чем для современников Пушкина и Дениса Давыдова. Почти ежегодно с апреля по сентябрь дворянские «сотни» отправлялись на южную границу, чтобы перекрыть пути татарским набегам. Там дворян ожидали беспрестанные караулы, разъезды и «сторожи»; приходилось им «земляной вал делать и ров копать своими руками».

В боях со стремительно появлявшимся противником неизбежны были потери; многие дворяне побывали в татарском плену в Крыму, откуда попадали на турецкие галеры или «басурманились» под угрозой смерти, если государство не выкупало своих слуг. Соборное уложение законодательно установило цену за своих подданных. На выкуп из татарского плена за дворянина полагалось 20 руб. за каждые 100 четвертей его «оклада»; за стрельца платили 25—40 руб.; за угнанного в неволю крестьянина — 15 руб.

С началом тяжелой войны с Польшей за Украину в 1654 г. дворян часто посылали на службу и зимой, откуда они возвращались «безлюдны, бесконны и беззапасны».

Пожизненная служба воспринималась как норма, и только вконец подорванное здоровье могло служить основанием для отставки. В 1614 г. о ней просил дворянин из Переславля-Залесского Богдан Губарев: «Сорок три года всякие ваши государские службы служил летние и зимние, закамские и немецкие и литовские, и на поле в станицах и в подъездах ездил, и на многих делех и на боях ранен был и от тех, государь, многих ран болен и увечен стал». За долгую службу старый воин выслужил «кровью своей и работою» 600 четвертей (примерно 300 га) поместного «оклада», но на деле получил только «дачу» в 200 четвертей, да и на этой земле у него не было ни одного крестьянина — одни разбежались во время Смуты, других «посекли литовские люди и московские воры».

Ветерана осмотрели в Разрядном приказе и убедились, что он действительно «стар и от ран увечен; левая рука ниже локтя пересечена саблею, и рукою не

владеет; левая щека с ухом отсечена; да он пробит из пищали насквозь в щеки и зубы выбиты». Только после такой «экспертизы» дворянин получил, наконец, отставку и возможность провести остаток дней в собственном доме, но все равно должен был выставить со своего запустевшего поместья «даточного человека» на службу.

Владения подавляющего большинства помещиков были небольшими, и на их положении сразу же сказывались неурожаи, военные опустошения и чрезвычайные поборы. К тому же фонд пригодных в раздачу земель не поспевал за ростом числа самих помещиков. Реально после Смуты положение дворян ухудшилось: в середине XVI в. новгородские помещики в среднем имели 20—25 дворов, а в середине XVII в. — только 5—6. В отсутствие владельца крестьяне нередко бежали, к тому же у бедных и неродовитых помещиков их сманивали, а то и насильно увозили «сильные люди» из числа московской придворной знати. Вернуть таких беглецов было для вечно находившихся в походах дворян почти невозможным делом.

Часто у многих «детей боярских» после голодных лет или эпидемии вообще не оставалось крестьян. «Крестьян ни единого человека, служить невмочь», — слезно жаловались в челобитных служилые, которые являлись на смотры «бесконны и безодежны, в лаптях» и пахали пашню «своими руками». Дворянская беднота предпочитала даже «похолопиться» за знатного боярина и стать его «послужильцем» или приказчиком в вотчине. В XVII в. такие «пустопоместные» дворяне шли на службу рядовыми в полки «нового строя».

Нерегулярно, обычно перед походом, дворяне получали жалованье — 5—12 рублей (лошадь или сабля стоили 3—4 руб., а вместе с обычным набором вооружения обходились при покупке в 8—10 руб.). На службу бедный помещик выходил обычно «на мерине в саадаке (лук и колчан со стрелами. — *Авт.*) и с саблею». Верхом карьеры для такого служилого было несколько лет послужить в Москве при дворе и выхлопотать «деревнишку» или — в случае большой удачи — «московский» чин.

Таким образом, те, кого в школьных учебниках называют на западный манер «феодалами», на деле были служилыми чинами, сильно различавшимися по статусу и доходам.

Даже в XVII в. говорить о появлении единого класса-сословия дворян не приходится. Родовитые титулованные боярские фамилии соперничали с нетитулованными, столичные дворяне — с провинциальными; шла борьба между различными группами иерархов и монастырей. Реальное положение основной массы служилых людей было много хуже, чем столичных чинов, но и дистанция между «дворянином московским» и знатнейшим боярином-Рюриковичем была немалой. Рядовые помещики считали, что «богатины»-бояре — главная причина их бедности и тяжелой службы. Эти настроения еще больше упрочивали самодержавие в борьбе против всяких «вольностей» и притязаний аристократии.

Острые противоречия между знатью и провинциальным дворянством сказались уже в эпоху Смуты, но и позднее служилая мелкота не раз подавала государю коллективные челобитные о своих нуждах. Соборное уложение 1649 г. полностью законодательно оформило поместную систему и расширило права помещиков на «прожиток» в случае невозможности продолжать службу, на обмен поместья (в том числе и на вотчину), появилась возможность в качестве награды получить свое же поместье в вотчину. Наказания и штрафы назначались исходя из сословной принадлежности подсудимого: за неумышленное убийство крестьянина дворянину полагалась недолгая тюремная изоляция «до государева указа», а крестьянину — кнут и сдача в холопы владельцу убитого. Но все же русского дворянина XVII в. за неявку на службу, самовольный отъезд из полка и за многое другое могли «нещадно» наказать кнутом или батогами.

Все перечисленные выше чины назывались *служилыми людьми «по отечеству»*, в отличие от служилых людей *«по прибору»*, которых государство принимало на службу по необходимости. Большую часть таких воинов составляли стрельцы. В 1681 г. их насчитывалось 55 000; служили они в полках-*приказах* под управлением голов и сотников, как правило, из числа

дворян. В свободное от службы и походов время стрельцы занимались ремеслом, торговлей и разными промыслами, которые приносили немалый доход. Они имели ряд привилегий: не платили налогов и пошлин с судебных исков, получали ссуду на обзаведение двором, не попадали в кабалу при неуплате займа и т. д.; из царского дворца им выдавали денежные подарки и угощение. Судили стрельцов в их ведомстве — в Стрелецком приказе. При Алексее Михайловиче московские стрельцы являлись не только частью армии, но и основной полицейской силой в столице, и царской охраной. Царь лично проверял росписи стрелецких караулов придворного Стремянного полка, отдавал для них пароли, отправлял стрелецких командиров в «посылки» военного, хозяйственного и дипломатического характера. Он же периодически устраивал угощения стрельцам, заботился об их платье и питье.

Городовые стрельцы составляли большую часть гарнизонов крепостей и служили на «засечных чертах». Их служба обеспечивалась не вотчинами и поместьями, а денежным (2—3 руб.) и хлебным жалованьем и выдачей во время войны «служилых хлебных запасов». Вместо жалованья они иногда получали землю под пашню, которую обрабатывали своими силами. Вместе с ними служили и другие «приборные» люди: пушкари, воротники, служилые казаки.

Казаки делились на полковых (в составе войска на походе) и сторожевых. Задачи последних по охране границ и дозорной службе в Диком поле определял «Устав сторожевой и станичной службы» 1571 г. Они имели своих выборных атаманов, подчиненных местному воеводе; должны были являться на службу на своих конях и со своим оружием. В XVI в. рядовые казаки, а в XVII в. стрелецкие головы и казачьи атаманы получали поместья и переходили в разряд служилых людей «по отечеству».

■ **Крестьянский «мир».** В домонгольский период на Руси все население составляло 2—2,5 млн человек, подавляющее большинство были крестьянами. По переписи 1678 г. крестьяне составляли примерно 9,5 млн из 10,5 млн населения страны (для сравнения — насе-

ление Англии составляло тогда почти 6, а Франции — 20 млн человек).

Жили они в селах и деревнях. Село было центром общины, волости или вотчины; к нему примыкало несколько деревень и совсем уж маленьких «починков» и «приселков». Обычные размеры села XIV—XVI вв. — 4—10 дворов; только в следующем столетии появились относительно крупные — до сотни дворов — поселения. В деревне же было 3—5 дворов. На юге жили в полуземлянках и даже в землянках, в центре Европейской России и на севере — в рубленых избах (от слова *истъба, истобка* — отапливаемое помещение) на *подклете*; этот «нижний этаж» использовался в качестве кладовой. Избы обычно были курные: дым шел прямо в единственную комнату и выходил через «волоковые» окна с деревянными задвижками. Лишь зажиточные семьи могли себе позволить печь с дымоходом и пластинку слюды вместо стекла. В избе размером от 10 до 30 м^2 были, как правило, две лавки, стол, посуда из дерева, бересты и глины; металлические изделия встречались редко и так ценились, что специально перечислялись в дошедших до нас крестьянских завещаниях — духовных грамотах XVII в. Вокруг дома располагались хозяйственные постройки: сараи, хлев, житница, овин, баня. Все это крестьянское имущество стоило по ценам того времени 10—20 руб.

В избе жила обычная крестьянская семья из 6—8 человек. Крестьянское хозяйство могло существовать только как совокупность мужского и женского труда: хозяин расчищал поле, выполнял весь комплекс сельскохозяйственных работ (только на жатве работала вся семья), строил и чинил дом, заготавливал дрова; уход за скотом, приготовление еды, изготовление домотканой одежды лежали на хозяйке и дочерях. Поэтому семья воспринималась как хозяйственная и нравственная основа правильного образа жизни. Холостое состояние считалось отклонением от нормы, да одинокие и не могли вести нормальное хозяйство.

Средний срок жизни составлял 30—40 лет, доживший до 45—50 лет считался уже «старцем». Деды-«знахори» бывали порой важными свидетелями и судьями в земельных спорах — они помнили, как бы-

ло дело 30 или 40 лет назад. Женились и выходили замуж рано — до 20 лет, как только молодому крестьянину под силу становилось заводить свое хозяйство и нести обычное *тягло*.

Тягло — совокупность государственных налогов, повинностей и владельческой ренты (в виде оброка и барщины). Его должно было нести каждое трудоспособное крестьянское хозяйство.

Основной культурой в Нечерноземье была рожь — главный «хлеб» Руси и основная часть крестьянского рациона (мужику-работнику нужно было примерно 1,5 кг хлеба в день); из нее же делали и квас. Из овса варили кашу и кисель, им подкармливали лошадей; ячмень шел на хлеб и солод для пива. Подспорьем в хозяйстве служили охота, рыболовство и огород, где выращивали капусту, огурцы, лук, чеснок и заменявшую современную картошку репу. Мясо на крестьянском столе бывало редко. Одевались крестьяне в холщовые рубахи и порты, поверх надевали сермягу — одежду из грубого сукна, а зимой — шубу из овчины. Обычной обувью были плетеные лапти — в год на каждого члена семьи приходилось по 50 пар.

Крестьянская соседская община на протяжении веков, конечно, менялась, но все же вплоть до XX в. являлась одним из основных институтов русского общества. Вся жизнь земледельца-*людина* (термин *крестьяне* в современном смысле стал употребляться только в XVII в.) протекала в рамках общины. Уже в Русской Правде XI—XII вв. говорится о том, что община-*вервь* (позднее она выступала в документах под названием *мир*) объединяла своих членов круговой порукой, выплачивала штрафы князю за преступления общинников и несла ответственность за все происходившее на ее земле.

Такая форма социальной организации оказалась поразительно устойчивой к внешним воздействиям и весьма эффективным средством сохранения традиционного уклада жизни: крестьянское сословие давало в старой России наименьший процент преступников.

Но она же не поощряла наиболее энергичных и самостоятельных своих членов, заставляла их подчиняться воле большинства: аргумент «наши деды так делали» (или «не делали») часто был решающим в спорах между крестьянами.

Из поколения в поколение повторяющийся цикл крестьянских забот и сравнительно узкий кругозор (даже в XIX в. для многих русских крестьян поездка в город была событием) формировали определенный тип личности и ее духовный мир. Крестьянин до тонкости знал и понимал окружавшую его природу; порой в официальных актах крестьяне описывали границы своих владений с указанием конкретных деревьев, урочищ, лугов как хорошо знакомых всем старожилам примет.

Восприятие природы было далеко от эстетического любования ею (средневековое искусство не знает пейзажного жанра), переплеталось с хозяйственными задачами. Но при этом сохранялся экологический баланс, и отношение крестьян к окружающей среде было далеким от стремления ее «преобразовать» в смысле известных лозунгов XX в. Крестьяне создали свой народный календарь, обобщавший вековые наблюдения за природными явлениями и связанный с повседневными работами — севом, сенокосом, уборкой, созреванием овощей и злаков. В народной медицине использовались десятки трав и растений и изготовленные на их основе снадобья.

Но, прекрасно ориентируясь по сезонам, крестьянин часто не мог назвать года, имел самые смутные представления о начинавшемся за околицей деревни мире, чему в немалой степени способствовало отсутствие нормальных путей сообщения, сказывающееся и по сей день. Общинная психология русского крестьянства с ее традициями товарищества, взаимопомощи, коллективизма — и вместе с тем несомненным недостатком предприимчивости и самостоятельности — определила целый ряд проявлений русского национального характера и в этом качестве сохранилась и в XX в.

Все важнейшие дела, вплоть до уголовных, обсуждались на общинном сходе, где собирались все женатые мужчины — главы хозяйств. Сход избирал, обыч-

но на год, общинные власти — старосту, сотских и десятских; организовывал общие работы, распределял и собирал подати, разбирал споры и ссоры крестьян и наказывал провинившихся. Решались эти вопросы, как правило, единогласно.

Говоря языком социологии, несколько десятков или даже 150—200 человек крестьян-общинников жили по законам «малой неформальной группы», где действовали неписаные нормы поведения. Единодушие в принятии решений объяснялось прежде всего высокой сплоченностью общинников и естественным однообразием их взглядов и убеждений. Здесь с детства и навсегда усваивали традиции и обычаи, на которых строилась вся жизнь «мира»: как молиться, как жениться, как справлять поминки; как, когда и что сеять; как отмечать праздники. Все крестьяне хорошо знали друг друга или даже состояли в родстве.

Крестьянская жизненная школа была проста: ранний труд вместе с родителями, участие вместе с соседями в деревенских посиделках и праздниках, исповедь у священника. Крестьянский мальчик с 8—9 лет начинал пасти гусей, с 11 лет — боронить и ездить верхом, с 14 лет — пахать, а затем и косить. Одновременно отец обучал подростка необходимому мастерству — плотничать, плести лапти. Девочки также учились у матери домашнему хозяйству: прясть, вышивать, ткать, доить корову, стряпать. Абсолютная зависимость от труда (не поработал — голодаешь) в крестьянском сознании обращалась в настоятельную потребность, в представление о том, что труд благословен Богом («Бог в помочь!»). Обязательными были взаимопомощь и кооперация. Каждый хозяин непременно участвовал в «помочах» соседям: убрать хлеб, вывезти навоз, поставить сруб нового дома. Женщины сообща мяли лен, парни и девушки заготавливали капусту. Работали на «помочах» за угощение (ни в коем случае не за деньги), а помощь в чрезвычайных обстоятельствах (пожар, падеж лошади) была обязательной и безвозмездной. Неумелый «ленище» подвергался всеобщему осуждению и получал обидное прозвище безлапотника или непряхи.

В таком обществе у молодежи не было выбора, а соответственно и конфликта «отцов и детей»: сын за-

нимал место отца и так же воспитывал своих детей. Крестьянская мораль и нормы поведения требовали безусловного уважения родителей, которых надлежало «во всем слушаться, покоить и кормить во время болезни и старости». До выделения из отцовской семьи сын и дочь должны были беспрекословно подчиняться родителям во всех делах; после женитьбы или замужества на первый план выходила религиозно-нравственная основа взаимоотношений крестьянских поколений: взрослые дети обязаны были обращаться за родительским благословением перед любым ответственным шагом.

Носителями векового опыта и традиций были старики, которые пользовались огромным авторитетом; они и формировали господствовавшее в «миру» общественное мнение. Неумеху, лентяя или пьяницу ожидало всеобщее осуждение; вора могли избить «миром» до полусмерти, а распутницу — вымазать дегтем и провести по деревне, в худшем случае неисправимого нарушителя порядка ожидало изгнание или, например, сдача в солдаты.

■ **Наступление крепостничества.** Появление в боярских селах вотчинного хозяйства привело к установлению самых различных форм зависимости крестьян от владельца. Обычной нормой можно считать оброк примерно в 1/4 урожая, вместе с ним крестьяне уплачивали «мелкий доход» курами, яйцами, маслом, мясом, рыбой, ягодами. Кроме него, источники называют около 200 различных видов феодальных повинностей: «пашни пахати», «пруд прудити», «сено косити», «двор тынити», «на невод ходити» и т. д. По актам XIV—XV вв. насчитывается около ста наименований таких зависимых крестьян: *половники, изорники, старожильцы, серебряники, закладни, тяглые, страдники* и т. д.

Крестьяне, не имевшие конкретных владельцев, стали называться *черносошными*; они все больше попадали под власть администрации князя и платили ему дань, прочие платежи (например, за пользование княжескими угодьями или рыбными ловлями). Черносошные крестьяне имели больше прав, чем владельческие: они — во всяком случае, на русском Севере —

могли даже продавать свою землю, но с условием, что новый владелец становился членом общины, вместе с ней «тянул» все повинности и платил подати. Размер повинностей и для владельческих, и для черносошных крестьян определялся традицией — *«стариной»*.

Судебник 1497 г. несколько облегчал положение холопов: теперь по закону бежавший из плена холоп или порядившийся в городское хозяйство феодала человек освобождались от холопского статуса. Для всех частновладельческих крестьян Судебник установил вместо существовавших ранее в разных землях различных сроков крестьянских переходов единый порядок и срок «выхода»: уйти можно было за неделю до и неделю после Юрьева дня осеннего (14 ноября) при условии уплаты *пожилого* (от 25 денег до 1 рубля). Для крестьянина это была большая сумма — в XVI в. за 1 рубль можно было купить почти 80 пудов зерна. Поэтому нередко эти деньги платил не сам крестьянин, а тот землевладелец, к которому он собирался перейти.

В XV—XVI вв. русские крестьяне заключали с землевладельцами договоры — *порядные грамоты*. В таких грамотах крестьянин обязывался «...поставити изба трех сажен, да клеть, да байню, да хлев с сенником, да и пашню роспахати и около поль изгороду огородити. А дали мне за дворовое поставление льготы игумен с братиею — дела монастырского не делати 4 годы... А впредь мне давати в монастырь изо всякого хлеба пятой сноп. Да мне ж дали подмоги на дворовое поставление четверть ржи». Пришедший крестьянин обязывался нести конкретные повинности и «жить тихо и смирно, корчмы не держать и никоим воровством не воровать». Боярин или монастырь, в свою очередь, освобождали крестьян от податей на несколько лет и предоставляли им «подмогу» зерном, скотом или деньгами.

Ситуация стала меняться к концу XVI в. Наступление военно-служилого государства на права крестьян (см. главу 5) было ускорено событиями бурного царствования Ивана Грозного. Социально-экономический кризис, вызванный опричными погромами и переселениями, а также налоговым бременем и неурожаями, привел к массовому «запусте-

нию» дворянских владений. С целью сохранить налогоплательщиков и обеспечить поместья рабочими руками правительство при проведении по отдельным уездам новой переписи земель в начале 80-х гг. ввело *«заповедные лета»* — запретило крестьянам уходить из вотчин и поместий. Так началось складывание *системы крепостного права,* фактически ликвидировавшей личные права крестьян в России. Борис Годунов продолжил крепостническую политику царя Ивана Грозного: в **1592/93 г.** принимается указ о повсеместном запрещении крестьянского выхода, а в **1597 г.** устанавливается 5-летний срок сыска беглых крестьян — *урочные лета.*

События Смуты на время прервали этот процесс, но он возобновился при новой династии. Нуждаясь в боеспособном поместном войске, правительство царя Михаила Федоровича провело в 1619—1620 гг. массовые раздачи дворцовых и казенных земель в центре страны; были восстановлены и «урочные лета». Но 5-летний срок сыска не устраивал служилых людей: за это время при слабости государственной власти вернуть беглых было трудно, а из вотчин «сильных людей» — практически невозможно. Не раз приходилось помещикам мотивировать неявку на службу: «Бежали людишка мои, поехал за людишками гонять». На своих «людишках» такие помещики вымещали все свои беды: «...оскорбил в своей кручине боем по вине и не по вине, и к женам их, и ко вдовам насильством и девственным растлением, а иных есми грехом своим и смерти предал» — как каялся в грехах по отношению к крестьянам в своем завещании помещик Иван Соловцов.

Поэтому в 30-е гг. XVII в. царю не раз направлялись коллективные дворянские челобитные с жалобами на то, что их крестьяне «выходят за московских сильных людей, и за всяких чинов, и за власти, и за монастыри», а те «волочат нас московскою волокитою, надеясь на твои государевы годы, на пять лет». Служилые люди просили об отмене «урочных лет». Но правительство на это не шло — и не только из-за желания защитить интересы крупных землевладельцев, к которым в основном и бежали крестьяне. В 30-е гг. XVII в. началось строительство Белгород-

ской засечной черты (через Белгород — Воронеж — Тамбов) — системы городов-крепостей и укреплений между ними, призванных защитить южные рубежи от частых татарских набегов. Правительство закрывало глаза на происхождение набираемых на службу в стрельцы, казаки, пушкари.

Только в **1641 г.** срок сыска крестьян был продлен до 10 лет. Восстание 1648 г. в Москве (тогда к посадским людям примкнули и недовольные дворяне) заставило правительство ввести, наконец, в новом своде законов — Соборном уложении 1649 г. — бессрочный сыск беглых крестьян «и их братью и детей, и племянников, и внучат з женами и з детьми и со всеми животы». Вводился и немалый штраф за их прием и укрывательство (10 руб. за каждого беглого в год).

Закон 1649 г. стал важным этапом в становлении крепостничества в России: отныне владельческие крестьяне навсегда потеряли возможность легально обрести свободу. Но при этом они еще не лишились окончательно своих личных прав: по Соборному уложению они могли владеть имуществом и совершать от своего имени сделки; быть истцами, ответчиками и свидетелями в суде; наниматься на работу к другим лицам; крепостных было запрещено обращать в холопы, а поместных крестьян переводить в вотчину. Специальная статья Уложения устанавливала штраф (1 рубль) за «бесчестье» как черносошного, так и «боярского» крестьянина. Это было в 50 раз меньше, чем штраф за оскорбление боярина, но все же законодательство официально признавало «честь» крепостного, что стало немыслимым для дворянского государства уже в следующем столетии. Именно в XVIII в. произошло окончательное утверждение крепостного права, т. е. ликвидация всех личных прав крестьян.

Но и в XVII столетии эти права все больше подвергались ограничению. По Соборному уложению долги помещика уже могли быть взысканы с его крестьян. С 60-х гг. XVII в. складывается государственная система сыска беглых: теперь помещик уже не сам «гонял за людишками», а обращался к специалистам-«сыщикам». Они предъявляли местным властям государеву грамоту, требовали от них стрельцов и с их помощью разыскивали и возвращали беглых.

С 1683 г. появился аналог нынешних паспортов — *покормежная память*. Тогда такой документ выдавался самим землевладельцем и подтверждал, что указанный в нем крестьянин не беглый, а отпущен своим хозяином на заработки или на городской торг. На практике к концу XVII в. помещики уже заставляли своих крестьян вступать в брак и продавали их. Из актов той поры известно, что крестьянская семья (муж, жена и дети), способная вести хозяйство, стоила довольно дорого — 25—30 руб., в то время как молодая «девка» — не дороже 1 руб. По указу 1688 г. все подобные сделки должны были регистрироваться в Поместном приказе и с них взималась особая пошлина.

Крепостничество распространялось и путем земельных раздач: в царствование Алексея Михайловича было пожаловано 13 960 крестьянских дворов, за 6 лет правления царя Федора Алексеевича — 6274; в 1682—1690 гг. — уже 17 168. Перепись дворов 1678 г. (без населения Украины и Сибири) показала, что 67% крестьянских хозяйств принадлежали светским помещикам и вотчинникам, 13,3% — церкви, 9,3% — царю (дворцовые крестьяне) и только 10,4% оставались государственными, т. е. черносошными.

Другой путь в зависимость вел через сохранявшееся в XVII в. холопство. Холопами могли стать разорившиеся помещики и другие служилые люди — они составляли свиту или «двор» знатного лица. С другой стороны, в холопы шли «для голода и хлебные дороговы» горожане или отдавали своих детей, которых им было «нечем кормити». Господин обязан был такого кабального холопа «кормить и голодом не морить», а сам кабальный работал на своего хозяина до его смерти, после чего получал свободу.

■ **Гости и посадские.** Начиная с XII в. летописи упоминают десятки новых населенных пунктов, которые превращались из племенных убежищ и феодальных замков в оживленные местные центры на перекрестках водных и сухопутных дорог.

На Западе XII век стал временем рождения городов-*коммун*, освобождавшихся из-под власти феодалов и получавших в той или иной форме самоуправ-

ление. Уже в X—XI вв. в городах Италии, Англии и Франции появились купеческие *гильдии*, ремесленные *цеха*, корпорации юристов, ученых и даже *«братства хромых и слепых»* со своим судом и другими правами и привилегиями, закрепленными в *уставах и хартиях*. Но ни один древнерусский город (за исключением Новгорода) не находился вне государственно-княжеской юрисдикции и не добился самоуправления. На Западе центром такой городской «коммуны» были ратуша и рынок; феодальный замок располагался, как правило, вне городских стен. На Руси, напротив, города становились коллективным феодальным замком местного боярства или непосредственно создавались княжеской властью и находились под ее управлением — «сердцем» русского города был детинец (кремль) с княжеской администрацией и боярскими дворами.

Монастырские, боярские и княжеские дворы с обширным зависимым населением (на дворе князя Святослава Ольговича в Путивле находилось 700 человек челяди) препятствовали консолидации горожан по профессиональному признаку, поэтому на Руси так и не сложились развитые цеховые организации, что было характерно для западноевропейских городов. В то же время борьба внутри боярско-купеческой верхушки хотя и приводила к частой смене князей, но также не способствовала складыванию городской автономии и соответствующих правовых традиций.

В XII в. появляются отдельные элементы «городского строя». К ним можно отнести органы районного самоуправления — *концы*, позднее — более или менее автономные *слободы*, которые могли объединять и людей одной профессии, и структуру городского ополчения. Тогда же возникают купеческие корпорации — объединения новгородских торговцев воском (*«Иваньское сто»*) или московских купцов-«сурожан» и «суконников».

Особую роль играло в XII—XIII вв. вече, хотя не всегда понятно, какие социальные силы стоят за скупым сообщением летописца: «Сдумавши ростовцы и суждальцы и володимерцы вси...» — и насколько подобные собрания были представительны и «демократичны». Во всяком случае в таких городах, как Нов-

город или Полоцк, вечевые собрания включали лишь бояр — владельцев усадеб. Иногда можно говорить о более представительных, но инициированных верховной властью собраниях, как это имело место в 1211 г. во Владимире: князь Всеволод «созва всех бояр своих с городов и с волостей, епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купце, и дворяны и вси люди и да[л] сыну своему Юрью Володимер».

Татарское нашествие нанесло страшный удар по городам и городской жизни (см. главу 5). Исчезновение многих старых центров (Старая Рязань) и угнетенное положение оставшихся придавали русским городам аграрные черты, сохранявшиеся вплоть до XVIII—XIX вв., и привели к ликвидации элементов «городского строя». К XVI в. все города стали «государевыми»: назначаемые из Москвы наместники и воеводы управляли купцами и посадскими людьми, объединенными в сотни и слободы и обязанными платить подати и совместно «тянуть» повинности.

В XVI—XVII вв. центром города оставалась попрежнему рубленая крепость-острог, где теперь располагалась администрация: воеводские хоромы, приказная (съезжая) изба с тюрьмой и чиновниками-подьячими. Там находились «осадные дворы» и усадьбы дворян-землевладельцев; им же, а также духовным феодалам в городах, принадлежали так называемые «белые» дворы и слободы, освобожденные от казенных платежей и повинностей. Как уже отмечалось в этой главе, к концу XVI в. города пострадали не только от репрессий, но и от «сводов» богатейших купцов в Москву. Произошла перестройка структуры городского населения. С конца XVI в. в некоторых городах начинают запрещать переход посадских людей.

Теперь верхушку города составляли *гости* — самые крупные купцы-оптовики. По сравнению с предыдущим временем их было очень мало (в середине XVII в. всего 13 человек), и практически все они проживали в Москве. «Гости» вели заморскую торговлю и получали особые привилегии: освобождались от пошлин и всех городских повинностей, могли владеть вотчинами и крестьянами. Летом они топили баню (что категорически запрещалось остальным горожанам из-за частых пожаров), могли изготовлять и хра-

нить собственное вино; сами «гости» и их люди были неподсудны никаким местным властям и судились только в Москве. Их «бесчестье» каралось огромным штрафом в 50 руб.

Следом за ними шли купцы *гостиной* и *суконной сотен* (за XVII столетие их известно около 2000). Торговые люди «гостиной сотни» стояли выше «суконной», но их права и привилегии были почти одинаковы. И те и другие освобождались от уплаты проезжих пошлин и от некоторых обычных для горожан повинностей — постоя, поставки подвод; устанавливалась их подсудность царю или его казначею. Они также имели право владеть дворами и промыслами в других городах и до 1649 г. платили налоги отдельно от прочих *посадских людей*, которые по имущественному состоянию делились на *лучших*, *середних* и *молодших*. Они-то и составляли основную массу горожан и несли государево тягло.

Горожане были так же прикреплены к посаду, как и крестьяне к земле. За самовольный переезд в другой город или куда-либо еще беглецов наказывали и возвращали обратно. Уложение 1649 г. ликвидировало «белые слободы» — частные владения бояр или монастырей, население которых не платило государевых податей. За купцами и посадскими людьми было закреплено монопольное право на занятие ремеслом и торговлей в городах и владение недвижимостью — лавками, погребами, дворами, амбарами. Приезжавшие в город крестьяне должны были торговать «с возов» и не могли покупать лавок. Кроме постоянных жителей, в каждом большом городе проживали «вольные» и «гулящие» люди — разорившиеся служилые, отпущенные холопы, не попавшие в писцовые книги дети и родственники крестьян и посадских. Эти «ярыжки» и «казаки» становились наемными рабочими, грузчиками, слугами.

В результате такой перестройки в провинциальных городах исчез слой богатых торговых людей и была разрушена единая городская община. Предельно узкий круг московских «гостей» и несколько более широкие по составу привилегированные «сотни» имели особые права по сравнению с другими горожанами, что противопоставляло их остальному населению и

способствовало его эксплуатации государством. Ведь эти привилегии «гости» и купцы обеих «сотен» получали лишь при условии обязательной службы государству — они должны были продавать казенные товары и закупать иностранные по заказу двора, собирать торговые и таможенные пошлины в портах. Работали гости и в государственных учреждениях (Сибирском приказе, Монетном дворе), где оценивали и проверяли качество мехов и прочих казенных ценностей. Эти занятия надолго отрывали их от собственных торговых дел и порой грозили разорением, поскольку за «недоборы» они отвечали собственным имуществом и даже могли быть выпороты кнутом. Поэтому богатые горожане не очень стремились стать членами таких «сотен», и власти принудительно зачисляли в их состав провинциальных купцов.

Разобщены были и остальные горожане. Одни из них, например стрельцы, освобождались за службу от податей; другие обслуживали дворцовое хозяйство (Кадашевская, Басманная, Конюшенная и другие слободы в Москве); прочих ведали и судили разные государственные учреждения. Тяглую городскую общину государство приспосабливало для своих нужд так же, как и сельский «мир». Горожане сами раскладывали и собирали налоги; избирали из своей среды голов и целовальников на таможни и кабаки, земских старост и дьячков. В провинции зажиточных и грамотных посадских воеводы назначали также собирать таможенные пошлины или продавать «государевы» соль и вино, и они расплачивались за непоступление доходов своими средствами. Посадские должны были строить и чинить городские укрепления и двор воеводы, охранять порядок на улицах, предоставлять подводы, размещать на постой войска. По «чину» каждого определялся его правовой статус и, соответственно, штраф за «бесчестье»-оскорбление (он составлял 5—7 руб.). Однако четких сословных прав для горожан не существовало: они могли быть «переведены» на жительство в другой город и в другой «чин» — например, из «черных людей» в «гостиную сотню».

Подводя итоги социального развития страны, можно сказать, что только в XVII в. в различных группах

«служилого» и «тяглого» населения формируются черты сословий — наследственность статуса, некоторые возможности самоуправления и законодательно оформленное различие в правах.

Постепенно ликвидировались различия между отдельными группами потомственных служилых людей: выходцы из провинциального дворянства проникали на московскую службу, а некоторые из них получали и думные чины. Право менять поместья на вотчины означало шаг к слиянию этих разных форм собственности. Соборное уложение запретило дворянам поступать в холопы. А с другой стороны, с 1675 г. было запрещено «верстать» стрельцов, казаков и прочих служилых людей «по прибору» в дворяне — так было положено начало сословной замкнутости дворянства. Только служилые «по отечеству» могли владеть крепостными, и только посадские люди — заниматься ремеслом и торговлей в городах. Определена была и стоимость сословной «чести» каждой группы в пределах от 1 до 400 рублей. Неизменным осталось только обязательное выполнение повинностей и служб в пользу государства.

Глава 5
ПУТИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

■ **Хорошо ли жили на Руси?** Основой средневековой экономики и на Западе, и на Востоке Европы было крестьянское хозяйство. Жизнь земледельца в те времена нигде не была легкой. На нее влияли и природные катаклизмы, и эпидемии, и войны, и государственные повинности, и феодальная эксплуатация. Но все же между ними была и существенная разница.

В ставшей историческим центром Российского государства нечерноземной Северо-Восточной Руси почвы были неплодородными, а рабочий сезон крестьянина — очень коротким (с мая по сентябрь), в то время как во Франции и Англии на полях не работали лишь в декабре и январе. Крестьянин при всем желании не мог интенсифицировать свой труд,

ведь возможности тягловой силы были ограничены: с сохой и лошадью в упряжке удавалось вспахать не более 0,5 десятины (1 десятина = 1 гектар) в день. Максимум, что русский пахарь успевал сделать, — вспахать под озимые и яровые по 2—3 раза и проборонить, в то время как в западноевропейских странах поля пахали по 4—6 раз. Часто крестьянин даже не успевал обработать всю свою землю, и часть ее оставалась «в пусте». Короткая страда требовала огромного напряжения сил всей семьи, включая женщин, стариков и 10—12-летних детей.

А ведь еще надо было за месяц заготовить на весь год сена, которого тоже часто не хватало. На среднее количество скотины в хозяйстве (2 лошади, 2 коровы, 2 овцы) требовалось примерно 600 пудов сена, а реально заготовливалась половина от этого количества; на большее у крестьянина не хватало времени, так как надо было еще косить и пахать на барина. В итоге малорослых лошадей и коров приходилось кормить соломой, и к весне «без жалости на скотину взглянуть не можно. Тут она обыкновенно и мрет» — так описывали эту крестьянскую беду опытные дворяне-хозяева в XVIII в.

Малочисленный и малорослый скот давал мало навоза — и это было еще одной проблемой. Бедные почвы требовали удобрения и без него быстро «выпахивались». Тогда крестьянам приходилось забрасывать старую пашню и расчищать новую. С такой «росчисти» в первые годы собирали неплохой урожай, но потом все повторялось сначала. Освоение же более плодородных черноземных земель на юге, в Диком поле в XVII в. только начиналось — степные территории находились под постоянной угрозой татарских набегов (см. главу 6).

Кроме того, русский земледелец зависел и от капризов погоды: для климата Восточно-Европейской равнины характерны и затяжные дожди летом, и внезапные заморозки, а в восточных районах — засуха. Подсчеты по летописным записям свидетельствуют, что каждые 7—8 лет на Руси случались неурожаи и наступал голод. В такое время цены на хлеб — главный продукт потребления средневекового человека — увеличивались в 6, 9 и даже в 40 раз. «Резаху люди

живые и ядяху, а инии мертвая мяса и трупие обрезающе ядяху, а друзии конину, псину, кошкы... а ини же мох ядяху, сосну, кору липову и лист, кто что замысля; а инии пакы злии человеци почаша добрых людии домы зажигати, кде чююче рожь...» — так описывал летописец голодную весну 1231 г. в богатом Новгороде.

За 308 лет (с 1024 по 1332 г.) на Руси было 42 голодных года; каждые 15—17 лет страну охватывали эпидемии. В середине XIV в. самой крупной эпидемией, захватившей всю Европу, была чума, во время которой население уменьшилось на 1/3. (См.: *Пашуто В. Т.* Голодные годы в Древней Руси // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 65.)

Бедные почвы и худшие климатические условия не давали возможности расширять посевы и интенсифицировать обработку земли. Хорошим урожаем в Нечерноземье считался «сам-4», т. е. примерно 5 ц с гектара (в Англии и Голландии на хорошо обрабатываемых и удобренных полях уже в XVI в. получали урожай до «сам-10»).

Только при таком урожае со среднего надела в 9,5 га (из них 1/3 — под паром) новгородский крестьянин в XV—XVI вв. получал около 30 ц зерна: из них 20 уходило на пропитание семьи, еще 3—4 скармливали скоту и около 1/4 урожая предстояло отдать в виде оброка землевладельцу.

Таким образом, общий валовой доход такой семьи за год не превышал двух-трех рублей, исходя из средней цены 1,5 новгородских деньги за пуд ржи. Захотел крестьянин уйти — необходимо платить «пожилое», т. е. полтину или целый рубль. Только в хороший год при урожае «сам-5» крестьянское хозяйство могло создать какие-то запасы или реализовать зерно на рынке, чтобы не только уплатить налоги, но и купить на городском торгу какие-то обновки или нужные в хозяйстве вещи — сошники для пахоты, соль, топоры, ножи и т. д. Обычный же на протяжении многих столетий урожай «сам-4»-«сам-3» уже не да-

вал крестьянскому хозяйству накопить излишки, а при «сам-2» начиналась жизнь впроголодь. В какой-то степени выручали крестьянина промыслы — рыболовство, охота; зимой мужики из сел близ больших дорог занимались извозом, делали на продажу сани, бочки и другие нужные вещи.

В условиях быстрого развития городов и товарно-денежных отношений на Западе крестьяне в них втягивались, и это меняло характер их отношений с господами, предпочитавшими получать устойчивую денежную ренту и предоставлять своим мужикам-«вилланам» хозяйственную самостоятельность. Развитие промышленности и приток серебра и золота из только что открытой Америки приводили к повышению цен на сельскохозяйственную продукцию. Недостаток свободных земель и близость городов способствовали интенсификации труда и приспособлению к требованиям рынка: в XVI в. появились уже настоящие фермеры, скупавшие землю у крестьян или арендовавшие ее у сеньора. Такой путь развития стимулировал появление частной собственности на землю.

Крестьянская община на Западе существовала долго, она также обеспечивала соседям пользование угодьями и сохранялась как форма местного самоуправления, но не регулировала повседневную экономическую жизнь крестьянина.

В России слабость и неустойчивость индивидуального хозяйства делали необходимым сохранение общины как регулятора производства и органа социальной поддержки своих членов. Суровые условия выживания требовали единодушного согласия и совместных действий, да и земли отдельных крестьян располагались чересполосно и подчинялись единому севообороту. По известным с XIV в. актам община выполняла важнейшие хозяйственные задачи: регулировала порядок пользования землей, разрешала споры из-за «межей» — границ надельных полос и занималась раскладкой повинностей между общинниками, т. е. определяла размер вклада каждого в выплатах князю, землевладельцу (если располагалась на территории частных владений — *вотчин*), в расходах на общинные нужды.

Обычай крестьянских *помочей* (во время страды, при постройке новой избы, на содержание сирот,

вдов, увечных и стариков) известен с XIV—XV вв. В XV в. общинник еще мог продать свой участок соседу или человеку со стороны, но только с согласия односельчан и с условием несения тех же повинностей (*тянуть тягло*), что и прежний хозяин. Община следила, чтобы размер *тягла* соответствовал возможностям надела, и могла проводить *поравнения* — передел земель между общинниками в зависимости от количества работников в семье.

Крестьяне стремились максимально использовать все имевшиеся ресурсы общины, не допуская при этом деления на богатых и нищих. Так, с XVII столетия началась практика полных переделов пашни между общинниками через каждые 10—20 лет; при этом каждому хозяину давалось несколько «полос» земли в разных местах, чтобы не доставались наделы только из «худой» или только из «доброй» земли. Таким образом, русская крестьянская община приобрела принципиальное отличие от западной — в ней *отсутствовала частная собственность на землю.*

Но природные условия — это только один из факторов, которые формировали весь жизненный уклад русской деревни. Другим таким фактором стало давление государства.

■ **Государство, вотчина и город в XII—XVI вв.** Существенно иной по сравнению с Западной Европой представляется роль государственной власти в экономическом развитии страны. В условиях бессинтезного варианта развития общества (см. главу 1), при отсутствии развитого частного землевладения, независимой церкви и других институтов позднеантичного общества именно государство в лице князя и его дружины стало главной и ведущей структурой нового общественного устройства.

Князья и их воины утверждали свое господство на обширных территориях, подчиняли свободных крестьян-общинников и прежнюю племенную знать. Они же устанавливали контроль над основными торговыми путями Древней Руси, связывавшими Северную и Западную Европу с богатыми странами Арабского Востока и Византией. По Волге и Днепру на юг и восток шли меха и моржовая кость, мед и воск,

клинки сделанных в мастерских на Рейне мечей и самый ходовой товар — рабы; на север — пряности, металлическая и стеклянная посуда, парча и шелк, а также главная «валюта» Руси и ее северных соседей — серебряные арабские дирхемы. Приток славянского населения в ходе колонизации, создание сети коммуникаций и поступления серебра послужили мощным стимулом для роста на этих путях городов и установления связей между ними.

По ориентировочным оценкам, основанным на анализе древнерусских кладов, в IX—X вв. в обращение на Руси поступили миллионы таких дирхемов, которые материализовались в вооружении княжеских дружин, строительстве новых городов, крепостей и усадеб, подъеме городского ремесла. Изучение кладов, обнаруженных вдоль этих путей и в древнейших городских центрах Руси, показало, что серебряные арабские монеты-дирхемы легли в основу первой русской денежной системы: 25 дирхемов-«кун» составляли «гривну кун». В IX—XI вв. на Руси для крупных сделок использовали серебряные слитки — «гривны» весом 160 г (на юге) и 200 г (на севере). Мелкие платежи обеспечивались импортными монетами, поскольку своих месторождений драгоценных металлов на Восточно-Европейской равнине не было.

С Востока по волжскому пути приходили арабские дирхемы, через Балтику — западноевропейские денарии. Затем с наступлением раздробленности начался «безмонетный» период, но восточные путешественники писали о ходивших в XII в. кожаных деньгах в виде вытертых беличьих шкурок. Очень похоже, что роль разменной «мелочи» на Руси играли стандартные ремесленные изделия — стеклянные бусы и каменные пряслица, поскольку их находят в кладах.

Знаменитые походы князя-воина Святослава 964—972 гг. не только нанесли окончательный удар некогда мощному Хазарскому каганату, но и разрушили его главные центры. Отныне основным торговым путем стал контролируемый Киевом путь «из варяг в греки». Пытался Святослав поставить под свой контроль Балканский полуостров и основать столицу на главной торговой артерии Южной Европы — Дунае. «То есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от

Грек злато, паволоки, вина и овощеве разноличные; из Чех же, из Угор сребро и комони (кони); из Руси же скора (меха) и воск, мед и челядь», — передавала «Повесть временных лет» размышления князя о центре его будущих владений и его экономическом значении. Но здесь его постигла неудача: могущественная Византийская империя не хотела появления на Балканах державы-конкурента и перекройки системы торговых путей.

«Образ жизни росов таков. Когда наступит ноябрь месяц, тотчас их архонты (князья) выходят со всеми росами из Киева и отправляются в «полюдие», что именуется «кружением», а именно в славинии вервианов (древлян), другувитов (дреговичей), кривитеинов (кривичей), севериев (северян) и прочих славян, которые являются пактиотами (данниками) росов. Кормясь там в течение зимы, они снова, начиная с апреля, когда растает лед на реке Днепре, возвращаются в Киаву (Киев)» — так описывал в середине X в. процесс сбора дани на Руси византийский император Константин Багрянородный. Он рассказывал, как груженные собранной данью суда из Новгорода, Смоленска, Чернигова собирались в гавани у Киева, а в июне флот с полюдьем и товарами (ценными мехами, воском) отправлялся вниз по Днепру — по пути «из варяг в греки» — в столицу Византийской империи Константинополь. Не случайно в дошедших до нашего времени договорах Руси с Византией 907—911 и 944 гг. большая часть статей посвящена правовому регулированию торговли русских купцов в империи. Таким образом, власть на Руси уже в древности являлась не только верховным арбитром и законодателем, но и *организатором экономики.*

В дальнейшем ситуация изменилась — место далеких походов и торговых экспедиций заняло будничное освоение и эксплуатация обширных территорий. К концу XI столетия относятся первые сведения о пожаловании князьями своим приближенным (боярам, епископам, монастырям) земельных владений — сел с крестьянами. Первым из известных нам владельцев стал в 70-е гг. XI в. Киево-Печерский монастырь. Сколько появилось таких вотчин в XII в., сказать невозможно, но археологические исследования уже чет-

ко выделяют в этом столетии десятки феодальных усадеб — укрепленных поселений размером 1000 м^2 и более, с хоромами хозяина, ремесленными мастерскими, производившими «городскую» продукцию (например, стеклянные браслеты). Новые статьи Русской Правды (Правда Ярославичей создана около 1072 г. и Пространная Правда XII в.) направлены на охрану княжеских и боярских владений и их хозяйств.

Обитатели усадьбы резко различались по своему социальному и имущественному положению. На первом месте стояли представители администрации вотчины: *тиун, конюх, ратайный* (*пашенный*) староста. Их жизнь оберегалась штрафом намного более высоким, чем за убийство простого человека; они руководили слугами, среди которых были и ремесленники, и пленная и купленная *челядь*. В княжеских селах и погостах жили лично свободные *смерды* — они исполняли воинскую повинность и входили в состав княжеского войска.

Основное население боярской или монастырской вотчины составляли лично свободные крестьяне — «люди», чья зависимость выражалась прежде всего в уплате ежегодного оброка. Господскую пашню обрабатывали обычно разорившиеся крестьяне — *ролейные закупы* или посаженные на землю рабы-*холопы*, не обладавшие никакими правами, ответственность за действия которых нес господин. Неустойчивость крестьянского хозяйства (связанная с неурожаями, эпидемиями, набегами кочевников) заставляла общинника обращаться к владельцу с просьбой о займе — «купе» или о заключении договора — «ряда» на условиях выдачи такому *рядовичу* или *закупу* семян или рабочего скота. Бегство закупа или совершенная им кража превращали его в раба. Таким образом, феодальная вотчина не только привязывала к себе крестьян «внеэкономическим» насилием, но и становилась своего рода гарантией стабильности общества.

Вокруг находились пахотные земли, пожни, охотничьи угодья с бобровыми ловищами. Пространная Правда подробно фиксирует в законодательных нормах кары за нарушение господских межей и всякое покушение на собственность вотчинника, вплоть до

веревки из охотничьей ловушки; регулирует его отношения с рядовичами и закупами (которых можно бить «про дело» и нельзя — в пьяном виде); указывает порядок осуществления «свода» — поиска беглого холопа.

XII столетие — это и время интенсивного образования и роста древнерусских городов: на рубеже X—XI вв. насчитывалось всего 20—25 городских центров; в XI в. летописи упоминают 64 новых центра, в XII в. — еще 134.

В учебниках и научной литературе можно встретить разные данные о количестве городов в домонгольской Руси. Проблема состоит в том, какое укрепленное поселение можно считать городом. На территории Руси археологам к настоящему времени известно 1400 укрепленных городищ, но среди них встречаются и убежища для крестьян-земледельцев, и пограничные крепости, и княжеские замки, и боярские усадьбы. Настоящим средневековым городом можно считать поселение, являвшееся одновременно и торгово-ремесленным, и административным, и военным, и духовным центром. К настоящему времени исследовано 70 таких «настоящих» городов, но можно полагать, что общее их количество приближалось к 150. (См.: *Куза А. В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.)

Древнерусский город — это сложное фортификационное сооружение, расположенное обычно на обрывистом берегу реки (правом — для текущих на юг и левом — для текущих на север) при впадении в нее другой или при вхождении в речную пойму двух параллельных оврагов. С уязвимой напольной стороны, а часто и по всему периметру город укреплялся кольцевыми рвами и валами, достигавшими 8—10 и более метров. Основу вала составляли рубленые бревенчатые клети-городни, а поверху шла деревянная стена с башнями и крытыми площадками-*заборолами*, защищавшими оборонявшихся от стрел врага.

В центре такого города располагался укрепленный *детинец* с гарнизоном, резиденцией князя или его посадника, творившего суд и собиравшего пошлины.

Здесь же строился городской собор, при котором состояли администрация епископа, священники, церковнослужители и зависимые от них люди. Детинец был окружен торгово-ремесленным *посадом*, делившимся на концы (районы) и улицы, часто по профессиональному признаку. От центра к рубленым деревянным стенам и воротам расходились основные дороги-улицы, вдоль которых в радиусе кольца укреплений и за ними рос и сам город, приобретая радиально-кольцевую планировку. Уже с X в. улицы стали мостить, и конструкции мостовых сохранялись без изменения около тысячи лет. Деревянными были и другие городские сооружения: колодцы, набережные, мосты, дренажные системы.

«Средний» древнерусский город занимал от 2,5 до 40 га и насчитывал 3—5 тыс. жителей, только самые крупные центры имели 8 (Старая Рязань) или 20—30 тыс. (Киев и Новгород). Значительная часть горожан (примерно 15%) вела вполне крестьянский образ жизни. В пределах городской черты находились сады и огороды, а сразу за стенами — пашни и выгоны, где паслись городские «стада конские и животинные»; в амбарах на усадьбах горожан хранились рожь, овес и пшеница. Вдоль узких — 3—5 м — улиц при достаточно свободной планировке располагались огороженные усадьбы горожан (примерно 400 м^2) с жилыми и хозяйственными постройками. Каждая такая «клетка» городского организма представляла собой замкнутый автономный мир; еще в XIV в. в зажиточных домах полагали нормальным иметь сезонный запас продовольствия.

Огромные дворы князей и бояр, где жили десятки и сотни зависимых людей и хранилось «бещисленное множество злата и сребра и паволоками и скорою», становились своего рода производственными центрами — там перерабатывались продукты, стекавшиеся в виде оброка из обширных феодальных вотчин и княжеских волостей. С владениями знати соседствовали жилища простых горожан, большая часть которых занималась ремеслом и торговлей.

Дома горожан были больше деревенских построек, поскольку часто жилище служило и мастерской — кожевенной, ювелирной, литейной, ткацкой. Раско-

панный в Новгороде дом иконописца XII—XIII вв. Олисея Гречина представлял собой настоящую «химическую лабораторию» по изготовлению красок. Над избами рядовых или зависимых людей возвышались двух-, а то и трехэтажные дома знати со множеством комнат, пристройками и галереями-балконами, украшенными резьбой. Бытовая утварь горожан была богаче, чем у крестьян, но также преимущественно деревянной: мебель, посуда, музыкальные инструменты, лари и шкатулки, где хранились ценности и всякая «ларечная кузнь», фигурки домовых, сани (на них порой ездили и летом). Как и крестьянки, жены горожан мололи муку ручными жерновами и пряли пряжу веретенами с пряслицами. Но в городах встречаются и металлические светильники, и бронзовые кресты, и замки с ключами, и изысканные украшения.

В крупных городах насчитывалось около сотни различных ремесленных специальностей, разделение которых шло по готовому изделию. Продукция ремесленников поступала к купцам, некоторые изделия — ювелирная «кузнь», «русские» навесные замки — даже шли на экспорт вместе с традиционными для Руси мехами, воском. Хлеб из средневековой Руси не экспортировался. И с купцами, и с ремесленниками были связаны предоставлявшие им кредит ростовщики — не случайно восстание в Киеве в 1113 г. заставило князя Владимира Мономаха законодательно ограничить ставку займа 20% годовых.

С XII в. ремесленники начинают переходить *от работы на заказ к работе на рынок*, к производству массовых и дешевых товаров. Новые технологии позволяли изготавливать не только дорогостоящий стальной нож, но и более дешевый железный с наварным стальным лезвием; массовое распространение в городском ремесле получили стеклянные браслеты, бусы, медные пряжки. Соответственно возросли и масштабы торговли с округой: по примерным подсчетам, на каждый такой город приходилось от 30 до 50 неукрепленных селищ. Крестьяне везли свою продукцию в город, а изделия городских ремесленников (порой отливки из одной мастерской) расходились в радиусе 30—50 км от города. Так продукция ремеслен-

ников попадала и в деревню, и в самые дальние углы русских земель, превращая города в важнейшие центры новой общественной структуры.

Современные исследования русского средневекового ремесла показывают, что уровень его специализации и технологии был не ниже, чем в известных центрах Западной Европы и Ближнего Востока. Но уже в эпоху Киевской Руси проявилось и своеобразие развития русского города: относительно большая связь его населения с сельскохозяйственными занятиями в ближайшей округе, отсутствие развитых коммунальных структур, быстро утверждавшихся в XII в. в Западной Европе. Даже в эпоху расцвета Руси в XII—XIII вв. в наших городах не возникли университеты; единственной организацией, обеспечивавшей развитие образования и письменной культуры в стране, до конца XVII в. оставалась церковь.

Это объясняется целым рядом обстоятельств. Очевидно, важнейшее из них — это российские пространства и расстояния, сохранявшие на протяжении многих столетий крестьянский уклад жизни, растянутость коммуникаций, низкую плотность населения. Все это тормозило переход к интенсивным формам хозяйствования, утверждение новой светской, городской культуры, превращение сложившихся общественных отношений и культурных норм в новые, качественно более высокие. Разбросанные на этом пространстве города становились прежде всего княжескими центрами; рядом с княжеской администрацией там рос «государственный сектор» — княжеские оружейные, гончарные мастерские, артели *«городников»*-строителей и боярские дворы с массой зависимых людей.

Все же даже более зависимый по сравнению с западноевропейскими древнерусский город становился очагом культурной жизни. В нем производилось все, что было нужно для хозяйства и войны; он являлся экономическим и административным центром округи, там прежде всего шло строительство храмов и обучение грамоте. Горожане были более информированы (уже с X в. городские глашатаи-биричи оповещали их о произошедших событиях), и именно в городах составлялось большинство дошедших до нас летописей. По современным подсчетам — естественно, весьма

приблизительным, — грамотными были не менее 10% средневековых горожан. Наглядным показателем этого служат найденные уже во многих городах берестяные грамоты и многочисленные надписи-*граффити* на стенах древних храмов, к которым «прикладывали руки» и безвестные простолюдины, и сам киевский князь Святослав Изяславич со своей матерью, княгиней Олисавой.

Горожане быстрее знакомились с новинками и импортными товарами; в XI—XII вв. на торгу можно было встретить сирийские бусы, польский свинец, иранскую художественную керамику, фризское и фламандское сукно. В XI в. в Киеве появились византийские мастера, обучавшие местных учеников искусству стеклоделия, производству смальты (стекловидной массы для мозаичных картин), технике перегородчатой эмали на золотых украшениях. А в XII в. киевские образцы вместе с кочующими мастерами появились во Владимире, Суздале, Рязани, Полоцке и других русских городах. Из Византии шли дорогие шелковые ткани и пряности, богатые люди и церковь закупали вино — амфоры-корчаги из Малой Азии найдены в 150 поселениях Древней Руси; из Германии поступали бронзовые чаши и мечи, из Прибалтики — янтарь; из Ирана — фаянсовая посуда; встречались и заморские диковинки вроде индийских шахмат. На пристанях и на городском торгу свои товары предлагали приезжие из всех стран. Практичный Владимир Мономах советовал в «Поучении» заботиться о «гостях»: «...откуду же к вам придет или прост, или добр, или [по]сол, аще не можете даром — брашном и питьем: ти бо, мимоходячи, прославят человека по всем землям».

В Новгороде долгое время действовали Немецкий и Готский дворы, а в Киеве XII—XIII вв. существовали и еврейский квартал, и «латинский» монастырь. Сохранившиеся источники не содержали свидетельств национально-религиозной нетерпимости. Настоятель Печерского монастыря Феодосий во второй половине XI в. призывал князя Изяслава Ярославича: «Милуй не только своея вера, но и чужия... аще то буди жидовин или сарацин, или болгарин, или ото всех поганых — всякого помилуй и от беды избави».

В свою очередь, и русские люди «осваивали» далекие земли. Сын Ярослава Мудрого Всеволод отстраивал на свои средства ирландский монастырь св. Якова в Регенсбурге на Дунае, паломники проложили морской и сухопутный путь в Палестину, а купеческие суда и караваны посещали и немецкий Любек, и роскошный Константинополь, и такие закавказские центры, как Рей, Тебриз и Бердаа. Информация, привезенная «каликами» и купцами, попадала в летописи и «Хожения», а сам городской образ жизни расширял кругозор людей и способствовал их приобщению к новым культурным ценностям.

Возможно, через 100 или 200 лет в русских городах появились бы свои торговые компании, юридические конторы и университеты. Но в XIII в. динамично развивавшиеся земли и княжества не только испытали страшный военный удар, но, главное, попали в качественно новые условия, серьезно повлиявшие на все стороны жизни древнерусского общества. Не удивительно, что эта страница истории Руси привлекала к себе и ученых, и художников, и мыслителей. Порой — в том числе и в последнее время — появлялись попытки пересмотреть историю взаимоотношений Орды и Руси вплоть до полного отрицания самого факта татарского нашествия.

Еще в 1826 г. Российская академия наук объявила премию за победу в конкурсе на лучшее исследование на тему: «Какие последствия произвело господство монголов в России?» К сожалению, премия так и не была выплачена, и фундаментальных работ по проблеме совсем немного. Но если попытаться обобщить накопленные в науке факты, то можно говорить о непосредственном и опосредованном влиянии ордынского господства.

Первое означает прежде всего разорение, коснувшееся в первую очередь важнейших центров: археологические исследования говорят о погроме 49 городов, но ведь еще не все древнерусские города исследованы. «Высокие технологии» средневековья были весьма уязвимы — смерть или угон в рабство нескольких десятков мастеров приводили к утрате секретов и исчезновению самого производства. Вещи той поры свидетельствуют об огрублении ремесленной техни-

ки, исчезновении целого ряда ремесленных технологий (мозаики, перегородчатой эмали, зерни). Погибали не только мастера, но и их заказчики; сокращение производства и торговли привело к ослаблению торговых связей, сокращению импорта. Из обихода исчезли шиферные пряслица, сердоликовые бусы, амфоры-корчаги.

Разорение затронуло и сельскую округу: полевые археологические исследования дают основание говорить о серьезном демографическом сдвиге. На Черниговщине к концу XIII в. сохранилось только 2% селищ домонгольской поры. Население лесостепной полосы частично было уничтожено или покидало свои жилища и пашни, находившиеся в опасной близости от ордынских набегов. По той же причине прекратилось развитие и многих южнорусских городков. Подмосковные «волости» потеряли не менее половины сельских жителей. Сократилось на 1/3 население даже далекой от степи Смоленщины.

Людские потери, в том числе количество угнанных рабов и ремесленников, очевидно, учесть невозможно. Многочисленные жилища русских «переселенцев»-ремесленников (тесные землянки с русской керамикой и крестиками и даже целые «общежития» рабов) выявили раскопки в ордынских городах Булгаре и Сарае. Излишки рабочей силы продавались на рабских рынках Крыма и Кавказа. Оттуда рабов, в том числе и русских, продавали в Египет и страны Западной Европы: во французских и итальянских актах XIV—XV вв. упоминаются имена «белых татар» — Марфа, Мария, Катерина.

После возвращения завоевателей в южнорусских землях оформилось татарское иго — система экономических и политических мер, при помощи которых правители Золотой Орды контролировали и эксплуатировали русские земли. О системе политического господства уже говорилось выше (см. главу 2). Что же касается экономики, то летописи и акты Руси XIII—XV вв. называют 14 видов различных даней и повинностей: *поплужное*, торговая пошлина-*тамга*, *почестье* и корм татарским послам, *ям* — повоз, чрезвычайные «запросы» и др. Самым тяжелым среди них был ордынский *выход* — дань серебром. Регулярную

выплату «выхода» обеспечивали проведенные в 1257—1259 гг. и 1275 г. по всей Монгольской империи переписи населения — *«записи в число»*.

Точной суммы «выхода» в XIII в. мы не знаем. В конце XIV в. с Московского княжества и Великого княжества Владимирского он составлял 5000 руб., но размеры дани с Ростовского, Рязанского, Тверского, Смоленского и других княжеств неизвестны. После похода Тохтамыша летописец указал под 1384 г.: «Бысть великая дань тяжкаа по всему княжению великому, всякому без отьдатка, со всякие деревни по полтине». Это было большой суммой — по расчетам на основании известных цен получается, что маленькая средневековая деревня должна была отдать Орде примерно 2 тонны зерна. (См.: *Кучкин В. А.* Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 22—23.)

Применительно к опосредованному влиянию ига можно говорить о создании самой системой господства условий, на протяжении столетий тормозивших или деформировавших развитие экономики, социальной структуры, самого типа политического развития. Регулярные поборы постоянно выкачивали из страны огромные средства, которые при иных условиях могли быть вложены в развитие собственной экономики и культуры — в то самое время, когда в Западной Европе появлялись первые мануфактуры, банки, биржи, возникали торговые компании и ассоциации. Тяжелым последствием ига было ослабление русских городов, а ведь именно средневековые города являлись очагами новых форм экономики, социального строя и культуры.

Лишь к концу XIII в. экономика начала оживать. К сожалению, историки не располагают для этой эпохи привычной для наших современников статистикой: мы не знаем, сколько людей жило на Руси, сколько зерна они производили, каков был объем внутренней и внешней торговли. Но все же археологические исследования дают основания говорить о демографическом росте; скупые данные немногих сохранившихся грамот и хозяйственных актов сообщают, что к

XIV в. на северо-востоке Руси возобновляется освоение земель под пашню; появляется в XV в. и новая культура — гречиха. Возникает иная структура сельских поселений: если в домонгольское время люди селились на плоских приречных террасах, то с конца XIII в. крестьяне осваивают пологие склоны и водоразделы; именно в XIV в. в московских землях появляется термин «деревня». В крестьянском хозяйстве начинают использовать двузубую соху с отвальной доской — «полицей», переворачивавшей вспаханный слой земли; впервые упоминаются водяные мельницы и навоз в качестве удобрения.

В XIV в. стали вновь возникать города: в Московском княжестве — Боровск, Верея, Руза, Кашира, Серпухов; в Тверском — Кашин, Клин, Старица. С конца XIII в. в городах возобновляется каменное строительство (Спасский собор в Твери 1285—1292 гг., Успенский собор в Москве 1326 г.). Археологические исследования и акты свидетельствуют: в XV в. в городах насчитывалось до 50 ремесленных специальностей. Городские постройки оставались деревянными, как и большинство предметов обихода — вальки, трепала, бочки, кадки, ведра, туеса, посуда. Мастера-кожевники выделывали обувь, пояса, чехлы, кошельки, мячи, рукавицы. Ювелиры делали не только дорогие украшения, но и дешевые подражания им из свинца и олова.

В новгородской берестяной грамоте начала XIV в. впервые упоминается название новой денежной единицы — рубль. Предполагают, что он появился где-то в конце XIII в., и ученые до сих пор спорят о происхождении этого названия. Тогдашний рубль был не монетой, а крупной счетной единицей равной примерно 200 г серебра — за такую сумму при Иване III можно было купить целое село. Но уже с 80-х гг. XIV в. в Москве, а потом и в других княжествах возобновляется чеканка серебряной монеты — «деньги» с именем великого князя и хана Золотой Орды. Такие деньги разного веса и пробы чеканились в Новгороде, Рязани, Нижнем Новгороде, Пскове, Твери.

В Москве появляются объединения купцов, торгующих со странами Средиземноморья (*гости-сурожане* по имени города Сурожа — современный Судак в Крыму) и с Литвой и «немцами» (*суконники*), где в

Вильно, Риге и Дерпте находились русские кварталы. По-прежнему сукно и цветные металлы импортировались с Запада; с XIV в. оттуда же в качестве основного писчего материала вывозилась бумага, которая начала вытеснять дорогой пергамен (выделанную телячью кожу). На ордынские рынки привозили меха и льняное полотно, а оттуда везли восточные шелковые и хлопчатобумажные ткани, поливную керамику, грецкие орехи, самшитовое дерево; с востока же заимствовали более совершенную технологию выделки (дубления) кожи и названия сортов кожи (*сафьян*) и кожаных изделий — *башмак*, *тулуп*, *чемодан*.

Все же, несмотря на некоторый подъем, уровень экономического развития Руси был невысок: в обычном княжестве XIV в. было 2—3 города, а в XV в. с началом феодальной войны новые города не строились — в то время, как, например, в Германии в XIV—XV вв. появились сотни городов. При этом сложившаяся структура экспорта-импорта не способствовала развитию отечественного производства: Россия ввозила промышленные товары, а вывозила в XIV—XV вв. продукты промыслов, не связанные с ремеслом. Русские города оставались центрами феодального властвования с княжескими резиденциями, боярскими и церковными дворами и не имели городских «вольностей». К XV в. исчезают вечевые собрания в городах, а по мере объединения земель все города становятся «государевыми» и управляют ими назначаемые из Москвы наместники.

Судя по междукняжеским договорам, князья имели право посылать своих наместников в города, чтобы «очищать холопов наших и сельчан», т. е. возвращать ушедших в город подданных. Этим русские посады отличались от развитых центров Западной Европы, где действовало правило: «Городской воздух делает свободным» — при проживании в городе в течение года и одного дня. В первой половине XIV в. во Флоренции 10 тыс. детей посещали школы, действовали университет, десятки банковских домов, 120 аптек и 600 нотариусов; в Англии в XIV—XV вв. король Эдуард IV ходил в гости к богатым купцам Сити, младшие дети дворянских семейств обучались в городских колледжах и выбирали для себя карьеру в конторах

купцов и юристов. На Западе расцвет городов вызвал к жизни культуру Возрождения и потребность в системе образования — университетах. На Руси же в XIII—XV вв. не сложилось ни куртуазно-рыцарской, ни городской культуры как самостоятельных направлений. Религиозное мировоззрение именно в этот период завоевывает господствующие позиции в обществе, проникая и в крестьянскую среду.

Важнейшие политические задачи, которые решали московские князья, — свержение ордынского ига и «собирание земель» вокруг Москвы — требовали максимально возможной в тех исторических условиях концентрации сил и средств для такого рывка при слабой экономической базе, нараставшем отставании и отсутствии развитого «третьего сословия». Выход был найден в *форсированном развитии поместного землевладения и строительстве военно-служилой системы государственности* (см. главу 2) с подчинением ей всех социальных групп. В XVI—XVII вв. эти задачи были выполнены с помощью дворянской поместной армии и перестройки социальной структуры общества, результатом которой стали утверждение крепостного права и появление «тяглых» категорий населения казенных городов (см. главу 4).

В течение этого времени большая часть «огосударствленных» земель была поделена и роздана служилым людям, а их население — закреплено навечно. Свою роль в этом сыграли и аппетиты помещиков, и увеличение налогового гнета со стороны государства. Власть и землевладельцы использовали общинную форму организации крестьян в своих целях — для коллективного выполнения повинностей и уплаты налогов. Так крестьянская община стала не только средством защиты от неблагоприятных природных условий, но и низовым звеном государственной машины. Чтобы устоять под этим давлением, крестьянам необходимо было не допустить разорения не только своего, но и соседских хозяйств — поскольку тогда «тягло» приходилось нести оставшимся. Для этого деревня стала применять уравнительные меры с переделом земли и «тягла», которые сохранились вплоть до XX в.

С точки зрения экономики, такое решительное наступление государства и помещика привело к силь-

нейшим потрясениям — ответом на социальные эксперименты Ивана Грозного и усиление крепостничества стала Смута (см. главу 7).

Вызванное ею разорение трудно выразить в цифрах, но его вполне можно сравнить с разрухой после Гражданской войны 1918—1920 гг. или ущербом от военных действий и оккупации в 1941—1945 гг. Официальные переписи — писцовые книги и «дозоры» 20-х гг. XVII в. — постоянно отмечали «пустошь, что была деревня», «пашню, лесом поросшую», пустые дворы, чьи хозяева «сбрели безвестно». По многим уездам Московского государства «запустело» от 1/2 до 3/4 пахотной земли; появился целый слой разоренных крестьян-*«бобылей»*, которые не могли вести самостоятельного хозяйства. Заброшенными оказались целые города (Радонеж, Микулин); в других (Калуге, Великих Луках, Ржеве, Ряжске и пр.) количество дворов составляло треть или четверть от того, что было в конце XVI в.; по свидетельству официальной переписи, город Кашин «польские и литовские люди выжгли и высекли и разорили до основания»: в нем осталось всего 37 жителей. По современным демографическим подсчетам, только к 40-м гг. XVII столетия восстановилась численность населения XVI в.

Создание ответственных перед государством городских сословий и прикрепление горожан к посаду вместе со «сводами» иногородних купцов в столицу сделали Москву «супергородом». Но угнетенное положение оставшихся придало русским городам аграрные черты (сохранявшиеся вплоть до XVIII—XIX вв.), привело к ликвидации слоя провинциального купечества и следов былых городских вольностей. В XVI в. жители примерно 180 русских городов не имели автономии («магдебургского права») и составляли всего 2% населения, тогда как в Нидерландах в 300 городах проживало 40% населения.

■ **Рынок и предпринимательство в Московском царстве.** По мере объединения северо-восточных земель появляется необходимость в единой денежной системе. В 1535 г. была проведена денежная реформа: рубль остался главной счетной единицей и состоял из 100 серебряных копеек — основных монет, имевших

хождение в допетровской России. Одним из главных источников поступления серебра для чеканки стали таможенные пошлины, которые иностранные купцы уплачивали немецкими *иоахимсталерами* (в России их называли «ефимками»).

В XVI—XVII вв. московский денежный счет выглядел так: 1 рубль = 2 полтины = 10 гривен = 33 алтына (+ 2 деньги) = 100 копеек = 200 денег. Рубль, полтина, гривна и алтын оставались только счетными единицами. Кроме копейки, чеканились совсем крошечные деньга (0,5 копейки) и полушка (0,25 копейки).

На этих овальных монетах размером с современную копейку был изображен всадник с копьем (отсюда и название — «копейка» или «копейная деньга») и вычеканено имя государя. На протяжении 150 лет вес копейки уменьшился вдвое (с 0,7 до 0,3 г) и она буквально проваливалась сквозь пальцы. Вместительные кошельки нужны были не всем, а карманы на одежде появились только в XVII в., поэтому простые люди часто прятали монетки во рту, «продолжая при этом так говорить и торговаться, что зритель и не замечает этого обстоятельства», отмечали побывавшие на русском торгу иноземцы.

Но стоила копейка дорого — в конце XVI в. на нее можно было прокормиться день-другой, купить несколько пудов свежих огурцов или курицу. За 10 копеек на торгу можно было приобрести простую полотняную рубаху или штаны, за 25 — пару сапог, за 40 — тулуп из бараньей овчины, а вот боярская шуба на соболях стоила не меньше 70 рублей. Изучение найденных кладов той эпохи показывает, что большинство их хозяев могло накопить и спрятать от 1 до 10 рублей, что было значительной суммой — за рубль можно было купить теленка, а 5—6 рублей составляли годовое жалованье московского стрельца или мелкого помещика. Для совершения же крупных сделок купцам приходилось порой даже нанимать специальных людей, чтобы пересчитывать тысячные суммы.

Характеризуя социально-экономическое развитие страны после Смуты, нужно отметить одновременное и параллельное развитие двух противоположных процессов: утверждение *крепостничества* сопровождалось оживлением и некоторым подъемом экономики.

Документы XVII в. говорят о появлении зажиточных «торговых крестьян» и городских «мужиков богатых и горланов» из вчерашних посадских или стрельцов. Они заводили собственное дело — кузницы, мыловарни, кожевенные заведения; скупали по деревням домашний холст, а в городах — лавки и дворы, давали деньги в рост. Они подчиняли других мелких производителей и заставляли их работать на себя: так, в 1691 г. ремесленники Ярославля жаловались на «торговых людей», владевших каждый 5—10 лавками и «отрезавших» мелких производителей от рынка. Порой в хозяйственных документах упоминаются такие разбогатевшие крестьяне, как Матвей Бечевин, владевший целым речным флотом и доставлявший тысячи четвертей хлеба в Москву, или крепостной боярина Б. И. Морозова Алексей Леонтьев, без труда получивший у своего барина заем в тысячу рублей.

И крестьяне, и землевладельцы выходили со своими продуктами на рынок. Отражением этого процесса стало развитие денежной ренты, которая в XVII в. встречалась в каждой пятой вотчине или поместье. На практике одновременно совмещались разные формы такой ренты. Например, в хозяйстве дяди царя Михаила Федоровича, боярина Ивана Никитича Романова в Коломенском уезде крестьяне пахали на барщине по полдесятины на каждый двор, отдавали в качестве натурального оброка с 10 дворов свиную тушу, 3 баранов, гуся, 2 уток, 4 куриц и круг сыра; с тех же 10 дворов они платили и деньгами по 1 рублю.

Во второй половине XVII в. в экономическом развитии страны можно отметить территориальное разделение труда — выделение областей, специализирующихся на производстве льна (Псковщина, Смоленщина), хлеба (территории к югу от Оки). Жители Ростова, Белоозера выращивали на продажу овощи; центрами производства железа стали Тула, Серпухов, Устюжна Железопольская, Тихвин. В XVII в. выделились сотни промыслово-торговых сел (Иваново,

Павлово, Лысково, Мурашкино и пр.), жители которых специализировались на товарном производстве железных изделий, полотна, валенок, колпаков; так, крестьяне подмосковной Гжельской волости изготавливали знаменитую впоследствии посуду, Кижский погост славился своими ножами, а Вязьма — санями.

Некоторые города становились крупными рыночными центрами. В бывших южных городах-крепостях Орле и Воронеже возникли хлебные рынки, откуда в Москву и другие города шло зерно с местных черноземов. Ярославль стал всероссийским центром кожевенного производства: туда поступали сырые кожи, они выделывались местными ремесленниками и расходились по всей стране. Когда в 1662 г. государство объявило монополию на торговлю этим товаром, то в Ярославле казна скупила 40% запасов кож страны. Правительство стремилось упорядочить взимание таможенных сборов: с 1653 г. все купцы платили единую пошлину — 10 денег с каждого рубля стоимости товара, при этом половину в месте покупки и половину в месте продажи товара.

Иностранцы и прочие приезжие посещали в Москве огромные торговые ряды на месте нынешнего ГУМа на Красной площади, уходившие далеко за ее пределы — в XVII в. их насчитывалось больше ста. Для себя горожане закупали впрок съестные припасы: в начале XVII в. четверть ржи (4 пуда) стоила 30 копеек — столько же, сколько один «осетр длинный»; пуд сливочного масла — 60 копеек, пуд семги — 37 копеек. Зажиточные люди приценивались к импортным товарам: один заморский лимон стоил полторы копейки, голова сахара — 40 копеек. В документах того времени упоминаются более 20 видов привозных шелковых тканей и 30 видов сукон — «лимбарское», «лундыш», «ипрское», «амбургское», «брабантское» и других, в названиях которых угадываются имена английских, немецких и фламандских городов; «штука» английского сукна стоила дорого — порядка 8 рублей.

Объем внешней торговли за столетие увеличился в 4 раза: если в конце XVI в. в Архангельск ежегодно приходило 20 кораблей, то во второй половине XVII в. — 80; через этот порт проходило 75% внешнего товарооборота России. Структура импорта оста-

лась прежней: сукна, цветные металлы, оружие, пряности, краски, бумага. Среди экспортных товаров преобладали уже не меха и воск, а кожа, сало, поташ (углекислый калий — его получали из золы для изготовления мыла и стекла), пенька, смола, т. е. сырье и полуфабрикаты для последующей переработки. А вот хлеб до XIX в. был товаром стратегическим, его вывоз разрешался правительством только в особых случаях (помощь союзникам), так как на внутреннем рынке зерна не хватало. Из стран Востока везли хлопчатобумажные и шелковые ткани; русские служилые люди ценили сабли из иранского Исфагана. В Астрахани в XVII в. действовали индийский и персидский гостиные дворы и купеческие ассоциации.

В XVII в. за русский рынок боролись англичане и голландцы — они составляли половину из действовавших в России и известных нам по документам 1300 купцов-иноземцев. Русские купцы жаловались в челобитных: «Тех немец на Руси умножилось... от них стала скудость великая, что торги у нас всякие отняли». Государство в XVII в. уже стремилось поддержать свое купечество. В 1649 г. была отменена беспошлинная торговля английских купцов под предлогом того, что англичане своего «короля Карлуса до смерти убили». Новоторговый устав 1667 г. фактически запретил иностранцам розничную торговлю; при провозе своих товаров из Архангельска в Москву и другие города размеры пошлин для них увеличивались в 3—4 раза.

В 1654 г. из Москвы на Новую Землю в поисках серебряной руды была послана первая геологоразведочная экспедиция. На Волге в 1667 г. были построены иноземными мастерами первые «европейские» корабли русского флота. В 1665 г. началось регулярное почтовое сообщение с Вильно и Ригой.

В 1654 г. приступили к модернизации денежной системы, так как маленькая копейка была неудобной при крупных сделках. В ходе реформы серебряная копейка заменялась крупными серебряными монетами достоинством в 1 рубль и 50 копеек и медной мелочью. Но реформа окончилась неудачей. Присоединение Украины в 1654 г. и последующая затяжная война с Польшей привели к усиленному выпуску

медных денег, стремительной инфляции и к последующему Медному бунту 1662 г., во время которого царь Алексей Михайлович вынужден был выходить к разгневанным налогоплательщикам и даже «бить по рукам» с ними. В итоге правительство вернулось к прежней архаичной денежной системе.

Наконец, в XVII в. начался переход от мелкотоварного ремесленного производства, к тому времени насчитывавшего более 200 специальностей, к мануфактуре. Еще в начале 30-х гг. XVII в. появились казенные медеплавильные предприятия на Урале.

Мануфактуры — предприятия, основанные на разделении труда, но применяющие в основном ручную ремесленную технику. По сравнению с ремесленным производством они являли собой новый этап развития промышленности. Мануфактуры были казенными и частными; централизованными, т. е. объединявшими рабочих под одной крышей, или рассеянными, когда предприниматель снабжал сырьем и скупал продукцию работавших на дому мастеров. В результате промышленного переворота на смену мануфактурам во второй половине XIX в. пришла основанная на машинном производстве ***фабрика***.

Затем появились и частные мануфактуры — купеческие канатные дворы в Вологде и Холмогорах, железоделательные заводы бояр И. Д. Милославского и Б. И. Морозова. Царь Алексей Михайлович имел в своем дворцовом хозяйстве 4 водочных завода, «сафьянный двор» и стекольную мануфактуру, а посуду, изготовленную на ней, порой преподносил в подарок своим гостям. Привлекался иностранный опыт и капитал: в 30-х гг. XVII в. голландские купцы А. Виниус, П. Марселис и Ф. Акема построили 3 железоделательных завода в Туле и 4 в Каширском уезде. Швед Ю. Койэт основал стекольную мануфактуру, голландец фан Сведен — бумажное производство. Всего в XVII в. возникло до 60 мануфактур, к концу столетия действовало около 30.

Однако можно ли считать предприятия XVII в. капиталистическими? Ведь винокурни, уральские или

тульские заводы работали прежде всего на казну по установленным ценам, а на рынке могли продавать только излишки. Владельцы тульских заводов, а вслед за ними и многие другие предприниматели столкнулись с тем, что крепостной режим ограничивал рынок рабочей силы и ее нужно было привлекать путем внеэкономического принуждения. На таких заводах мастера и подмастерья, русские и иностранные, получали хорошую зарплату (от 30 до 100 руб. в год), но основную массу работных людей составляли приписные государственные крестьяне, работавшие на предприятиях вместо уплаты казенных податей. А вотчинные предприятия бояр изначально комплектовались подневольной рабочей силой — даже мастерами там были пленные литовцы.

Так на российских предприятиях появилась *крепостная мануфактура*, где новый технический уровень производства сочетался с принудительным трудом и контролем со стороны государства. Она существовала вплоть до отмены крепостного права.

Мануфактурное производство в России делало только первые шаги и не могло удовлетворить даже потребности государства: к концу XVII в. железо приходилось ввозить из Швеции, а мушкеты для армии заказывать в Голландии. Деловую активность подрывали периодически объявлявшиеся казенные монополии на торговлю мехами, икрой, кожей, салом, льном и пр., когда все владельцы этих товаров должны были немедленно сдать их государственным агентам-купцам по «указной» цене. Через своих «гостей» правительство осуществляло крупные торговые операции с товарами, которые были недоступны для других купцов; царские караваны отправлялись в Иран, куда в числе прочих подарков к шахскому двору в 1600 г. был отправлен перегонный аппарат — это первый известный случай «технической помощи» восточному соседу. Одновременно посольствами и торговыми экспедициями стали миссии в Хиву и Бухару. В 1674 г. первый русский караван «гостя» О. Филатьева отправился через монгольские степи в далекий Китай, откуда привозили драгоценный фарфор и не менее дорогой чай, считавшийся в то время в России не напитком, а лекарством.

Часть иноземных торговцев приспосабливалась к особенностям российского рынка — они сами становились, как голландец Андреас Виниус и англичанин Джон Гебдон, торговыми агентами правительства: получали монопольные права на вывоз смолы, икры и других товаров, а за границей закупали оружие для армии и лекарства для двора. Другие, наоборот, не могли привыкнуть к ограничениям — отсутствию свободы передвижения (так, например, Сибирь с ее пушными ресурсами была запретной зоной для иностранцев), выбора места жительства, различным запретам (не носить русскую одежду, не держать православной прислуги) и разорялись.

Существовало и множество местных монополий, когда предприимчивый человек договаривался с воеводой, что только он будет иметь право печь в городе пряники, писать для неграмотных заявления-челобитные или точить ножи, после этого следовало распоряжение: «опричь его, Ивашки, другим сторонним людям не велеть» заниматься тем или иным промыслом. Государство же получало с такого монополиста гарантированный доход. Дорого обходился деловому человеку кредит — в русских городах не было банковских контор. Деньги приходилось занимать у ростовщиков под 20% годовых, ведь законодательство не гарантировало взыскания процентов по займу.

Восстановление численности населения и «досмутного» уровня развития производства произошло только к середине XVII в. Быстро утверждалась поддерживаемая государством поместная форма собственности, в первой половине XVII в. составившая 60% всего частного землевладения. Однако, как показали сделанные недавно расчеты, вотчина была более эффективной формой хозяйствования: вотчинные владения больше ценились и были крупнее поместных «дач», они меньше подвергались запустошению и скорее восстанавливались после кризисов.

Математический анализ социальной и экономической структуры поместья и вотчины первой половины XVII в. показал, что они представляли собой разные формы хозяйства.

В ***поместье*** организационно-экономическая роль самого помещика почти незаметна, уровень эксплуатации высок, остро ощущается нехватка рабочей силы. Ни господская пашня, ни крестьянское хозяйство не растут.

В ***вотчине***, наоборот, заметна роль хозяина, который активно использует все ресурсы, привлекает своих холопов и «деловых людей». Население вотчины многочисленней, и запашка постоянно расширяется. (См.: *Милов Л. В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 481.)

Но потребность в послушной дворянской армии привела к ее восстановлению и расширению поместной системы после Смуты. При этом дворянин-помещик XVII в. был намного беднее своего предшественника середины XVI в.: в среднем его поместье включало 6 дворов; но бывало и хуже, когда, например, на 415 помещиков Елецкого уезда приходилось всего 190 крепостных. В таких условиях (да еще и с учетом возраставших запросов помещиков, вынужденных также понемногу обращаться к рынку) барщинная форма эксплуатации росла и распространялась. Барщинный труд позволял наиболее богатым и оборотистым землевладельцам производить товарный хлеб, но ценой этого было дальнейшее закрепощение крестьянства и увеличение норм отработки.

Русский город XVII в., как и раньше, был четко разделен на военно-административный острог-крепость и торгово-промышленный посад. В остроге находились резиденция воеводы, его администрация и гарнизон; на посаде — торговые ряды, таможня, кабак, земская изба с выборными старостами — место пребывания подчиненных воеводе выборных людей, которые раскладывали «по животам и промыслам» налоги, содержали казенный кабак, избирались для таможенных сборов, в продавцы казенных товаров и даже в палачи.

По переписи 1646 г. горожане составляли всего 1,2% населения. Из 226 городов 60 вообще не имели посадского населения, а среди остальных действительно крупными центрами (500 дворов и больше) были только 15. В их число, помимо Москвы и Нов-

города, входили Ярославль (2800 дворов), Казань (1200 дворов), Устюг (750 дворов), Калуга (600 дворов). Многие городки, особенно южные, оставались прежде всего крепостями и на 3/4 были заселены служилыми людьми. Наиболее зажиточных горожан правительство в XVII в., как и дворян, переселяло в центр или на окраины в своих интересах. Во многих городах, особенно пограничных, ремесленники и торговцы составляли меньшинство населения; там преобладали служилые люди «по прибору» (стрельцы, казаки, пушкари), что препятствовало складыванию единого городского сословия.

Знаменитый Домострой (учебник и справочник по ведению домашнего хозяйства) описывал достаточно замкнутый мир зажиточного горожанина. «Государь-хозяин» уже был связан с рынком, но тем не менее имел годовой запас продуктов: «чего не родилося или дорого — ино тем запасом, как даром проживет». Столь рачительный хозяин поддерживал религиозно-патриархальный уклад дома, где был таким же абсолютным «государем», как и царь в своей державе.

Сохраняя отчасти традиционный общинный уклад и низовые выборные органы (так же, как сохраняла их крестьянская община), русский город оставался неразвитым, что сказывалось — вместе с другими причинами — и на замедленном развитии производства, и на подавлении тех ростков городской культуры, которые выходили за рамки официального церковного мировоззрения.

Соборное уложение 1649 г. закрепило право на регулярную торговлю (т. е. право держать или арендовать лавку) за горожанами — эта мера была направлена на усиление посада. Но одновременно государство прикрепило горожан к посадам: они должны были жить «впредь бесповоротно за государем, где кто в тягло отдан».

Власть сделала русский город коллективным крепостником — другая статья Уложения предписывала всех ушедших и переселившихся «сыскивати и свозити на старые их посадские места». Последующие акты уже прямо запрещали прием крестьян в общину и переход горожан с посада на посад.

Страна долго выходила из кризиса, и его последствия только увеличили разрыв в уровне экономического развития между Россией и наиболее развитыми странами Западной Европы. 1649 г. для Англии — это пик буржуазной революции, когда был казнен король Карл I; для России — год принятия Соборного уложения, которое утверждало *самодержавную монархию* и *крепостное право* в качестве главных направлений развития общества.

В целом темпы экономического роста России выглядят скромно на фоне быстрого развития западно-европейских стран. Великие географические открытия и освоение Америки привели к перемещению мировых торговых путей из Средиземноморья в Атлантический океан и стимулировали рост новых центров — Лиссабона, Севильи, Антверпена. Началось образование колониальных империй — испанской Америки, голландской Ост-Индии (Индонезии), английской и французской Вест-Индии (Антильских и Багамских островов, восточного побережья Северной Америки). Европейские товары обменивались в Африке на рабов; невольников отправляли на американские плантации, а оттуда в Европу приходили суда, груженные колониальными продуктами: сахаром, табаком, красками, кофе, хлопком, пряностями.

Такие «треугольные» экономические потоки вместе с притоком американского золота и серебра вызвали в Европе «революцию цен» (средний их уровень в XVI—XVII вв. поднялся в 3—4 раза) и усиленный спрос на сельскохозяйственную продукцию, повысили жизненный уровень людей и их деловую активность. Поступление заморского сырья и открытие новых рынков изменили прежний пассивный баланс европейской торговли со странами Востока. Вместе с возникновением мирового рынка появилась и капиталистическая система производства. Начались массовое развитие мануфактур в Голландии и Англии, фермерская аренда и интенсификация сельского хозяйства, стремительно выросла морская торговля.

Россия оставалась пока на периферии мирового рынка. Установление в 1553 г. дипломатических и

торговых отношений с Англией стало важным шагом в этом направлении, однако неудачная Ливонская война привела к потере только что полученного выхода к Балтийскому морю через порт Нарву. Главным русским портом вплоть до времени Петра I был Архангельск — к нему от Москвы шел главный торговый путь России в XVII в. По мнению ряда ученых, допетровская Россия по степени экономического развития находилась на уровне Англии XIV—XV вв.

В науке существуют разногласия по вопросу о становлении капиталистических отношений в России. Одни авторы (В. И. Буганов, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов и другие) говорят об одновременном развитии в XVII—XVIII вв. феодально-крепостнических и буржуазных отношений. Основным фактором развития капитализма они считают воздействие растущего рынка на феодальную вотчину, в результате которого помещичье имение становилось товарно-денежным хозяйством, а крестьянский двор превращался в базу мелкого товарного производства вместе с растущим расслоением крестьян. Другие историки (Л. В. Милов, А. С. Орлов, И. Д. Ковальченко) указывают, что количественные изменения в экономике и даже связанное с рынком товарное производство еще не свидетельствуют о появлении капиталистического хозяйства, а формирование единого всероссийского рынка происходило на некапиталистической основе. (См.: История крестьянства в Европе. М., 1986. Т. 3.)

В стране появились зачатки буржуазных отношений, но они быстро деформировались крепостнической системой и государственным контролем. Не сложились в России и корпорации-сословия на общегосударственном или региональном уровне, не было вольных городов-коммун и набиравшего силу «третьего сословия».

Но в то же время государственная поддержка и контроль над экономикой уберегли ее от судьбы соседней Речи Посполитой, «подключение» которой к европейскому рынку и разделению труда привело к росту экономического и политического могущества

магнатов и крупной шляхты при отсутствии собственной промышленности, ослаблении городов и бессилии королевской власти.

Глава 6
МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

■ **Соседи Киева.** В первые 300 лет российской истории было два основных направления внешней политики. Первое — это Византия и сопредельные страны Востока. Военные походы и попытки русских князей укрепить свои позиции в устьях Днепра и Днестра, в Крыму, на Тамани периодически приводили к военным конфликтам с могущественной Византийской империей — в 907, 911, 941, 944 гг. Каждый раз заключение мирных договоров сопровождалось выработкой более или менее выгодных для русских условий торговых связей с Константинополем. Так, по договору 944 г. русские купцы-послы должны были предъявлять грамоты от князя и получали специальное посольское содержание. Они жили на своем подворье в предместье Константинополя, подчинялись специальным правилам перемещения в городе (группами, без оружия и в сопровождении чиновников), платили пошлины и получали на обратную дорогу продовольствие и снаряжение от греческих властей. Особо регулировались наказания за имущественные преступления и возвращение беглых рабов.

В области политической договоры, как правило, закрепляли союзнические отношения, и следствием их были походы русских в 909—913 и 945 гг. на Каспий против мусульманских владетелей Закавказья. Сын Игоря Святослав (945—972) окончательно разгромил слабеющий Хазарский каганат, прошел по степям Северного Кавказа, победил «ясов и касогов» (алан и адыгов) и основал русское княжество на Таманском полуострове — Тмутаракань. Затем Святослав попытался включить в сферу своего влияния Болгарию и утвердить центр своей державы на нижнем Дунае, для

чего разделил Русь между сыновьями и перенес свою резиденцию в захваченный город Переяславец, где, по сообщению летописца, видел «середу земли моей, яко ту вся благая сходятся». Эта политика привела к столкновению с Византией: в новой войне коалиция славян, болгар, венгров и печенегов потерпела поражение; по договору 971 г. Святослав вынужден был уйти из Болгарии и по дороге домой убит печенегами у Днепровских порогов.

В правление Владимира Святославича и Ярослава Мудрого далекие походы прекратились: основные восточнославянские земли были уже объединены, и наступило время внутреннего обустройства молодого государства. Владимир заключил новый союз с Византией. Его сын Ярослав вступил в союз с германским императором Генрихом II против Польши, и в итоге в 1031 г. с соседней страной были установлены мир и граница в районе современного Бреста. У могущественного киевского князя искал поддержки изгнанный норвежский король Олаф Святой. Одна дочь Ярослава, Анна, была выдана замуж за французского короля Генриха I, другая, Елизавета, — за брата Олафа, короля Харальда Смелого. Своих сыновей Изяслава и Всеволода князь женил на польской и византийской принцессах. Пытаясь утвердить независимость русской церкви от константинопольского патриарха, Ярослав добился избрания духовенством первого русского митрополита Илариона, который в своем «Слове о законе и благодати» с гордостью говорил, что его страна «ведома и слышима всеми концами земли».

С X в. на первый план вышла другая задача — защиты русских земель от кочевников. В самом конце IX в. под стенами Киева стояли венгры. Они пришли в причерноморские степи из «Великой Венгрии» в Левобережье Волги и Камы, и, в свою очередь, были вытеснены на запад новыми кочевниками. Летописец указал под 915 г.: «Приидоша печенези первое на Рускую землю».

За печенегами в середине XI в. следовали торки, за ними — половцы; затем началось татаро-монгольское нашествие. Конечно, взаимодействие Руси и кочевников нельзя свести только к бесконечному противосто-

янию — с соседями мирились, торговали и роднились. Длительные и далеко не всегда мирные контакты с Великой степью повлияли и на процесс складывания многонациональной империи, и на сам тип российской государственности с соответствующими представлениями о политической власти, долге, патриотизме, национальной идее. Народы Западной Европы после того, как королевство франков в VIII в. отразило арабские набеги из-за Пиренеев, а германский король Оттон I в середине X в. разгромил кочевников-венгров, такого длительного натиска больше не испытывали. Лишь на юго-востоке держава австрийских Габсбургов отражала турецкую экспансию на Балканах, а на самом западе континента в IX—XV вв. шла Реконкиста — вытеснение мусульман-мавров с Пиренейского полуострова.

Князь Владимир Святославич впервые стал создавать общегосударственную систему обороны пограничных со степью областей: «Нача ставити городы по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словен, и от кривич, и от чуди, и от вятич, и от сих насели грады, бе бо рать от печенег. И бе воюяся с ними и одолая их». Эта грандиозная оборонительная система строилась не на пустом месте. До сих пор спорят историки и археологи о времени создания и назначении так называемых Змиевых валов — частично сохранившихся до нашего времени на Украине многокилометровых земляных сооружений. Вполне вероятно, что это древнейшие из известных нам славянских укреплений на границе со степью. Более точные сведения имеются начиная с X—XI вв., и на основании летописных известий и раскопок можно реконструировать систему организации обороны Руси от набегов кочевников. Известные по былинам «заставы богатырские» кое-где сохранились до сих пор — это десятки городищ-крепостей вокруг Киева и ниже его по притокам Днепра с обеих сторон. Броды на самом Днепре также охраняла система крепостей — Канев, Витичев, Заруб, чьи сигнальные огни могли быстро передать в столицу известие о приближении врага. Построенные Владимиром крепости Василев, Белгород, Новгород Малый, Переяс-

лавль выдержали печенежскую осаду во время войны 988—997 гг., когда сам князь едва не попал в плен.

После разгрома Ярославом Мудрым печенежской орды под Киевом в 1036 г. главная оборонительная линия переносится дальше на юг — на реку Рось, где через каждые 10—15 км новую границу стерегли крепости Юрьев (современная Белая Церковь), Богуслав, Корсунь и др. На левом берегу Днепра границей Руси в XI в. стала река Сула и ее притоки, по которым стояли мощные укрепления, предназначенные для отражения нападений нового противника — половцев, вытеснивших из южнорусских степей печенегов.

В начале XI в. половцы пришли из казахских степей в Поволжье, а в середине века появились уже у границ Руси и в 1068 г. разбили войско князей Ярославичей. С этого времени русские летописи постоянно сообщают о грабительских набегах половцев на пограничные княжества: с 1061 по 1210 г. они совершили 46 только больших походов на Русь, а мелкие набеги сосчитать невозможно. Половецкие ханы стали и участниками русских междоусобиц, выступая на стороне то одного, то другого князя. Союзы русских князей с половцами нередко скреплялись браками: ханы и беки охотно отдавали своих дочерей и сестер замуж за русских князей.

С конца века оборону самого опасного участка южной границы — Переяславской земли — возглавил Владимир Мономах. По инициативе князя система укреплений по реке Суле дополнилась новыми городищами и крепостями на высоких склонах и в болотистой пойме реки, надежно прикрывавшими броды и основные дороги. Укрепления (известно около 40) располагались так, что сведения о появлении степняков немедленно передавались при помощи световой сигнализации по всей линии крепостей.

Сами же половцы к концу XI в. образовали несколько объединений-орд, владевших определенной территорией и «городами» — Шаруканом, Сугровом и др. Наиболее удачливым ханам, например Боняку в 1096 г., порой удавалось «стучать саблей» в Золотые ворота Киева. Эффективная организация обороны в

сочетании с налаженной разведкой позволила Владимиру Мономаху переломить ситуацию и совершать глубокие рейды к половцам. Успешные походы 1095, 1103, 1109, 1111, 1116, 1120 гг. и разгром половецких укрепленных поселений заставили половцев откочевать далеко от границ Руси — в Грузию и Венгрию, русские дружины возвращались «с добытком и с челядью».

Но такие успехи были не всегда: в условиях раздробленности нежелание многих князей участвовать в совместных действиях приводило к разгрому, как это случилось в 1185 г. с героем «Слова о полку Игореве» — новгород-северским князем Игорем Святославичем. Еще хуже было, когда сами же князья приглашали половцев участвовать в усобицах. Тогда кочевники могли безнаказанно громить целые волости: так, в 1160 г., действуя в союзе с князем Изяславом Давыдовичем Черниговским, половцы угнали из-под Смоленска более 10 тыс. пленных, в 1176—1177 гг. вместе с рязанским князем Глебом разорили Москву и окрестности Владимира. После неудачного похода в степь князя Игоря Святославича они даже пытались штурмовать крупные города Переяславль и Путивль.

Но в то же самое время другие кочевники защищали Русь. Как на правом, так и на левом берегу Днепра русские князья держали вассальные кочевые объединения «своих поганых», некогда разбитых половцами — печенегов, торков, ковуев, берендеев (на Руси их называли «черными клобуками»). Они имели определенные участки для кочевий, свои укрепления — городки (Торческ на Роси) и использовались как разведчики и мобильная военная сила для предотвращения половецких набегов и погони за их ополонившимися отрядами.

Со степняками не только воевали, но и торговали: кочевники пригоняли для продажи табуны лошадей и другой скот в обмен на ткани, меха, оружие. Через степь проходили международные торговые пути («Залозный» связывал Русь со странами Закавказья, а «Солоный» вел вдоль Днепра в Крым, откуда доставляли соль), и половцы получали значительные выгоды в виде пошлин с купеческих караванов. Постоян-

ное тесное общение кочевников с Русью приводило к тому, что русские дружинники усваивали типично кочевнические приемы боя и оружие, а половцы переходили к полуоседлости в наиболее удобных для этого участках степи; в их среду проникало христианство. В 1223 г. в приазовских степях русские дружины вместе с половцами сражались при Калке против новых завоевателей — монгольских войск; а в 1226 г. русско-половецкое войско совершило поход в Крым против турок-сельджуков, напавших на важный торговый центр и порт Судак. Процесс взаимовлияния двух экономических систем и этносов прервался в 30-х гг. XIII в. из-за мощного татаро-монгольского нашествия.

■ **Русь и Орда.** Как же получилось, что кочевники из далекой Центральной Азии смогли разгромить развитые и во много раз превосходившие их по военно-экономическому потенциалу страны? На просторах Великой степи не раз появлялись могучие объединения кочевников, становившиеся грозой для соседей: тюркский каганат в VI в., печенежская орда в X—XI вв. и другие. Но через 1—2 поколения такие союзы распадались, терпели поражения от более развитых соседей и исчезали со страниц истории. Так и на этот раз на рубеже XII—XIII вв. произошло объединение ряда монгольских племен под руководством талантливого и умелого вождя Темучина, принявшего в 1206 г. титул Чингисхана. Новый правитель пресек бесконечные усобицы вождей-нойонов, а рядовых кочевников обложил тяжелыми податями и повинностями и запретил самовольные откочевки. Чтобы дать и знати, и народу шанс на обогащение и почетную службу, Чингисхан повел массу боеспособного народа сначала в богатый Китай, а затем на соседние мусульманские страны.

В ходе затяжных войн с соседями сложилась централизованная и милитаризованная империя Чингисхана. Она имела четкое военно-административное деление, государственный аппарат из китайских и уйгурских чиновников, почтовую связь, регулярное налогообложение. Свод законов («Яса»)

уравнивал в правах верующих всех религий. Основой империи стала армия, построенная на поголовной воинской повинности, четкой структуре (тумены-тьмы, тысячи и сотни) и жесткой дисциплине. Каждый воин в любое время должен был быть готов к походу со всем необходимым снаряжением, «вплоть до шильев, игл, веревок, ездового и вьючного скота, ослов и верблюдов». Квартирмейстеры-*юртджи* определяли пути передвижения, места стоянок, запасы воды и фуража на театре военных действий. Сведения о будущих объектах агрессии собирали купцы, руководители караванов и специальные посольства.

Штаб планировал и организовывал военные кампании; высшие монгольские командиры никогда не ходили в бой — они руководили войсками при помощи сигналов флагами, трубой или дымом. Монгольское войско могло быстро обеспечить форсирование большой реки и оперативно на месте изготовить и применить осадные орудия; при этом отдельные роды войск — тяжеловооруженная гвардия — «кэшик» или инженерные части — согласованно решали основные задачи.

Налегке конные тумены могли передвигаться с огромной скоростью — до 60 км в сутки. Такая организация давала монгольскому войску несомненное преимущество при столкновении с наскоро собранными ополченцами или феодальными дружинами как в Азии, так и в Европе.

В результате завоевательных походов (10—20-х гг., 30—40-х гг. и 50—70-х гг. XIII в.) Чингисхану и его преемникам удалось создать колоссальную империю, включавшую Китай, Корею, Среднюю Азию, Иран, Ирак, Афганистан, Закавказье, Сирию и степи Восточной Европы и Казахстана. На юго-восточном направлении монгольские армии высаживались в Индонезии и на Японских островах; на Ближнем Востоке они дошли до Египта, а в Европе — до границ Австрии. Сознавая свою силу, монгольские владыки требовали от соседей абсолютной покорности: «Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам... Ты сам во главе королей, все вместе без исключения придите предложить нам службу и покорность», — обращался в 1246 г. хан Гуюк к римскому папе в своем послании. (См.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977.)

В 1235 г. курултай (съезд монгольской знати) решил вопрос о Великом западном походе, куда отправилась примерно половина всех имперских сил, по современным подсчетам, около 70 тыс. человек во главе с внуком Чингисхана Бату. К тому времени эту армию можно было лишь условно назвать «татаро-монгольской» — этот термин появился в научной литературе в XIX в. «Татарами» (*«татань»*, *«дада»*) своих степных соседей называли китайцы, а затем арабы и персы; сами же монголы именовали себя «моалами». Но к середине XIII в. в державе потомков Чингисхана монгольскими оставались командный состав и гвардия, а остальные войска являлись типичной имперской армией, где рядом сражались представители всех покоренных стран — китайцы, аланы, персы и многочисленные тюркские народы. После планомерного завоевания Волжской Булгарии, мордвы и половцев это войско в декабре 1237 г. подошло к границам Руси.

Затем последовали два мощных удара. Зимой 1237/38 г. армия хана Бату взяла Рязань, а затем и Владимир. Массы конных войск стремительно шли по руслам замерзших рек на Углич, Кострому и Тверь; быстро собирались в нужном месте для нанесения главного удара и в считанные дни брали сильно укрепленные города с помощью массированного применения осадной техники. Такая тактика не дала великому князю времени для сбора сил и позволила татарам по отдельности громить спешно собранные полки и осаждать города Северо-Восточной Руси.

После небольшой передышки в степи, окончательного разгрома половцев и захвата Крыма армия хана Бату в 1239—1240 гг. прошла по Южной и Юго-Западной Руси, после чего через Польшу, Чехию и Венгрию отправилась на завоевание Европы. Несмотря на желание Бату утвердиться в Венгрии, завоеватели не могли удержать занятые ими земли: сказались и потери, и непривычная горная местность, и явный недостаток сил. В 1242 г. хан привел свое войско из Хорватии в приволжские степи, где и был основан новый улус империи Чингизидов — Золотая Орда. Такое название утвердилось в нашем языке только в

XVI в., а происходит оно от *«урду»* — ставки хана: роскошной юрты, вмещавшей 500 человек.

В подчинение к Орде попали древнерусские земли и Дунайская Болгария. Вряд ли могло быть иначе. Хотя великий владимирский князь Юрий Всеволодович был извещен о приближавшемся войске и даже предупреждал об опасности венгерского короля, сделать он ничего не смог: за несколько месяцев отправить в другие княжества посольства, договориться о совместных действиях и собрать массовую обученную армию с единым командованием было нереально. К тому же русские князья, видимо, не представляли себе, с каким противником им придется столкнуться, — они привыкли отражать короткие половецкие набеги, неопасные для укрепленных городов.

Золотая Орда эпохи ее расцвета (до конца XIV в.) представляла собой огромное государство, протянувшееся с запада на восток от Дуная до Алтая. На юге границей был Кавказ, на севере — районы Центральной России (Курск, Елец, Тула и Калуга), где местное население управлялось татарской администрацией. Держава хана Бату сохранила четкое административное деление на 4 улуса (Хорезм, Сарай, Крым, Дешти-Кипчак) и 70 провинций во главе с «темниками». Власть хана опиралась не только на многочисленное войско, но и на централизованный государственный аппарат, где работали среднеазиатские чиновники и составлялись документы на уйгурском языке. Ближайшими помощниками хана были *беклярибек* (командующий армией и верховный судья) и *везир* (министр финансов и глава правительства — *дивана*).

Экономической базой государства были около 100 процветавших городов (Азов, Старый Крым, Астрахань, Тюмень) во главе со столицей Сараем с 75-тысячным населением. Ордынцы гордились тем, что их города не имели стен — их оберегали многотысячная конница и бескрайние степи. В городах действовали водопровод и канализация, работали гигантские мастерские по изготовлению посуды и оружия, виллы ордынских вельмож были украшены мозаичными панно, имели бассейны и паровое отопление. Развитое ремесленное производство и торговля стимулировались единой и устойчивой денежной системой и обу-

строенными дорогами с караван-сараями через каждые 30 км — Золотая Орда оказалась на перекрестке старых торговых путей Восточной Европы, и международная торговля приносила ей огромную выгоду.

На Руси не сразу поняли, с какой силой придется иметь дело. Одни князья, как Даниил Галицкий и брат Александра Невского, великий князь владимирский Андрей Ярославич, заключили в 1250—1251 гг. союз, направленный против Орды. Других князей представлял Александр Невский. Его отец Ярослав Всеволодович в 1246 г. был отравлен в Монголии при дворе великого хана, а сам Александр в 1248 г. проехал через всю империю (7 тыс. км) в ее столицу Каракорум, где получил ярлык на великое киевское княжение. Раздел власти на Руси между братьями оказался недолгим. В 1252 г. Александр обратился в Орду с жалобой на брата в несправедливом получении великого княжения и невыплате хану «выхода и тамги». В результате последовал карательный поход («Неврюева рать»), войска Андрея были разбиты, и великим князем владимирским стал **Александр Невский (1252—1263).**

История возложила на плечи Александра Ярославича ответственную задачу выбора направления политического развития Руси. И он его сделал. После того как новгородцы вместе с сыном князя Василием выступили против проводимой по всей Монгольской империи переписи населения для обложения данью, Александр подавил это восстание и обеспечил единство Руси под властью хана. Именно в его правление оформилось татарское иго как система политической зависимости от Орды.

Мы не можем сейчас сказать, мечтал ли Александр объединить страну ради сохранения сил и будущего отпора завоевателям или просто стремился любой ценой удержать власть и титул великого князя. Когда в 1262 г. против жестоких сборщиков дани — восточных купцов-«бесерменов» — вспыхнули восстания в Ростове, Суздале, Устюге, Ярославле, князь вновь отправился в Орду, и эта поездка стала для него последней. В сложившейся в середине XIII в. ситуации Александр Невский выбрал политику подчинения Орде — и эта тенденция возобладала в поведении

потомков Александра и других русских князей XIII—XIV вв.

Однако праправнук Александра, Дмитрий Донской, возглавил национально-освободительное движение против татарского ига; в ходе этой борьбы и складывалось единое Российское государство.

■ **«Посольский обычай».** С рубежа XV—XVI вв. закладываются основы и традиции дипломатической службы в допетровской России. В системе государственных учреждений появилось внешнеполитическое ведомство — Посольский приказ. «...В нем сидит думной дьяк да два дьяка, подьячих 14 человек. А ведомы в том приказе дела всех окрестных государств, и послов чюжеземских принимают и отпуск им бывает; так же и руских послов и посланников, и гонцов посылают в которое государство прилучится, отпуск им бывает из того ж приказу; да для переводу и толмачества переводчиков латинского, свейского, немецкого, греческого, польского, татарского и иных языков с 50 человек, толмачей с 70 человек» — таким было его устройство по воспоминаниям осведомленного подьячего-эмигранта Г. Котошихина.

С середины XVII в. приказ неизменно возглавляли доверенные «ближние» бояре с титулом «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатели». Посольский приказ, помимо осуществления внешнеполитических связей, имел широкий круг обязанностей. Его дьяки судили находившихся в России иноземцев, в основном купцов; через него правительство сносилось с донскими казаками; он же ведал военнопленными и собирал «полоняничные деньги» на выкуп угнанных в татарский плен; наконец, приказ управлял пятью городами, доходы с которых составляли его бюджет.

До Петра I Россия не имела постоянных дипломатических представительств за рубежом. По мере необходимости за границу отправлялись посольства, а в Москве встречали послов из других стран. Постепенно выработался «посольский обычай», учитывавший международную практику той эпохи. Посольства различались по важности их миссии — «послы великие» или «легкие», «посланники» и «гонцы» — последние

обычно лишь доставляли документы и не вели переговоров.

На границе послов встречали сопровождающие лица — «приставы» и доставляли в столицу за казенный счет. Представители обеих сторон внимательно следили друг за другом: кому первым сходить с лошади, кому где ехать (и с какой стороны), кто как кого приветствует; делалось все, чтоб «государевой чести порухи не учинить». Въезд иноземного посольства в Москву (как и русских послов в чужую столицу) представлял собой торжественное и яркое зрелище — в нем иногда участвовали сотни людей в парадной одежде, которые под звуки музыки шествовали во дворец и демонстрировали богатые подарки.

Отправлявшиеся из Москвы послы получали верительную грамоту к иностранному двору: от великого государя царя (полный титул) к королю (полный титул) — ошибка в титуле была равнозначна непризнанию суверенитета над той или иной территорией и могла вызвать серьезный дипломатический конфликт. Главным же руководством для дипломатов была инструкция-*наказ*, в котором излагались задания послам, возможные ситуации на переговорах — в чем можно уступить, а где необходимо «стоять твердо». Особо оговаривались правила поведения в чужой стране и сохранение «государской чести»: прибывший посол непременно должен был получить аудиенцию и вручить грамоту только лично главе государства, а тот, в свою очередь, должен почтить московских дипломатов, встав с трона и обнажив голову, спросить о здоровье и лично принять грамоту. В обычай приема обязательно входило представление подарков — соболиных мехов и ловчих птиц, ценность которых определялась статусом соседней державы и уровнем отношений с ней. Иностранные подарки московским государям XVII в. (кубки, драгоценная посуда, рыцарские доспехи) можно видеть сейчас в Оружейной палате Кремля; среди них бывали и такие, которые трудно было представить на аудиенции — живые львы и слоны из соседнего Ирана.

Вслед за приемом начинались собственно переговоры, для которых и прибывали послы. Они могли тянуться много часов. В процессе переговоров в чужой

стране прочие члены посольства не должны были зря тратить время: им поручали «про всякие вести, которые годны Московскому государству, однолично проведывать подлинно». Срочные сообщения из-за рубежа надо было шифровать — такими тайными шифрами снабжал своих доверенных лиц патриарх Филарет. Необходимо было позаботиться, чтобы грамоты не перехватили, что иногда удавалось и той и другой стороне.

Итогом многотрудных споров было заключение договоров или соглашений, текст которых тщательно выверялся переводчиками. Затем следовала процедура ратификации: один экземпляр договора утверждался присягой государя в стране пребывания послов, а другой отправлялся в Москву, где к нему подвешивалась печать и царь целовал крест на блюде с этим документом в присутствии послов другой стороны.

Заключительным этапом благополучно завершившегося посольства был торжественный прием и парадный обед у принимающей стороны. Такие пиршества в Кремлевском дворце с горой золотой посуды, сотнями перемен блюд и десятками тостов производили незабываемое впечатление на иностранцев — тем более что в них участвовал сам царь, который жаловал гостей из своих рук кубками с вином и мясом жареных лебедей. Но Посольский приказ напоминал своим посланцам, чтобы на таких мероприятиях они «сидели за столом чинно и остерегательно, и не упивались, и слов дурных меж собою не говорили».

По возвращении домой московские дипломаты обязательно составляли отчет (*статейный список*) о поездке, в котором день за днем рассказывали о своем пребывании и действиях за границей. Десятки и сотни этих документов являются интереснейшими источниками, которые дают возможность судить не только о внешней политике государства, но и о том, что смогли увидеть и оценить русские люди за рубежом.

В 1645—1646 гг. русский гонец дворянин Герасим Дохтуров прибыл в Лондон с известием о воцарении Алексея Михайловича во время Английской революции и в своих докла-

дах в Москву писал о гражданской войне короля с парламентом. Как понял гонец, королю «похотелось владеть всем королевством по своей воле, как в ыных государствах государи владеют своими государствы, а здесь де искони земля вольная, и прежние короли ничем не владели, а владели всем парламент, думные люди».

Познакомился дипломат и с парламентом, где ему был устроен торжественный прием, поскольку англичане дорожили торговыми отношениями с Россией: «А парламент де сидят в двух полатах, а выбираны де те думные люди Англинские и Шкотцкие земли изо всяких чинов и изо всякого города человека по три и по четыре. В одной де полате сидят бояр 60 человек; в другой полате мирских и служилых и ис торговых людей 420 человек». (См.: *Рогинский З. И.* Поездка гонца Г. С. Дохтурова в Англию в 1645—1646 гг. Ярославль, 1959. С. 25.)

Посольские дела свидетельствуют о постепенном расширении дипломатических контактов. Уже в XVI в. московские послы периодически бывали не только в соседних Литве, Швеции, Турции и Крымском ханстве, но и в Англии, Дании, при дворе императора Священной Римской империи. В XVII в. они побывали в Испании, Франции, Голландии, в итальянских государствах. Усложнение международных связей и оживленные торговые отношения привели к тому, что в XVII в. при московском дворе появляются «резиденты» — постоянные представители Швеции, Голландии, Дании, Бранденбурга; стольник Василий Тяпкин в 1673 г. стал первым русским резидентом в Варшаве после окончания многолетнего русско-польского конфликта.

Появление таких представительств стало необходимым. Чем больше Россия втягивалась в европейскую политику, тем важнее было постоянно и оперативно получать необходимую информацию обо всех изменениях военно-политической ситуации. Тем более что иностранные послы и находившиеся в Москве резиденты упорно и умело стремились направить русскую внешнюю политику в выгодном для себя направлении. Отсутствие надежных каналов информации и влияния приводило к промахам — когда,

например, московские послы предлагали французскому королю Людовику XIV выступить против его же союзников-турок или присылали в Москву дошедшие до них через третьи руки такие сведения об английской революции: «Что де английский король и с ним 12 тысяч крестились в православную веру, и в земле де его ныне междоусобие; иные люди еще в прелести своей и с православными хотят биться».

Посольский приказ стал не только «престижным» учреждением, но и своеобразным культурным центром Москвы. В XVII в. там составлялись и переводились сочинения по русской истории и внешним сношениям, книги об избрании на царство и родословные московских государей. Одной из них стал Титулярник — справочник «всех государей христианских и бусурманских» с их «персонами»-портретами и титулами. Такие книги прекрасно иллюстрировались и украшались — в приказе работали свои художники-специалисты по изготовлению роскошных грамот. С 20-х гг. XVII в. Посольский приказ стал выпускать первую в России рукописную газету «Куранты». В ней помещались сведения о военных и политических событиях в других странах (информацию поставляли приехавшие из-за границы русские и иностранцы), а также данные из присланных в Москву посланий и иностранных «вестовых писем» — предков современных газет.

■ **В Дикое поле и на Восток.** При Иване III определились основные стратегические направления и задачи внешней политики России, решавшиеся вплоть до конца XVIII в. Одной из важнейших задач стала *борьба с «наследниками» Орды.*

В 1395—1396 гг. хан Тохтамыш был разбит другим завоевателем — среднеазиатским правителем Тимуром, армия которого прошла вдоль и поперек всю Орду и разгромила крупнейшие ее города. От этого удара она уже не смогла оправиться, и в 30-х гг. XV в. начался ее распад. Образовались самостоятельные *Казанское* (1437 г.) и *Крымское* (1449 г.) *ханства* со своими династиями. Во второй половине XV в. выделилась *Ногайская Орда* — в XVI в. она занимала тер-

риторию от Волги до Иртыша, а в 30-х гг. XVII в. «большие ногаи» под натиском калмыков перешли на правый берег Волги и подчинялись крымскому хану и Турции. Выделились и самостоятельные *Астраханское и Сибирское ханства.*

Ведущую роль в степи сначала играла *Большая Орда,* хан которой Ахмат в 70-х гг. XV в. пытался восстановить свою власть над русскими землями. Но Иван III в 1472 г. окончательно прекратил выплату дани, а в 1480 г. поход Ахмата на Русь был остановлен московскими войсками на реке Угре. Все попытки форсировать ее были отбиты русскими полками; поздней осенью Ахмат увел войска от русских границ и вскоре был убит своими противниками. Так закончилось на Руси татарское иго.

После знаменитого «стояния на Угре» Иван III сумел заключить союз с крымским ханом Менгли-Гиреем и с его помощью в 1502 г. окончательно разгромить Большую Орду и сыновей Ахмата. При посредстве того же Менгли-Гирея в 1498—1499 гг. были установлены дипломатические отношения с Османской империей, вассалом которой стал крымский хан. В Москве и других городах появились турецкие купцы, «гости заморские арапляне и шамохейцы и кафинские большие люди» с восточными товарами — шелковыми и хлопчатобумажными тканями, красками.

После большого похода на Казань в 1487 г. Иван III посадил там своего ставленника Мухаммед-Эмина и всегда имел наготове на своей службе татарских «царевичей», чтобы выдвинуть их претендентами на престол несговорчивых соседей. В России такие служилые «царевичи» получали целые области («Касимовское царство» с г. Касимовым на Оке), где расселялись со своим «двором». Казань оставалась верным вассалом Москвы до смерти Ивана III. Он же заложил и основы дальнейшего продвижения русских границ на Восток. В 1483 г. московские воеводы И. Салтыков и Ф. Курбский впервые перешли Уральские горы и спустились по Оби. В конце XV в. в Москву приезжали послы от царя Восточной Грузии (Кахетии) Александра и властителя Ирана султана Хуссейн-мирзы; ко двору Василия III — посольство

основателя империи Великих Моголов в Индии Бабура.

С начала XVI в. ситуация изменилась: крымские и казанские татары начали систематические набеги на русские окраины. В 1521 г. впервые за много лет крымский хан Мухаммед-Гирей со стотысячным войском прорвался к Москве и взял огромный полон; в это время «по всем городам московским осада была». Всего же за первую половину XVI в. произошло 43 крымских и 40 казанских набегов. Пришлось срочно укреплять оборону южных рубежей: тогда были построены каменные крепости в Туле, Коломне, Зарайске; каждый год по весне по берегу Оки размещались полки. На Казань московские войска в XVI в. совершили шесть походов, и только последний привел к завоеванию ханства в 1552 г. Вслед за тем без особого сопротивления в 1556 г. было присоединено Астраханское ханство, и Волга на всем протяжении стала российской рекой. В 1552 г. кабардинские князья, а в 1557 г. сибирский хан Едигер признали себя вассалами Ивана IV.

Но затем Иван Грозный сосредоточил все усилия на западных рубежах, где шла затянувшаяся Ливонская война, и это ослабило оборону южных границ. В 1571 г. крымский хан опять прорвался к Москве и сжег столицу. От своих планов в Прибалтике царь отказаться не смог, но в том же 1571 г. был принят «Приговор о станичной и сторожевой службе», который лег в основу всей оборонительной стратегии на степной границе. Начали создавать *Большую засечную черту* через Одоев и Тулу до Рязани, которая прикрывала главную южную дорогу на Москву.

Засечная черта — комбинированная система оборонительных сооружений на степной границе Московского государства. Она включала участки естественных заграждений: рек, лесов, болот. Между ними создавались искусственные сооружения — лесные завалы или засеки; в поле строились валы со рвами, частоколами и надолбами; на переправах и бродах в дно реки набивались колья. На главных направлениях вторжений кочевников сооружались деревянные крепости-остроги с гарнизонами. По черте сохранялись запо-

ведные леса, в которых укрывалось население во время татарских набегов. Вдоль определенных участков черты патрулировали разъезды-«сторожи», а сторожевые «станицы» выдвигались в дальние урочища, чтобы вовремя заметить приближающиеся отряды татар и подать весть воеводам на черте. При приближении крымчан сторожа зажигали приготовленные на вышках, степных курганах или деревьях специальные «кузова с берестой и смолой», чтобы подать сигнал гарнизонам и жителям.

После поражения в Ливонской войне и смерти царя Ивана Грозного правитель Борис Годунов стремился поддерживать мирные отношения с Речью Посполитой и решительно обратился к делам на Востоке. С 1585 г. началось строительство городов-крепостей на южных и юго-восточных границах: Воронежа, Ливен, Ельца, Белгорода, Оскола, Валуек и других. На главных ногайских переправах через Волгу выросли Самара, Царицын и Саратов. Был заключен союз с иранским шахом Аббасом I. В 1588 г. в устье реки Терек появилась первая русская крепость на Северном Кавказе. В 1591 г. победа под Даниловым монастырем в окрестностях Москвы над татарским войском привела к заключению мира с крымским ханом.

Осенью 1582 г. за Урал двинулся небольшой отряд атамана Ермака Тимофеевича из 540 человек. Эта горстка людей перевалила через горы и по рекам Тоболу и Иртышу проникла в сердце Сибирского ханства, захватив его столицу Кашлык. В 1585 г. сам Ермак погиб, но по его следам пришли новые отряды казаков и московских служилых людей. Началось *освоение Сибири*, там появились новые города: Тюмень, Березов, Тара; на Иртыше была построена сибирская столица Тобольск (1587); «воротами» Сибири стала крепость Верхотурье (1598), через которую шла единственная сухопутная дорога. Морской путь в Сибирь вдоль побережья Северного Ледовитого океана был в 1627 г. запрещен. Московское правительство боялось проникновения в Сибирь иностранцев — англичан и голландцев, как раз в это время пытавшихся пройти этим путем в Ост-Индию и Китай.

Хан Кучум был окончательно разгромлен и погиб в 1601 г. Русские землепроходцы, служилые и промысловики быстро продвигались по главным дорогам — великим сибирским рекам и их притокам. На Оби появился Сургут, на ее притоке Томи — Томск и Кузнецк, на Енисее — Туруханск, Енисейск и Красноярск; на притоках Енисея — Илимск, Братск и Иркутск. На Лене в 1632 г. был поставлен Якутск, а уже в 1639 г. Иван Москвитин и его люди первыми из русских вышли к побережью Тихого океана. Казак Семен Дежнев и купец Федот Алексеев в 1648 г. впервые достигли северо-восточной оконечности Азии и прошли Беринговым проливом, а Василий Поярков в 1643—1646 гг. с небольшим отрядом проплыл по Амуру до моря. Так уже в первой половине XVII в. был очерчен круг русских владений, которые еще предстояло освоить.

Большую часть тайги и тундры русские отряды прошли без серьезного сопротивления, в отличие от американских колонистов-«пионеров», которые двигались с востока к западному побережью гораздо медленнее. К концу века в Сибири проживало уже около 200 тыс. переселенцев — почти столько же, сколько аборигенов; за Россией были закреплены богатые природными ресурсами земли. В XVII в. были составлены первые карты Сибири, начали «проведывать» месторождения руд цветных и драгоценных металлов. Однако в то время русских купцов и правительство интересовало прежде всего «мягкое золото» — драгоценная пушнина: в середине века из Сибири вывозили до 150 тыс. соболей в год. Из мехов в основном и состоял ясак — дань, которую платило местное население. Колонизация Сибири была как правительственной (за Урал переводились пашенные крестьяне и служилые люди), так и вольной.

В процессе освоения Сибири русским поселенцам и властям пришлось впервые столкнуться на Амуре с другой могущественной державой — *Китаем*. Попытки установить равноправные дипломатические отношения сначала оказывались безуспешными. Первые русские посольства в Китай в 1656, 1660 и 1676 гг. результатов не дали: при маньчжурском императорском дворе посланцев «белого царя» принимали как

данников, желавших приобщиться к цивилизации и «подчиниться нашему просвещению». Затем последовали военные столкновения на границе — обе стороны считали местное население своими подданными. В 1685 г. китайские войска уничтожили русский Албазинский острог на Амуре; после длительных и тяжелых переговоров в **1689 г.** был заключен *Нерчинский мирный договор*, который впервые обозначил границу российских и китайских владений на Дальнем Востоке.

В XVI—XVII вв. устанавливались отношения и с другими восточными странами. **Османская империя** являлась покровителем Крыма, ее паши и гарнизоны контролировали важнейшие крепости у выходов в Черное и Азовское моря (Керчь и Азов), поэтому отношения с ней складывались трудно. При султанском дворе русским послам приходилось сталкиваться с изысканной восточной вежливостью — любоваться в садовых беседках видом Босфора и танцами девушек и распивать «кафе в чашках фарфуровых». Но чаще прием был холодным, и необходимо было предотвращать угрозу войны, оправдываться за действия донских казаков и пристально следить за раскладом сил и интригами в окружении султана. Большую помощь оказывали дипломатам греческие патриархи: в награду за важную информацию Москва присылала им щедрую милостыню.

Традиционно дружественными были отношения с **Ираном** — основным соперником Турции в Закавказье и на Ближнем Востоке. Шах Аббас I не только сразу признал новую династию Романовых, но и выделил русскому правительству заем в 7 тыс. руб. вместе с ценной реликвией — ризой Богородицы и роскошным троном, присланными в подарок царю Михаилу в 1625 г. В Иран регулярно отправлялись русские «купчины» с «государевыми товарами». Москва стремилась направлять и контролировать экспорт иранского шелка через Россию, для чего предоставила в 1667 г. монополию компании армянских купцов.

Регулярно появлялись в Москве и посольства из **Хивы** и **Бухары**. Среднеазиатские послы-«купчины» привозили пользовавшиеся неизменным спросом

хлопчатобумажные ткани; в обмен они просили оружие, кожи, соболей, охотничьих птиц-кречетов и разные экзотические «товары» — пленных «немцев» и «девок черкасских». Московские посольства в среднеазиатские ханства были редкими и всегда очень опасными: посланников подстерегали бури на Каспийском море, свои и чужие пираты, «огневая болезнь», бесконечные междоусобные войны и набеги кочевников-туркмен. Своим долгом русские послы считали выкуп и вывоз с чужбины захваченных и проданных в Среднюю Азию русских пленников.

Неоднократно посланникам в Иран и Среднюю Азию (посадскому человеку Анисиму Грибову и купцу Никите Сыроежину в 1646 г., дворянину Богдану Пазухину в 1669 г.) поручали разведать путь в **Индию** через Иран и выяснить, какие там нужны товары и «сколь сильна Индеянская земля ратными людьми и казной». Послы представили первые точные сведения о караванных путях в Индию через Пешавар и Кабул, но выполнить задание не смогли из-за постоянных войн, которые велись на территории Афганистана. Неудача постигла и миссию другого российского посла-купца Юсупа Касимова: в 1676 г. он достиг Кабула, но дальше проехать не смог. И только купец гостиной сотни Семен Маленький в 1695 г. смог добраться до Индии и был принят при дворе Великого Могола шаха Аурангзеба.

Смутное время прервало движение на юг. Дезорганизация власти и гражданская война в России (см. главу 7) ослабили сторожевую службу. С 1607 г. начались систематические набеги **крымских и ногайских татар** — в 1614—1615 гг. их отряды рыскали под самой Москвой. Затем на некоторое время наступило затишье: турки и татары воевали с Речью Посполитой и московские послы ценой больших «поминков» добились заключения мира. В таких случаях крымский хан давал клятву-«шерть» «под украинные городы... не приходить и станичников и проезжих людей не грабить и в полон не имать». Во время мирных отношений ногайцы пригоняли в Москву 40—50-тысячные табуны выносливых и неприхотливых коней «ногайских кровей» — их разбирали русские дворяне; от своих степных соседей они переняли и плеть-нагайку,

и саадак — удобную в походе комбинацию колчана со стрелами и футляра для лука.

Однако уже в 20-х гг. набеги возобновились, а в 1632—1633 гг. на русских «украинах» действовал царевич Мубарек-Гирей. Его 20—30-тысячное войско прорвало русскую оборону на черте и собрало огромный «полон», в то время как основные силы русских войск воевали с поляками под Смоленском. «Не спорю, как это по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо» — так оценил литовский канцлер Радзивилл действия своих союзников.

Большие набеги продолжались и позднее — в 1634—1637, 1643—1645, 1659, 1669—1670, 1679—1680 гг. Но перечислены только крупные походы, когда татар возглавлял хан или «царевичи». Самыми опасными были как раз мелкие набеги, которые совершались и во время войн, и во время мирных отношений.

Сами татары считали настоящим «походом» только большое войско в 20 и более тысяч. Обычно же в набег без санкции хана («беш-баш») шел один или несколько мурз с 2—3 тысячами всадников: «Беш-баши надвигаются на край гяуров не в обычное для походов время, и движутся без перерыва один за другим, каждый своим путем. Гяуры боятся безмерно этого народа, ибо не могут ни в горы, ни в леса ходить для рубки деревьев, ни в полях сеяньем заниматься, ни в деревнях своих беспечно жить. Для гяуров по этой причине народ татарский все равно что чума» — такой была обычная тактика татар в набегах за «ясырем», как писал турецкий путешественник Эвлия Челеби. По его же сведениям, в 60-х гг. XVII в. в Крыму находилось 400 тыс. невольников и невольниц, которых называли «дивками» или «Мариями». «Хвала Аллаху, и мне, последнему нищему, досталось семнадцать пленников и сорок голов коней» — завершал рассказ об удачном походе любознательный турок. (См.: *Эвлия Челеби*. Книга путешествий. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641—1667 гг.). Симферополь, 1996. С. 64—65.)

Подходя к границам *«искрадом»*, татары разбивались на мелкие отряды и старались быстро охватить максимально большую территорию. Они редко осаждали города и вступали в бой — главной целью всех набегов был захват «животинных стад» и людского полона. Пленникам связывали руки, скрепляли их на длинном пруте по десятку и гнали пешком в Крым, хоронясь от возможной погони, которая могла «отгромить» полон.

По имеющимся подсчетам, только за первую половину XVII в. в Крым было угнано 150—200 тыс. человек. Потери соседней Речи Посполитой должны быть еще больше, поскольку там оборонительные линии не строились. Ежегодно на стамбульских невольничьих рынках продавались десятки тысяч рабов; других отправляли на турецкие *«каторги»* — галеры или навечно оставляли в рабстве и заставляли «потурчиться»; третьих предлагали на выкуп сами татары по средней цене в 50 рублей. В середине столетия московские посольства в Крым привозили по 7—8 тыс. рублей на выкуп пленных, что составляло только малую часть — остальное платили семьи полоняников.

Объединенные силы крымцев и ногайцев составляли до 100 тыс. всадников, и такая подвижная и неуловимая в степи орда была страшной угрозой для населения Южной России и Украины. Ханы отлично сознавали свою силу и умело играли на русско-польских противоречиях, по очереди отправляя Орду в набеги то на одну, то на другую сторону. Непрочный и короткий мир приходилось покупать дорогой ценой: только в первой половине XVII в. на «поминки» и посольства в Крым, включая содержание татарских посланцев, ушло не менее 1 млн рублей — не считая государственных и частных расходов на выкуп пленных.

Татары называли привезенные русскими послами подарки старым названием дани — «выходом»; крымцы отлично понимали, что Москва платит им «остерегаючи свое государство» от набегов, и если денег не будет, то они сами их возьмут, угнав полон. Когда размеры таких «поминков» были ниже ожидаемых, то послов могли просто ограбить, бросить в заточение и даже пытать. «Псом и свиниям в Московском госу-

дарстве далеко покойнее и теплее, нежели нам там, посланникам царского величества» — так писали о своих унижениях в Крыму русские дипломаты.

На протяжении многих столетий требовалось неизмеримое сейчас количество сил и средств для постоянного отражения набегов и медленного освоения плодородного Дикого поля. Так в XVI—XVII вв. называлась территория к югу от Оки. Понадобилось более 300 лет, чтобы границы России продвинулись от Подмосковья до берегов Черного моря. Главным средством стало строительство оборонительных линий.

В 1635 г. приступили к строительству *Белгородской черты* (Белгород — Новый Оскол — Воронеж — Тамбов); на ней на протяжении 800 км встали 45 крепостей, которые перехватывали основные «шляхи», ведущие в глубь страны. На востоке эту линию продолжила до Волги Симбирская черта, а за Волгой — Закамская. Крепости и «засечные черты» на протяжении 1500 км отгораживали плодородные черноземные земли от крымских вторжений и открывали возможность для их колонизации. К концу XVII в. граница переместилась на юг еще дальше — для защиты заселенной украинцами Слободской Украины была выстроена в 1679—1681 гг. Изюмская черта; на восток от нее строились Пензенская и Сызранская линии.

Освоение Дикого поля и присоединение Украины привели к открытому столкновению России с могущественной тогда Турецкой (Османской) империей, вассалом которой был крымский хан. После того как в ходе гражданской войны на Украине гетман Петр Дорошенко перешел в турецкое подданство, султан объявил свои притязания на всю Украину. Началась первая в нашей истории *Русско-турецкая война* **1677—1681 гг.** Дважды многочисленная турецкая армия вторгалась на Украину, и в 1678 г. после упорных боев захватила укрепленный замок Чигирин. Большего туркам добиться не удалось, в **1681 г.** был заключен *Бахчисарайский мирный договор*, которым признавались права России на Левобережную Украину и Киев.

Усиление турецкой экспансии в Центральной и Восточной Европе заставило Россию и Польшу за-

вершить двухсотлетний конфликт и заключить *Вечный мир* **1686 г.** Этот договор сделал Москву союзницей антитурецкой «Священной лиги», включавшей Германскую империю, Речь Посполитую, Венецию и папу римского. В составе этой коалиции русские войска участвовали в *Крымских походах* **1687 и 1689 гг.**; затем эту же задачу решали *Азовские походы* **1695—1696 гг.**

Дорогостоящие и безуспешные военные экспедиции показали, как трудно было бороться в жаркой и безводной степи с неуловимым противником, не имея надежных баз снабжения, коммуникаций и флота для операций на реках и море. Только в 1696 г. с помощью первых кораблей русского флота удалось взять турецкую крепость Азов в устье Дона и укрепиться на побережье Азовского моря. Но Черное море по-прежнему оставалось хорошо укрепленным «турецким озером» — утвердиться на его берегах Россия смогла только через столетие.

Однако на рубеже XVIII в. молодой Петр I круто изменил направление русской внешней политики. Но он только продолжил решение той внешнеполитической задачи, которая также была намечена еще при Иване III.

■ **Вхождение в Европу.** Выход к Балтике — торговый путь через Новгород — собственно, никогда и не был закрыт. Однако продвижение новгородцев в Южную Прибалтику, Карелию и Финляндию привело к их столкновению с соседями, появившимися в начале XIII в. на границах западных русских земель.

После основания в 1201 г. прибывшими из Германии миссионерами и рыцарями Риги в Прибалтике появились подчиненное непосредственно римскому папе епископство и *орден меченосцев.*

Средневековые ***ордена*** — духовно-рыцарские организации, возникшие в эпоху крестовых походов. Католический немецкий ***Тевтонский орден*** в 1226 г. перебрался из Палестины на нижнюю Вислу и наступал на земли язычников-литовцев и родственных им пруссов с запада. В ходе постоянных войн создал свое государство между Вислой и Нема-

ном (позднее — Восточная Пруссия). ***Орден меченосцев***, или *«Братство воинов христовых»*, после разгрома в 1237 г. был преобразован в «отделение» Тевтонского ордена и стал называться ***Ливонским орденом.***

Во главе Ливонского ордена стоял пожизненно избираемый магистр; полноправные члены ордена — «братья» насчитывали в XIII в. 150—200 человек, позднее — до 400. Кроме рыцарей, в состав ордена входили священники и «полубратья» — ремесленники, клерки, слуги. Общее количество войска составляло к началу XV в. 4 тыс. человек рыцарей и кнехтов-пехотинцев. В XIII в. силы ордена постепенно продвигались на восток в современную Эстонию (в русских летописях эсты назывались чудь), землю ливов, латгалов, земгалов и куршей (современную Латвию) и на юг в языческую Литву. Завоеванные территории ордена делились на провинции во главе с *комтурами* и *фогтами*, жившими в укрепленных замках. Местное население подвергалось христианизации.

Большинство местных племен было покорено рыцарями-завоевателями, и вскоре их экспансия вошла в столкновение с интересами Новгорода и Полоцкого княжества, также собиравших дань с ливов и эстов. В 1224 г. была взята русская крепость Юрьев (Дерпт, ныне Тарту). Но в 1237 г. войско ордена было наголову разгромлено литовцами при Шяуляе.

В 1219 г. датские войска захватили Северную Эстонию и основали город и крепость Ревель (Таллин). Одновременно Швеция приступила к систематическому покорению и христианизации Южной и Центральной Финляндии, населенной племенами *суоми, хяме* (*сумь и емь* в русских летописях) и карелов. И сюда новгородцы периодически посылали за данью военные дружины, а в состав русской знати входили представители племенной верхушки. В 1187 г. карелы с помощью новгородцев разграбили крупный шведский город Сигтуну. Но своих крепостей русские не строили и христианство не навязывали.

Шведы повели себя иначе: с середины XII в. их морские походы — *ледунги* превратились в организованные государственные мероприятия — крестовые походы против язычников. Шведские отряды не толь-

ко получали дань, но и колонизовали местные земли, строили там крепости, вводили свои административные порядки и церковное устройство. Укрепившись на севере Финляндии, шведы в начале XIII в. предприняли наступление на юг — на земли карел и берега Невы. В 1237 г. шурин шведского короля Эрика, Биргер, возглавил очередной крестовый поход, в ходе которого произошла битва новгородцев и шведов на Неве летом **1240 г.**

Так на северо-западе Руси у жизненно важного для молодого государства выхода в Балтийское море завязывались узлы этнополитических конфликтов, которые дают о себе знать до нынешнего времени. «Немецкое» освоение Прибалтики надолго прервало формирование на этой территории собственной государственности; к тому же эти земли стали яблоком раздора между могущественными соседями — Швецией, Польшей, Россией.

Немецкая Ливония (на территории нынешних Латвии и Эстонии) представляла собой средневековую федерацию Ливонского ордена, Рижского, Дерптского и Эзельского епископств и самостоятельных городов, входивших в Ганзейский торгово-политический союз. Члены этой федерации далеко не всегда проводили согласованную политику. Города Прибалтики уже в XIII в. заключали договоры о торговле со Смоленском, Полоцком, Новгородом, в которых указывалось, что, если рыцари начинают войну, «немецкому купцу дела до этого нет».

Но и русские князья, и бояре в ходе политической борьбы обращались к соседям. Так, с орденом заключили союз псковичи против Новгорода в 1228 г.; в 1213 г. бежал «в немцы» изгнанный из Пскова князь Владимир Мстиславич; позднее он помогал рижскому епископу в борьбе с Полоцком и даже стал фогтом одного из орденских замков. В Ливонии же оказались его сын Ярослав и изгнанный из Новгорода тысяцкий Борис Негочевич со своими сторонниками. Псковские воины вместе с немецкими рыцарями ходили в походы против литовцев, а те, в свою очередь, совершали в XIII в. набеги на земли Полоцка, Новгорода и Смоленска.

По-видимому, какую-то часть новгородской знати, заинтересованную в прибалтийской торговле, больше привлекали порядки феодальной ливонской конфедерации, чем властная рука «низовских» князей — Ярослава Всеволодовича и его сына Александра, которого после невской победы изгнали из города. В 1240 г. немцы вместе с князем Ярославом Владимировичем захватили Изборск. Им открыли ворота и власти Пскова, поскольку «перевет держаче с немцы пльсковичи».

Только серьезная военная угроза и опасность народного возмущения заставили правителей Новгорода вновь призвать Александра Ярославича. Он отвоевал Псков и разгромил силы ордена в апреле **1242 г.** на льду Чудского озера. В то же время римские папы Гонорий III и Григорий IX в посланиях к «королям Руси» 1227 и 1231 гг. призывали их перейти «к преданности и повиновению апостольскому престолу». Однако союз с папством, как это показал опыт Даниила Галицкого, не давал реальной помощи в борьбе с татарами и был отвергнут. Может быть, для князей и их подданных Орда с ее веротерпимостью и относительным невмешательством во внутренние порядки на Руси воспринималась как меньшее зло по сравнению с католическими соседями.

Экспансия в новгородские пределы была остановлена, но борьба за сферы влияния в Прибалтике продолжалась и после Ледового побоища. В 1256 г. сам Александр Невский с новгородцами совершил далекий поход в Финляндию; в 1262 г. новгородцы взяли Дерпт, а в 1268 г. поход против датских владений в Эстонии закончился кровопролитным сражением под Раковором. Шведы, несмотря на невское поражение, к середине XIII в. покорили Финляндию и в конце столетия приступили к завоеванию Карелии, где поставили крепости Выборг на берегу Финского залива (1293) и Ландскруну на Неве (1300). В ответ новгородцы разорили Ландскруну, и только *Ореховский мир* **1323 г.** на долгое время разграничил владения Новгорода и Швеции на Севере.

В XIII—XV вв. Новгород и Псков не раз вели разорительные пограничные войны, завершавшиеся миром и восстановлением торговых отношений. В них

были заинтересованы богатые прибалтийские города, входившие в Ганзейский союз. Да и сам Тевтонский орден имел торговые отношения с Новгородом: его агенты скупали здесь в массовом количестве беличий мех для продажи во Фландрии.

Ганза (Hansa) — федерация североевропейских городов под руководством Любека, где собирались съезды членов этого союза и принимались обязательные для всех решения. В Ганзу входило более 100 городов от Норвегии до Нидерландов (Бремен, Антверпен, Кёльн, Гамбург, Брюгге, Берген, Гданьск, Ревель, Рига и др.). Ганзейские города с их флотом в XIV—XV вв. фактически были монополистами в торговле и перевозках на Севере Европы: с востока они везли зерно, воск и меха, в обратном направлении — сукна и соль; из Швеции вывозили металл. Именно через эти города Русь получала необходимые ей западноевропейские товары. Иван III потребовал от Ганзы равноправных условий торговли, в том числе свободного проезда «за море» русских купцов. После отказа в 1494 г. был закрыт ганзейский двор в Новгороде. В ответ был запрещен ввоз в Россию стратегических товаров — оружия, боевых коней и цветных металлов.

Объединение земель Руси принципиально изменило положение в Восточной Европе. При Иване III молодое русское государство уверенно вышло на международную арену. Начиная с 60-х гг. XV в., представители России устанавливали связи с итальянскими государствами — Венецией, Миланским герцогством, откуда на русскую службу выезжали инженеры, строители, мастера литейного дела и архитекторы — Алевиз Новый, Алевиз Фрязин, Пьетро Солари, Петрок Малый. В 1492 г. был заключен союз с господарем Молдавии Стефаном Великим; в 1489 г. — с венгерским королем Матвеем Корвином.

Московский посол князь Иван Засекин нанес первый в истории России визит в Англию, а затем был принят испанским королем и германским императором Карлом V. Из немецких городов прибывали оружейники и врачи. В 1526 г. в Риме при дворе папы Климента VII рассказы о России дипломата и пере-

водчика Дмитрия Герасимова произвели глубокое впечатление и были записаны ученым-епископом Павлом Иовием.

Москва стремилась установить равноправные отношения с крупнейшей европейской державой — Германской империей, но от имени своего государя категорически отказалась от предложенного королевского титула: «Мы... государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей... А поставления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим». Россия сумела в 1514 г. заключить с императором Максимилианом Габсбургом союз, в договоре Василий III впервые был признан *«цесарем»*. При этом усилия папской и имперской дипломатии направить силы России на борьбу с Турцией и принятие унии с католической церковью были вежливо, но твердо отклонены.

С присоединением Новгорода изменилась и ситуация в Прибалтике. В 1481 г. с Ливонским орденом был заключен первый мирный договор единого Российского государства уже от имени и с согласия «великих государей... царей русских», как назвал себя и своего сына-наследника Иван III. Для получения «чистого пути за море» Россия искала союзников против Ганзы, Ливонии и Швеции. Таким союзником стала Дания, и датские купцы получили привилегии на торговлю с Россией. В 1492 г. Иван III построил напротив немецкого порта Нарвы крепость Ивангород, а затем начал первую в русской истории войну со Швецией. В начале XVI в. России пришлось выдержать и торговую блокаду, и новую войну с орденом в 1500—1503 гг., пока в 1514 г. не было заключено новое соглашение о торговле с условием «заповеди никоторому товару не чинити».

В начале *Ливонской войны* орден был разгромлен окончательно, и Россия впервые получила настоящий порт на Балтике — Нарву. Но утвердиться на балтийском побережье и стать равноправным торговым партнером Запада Россия тогда не смогла. Упорное стремление Ивана Грозного завоевать «мало не вся Германия» впервые втянуло Россию в большой европейский конфликт, в котором в конце концов она осталась без союзников, русским войскам пришлось од-

новременно сражаться против сил Польско-Литовского государства, Крыма и Швеции. В итоге Россия потеряла все приобретения в Прибалтике, в том числе и «нарвское плавание». Не удались и попытки царя Ивана завести на Балтике свой флот с помощью датских моряков.

Ливонская война (1558—1583) была подготовлена давним конфликтом России и ордена. После истечения в 1553 г. срока очередного перемирия русская сторона на переговорах потребовала обеспечить интересы русских подданных в городах Прибалтики и возобновить выплату старинной *«юрьевской дани»* дерптским епископом, т. е. был поставлен вопрос о признании вассальных отношений Ливонии к Москве. Договор был заключен, но в 1558 г. после отказа выплачивать дань русские войска начали наступление; к 1560 г. орден был разгромлен, и Россия овладела Восточной Эстонией. В 1561 г. часть рыцарей и город Ревель перешли под власть Швеции, а последний магистр ордена передал его владения польскому королю.

С 1562 г. Россия начала войну против Литвы и захватила Полоцк, а с 1570 г. — против Швеции. Иван Грозный пытался создать в Ливонии вассальное королевство под началом датского принца Магнуса. К 1577 г. русские войска овладели почти 2/3 территории Ливонии, но затем в войне наступил перелом: польско-литовская армия короля Стефана Батория в 1579—1581 гг. отобрала у русских Полоцк, Великие Луки и осадила Псков; на сторону короля перешел и Магнус. Шведы захватили в 1581 г. Нарву. По мирным договорам с Речью Посполитой и Швецией 1582—1583 гг. Россия утратила все завоевания в Прибалтике и сохранила лишь небольшой участок Финского залива с устьем Невы.

Ливонская война была попыткой разом решить *две важнейшие внешнеполитические проблемы — утвердиться в Прибалтике и объединить русские земли, оказавшиеся в составе Польско-Литовского государства.*

Еще в 1478 г. Иван III провозгласил программу «возвращения» бывших древнерусских земель — Полоцка, Витебска, Смоленска. В результате двух больших войн 1487—1494 гг. и 1500—1503 гг. Великое

княжество Литовское потеряло 1/3 территории и признало за Иваном III титул «государя всея Руси». К России были присоединены Вязьма, черниговские и новгород-северские земли (Чернигов, Новгород-Северский, Брянск, Стародуб, Гомель). После трех походов был отвоеван Смоленск, который на 200 с лишним лет стал главной крепостью и «воротами» на западной границе России.

Но уже во время этой третьей по счету войны 1512—1522 гг. силы противников оказались примерно равными, а население великого княжества больше не изъявляло желания присоединиться к Москве. Граница стабилизировалась, но на протяжении всего XVI столетия продолжалась полоса войн с Польско-Литовским государством. Кампании 1534—1537 гг. были безрезультатными, однако уже в ходе Ливонской войны обозначился перевес соединенных сил Речи Посполитой. В начале XVII в. противостояние продолжалось, но военные действия в период Смуты (1609—1618) шли уже на территории России, и польские войска заняли Москву.

После освобождения столицы ополчением Минина и Пожарского (см. главу 7) и избрания нового царя в 1613—1614 гг. были отправлены посольства в Англию, Австрию, Иран, Голландию, Турцию; в результате эти державы признали новую династию. После неудачной польской осады Москвы в 1618 г. было, наконец, заключено *Деулинское перемирие* **1618 г.**: Речь Посполитая получила назад Смоленск и Чернигово-Северские земли и сумела отстоять их.

Что же касается Прибалтики, то в начале XVII в. там утвердилась новая великая держава Европы — Швеция, которая владела к тому же и рядом территорий в Северной Германии. При посредничестве англичан был заключен *Столбовский мирный договор* **1617 г.**: Швеция возвращала захваченный ею Новгород, но получала ряд территорий и полностью отрезала Россию от Балтийского моря. Русским купцам запрещалось ездить в европейские страны и вести торговлю с иностранными купцами — отныне вся русская торговля должна была идти через шведские города и при посредничестве шведских подданных. В то же время шведы после двух войн отняли у Польши

Ливонию и фактически сделали Балтийское море своим внутренним «озером». Отныне Россия на протяжении всего столетия стояла перед выбором: кого из своих соседей — Польшу или Швецию — считать главным противником.

Во время *Тридцатилетней войны* Россия вела переговоры о союзе со Швецией; они так и не были завершены, но русские власти разрешили закупать по низким ценам хлеб в России противникам католического лагеря Габсбургов — сначала Дании, а потом Швеции, что на деле означало предоставление субсидий этим государствам. Сделала Россия и неудачную попытку вернуть утраченный Смоленск и другие западные земли в ходе Смоленской войны (1632—1634) с Польшей.

Тридцатилетняя война (1618—1648) — первый общеевропейский военно-политический конфликт, в котором приняло участие большинство держав, объединенных в две мощные коалиции. Война, начавшаяся первоначально в границах Священной Римской империи как конфликт между протестантскими и католическими князьями, позднее превратилась в борьбу национальных государств с гегемонией империи Габсбургов. Австрийскому императору, Испании и лиге католических князей противостояли не только протестантские Голландия, Дания и Швеция, но и католическая Франция. Основным театром военных действий была Германия, но затем они перекинулись на земли Франции, Голландии, Италии, Речи Посполитой.

Война закончилась победой держав антигабсбургской коалиции: Франция получила Эльзас и Лотарингию; Швеция — земли в Северной Германии и контроль над устьями важнейших немецких рек — Одера, Эльбы и Везера. Мир был заключен в результате работы первого в истории Европы международного конгресса в Мюнстере и Оснабрюке. Россия не принимала в нем непосредственного участия, но стала гарантом подписанного мира: в Оснабрюкском договоре 1648 г. Швеции с империей царь Алексей Михайлович был назван союзником шведской короны. В результате Тридцатилетней войны в Европе сложился новый баланс сил, в котором важнейшую роль играли Австрия, Франция и Швеция.

Национально-освободительное восстание на польской Украине вновь изменило соотношение сил. Начавшаяся в 1654 г. последняя большая война России и Польши велась с переменным успехом.

Вначале русские полки и казаки украинского гетмана Богдана Хмельницкого захватили инициативу: была завоевана почти вся Белоруссия и даже столица Литвы Вильно. Но после двух успешных кампаний в окружении царя Алексея Михайловича победили сторонники войны со Швецией во главе с боярином и главой русской внешней политики А. Л. Ординым-Нащокиным. Началась первая *Северная война* **1656–1658 гг.**, в ходе которой русские войска безуспешно пытались овладеть важнейшим портом на Балтике — Ригой.

В это время Речь Посполитая сумела собрать силы и перейти в наступление; на Украине же после смерти Хмельницкого началась внутренняя борьба сторонников и противников Москвы. В 1659–1660 гг. в битвах при Конотопе и Чуднове русская армия потерпела поражения — были уничтожены лучшие силы поместной конницы, а главнокомандующий В. В. Шереметев оказался в татарском плену. Тяжелая война завершилась *Андрусовским перемирием* **1667 г.**, по которому к Москве отошли Смоленск и Левобережная Украина; правый берег Днепра до конца XVIII в. оставался за Польшей.

Так «вничью» завершился затяжной конфликт: в XVI–XVII вв. обе державы воевали более 60 лет, и только взаимное истощение и турецкая угроза заставили обе стороны подписать в 1686 г. Вечный мир.

В основу отношений со Швецией были положены условия *Кардисского мира* **1661 г.**, который восстанавливал границы 1617 г. Позднее они были еще раз подтверждены в 1684 г. В условиях войн с Крымом и Турцией задачу выхода к Балтике пришлось отложить до тех пор, пока это не удалось сделать Петру I.

■ **Кто и как присоединялся к России.** Как правило, многие проблемы современных стран, образовавшихся на пространстве бывшего СССР, уходят корнями далеко в историю. Складывание многоэт-

ничного государства началось еще в эпоху Древней Руси. В ходе колонизации Восточно-Европейской равнины славянские роды и племена селились вперемежку с угро-финскими (чудь, меря, весь, коми) и балтскими (голядь). На южной границе киевские князья размещали союзников-тюрков (торки, берендеи, в русских летописях XII в. — «черные клобуки»), помогавших оборонять русские земли от половцев.

Затем в процессе складывания единого государства в состав России вошли в XVI—XVII вв. Поволжье, Сибирь, Башкирия, Левобережная Украина; началось активное проникновение русских на Северный Кавказ. Сопровождавшие этот процесс события широко используются сейчас политиками, журналистами, писателями в политических спорах с полярно противоположными оценками. К примеру, можно прочесть, что народы Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии добровольно присоединились к России в 50-е гг. XVI в., а затем узнать, что эти же народы были покорены царскими колонизаторами в 10—20-х гг. XIX в. Самое интересное, что и то и другое — правда.

Ведь вхождение того или иного народа в состав России всегда было не актом, а процессом, порой занимавшим десятки, а то и сотни лет. Хрестоматийно известные даты — только вехи на этом пути. Например, во всех учебниках сообщается о славном взятии Казани в 1552 г. Но еще в 1487 г. Иван III добился вассальной зависимости казанского хана, периодически нарушавшейся и восстанавливаемой. А окончательное утверждение русской власти на территории Казанского ханства произошло в 1580—1585 гг. после подавления последнего восстания. При этом надо учитывать, что «падение» Казанского или Сибирского ханств было вызвано не только военными ударами, но и внутренними противоречиями — для местных народов татарские «цари» тоже были пришельцами и завоевателями.

Первые русские поселения на Северном Кавказе появились во второй половине XVI в.: в 1552 г. кабардинские князья («пятигорские черкесы») просили, «чтоб их государь пожаловал, вступился за них, а их

с землей взял к себе в холопы, а от крымского царя оборонил». Царь принял на службу своих новых вассалов и даже породнился с ними — второй женой царя была кабардинская княжна Кученей (в крещении — Мария Темрюковна), а ее брат Михаил стал одним из руководителей опричнины.

В архивах страны содержится немало документов, которые свидетельствуют о «принятии» тем или иным народом русского подданства.

Так, например, в 1658 г. в Москву вместе с царем Восточной Грузии (Кахетии) Теймуразом прибыли представители трех чеченских обществ-«джамаатов» — Алхан, Сусло и Алган. С собой они привезли грамоту, в которой их старейшины писали: «Желаем быть подданными русского царя. Царь, посмотри на нас велико — приведем в подданство многомного селений». Посланцы объявили себя христианами, «учинились в холопстве», принесли присягу в Успенском соборе и даже получили аудиенцию во дворце и по сорока соболей в подарок. Приводить новых подданных к присяге отправился стрелецкий голова Михаил Молчанов и по возвращении доложил, что «к вере их не привел, для того, что православных христиан у них никого нет, называютца де они православными христианы потому, что едят свинину». (Цит. по: *Кушева Е. Н., Усманов М. А.* К вопросу об общественной структуре вайнахов (письмо 1657 г. из Шибутского джамаата царю Алексею Михайловичу) // Советская этнография. 1978. № 6. С. 101—102.)

Но все они говорят только о номинальном подчинении в расчете на защиту данных территорий от вражеских нападений. К тому же у многих народов Северного Кавказа (как и Сибири, Средней Азии) отсутствовала государственность, поэтому речь идет лишь о том, что какая-то группа горских селений или обществ сочла полезным для себя стать «подданными» царя, что не мешало им столь же легко из такого «подданства» выйти.

Так, Иван Грозный считал, что он теперь является повелителем «кабардинские земли, черкасских и горских князей», но на эту же титулатуру претендовал и крымский хан как «множества татар и бесчисленных

ногаев и черкесов повелитель». В XVII в. горские владетели Дагестана находились в «опчем холопстве», т. е. одновременно признавали себя вассалами «белого царя» в Москве и иранского шаха. В 1557 г. присягнула Ивану Грозному Ногайская орда, а затем ногайцы находились в подданстве и Турции, и Крыма, и калмыцкого хана, пока окончательно не были подчинены России в XVIII в.

Ни в XVI, ни в XVII вв. о каком-либо присоединении или реальном подчинении многочисленных народов Кавказа говорить не приходится — слишком далеко находились пока российские рубежи. В лучшем случае можно отметить «выезды» представителей горской знати на русскую службу или эпизодические торговые отношения. К России не раз обращались за помощью христианские народы Закавказья — цари Кахетии Александр II в 1586 г. и Теймураз (в 1623 и 1635 гг.) и Имеретии — Александр (в 1651 г.); Теймураз и имеретинский царь Арчил II сами приехали в Москву за помощью. В ответ отправлялись русские посольства, но вмешиваться в дела на Кавказе Россия в то время не могла. Только с конца XVIII в. началось установление на Кавказе колониально-административной системы, в XIX в. вспыхнула Кавказская война, завершившая в 1864 г. покорение горских народов.

Не менее длительным был процесс присоединения Украины. Распространение на Украине польского землевладения и преследования православной веры привели к тому, что еще в 1622 г. киевское духовенство обращалось с просьбой к царю Михаилу Федоровичу о принятии Украины «под свою руку», но московское правительство после Смуты не могло и не хотело вести новую тяжелую войну. Итогом начавшегося в 1648 г. национально-освободительного движения стало новое обращение к Москве, правда, в 1650 г. Богдан Хмельницкий рассматривал вопрос о покровительстве Турции, а против поляков действовал в союзе с крымским ханом.

В 1653 г. Земский собор принял решение: принять Украину в подданство и «против польского короля войну весть». На Переяславской раде в январе **1654 г.** гетман, казацкая старшина и войско присягнули мос-

ковскому царю «на том, что быти им под нашею государевою высокою рукою з городами и землеми навеки неотступно».

Весной того же года были заключены так называемые *«Статьи Богдана Хмельницкого»* — одновременно и международный договор, и документ, определявший государственно-правовой статус новых подданных после присоединения.

Привезенный украинскими послами в Москву проект договора был утвержден Алексеем Михайловичем в марте 1654 г. вместе с отдельной «Жалованной грамотой» новым подданным. По этим документам Украина принималась «под высокую государеву руку», но при этом сохраняла свою 60-тысячную казацкую армию, административное деление на полки и сотни, выборность гетмана и других должностных лиц, суд по своим законам, особые сословные права казаков, горожан и духовенства. Русский гарнизон вводился только в Киев. Гетман имел право самостоятельно вступать в дипломатические отношения с другими государствами (за исключением Польши и Турции) и сообщать в Москву о содержании переговоров. В будущем предусматривалась выплата налогов с Украины, но собирать их должны были местные власти. Предусматривались совместные военные действия против Польши и Крыма, а в мирное время — помощь России пограничным украинским городам «кормами и порохом». (См.: Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 т. М., 1953. Т. 3. С. 560—565, 567—570.)

Подлинник «Статей» впоследствии был утрачен, но в XVII в. его основные положения официально подтверждались при избрании нового гетмана с изменениями, направленными на ограничение самоуправления Украины.

С 1654 г. началась длительная русско-польская война, в ходе которой украинская старшина и казачество меняли свою ориентацию. Сам Богдан Хмельницкий в 1656—1657 гг. был недоволен заключенным Москвой перемирием с Польшей и стремился создать антипольскую коалицию Швеции, Украины, Молдавии и Трансильвании.

После смерти Хмельницкого новый гетман Иван Выговский заключил в 1658 г. Гадячский договор с Польшей о вхождении Украины в федерацию с Польшей и Литвой с сохранением автономии во внутренних делах, а затем вместе с татарами разгромил московское войско под Конотопом. Но социальная политика нового гетмана и его союз с татарами и поляками вызвали раскол среди старшины и казаков и привели к гражданской войне на Украине. Выговского удалили с гетманства; новый гетман, сын Богдана, Юрий Хмельницкий, сначала признал новые условия договора с Россией, по которым русские войска размещались в украинских городах, а украинцы имели право жаловаться непосредственно в Москву, минуя гетмана, но потом он перешел на сторону короля, а закончил жизнь в качестве подданного султана.

В ходе этой войны — *«Руины»* — на Левобережье и Правобережье Украины появились свои гетманы: в 1666 г. Иван Брюховецкий заключил новый союз с Москвой, а Павел Тетеря был сторонником Польши. Петр Дорошенко не признал Андрусовского перемирия и пытался объединить обе стороны Днепра под властью турецкого султана. Война с Польшей окончилась расколом Украины: к России отошло Левобережье, где утвердился гетман Иван Самойлович. Его казаки вместе с русскими войсками участвовали в боях с турками и татарами, но самому гетману в 1674 г. было запрещено самостоятельно поддерживать отношения с другими странами. В 1685 г. украинская церковь была подчинена московскому патриарху.

Знаменитый гетман Иван Мазепа в 1687 г. подписал новую редакцию «Статей Богдана Хмельницкого», по которой Украина признавалась подвластной «не гетманскому регименту, а царского величества самодержавной державе», т. е. отрицался суверенный характер гетманской власти. Сам Мазепа в 1706 г. заключил со шведским королем Карлом XII соглашение о восстановлении независимой Украины под шведским протекторатом. После измены Мазепы выборы гетманов были отменены. Но даже после этого «гетманщина» со своим устройством просуществовала до второй половины XVIII в., когда произошла окончательная инкорпорация Украины в состав России.

Таким образом, *вхождению того или иного народа в состав России предшествовали в XVI—XVII вв. десятилетия экономических и политических отношений, а сам этот процесс проходил в несколько этапов: от вассальной зависимости и покровительства к автономии, а затем к инкорпорации в состав империи с большей или меньшей степенью сохранения местных порядков и особенностей.*

Речь идет не только о политическом устройстве (у многих народов так и не было своей государственности), но и о сложившихся у данного народа властных структурах, традициях, обычаях, образе жизни. В Сибири в уездном городе XVII в. сидел русский воевода и находился русский гарнизон. Но вокруг такого центра простирались ясачные волости, во главе которых стояли родовые тойоны или князьцы; они же собирали ясак — дань мехами (от 1 до 12 шкурок соболя с охотника в год) и судили по нормам обычного права; в эти отношения государство не вмешивалось. Гарантией подчинения аборигенов служила «система аманатства», когда родственники и дети местной знати становились заложниками-*аманатами* и должны были жить в русских крепостях.

Такую же политику государство проводило и в отношении кочевых народов — калмыков, ногайцев, у которых долго сохранялась власть ханов и султанов. В Поволжье до XIX в. существовали «татарские судные избы»: можно было выбирать суд по шариату или по русскому праву у воеводы. Сохранялись и другие местные особенности: так, введение русских порядков на Украине не затронуло традиционного права украинских казаков и крестьян на свободное винокурение — там не было государственной монополии и кабаков.

Во многих случаях расширение границ проходило в форме строительства системы крепостей, которые защищали русское и местное население от набегов. Эта практика началась еще с конца XVI в. со строительства «засечных черт» и продолжалась на протяжении XVII и XVIII вв. на Украине, в Поволжье, в Сибири и на Северном Кавказе. Из таких крепостей постепенно вырастали города; некоторые из них стали сейчас крупными центрами и даже столицами:

Уфа, Чебоксары, Якутск, Йошкар-Ола (Царев Город), Улан-Удэ (Верхнеудинск).

Другим важным условием складывания многоэтничного государства стал открытый характер служилого класса в московском государстве: инородцам вне зависимости от происхождения и вероисповедания был открыт путь к российской государственной службе. В русской армии и в сибирских городах находились служилые татары, выходившие на службу со своими «царевичами»; вместе с грузинским царем Арчилом в Москве оседали и оставались на службе грузинские дворяне. «Сила низовая, казанская, астраханская, сибирская, тоже рать несметная, а вся она конная и бьется лучным же боем. Татары большого и малого ногаю, башкирцы, калмыки бьются лучным же боем» — так в 1657 г. описывал московское войско русский посол во Флоренции стольник Иван Чемоданов.

В XVII в. «дворянами московскими» стали хантский вождь Дмитрий Алачев и тунгусский «князь» Катан; в дворцовом Конюшенном приказе работали чернокожие «арапы» из Северной Африки, присланные в Москву донскими казаками. Предок поэта, шотландец Юрий Лермонт стал костромским помещиком, а на Смоленщине осел служилый род его земляков, потомственных русских офицеров Лесли. Восточной Сибирью управляли знатный крымский мурза князь Ю. Сулешев и немцы-воеводы Юрий Францбеков и Даниель Трауэрнихт; под началом у них находились не только русские и татары, но и ссыльные пленные «латинские и немецкие люди и жиды», которые становились русскими землепроходцами, казаками и даже воеводами, как польский ротмистр Павел Хмелевский. Русскому царю верно служили выходцы из Ногайской Орды князья Юсуповы и Урусовы и кабардинцы князья Черкасские.

Еще одна особенность формирования российской державы состояла в том, что обилие земель и природных ресурсов не приводило к необходимости вытеснения или уничтожения инородцев. К тому же на восточных окраинах уровень эксплуатации местного населения был сравнительно невысок: в основном оно выплачивало налог — ясак. Степные окраины и

Сибирь практически не знали помещичьего землевладения и крепостного права. Россия представляла собой такую империю, в которой покоренные народы были свободнее, чем завоеватели; возможно поэтому у русских в массе не сложилось имперского сознания, представлений о «бремени белого человека».

Иностранцев удивляло умение русских находить общий язык с туземцами, что, по их мнению, составляло «секрет силы России на Востоке». Это обстоятельство проявлялось в критические моменты истории: временные поражения и даже кризис центральной власти во время Смуты не вызывали в стране сепаратистских выступлений. Но эта же черта вызывала беспокойство у администрации: в XVII в. казанские воеводы жаловались в Москву: русские «живут у татар, и у черемисы, и у чуваши, и пьют с ними, и едят с одного, и женятся у них». Известны случаи, когда в Сибири русские и аборигены (якуты, буряты) вместе выступали против притеснений местных властей; в войске Разина сражались и татары, марийцы, башкиры, калмыки, удмурты.

Разумеется, дело не только в русском национальном характере. Освоение окраин в XVII—XVIII вв., да и в XIX в. происходило при таком уровне развития российской экономики, который не требовал масштабной эксплуатации «колониальных» природных ресурсов и населения — в России не было ни огромных рудников, ни плантаций, где было бы возможно массовое использование невольников.

Глава 7
САМОЗВАНЦЫ, БУНТАРИ, РАСКОЛЬНИКИ

■ **Смута: утраченные возможности.** В предыдущих главах речь шла об условиях и особенностях складывания военно-служилого Российского государства и «выстроенного» в этих рамках общества. Важной чертой этого времени было сохранение обычая, «старины». Власть московских государей поддерживалась (но и в какой-то мере ограничивалась) верой в за-

конность и нерушимость освященных веками порядков и норм.

Однако социальные потрясения XVI столетия породили глубокий кризис государства и общества. Внимательный наблюдатель, ученый-юрист и английский посол в России в 1588—1589 гг. Джильс Флетчер сделал в своем трактате-донесении о состоянии России закономерный вывод: меры царя Ивана *«так потрясли государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием»*. Так и произошло — в стране наступило Смутное время: распались традиционные связи между разными общественными группами и властью. Были сделаны первые попытки изменить существующий порядок на Руси.

Второй сын и наследник Ивана Грозного **Федор (1584—1598)** ничем не напоминал мудрого и доброго царя из трагедии А. К. Толстого: к делам он был не способен и проводил время между молитвами, поездками по монастырям и медвежьей травлей. Отец, опытный политик, понимал это и назначил регентский совет из пяти земских и «дворовых» бояр во главе с дядей Федора боярином Никитой Романовым. Но признанный глава нового правительства заболел и умер; тогда царский шурин Борис Годунов, не включенный в этот совет, начал отчаянную борьбу за власть.

Восхождение рядового боярина к «высшей власти» напоминало закрученный детективный сюжет. Борис не раз находился на грани опалы и даже казни: он ведь посмел сватать свою сестру-царицу (при жизни хилого мужа!) за австрийского принца — и этот секрет стал известен благодаря польской разведке. Ему приходилось отбивать нападение вооруженных толп на свой двор и даже просить политического убежища у английского посла. И все же через несколько лет он сумел оттеснить соперников — князей Мстиславских и Шуйских, поставил «своего» патриарха и стал фактическим правителем страны с правом самостоятельного руководства внешней политикой.

В январе 1598 г. умер царь Федор. Прекращение законной династии открыло путь ожесточенной борь-

бе придворных группировок за власть. «Правитель и конюший боярин» или «лорд-протектор России» (так называли его англичане) Борис Годунов блестяще провел «избирательную кампанию». От имени своей сестры-царицы он объявил амнистию «всех винных людей, и татей, и розбойников по всем городам из тюрем» и демонстративно удалился от мирских забот в монастырь, пока в Думе спорили его противники — Мстиславские и Романовы. На стороне Бориса были церковь, младшие бояре, опричные «выдвиженцы» и реальная поддержка государственного аппарата в лице им же назначенных руководителей приказов. В феврале 1598 г. он был избран царем, а после раздачи войску во время объявленного похода на татар (так и не появившихся) жалованья за три года получил поддержку массы служилых людей и в сентябре короновался в Успенском соборе Кремля.

Борис Годунов оказался выдающимся правителем и успел многое сделать для страны, порой опередив свое время. Он снизил в два раза налоги, в ходе «посадского строения» стремился ликвидировать привилегии бояр и монастырей в городах («белые», т. е. не плативших налогов, слободы и дворы), в 1585 г. основал главный порт допетровской России — Архангельск. Заключив мир на Западе со Швецией и Речью Посполитой, Борис решительно обратился к делам на Востоке (см. главу 6). Первым из русских царей он просватал свою дочь за датского принца Ганса и за 100 лет до Петра I стал целенаправленно приглашать в Россию иностранных специалистов — врачей, рудознатцев, военных. Он хотел основать университет и послал в Вену, Оксфорд и Любек дворянских «ребят» для изучения иностранных языков и прочих наук. Царь предпринял крупное строительство в Москве (колокольня Ивана Великого, Лобное место, стены Белого города по нынешнему Бульварному кольцу) и Смоленске.

Но явные успехи закладывали основу для будущих потрясений. Борис продолжил крепостническую политику царя Ивана Грозного (см. главу 4). На осваиваемых окраинах появлялись московские воеводы и помещики, свободное население и беглые казаки

вновь попадали в крепостную зависимость или должны были пахать «государеву десятинную пашню».

Полоса внутри- и внешнеполитических успехов была прервана страшным голодом 1601—1603 гг. Попытки организовать государственную помощь голодающим привели только к стечению массы народа в столицу, где люди погибали тысячами. Катастрофическое положение заставило царя в 1601 г. восстановить Юрьев день для крестьян провинциальных помещиков (вотчин знати и чинов государева двора указ не касался). Крестьяне стремились уйти от владельцев, а те — любой ценой удержать рабочую силу. Беглые крестьяне и холопы собирались в крупные отряды, против которых в 1603 г. приходилось посылать войска. В том же году было восстановлено — и на этот раз окончательно — крепостное право, но вызванные голодом и колебаниями правительства социальные потрясения стали гибельными для новой династии. В глазах знати Борис Годунов всегда был худородным выскочкой; теперь же он стал «плохим» царем и для служилых, и для массы крестьян.

Поэтому именно он и остался в глазах современников коварным убийцей царевича Дмитрия. В такой общественной атмосфере и появился Лжедмитрий I (Григорий Отрепьев) — бывший дворянин на службе бояр Романовых. Осенью 1604 г. он перешел русскую границу со своим польско-казацким отрядом. Разбитый в январе 1605 г. царскими войсками, самозванец получил поддержку крестьян, посадских людей и казаков с южной границы, которые открывали ему ворота крепостей. После скоропостижной смерти Бориса в апреле 1605 г. на сторону претендента перешло войско, и уже в июне он вступил в Москву, где его приверженцы удавили юного царя Федора Борисовича и его мать.

Заняв престол, **«Димитрий Иванович» (1605—1606)** тут же оказался в очень сложном положении: суля всем «благоденственное житие», мог ли он выполнить обещанное — передать будущему тестю польскому сенатору Юрию Мнишеку Новгород и Псков или отменить крепостное право? В результате осложнились отношения с Речью Посполитой. Льготы получили лишь те крестьяне и путивльские горожане,

которые первыми признали Лжедмитрия. Для остальных был не только сохранен пятилетний срок сыска, но владельцы получили разрешение возвращать беглых с 1600 г. Московские бояре уже стали просить у польского короля Сигизмунда III его сына на московский престол — они-то прекрасно знали, что царь — самозванец.

Сам Лжедмитрий пытался уйти от этих противоречий — он готовился к большому походу на Крым. Однако своим поведением молодой царь постоянно задевал национальные и религиозные чувства подданных: окружал себя иноземцами, не спал после обеда, не ходил в баню, да еще собрался венчаться с «гордой полячкою» накануне постной пятницы. В таких условиях бояре во главе с Василием Шуйским легко организовали заговор, в результате которого царь был свергнут и убит в мае 1606 г.

Новым царем «выкрикнули» главу заговорщиков — боярина **Василия Шуйского (1606–1610).** Он дал «крестоцеловальную запись» — торжественное обязательство не отнимать имущество у подданных, «не осудя истинным судом с бояры своими, смерти не предати»; не слушать ложных доносов. Но такая попытка договора с подданными успеха не имела. Наступил новый этап Смуты — *гражданская война.* Московское правительство стало утрачивать контроль над провинцией, десятки городов и уездов Шуйского не признали: для них «истинным» государем оставался Дмитрий, а не «боярский царь».

Еще недавно в учебниках события этих лет называли первой крестьянской войной в России — и не без оснований: закрепостительная политика властей в условиях голода вызвала мощную волну сопротивления. Но против Шуйского поднялись не только крестьяне — провинциальные дворяне-помещики не верили московской знати. Тяготы походной службы и разорение поместий заставляли провинциальных служилых людей выступать против столичных «богатин», деливших власть и земли вместе с «неистинным» царем. В 1606 г. на него поднялись «дворяне и дети боярские резанцы, коширяне, туляне». Заодно с бывшим военным холопом, а теперь воеводой «царя Дмитрия» Иваном Болотниковым сражались его

прежний господин князь Андрей Телятевский, воевода князь Григорий Шаховской, с лжесыном царя Федора атаманом Илейкой — дворянин Прокопий Ляпунов и стрелецкий сотник Истома Пашков. На Москву шли через Серпухов и Коломну две армии — Болотникова и Пашкова.

В ноябре 1606 г. началась осада Москвы. Наступавшие бросали в город воззвания: «велят боярским холопам побивать своих бояр и жен их, и вотчины и поместья им сулят. Шпыням и безымянникам ворам велят гостей и всех торговых людей побивати и животы их грабити и призывают их, воров, к себе, хотят им давати боярство, воеводство, окольничество и дьячество». Появились первые «воровские помещики», получившие свои владения от Болотникова и самозванца «царевича» Петра. Борьба правительственных войск с мятежниками шла несколько месяцев с переменным успехом. Армия Шуйского сдерживала силы Болотникова в Туле; после тяжелой осады царь заключил договор с восставшими, обещая не выдавать их обратно господам.

Победа Шуйского оказалась мнимой — уже летом 1607 г. объявился новый самозванец — Лжедмитрий II. В его лагере собралось разношерстное воинство: изгнанные из Польши мятежники во главе с гетманом Романом Ружинским и Яном Сапегой, признавшая «воскресшего» мужа Марина Мнишек, болотниковские атаманы Юрий Беззубцев и Иван Заруцкий, бояре Салтыковы и Черкасские, ростовский митрополит Филарет Романов, запорожские казаки и татары. На их сторону перешли Псков, Ростов, Ярославль, Кострома, Вологда, Галич, Владимир; началась долгая осада Троице-Сергиева монастыря. В стране оказались две столицы — Москва и подмосковное село Тушино (ставка Лжедмитрия II), два правительства и даже два патриарха — «законный» Гермоген и тушинский Филарет. Летом 1607 г. в Астрахани появились сразу три самозванца-«рюриковича»: лжесын Ивана Грозного Август и его лжевнуки «царевичи» Осиновик и Лавер; они двинулись с казаками под Москву, но по дороге казаки повесили одного из «царевичей», а двух других казнил их «родственник» Лжедмитрий II.

Уезды и города по нескольку раз переходили из рук в руки. Каждый из «царей» объявлял истинным себя, по городам сажал своих воевод, которые проводили поборы и реквизиции «изменничьих животов». Вот как жаловались «гетману» Лжедмитрия II Яну Сапеге на действия его воинства жители Юрьева-Польского, перед этим признавшие власть самозванца: «От рати, от загонных людей, и от польских казаков, и от юртовских татар разорены и животишка наши все пограблены, и церкви божии разорены... образа ободраны и переколоты, и всякое церковное строение поимали, и животинишко всякое, лошади и рогатую животину повыгнали, и хлебешко все перемолотили и вывезли».

В условиях, когда никто не знал, какая власть является законной, когда постоянно нарушались святость присяги и «честь» рода, заметны и черты морального упадка: росло количество «перелетов» из одного лагеря в другой; «жития» и «видения» той эпохи сообщали о безнравственных поступках — пьянстве, осквернении святынь.

На местах реальную власть часто захватывали казачьи отряды. Казаков той поры не следует путать с военным сословием, известным по шолоховскому «Тихому Дону». Казаки времени Смуты — это и беспоместные дворяне, и разорившиеся купцы, и беглые холопы, поповские дети, крещеные и некрещеные татары, и выходцы с литовской «украины». Их атаманы служили всем, кто мог обеспечить «корм» и жалованье; казачьи отряды в качестве вознаграждения за службу получали или силой забирали целые районы в кормления-*приставства*, с которых взимали деньги и продукты.

В критической ситуации правительство Шуйского заключило договор со Швецией в феврале 1609 г. о предоставлении 15-тысячного вспомогательного войска, но эта акция стала поводом к войне для польского короля Сигизмунда III. Польское войско в том же году осадило Смоленск, и в событиях Смутного времени появился новый фактор — *иностранное вторжение* (правда, король начал поход без санкции сейма; Речь Посполитая, таким образом, официально войны России не объявляла). С помощью шведских

войск воеводам царя Василия удалось нанести ряд поражений мятежникам и изгнать их из Тушина. Но в июле 1610 г. армия Шуйского была разбита поляками под Смоленском, после чего неудачливого царя свергли с престола и постригли в монахи.

Размах Смуты и угроза развала государства заставили бояр и из Москвы, и из лагеря самозванца искать выход из ситуации. В феврале и августе 1610 г. ими были заключены договоры с Сигизмундом III, по которым на русский престол приглашался королевич Владислав.

По этим договорам Россия и Речь Посполитая заключали вечный мир и союз. Королевич обязывался католических церквей «не ставити», «прежних обычаев и чинов... не переменять» (в том числе и крепостное право), иноземцев «в воеводах и в приказных людях не быть». Он не имел права казнить, лишать «чести» и конфисковывать имущество без совета бояр «и всех думных людей». Все новые законы должны были приниматься «з думою бояр и всее земли». (См.: Сборник Русского исторического общества. Т. 142. С. 101—109.)

Некоторые историки полагают, что эти договоры, как и «крестоцеловальная запись» 1606 г., могли способствовать выходу из Смуты и стать шагом к правовому государству, т. е. являлись альтернативой самодержавию. Так ли это — сказать трудно. Пожалуй, приглашение иностранного, но «законного» и «природного» принца на престол было возможно. Но соответствовали ли перечисленные выше «правовые» принципы и идеи представлениям массы служилых и «тяглых» людей о справедливом общественном устройстве — стоящем над всеми «чинами» законном государе как защитнике от произвола «сильных людей»? Были ли эти идеи близкими для тех, кто представлял собой реальную силу — казачьих атаманов или провинциальных дворян? Похоже, что они-то как раз предпочитали «сильную руку» и поддерживали наиболее удобных в данный момент самозванцев (в это время появились и другие «дети» царей Ивана и

Федора — «царевичи» Гаврилка, Ерошка, Клементий, Мартынка, Савелий, Симеон и другие).

Не способствовала такому повороту событий и международная обстановка. Ни Польша, ни Швеция не стремились к сохранению сильного Российского государства, хотя бы и с иностранным принцем во главе. Не случайно ни Сигизмунд III, ни Густав Адольф не согласились на такой вариант и потребовали царскую корону для себя.

К сожалению, ни запись 1606 г., ни договоры 1610 г. не стали альтернативой Смуте. Напротив, в 1610—1611 гг. произошел распад всей системы управления. Королевич не торопился в Москву (о его переходе в православие так и не договорились), но его отец взял Смоленск и от имени «царя Владислава Жигимонтовича» стал раздавать поместья и воеводства в России. Чтобы не допустить в Москву самозванца, бояре в сентябре 1610 г. впустили в столицу польский гарнизон.

Но московские «бояре царя Владислава» ничем не управляли, ведь под Москвой стояли казачьи «таборы» боярина Д. Трубецкого и атамана И. Заруцкого с «царицей Мариной Юрьевной». На Севере шведские войска на обратном пути захватили Новгород, и местные власти заключили с королем Швеции договор о «переходе» под его покровительство. В Пскове объявился очередной Лжедмитрий — попович Матюшка Веревкин; «войдя в роль», он потребовал к себе «законную» жену Марину с сыном — и она и псковичи, и Трубецкой с Заруцким ему присягнули — так легко было стать «царем» во времена Смуты! Практичные англичане уже подали своему королю в 1612 г. проект оккупации русского Севера.

Однако в то же время провинциальные города обменивались грамотами с призывами к объединению, и именно там началось движение за возрождение национальной государственности. Первое ополчение, созванное в 1611 г., не достигло цели: казаки и дворяне не смогли договориться и лидер ополченцев Прокопий Ляпунов был убит. Но осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде по инициативе мясника и уважаемого земского старосты Козьмы Минина был принят приговор о втором ополчении: «Стоять за истину

всем безызменно... На жалованье ратным людям деньги давать, а денег не достанет — отбирать не только имущество, а и дворы. И жен, и детей закладывать, продавать, а ратным людям давать».

Зимой 1611/12 г. создается *«Совет всея земли»* — подобие Земского собора «из всех городов всяких чинов выборные люди». Новое правительство сумело организовать сбор налогов, восстановило действующие приказы (Поместный, Разрядный, Посольский). С раздачей жалованья и обеспечением служилых людей поместьями удалось создать боеспособную 10-тысячную армию во главе с князем Д. М. Пожарским. Был налажен выпуск и собственных «законных» денег с именем прежнего царя Федора. К лету 1612 г. второе ополчение утвердило свою власть в Поволжье и северных «замосковных» городах и пошло к Москве. В октябре 1612 г. польский гарнизон сдался.

Сразу же по городам были отправлены грамоты о созыве Земского собора, который открылся в январе 1613 г. и включал в число 700 участников и казаков, и даже черносошных крестьян. Предвыборная борьба была ожесточенной, в итоге из всех претендентов на трон (князя Д. Трубецкого, И. Голицына, Д. Черкасского и даже Д. Пожарского) наиболее предпочтительным оказался 16-летний Михаил Федорович Романов. Представитель славного боярского рода, он по молодости в «измене» не был, а его родичи находились в обоих лагерях — и в Москве, и в Тушино. Под давлением казаков и под влиянием лжи о якобы завещанном Романовым царем Федором престоле Михаил и был избран в феврале 1613 г.

Но Смута на этом не закончилась. Военные действия продолжались: в 1615 г. шведский король Густав II Адольф пытался овладеть Псковом, а на западной границе практически постоянно шла война с отрядами Сигизмунда III и Владислава, не раз предпринимавшего походы на Москву вместе с русскими «ворами» и запорожскими казаками гетмана Петра Сагайдачного. По стране бродили отряды казаков, порой бравшие штурмом такие города, как Вологда или Астрахань, где сидели Заруцкий с Мариной. Денег в казне хронически не хватало.

С огромным трудом правительству царя Михаила удалось восстановить государственный аппарат. В 1614 г. на Яике были преданы своими же казаками и схвачены Заруцкий и «царица» Марина; мятежный атаман был посажен на кол, а трехлетний «воренок» — сын Марины Мнишек — публично повешен в Москве. К 1619 г. удалось справиться и с казачьей вольницей: часть получила жалованье и даже поместья, других отправили в разные города и к границам. Таким образом, только в 1618—1619 гг. с прекращением интервенции и наступлением внутреннего успокоения окончилось Смутное время.

Страна вновь обрела единство и законную власть. Но при этом не произошло обновления в системе управления, социальном строе, культуре. Участие «всей земли» в восстановлении государственности и выборах законного царя привело к утверждению старого, «самодержавного» варианта политического устройства; духовно-религиозный подъем общества не был закреплен в каких-либо юридических установлениях и политических институтах, которые бы регулировали отношения власти и подданных. Борьба с иностранным вторжением обернулась официальным неприятием всего иностранного и неправославного. Возможно, перед нами определенная закономерность: эпоха социальных потрясений заставляет общество из предложенных возможностей выбирать — хотя бы на некоторое время — наиболее консервативный путь.

■ **Нужен ли мужику бунт?** Тяжелые условия жизни и социальные противоречия средневекового общества не раз порождали острые конфликты. В учебниках непременно указываются крупнейшие восстания того времени — 1113 г. в Киеве, 1547 г. в Москве и другие. Особенно подробно описаны массовые народные движения в начале XVII в. и последующая крестьянская война 1670—1671 гг., а также многочисленные городские выступления: Соляной бунт 1648 г., Медный бунт 1662 г., восстание стрельцов 1682 г. Не случайно современники называли XVII век «бунташным».

Возможно, поэтому многие полагают, что русский крестьянин сразу хватал вилы и шел громить барскую усадьбу. Однако в реальной жизни он упорно и умело

использовал все возможности сопротивления крепостничеству и государственному гнету. Прежде всего, крестьяне до поры имели право обращаться в суд и часто им пользовались, особенно в случае посягательств на их земли в XVI—XVII вв.: так, например, несколько поколений крестьян с переменным успехом судились с Антониево-Сийским монастырем, пока окончательно не проиграли дело. Но иногда такие процессы и выигрывались.

При поземельных описаниях крестьяне утаивали от писцов до 10% обрабатываемой ими земли — ведь приезжим из столицы невозможно было учесть все небольшие «починки» и «заимки» среди лесов. При переходе к подворному обложению крестьянские и посадские семьи переставали делиться и оставались жить под одной крышей — с одного двора шло меньше платежей. В этом случае крестьяне использовали противоречие интересов государства и «своих» помещиков: ведь чем больше доходов забирали налоги, тем меньше оставалось на долю владельца. Поэтому помещики «утаивали» и «не выдавали» хитрости своих крепостных. Крестьяне же, в свою очередь, предпочитали не распахивать учтенные в писцовых книгах обложенные налогами земли, но зато охотно брали в аренду под оброк не облагаемые налогами помещичьи «пустоши». Порой крестьяне сбрасывались и давали взятки писцам за сокращение в документах размеров их пашни или просто не пускали их к себе, чтобы те не зафиксировали увеличения населения села.

В беспокойных приграничных районах беглецы и местные жители использовали потребность государства в создании системы обороны. Они стремились записаться в качестве «вольных людей» на военную службу; попытки вернуть таких обратно в «тягло» встречали сопротивление при поддержке местных воевод. Тут крестьяне могли даже явиться «скопом» к помещику и силой привести его «ко кресту», что не будет требовать их возвращения. В отношениях с властями и помещиками всегда использовалась сила общины или посадского «мира», спасавших своих людей от окончательного разорения; известны случаи, когда коллективный отпор «всем миром» заставлял

помещика отказываться от увеличения оброка или барщины.

Правда, выше уже шла речь о том, что общинную организацию нельзя идеализировать: и правительству, и помещикам был выгоден принцип коллективной ответственности за правонарушения, уплату податей и выполнение повинностей. Каждый крестьянский «мир» поддерживал свой уклад хозяйства и образ жизни, замкнутый на местных интересах. В этом крылись причины неспособности крестьян разных деревень и владений объединиться (одни были дворцовыми, другие «государевыми», казенными; третьи — монастырскими; четвертые и пятые — «боярскими», но с разной степенью эксплуатации). Не случайно во время крестьянских войн сравнительно небольшим отрядам правительственных войск удавалось усмирять целые волости и уезды.

Наконец, огромные неосвоенные территории всегда давали возможности для бегства, но в Сибирь или на Дон уходили далеко не все, а только самые сильные и дерзкие. Обычные семейные крестьяне стремились уйти не в казаки, а к богатому и знатному боярину или во владения влиятельного монастыря, чтобы укрыться от властей и в расчете на льготы. Другой путь таких беглецов лежал на посад, где было легче найти работу и прокормиться «торгом и всякими промыслы»; в случае опасности приходилось уходить еще дальше — про таких беглецов помещики писали, что они «живут перебегая».

Так родилась в XVII в. популярная в крестьянской среде легенда «о далеких землях», где нет помещиков и чиновников, где «земляные плоды всякие весьма обильны бывают: родится виноград и сорочинское пшено, и другие сласти без числа». Эту счастливую землю — «Беловодье» — крестьяне искали на Амуре в «Даурской земле», за Дунаем, на Алтае, в Китае и других краях. Такие пассивные формы протеста усиливались как раз тогда, когда открытая борьба была невозможна. Во время массовых крестьянских и городских выступлений на первый план выдвигались другие лозунги и социальные требования.

Характерной особенностью нашей истории было существование за границей государства *казачьих*

«республик» на Дону, Волге, Урале, Северном Кавказе, Запорожье. Казаки жили за счет рыболовства, скотоводства, но этих средств не хватало, и основным казачьим промыслом стали походы за добычей на «бусурман» Крыма, Турции и Ирана. Но при этом они не раз «шарпали» на Дону и на Волге царские и купеческие караваны, отгоняли скот у соседей-кочевников.

В то же время в условиях враждебного окружения казакам была необходима поддержка государства, и они начинают «служить великому государю» — сопровождать посольства, вести разведку и доставлять в Москву захваченных «языков» и «вести» с границы. В обмен правительство поставляло им хлеб и сукно, порох, свинец, это «жалованье» стало важным средством воздействия на казаков. Но до конца XVII в. полностью подчинить казаков Москва еще не могла.

Казаки успешно отстаивали свою независимость — предоставляли убежище беглым («с Дона выдачи нет»), посылали в Москву свои посольства-станицы (ведал ими Посольский приказ), самовольно предпринимали походы на турецкие города или на дружественную России Персию. Казачий круг — собрание полноправных казаков-воинов — решал все важные вопросы: ведал дележом добычи и судом, утверждал военные походы, избирал постоянных и походных атаманов. Казаки сообща владели промыслами, у «старых» казаков под началом находились ученики-«чуры»; в общинах и городках имелись свои ремесленники. Необычное развитие казачьих общин за пределами государства во враждебном окружении и военный уклад жизни сохранили у казаков черты древнего общественного устройства — своеобразную «военную демократию». Эти черты — равенство, свобода от «бояр» и податей, военная удаль — привлекали на Дон и в другие казачьи общины беглецов из центра, делали лихого казака героем народных песен и сказаний.

Казачья вольница давала готовую организацию против наступавшего на окраины крепостного строя: во всех крестьянских войнах казаки выступали первыми и составляли наиболее боеспособные части в повстанческом войске. С другой стороны, казаки в

XVII в. все больше попадали под влияние государства: выделялась «старшина», захватывавшая руководство войском, и получала от власти поддержку, а в XVIII в. — чины и звания. Со временем казачество превратилось в привилегированное военное сословие и использовалось уже как полицейская сила.

Еще одна важная особенность движений XVII—XVIII вв. — появление *самозванцев из народной среды* и их несомненный успех. Только во время Смуты объявились три Лжедмитрия и десяток «детей» царя Федора. «Самозванство» отражало особые представления крестьян о роли и значении царской власти, ведь в течение столетий московские великие князья и цари возглавляли общенациональную борьбу за объединение страны и свержение татарского ига. Впрочем, возможно, эта глубочайшая вера в доброго, милостивого, справедливого и одновременно грозного царя сохранялась с тех далеких времен, когда княжеская власть выделилась из недр родового строя и отразилась в былинах о Владимире Красном Солнышке. Это убеждение прочно утвердилось в массовом сознании, и только такой «прирожденный» царь воспринимался как законный.

Когда же реальная крепостническая политика расходилась с этими представлениями, то она воспринималась как «порча» царской воли злыми боярами или — как в случае с Петром I — подмена настоящего царя «немцем». Крушение законной династии, нарушение «старины» крепостническими законами, частая и непонятная смена лиц у власти — все это казалось наказанием и заставляло задавать вопрос: «истинный» ли царь на престоле, и укрепляло веру в «избавителя», подлинного царя, который непременно должен был объявиться в народе. Когда же возникал такой претендент (в XVII—XVIII вв. самозванцы часто предъявляли особые «царские знаки» на теле) и обещал то, чего от него ждали, то он-то и воспринимался как добрый и справедливый, карающий злых «кровопивцев», а следовательно, истинный государь, поддержка которого была не просто выгодным, а прямо богоугодным делом.

С начала XVII в. до середины XIX в. в России появилось, таким образом, около 100 самозванцев.

Самый известный из них, Григорий Отрепьев, сумел даже захватить московский престол. У него были подражатели, а затем и «дети» — под именем сына царя Дмитрия выступал казак Иван Вергунок. В середине XVII в. появились и настоящие международные авантюристы, такие как мнимый сын Василия Шуйского царевич Симеон (под этим именем скрывался московский подьячий Тимофей Акундинов, который более десяти лет разъезжал по соседним государствам, пока в 1653 г. не был выдан России и казнен).

Обычно крестьяне до конца использовали возможности легальной борьбы: подавали коллективные челобитные, отказывались выполнять повинности, просили «перевести» их в черносошные, но при этом старались избегать насилия. Лишь в крайних случаях они поднимались на открытые восстания. Как правило, в таких массовых выступлениях «ядром» и наиболее активной силой движения были не сами крестьяне, а казаки и примкнувшие к ним мелкие служилые и городская голытьба.

В литературе и сейчас можно встретить утверждения об их «антифеодальном» характере, об «идеологии» и «программе» восставших. Но у них вряд ли была программа революционных действий и переустройства экономического и политического строя после ожидавшейся победы. Была накопившаяся злоба, резкое расслоение, борьба против произвола привилегированного меньшинства. Тогда нередко без всякой особенной причины вспыхивали волнения — как, например, в Москве в 1636 г., когда во время пожара в Китай-городе черные посадские люди, холопы и даже часть стрельцов стали громить лавки и растаскивать товары в торговых рядах, «бить» кабаки, выпускать из тюрем «колодников». Имущество сносили к Никольским воротам Китай-города и делили между собой.

Повышение налогов и злоупотребления администрации привели в 1648 г. к выступлениям в Москве и еще в 40 городах. Как правило, городские движения были лучше организованы. Так, весной 1650 г. одновременно вспыхнули восстания в Новгороде и Пскове. Их причиной стали массовые закупки хлеба шведскими агентами, но прежде всего гнев горожан и примкнувших к ним стрельцов был направлен против

воеводской администрации и произвола богатейших новгородских «гостей». Восставшие отстранили воевод; власть перешла к мирскому сходу и выборным старостам в земской избе, которые стремились сохранять в городах порядок и не допускать грабежей и погромов. В челобитных к царю новгородцы жаловались на воеводу и гостей Стояновых, которые «норовят» шведам и вывозят хлеб. Псковское посольство в Москве подробно описало произвол воеводской администрации и выдвинуло целый ряд требований: отменить недавно введенные налоги, не вызывать горожан на суд в Москву, выдавать жалованье стрельцам сполна и вовремя.

Но в обоих случаях восстания были прекращены, хотя псковичи несколько месяцев упорно оборонялись от посланных к ним войск. Горожане искренне верили, что за спиной у царя вершат дела изменники-бояре, не хотели верить подлинным царским грамотам с осуждением их действий, даже полагали, что сам царь бежал от бояр в Литву — и в итоге поддались уговорам. Все решила внутренняя борьба в городах: «лучшие люди» выступали против «меньших», интересы стрельцов не совпадали с нуждами посадских людей.

Ход крестьянской войны 1670—1671 гг. хорошо известен. Восставшие донские казаки под командой Разина сумели овладеть Нижним Поволжьем с Царицыном и Астраханью, где к ним примкнули и мелкие служилые люди, и посадские. Войско удалого атамана отправилось вверх по Волге, взяло Саратов и Самару; начались массовые крестьянские выступления в Симбирском, Тамбовском, Керенском, Шацком, Арзамасском, Нижегородском и многих других уездах. Но под Симбирском повстанцы были разбиты; сам Разин был ранен и ушел на Дон, где через несколько месяцев был схвачен верными правительству казаками, привезен в Москву и казнен в июне 1671 г. на Красной площади. На Волге сопротивление продолжалось еще долго, пока правительственным войскам не удалось занять в ноябре 1671 г. главную базу восставших — Астрахань. Карательные отряды подавили главные очаги восстания в Поволжье: «Кругом стояли виселицы; на каждой из них висело человек 40—50. В другом

месте валялось множество обезглавленных, плавающих в крови. В разных местах находились посаженные на кол...» — так описывал свидетель-иностранец расправу с повстанцами в Арзамасе, где было казнено более 10 тыс. человек.

■ **Если бы Разин победил...** Так закончилось это выступление. Теперь попытаемся представить, что бы произошло, если бы разинцы имели успех. Ничего невозможного в этом нет. Если основные силы армии были бы скованы (как в начале 60-х гг.) боями на польском фронте, а царь внезапно скончался и вокруг трона началась борьба, как в 1682 г., то неизвестно, смогли бы правительственные войска остановить Разина у Симбирска. А прорыв повстанцев в центральные уезды уж точно привел бы к многочисленным бунтам вокруг самой столицы.

Все приведенные ниже цитаты взяты из подлинных дел и документов той эпохи. Итак, мы точно знаем, что Разин собирался идти на Москву. В рассылаемых повстанцами воззваниях — «прелестных грамотах» содержался призыв ко всем «кабальным и апальным» «Богу и государю послужить, да и великому войску, да и Степану Тимофеевичю». Это значило «с Волги идти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывесть изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей... и чорным людем дать свободу», — так говорил сам атаман в речи на казачьем кругу перед походом на Астрахань. Разин обещал «передрать» все дела в Кремле (в глазах неграмотных крестьян и посадских «бумаги» были символом кабалы и всевластия «начальных людей») и искоренить «мирских кровопивцов». Эти же призывы повторялись и в воззваниях повстанцев.

Характерно, что царь и его семья были, по понятиям восставших, неприкосновенны. Более того, они собирались действовать от имени и с одобрения государя. Сам Разин рассылал «свою братью воров с воровскими прелесными письмами, бутто сын наш государев, благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич... ныне жив и бутто по нашему великого государя указу идет снизу Волгою х Казани

и под Москву, для того, чтоб побить на Москве и в городех бояр наших и думных и ближних, и приказных людей, и дворян, и детей боярских, и стрельцов, и всякого чину служивых, и торговых людей бутто за измену». В этой «службе» государю казаки хотели убедить и население — в захваченных селах они велели «крест целовать государю царевичю Алексею Алексеевичю». Собирался Разин «посадить на Москве на патриаршество по-прежнему» сосланного Никона.

Успехам разинцев, несомненно, способствовало и то, что на их сторону переходили рядовые служилые люди, часто испытывавшие на себе произвол бояр и «начальных людей». В некоторых местах воеводам приходилось сажать под арест детей боярских «для тово, что оне у тех воровских казаков в таборе были и вино у них пили, и овсом их, воровских людей, оделяли и вести про тех воровских людей ни в которые городы не подавали». А тамбовские служилые люди взбунтовались, выбрали атаманом полкового казака Тимошку Мещерякова, разбили и разобрали «ружейную казну»; потом повинились, были прощены, приведены к присяге, но «изменяли» еще дважды. На сторону восставших часто переходило и бедное сельское духовенство, немногим отличавшееся от своих прихожан. Попы встречали разинцев «с образами и с хлебами»; они же как самые грамотные «чли всем вслух (прелестные письма. — *Авт.*) по многие дни и поучали на всякое дурно». Предприимчивые горожане тут же наладили торговлю с «воровским» войском — как посадский человек Микитка Глинкин, который «покупал у казаков под Царицыном шелк 150 ансырев. А с ним и многие другие торговые люди».

Характерным был и своеобразный «интернационализм» восставших. Если одна «прелестная грамота» Разина в Цивильский уезд призывала русских, татар, чувашей и мордву стоять «и за великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, и за благоверных царевичев, и за веру православных християн», то другая, к казанским татарам, требовала «для Бога и пророка, и для государя, и для войска быть вам заодно». Пытался Разин и «подымать многие орды и

калмык, да он же, Стенька, с Мунчаковым сыном помирился. А на миру, государь, тот вор Стенька тому Мунчакову сыну Аюке (калмыцкому хану) встречал, чтоб ему ево, Стеньку, не продать, а итить де ему под твои государевы украинные города войною сопча; на том у них и мир был».

Призывы пробуждали накопившуюся ненависть «кабальных и апальных» ко всякого рода угнетателям — помещикам, «воеводам и прочим «начальным людям», чиновникам-приказным, а нередко и к выполнявшим их приказы служилым людям. Стекавшиеся в Москву донесения рассказывали: «Учиня свой казачей круг, воеводской доми животы разграбили и для всякого ужасу и боязни срубили... попа. И иные наши домы разграбили и многих людей плетьми били и в твоем государеве анбаре твои государевы грамоты и всякие дела изодрали»; «в городех воевод и приказных людей казнили».

В захваченных городах и селах вводились казачьи порядки. Взяв Астрахань, «астраханцев домы разорили и животы пограбили»; имущество свезли за город на стан в курени «для дувану». На таком «дуване» бедняк мог стать обладателем «платья собольего и лисьего», дорогой посуды, персидского шелка — многие тут же продавали это добро и на вырученные деньги покупали оружие, лошадей и другие более нужные в хозяйстве вещи. Прекращался сбор податей; победители «на кабацком дворе государево кабацкое питье розграбили и выпили». Царских воевод сменяли сходки по образцу казачьих кругов, появлялась выборная «казачья администрация»: атаманы, сотники, есаулы. (См.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов. М., 1954—1959. Т. 1—2.)

Но что было бы дальше? Ведь уничтожение государственного аппарата и «показаченье» населения вряд ли можно считать шагом к какому-то новому общественному устройству. Это было скорее возвращением назад, к патриархальному равенству «военной демократии», попыткой защитить старое, простое общественное устройство от социальной розни и наступления «приказных людей» и «бумаг». «Атаманы

молодцы, дорожные охотники, вольные всяких чинов люди, воры и разбойники! Кто похочет с военным походным атаманом Кондратьем Афанасьевичем Булавиным, кто похочет с ним погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить да поесть, на добрых конях поездить — то приезжайте в черны вершины самарские» — так поэтично звучала «программа» другого крестьянско-казацкого движения на Дону в 1708—1709 гг.

Лихие казаки-разинцы были готовы «за дом пресвятыя Богородицы и за великого государя» умереть, но не мыслили себе «воли» без грабительских морских походов «за зипунами». У других борьба с угнетателями быстро превращалась в планы «идти в русские городы и побить бояр и жон их и детей и домы их разорять».

Но нужно ли это было крестьянам и посадским? Так ли привлекала их идея всеобщего «уравнения» и «дувана»? Похоже, что не всегда, поскольку те же документы рассказывают, как посадские и даже крестьяне в иных местах оказывали «воровским казакам» сопротивление. Так, жители Красной Слободы (попы с семьями, площадные подьячие, выборные и рядовые крестьяне с женами, «татаровя и мордва») были в осаде и бились с восставшими в декабре 1670 г. В вотчине князя М. Я. Черкасского крестьяне во главе с боярским приказчиком встретили воровских людей с оружием. Оно и понятно — многие разинские атаманы вслед за помещиками и их приказчиками начинали грабить и *«лутчих»*, т. е. зажиточных, крестьян.

Не все охотно шли в казацкое войско даже за большое жалованье «по 5-ти рублев да по зипуну».

В селе Лысково подьячий съезжей избы с посадскими людьми сами переловили и посадили в тюрьму 64 человека, которых затем казнили. Темниковцы сдали войскам свою атаманшу Алену. А некоторые предпочитали откупаться от «воров» деньгами, «чтоб те их село берегли».

Однако дело не только в том, что казацкий образ жизни не подходил для массы крестьян и посадских. Восставшие не представляли себе государства без царя, патриарха, да и «начальных людей» они делили на плохих и «добрых». По мнению атамана, именно

по вине «злых» бояр на Дон «государево жалованье не присылается. А добры к ним боярин князь Иван Алексеевич Воротынский, князь Григорий Сунчалеевич Черкасский», которые приглашали и угощали у себя казаков, когда те приезжали в Москву. Следовательно, эти структуры в том или ином виде должны были сохраниться. Ведь и сам Разин не предполагал радикальной ломки существовавшего социального устройства и приглашал «дворян и детей боярских и мурз и татаровей... стоять за дом пресвятые Богородицы и за всех святых и за великого государя и за благоверных царевичев, и за веру православных крестиян, и вам бы, чернь, тех дворян и детей боярских и мурз и татар ничем не тронуть и домов их не разорять». Уже в ходе восстания при Разине появляется что-то вроде канцелярии или «штаба», откуда рассылаются десятки воззваний; налаживается переписка с азовским пашой, украинским гетманом и крымским ханом. Далеко не все эти документы нам известны; брат Разина на следствии говорил, что весной 1671 г. атаман собрал и зарыл «воровские письма», и этот повстанческий архив не найден до сих пор.

Но кто занял бы трон? Смогли бы стать хорошими боярами и воеводами сподвижники атамана? Как поделили бы они между собой власть, богатство и почести? Как совместили бы цели казаков и «гулящих людей» с интересами купцов, посадских, оседлых татар и кочевых калмыков?

Последующие события показали, как могли разворачиваться события. После поражения под Симбирском Разин отправился на Дон собирать силы. Но там у него нашлись сильные противники, пользовавшиеся поддержкой Москвы, — атаманы Корнила Яковлев, Михаил Самаренин и др. А авторитет самого Разина после поражения под Симбирском явно упал. Развернулась борьба. Разин «учал... говорить войску всякие развратные слова, и атамана Корнила Яковлева и иных старшин... хотел убить ночью. А в то де время в войске была меж казаков рознь, а совету де меж ими не было, и боялись друг друга». Весной 1671 г. из столицы Дона, Черкасска, Разин ушел в Кагальник, но приказал своим сторонникам Янке Гаврилову и дру-

гим убить атамана Яковлева и иных старшин «для того, чтоб ему, Янке, до ево Стенькина приходу быть в войску первым атаманом». Покушение не удалось, и казаки убили на кругу Гаврилова и его товарищей. После этого сторонники Москвы привлекли казаков на свою сторону и захватили самого Разина.

Скорее всего, страну ожидала такая же ожесточенная борьба в новой казачьей «верхушке», которая со временем закончилась бы восстановлением традиционных государственных институтов, как после Смуты. Остается, правда, один вопрос — сохранилось бы в такой ситуации крепостное право или после его радикальной отмены новая власть не решилась на его восстановление? Но в любом случае Россия XVII в. еще не достигла такого уровня аграрного развития и социального расслоения, чтобы могли появиться крепкие крестьяне-фермеры.

Опыт «удачных» крестьянских восстаний в Болгарии (XIV в.), Китае (XVII в.) показывает, что ликвидация существовавших структур в условиях незрелости или отсутствия нового социально-экономического уклада не приводила к ускорению общественного развития. Так и на Украине в середине XVII в. казацко-крестьянское движение под руководством Богдана Хмельницкого ликвидировало польское феодальное землевладение и администрацию, но затем началось формирование «новой» знати уже из числа казацкой старшины. Представители этой старшины быстро стали землевладельцами и добились отмены крестьянских вольностей, утвердив в 1783 г. крепостное право.

Однако каждая такая победа феодально-крепостнического строя в конечном итоге приводила к новому обострению ситуации и к попыткам «верхов» искать выход сначала путем частичных, а затем и принципиальных реформ, но это уже другая проблема. Кроме того, неудавшиеся выступления оставались в памяти крестьян, легендах и песнях, давали надежду на свободу и силы для сопротивления.

■ **Еретики и раскольники.** Русская история знает и иные формы общественной борьбы — *ереси*, т. е. учения, отступавшие от утвержденных догматов христи-

анской веры и противопоставившие себя официальной церкви. Выше (см. главу 3) говорилось, что Русь приняла христианство (в его православном варианте) уже после того, как в течение нескольких столетий в ожесточенных спорах вырабатывались догматика и учение церкви. Видимо, поэтому Древняя Русь не знала массовых еретических движений.

Но уже в XIV в. еретические движения появились и на Руси. Возникали они, как и в других странах Европы, прежде всего в крупных городах — там, где наиболее ярко проявлялись социальные противоречия и где имелась прослойка грамотных и активных людей, способных выразить мысли и чаяния современников в категориях средневековых религиозных представлений.

Во второй половине XIV в. в Новгороде и Пскове распространилась ересь *стригольников* — они отрицали существующую церковную иерархию и осуждали духовенство, берущее плату за совершение обрядов. Выступали еретики и против кабальных отношений, когда «имениа ради свободных людей порабощают и продают». В 1376 г. вождей ереси дьякона Никиту и Карпа-«простца» казнили в Новгороде — «свергоша их с мосту» в Волхов.

Во второй половине XV в. церковные власти были обеспокоены новой ересью, возникшей в том же Новгороде незадолго до ожидавшегося в 1492 г. (7000-м году «от сотворения мира») конца света. Критика еретиками церковных порядков (поставления священников и епископов «по мзде») привлекла великого князя Ивана III, и он пригласил новгородских еретиков-священников Алексея и Дениса служить в кремлевских соборах. В Москве вокруг дьяка-дипломата Федора Курицына и митрополита Зосимы сложился кружок, деятельность которого вызвала суровое осуждение новгородского архиепископа Геннадия и игумена Иосифа Волоцкого — знаменитого писателя и проповедника. Ученый дьяк и его друзья отстаивали право на свободомыслие. Наиболее радикальные из еретиков выступали против признания основных догматов, в частности учения о Троице.

Гнев церковных иерархов вызвали не только вольнодумство их противников (митрополит якобы не ве-

рил в бессмертие души) и осуждение еретиками «стяжания» и «имения» церкви. Главное было в том, что они получили на какое-то время поддержку верховной власти. Иван III решительно конфисковал половину земель новгородского владыки и подчиненных ему монастырей и намеревался провести секуляризацию церковных имений по всей стране. Целей своих великий князь не достиг: церковь единодушно выступила против подобных планов, хотя в церковной среде сторонники крупных общежительных монастырей («иосифляне») спорили с теми, кто предпочитал другой путь монашеской жизни — создание небольших общин-скитов, монахи которых должны жить собственным трудом, — как учили Нил Сорский и другие «заволжские старцы».

Но и «иосифляне», и «нестяжатели» вели спор в рамках существующей церковной традиции и не хотели радикальных перемен. В итоге борьбу выиграли Иосиф Волоцкий и его сторонники. Они утверждали сакральный характер власти самодержца («царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышнему Богу») и требовали от всех прочих князей и властей подчинения ему. В ответ Иван III выбрал союз с церковью и решил судьбу еретиков. Признанный глава ереси Федор Курицын был арестован летом 1500 г. и, по-видимому, погиб в заточении. Прочие еретики (брат дьяка, служилый человек Митя Коноплев и новгородец Иван Максимов) по приговору собора в 1504 г. были сожжены в деревянных клетках.

Так же были пресечены и последующие попытки вольнодумства. В середине XVI в. попал в заточение дворянин Матвей Башкин, считавший холопство противоречащим евангельским заповедям. Другой еретик, бывший холоп Феодосий Косой называл епископов и священников «ложными учителями», требовал уничтожения всех монастырей.

Прочный союз государства и церкви при отсутствии в стране влиятельного и образованного «третьего сословия» исключал появление широкого антицерковного движения, подобного Реформации на Западе. Но в середине XVII в. реформы патриарха Никона

(см. главу 3) вызвали *раскол* среди православного духовенства и мирян.

Малограмотное приходское духовенство (не умевшие читать священники вели службу по памяти) не желало переучиваться по новым книгам, в которых был изменен порядок «чинов» покаяния, брака, крещения. К тому же новые обряды противоречили «старине» и правилам Стоглавого собора 1551 г. Предпринятое исправление книг и обрядов не только было непонятно многим, но и нарушало сложившиеся из поколения в поколение представления об истинности веры. Как мог, например, воспринять средневековый человек известие о том, что его отец, и дед, и прадеды крестились и исполняли другие обряды неправильно? Для сознания людей той эпохи было немыслимо даже малейшее изменение в священных текстах или в Символе веры; связь между словом и сущностью, обозначаемой им, осознавалась как неразрывная, поэтому «добавление» одной буквы в имени «Исус» понималось как принуждение поклоняться «другому Богу», а изменения в действиях обряда крещения (обливание водой вместо погружения) — как его отмена.

Против реформ выступили прежде всего недавние единомышленники Никона — члены «Кружка ревнителей благочестия» во главе с духовником царя Алексея Михайловича С. Вонифатьевым. В него входили просвещенный окольничий Ф. Ртищев, руководитель Печатного двора А. М. Львов, московские и провинциальные священники — И. Неронов, И. Наседка и знаменитый впоследствии Аввакум Петров. «Ревнители» желали повысить авторитет церкви в глазах верующих, искоренить пороки в среде духовенства, но были категорически против реформ в системе богослужения и усиления единоличной власти патриарха.

Поначалу споры между патриархом и его противниками носили внутрицерковный характер, но скоро Никон приступил к репрессиям: своих бывших друзей-«ревнителей» он заточил по монастырям или отправил в ссылки. Церковные соборы 1656 и 1666—1667 гг. отлучили всех противников реформ от церкви и прокляли их «как еретиков и непокорников», хо-

тя спор шел именно об обрядах, а не о догматах веры. С этого времени движение раскола стало набирать силу и захватывать различные слои населения; у раскольников появились свои вожди и проповедники — дьякон Федор, инок Епифаний, священники Лазарь и Аввакум.

Аввакум Петров (1620—1682) — протопоп, один из вождей раскола. Родился в семье священника, а затем продолжил дело отца. С 1647 г. жил в Москве, где сблизился с «Кружком ревнителей благочестия» и познакомился с царем Алексеем Михайловичем и с будущим патриархом Никоном. За выступление против реформ патриарха сослан в 1653 г. в Сибирь. В 1664 г., уже после опалы Никона, вернулся, но категорически отказался примириться с церковью и обличал «Никонову ересь», за что его опять сослали на север, в Мезень. На церковном соборе 1666—1667 гг. был расстрижен, проклят и осужден к заточению в земляной тюрьме в Пустозерске.

Аввакум был талантливым и своеобразным писателем. Он сочинял многочисленные челобитные, письма, послания к царям Алексею Михайловичу, его сыну Федору и другим лицам, трактаты и толкования на вероучительные темы. Наиболее известное его произведение — «Житие», где автор описывает свою жизнь (и как рядового грешного человека, и как святого, обладающего даром чудотворения), свои злоключения, портреты друзей и врагов.

В многочисленных посланиях Аввакум призывал своих сторонников создавать тайные общины, а если это невозможно — уходить от гонителей или совершать церковные таинства самим, а с попами-«никонианами» притворяться и «скаски сказывать». Он одобрял добровольные самосожжения как подвиг христианского благочестия. В прошлом Руси Аввакум видел «райский сад», он верил в неизбежное восстание против никониан накануне Страшного суда и мечтал: «Даст Бог, преже суда тово Христова, взявше Никона, разобью ему рыло. Блядин сын, собака, смутил нашу землю. Да и глаза те ему выколупаю, да и ткну его взашей: ну во тьму пойди, не подобает тебе явитися Христу моему свету. А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Тово мне надобне шелепами медяными попарить».

Даже из своей земляной тюрьмы Аввакум ухитрялся рассылать «заровские письма» по всей России. После того как его сторонники в Москве *«гробы царские дехтем марали»*, он был вместе со своими «соузниками» Лазарем, Епифанием и Федором заживо сожжен в апреле 1682 г.

Массовое недовольство перешло в движение сторонников «старой веры» — раскол, нередко служивший и в XVII в., и в последующие времена идейным основанием для социального протеста. Вожди раскола предсказывали в 1666 г. близкий конец света и возвещали грядущее Царство Небесное, где не будет различия между рабами и господами, «но вси едино есть». Ожидавшегося светопреставления ни в 1666, ни в 1669 г. не произошло; государство решительно поддержало реформу, и власти начали гонения против раскольников.

В 1682 г. во время стрелецких волнений в Москве священники-староверы при поддержке стрельцов настояли на публичном диспуте с «никонианскими» епископами. Но богословские споры в Кремле закончились тем, что подкупленные правительством стрельцы сами же схватили Никиту Пустосвята и других вождей раскольников и казнили их. Неудачная попытка «реставрации» старой веры показала, что у раскольников не было ни надежных сторонников, ни умения бороться за власть.

Правительство же перешло в наступление. Указом 1684 г. предписывалось всех раскольников, отказывавшихся посещать церковь, «пытать и разыскивать накрепко», а тех «которые с пыток учнут в том стояти упорно ж и покорения святой церкви не принесут, и таких за такие вины, по трикратному у казни вопросу, буде не покорятся, сжечь». Их били кнутом и ссылали в монастыри, а имущество конфисковывали.

Иногда сторонники «старой веры» решались на сопротивление — так, упорно держались против правительственных войск в 1668—1676 гг. монахи и работники Соловецкого монастыря, отказавшиеся принять новые богослужебные книги. Вообще во время массовых крестьянских и городских выступлений лозунги

раскола обычно отходили на второй план и выдвигались социальные требования восставших. Когда открытая борьба была невозможна, усиливались пассивные формы протеста.

Преследования со стороны властей и сознание безысходности порождали отчаяние: мир захвачен Антихристом, «нигде нет исходу — только в огонь да в воду». Наиболее радикальные «расколоучители» стали призывать к добровольному страданию за истину. Уже в 70-х гг. XVII в. начались самосожжения раскольников. В 1687—1693 гг. на Севере бывший дьякон Соловецкого монастыря Игнатий и его товарищи организовали массовые «гари», в которых погибло около 5 тыс. человек. «Дерзайте всенадежным упованием, таки размахав — да и в пламя! Накось диавол, мое тело, до души моей дела тебе нет», — одобрял Аввакум своих последователей.

Но не все следовали таким радикальным призывам. Тысячи и десятки тысяч людей предпочитали уйти от гонителей-«никониан»: одни отправлялись на север к берегам Белого моря; другие в леса за Волгу и дальше, в Сибирь; третьи предпочитали бегство за границу — в пределы Речи Посполитой.

Старообрядчество (староверие) — общее название для объединений русских православных духовных лиц и мирян, отказавшихся признать реформы патриарха Никона и сохранивших древние церковные установления и традиции. По данным Синода Русской православной церкви, в 1895 г. насчитывалось 13 млн старообрядцев, что составляло порядка 10% населения. Преследования старообрядцев продолжались вплоть до 1906 г., затем начались снова уже при советской власти.

Там основывались новые поселения и «скиты», ограждавшие старообрядцев от враждебного им мира, в них тщательно сохранялись старый уклад жизни, книги «дониконовой печати» и рукописи, среди которых было немало произведений средневековых книжников.

■ **Кризис традиционного общества.** Начавшийся раскол привел к падению авторитета духовной власти. Изменилось и отношение к светским властям. В челобитной служилых и торговых людей, составленной во время восстания летом 1648 г., подданные напоминали царю о том, что он «от Бога и всего народа был поставлен и избран государем и великим князем и тебе меч злым на казнь, а добрым на милость был вручен». Помнили об этом и сами монархи. Царевичей-наследников торжественно «являли» народу по достижении 14-летия, а само вступление на престол сопровождалось актом утверждения на Земском соборе.

Выборные «земские» государи в глазах подданных уже не обладали безусловным авторитетом своих предшественников. «Что де нынешние цари?» — толковали современники, на памяти которых были не только «выборы», но и недавние примеры бесславного свержения монархов. Самозванцы появлялись и после окончания Смуты, причем новые претенденты уже не были связаны с массовым движением в самой России и являлись скорее рассчитывавшими на заграничную помощь авантюристами, как объявившийся в Запорожье «сын» царя Алексея Михайловича Симеон, который написал «отцу», что его «хотели уморить думные бояре».

Да и в самой России дворяне XVII в. весьма непочтительно отзывались о царе — «старцевом сыне», а отца государя, патриарха Филарета, объявляли «вором», которого можно «избыть». Вместе с «природными» монархами в период Смуты исчезла и другая опора прежней традиции — многие «великие роды». В XVII в. в состав аристократии выдвигались новые, незнатные или «захудавшие» фамилии Нарышкиных, Лопухиных, Матвеевых, Матюшкиных, Стрешневых, что, в свою очередь, порождало в ней противоречия и борьбу за власть и влияние.

Царь Алексей Михайлович был дважды женат (на Марии Милославской и Наталье Нарышкиной) и оставил потомство по обеим линиям. С одной стороны, династию представляли немощные царевичи Федор, Иван и энергичная Софья с сестрами; с другой — маленькие Петр, Наталья и Феодора. Через несколько

лет умер болезненный царь Федор Алексеевич, не оставив потомства. Начался новый тур борьбы за власть придворных группировок вокруг малолетних наследников.

По официальной версии, патриарх и бояре «общим согласием всех чинов Московского государства людей» избрали в апреле 1682 г. царем Петра. На самом деле пока родственники Федора и Ивана Милославские находились близ умиравшего царя, сторонники Нарышкиных во главе с патриархом Иоакимом действовали быстро и решительно. Они добились, чтобы имя Петра выкрикнули собравшиеся на площади представители «разных чинов», и быстро привели к присяге новому царю бояр, приказных чиновников и стрельцов. В итоге противники Петра и Нарышкиных потерпели поражение, но не сложили оружия.

Расположенные в Москве 20 стрелецких полков (примерно 15 тыс. человек) были мощной и единственной организованной военной силой в руках правительства. Недовольство стрельцов неуплатой жалованья и произволом командиров было умело использовано отстраненной от власти «партией» во главе с честолюбивой **царевной Софьей** и боярином И. М. Милославским. Среди стрельцов распространялись по столице слухи об отравлении царя Федора, о боярах, которые «изменяют государству», и несправедливом отстранении старшего царевича Ивана.

15 мая 1682 г. стрельцы и солдаты по сигналу с оружием ворвались в Кремль. Восставшие потребовали выдачи бояр, виновных в гибели царевича Ивана, — им говорили, что Нарышкины его задушили. Но когда обоих братьев вывели на крыльцо и показали стрельцам, это их не остановило. В итоге первый и последний раз в истории страны восставшие захватили Кремль и удерживали власть в столице в течение нескольких месяцев. Правящая верхушка понесла тяжелые потери (40 убитых, среди них 6 бояр, в том числе братья царицы, и 2 думных дьяка) и была вынуждена удовлетворить все требования «бунтовщиков».

Виновных в злоупотреблениях командиров сослали или казнили, их имущество конфисковали, а стрельцы «с великою наглостию» получили из казны

огромную сумму — 240 тыс. рублей. Кроме того, они добились официального оправдания своих действий. В июне 1682 г. полки получили царские грамоты с гарантиями, чтоб их «бунтовщиками и изменниками не называли и без... государских имянных указов и без подлинного розыску их и всяких чинов людей никого бы в ссылку не ссылали»; текст этих грамот был помещен на специально воздвигнутом памятнике на Красной площади.

Царями были провозглашены оба брата; но на деле установилось «стрелецко-боярское двоевластие», которое сохранялось до конца лета 1682 г. Только в сентябре правительнице Софье удалось собрать под Москвой дворянское ополчение и принудить восставших к капитуляции на сравнительно мягких условиях: казнено было всего несколько человек, и даже по фактам убийства членов царской семьи следствие не заводилось. Одновременно Софья устранила и опасного соперника — заигрывавшего со стрельцами князя И. А. Хованского.

После усмирения стрельцов ситуация в «верхах» на несколько лет стабилизировалась, и власть перешла в руки близких к Софье лиц — боярина В. В. Голицына и преданного ей начальника Стрелецкого приказа неродовитого Федора Шакловитого. Князь **Василий Васильевич Голицын (1643–1713)** показал себя не только «галантом» царевны, но и серьезным государственным деятелем, ориентированным на реформы и сближение с Западом. Как «первый министр» он заключил Вечный мир с Речью Посполитой, вступил в коалицию европейских стран для борьбы с Османской империей (см. главу 6) и возглавил русскую армию в походах на Крым в 1687 и 1689 гг. Военных лавров князь не стяжал, но, по сообщениям иностранных дипломатов, разрабатывал планы преобразований, включавшие создание регулярной армии, подушной налоговой системы, ликвидацию государственных монополий и даже отмену крепостного права. Но осуществить задуманное ему не удалось.

В отечественной истории князь открывал собой плеяду официальных фаворитов при «дамских персонах», по-видимому, эта «должность» весьма негативно воспринималась еще не привыкшими к подобным ве-

щам современниками. К тому же он так и не смог создать в правящем кругу надежных креатур. Датский посол фон Горн сообщал о «взаимной ненависти и недоверии» и открытой борьбе придворных «партий»: патриарх Иоаким осуждал правительницу за то, что она лично осмелилась принять шведских послов; Голицын конфликтовал с Милославскими, противники князя распускали слух о подкупе его шведами. Странная конструкция верховной власти (вместе с именами царей-соправителей с 1686 г. в царском титуле появилось и имя Софьи) неизбежно должна была породить соперничество с «двором» молодого Петра. Реформы армии, привлечение иностранцев на службу, устройство первого российского университета вызывали неудовольствие церкви. Дорогостоящие и безуспешные Крымские походы подорвали авторитет правительства Софьи в армии.

Развязка наступила в ночь с 7 на 8 августа 1689 г., когда в Преображенское приехали двое стрельцов, уведомивших Петра о сборе по тревоге ратных людей в Кремле и на Лубянке. Испуганный царь с немногими людьми немедленно ускакал из своей резиденции и укрылся в укрепленном Троице-Сергиевом монастыре. Затем туда явились солдатские и стрелецкие полки; на стороне Петра оказались Дума, дворяне и патриарх. Развернулось следствие против верных Софье стрельцов. Шакловитый и его «сообщники» были казнены, и Петр отправил письмо брату с категоричным указанием насчет сестры: «Срамно, государь, при нашем совершенном возрасте тому зазорному лицу государством владеть мимо нас». Свергнутая правительница окончила свои дни в заточении в Новодевичьем монастыре под именем Сусанны.

Сам Петр, по-видимому, искренне верил в то, что его жизни угрожала серьезная опасность; но скорее всего дело обстояло как раз наоборот: Софья сама боялась нападения на Кремль и не давала санкций на активные действия против сторонников брата, а окружение Петра умело спровоцировало ситуацию и напугало царя доносами о якобы готовящемся покушении на его жизнь. Однако как бы ни квалифицировались события августа 1689 г. (заговор Софьи или захват власти сторонниками Петра), их вполне можно на-

звать настоящим дворцовым переворотом. То же определение приложимо и к периоду апреля—сентября 1682 г., когда борьба за власть сопровождалась выступлением стрельцов и посадских людей. Оставляя в стороне спор о народном или «антинародном» характере стрелецкого движения, можно попытаться наметить черты этого нового явления в политической жизни страны.

Итак, в конце XVII в. самодержавная власть впервые подверглась серьезным испытаниям при малолетних или неспособных к правлению монархах. Началась активная борьба за престол между соперничавшими группировками знати. При этом наличие реального выбора между равно законными претендентами создало такую ситуацию еще при старой системе престолонаследия, т. е. до петровского указа 1722 г., который в свое время рассматривался в качестве главной причины серии «революций» XVIII в.

Эти потрясения можно считать проявлением обозначившегося во второй половине XVII в. социально-политического кризиса, вызванного нарастанием военно-технического отставания России от передовых стран Европы: при Алексее Михайловиче железо уже приходилось ввозить из Швеции, а ружья для армии закупать в Голландии. Несомненный кризис переживали основные структуры российской государственной системы — мельчавшее поместное землевладение и организация служилых дворян по «городовым» полкам. Сближение поместья с вотчиной приводило к незаинтересованности помещиков служить с земли, а скупка и раздача земель в провинции разрушали корпоративную дворянскую общность соседей-дворян в уезде. Такая армия могла успешно воевать во время коротких походов недалеко от дома, откуда в дворянские полки и сотни поступали провиант и разные «запасы». Но долгие кампании во время войны 1654—1667 гг. показали неэффективность системы снабжения и недисциплинированность «сотен», где служилые люди спорили и «местничались» между собой.

Символом духовного кризиса стал не только церковный раскол, но и начавшийся в XVII в. процесс «обмирщения» культуры — утверждения новых свет-

ских форм и ценностей в литературе, живописи, архитектуре, общественной мысли.

Военные поражения и распад старой системы служилых «чинов» неизбежно порождали в правящих кругах как «реформаторские» настроения, так и решительную оппозицию последним. В конце XVII в. к этим проблемам добавились династические споры (при отсутствии четко определенных норм престолонаследия), которые до предела обострили существовавшие в «верхах» противоречия. А процесс бюрократизации и концентрации власти сопровождался ликвидацией или ослаблением прежних институтов, которые обеспечивали стабильность всей системы — Земских соборов и независимой церкви. В этих условиях политическая борьба приводила уже не только к смене лиц, но и к изменению политического курса.

Так, переворот 1689 г., утвердивший власть Петра, был, вопреки обычным представлениям, не победой молодого реформатора над косным боярством, а скорее *консервативной реакцией* на «западническую» политику правительства Софьи и Голицына. Не случайно его поддержал патриарх Иоаким, который уже через несколько дней после победы Петра потребовал высылки из России всех иноземцев. В начале 90-х гг. Петр I являлся скорее символом, чем реальным правителем. Все высшие посты были захвачены сторонниками и родственниками Нарышкиных (Т. Н. Стрешневым, Л. К. Нарышкиным, Б. А. Голицыным и др.), но уже через несколько лет повзрослевший царь привел к власти свою «команду» и приступил на рубеже веков к решительным преобразованиям.

ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ (XVIII — начало XX в.)

Глава 8
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ОТ ПЕТРА I ДО НИКОЛАЯ II

■ **Результаты преобразовательной деятельности Петра I.** В политической системе реформы Петра Великого стали логическим завершением тенденций развития государственности, которые наметились еще в так называемый московский период. Речь идет о феномене, который разные исследователи называют «восточным деспотизмом» (Л. С. Васильев, М. П. Павлова-Сильванская), «деспотическим самодержавием» (В. Б. Кобрин, А. Л. Юрганов, В. М. Панеях), третьи «универсальным государством как целью» (английский историк А. Тойнби) или «государством-обществом» (французский историк Ф. Бродель). Отдельные историки, правда, идентифицируют политический строй России сложнее: в XVIII в. как дворянскую патерналистскую монархию, основанную на лидирующих позициях дворянства в социальной организации и на государственной службе, а также на попечительских функциях монарха по отношению ко всем подданным; в XIX в. как «правомерную монархию» –

низшую ступень правового государства, в котором управление строится на основании закона, но власть находится в руках бюрократии при отсутствии или самом скудном участии общественных представителей (Б. Н. Миронов).

Тем не менее какие бы особенности государственно-политического строя ни учитывали эти и другие определения, их общую основу составляет признание нескольких основополагающих позиций. Во-первых, государство в рамках такой модели выступает по отношению к социуму как самодовлеющая сила, а представители власти соединяют в себе сразу несколько функций — правителей, наставников. Выражением полной подчиненности общества государству стало огосударствление (этатизация) всех элементов общественного сектора. Любая социальная активность личности или коллектива могла развиваться только в русле государственного служения и только при опоре на те или иные звенья государственного аппарата. Исключением служили лишь низовые автономные коллективы вроде крестьянских сельских общин, сословно-корпоративные организации – органы дворянского самоуправления, учрежденные в 1785 г. Государственную монополию власти впервые подорвали лишь земские и городские учреждения, созданные в ходе «великих реформ» 60—70-х гг. XIX в.

Во-вторых, для такой политической системы характерны глубокие структурные нарушения в области права, в частности, в регулировании отношений власти и собственности.

В-третьих, значительное влияние в государстве приобретают политическая полиция и карательные органы, непосредственно подотчетные главе государства.

В-четвертых, это милитаризация государственного аппарата и распространение военных принципов на сферу гражданской жизни. Армия становится не только эталоном для организации общества, но и своего рода «кузницей» кадров для всего бюрократического корпуса.

В-пятых, главной социальной опорой власти и проводником реформ стала бюрократия, динамика роста которой в XVIII—XIX вв. значительно опере-

жала показатели прироста населения в масштабах всей страны.

Преобразования Петра I сильно изменили характер и структуру политической системы России. Прежде всего, другим стало представление об объеме и правах верховной власти. Власть российских самодержцев до Петра I все же имела ряд ограничений. Например, таким ограничением служил «закон», или «чин», под которым подразумевался закрепленный традицией уклад жизни. В. О. Ключевский отмечал, что «московский царь имел обширную власть над лицами, но не над порядком». Кроме того, государственные институты, обрамлявшие верховную власть, — Земский собор, Боярская дума, Освященный собор — соучаствовали в управлении и законодательной работе. Наконец, отдельные монархи в XVII в. давали крестоцеловальные записи, содержавшие те или иные гарантии подданным.

Эти обычаи решительно перечеркнул Петр I, противопоставив им собственную формулу власти: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах отчету дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять». Подданным вменялось в обязанность «все от самодержца повелеваемое без роптания и прекословия творити» (Феофан Прокопович. «Правда воли монаршей», 1722 г.). Эта схема оставалась практически неизменной и весь XIX в., когда верховная власть в России, несмотря на стремление к правовому обоснованию предпринимаемых действий, обходилась даже без формального юридического ограничения своих полномочий. Одним из выражений этого узаконенного Петром I произвола верховной власти стал указ от 5 февраля 1722 г., отменявший прежнюю традицию престолонаследия и утверждавший право монарха самому назначать себе преемника. С этим указом, который, по оценке В. О. Ключевского, повернул государственное право России вспять, на вотчинную колею, многие политические деятели и историки связывали последующие потрясения трона.

Обоснование неограниченной власти самодержца осуществлялось через сакрализацию (придание свя-

щенного статуса) царской власти и присвоение ей особой харизмы, опосредованные ликвидацией в 1721 г. патриаршества и объявлением Петром I себя «крайним судией» духовной коллегии — Синода. Немалое значение имели и теория метаморфозиса — преображения России под благотворным воздействием Петра I, и личный культ монарха. Главный идеолог петровского времени Феофан Прокопович теоретически обосновывал всемогущество самодержавной власти. Воспитанник римской иезуитской коллегии, Прокопович соединял в своих рассуждениях все известные ему европейские учения о правах монарха. Используя идеи теоретиков школы естественного права абсолютистского направления — Г. Гроция, С. Пуффендорфа, Прокопович провозглашал такие прерогативы власти, как независимость и неподотчетность (не подлежит человеческому суду и наказанию), надзаконность (сама является источником законов), священность и неприкосновенность, единство и нераздельность. Эти исключительные свойства возводились к двум источникам — богоустановленности («Богом бо царие царствуют») и общественному договору («всенародному намерению»), которым «монархия введена и содержима быть разумеется». Но в отличие от своих европейских учителей, толковавших об отдельных индивидах, жертвующих собственные исконные права правителю, Прокопович имел в виду не индивидуальное, а коллективное отчуждение собственных прав в пользу монарха.

В многочисленных законодательных актах Петра I и сочинениях его сподвижников разработаны и другие теоретические положения, составившие ядро новой доктрины. Это, прежде всего, идея «общей пользы», или «всеобщего блага», подразумевавшая широкий спектр мер по всестороннему упрочению государства. Этой идее почти полностью соответствовало другое понятие — «государственного интереса». Таким образом, идеология петровского времени ставила знак равенства между государственными и общественными интересами. Данные идеи уточнялись по отношению к каждому из сословий. От крестьян «общая польза» требовала исправных занятий хлебопа-

шеством (подобно «артерии», крестьяне питали все государство) и исполнения государственного тягла, включая уплату подушной подати и несение рекрутской повинности. Для горожан это означало активное участие в развитии торговли и промышленности, уплату податей, поставку рекрутов, содержание госпиталей, сиротских домов, постойную повинность. Для дворян — обязательную государственную службу на военном или гражданском поприще, овладение необходимыми для того знаниями и навыками. Не было обойдено вниманием и духовенство: ему вменялась в обязанность не только забота о нравственном здоровье народа, но и содержание за свой счет увечных и дряхлых воинов, а для монастырей — училищ. Идеологические выкладки Петра I, таким образом, были нацелены на максимально полную мобилизацию всего общества на службу государству.

Перестройка государственного здания в первой четверти XVIII в. проводилась не планомерно, а по мере возникновения потребностей. При этом Петр I не мог опираться на пример проведения крупномасштабных реформ в странах с догоняющим типом развития (в Турции, Японии и других незападных странах мира они были проведены много позже). Отсюда вытекала необходимость ориентироваться на опыт развитых стран — Швеции, Франции, приспосабливая его к местным условиям. Вместе с тем реформы в России достаточно полно отразили основные принципы проведения так называемых неорганических модернизаций.

В обобщенном виде эти принципы включали: ***рационализацию*** — необходимость введения разумных, целесообразных правил и норм, определяющих порядок деятельности любого государственного учреждения, ***унификацию***, т. е. введение единообразия в структуре, штатах, приемах работы однотипных учреждений, ***централизацию*** и ***дифференциацию*** функций аппарата управления. (См.: *Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России. Сравнительно-историческое исследование. М., 1994. С. 48.)

Реформы власти и управления охватили все уровни: высший, центральный, местный. В **1711 г.**, отправляясь в Прутский поход, Петр I учредил *Правительствующий сенат* из девяти персон. Это был высший орган, он заменил Боярскую думу, переставшую собираться уже в начале XVIII в. Первоначально Сенат задумывался царем как временный орган, действующий в период «отлучек наших». Круг его обязанностей не был четко обозначен. В 1718 г. в состав Сената были включены по должности руководители коллегий — вновь учрежденных органов центральной власти. С 1722 г. в состав Сената могли входить те из сановников высшего ранга, которые не являлись руководителями центральных ведомств. Прежний принцип комплектования был признан ошибочным на основании вполне рационального довода: собранные в Сенате руководители коллегий вряд ли могли эффективно контролировать собственную же работу. С этого времени Сенат становится постоянным совещательно-распорядительным органом. Ему был поручен контроль за правосудием, а также предоставлены права высшей апелляционной инстанции (за попытку обжалования его приговора предусматривалась смертная казнь). Кроме того, в круг обязанностей Сената входил контроль за деятельностью центрального и местного управления, заведование государственным хозяйством, проведение ревизий, рекрутских наборов, межевания земли, изыскание новых доходов для казны, устройство продовольственных магазинов и складов, борьба со стихийными бедствиями и т. д.

Сообразно с направлениями деятельности в структуре Сената создавались два отделения: Расправная палата по судебным делам и Сенатская контора по вопросам управления. Кроме того, в конце петровского правления в состав Сената вошли две вспомогательные службы: Герольдмейстерская контора, или Герольдия, заменившая упраздненный Разрядный приказ (в ее компетенцию входил учет всех дворян, регистрация их служебных назначений и перемещений, а также разработка дворянских гербовников), и Рекетмейстерская контора (она занималась приемом и разбором жалоб на коллегии и канцелярии, проверкой основательности апелляций).

Особое место в системе Сената отводилось фискалам и прокуратуре. Эти органы осуществляли общий надзор за работой всего бюрократического аппарата, за поведением граждан, выявляя все то, что «во вред государственному интересу быть может». Должность фискалов была введена как на местном, так и на центральном уровнях. В виде вознаграждения фискал получал половину конфискованного у изобличенного им преступника имущества. Бездоказательное обвинение списывалось на «производственный брак» и фактически сходило фискалу с рук. В конце 1720-х гг. институт фискалов был упразднен, а его кадры частично влились в состав прокуратуры.

Должность прокурора была введена Петром I в 1722 г. в коллегиях и канцеляриях, во главе Сената был поставлен *генерал-прокурор*. Прокуратура учреждалась в целях предупреждения и оперативного реагирования на правонарушения. Генерал-прокурор рассматривался «яко око» императора и «стряпчий о делах государственных». Его должность в чиновной иерархии занимала первое место. Он отвечал за организацию надзора в государстве; будучи первым среди равных, направлял работу коллег-сенаторов, руководил сенатской канцелярией. С течением времени власть генерал-прокурора выросла до объема, который и не закладывался в учредительных актах Петра I. С середины XVIII в. и до начала XIX в. он фактически сосредоточил в своих руках руководство тремя отраслями управления — финансов, внутренних дел и юстиции. На протяжении всего XVIII в. генерал-прокуроры менялись нечасто — на этот высокий пост назначались лица, пользующиеся личным доверием монарха и способные нести тяжелое бремя служебной ответственности. Первым генерал-прокурором был Павел Иванович Ягужинский.

Причина последовательного усиления роли генерал-прокурора заключалась в стремлении верховной власти влиять с его помощью на сенаторов, умеряя их амбиции и поползновения к самоуправству. Потенциальную склонность сенаторов к проявлению независимости или даже оппозиционности предвидел и Петр I, поэтому он не внес должность сенатора в номенклатуру должностных лиц Табели о рангах. Не-

смотря на то что Сенат не был законодательным органом, в отдельные периоды, например при **Елизавете Петровне (1741—1761)**, он напористо вторгался в законотворческую сферу: подавляющее большинство законодательных актов императрицы возникло по его инициативе. Зачастую законотворческая роль Сената выступала в скрытых формах: в процедуре толкования законов, а также в удачно найденном (в условиях межведомственной волокиты) варианте — вынесении решения, имевшего нормативное значение вплоть до появления соответствующего высочайшего указа. Подобные прецеденты способствовали формированию концепции перехода политического суверенитета в периоды междуцарствия к Сенату, с последующим делегированием властных полномочий монарху. Эта идея была популярна среди высших сановников империи в последний год жизни Елизаветы Петровны. Подобный план, тяготевший к признанию правового приоритета сенаторской коллегии над верховной властью в момент ее легитимации, был отвергнут преемником Елизаветы Петровны. Однако сама мысль о расширении полномочий Сената, в том числе о превращении его в политическое представительство всего дворянства, оказалась на редкость живучей в среде либерального дворянства.

При Петре I был создан также личный кабинет монарха, который в 1704 г. унаследовал некоторые функции Преображенского приказа и ближней канцелярии Боярской думы. Кабинет был преобразован в личную канцелярию царя, ведавшую его перепиской, в том числе внешнеполитической, учетом финансовых поступлений в личный доход и представлениями к должностям и наградам. Здесь составлялись акты, подлежащие публикации от имени монарха. Наряду с Сенатом, хотя и в несравненно меньшем объеме, Кабинет вырабатывал правительственный курс и следил за его проведением в жизнь. Как и генерал-прокурор Сената, кабинет-секретарь обладал огромным влиянием в бюрократической среде и стал объектом «искательств» со стороны мелких и крупных чиновников, частных лиц.

В 1717—1718 гг. проводилась перестройка центрального аппарата управления. В основу ее был поло-

жен принцип камерализма, заимствованный из опыта европейских стран.

Камерализм — это организация центральных учреждений путем четкого разграничения их функций по отраслям управления. (*Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 128.)

Были созданы новые учреждения — *коллегии*, имевшие одинаковое штатное расписание и общие принципы работы. В их ведении находились общегосударственные вопросы. Во главе коллегий стоял президент, который в отличие от судьи старого приказа не распоряжался единолично в своем ведомстве. Гарантией от начальственного произвола служили коллегиальное обсуждение всех рассматриваемых вопросов и вынесение окончательного решения большинством голосов. Членами присутствия, или чиновниками с правом голоса, являлись вице-президент, четыре советника коллегии, четыре коллежских асессора (заседателя). Текущую техническую работу выполняли секретарь и так называемые приказные, или канцелярские служители. В некоторые коллегии в качестве экспертов назначались также советник и секретарь из иноземцев. Первоначально коллегий было немного, но в начале 1720-х гг. их список расширился. Тремя главными считались коллегия Иностранных дел, Военная, Адмиралтейская (ведавшая делами флота). Финансами занимались три другие коллегии — Камер-коллегия (ведала казенными сборами), Штатс-контор-коллегия (курировала государственные расходы), Ревизион-коллегия (вела учет государственных расходов), две коллегии — Берг и Мануфактур — руководили промышленностью, первая — металлургическими заводами, вторая — предприятиями легкой промышленности. Коммерц-коллегия направляла внешнюю торговлю. Юстиц-коллегия ведала надворными и нижними судами, регистрировала различные частные акты (купчие, долговые обязательства, доверенности, завещания, документы о продаже вотчин и т. п.). Вотчинная коллегия, во многом перенявшая

функции упраздненного Поместного приказа, разбирала земельные тяжбы, оформляла сделки на куплю и продажу земли и крепостных крестьян, вела дела о выморочных имениях, беглых крестьянах и т. п. В **1721 г.** была создана *Духовная коллегия*, или Синод. Этот орган занял место патриаршего престола, фактически упраздненного Петром I еще раньше. Отныне церковные дела решались государственными чиновниками, назначаемыми из духовных лиц (а иногда и из светских), включенными в те же дисциплинарные рамки, что и вся остальная бюрократия. По типу коллегии был устроен Главный магистрат, управлявший посадским населением и руководивший местными магистратами. Единственным отличием Главного магистрата от других коллегий являлся его выборный состав. В него входили представители высших торгово-промышленных корпораций города, и только обер-президент и президент являлись коронными (правительственными) чиновниками.

Все новые центральные учреждения опирались в своей работе на *Генеральный регламент* (1720) — свод правил, разработанных Петром I. Позже общие основы деятельности были уточнены применительно к каждой коллегии в особом, к ней относящемся регламенте. Коллежская реформа Петра I была также и попыткой отделить управление от суда, что стало важным шагом навстречу утверждению принципа разделения властей.

В 1708—1709 гг. была начата реформа местных органов власти. Территория страны была разделена на 8 неравнозначных по размерам *губерний*. Позже их количество было доведено до 11. В результате областных реформ 1708 г. и 1719 г. сложилось трехчленное административно-территориальное деление: губерния — провинция — уезд. Во главе губерний стояли губернаторы. При губернаторе действовали ландратские советы из 8—12 человек, избиравшиеся дворянством губернии. Совет ландратов рассматривался как необходимый противовес чрезмерному развитию личного начала в управлении губерний. При губернаторе также учреждалось губернское правление в составе ландрихтера — губернского судьи (с 1719 г. его заменил надворный суд), обер-комиссара,

ведавшего финансами, обер-провиантмейстера, заведовавшего хлебными запасами для армии, и управителя дворцовыми имениями.

Во главе *провинций*, число которых в 1719 г. достигло 50, стояли воеводы, при которых создавались земские канцелярии. С 1719 г. на провинции был перенесен центр тяжести в областном управлении, поэтому наиболее важные из них получили управление, аналогичное губернскому с генерал-губернатором во главе. *Уездное* управление представляли земские комиссары — выборные из числа местного дворянства. Связь с высшими органами, в частности с Сенатом, осуществлялась через губернских комиссаров.

Несмотря на старания Петра I обеспечить стройную систему управления сверху донизу, многие областные учреждения в отличие от центральных едва пережили их создателя. Это было вызвано, во-первых, трудностями с кадрами — постоянный дефицит подготовленных чиновников еще резче проявлялся на местном уровне. Во-вторых, перегруженность налогами податного населения, особенно после 1725 г., делала весьма проблематичным дальнейшее содержание дорогостоящего местного бюрократического аппарата. В-третьих, в общественном сознании даже высших сословий была глубоко укоренена неприязнь к службе по выборам: этот феномен объясняет быстрое свертывание эксперимента Петра I с советом ландратов. Наконец, государственные нововведения Петра I, в частности его областная реформа, стали после его смерти объектом ожесточенной критики со стороны отдельных политических группировок при дворе.

■ **От Екатерины I до Павла I.** Смерть Петра Великого дала толчок оживлению политической борьбы в верхах. Его вдова **Екатерина I (1725—1727)**, пришедшая к власти при помощи группировки А. Д. Меншикова и гвардейских полков, не обладала ни талантами, ни энергией своего супруга. Поэтому при ней попечение о государственных делах сосредотачивается в *Верховном тайном совете*. Создание этого органа в 1726 г. во многом было подготовлено всем предшествующим государственным строительством. Еще Петр I склонялся к мысли создать наряду с

Сенатом высший орган, который мог бы оперативно решать множество накопившихся дел. Первоначально в состав Совета вошли представители знати, обязанной своим возвышением Петру I (президент Адмиралтейств-коллегии Ф. М. Апраксин, канцлер Г. И. Головкин, руководитель Тайной канцелярии П. А. Толстой, А. Д. Меншиков), выходец из Вестфалии дипломат А. И. Остерман, а также президент Камер-коллегии князь Д. М. Голицын — единственный представитель старой родовой аристократии. Таким образом, ни персональный состав, ни деятельность Совета не позволяют оценивать его как олигархический орган, открывший возможности для реванша ущемленных аристократических фамилий. Совет находился под личным контролем императрицы и ее кабинета, возглавляемого многоопытным секретарем А. В. Макаровым.

В Верховном тайном совете сосредоточились дела, которые были признаны «вящей важности и о чем уставу и определения не имеется», т. е. дела, которые требовали законодательного регулирования. Верховники во главе с Меншиковым развили бурную деятельность по корректировке петровского наследия в сфере государственного управления. Не отказываясь от сути преобразований Петра I, они попытались упростить структуру центральных и местных органов власти и уменьшить расходы на управление. Некоторые коллегии были расформированы и слиты с другими. Объединены Камер- и Штатс-контор-коллегия, а также Мануфактур-, Берг- и Коммерц-коллегии. Были ликвидированы местные магистраты, Главный магистрат; судебная и административная власть в губерниях передана губернаторам, а в провинциях и уездах — воеводам. Резко упала роль Сената. Из безапелляционной судебной инстанции он превратился в подапелляционную, на которую разрешалось подавать жалобы в Верховный тайный совет, снизилось его участие в осуществлении государственного надзора. Из его ведения были изъяты три главные коллегии, наиболее тяжкие преступления теперь рассматривались не в сенатском суде, а в Совете.

Эти тенденции в развитии государственного аппарата характеризовали и кратковременное правление вну-

ка Петра Великого – **Петра II (1727–1730)**. Единственное изменение, произошедшее при нем, коснулось персонального состава Совета. В сентябре 1727 г. Меншиков, утративший фавор у императора и преданный ближайшими соратниками, был лишен всех должностей, имущества и сослан в сибирский городок Березов. После падения Меншикова в Совет вошли новые фавориты – князья В. Л. и А. Г. Долгорукие, принадлежавшие к старой московской знати. Усиление влияния верховников, помноженное на обширную власть Совета, породило желание ограничить самодержавие. После скоропостижной смерти Петра II в январе 1730 г. верховники решили пригласить на престол вдовствующую курляндскую герцогиню Анну Иоанновну, навязав ей ограничительные условия правления – так называемые Кондиции. Однако контрпереворот, осуществленный в феврале 1730 г. **Анной Иоанновной**, перечеркнул эти планы.

В ее царствование **(1730–1740)** был создан *Кабинет министров* (1731), орган, во многом повторивший структуру и компетенцию Верховного тайного совета. Два бывших верховника – А. И. Остерман и Г. И. Головкин – были включены в состав Кабинета. Остальные верховники – участники провалившейся «затейки» января–февраля 1730 г. были переведены в Сенат, а во второй половине 30-х гг. под разными предлогами удалены от службы. В Кабинет входили действительный тайный советник князь А. М. Черкасский, П. И. Ягужинский, А. П. Волынский, А. П. Бестужев-Рюмин. Подмяв под себя Сенат, Синод и коллегии, Кабинет повторил путь Совета. С середины 30-х гг. три подписи кабинет-министров были приравнены к подписи императрицы. Сенат в 1730 г. был разделен на департаменты с назначением каждому особой группы дел. В практику был введен обычай еженедельной подачи сенатских рапортов императрице с перечнем решенных дел, а также дел, требовавших особой монаршей резолюции. Тем самым была установлена более строгая подотчетность сенаторов верховной власти.

При **Елизавете Петровне (1741–1761)** был провозглашен курс на реставрацию учреждений и норм государственного управления, сложившихся при Петре I.

В 1741 г. Сенату возвращались права и полномочия, отобранные у него в предшествующие царствования. В сферу его компетенции снова вошли дела по внутреннему управлению, суду и надзору. Тем не менее Елизавета Петровна так же, как и ее предшественники, в дополнение к Сенату поспешила учредить императорский Совет. В таком качестве в 40-е гг. действовал так называемый Совет одиннадцати, известный еще и под названием «собрание министров и генералитета». В 1756 г. была учреждена Конференция при высочайшем дворе. В основу ее деятельности была положена программа противодействия Пруссии, с которой Россия вела Семилетнюю войну. Кроме того, продолжительные военные действия, требовавшие привлечения все новых и новых ресурсов, привели к расширению полномочий Конференции. В ее ведении находились руководство армией, финансы, кадровые вопросы, а также дела, превышающие компетенцию Сената. В состав Конференции входили руководители внешнеполитического ведомства М. И. Воронцов и А. П. Бестужев-Рюмин, генерал-прокурор Сената Н. Ю. Трубецкой, генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) П. И. Шувалов, руководитель Тайной канцелярии А. И. Шувалов. Как и ее исторические прототипы, Конференция стремилась концентрировать в себе всю высшую правительственную власть. Она настойчиво пыталась придать своим «экстрактам из протоколов» (документам, при помощи которых она вела деловую переписку с другими учреждениями) силу высочайших рескриптов. Тем не менее характеристика царствования Елизаветы Петровны как «правления собранных в Сенате сановников», данная одним из исследователей, остается справедливой для большей части периода 1741—1761 гг.

Приход к власти Петра III в конце 1761 г. отчасти изменил баланс сил между высшими органами власти. Согласно указу императора от 22 января 1762 г. Сенат ограничивался в своих правах. Сенаторской коллегии запрещалось принимать резолюции, касающиеся лишения жизни, чести и имущества осужденных лиц, раздачи денежных наград свыше 10 тыс. рублей, награждения деревнями и чинами выше полковника. Указ устанавливал более строгий контроль за

исполнением сенаторами устных распоряжений императора. В июне 1762 г. Сенат лишился права издания от собственного имени указов, подтверждающих или разъясняющих положения закона. Вопреки первоначальному намерению Петра III не создавать «никакого особливого совета или конференции», он все же не изменил традиции своих предшественников и 18 мая 1762 г. учредил императорский Совет. В него были включены наиболее близкие ему лица (дядя герцог Георг Голштинский, генерал-фельдмаршал Б. Х. Миних, канцлер М. И. Воронцов и некоторые другие). Оценивая итоги развития высшей государственности послепетровской России, фельдмаршал Б. Х. Миних в начале правления Екатерины II утверждал: «В предшествующие царствования образ правления Российской империи не был определен, и пустота, существовавшая между верховной властью и властью Сената, была восполнена недостаточно и притом лицами, все заслуги которых заключались в их фаворе и которые злоупотребляли оказываемым им доверием в ущерб государству». (Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874. С. 95.)

Пришедшая к власти в результате дворцового переворота 28 июня 1762 г. **Екатерина II (1762—1796)** на первых порах пыталась дистанцироваться от практики насаждения фаворитизма в сфере управления. Высокопоставленному чиновнику Н. И. Панину она поручила разработку проекта создания нового императорского Совета. Проект Панина, резюмировавший предшествующий опыт, предусматривал институционализацию этого органа и подведение под его деятельность правовой базы, а главное — наделение его законосовещательными правами. Несмотря на то что и обновленный Совет оставался бюрократическим органом, полностью зависимым от высочайшей воли, он приобретал более прочный статус и широкие возможности влиять на ход государственных дел. По-видимому, Екатерина II менее всего желала этого и откладывала вопрос о создании нового органа. Тем не менее он, хотя и неофициально, возник в феврале 1763 г. под названием Комиссия о сословных правах дворянства (в нее вошли те самые восемь сановников, которых императрица хотела назначить в император-

ский Совет). В апреле 1763 г. эта Комиссия получила новое задание — разработать план проведения сенатской реформы. Сановники, которых прочили в члены императорского Совета, попытались использовать предоставленные им полномочия для лоббирования фундаментальных (т. е. не подлежащих отмене и пересмотру) прав дворянства и превращения Сената в гаранта таких прав. Результат работы Комиссии еще раз убедил Екатерину II, не желавшую поступаться какими бы то ни было прерогативами самодержавия, отказаться от панинского проекта. Но предложениями Панина о четком функциональном разделении Сената на департаменты для ускорения делопроизводства она воспользовалась. В декабре 1763 г. в Сенате было создано 6 департаментов, четыре из которых размещались в Петербурге, а два — в Москве. Отныне все текущие дела решались в соответствующем департаменте единогласным постановлением всех его членов, а в общем собрании сенаторов обсуждались только те вопросы, по которым не удалось достичь согласия. Сенат был ограничен рамками административных занятий и лишен права принимать постановления, имевшие нормативный характер. В результате персональных назначений в департаменты зачастую попадали идейные противники, разрушалось единство сенаторской корпорации. С середины 60-х гг. XVIII в. в практику кадровой политики прочно вошел принцип почетной ссылки в Сенат неугодных администраторов.

Разработка законодательных актов сосредоточивается при Екатерине II в различных комиссиях, создаваемых на время для решения конкретной проблемы. Такими были комиссии коммерции, церковных имуществ, воинская. Это дало некоторым исследователям основание говорить о возрождении во второй половине XVIII в. старого административно-приказного начала. Подобным органом был Военный совет, образованный при Дворе в период Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В отличие от предшествующих императорских советов он не пользовался сколько-нибудь значительной властью, а являлся, главным образом, местом, куда стекалась дипломатическая переписка, военные донесения и законодательные акты, подпи-

санные императрицей. Работа Совета была возобновлена в годы Русско-турецкой войны 1788—1791 гг.

Наиболее загадочное и спорное начинание Екатерины II в сфере высшей государственности связано с созывом Комиссии о составлении проекта нового Уложения. Комиссия, в которую вошли выборные депутаты от «свободных» сословий, начала работу в 1767 г. В 1769 г. под предлогом тяжелой войны с Турцией она была распущена, но как бюрократическая инстанция просуществовала вплоть до конца правления Екатерины II. В наиболее оживленный период работы Комиссии в ее состав входило 564 депутата, 28 из которых представляли государственные учреждения, 161 — дворянство, 208 — города, 167 — крестьян (кроме владельческих). Маршалом Комиссии был избран А. И. Бибиков. Она была призвана учесть веяния эпохи первоначального накопления капитала (разумеется, по-разному выраженные в странах с разными уровнями развития экономики) в деятельности правовых и государственных институтов.

В первую очередь предметом внимания правительства стало оформление государственного права, полномочий верховной власти и высших государственных органов. Вся полнота законодательной, судебной и административной власти признавалась прерогативой монарха. В законодательстве провозглашался принцип формального равенства граждан — подданных монарха, не отменяющий, однако, сословного неравенства и привилегий дворянства. Эти положения получили подробную разработку в Наказе Уложенной комиссии, составленном Екатериной II.

Пользуясь трудами французских просветителей, в первую очередь Ш. Монтескье, российская императрица пыталась обновить традиционную систему самодержавия. Она соглашалась с Монтескье в том, что власть не должна быть сосредоточена в руках одного лица или одного органа. Однако, в отличие от французского автора, имевшего в виду учреждение «посредствующих властей» в лице сословных организаций, независимых от монарха, она отводила такую роль бюрократическим инстанциям. Ни принцип разделения властей, ни установление пределов верхов-

ной власти не предусматривались. Все ограничения, предложенные в Наказе, были рассчитаны на просвещенную личность монарха. Общее благо объявлялось целью существования государственной власти. В отличие от доктрины петровского времени оно расценивалось не только как благо всех (т. е. неопределенного множества), но и «каждого особенно». Эта позиция соответствовала девизу Уложенной комиссии — «блаженство всех и каждого». Но, как и в случае с правовым регулированием принципов верховной власти, эта констатация не предусматривала каких-либо практических следствий. Из Наказа была выхолощена идея «вольности», т. е. политической свободы. Он оставлял в неприкосновенности сословный строй общества, оправдывая его «естественным» разделением по степени важности трудов подданных. В частности, первенствующее положение дворянства объяснялось закономерным вознаграждением за его вклад в процветание Российского государства.

Означает ли все это, что политика просвещенного абсолютизма сводилась к сплошной демагогии и не имела никаких положительных результатов? Думается, что нет. В рамках этой политики были подготовлены прогрессивные судебные реформы, установившие точную компетенцию судов всех рангов, устранившие инквизиционные процедуры из следствия. Политика просвещенного абсолютизма была нацелена на оживление общественной активности и даже поощрение элементов самоорганизации в деле пропаганды передовых хозяйственных навыков и знаний. Наиболее ярким примером такого рода начинаний явилось учреждение в 1765 г. Вольного экономического общества.

Наиболее существенные коррективы во второй половине XVIII в. были внесены в систему управления. В 1764 г. Екатерина II издала «Наставление губернаторам», ставшее прологом широкой областной реформы.

Губернатор освобождался от опеки со стороны коллегий и переводился в прямое подчинение Сената и императрицы. В соответствии с *губернской реформой* **1775 г.** вместо прежнего трехуровневого административно-территориального устройства (губерния — про-

винция — уезд) вводилось новое: *губерния* с населением в 300—400 тыс. ревизских душ и *уезд* с населением в 20—30 тыс. Число губерний к концу царствования Екатерины II достигло 50. Столичные губернии, а также крупные регионы из 2—3 губерний составляли наместничества во главе с генерал-губернатором. Губернатор опирался на вспомогательный орган — губернское правление. Ему предоставлялись широкие полномочия вплоть до права «представления» (т. е. права прямого обращения) в Сенат в связи с несовершенством тех или иных положений закона. Екатерининское Учреждение о губерниях преследовало цель перенести силу тяжести государственного управления на места, разгрузив таким образом политический центр. Наместническое правление, палаты уголовного и гражданского суда, Казенная палата в губернии и Казначейство в уезде заняли место соответствующих центральных органов власти. По мере претворения в жизнь губернского проекта императрицы исчезли большинство коллегий и некоторые другие правительственные заведения. Сохранились только четыре коллегии: Военная, Адмиралтейская, Иностранных дел и Медицинская.

Реформа 1775 г. приближала управляющих к управляемым: губернские присутственные места заполнялись [illegible] местными жителями, что увеличивало их заинтересованность в результатах. Была сделана попытка отделения судебных органов от административных и использования выборных элементов в заполнении открываемых вакансий. По этим причинам многие из новообразованных учреждений с некоторыми коррективами пережили екатерининскую эпоху.

«Учреждения для управления губерний» вводили трехъярусную систему выборных судебно-сословных учреждений. Для дворян учреждался уездный суд и верхний земский суд в губернии; для горожан — городской и губернский магистраты; для государственных крестьян — нижняя расправа в уезде и верхняя расправа в губернии (крепостные оставались под юрисдикцией помещика). Нижний земский суд в составе двух заседателей и земского исправника (капитан-исправника) выполнял административно-поли-

цейские функции, а в городе эти обязанности возлагались на городничего. Кроме того, в губерниях создавался *совестный суд* из представителей трех сословий (дворян, горожан и крестьян), выполнявший роль примирительной или третейской инстанции при разборе сложных уголовных дел. Большая часть должностей заполнялась выборными представителями дворянства.

Недостатком реформы, как показала практика, стало искусственное деление территории на губернии — стремясь унифицировать демографические характеристики, инициаторы реформы часто пренебрегали их интеграционным единством. Реформа 1775 г. усилила роль *наместника* — отныне добросовестное обслуживание государственных интересов на местах целиком зависело от воли и личных качеств главного доверенного лица императрицы. Все эти вместе взятые издержки реформы обусловили ее довольно непоследовательную реализацию. По словам крупнейшего отечественного знатока государственных учреждений России Н. П. Ерошкина, децентрализация, проведенная Екатериной II, входила в «глубокое противоречие с верховной властью, которая всегда предпочитала строгую централизацию управления, бюрократизм и регламентацию». Поэтому, решив задачу укрепления аппарата власти на местах, правительство с конца 90-х гг. возвращается к прежней традиции усиления центра.

В исторической литературе реформа 1775 г. нередко связывается с укреплением диктатуры дворянства на местах. Однако следует иметь в виду, что ответственные должностные лица проходили строгий государственный контроль: выборные представители дворянства должны были иметь военный или гражданский чин, они утверждались губернатором и на время исполнения должности (уряда) по сути становились коронными чиновниками. Кроме того, председатели палат уголовного и гражданского суда, а также совестные судьи отбирались Сенатом из числа двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов. (*Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. С. 430.)

В 1785 г. в соответствии с «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи» было перестроено управление в городах. Вводилось *городское самоуправление*, хотя и довольно ограниченное. Городское собрание избирало городского голову и представителей судебных учреждений.

Распорядительным органом стала собиравшаяся раз в три года общая городская дума. В ней были представлены городской голова и так называемые гласные — депутаты от шести разрядов городского населения: владельцев недвижимой собственности в черте города; купцов трех гильдий; цеховых ремесленников; русских и иностранных специалистов, приписанных к городу по своим торгово-промышленным занятиям, но не проживающих в нем; «именитых граждан» — большой группы лиц, отслуживших по выборам, коммерсантов, разночинской интеллигенции; посадских жителей.

Между собраниями городской думы ее обязанности исполняла шестигласная дума, включавшая по одному гласному от каждого из шести разрядов населения. Сохранялся городской магистрат, выбиравшийся местным купечеством и мещанством и выполнявший судебные и некоторые административные функции. Он подчинялся губернскому магистрату, который также контролировал органы городского самоуправления. Все выборные городские органы подвергались опеке бюрократической пирамиды властей.

В правление **Павла I (1796—1801)** политическая система России эволюционировала в сторону максимальной централизации управления и укрепления монархических порядков. Пытаясь противостоять революционным веяниям с Запада, Павел I сделал ставку на обновленную идеологию самодержавия. Это проявилось в насаждении специфической доктрины, в которой присутствовали и теория божественного происхождения царской власти, и идея преемственности от властодержцев древних империй, и элементы рыцарской консервативной утопии. В 1798 г. после принятия им под свое покровительство ордена св. Иоанна Иерусалимского в официальный титул императора было включено наименование магистра этого ордена, а в государственный герб — мальтийская символика.

Для всех сословий была установлена обязанность подчеркнутого выражения верноподданнических чувств, в том числе требование выходить из экипажа при встрече с императором.

Стремясь защитить власть от угрозы дворцовых переворотов, 5 апреля 1797 г., в день своей коронации, Павел I опубликовал Закон о престолонаследии. Отныне преемственность власти в правящей династии утверждалась по мужской нисходящей линии. Было принято и Учреждение об императорской фамилии. Императорский дом включался в систему государственной власти и становился объектом законодательной регламентации.

Все мероприятия этого царствования пронизывало стремление поднять престиж государственной службы, оберечь честь мундира и установить дисциплинарный порядок на службе. Это обусловило частую смену высших административных лиц, частичную отмену прав дворянских корпоративных учреждений и попытку их включения в бюрократический аппарат. Несмотря на то что продолжал действовать Совет, созданный еще Екатериной II, его участие в государственных делах стало чисто номинальным и сосредоточилось, главным образом, на вопросах цензурной экспертизы.

Коллегиальная система центрального управления, с одной стороны, была частично восстановлена (заново открылись Берг- и Мануфактур-коллегии), с другой — были сделаны шаги к ее постепенной замене министерской, основанной на единоначалии и более строгой, регулярной подотчетности монарху. Павел I разработал план создания семи министерств, но успел основать только два — уделов, управлявшее собственностью царской семьи, и коммерции. Доработкой и реализацией министерского проекта пришлось заниматься Александру I. 50 губерний, учрежденных Екатериной II, при Павле I были преобразованы в 41, появилась Область войска Донского. Отменялись верхние земские суды, губернские магистраты, основными судебными учреждениями стали палаты уголовного и гражданского суда, заполняемые коронными чиновниками.

■ **Министерская система.** Александр I, пришедший к власти в результате заговора и переворота 11 марта 1801 г., в своем первом манифесте торжественно обещал править *«по законам и сердцу своей бабки»*. Это обещание, с энтузиазмом встреченное участниками заговора и фрондирующим столичным дворянством, породило серию политических проектов, которые по ожиданиям их авторов должны были способствовать ограничению самодержавия. Вновь ожили стародавние идеи либерального дворянства об аристократической конституции и превращении Сената в дворянский предпарламент. Александр I в именном указе от 5 июня 1801 г. предложил высшим сановникам изложить свое мнение по данному вопросу. В некоторых из поступивших записок предлагалось наделить сенаторскую коллегию законодательными правами (проект Г. Р. Державина). Однако в окружении императора и прежде всего в Негласном комитете, включавшем его ближайших молодых сотрудников, такие предложения не встретили поддержки. В результате 8 сентября 1802 г. Александр I подписал указ, имевший компромиссный характер: Сенат определялся как «верховное место империи», управляющее всеми «присутственными местами», «хранитель законов» и высшая судебная инстанция. Круг его полномочий расширялся, он освобождался от избыточной опеки со стороны генерал-прокурора. За Сенатом признавалось право представления — прямого обращения к монарху по поводу нецелесообразности подготовленного им закона и его несоответствия действующему законодательству. Некоторые правоведы XIX в. усматривали в этом институте зачаточную форму законодательной инициативы. Однако эти положения были во многом сведены на нет императорским «Манифестом об учреждении министерств».

Создавалось 8 министерств: военно-сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Вместе с тем продолжали действовать коллегии. Формально они были распределены между министерствами, но отношения их с министрами и с Сенатом не определялись законом. Не были установлены и пределы ответственности самих министерств,

их отношения с Сенатом и верховной властью. Все это создавало неразбериху, вызывало проволочки и споры среди чиновников разных ведомств. Возникала настоятельная необходимость упорядочения этой громоздкой структуры. Но прежде императору требовалось определиться в его отношении к Сенату. В декабре 1802 г. он отклонил представление сенатской коллегии по поводу порядка увольнения из армии дворян — унтер-офицеров. По словам Г. Р. Державина, в этом инциденте выразилось столкновение двух начал — «монархического правления» и «аристократического», в результате второе было вынуждено уступить. В марте 1803 г. право представления было отменено. В первой половине XIX в. Сенат оставался высшим судебно-административным органом с самым многочисленным штатом чиновников (свыше 1,5 тыс. человек в 40-е гг. XIX в.). Генерал-прокурор Сената одновременно являлся и министром юстиции, что позволяло ему реально курировать все правосудие в масштабах страны. Однако от прежнего авторитета сенатской коллегии не осталось и следа. Один из современников дал точную зарисовку упадка Сената: «Это были разделенные на департаменты группы лиц... большей частью очень почтенных, но утомленных службою до полной апатии и с весьма немногими исключениями дряхлых старцев. Притом же очень немногие имели... подготовку к занимаемому ими судебному званию». (Цит. по: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России XIX в. М., 1978. С. 138.)

Учреждение министерств в России ставило на повестку дня вопрос об объединении их деятельности. Такая задача возлагалась на Комитет министров — орган, в котором каждый министр должен был обсуждать свои всеподданнейшие доклады с прочими главами центральных ведомств. Комитет министров образовывался в дополнение к Государственному совету — совещательному органу из близких к царю чиновников. Не вполне дифференцированное сосуществование Комитета и Совета поначалу закреплялось Александром I, опасавшимся возникновения оппозиционной министерской коллегии. Однако размежевание и регламентация функций высших органов власти ста-

новились все более насущной потребностью. План реформирования государственной системы был поручен советнику императора по административным делам М. М. Сперанскому.

Видный администратор (в разное время он был директором департамента Министерства внутренних дел, статс-секретарем царя и государственным секретарем), одаренный государственным умом, Сперанский попытался максимально учесть либеральные принципы организации власти. В 1809 г. он представил императору «Введение к уложению государственных законов». Оно подводило серьезную законодательную базу под деятельность высших органов власти. Государственный совет рассматривался как основное связующее звено между императором и другими высшими учреждениями. К его компетенции были отнесены все вопросы, касающиеся законодательного регулирования внутреннего положения, внешней политики, обсуждения решений других высших органов. Таким образом, Государственный совет был задуман как адаптированная к российским реалиям копия палаты лордов. При этом в руках императора сохранялась вся полнота власти, в том числе исключительное право законодательной инициативы и утверждения новых законов. Планировалось и учреждение Государственной думы — законодательного корпуса, предназначенного для рассмотрения всех законопроектов, утверждения новых податей, налогов, повинностей («никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы»). Государственная дума могла быть распущена, ее очередной созыв мог быть отложен царем (в других обстоятельствах она должна была ежегодно приступать к работе в сентябре). Тем не менее ее обязательное участие в законотворчестве должно было послужить важнейшим стимулом для расширения сферы политического участия граждан в стране. На местах для этого намечалась трехстепенная система соподчиненных местных дум — волостных, окружных и губернских. В них население делегировало своих избранников из числа уважаемых граждан, владеющих недвижимостью, из депутатов губернских дум комплектовался состав Государственной думы. Тем самым открывались перспективы создания под-

линного политического представительства в масштабах всей страны.

Проект Сперанского исходил из последовательного проведения принципа разделения властей. Стройной модели государственных дум соответствовало столь же органичное распределение судебной власти между Судебным сенатом, судами губернским, окружным и волостным; а в области исполнительной власти — между министерствами в соединении с Правительствующим сенатом и соответственно управлениями губернскими, окружными и волостными. Сенат Сперанский предлагал разделить на два органа — Правительствующий (по надзору за центральной властью) и Судебный (с правами высшей судебной инстанции).

Однако план Сперанского был осуществлен только частично. В январе 1810 г. был учрежден Государственный совет с законосовещательными функциями. Он являлся своего рода гибридом предусмотренных Сперанским Государственной думы и Государственного совета. В его состав были включены 35 высших сановников, большая часть которых принадлежала к титулованной аристократии, императорской свите. На его собраниях первоначально председательствовал сам император, отсюда в преамбулу царских манифестов стала помещаться фраза: «Вняв мнению Государственного совета». Однако подобная практика продолжалась недолго: монарх все чаще манкировал своей председательской ролью, препоручая ее кому-либо из членов Совета, постепенно стерлась и формула о «мнении Совета», а подготовка законопроектов сосредоточилась в других инстанциях. Во второй четверти XIX в. Николай I четко обозначил его место: «Совет существует в моем понятии для того, чтобы добросовестно высказывать мне свое убеждение по тем вопросам, по которым я спрашиваю, ни более, ни менее». Государственный совет просуществовал до 1917 г.

В 1811 г. было принято «Общее учреждение министерств», утвердившее их унифицированное устройство: министру, управлявшему на основе единоначалия, подчинялись директора департаментов, тем — начальники отделений, а последним, в свою очередь, — столоначальники. В марте 1812 г. было

обнародовано «Учреждение Комитета министров». Комитет определялся как высший административный орган, ведущий дела, по которым «необходимо общее соображение и содействие». Столь нечеткая формула открывала лазейки для активного вторжения Комитета в любую из сфер деятельности госаппарата. Иногда Комитет разбирал законопроекты, подлежащие утверждению монарха, иногда подменял собой то или иное министерство, а иногда и Сенат, что влекло за собой частые недоразумения. В своем окончательном виде он соединял в себе несколько правительственных органов, притом всех трех ветвей власти. До 1865 г. председатель Комитета министров являлся одновременно и председателем Государственного совета, а все члены комитета одновременно входили и в Государственный совет. Все это было кардинальным отступлением от проекта Сперанского с его четким функциональным разделением органов, вытекавшим из принципа разделения властей.

Таким образом, частичная, в искаженном виде, реализация предложений Сперанского не привела к серьезным изменениям политической системы. Печальной оказалась и судьба самого реформатора: недовольство дворян, вызванное его далеко идущими планами, побудило Александра I в марте 1812 г. отправить его в отставку и даже удалить из столицы.

Завершение войн с Наполеоном и мирное урегулирование в Европе позволило российскому императору снова обратиться к государственным реформам. На этот раз его планы были связаны с дарованием России конституционного устройства. Своего рода политическим «полигоном» этих намерений стало Царство Польское — большая часть территории Польши, включенная в состав Российской империи по решению Венского конгресса в 1815 г. Из рук российского монарха Царство Польское получило конституцию, самоуправление с высшим представительным органом (двухпалатным сеймом), собственную армию. В марте 1818 г. в речи на открытии польского сейма Александр I заявил о намерении распространить дарованные Польше «законно-свободные учреждения» и на остальные части Российской империи. Тогда же он поручил группе чиновников во главе

с Н. Н. Новосильцевым (членом бывшего кружка «молодых друзей императора») составить набросок будущей российской конституции. В 1821 г. такой проект под названием «Государственная уставная грамота Российской империи» был готов. Он предусматривал создание двухпалатного парламента с сетью местных представительных органов (сеймов). Законодательная власть делилась между императором и выборными учреждениями, однако законодательная инициатива и политический суверенитет провозглашались привилегией монарха. Проект предусматривал установление независимой судебной власти в стране, предоставление гражданских свобод населению. По мнению большинства авторитетных исследователей (С. В. Мироненко, А. Н. Сахаров), Александр I был близок к тому, чтобы дать ход этому проекту и ввести конституционный строй в стране. Однако, как и в случае с проектом реформ Сперанского, из-за страха перед дворянской оппозицией, сомнений он был отложен в долгий ящик.

Оценивая попытки создания ***октроированной*** (т. е. данной волей верховной власти) конституции, нельзя не согласиться с Н. П. Ерошкиным, что «социально-экономические условия России начала XIX в. были таковыми, что даже формальное юридическое ограничение самодержавия не стало необходимостью». (*Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981. С. 54.)

Тем не менее небольшие подвижки все же имели место. Так, например, распоряжения верховной власти в первой половине XIX в., как правило, содержали в себе отсылки к законам и развивали идеи законности управления. Отрабатывается сама процедура подготовки и утверждения нового закона. Она разбивается на ряд последовательных этапов: первичная разработка нормативного акта проходит во внутриведомственных комиссиях, затем документ поступает в межведомственные комиссии и комитеты, рассматривается на общем собрании Государственного сове-

та, а после получения санкции императора становится законом.

В правление **Николая I (1825–1855)** в целом происходила консервация тех порядков в государственном управлении, которые сложились в первой четверти XIX в. Новый император, расчистивший себе путь к трону подавлением декабристского военного мятежа, был убежденным противником либеральных начинаний и не колебался, подобно старшему брату, между симпатиями к республиканскому правлению и собственным положением неограниченного монарха. Свою цель Николай I видел во всемерном укреплении самодержавия, придании ему большей устойчивости и внешнего великолепия. Французский путешественник маркиз де Кюстин, посетивший Россию в 1839 г., был поражен помпезностью дворцовой обстановки и величественным обликом императора, «похожего скорее на изваяние, чем на живого человека». Представления Николая I о началах общественного устройства России отражала теория «официальной народности», которую с 1833 г. внедрял в умы министр народного просвещения граф С. С. Уваров.

Триединая формула «Православие, Самодержавие, Народность», по сути, являлась парафразой военного девиза «За Веру, Царя и Отечество!». Она должна была подчеркнуть особый путь развития России, не связанный ни с социальными революциями, ни с политическими конфликтами между властью и обществом. Следствием этой доктрины и питавших ее политических принципов власти стали изоляционизм России во внешней политике и подавление свободной мысли внутри страны.

Стремление императора к централизации власти проявилось в превращении личной канцелярии царя в головной штаб всех крупных мероприятий в государстве. В 1826 г. была проведена ее масштабная реорганизация. В составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии появились 6 отделений. Первое осуществляло контроль над министерствами и бюрократическим корпусом, а также готовило высочайшие указы. Второе отделение занималось кодификацией законодательства. Фактическим его руководителем стал М. М. Сперанский, возвращенный в

1821 г. из ссылки. Третье отделение, снискавшее себе печальную известность, было органом политического сыска и управления корпусом жандармов. Четвертое ведало благотворительными учреждениями и женскими учебными заведениями. Пятому поручалась разработка реформы государственной деревни. Шестое отделение должно было готовить административную реформу на Кавказе и с учреждением Кавказского наместничества в 1844—1845 гг. прервало свою деятельность.

Для проработки отдельных вопросов общественного переустройства периодически создавались различные комитеты, часть из которых была окружена атмосферой конспиративности. Так, например, в 1826 г. был создан Секретный комитет (получивший название Комитет 6 декабря 1826 г. — по дате его основания) для изучения проектов реформ, подготовленных при Александре I. Общей чертой всех секретных комитетов являлась низкая практическая отдача: большинство проектов, вышедших из их недр, остались только памятниками административной мысли. Отдельные комитеты создавались для более эффективного управления национальными окраинами и достижения компромисса между местными традициями и интересами центральной власти (как, например, Кавказский комитет, Комитет по делам Царства Польского).

Наиболее масштабным мероприятием николаевского царствования стала инвентаризация и систематизация законов, завершившаяся изданием в 1830 г. 45-томного Полного собрания законов и в 1833 г. 15-томного Свода законов. К этой работе был привлечен Сперанский, который сумел придать ей динамизм и совершенную для своего времени организацию. Сердцевину Свода составили «Основные законы» — подборка постановлений, посвященных государственному устройству России. Их открывала статья, декларирующая, что «Император российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». Парадокс состоял в том, что эта часть Свода была выполнена Сперанским. Не исключено, что им двигали прагматические мотивы: оказать

содействие если не воплощению своих заветных принципов, то по меньшей мере идее правомерного управления на базе существующих законов. Завершение кодификационных работ было торжественно отмечено в собрании Государственного совета 17 января 1833 г. В присутствии высших сановников империи Николай I снял с себя Андреевскую звезду и надел ее на Сперанского.

■ **Пореформенная Россия.** Поражение России в Крымской войне, нарастание социальной напряженности внутри страны в 1859—1861 гг. заставили правящие круги поспешить с проведением давно назревших реформ. Государственная система России изобиловала архаическими институтами и механизмами, а обслуживающий ее аппарат чиновников порой воплощал собой все пороки «крапивного семени».

В условиях напряженного ритма реформ 60—70-х гг. XIX в. Комитет министров, руководивший работой ведомств, уже не справлялся со своей нагрузкой и поэтому с 1857 г. неофициально, а с 1861 г. официально стал действовать новый высший орган — Совет министров. В него вошли министры, председатели Комитета министров и Государственного совета. Председательский пост занял император. В отличие от Комитета министров, сосредоточившегося на административных делах, Совет министров занялся координацией законотворческой работы в рамках подготавливаемых реформ. В него стали поступать материалы соответствующих комитетов и комиссий, на его обсуждение выносились годовые отчеты министров. С наибольшей интенсивностью Совет министров работал в 1857—1862 гг., когда закладывался фундамент буржуазных реформ. Затем его заседания стали менее регулярными, а с 1882 г. и вообще прекратились.

Реформы 60—70-х гг., изменившие социальные отношения и государственную систему страны, способствовали созданию принципиально новых учреждений. В наибольшей степени изменения затронули суд и местное управление. Судебная система России первой половины XIX в. представляла собой наиболее запущенную часть государственного механизма, под

стать ей были и служители Фемиды. Уничтожающую характеристику российского суда дал Д. П. Трощинский, министр юстиции в 1814—1817 гг.: «Сие море великое и пространное, и в нем же гадов несть числа». О всеобъемлющей коррупции говорил тот факт, что сам министр юстиции граф В. Н. Панин (1841—1862) был вынужден однажды дать взятку судебным чинам для ускорения рассмотрения дела, касающегося его семьи. В ноябре **1864 г.** вышли новые *судебные уставы* и таким образом, был дан старт реформе, призванной «водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность». Уставы вводили новые принципы судопроизводства: гласность и состязательность, равенство граждан перед законом и судом. Судебная власть была отделена от административной, а обвинение от защиты. Суды стали бессословными. В городах и уездах создавался мировой суд, мировые судьи избирались уездными земскими собраниями, а в столицах — городскими думами. Выбранный судья утверждался Сенатом, а съезд мировых судей рассматривал жалобы на их решения. Мировые судьи и их съезды разгружали общие суды от мелких уголовных и гражданских дел, способствовали поддержанию законности на местах.

Общими судебными органами стали окружные суды и судебные палаты. Всего создавалось 108 судебных округов, в которых учреждались окружные суды, и 14 судебных палат. При окружном суде вводился институт присяжных заседателей, которые избирались на основе имущественного и служебного ценза. Окружной суд являлся судом первой инстанции по уголовным делам. Судебная палата была судом первой инстанции по политическим делам и апелляционной инстанцией по отношению к окружным судам. Надзор за производством следствия, за законностью работы государственных учреждений, а также поддержку государственного обвинения в суде осуществляли прокуроры. Надзор за деятельностью всей прокуратуры входил в компетенцию министра юстиции (он совмещал и функции генерал-прокурора).

Была создана и адвокатура. В основу ее организации был положен принцип: адвокат — «правозаступ-

ник», оратор и поверенный своего клиента. Адвокаты, или присяжные поверенные, состояли под надзором судебной палаты и Сената. Однако по закону от 1871 г. дела по государственным преступлениям могли разбираться по согласованию с шефом жандармов в административном порядке. В этом акте выразились обеспокоенность властей ростом революционного движения и желание поставить ему заслон.

Одновременно с судебной проводилась земская реформа. Земства, представлявшие местное самоуправление, были всесословными органами. Однако выборы депутатов (гласных) проходили по трем куриям и различались в процедуре. В первую курию были включены уездные землевладельцы, имеющие не менее 200—800 десятин земли; во вторую — городские жители с высоким имущественным цензом. В третью — крестьянскую — курию выборы были трехступенчатыми: через поэтапное делегирование представителей сначала на волостной сход, затем на собрание выборщиков и уже оттуда — в земство. Таким образом, в земствах обеспечивалось преобладание дворян и крупных городских собственников. Распорядительными органами земств были уездные и губернские собрания. Они утверждали сметы расходов и доходов, рассматривали отчеты исполнительных органов, земских уездных и губернских управ. Они занимались местным благоустройством, организацией медицинского обслуживания и народного образования, продовольственным снабжением населения в голодные годы, сбором статистических сведений. Земства могли облагать население сборами и привлекать к исполнению некоторых повинностей. Несмотря на незавершенность земского устройства (о чем постоянно толковали российские либералы второй половины XIX в.) — отсутствие в его структуре низшего волостного звена и общегосударственного земского представительства, — оно имело огромный позитивный потенциал. Введение земства означало заметное снижение регулирующей роли государства в местных делах и, наоборот, повышение общественной активности и самоорганизации.

В 1870 г. система всесословного самоуправления была распространена и на города. Любой городской житель российского подданства не моложе 25 лет и не

имеющий задолженностей по городским сборам мог принять участие в выборах депутатов (гласных) в составе одной из трех избирательных курий (крупных, мелких и средних налогоплательщиков). Каждая курия делегировала треть депутатов в городскую думу. Городские думы были распорядительными органами, устанавливавшими различные сборы. Из своего состава дума формировала исполнительный орган — городскую управу. Координацию деятельности управы и думы обеспечивал городской голова, который стоял во главе обоих органов городского самоуправления. Развитие городского хозяйства, коммунальной сферы, образования и здравоохранения отчасти покрывалось отчислениями от налоговых поступлений. Однако материальная база для этого была недостаточной. Инициативы выборных городских властей порой сковывали правительственные чиновники во главе с губернатором, осуществлявшие (с 1870 г.) надзор над органами самоуправления.

После окончания Крымской войны была проведена основательная чистка рядов генерал-губернаторов и губернаторов, места наиболее одиозных и коррумпированных лиц заняли чиновники, не скомпрометировавшие себя злоупотреблениями. Однако нарастание конфликтов в обществе, в особенности покушение в 1866 г. Д. Каракозова на жизнь императора, заставляло правительство принимать дополнительные меры по укреплению порядка. Закон, принятый в июле 1866 г., фактически превратил губернатора в полновластного хозяина губернии. Ему предоставлялось право проводить ревизию в любом учреждении, налагать запрет на деятельность частных обществ и отстранять от должности любого чиновника в случае сомнений в его благонадежности.

При всей противоречивости и непоследовательности реформирования государственного строя России в 60—70-е гг. этот процесс давал мощное ускорение либерально-демократическим тенденциям, сближению политических систем России и передовых государств Запада. Продолжение реформ и завершение их принятием конституции было намечено Александром II на начало 80-х гг. В феврале 1880 г. (после очередного взрыва, устроенного террористами в Зимнем дворце)

император создал Верховную распорядительную комиссию по охране государственного порядка и общественного спокойствия, поставив во главе нее харьковского генерал-губернатора (а потом министра внутренних дел) М. Т. Лорис-Меликова. Комиссии поручалось продумать меры для более эффективного противодействия революционному насилию и упрочить связи монархии со здоровыми элементами общества. За несколько месяцев деятельности комиссии (она была упразднена летом 1880 г.) был выработан ряд мер по усилению давления на революционное движение, а также развитию реформ. Такое сочетание карательных и преобразовательных начал народнический публицист Н. К. Михайловский метко назвал политикой «волчьей пасти и лисьего хвоста». Суть конструктивных предложений александровского министра сводилась к учреждению для обсуждения проектов преобразований Общей комиссии при Государственном совете, в которую должны были войти представители от земского и городского самоуправления. Предполагалось образование еще двух подкомиссий по финансовым и административно-хозяйственным вопросам. Законопроекты, рассмотренные в этих инстанциях, подлежали утверждению в Государственном совете, куда вводились делегаты земств и городских дум. Этот план, одобренный царем, получил название «конституции Лорис-Меликова». Последняя точка всех подготовительных процедур должна была быть поставлена в Совете министров 4 марта 1881 г. Таким образом, император собирался удовлетворить чаяния либеральных деятелей, касающиеся создания общественного представительства. Александр хотел передать власть старшему сыну и уйти на покой. Однако 1 марта 1881 г. Александр II был убит бомбой, брошенной народовольцем И. И. Гриневицким.

Александр III (1881–1894) не разделял либеральных взглядов своего отца. Резкая критика проекта Лорис-Меликова, как и всей реформаторской политики, прозвучавшая на собрании высших сановников и царской семьи в Зимнем дворце 8 марта 1881 г., оставляла мало шансов на преемственность в деятельности Александра III. Важную роль в окружении молодого императора играл его наставник обер-проку-

рор Синода К. П. Победоносцев. Под его влиянием в конце апреля 1881 г. был обнародован Манифест «О незыблемости самодержавия», который повлек за собой обновление состава правительства. Один за другим покидали свои посты видные реформаторы 60—70-х гг. Вынужден был уйти в отставку и Лорис-Меликов. Идейным знаменем нового кабинета становились традиционные начала российской исторической жизни, восходившие к теории официальной народности. Приверженность к порядку и централизации, недоверчивое отношение к нововведениям, особенно в области организации власти, резко отличали Александра III от его предшественника и, напротив, сближали его с Павлом I и Николаем I (не случайно через всю свою жизнь он пронес трепетное отношение к реликвиям Павла I и привязанность к его резиденциям в Павловске и Гатчине).

Укрепление Государственного совета и Комитета министров своими ставленниками, ликвидация отделений Собственной Его Императорского Величества канцелярии и передача единой канцелярии всех дел, связанных со службой по гражданскому ведомству (определение на службу, продвижение в чинах и т. д.), характеризовали стремление императора к личному контролю за всеми сферами управления. Управление в его царствование во многом определялось утвержденным в августе 1881 г. «Положением о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия». На территориях, объявленных на «исключительном положении», генерал-губернаторам и градоначальникам предоставлялись особые полномочия, в том числе право на возбуждение дела об административной высылке лиц, «вредных для государственного порядка и общественного спокойствия». До 1889 г. на положении усиленной охраны находилось 10 губерний, а после 1895 г. — 6.

В 1889 г. было издано «Положение о земских участковых начальниках». Земским начальникам, назначаемым министром внутренних дел по представлению местных властей, вручалась обширная власть над жителями сельской местности: право наказывать обывателей, отменять постановления сельского и волостного схода, назначать судей волостных судов. Фактиче-

ски земские начальники прибрали к своим рукам все те дела, которыми раньше занимались мировые судьи. А с учетом того, что в земские начальники попадали только дворяне, можно говорить о восстановлении в их лице прав (хотя и заметно урезанных) вотчинной юрисдикции помещиков.

В июне 1890 г. вышло «Положение о губернских и уездных земских учреждениях». Оно заметно усилило в земствах позиции дворянства, в то же время крестьяне лишались возможности напрямую определять своих гласных и теперь представляли только список своих кандидатов, из которого уже уездный съезд земских начальников и губернатор утверждали гласных. Существенно ограничивалась самостоятельность земств: усиливалась контролирующая роль губернаторов и новой инстанции — губернского по земским делам присутствия, которые могли отменить земское постановление. Тем не менее всесословность и выборность земств сохранялись.

Примерно такие же метаморфозы претерпело и городское самоуправление. По Городовому положению 1892 г. резко возрастала роль губернской администрации, а городские головы и члены городских управ фактически превращались в государственных чиновников. Коррективы, внесенные в избирательную систему, отсекали от участия в выборах значительную часть мелкобуржуазных слоев, увеличивая, таким образом, в выборных органах удельный вес дворянства и преуспевающих профессионалов (предпринимателей, юристов, врачей и т. д.).

Ревизия коснулась и судебных уставов 1864 г.: в 1887 и 1889 гг. были изданы законы, направленные против суда присяжных. Из его ведения исключалась значительная категория дел, в частности, дела о должностных преступлениях, повышался ценз для присяжных заседателей. Наконец, *институт земских начальников*, введенный в июле 1889 г., вытеснил мировой суд. Вместе с тем судебные установления и основные принципы судопроизводства, провозглашенные реформой 1864 г., оставались в силе. В этом отношении судебное ведомство пострадало меньше, чем остальные. Причиной этого, по мнению крупнейшего знатока реформ и государственного аппарата

XIX в. П. А. Зайончковского, являлась популярность судебных уставов 1864 г. в среде буржуазии, либеральной интеллигенции. Активно их поддерживало и влиятельное правительственное лобби в лице высокопоставленных чиновников Министерства юстиции во главе с министром Д. Н. Набоковым.

Контрреформы 80—90-х гг. не означали возврата к дореформенному прошлому. Отчасти меняя облик и формы деятельности общественного представительства на местах, контрреформаторские тенденции не ломали этих учреждений и базовые принципы их работы, а в ряде случаев даже вносили полезные поправки. Некоторые исследователи рассматривают их как закономерное продолжение структурных реформ, обусловленное кризисными явлениями в обществе и государственном аппарате.

Последний российский самодержец **Николай II (1894—1917)** оказался менее других его предшественников на троне способен к выполнению сложнейшей миссии руководителя огромной империи. О его личных качествах точнее всего сказал совершенно посторонний наблюдатель — У. Черчилль: «Он не был ни великим полководцем, ни великим монархом. Он был только верным, простым человеком средних способностей, доброжелательного характера, опиравшимся в своей жизни на веру и Бога». Драма Николая II состояла в том, что ему пришлось заниматься фундаментальными преобразованиями в сложнейшую эпоху и под давлением сложных обстоятельств, но отнюдь не из личных убеждений. Идя на жесткие социально-экономические реформы, он долго не соглашался на политические преобразования, несмотря на ширившиеся в обществе требования созыва представительного органа и рост революционного движения. Только начало в стране революции заставило Николая II приступить к реформе власти. В феврале 1905 г. по его поручению Особое совещание во главе с министром внутренних дел А. Г. Булыгиным занялось разработкой проекта Государственной думы. **6 августа 1905 г.** он был утвержден царем. Дума наделялась законосовещательными правами. Однако на фоне восходящего развития революции это уже не устраивало общественные силы. **17 октября 1905 г.** император издал Манифест *«Об усовершенст-*

вовании основ государственного управления». В нем провозглашалось создание законодательной Думы, «чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей».

Население России получало свободу слова, собраний, союзов и другие гражданские права. Вместо прежнего порядка, по которому каждый министр был ответственен только перед царем, создавался объединенный Совет министров — орган, представлявший собой единую команду во главе с премьером и с коллективной ответственностью его членов. Первым председателем Совета министров стал С. Ю. Витте, занимавший в 1892—1903 гг. пост министра финансов. Однако практическая реализация нового статуса Совета министров наталкивалась на ряд препятствий. Несмотря на то что его председатель оказывал влияние на назначения и увольнения министров, решающее слово всегда оставалось за императором. Не стала нормой и коллективная ответственность правительства.

Продолжением реформы государственного строя стало упразднение в 1906 г. Комитета министров и передача его функций частично Совету министров, а частично Государственному совету. Кардинально менялось положение *Государственного совета*. Фактически он превращался в законодательный орган — верхнюю палату парламента. Его состав теперь наполовину заполнялся выборными от земств, дворянских собраний и других общественных организаций. Внутри Совета образовывались группы правых, центра, «академическая» (из профессуры), беспартийных, являвшиеся до известной степени эквивалентом фракций в Государственной думе.

■ **Думская монархия.** 20 февраля 1906 г. было издано новое Учреждение Государственной думы, подтверждавшее ее положение нижней законодательной палаты. В соответствии с принципами, заявленными в Манифесте 17 октября, был изменен избирательный закон. Выборы проходили по 4 куриям: землевладельцев, городских избирателей, крестьян и рабочих.

Курия — разряд избирателей, объединенных формой собственности или принадлежностью к определенному сословию.

Первые две образовывались на основе имущественного ценза: в одну включались собственники земли и другой недвижимости в уездах, в другую — состоятельная интеллигенция, городские предприниматели, квартиронаниматели, чиновники-пенсионеры, отчасти ремесленники. Для крестьянской курии ценз не предусматривался, но в ее рамках устанавливалась сложная четырехступенчатая система выборов. В рабочую курию, также бесцензовую, включались наемные работники предприятий, на которых трудилось не менее 50 человек. Выборы были косвенными (голосование граждан осуществлялось через выборщиков) и основывались на мажоритарном принципе (избранными считались те кандидаты, которые получили наибольшее количество голосов). Каждая курия выбирала своих представителей на общее собрание в губернии, эти выборщики на общем губернском собраним выбирали членов Государственной думы в соответствии с предписанным законом числом депутатов от каждой курии. Для землевладельцев 1 выборщик приходился на 1 тыс. избирателей, для курии городских избирателей — 1 выборщик на 4 тыс. избирателей, крестьян — 1 на 50 тыс., а для рабочих — 1 на 90 тыс. По закону от 3 июня 1907 г. соотношение выборщиков между куриями еще больше менялось в пользу землевладельцев таким образом, что 1 выборщик в ней теперь приходился на 230 избирателей.

Члены Государственной думы распределялись по фракциям (партийным группам). На постоянной основе создавались комиссии (например, финансовая, бюджетная, по государственной обороне и др.).

Дума избиралась на 5 лет. К предметам ее ведения относилось издание законов, а также их изменение; утверждение государственной росписи доходов и расходов, финансовых смет министерств; отчеты государственного контролера по исполнению государст-

венной росписи; дела о постройке железных дорог за счет казны; дела об учреждении компаний на акциях; дела, рассматриваемые по повелению самого царя. Одним из наиболее важных полномочий Думы являлось утверждение бюджета (государственной росписи доходов и расходов). *Без согласия Думы нельзя было вводить новые налоги, устанавливать новые статьи расходов и увеличивать существующие.* Эти полномочия не распространялись на военное, военно-морское ведомства, императорский двор, расходы по внешним займам, что существенно ограничивало контроль Думы за исполнением бюджета. Государственная дума *могла предъявлять запросы министрам* о допущенных ими или их подчиненными незаконных действиях. Эту практику Дума попыталась ввести и в отношении председателя Совета министров, однако добиться ответов на запросы на этом уровне не всегда удавалось. По объяснениям отдельных министров (которые, однако, не являлись по закону обязательными) Дума принимала резолюции, в которых оценивала их.

Государственная дума, как и Государственный совет, пользовалась правом законодательной инициативы по всем вопросам, кроме тех, которые получили свое законодательное решение в *Основных государственных законах* Российской империи, утвержденных Никола-ем II 23 апреля 1906 г. Последние рассматривались как конституционный акт. В целом законодательная власть в России не отличалась высокой эффективностью. Равноправие Думы и Госсовета при различиях в способах комплектования и в составе приводило к пробуксовкам в законодательном процессе: часть законопроектов надолго застревала то в одной, то в другой палате. Законопроекты, не принятые советом и Думой, считались отклоненными и не утверждались монархом.

По Основным законам главой государства был император. Он назначал председателя Совета министров, министров и других высших чиновников. Император имел право председательствовать на заседаниях Совета министров, он являлся «верховным руководителем внешних сношений государства», «державным вождем российской армии и флота», утверждал приговоры судов о тяжких наказаниях дворян, чинов-

ников, священников, кавалеров российских орденов. Император определял время ежегодных сессий законодательных палат, распускал Государственную думу и выборную часть Государственного совета. Так, две первые Думы были им распущены через несколько месяцев после начала работы. Наконец, Основные законы содержали печально знаменитую статью 87, допускавшую в случае прекращения или перерыва в деятельности Думы проводить обсуждение законопроектов в Совете министров с последующим их утверждением императором в форме высочайших указов. Еще более активно, чем в мирное время, право чрезвычайных постановлений верховной власти применялось во время войны.

Нововведения изменили государственный строй Российской империи. Однако среди историков нет единодушия в его определении. Одни авторы (В. А. Демин) говорят о ***сегментарной государственной форме.*** Такая организация власти опирается на разделение ролей между различными государственными институтами, но остается при этом архаичной в плане доминирования монарха, использования авторитарных методов управления, отсутствия системы сдержек и противовесов. Другие (В. С. Дякин, Б. Н. Миронов) считают Россию ***дуалистической монархией:*** государственная власть разделена между монархом и парламентом, однако император сохраняет свою независимость в сфере исполнительной власти, а правительство ответственно перед ним, а не перед парламентом. Третьи (А. Н. Медушевский) характеризуют такой политический режим, как ***дуалистическую монархию с мнимым конституционализмом:*** конституционные гарантии остаются формальными принципами, под их прикрытием власть активно эксплуатирует институты чрезвычайного положения и силовые структуры. (См.: *Демин В. А.* Государственная дума России (1906—1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 85; Кризис самодержавия в России. 1895—1917 / Под ред. В. С. Дякина. Л., 1984. С. 343; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 1999. Т. 2. С. 159; *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 450.)

Государственные думы разных созывов по-разному строили свои отношения с верховной властью и правительством. Наиболее непримиримую позицию по отношению к властям заняла первая Дума (апрель—июль 1906 г.). Ее депутатскому корпусу в наибольшей степени были присущи психология полновластного Учредительного собрания, революционный романтизм, отрицающий законы и права других властных институтов. По своему партийному составу она была на одну треть кадетской (т. е. из членов конституционно-демократической партии), а блок, сформированный кадетами, составил думское большинство. Председателем Думы также стал кадет — адвокат и бывший проректор Московского университета С. А. Муромцев. Правые депутаты (октябристы, черносотенцы) не играли заметной роли в Думе, а радикальные левые партии вообще бойкотировали парламентские выборы. Несмотря на более или менее центристские позиции основной массы депутатов, эта Дума показала себя неспособной внести спокойствие в общественную жизнь. Уже на первых заседаниях Дума категорично потребовала от правительства прекращения репрессий, проведения амнистии, немедленного создания государственного земельного фонда для наделения безземельных и малоземельных крестьян. Она не сумела наладить сотрудничество с властями, непомерными требованиями скомпрометировала идею конституционного строя и отпугнула правящие круги. Все это повлекло за собой ее роспуск. Часть депутатов, в основном кадеты и трудовики, отказалась подчиниться указу о роспуске и на собрании в одной из гостиниц Выборга подготовила так называемое Выборгское воззвание, призывавшее население к актам гражданского неповиновения.

Выборы во вторую Думу проходили на фоне назначения нового правительства во главе с П. А. Столыпиным, спада революции и ужесточения террора как со стороны правительственного лагеря, так и проигрывающих экстремистских сил. Несмотря на усилия, предпринятые правительством для подавления революции и перехвата инициативы у общественного движения в решении аграрного вопроса, состав второй

Думы (февраль—июнь 1907 г.) оказался еще более оппозиционным, чем первой. Кадеты на этот раз получили только 19% мест, 20% досталось крестьянской фракции трудовиков. Социал-демократы, принявшие участие в выборах, добились внушительных результатов и вместе с эсерами заняли 20% мест. Председателем был выбран кадет Ф. А. Головин. Таким образом, проправительственные или способные к сотрудничеству с правительством силы явно уступали революционному большинству. Так, большевики выбрали тактику «левого блока», т. е. привлечения левых фракций (эсеров, трудовиков, народных социалистов) к совместным антиправительственным демаршам. В результате 1 июня 1907 г. Столыпин публично обвинил социал-демократов в подготовке «военного заговора», а 3 июня Дума была распущена. Для предотвращения прецедентов с неуправляемой Думой был введен новый избирательный порядок, вопреки Манифесту 17 октября и Основным законам объявлявший, что «никакой закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы». На этом основании события 3 июня 1907 г. в исторической литературе трактуются как государственный переворот.

В третьей Думе (ноябрь 1907 г. — июнь 1912 г.), выборы в которую прошли по новому избирательному закону, лидирующей стала октябристская фракция: если октябристы голосовали совместно с правыми, то создавалось правооктябристское большинство, если блокировались с кадетами, то складывалось октябристско-кадетское большинство. Значение левых фракций резко упало. Председателем Думы был выбран московский фабрикант октябрист А. И. Гучков. Преобладание октябристов позволило правительству усилить в ней свое влияние, проводя политику гибкого лавирования между различными группами (в более широком плане такая политика лавирования получила название бонапартизма). Третья Дума смогла занять прочное место в политической системе. Постепенно сложилась практика привлечения депутатов в правительственные комиссии, Дума стала влиять на персональные назначения в правительстве. Однако ей не удалось избежать парламентского

кризиса. Для того чтобы продвинуть непопулярный среди парламентариев закон о введении земств в 9 западных губерниях (земская реформа 1864 г. мало затронула эти губернии), избираемых по национальным куриям, в марте 1911 г. правительство во главе с П. А. Столыпиным прибегло к роспуску палат. Вынужденный трехдневный перерыв в занятиях после непрерывной плодотворной работы в течение четырех лет произвел удручающее впечатление на парламентариев. После возобновления работы Дума в знак протеста направила четыре запроса в Совет министров (от октябристов, прогрессистов, кадетов, социал-демократов), а Гучков сложил с себя полномочия председателя. В конечном счете с большим количеством поправок нижняя палата приняла столыпинский законопроект, но Госсовет его отклонил. Положение премьера, столкнувшегося с сопротивлением обеих законодательных палат, резко пошатнулось, начался кризис третьеиюньской политической системы.

Четвертая Дума (ноябрь 1912 г. — февраль 1917 г.) собралась уже после ухода с политической сцены влиятельного кабинета во главе со Столыпиным. (В сентябре 1911 г. П. А. Столыпин был убит.) Ее работа протекала на фоне нарастания революционного движения в стране, участия России в Первой мировой войне. Как и в третьей Думе, большинство оказалось на стороне октябристов. Социал-демократия была представлена всего 14 депутатами. Председателем четвертой Думы стал октябрист М. В. Родзянко. Однако, вопреки ожиданиям, конструктивный диалог между Думой и другими высшими властями не получился. С одной стороны, причиной этого был отказ царя и кабинета от продолжения реформ, с другой — все более активное использование правительством в ходе военных действий статьи 87 Основных законов.

В 1915 г. в Думе оформился так называемый Прогрессивный блок, куда вошли многочисленные думские фракции: прогрессивные националисты, земцы-октябристы, левые октябристы, прогрессисты, кадеты. К нему примкнули и две группы Государственного совета (центра и академическая). Блок, располагавший двумя третями голосов, стал оплотом

либеральной оппозиции. Главным пунктом его требований являлось создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием общественности и способных реализовать программу мер по стабилизации обстановки в стране. Несмотря на то что эта формулировка не предполагала ответственности кабинета перед Думой, она встретила резкие возражения со стороны председателя Совета министров И. Л. Горемыкина. Хотя блок поддержали Земский и Городской союзы, военно-промышленные комитеты, большинство министров, Николай II не спешил с выполнением требований оппозиции. Только в начале 1916 г. под нажимом общественного мнения был смещен консерватор Горемыкин. Периодические отставки одиозных премьеров, к которым в конце концов был вынужден прибегать император, не решали проблемы. Достичь соглашения с верховной властью не удавалось и некоторые деятели оппозиции начали даже разрабатывать планы военного переворота с целью отстранения Николая II и передачи власти наследнику. Однако эти планы были перечеркнуты и списаны в архив истории Февральской революцией 1917 г.

В политической системе России начала XX в. заметную роль начинают играть общественные организации, в первую очередь политические партии. На правом фланге политического спектра находились черносотенные организации, самой известной из которых был «Союз русского народа», созданный в 1905 г. В 1908 г. из его состава выделился «Русский народный союз имени Михаила Архангела». Идейным знаменем черносотенцев по сути стала старая доктрина «Православие, Самодержавие, Народность», к которой примешивалась изрядная доля великодержавного национализма и нетерпимости к «инородческому» населению. Существовали две либеральные партии — праволиберальный «Союз 17 октября», созданный в ноябре 1905 г., и партия конституционных демократов — кадетов (партия народной свободы), образовавшаяся в 1905 г. из либеральной организации «Союз освобождения». Октябристы, объединявшие в основном представителей крупного капитала и землевладельцев, были сторонниками

конституционной наследственной монархии. Название партии, подчеркивавшее ее приверженность принципам Манифеста 17 октября, четко обозначало и рамки ее борьбы с самодержавием. В период кризиса власти, проявившегося уже в 1915 г., октябристы старались спасти институт монархии. Этой позицией было мотивировано и участие одного из лидеров партии А. И. Гучкова в заговоре против Николая II: таким путем предполагалось «со всей политической антисептикой» уберечь режим от сокрушительных воздействий «слепых, стихийных сил улицы».

Кадеты, представлявшие в основном либеральную интеллигенцию, были настроены более решительно в отношении монархии и императора. Будучи поборниками конституционной монархии с правительством, ответственным перед парламентом, они допускали возможность политической революции в случае неспособности монарха гарантировать гражданские свободы и продолжение курса либеральных реформ. Тем не менее кадеты выступали против революции социальной, а одним из способов ее предотвращения считали проведение аграрной реформы (с отчуждением части помещичьих земель за выкуп и передачей ее крестьянам, разрушением общины). Промежуточное положение между октябристами и кадетами занимала партия прогрессистов, созданная в 1912 г. Однако она не имела такой массовой базы, как две первые партии.

На левом фланге располагались социалистические партии. Социалисты-революционеры (эсеры), считавшие себя наследниками народников, оформились на рубеже 1901—1902 гг. Руководителем партии был В. М. Чернов. Эсеровским идеалом являлся социализм, понимаемый в неонароднических духе. Первым шагом к нему считалась социальная революция, свержение царизма и затем уничтожение частной собственности на средства производства, прежде всего на землю. Предполагалось конфисковать частновладельческие земли без выкупа и провести их уравнительное перераспределение между крестьянскими хозяйствами через общины. Такой план получил название «социализации» земли. Вслед за народниками эсеры придавали большое значение индивидуальному тер-

рору как средству давления на правительство и самообороны революционеров. В 1901 г. выделилась «Боевая организация» эсеров, поставившая своей целью устранение наиболее одиозных фигур из высших бюрократических сфер. Деятельность этой организации находилась под пристальным наблюдением охранки, с которой сотрудничал один из ее руководителей — Е. Азеф, а после разоблачения провокатора в 1908 г. была практически свернута. Отколовшееся правое крыло эсеров основало собственную партию — народных социалистов (энесов), — придерживавшуюся относительно умеренных взглядов и легальных методов борьбы.

Социал-демократия (партия создана в 1903 г.) была представлена двумя течениями — меньшевиками (Ю. О. Мартов, Г. В. Плеханов и др.) и большевиками (В. И. Ленин, А. А. Богданов и др.). Первые, признавая социализм как конечную цель борьбы и выступая за революционное свержение самодержавия, тем не менее настаивали на длительном периоде развития страны в рамках буржуазно-демократической республики. Курс на социалистическую революцию они считали безрассудной авантюрой, способной возродить худшие формы деспотизма и отсталости в стране. Большевики были менее склонны к легальным методам борьбы и стремились подтолкнуть революционное движение. Буржуазно-демократическая революция в планах большевиков занимала место лишь короткого пролога революции социалистической, которая и должна была привести к установлению диктатуры пролетариата. Социалистическая революция, согласно марксистской доктрине, неразрывно связывалась с мировой революцией, а Первая мировая война рассматривалась как весьма выигрышный фон для начала наступления пролетариата по всему миру.

Партийная система России начала XX в. характеризовалась сегментарностью. В отличие от двухпартийной и многопартийной соревновательных систем, установившихся в странах с укорененными демократическими традициями, сегментарная система вырастает на базе фрагментарной, расколотой политической культуры. Ей свойственна разобщенность поли-

тических действий, неспособность к образованию масштабных партийных коалиций и вообще отсутствие механизмов внутреннего сотрудничества. Обратной стороной медали является и слабая возможность влияния такой партийной системы на правительственную власть, и снижение потенциала парламентской деятельности.

Кроме политических партий, в начале XX в. появился целый спектр различных общественных ассоциаций и групп. Так, в 1905 г. был создан Союз союзов — ассоциация профессиональных организаций интеллигенции и промышленного пролетариата. В нем соединились люди различных политических ориентаций, но вместе с тем одинаково убежденных в неотложной необходимости демократизации жизни и реализации полноценной конституции. Формой самоорганизации рабочих стали Советы рабочих депутатов, появившиеся в 1905 г. в ходе первой русской революции. Совет объединенного дворянства, сложившийся в 1906 г. на базе 37 губернских дворянских обществ, имел большие денежные средства, обширные связи при дворе и в Государственном совете, успешно отстаивал интересы земельных собственников в коридорах власти, а также поддерживал черносотенные организации. Мощными ресурсами обладали и военно-промышленные комитеты, Земский и Городской союзы, сложившиеся в годы Первой мировой войны в порядке общественной инициативы для помощи армии. По мере углубления кризиса в стране они все больше политизировались и переходили на позиции противостояния верховной власти. В Земском союзе преобладающим влиянием пользовались октябристы, в Городском — кадеты. Развитие деятельности обоих союзов естественным образом сокращало между ними дистанцию, а летом 1915 г. образовался объединенный орган — так называемый Земгор. Союзы и военно-промышленные комитеты, поддерживавшие Прогрессивный блок Государственной думы, сыграли немаловажную роль в консолидации либерально-оппозиционных сил и в подготовке той формы правления, которая утвердилась сразу после Февральской революции.

Глава 9

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КОРПУС В РОССИИ в XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

■ **Российская бюрократия.** Бюрократия (от франц. «бюро» — зеленое сукно, которым покрывали столы должностных лиц государственных канцелярий) представляет собой большую социальную группу профессиональных управленцев, обслуживающих государственный аппарат. Бюрократия в России, сложившаяся в результате реформ первой четверти XVIII в., существенно отличалась от чиновничества предшествующего периода. С этого времени начинает оформляться профессиональная организация, обладающая классическими признаками бюрократии (они были сформулированы в начале XX в. М. Вебером): разделение труда; строгая иерархия; организация специальных рабочих мест; определенные и обязательные формы обучения; четкое штатное расписание в каждом учреждении; строгие правила, определяющие порядок работы; лояльность работника к организации, в которой он служит. Законодательные акты Петра I как раз и были направлены на то, чтобы подвести под понятие гражданской службы кодекс неукоснительных правил. Главными из них стали Генеральный регламент (1720) и Табель о рангах (1722). Первый определял строгую подчиненность нижестоящих учреждений вышестоящим, детально регламентировал порядок подготовки, обсуждения и принятия решений, устанавливал формы делопроизводства и обязанности служащих. Табель о рангах содержала упорядоченный и унифицированный для всех видов службы список чинов и должностей. Они распределялись по 14 классам, или рангам. Гражданские чины разбивались на большие группы: канцелярских (или приказных служителей), выполняющих вспомогательные функции, и чиновников (или членов присутствия), занимающих более или менее значимые должности в государственном аппарате. В отличие от канцелярских должностей, по большей части не включенных в список рангов, вторая группа, состоящая из классных чинов-

ников, называлась табельной. Чиновники подразделялись на три категории: чины высшей администрации I—IV классов Табели (канцлер, генерал-прокурор, сенаторы, президенты коллегий и губернаторы); чиновники средней администрации — от V до VIII класса (вице-президенты, советники, асессоры коллегий и воеводы в провинциях); должности низшей администрации — от IX до XIV класса. Последняя категория чиновничества была наиболее многочисленной. Табель о рангах предусматривала и мощные социальные стимулы для добросовестных служащих, в частности, открывала им доступ в дворянство. Лицам, дослужившимся до первого классного чина, предоставлялось личное дворянство, а дослужившимся до чина VIII класса — коллежского асессора — потомственное дворянство. Кроме того, потомственное дворянство приобреталось путем высочайшего пожалования либо через награждение российским орденом. Чиновнику разрешалось также ходатайствовать о потомственном дворянстве, если его дед и отец состояли на службе в чинах, приносящих личное дворянство, не менее чем по двадцать лет каждый.

В XIX в. условия получения дворянства ужесточились. В 40-х гг. XIX в. потомственное дворянство на гражданской службе давал уже чин V класса — статского советника. Чины с XIV по X класс включительно давали почетное гражданство, а чины IX—VI класса (от титулярного советника до коллежского советника) — личное дворянство. В 1856 г. был принят закон «О сроках производства в чины по службе гражданской». Отныне право на потомственное дворянство давал чин IV класса — действительного статского советника. Низший табельный чин коллежского регистратора, а также чины от XII до X класса (от губернского секретаря до коллежского секретаря) позволяли получить звание личного почетного гражданина. Чины от IX до V класса (от титулярного советника до статского советника) предоставляли личное дворянство. Также были ужесточены правила приобретения потомственного дворянства через награждение орденом. Если ранее любой российский орден независимо от степени предполагал приобщение к благородному сословию, то во второй половине XIX в. —

только ордена первой степени. Исключение делалось лишь для орденов Владимира и Георгия (введенных во второй половине XVIII в.): каждая из четырех степеней позволяла приобрести дворянство. Такой порядок с небольшими изменениями сохранялся до конца существования империи.

Власть стремилась влиять на состав бюрократического корпуса, регулируя скорость продвижения по служебной лестнице его отдельных групп. Так, несмотря на известный демократический уклон петровских установлений, предусматривалась целая система заградительных барьеров для служащих не из дворян. Указом от 31 января 1724 г. предписывалось определять в секретарскую должность только выходцев из дворянского сословия. Такое внимание к должности в данном случае обусловливалось тем, что она служила трамплином для быстрого карьерного роста разночинца, приближая его к заветному чину VIII класса. Различия в стартовых условиях службы и скорости перемещения по служебной лестнице в первой половине XIX в. также оставались тесно связаны с социальным происхождением. Но в отличие от XVIII в. в расчет принималось и образование служащего. Эти принципы легли в основу «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе» от 1834 г. Согласно Положению лица, имевшие диплом о высшем образовании, определялись сразу на классные должности, минуя канцелярские (тем самым закон нивелировал различия в социальном статусе для дипломированных специалистов). Все прочие принимались со сроками выслуги классного чина в зависимости от сословной принадлежности и образования. Канцеляристы из дворян производились в низший классный чин коллежского регистратора через два года после начала службы, а выходцы из податных сословий спустя 12 лет. Производство из чина IX класса в VIII (коллежского асессора) для дворян осуществлялось через 4 года, для недворян — через 12 лет. При этом последний чин предполагал наличие либо университетского диплома, либо аттестата о сдаче соответствующих экзаменов. С 1856 г. поступавшие на гражданскую службу могли рассчитывать на тот чин, который определяла исключительно их профессиональная

квалификация (ученая степень, звание, диплом). Для производства в следующий чин устанавливались единые сроки независимо от образования и сословного происхождения.

■ **Как готовили профессиональных чиновников?** В первой половине XVIII в., когда поступление представителя служилого сословия на гражданскую службу определялось главным образом его непригодностью к военной, постановка профессионального обучения сводилась в основном к стажировке на месте будущей службы. Так сложился институт коллегии юнкеров: 6—7 дворянских недорослей прикреплялись к каждой из коллегий, в которых в ходе практики обучались навыкам канцелярской работы. В 1721 г. при Сенате была учреждена школа для подготовки подьячих. В середине и второй половине XVIII в. на базе более широкой сети учебных заведений (кадетских корпусов, воспитательных домов, отчасти Московского университета) удалось несколько поднять образовательный уровень части чиновников. Созданная в 1804 г. система высших, средних и низших учебных заведений (университеты, губернские гимназии и уездные училища) способствовала притоку подготовленных кадров в государственный аппарат. Для создания дополнительных стимулов к повышению образовательного уровня в среде чиновничества в **1809 г.** при участии М. М. Сперанского для соискателей чина коллежского асессора было введено обязательное высшее образование. При его отсутствии было необходимо сдать экзамен государственной комиссии. Сдавали экзамен по следующим дисциплинам: «Науки словесные», «Правоведение», «Науки исторические», «Науки математические и физические». Несмотря на невысокий уровень требований к экзаменующимся, для большинства чиновников они оказались непосильными. Это побудило правительство отказаться от них, однако зависимость служебной карьеры от образовательного уровня была подтверждена и в 1834, и в 1856 г. Университеты, Училище правоведения и стажировки за рубежом в первой половине XIX в. становятся базой для пополнения бюрократии высококвалифицированными специалис-

тами. Для подготовки специалистов экстра-класса наиболее одаренные студенты университетов, Петербургской и Московской духовных академий прикреплялись в качестве стипендиатов ко Второму отделению Императорской канцелярии и направлялись на обучение в западные, преимущественно германские, университеты. По возвращении на родину они стажировались в канцелярии, а затем по желанию распределялись преподавателями в университеты. Стипендиаты Второго отделения стали наставниками большинства русских юристов — активных деятелей реформ 60—70-х гг. XIX в. В 1755 г. доля чиновников с высшим образованием составляла всего 1,1%, в середине XIX в. — 29,4%, в конце XIX в. — 39,5%. Однако в целом качественные изменения чиновничества происходили медленнее, чем это требовалось в условиях модернизации и усложнения функций государственного аппарата.

Несмотря на стремление верховной власти обеспечить расширение бюрократического корпуса за счет дворянства, он непрерывно пополнялся разночинцами. Это обусловливалось невысоким престижем гражданской службы среди дворянства и вообще его освобождением от обязательной государственной службы в 1762 г., а также растущими потребностями государственного аппарата в кадрах (особенно остро они проявились в ходе проведения губернской реформы 1775 г.). Мало-помалу власть признала необходимость привлечения людей из непривилегированных сословий и попыталась даже ускорить их интеграцию в бюрократический корпус. В августе 1798 г. был принят сенатский указ «О исключении приказного звания людей из подушного оклада и о неопределении в статскую службу из купеческого, мещанского и другого подушные подати несущего звания без представления Сенату о надобности в оных». Этот указ хотя и ограничивал по-прежнему поступление на гражданскую службу людей из податных сословий, однако не исключал такой возможности и, более того, на вновь поступивших распространялась одна из привилегий высших сословий — освобождение от подушной подати.

Тем не менее состав различных категорий чиновников существенно разнился. В середине XIX в. выс-

шая бюрократия (чины первых четырех классов) почти на 70% состояла из помещиков, потомственных дворян. И хотя доля землевладельцев к началу XX в. снизилась, дворянско-аристократический облик этой категории полностью сохранился. В составе среднего и низшего чиновничества, наоборот, преобладали выходцы из непривилегированных сословий, а доля потомственных дворян составляла не более 20%. На рубеже XIX—XX вв. она увеличивается до 40% в основном в категории среднего чиновничества, а среди низшего остается на прежнем уровне. Приток дворянства на государственную службу в пореформенное время определялся его оскудением, утратой земельной ренты как источника существования и неприспособленностью многих помещичьих хозяйств к рыночным условиям.

■ **Денежное жалованье.** В 1715 г. была создана государственная касса и введены единые годовые оклады для всех чиновников. Государство могло теперь требовать от них исправной службы без дополнительных поборов с населения. Однако после смерти Петра I в 1726—1727 гг. в целях удешевления государственного аппарата было сокращено количество чиновников, получающих жалованье, уменьшен оклад, а для канцелярских служителей и вовсе упразднен. Тем самым был сделан шаг назад, в прошлое, с его практикой «кормления от дел». Символом этого отката стало введение *акциденции*. Она возникла как форма вознаграждения чиновника частным лицом и служила лишь дополнением к жалованью. В 1726 г. акциденция была узаконена как основной доход для канцелярских служителей. И хотя закон предписывал им довольствоваться доброхотными подношениями и не вымогать взяток, граница между этими двумя понятиями становилась весьма зыбкой. Разлагающее воздействие этой практики на бюрократию не подлежит сомнению.

В 1763 г. Екатерина II восстановила денежное жалованье чиновникам и попыталась пресечь взяточничество. С 1764 г. отставным чиновникам (не всем) стали начисляться пенсионы, что также способство-

вало оздоровлению обстановки в государственных учреждениях.

Основная масса низшего и среднего чиновничества не отличалась обеспеченностью. Особенно тяжелым было положение канцеляристов, получавших в первой половине XIX в. жалованье в несколько десятков рублей в год. Положение среднего чиновничества было много лучше (жалованье превышало 250 руб. в год), но и им приходилось прибегать к дополнительным заработкам (например, переписывать и вести деловую документацию у богатых купцов, давать частные уроки). Представителям высшей бюрократии помимо окладов часто выплачивались дополнительные суммы: «аренда» (заменяла земельные пожалования) в размере от нескольких сот до нескольких тысяч рублей в год; «столовые», «квартирные», деньги на путевые издержки. Наиболее высокие оклады в конце XIX в. были у министров и директоров департаментов в Министерстве внутренних дел (соответственно около 24,5 тыс. и 8 тыс. рублей в год). В начале XX в. член Государственной думы получал 4,5 тыс. рублей в год, учитель гимназии и участковый пристав по 1 тыс.

К этому времени заметно улучшилось обеспечение чиновников всех рангов, на более регулярной основе стала начисляться и пенсия. Но это не устраняло казнокрадства и взяточничества служащих, в особенности в среде губернской администрации. Рассадником коррупции являлась система сдачи тех или иных статей государственных доходов в откуп частному лицу (откупщику). Характерно, что размер мзды, которую руководители губернской администрации брали с откупщиков, в первой половине XIX в. определял их неофициальный рейтинг. Тот, кому платили много, рассматривался как влиятельная фигура. В 60-е гг. XIX в. откупная система была упразднена, а сменившая ее акцизная (см. главу 12) резко снижала возможности незаконных доходов (во избежание злоупотреблений для чинов акцизного ведомства устанавливались очень высокие оклады).

Пореформенное время в России характеризуется и таким феноменом, как бюрократическое предпринимательство. Его питательной средой служил бюрократический контроль над растущей буржуазией. Кон-

цессионная (разрешительная) практика учреждения акционерных компаний и административное регулирование промышленности предрасполагали к заключению негласных соглашений между бюрократами и предпринимателями. Сенатор М. Б. Веселовский так комментировал «учредительную лихорадку», охватившую бюрократические круги: «Право приглашать в число учредителей других лиц открывало возможность располагать в свою пользу таких особ, у которых было мало денег, но много связей и влияния. Достаточно было записать на его имя известное число акций (может быть, без всякого взноса с его стороны), потом перепродать эти акции по возвышенной цене и полученную разницу поднести в виде магарыча мнимому акционеру». 3 декабря 1884 г. Александр III утвердил решение Комитета министров, запрещавшее чиновникам участвовать в руководящих органах этих обществ. Однако в законе были быстро найдены лазейки (например, участие должностных лиц в акционерных обществах на правах рядовых членов). Но в целом бюрократическое предпринимательство не было широко распространено. По справедливому замечанию П. А. Зайончковского, российское чиновничество в своей массе не было приспособлено к занятиям коммерцией, а если и включалось в них, то на патриархально-помещичьей основе. Классическим примером может служить «бизнес-проект» министра внутренних дел И. Л. Горемыкина и петербургского градоначальника Н. Б. Клейгельса, снабжавших столичные пожарные команды по повышенным ценам сеном, овсом и дровами из своих имений.

■ **Чиновные традиции.** Российское чиновничество, сформировавшееся к концу XVIII в., постепенно выработало собственную систему норм и ценностей. Особую роль в этом процессе сыграли акты Екатерины II, отделившие чиновничество даже в лице его низших служителей от непривилегированных сословий. Во главе угла таких корпоративных представлений находилась традиция чинопочитания. Она опиралась на требования этикета и ритуалы. Субординация, уважение к старшему по чину выражались в повседневной практике в массе значимых мелочей. Например, в

письменных обращениях вышестоящего чиновника нижестоящему полагалось только подписать свою фамилию, в то время как нижестоящий был обязан, помимо подписи, называть свои звания и чин. В концентрированной форме субординация проявлялась в обязательном титуловании, подчеркивавшем социальное превосходство одних и ущемленное положение других (для I и II классов было принято обращение «Ваше высокопревосходительство», для III и IV классов — «Ваше превосходительство», для V класса «Ваше высокородие», для VI—VIII классов «Ваше высокоблагородие», для IX—XIV классов — «Ваше благородие»).

Большинство российских чиновников старались не запятнать честь мундира, ценили свою службу не только как источник существования, но и как поприще общественно полезной деятельности. Можно согласиться с мнением отдельных историков (в частности, Б. Н. Миронова) о том, что отрицательные героибюрократы, изображенные в произведениях Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. В. Сухово-Кобылина, в жизни имели не много прототипов. Преувеличенно критическая оценка чиновничества в публицистике и художественной литературе была во многом навеяна установками политической борьбы с самодержавием. К тому же бюрократия была относительно доступной мишенью для нападок оппозиции. Однако такой подход игнорировал многие прогрессивные устремления власти и положительные стороны деятельности чиновничества.

Бюрократический корпус России был выпестован властью и оставался с ней неразрывно связан вплоть до падения империи в 1917 г. В условиях огромной пропасти, разделявшей власть и общество, бюрократическая организация являлась важнейшей движущей силой и надежным тылом власти. Эта роль во многом объясняет динамику численного роста сословия управленцев, которая намного опережала динамику роста народонаселения в стране. Так, если в середине XVIII в. общая численность чиновничества составляла немногим более 5 тыс. человек, то к концу века она уже достигла 16 тыс., в 1867 г. — около 86 тыс., а к началу XX в. приближалась к 500 тыс.

Глава 10

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА. АРМИЯ

■ **Создание регулярной российской армии.** Основы армии были заложены в правление Петра I. В 1680-е гг. Петр, проживавший в Преображенском, в удалении от большого двора, с увлечением предавался «марсовым» потехам. Именно во время военных игр юного царя образовались *«потешные» войска*, которым суждено было стать ядром будущих вооруженных сил государства. Поначалу их состав пополнялся за счет придворных чинов (стольников, спальников), дворцовых служителей, затем за счет более профессиональных новобранцев — солдат полков иноземного строя. В начале 90-х гг. «потешные» отряды были преобразованы в два полка — Преображенский и Семеновский. Вместе с другими соединениями они приняли участие в Азовских походах 1695—1696 гг. После них Петр I приступил к кардинальной перестройке вооруженных сил. Этого требовала предстоящая война со Швецией — одним из самых милитаристских государств в Европе. В 1698 г., после подавления стрелецкого мятежа, были распущены прежние воинские формирования: стрельцы, полки иноземного строя и дворянского ополчения. В 1699 г. был объявлен призыв «даточных» людей. По существу, это был первый набор *рекрутов* — поставляемых податными сословиями воинов. Первоначально землевладельцам предписывалось обеспечить не менее чем по 1 солдату с каждых 20 крестьянских дворов. С 1705 г. ответственность за поставку рекрутов возлагалась на городские и сельские общины. Они определяли выбор кандидатов и очередность участия семей в отбывании повинности. Даточные становились солдатами регулярной армии. Заботы об их содержании, обучении и использовании брало на себя государство.

Военная служба была пожизненной — сданный государству рекрут по сути дела навсегда прощался со

своей малой родиной и сородичами. Близкие горевали о нем как об умершем, соседи собирали отбывавшему денежную подмогу — 150—200 рублей. Чтобы рекруты не убегали, их заковывали в колодки, с 1712 г. на левой руке иглой им делали специальные наколки и натирали порохом — по такой метке беглый мог быть опознан в любой местности. В середине XVIII в. этот обычай был заменен обриванием волос на передней части головы (отсюда пошло выражение «забривать лбы»). Всего за первую четверть XVIII в. через рекрутские наборы государство получило 200 тыс. воинов. Сама процедура поставки рекрута оставалась неизменной на протяжении XVIII — первой половины XIX вв. Вот как описал ее А. И. Герцен в своих мемуарах «Былое и думы»: «Чаще всего отдавали дворовых в солдаты; наказание это приводило в ужас всех молодых людей; без роду, без племени, они все же лучше хотели остаться крепостными, нежели... тянуть лямку. Являлись два полицейских солдата по зову помещика, они воровски, невзначай, врасплох брали назначенного человека; староста обыкновенно тут объявлял, что барин с вечера приказал представить его в присутствие, и человек сквозь слезы куражился. Женщины плакали, все давали подарки, и я отдавал все, что мог, то есть какой-нибудь двугривенный, шейный платок».

Другим источником комплектования армии являлся прием *волонтеров* — так называемых «охочих людей» из числа лично свободных подданных. Они служили за денежное вознаграждение — 11 рублей в год (напомним, что стрелецкое жалованье в конце XVII в. составляло 5 рублей в год). В число «охочих» нередко стремились попасть беглые крепостные. Но при Елизавете Петровне эта практика была отменена: беглых в составе новобранцев выявляли и отправляли назад к помещику.

Третьим каналом пополнения вооруженных сил была мобилизация дворянского сословия. В отличие от податных сословий, для которых рекрутская повинность носила общинный характер, дворянство было привлечено к поголовной личной службе. В известной мере она ставила дворян в неравное поло-

жение с рекрутами: они помещались в одинаковые условия и в общую среду с тем «социальным материалом», который был на местах забракован общинами (в лице рекрута община старалась освободиться от бузотеров, пьяниц, тунеядцев и т. д.). Дворяне стремились попасть в престижные гвардейские части. *Гвардия* (т. е. элитные воинские части, предназначенные для охраны царской семьи, дворца, а также для подготовки командных кадров) в первой четверти XVIII в. была представлена Преображенским и Семеновским полками. В конце царствования Петра I к ним добавились драбанты, или кавалергарды (участвовавшие в торжественных церемониях во дворце). Преображенский и Семеновский полки служили образцом при создании частей полевой армии в конце XVII — начале XVIII в., а некоторые их офицеры уже с чинами генералов занимались обучением армейского контингента военнослужащих. Кроме того, на базе двух гвардейских полков в это время были развернуты военные учебные заведения — Бомбардирская и Инженерная школы.

В результате проведенной в первой четверти XVIII в. военной реформы была создана регулярная армия, численность которой составила 210 тыс. человек. Основу ее составляла *пехота*. Главной единицей был полк, состоявший из двух батальонов (каждый по четыре роты). На вооружении пехотинцев находились ружья с кремневым замком — фузеи, отсюда и другое название пехотинцев — фузелеры. Петр I любил свою армию и прилагал энергичные усилия к тому, чтобы даже в условиях постоянной нехватки средств обеспечить ее хорошим довольствием. Так, ежедневный рацион рядового состоял из фунта мяса (410 г), двух фунтов хлеба, двух чарок вина (0,24 л) и гарнца (3,3 л) пива. Ежемесячно выдавалось по 1,5 гарнца крупы и по два фунта соли. Специальный закон 1724 г. о поселенных полках — «Плакат» регулировал отношения местного населения с военными постояльцами. Полковой двор, который строили крестьяне, превратился в один из центров местного управления. Командир полка наделялся административными полномочиями. На расквартированные части возлагались обязанности по сбору подушной

подати, недоимок по платежам, обеспечение паспортного режима, задержание преступников и подозрительных лиц, принятие мер противопожарной безопасности. Таким образом, армия принимала активное участие в местном управлении, а ее кадры служили источником для пополнения гражданской администрации.

Армия как главная силовая структура власти и своего рода модель организации общества традиционно находилась в центре внимания правящих кругов и после смерти Петра I. Ее численность росла — к 1764 г. она достигла 226 тыс. человек, а к 1801 г. уже 379 тыс. Из-за перенапряжения сил страны, вызванного форсированной модернизацией и бесконечными войнами, возникла потребность в некоторой корректировке военной политики. В первую очередь речь шла о снижении размера общественных издержек на содержание армии и некотором облегчении воинской повинности. Чтобы разгрузить уезды от засилья военных во второй половине 20-х гг. XVIII в. правительство попыталось перевести воинские части из сельской местности в города. Крестьяне освобождались от обязанности строить полковые дворы, а подушную подать теперь взимали не военные отряды, а в основном помещики и управители.

■ **Армия от Анны Иоанновны до Александра II.** С 1731 г. воинские команды вновь вернули в села и возобновился сбор денег с населения. Возрастание социальной напряженности во второй половине XVIII в. также побуждало правительство сохранять большую часть военного контингента на местах для выполнения полицейских функций. В 1763 г. вся территория страны была разделена на 8 «дивизий» (некое подобие военных округов). Вооруженные силы концентрировались на северо-западе страны, что было обусловлено неустойчивыми отношениями с Польшей и Швецией. В конце XVIII в. при Павле I армию начали размещать по казармам, что во многом улучшило условия солдатской жизни и устранило обоюдные для армии и населения неудобства постоя. Однако окончательное устройство казарменного быта завершилось только к 90-м годам XIX в. Павел I,

пытавшийся восстановить некоторые принципы военной политики Петра I, сделал немало полезного для облегчения солдатской службы: были запрещены вольные работы, в качестве зимней формы обмундирования были введены шинели, нижние чины за двадцатилетнюю беспорочную службу стали награждать знаками ордена Святой Анны. Павел I пользовался популярностью среди рядового состава, а его кончина буквально потрясла солдат. «Безмолвные шеренги плачущих гренадер, молча колеблющиеся линии штыков в роковое утро 11 марта 1801 г. является одной из самых сильных по своему трагизму картин в истории русской армии», — замечал военный историк А. А. Керсновский. Однако на протяжении всего дореформенного периода более или менее сносные условия содержания армии представляли собой скорее исключение, нежели общее правило. Постоянная нехватка средств сказывалась на физической форме воинов, вызывала высокую смертность среди личного состава.

С 1816 г. стали насаждаться *военные поселения*. Они не были чисто российским изобретением: близкий по содержанию институт имелся в Швеции (так называемые войска индельта) и в Австрии (граничаре). Однако в России им придавалось особое значение. Под поселенные войска отводились целые волости, населенные государственными крестьянами. Сюда же переселялись отдельные солдатские полки. Население таких колоний должно было нести военную службу и одновременно заниматься сельским хозяйством, чтобы обеспечить себя всем необходимым. Подрастающая смена готовилась на месте — в лице кантонистов — солдатских детей, с малолетства приучаемых к службе, совмещаемой с хлебопашеством. Тем самым планировалось с течением времени снять с населения рекрутскую повинность, прибегая к ней лишь в случае военных действий. Быт военных поселян был подчинен строжайшему регламенту: строевая подготовка перемежалась с полевыми работами, все ежедневные занятия, расписанные буквально по часам, проходили под присмотром офицеров. Начальником военных поселений был назначен бывший военный министр, председатель военного департамента

Государственного совета А. А. Аракчеев. С присущей ему последовательностью он приступил к претворению замысла в жизнь, невзирая на активное сопротивление самих военных поселян. К концу царствования Александра I корпус военных поселян охватывал одну треть армии. Однако эта часть войска не только не оправдала возлагаемых на нее надежд, но и стала источником нестабильности в стране. Волнения военных поселян в 1819 г. в Чугуеве близ Харькова, в 1831 г. в Новгороде и Старой Руссе вынудили правительство заняться их постепенным реформированием. В 30-е гг. военные поселения были переведены примерно на те же условия отбывания рекрутской повинности, что и остальные населенные пункты в стране. Окончательно они были упразднены после Крымской войны.

Весь послепетровский период прошел под знаком постепенного освобождения от обязательной военной службы дворянства и других групп населения. В 1731 г. указом Анны Иоанновны отменялся закон Петра I от 1714 г. о единонаследии. Также одному из дворянских сыновей или единственному сыну в семье для управления хозяйством разрешалось оставаться дома. В том же году в Петербурге был учрежден Первый шляхетский кадетский корпус — военизированное учебное заведение для дворянских отпрысков, по окончании которого они могли поступать на службу уже не рядовыми, а офицерами.

В 1736 г. последовала новая уступка: устанавливался 25-летний срок службы дворян, а начиналась она с 20-летнего возраста. Наконец, 18 февраля 1762 г. Петром III был подписан Манифест об освобождении дворянства от обязательной государственной службы.

Манифестом Екатерины II от 1775 г. от рекрутской повинности освобождалось гильдейское купечество — верхи торгово-промышленного населения города, обладавшие капиталом не менее чем 1000 рублей. По городовому положению 1785 г. эта льгота распространялась на именитых граждан — высший слой городского населения, объединявший крупных купцов и финансистов и лиц свободных профессий. В 1832 г. при Николае I освобождение от рекрутской повинности на-

ряду с другими привилегиями было предоставлено почетным гражданам, к которым были отнесены дети личных дворян, православных священников, купцы 1-й и 2-й гильдии, чиновники с классным чином, выпускники университетов, ученые со степенью и званием. Во второй четверти — середине XIX в. допускалась и практика замены: кандидат в рекруты мог вместо себя выдвинуть заместителя или купить государственную зачетную квитанцию. Такие квитанции выпускались в количестве, позволявшем восполнить потребность армии в воинах за счет вольноопределяющихся, т. е. волонтеров. С начала 70-х гг. XIX в. в оборот были запущены выкупные квитанции, по сути узаконившие возможность откупа от рекрутской повинности. Результатом этих мероприятий, по словам профессора Академии Генерального штаба и военного министра начала XX в. А. Ф. Редигера, явилось отпадение от армии всех «сколько-нибудь возвышающихся над общим уровнем классов общества».

Некоторые послабления последовали и для непривилегированных социальных групп: с 1784 г. вместо пожизненного срока службы для рядового состава вводился 25-летний, а для кавалерии — 15-летний срок, затем нижние чины могли переводиться либо в пехоту, либо в гарнизоны для отбывания оставшегося 10-летнего срока.

В 1834 г. при Николае I срок службы для нижних чинов был установлен в 20 лет, хотя в течение последующих пяти лет они считались не уволенными, а находящимися в отпуске. После 1855 г. и до 1874 г. общий срок службы, как правило, уже не превышал 15 лет, а на практике зачастую ограничивался 7—12 годами. В XIX в. воинская повинность не распространялась на жителей Бессарабии, инородческое коренное население Сибири, иностранных колонистов и переселенцев в Россию и некоторые другие этнические группы.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. были пересмотрены и принципы раскладки рекрутской повинности среди податного населения. В среднем выставлялся 1 человек со 100 ревизских душ, в условиях военного времени норма могла быть повышена до 7 человек. Как правило, наборы рек-

рутов производились каждый пятый год. В 1854 г. в условиях Крымской войны наборы стали ежегодными и осуществлялись по жребию. Суть такой системы состояла в создании определенных льгот для семей с небольшим количеством работников и тех семей, которые уже сдали государству одного рекрута. В первую очередь жеребьевка проводилась среди молодых мужчин (с 21 года), бездомных, холостяков или, наоборот, семей более чем с 4 работниками. Полное освобождение от повинности получали единственные работники в семье.

Результатом множественных изъятий из рекрутской повинности явилось качественное ухудшение личного состава вооруженных сил. По словам военного министра Александра II Д. А. Милютина, армия фактически превратилась в разновидность исправительного учреждения. В 1861 г. из двух с небольшим тысяч набранных рекрутов подавляющее большинство составляли лица, сданные «без зачета», от которых местные власти пытались избавиться за те или иные противоправные поступки. Такой способ пополнения армии снижал ее боеспособность. По мнению ряда военных специалистов, поражение России в 1856 г. было предопределено не только технико-экономической отсталостью, устаревшим вооружением русской армии, но и утратой к тому времени многих ценных навыков боевой выучки войск. Например, французская армия была вооружена немногим лучше русской (нарезное оружие имели, как и в России, только несколько полков).

Разумеется, в русской армии было много и высокопрофессиональных военных. Высокий уровень боевой подготовки и дисциплины отличал элитные войска — гвардию. Она занимала особое место в военной политике власти. Гвардия была выведена из ведения Военной коллегии и подчинена непосредственно главе государства и членам его семьи. Тесная связь с ней монарха подчеркивалась тем, что все императоры после Петра I являлись шефами и полковниками гвардейских полков, хотя редко управляли ими лично. В гвардейских полках в отличие от армейских существовало коллегиальное управление: распорядительной властью пользовался совет старших офицеров, замет-

но ограничивавший полномочия старшего командира. Введение принципа единоначалия и перевод гвардии в подчинение Военной коллегии состоялись только в конце XVIII в. при Павле I.

Послепетровский период отмечен появлением новых гвардейских полков: в 1730 г. были созданы Измайловский и Конный полки, а в самом конце XVIII в. — Гусарский и Казачий, а также Артиллерийский батальон. В начале XIX в. появились лейб-гренадерский, лейб-кирасирский и Павловский гвардейские полки. В 1813 г. все они были сведены в гвардейский корпус (с 1829 г. назывался Отдельным гвардейским корпусом). Год спустя был образован гвардейский Генеральный штаб, в становлении которого большую роль сыграл генерал-фельдмаршал П. М. Волконский.

Гвардия служила своеобразной кузницей кадров для армии. В течение столетия путем переводов из гвардии в армию в ней заполнялось около трети (а в отдельные периоды и более) офицерских вакансий. При этом согласно Табели о рангах гвардейцы считались двумя рангами выше соответствующих армейских и одним рангом выше артиллерийских чинов. Только с 1884 г., после реформы чинопроизводства, различие гвардии перед армией стало измеряться одним чином.

Однако при всей привлекательности гвардии для дворян военная служба была тяжелой школой. Как и рекруты, молодые дворяне должны были начинать ее с нижних чинов и только через 5—6 лет и больше получали повышение в звании. С 1721 г. предписывалось останавливать производство в следующий чин тех унтер-офицеров и офицеров, которые не прошли курс обучения в одном из гвардейских полков. Поэтому неудивительно, что дворянство, мирившееся с неудобствами своего положения при авторитарном государе, стало смелее высказывать недовольство при более слабых правителях.

Тем не менее при всех зигзагах правительственной политики в отношении дворянского сословия неизменной оставалась установка на удержание в составе вооруженных сил, гвардии ее профессионального ядра. Это относилось и к дворянству, и к тем выходцам

из податных сословий, которые доказали свою пригодность к военной службе. Согласно Табели о рангах военная служба открывала им облегченный по сравнению с гражданской службой путь в высшее сословие. Было достаточно дослужиться до первого обер-офицерского чина (XIV класс по Табели) — прапорщика. На фоне непрерывных войн первой четверти XVIII в. армия превратилась в мощный инструмент вертикальной мобильности в обществе. К концу Северной войны в ее командном составе насчитывалось до 14% выходцев из податных сословий.

Нормативы, закрепленные Табелью о рангах, сохранялись в силе до 40-х гг. XIX в. Из-за усиления притока в офицерский корпус лиц недворянского происхождения был введен новый распорядок, по которому первый обер-офицерский чин (прапорщик) давал только личное, и лишь первый штаб-офицерский чин (майор, VIII класс) — потомственное дворянство. С 1856 г. потомственное дворянство давал чин полковника (VI класс). Правила, связанные с награждением орденом, на военной службе были такими же, как и в гражданских ведомствах (присвоение потомственного дворянства обусловливал любой российский орден, со второй половины XIX в. — только орден высшей степени, за исключением орденов Святых Владимира и Георгия).

■ **Организация вооруженных сил.** Основы организационного устройства регулярной российской армии сложились в первой четверти XVIII в. Основной тактической единицей стал полк, делившийся на два батальона, а те — на четыре роты. Были созданы должности генерал-провиантмейстера, ведавшего провиантским обеспечением; генерал-комиссара (высшая военно-судебная инстанция); генерал-фельдцейхмейстера, руководившего инженерной, саперной частями и артиллерией. Все они, в свою очередь, были подчинены Военной коллегии.

В канун Отечественной войны 1812 г. была проведена реорганизация армии. Значительно увеличилось количество частей. Были созданы пехотные, кавалерийские корпуса и дивизии, внутренняя стража.

Немалая заслуга в преобразовании русской армии в этот период принадлежала А. А. Аракчееву, исполнявшему в 1808—1809 гг. обязанности военного министра. Блестящий знаток артиллерии он сумел организовать производство и поставку армии орудий, превосходивших европейские аналоги, создать сеть запасных рекрутских депо, на базе которых в Отечественную войну готовились резервные части армии. Подтянув дисциплину и обучение кадров, Аракчеев способствовал нарождению плеяды высокопрофессиональных военачальников в российской армии. По словам военного историка А. А. Керсновского, «из многотрудной аракчеевской школы вылетели орлы наполеоновских войн: Ермолов, Яшвиль, Никитин, Костенецкий, Железнов».

Реформы 60—70-х гг. XIX в. были связаны с военным министром Д. А. Милютиным. Перед ним была поставлена задача уменьшения военных расходов с пересмотром штатов войска и системы военного управления. К 1861 г. насчитывалось более 1 млн военнослужащих регулярной армии, а военные расходы поглощали около 38% бюджета. Во главу угла военной реформы был положен принцип децентрализации войскового управления путем создания пятнадцати военных округов. Командующие округами соединяли в своих руках и высшее командование войсками, расположенными в округе, и контроль над военной администрацией. (Использовалась старая схема совмещения войскового командования с бюрократическим администрированием, которая воплощалась в институте генерал-губернатора.)

В 1865 г. был учрежден *Главный штаб* — высший орган оперативно-стратегического и строевого управления войсками, подчиненный военному министру. Структурным подразделением Главного штаба стал *Генеральный штаб* (создан в 1827 г.). Офицеры Генерального штаба, специалисты по военной стратегии, составляли узкую замкнутую корпорацию, им было обеспечено повышенное содержание и ускоренное продвижение по службе. В 1864 г. была проведена частичная демобилизация личного состава, упорядочены рекрутские наборы. Были реформированы военно-учебные заведения. Из 17 кадетских корпусов бы-

ли сохранены только два — Пажеский и Финляндский. Остальные были переформированы в военные гимназии или в военные училища. Создавались юнкерские училища, заполнявшиеся вольноопределяющимися или воспитанниками военных прогимназий и обеспечивавшие кадрами большую часть офицерского корпуса. Была создана Военно-юридическая академия, расширена Академия Генерального штаба, основанная в 1832 г. Однако замена кадетских корпусов с их устоявшейся системой военного воспитания и вековыми традициями гимназиями с преобладанием гражданских воспитателей не дала положительного эффекта.

В 80-е гг. они были закрыты и восстановлена прежняя система кадетских корпусов. Одновременно с этими преобразованиями происходило и перевооружение армии: гладкоствольное оружие заменялось нарезным и скорострельным, появилась винтовка Бердана, а в 80-х гг. и пулемет.

Венцом военных реформ стало кардинальное изменение принципов комплектования армии. В **1874 г.** в России была введена *всеобщая воинская повинность*. К ее исполнению привлекались мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Сроки службы устанавливались для сухопутных войск 6 лет на действительной службе и 9 лет в запасе, для военно-морского флота соответственно 7 лет и 3 года. Такая система позволяла в военное время рассчитывать на массовый подготовленный резерв. От воинской повинности освобождались христианское и мусульманское духовенство, преподаватели вузов и обладатели ученых степеней. Сокращенные сроки службы предусматривались для лиц со средним и вышим образованием. Таким образом, реформа 1874 г. защищала развивающуюся в стране систему образования, но при этом лишала армию наиболее подготовленных в интеллектуальном отношении призывников. Льготы по семейному положению предусматривали освобождение единственного сына в семье, единственного кормильца и т. д. Освобождались от службы нерусские жители Средней Азии, Казахстана, некоторых округов Сибири, Астраханской, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Закаспийской

областей, Архангельской губернии. Для нехристианского населения Северного Кавказа, Закавказья и финнов отбывание воинской повинности заменялось уплатой особого денежного сбора.

Оценивая все эти изъятия, А. Ф. Редигер замечал, что снова, как и в конце дореформенного периода, «интересы общества ставились выше интересов армии».

Достаточно противоречивые оценки спустя время вызвала и организационная перестройка армии, осуществленная в 60—70-е гг. В частности, военными специалистами отмечалось, что военно-окружная система, давшая огромную власть командующим округов, разрушила единообразие в обучении рядового состава, а подчинение строевых начальников штабным, проведенное во всех уставах и положениях милютинской эпохи, привело к бюрократизации всего военного управления.

Эти негативные стороны военных реформ 60—70-х гг., дополненные застоем и рутиной в делах армии при последующих военных министрах — П. С. Ванновском (1881—1897) и А. Н. Куропаткине (1898—1904), и обусловили слабость русской армии в войне с Японией 1904—1905 гг.

Занявший пост военного министра в 1905 г. А. Ф. Редигер главными недостатками армии считал самоуправство командующих округами, фактическую несменяемость высшего командного состава, замедленное продвижение по служебной лестнице армейских офицеров и бедственное положение солдата. На руководящую роль в вооруженных силах претендовали одновременно Совет государственной обороны во главе с великим князем Николаем Николаевичем, военное и морское министерства, Генеральный штаб, выделенный в 1905 г. из состава Главного штаба и поставленный во главе окружных штабов, генерал-инспектора, Совет министров. Сам император ревниво следил за тем, чтобы во всех случаях соблюдались его прерогативы верховного вождя армии. Все эти обстоятельства крайне затрудняли преобразование армии.

Тем не менее Редигеру удалось осуществить немало полезных нововведений. Были приостановлены

центробежные тенденции в военном управлении и усилена роль военного министра, подвергнуты серьезной чистке командные кадры высшего и среднего эшелонов; приняты меры по увеличению окладов обер-офицерскому составу и улучшению быта солдат. В марте 1906 г. сроки действительной службы были сокращены: для пехоты и пешей артиллерии до трех, для остальных родов войск — до четырех лет. Это позволило охватить военной подготовкой большую часть военнообязанного населения. В феврале 1909 г. Редигер поддержал выступление на заседании Государственной думы А. И. Гучкова, критиковавшего порядки в армии и засилье бездарностей в ее командовании. Этот инцидент привел к отставке Редигера и замене его В. А. Сухомлиновым.

■ **Преобразования 10-х гг. XX в. в армии.** Дальнейшая реорганизация армии в основном свелась к введению единообразной структуры пехотных полков и артиллерийских батарей, ликвидации резервных и крепостных войск.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, материально-техническое обеспечение, перевооружение армии отставало от военно-технического переоснащения армий вероятных противников России. Парки артиллерийских орудий в среднем были укомплектованы только наполовину. В годы Первой мировой войны русская артиллерия произвела около 50 млн выстрелов из орудий всех калибров, австро-венгерская в 1,5, а германская в 5,5 раза больше. Накопленных к началу боев боеприпасов едва хватило на первые четыре месяца.

Серьезным просчетом политического руководства и военного командования явилась ставка на преимущественное развитие линейного флота в ущерб сухопутным войскам. Подобная установка вытекала из внешнеполитического курса на захват проливов Босфор и Дарданеллы и достижение господства России на Черном море. Обстоятельная Большая программа усиления армии, одобренная в феврале 1914 г. Государственной думой, не успела дать видимых результатов. Как только кризис вооружения стал очевидным, военный министр Сухомлинов и его ближайшие по-

мощники были смещены со своих постов. Более того, пресса и общественность попытались обвинить министра в шпионаже в пользу Германии (однако следствие не нашло доказательств этому). Замена в 1915 г. Сухомлинова новым министром А. А. Поливановым и принятие Николаем II должности верховного главнокомандующего вместо отосланного на Кавказ великого князя Николая Николаевича не предотвратили катастрофы.

Развал старой армии в немалой степени был предопределен накапливавшимися из года в год социальными проблемами. Непрофессиональная часть армии, набранная из представителей социальных низов, в условиях поражений в русско-японской и мировой войнах, а также революционного брожения в стране оказывалась подверженной антиправительственной агитации. Профессиональное ядро в лице кадрового офицерства переживало кризис. В 1899 и 1909 г. предпринимались меры для улучшения его материального положения, но коренных перемен они не внесли. Особенно острый недостаток средств испытывали обер-офицеры. Между тем обмундирование и снаряжение приобреталось ими за свой счет, систематические отчисления из жалованья шли в кассу офицерского собрания. Еще большие расходы несли офицеры гвардии. Например, служба в наиболее престижном лейб-гвардии Гусарском полку обходилась в среднем в 500 руб. в месяц, что в пять раз превышало размер обер-офицерского жалованья. Доходы штаб-офицеров были в несколько раз выше обер-офицерских, однако уступали оплате гражданских чиновников соответствующих рангов. Все эти факторы ускоряли изменение социального состава офицерского корпуса. Если до середины XIX в. он в основном состоял из поместного дворянства, то во второй половине века из служилого, почти не отличавшегося по своему статусу от разночинцев. В годы мировой войны профессиональное офицерство понесло огромные потери и было в значительной мере заменено слабо подготовленными представителями интеллигенции, внесшими в армию совсем иной дух.

Тем не менее на протяжении всего дореволюционного периода большинство традиций офицерского

корпуса оставались неизменными — это патриотизм, преданность монарху и принесенной присяге, соблюдение офицерского кодекса чести. Находящимся на службе офицерам было запрещено участвовать в политической жизни, и большая часть офицерского корпуса культивировала аполитичность как социальную норму своего круга. Отчасти этой длительной отстраненностью от политической борьбы объяснялось внешне безучастное отношение армии к февральским событиям 1917 г.

Глава 11

РЕПРЕССИВНЫЕ ОРГАНЫ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ

■ **Преображенский приказ и Тайная канцелярия.** В абсолютистском государстве органы политической полиции выполняли разнообразные функции и пользовались особым «надзаконным» статусом. Они подчинялись непосредственно верховной власти, и их важнейшей задачей было выявление и предупреждение ситуаций, угрожающих государственной безопасности, жизни монарха и лиц высшей администрации. На этих началах действовал *Преображенский приказ*. За период его работы (1696—1729 гг.) им было рассмотрено около тысячи сложных политических дел. В **1718 г.** была учреждена *Тайная канцелярия*. Поводом к ее созданию послужило расследование по делу царевича Алексея, искавшего политическое убежище в Австрийской империи, но хитростью возвращенного домой (особая заслуга в выполнении этого поручения царя принадлежала П. А. Толстому, ставшему первым руководителем Тайной канцелярии). Тайная канцелярия была органом политического следствия по преступлениям, которые привлекали личное внимание царя, а также чрезвычайным происшествиям в Петербурге и его окрестностях. Таким образом, Тайная канцелярия контролировала новую столицу и прилегающие к ней территории, Преображенский приказ, находившийся в Москве, курировал остальную, большую часть России. С 1724 г. началась

подготовка реформы политического сыска, централизации его деятельности. Однако осуществить это Петр I не успел, реформа была отложена до 1731 г.

Стимулом к ее осуществлению послужило выступление членов Верховного тайного совета в 1730 г. (так называемая «затейка верховников»). Уничтожение императрицей Анной Иоанновной Верховного тайного совета в 1730 г. и передача Сенату расследования политических преступлений были первым шагом к реорганизации системы политического сыска. Вторым — явилось учреждение в апреле **1731 г.** *Канцелярии тайных разыскных дел* при Сенате. Соответствующий указ формально приравнивал ее к коллегии, однако на деле ставил выше прочих учреждений и помещал вне зоны контроля самого Сената. В 1732 г. была создана Московская контора тайных разыскных дел. В ведении Канцелярии тайных разыскных дел сосредоточились дела по столице и ее окрестностям, а к Московской конторе отошли дела по всей остальной территории империи. Первую возглавил А. И. Ушаков — помощник П. А. Толстого по Тайной канцелярии. Ушаков получил право личного доклада императрице. Во главе московского «филиала» был поставлен один из ее родственников — С. А. Салтыков. Только за первые четыре года существования Московской конторы через ее горнило прошло свыше 4 тыс. подследственных и было проведено более тысячи процессов. Дела, разбиравшиеся Канцелярией, уступали по количеству, однако имели больший политический вес, поскольку касались самых опасных злоумышленников из высших сословий. К последней категории дел относились, например, дела олигархически настроенной аристократии, крупных архиереев, добивавшихся восстановления патриаршества. Несмотря на то что в 40—50-е гг. объем работы Канцелярии несколько уменьшился (в среднем за десятилетие через нее прошло 2,5 тысячи дел), она сохраняла устрашающее воздействие на общество. Следственный процесс включал в себя донос («государево слово и дело»), расспрос, розыск в застенке. Чиновники Канцелярии пользовались исключительной властью, хотя в чиновной иерархии часто занимали весьма скромное место. В середине XVIII в. в Петербурге Канцеля-

рией фактически руководил С. И. Шишковский, а Московской конторой — М. А. Поплавский, которые по Табели о рангах принадлежали лишь к верхнему слою канцелярских служителей. В отличие от политической полиции петровского времени, часто привлекавшейся к разнообразным поручениям и вне сферы сыска, новое учреждение было сугубо отраслевым, а его служители специалистами узкого профиля. Тем самым обеспечивалась профессионализация его деятельности.

Положение Канцелярии тайных разыскных дел пошатнулось при Петре III. Указом императора от 21 февраля 1762 г. подданным запрещалось произнесение сакраментальной фразы «государево слово и дело», предварительное следствие по политическим преступлениям передавалось местным органам власти. Преступник становился объектом следствия в политической полиции только после установления самого факта правонарушения (а не сразу после заявления доносчика, как это было раньше). Канцелярия тайных разыскных дел упразднялась, а ее функции передавались *Тайной экспедиции Сената*. Проведенное преобразование сразу же привело к сокращению потока политических доносов и количества политических дел. Однако не исключено, что именно эта либеральная мера Петра III способствовала оформлению заговора во главе с супругой императора Екатериной Алексеевной и его отстранению от власти 28 июня 1762 г.

■ **Тайная экспедиция и Министерство полиции.** При Екатерине II Тайная экспедиция Сената в среднем рассматривала по 25 дел в год, а при Павле I — уже 180, т. е. в 7 раз больше. В конце XVIII в. политическим сыском среди военнослужащих усиленно занималось военно-судебное ведомство — Генерал-аудиториат. Всего за годы павловского правления различным репрессиям подверглось около 2600 офицеров. Каждый десятый чиновник или офицер прошли через ведомство политического сыска. Однако это не защитило императора. Рост дворянской оппозиции в стране, изощренные интриги заговорщиков во главе с военным губернатором П. А. Паленом, получившим по

воле Павла I обширную власть, в конечном итоге привели к убийству царя в марте 1801 г.

Александр I, занявший престол после смерти Павла, старался не повторять ошибок отца. В годы его царствования была создана разветвленная система политического сыска. В 1802 г. в рамках министерской реформы сложилось *Министерство внутренних дел*, одна из экспедиций которого (2-я) сосредоточилась на политическом сыске и цензуре. Одновременно при петербургском военном губернаторе была учреждена Тайная полицейская экспедиция с широким охватом «предметов и деяний, клонящихся к разрушению самодержавной власти». В 1807 г. был создан Комитет охранения общей безопасности, в задачу которого входили внешняя разведка и поиск агентов враждебных государств внутри страны. С 1810 по 1819 г. работало *Министерство полиции* во главе с генерал-адъютантом А. Д. Балашовым, получившее в общественных кругах наименование «министерства шпионажа». Оно опиралось на особые секретные полицейские органы, существовавшие при обер-полицмейстерах обеих столиц. В 1819 г. Министерство полиции было объединено с Министерством внутренних дел. Кроме того, отдельный орган политического сыска функционировал на юге страны под руководством начальника южных военных поселений графа И. О. Витта.

Разрастание революционных настроений среди офицерства после заграничных походов русской армии побудило Александра I в начале 20-х гг. XIX в. учредить тайную военную полицию при штабе Гвардейского корпуса. Ее возглавил М. К. Грибовский — агент, внедрившийся в Коренную управу Союза благоденствия и сообщивший императору ценные сведения о составе и планах декабристского тайного общества. Эти и другие сведения, поступавшие из разных каналов политической полиции, позволили Александру I произвести необходимые кадровые перестановки и смещения в гвардейских и армейских кругах, которые на время выбили почву из-под ног фрондирующего офицерства.

■ **Третье отделение и корпус жандармов.** Новому императору Николаю I 14 декабря 1825 г. пришлось

прокладывать себе путь к трону через усмирение мятежных полков, выведенных на Сенатскую площадь декабристами. Восстание декабристов со всей остротой поставило вопрос о реорганизации системы политического сыска. Вставала задача централизации всей полицейской власти и создания сети местных органов. Эти соображения развил в своей записке императору начальник штаба гвардейского корпуса А. Х. Бенкендорф. Предложения Бенкендорфа были положены в основу организации III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Официальный указ о его образовании и назначении главным начальником Бенкендорфа последовал 3 июля 1826 г. Особое внимание обращалось на высокий нравственный авторитет, который предстояло снискать в обществе новому учреждению. По преданию, в ответ на просьбу Бенкендорфа об инструкции сотрудникам, Николай I вынул из кармана и вручил белый носовой платок, предназначавшийся для осушения слез страждущих граждан. Этот символ отчасти определил направление работы III Отделения. Во всяком случае общественная репутация «всероссийской помойной ямы» (определение, принадлежащее одному из оппозиционных аристократов времени Николая I князю П. В. Долгорукову) закрепилась за ним не сразу. И сам шеф III Отделения, и император стремились построить новое учреждение таким образом, чтобы в обществе его «боялись и уважали» одновременно. В него предполагалось привлекать служащих с безупречным послужным списком, а также лиц, пользующихся авторитетом в обществе (Бенкендорф даже вынашивал мысль о приглашении на работу в свое ведомство А. С. Пушкина и его брата Льва).

К компетенции отделения были отнесены: сбор сведений о религиозных сектах, фальшивомонетчиках, наблюдение за лицами, состоящими под надзором полиции, высылка подозрительных и неблагонадежных, контроль над иностранными гражданами, надзор за местами заключения, за литературой и печатными органами, за бюрократическим аппаратом, сбор информации о всех значительных происшествиях в границах государства и другие. Многообразие

вопросов, занимавших III Отделение, и возможность оперативного получения им достоверной информации, определяли его положение как канала связи между обществом и государством. Сведения, поступавшие по этому каналу, позволяли верховной власти постоянно держать руку на пульсе общественного мнения.

Штат сотрудников III Отделения был невелик: в начале 40-х гг. в нем было 27 чиновников, в 50—60-е гг. — 40, а 1880 г. — 72 человека, включая сверхштатных сотрудников. Агентурная сеть состояла из секретных сотрудников (осведомителей), агентов наружного наблюдения (филеров), а также «штучников», выполнявших отдельные поручения за единовременное вознаграждение. Отдельную категорию составляли агенты-провокаторы, внедрявшиеся в конспиративные революционные организации. Приведенные данные показывают, что число служащих политического сыска было невелико и не соответствовало образу III Отделения, запечатленному в революционно-демократической публицистике (по определению А. И. Герцена, «вооруженной инквизиции, полицейского масонства, имевшего во всех уголках империи, от Риги до Нерчинска, своих братьев, слушающих и подслушивающих»).

Вооруженной силой и исполнительным органом III Отделения стал корпус жандармов. Жандармы впервые появились в российской армии в 1815 г. — на них возлагались военно-полицейские функции. С начала 20-х гг. круг их обязанностей расширился, им поручался сбор сведений о настроении и моральном духе войск. В 1827 г. они «приписываются» к III Отделению. Главный начальник III Отделения был одновременно и шефом жандармов, а его помощник — начальником штаба жандармского корпуса. Последнюю должность в течение длительного времени занимал Л. В. Дубельт — в молодости активный участник масонских лож, близкий к декабристским кругам «вольнодумец». Его приглашение в III Отделение, полностью себя оправдавшее с точки зрения эффективности, и было связано с планом создателей хотя бы частично опереться в своей работе на либеральную общественность.

Поступление на службу в III Отделение и корпус жандармов было обусловлено рядом требований: дворянское происхождение, возраст от 25 лет, наличие офицерского звания. Принимался во внимание и этнический фактор: практически был закрыт доступ полякам. Все младшие офицеры, зачисленные в корпус жандармов, проходили испытательный срок от двух до четырех месяцев, в течение которого проверялась их служебная пригодность. Состав жандармского корпуса был невелик: он колебался от 4 до 5 с небольшим тысяч человек, распределенных вначале по 5, впоследствии по 8 жандармским территориальным округам.

■ **Министерство внутренних дел.** III Отделение и корпус жандармов не могли предотвратить развертывание революционного террора в стране. После первого покушения на жизнь Александра II в апреле 1866 г. была создана специальная охранная стража, обеспечивавшая личную безопасность царя. Новые террористические акты 1879—1880 гг. побудили правительство заняться реорганизацией политической полиции. Верховной распорядительной комиссией во главе с М. Т. Лорис-Меликовым было внесено предложение о ликвидации III Отделения и передаче его функций Министерству внутренних дел. Это мотивировалось удобством централизованного управления всей полицией для водворения порядка в стране. 6 августа 1880 г. в составе Министерства внутренних дел был образован Департамент государственной полиции, в который влилось бывшее III Отделение. Двумя годами позже он включал в себя уже пять делопроизводств и именовался Департаментом полиции. Шефом корпуса жандармов стал министр внутренних дел, а сам корпус увеличился почти до 7 тыс., а к середине 90-х гг. до 9 тыс. человек.

В 80-е гг. возникли новые учреждения полицейского сыска — Отделения по охранению порядка и общественной безопасности, в повседневном обиходе называвшиеся охранными отделениями или «охранками». Они не подчинялись местным жандармским органам. В отличие от жандармов «охранки» работали негласно, имели обширную агентурную сеть. К кругу их

интересов относились: наблюдение за учебными заведениями, общественными организациями, предупреждение забастовок, сходок и демонстраций населения и некоторые другие.

Особой изощренности в борьбе с революционным подпольем достигла петербургская «охранка». Ей принадлежит авторство хитроумных комбинаций по захвату революционеров, вербовке среди них провокаторов. Так, организатором наиболее крупных провалов среди членов «Народной воли» стал Г. П. Судейкин, возглавивший агентурную сеть петербургской «охранки». С его помощью была арестована вся Военная организация «Народной воли», обезврежена ее динамитная лаборатория. На счету московской «охранки» во главе с С. В. Зубатовым числилось создание в начале XX в. Общества взаимного вспомоществования рабочих — легальной организации, нацеленной на противодействие социал-демократической пропаганде среди пролетариата. Одна из главных операций Департамента полиции была связана с деятельностью Е. Ф. Азефа — провокатора в руководстве эсеровской партии.

Общегражданская полиция была введена Петром I. В первой четверти XVIII в. в Петербурге и Москве были образованы полицмейстерские канцелярии. Более широкая сеть полицейских учреждений во главе с Главной полицмейстерской канцелярией сложилась в начале 30-х гг. XVIII в. Принципиальная реформа государственной полиции была проведена Екатериной II. В 1782 г. она издала знаменитый Устав благочиния. В городах учреждалась регулярная полицейская власть. На каждые 200—700 дворов вводилась должность частного пристава, а в квартале из 50—100 дворов — квартального надзирателя. Во главе городской полиции была поставлена управа благочиния, в которую назначались городничий, полицмейстер, два пристава и два ратмана. В ведение полиции передавались все дела по правонарушениям, кроме политических. Полицейские власти получали возможность самостоятельно наказывать за мелкие правонарушения, а нарушителей по более значительным делам передавали судебным инстанциям. Екатерининский Устав благочиния отражал идею активного привлечения по-

лицейских органов к воспитанию граждан в духе законности и подчинения общепринятым моральным ценностям. В этом контексте полиции отводилась в целом более важная и ответственная роль, нежели только охрана общественного порядка.

Следующая крупная перестройка полиции пришлась на начало 60-х гг. XIX в. В декабре 1862 г. были изданы «Временные правила» об устройстве полиции, в соответствии с которыми в каждом уездном городе и уезде создавалось полицейское управление во главе с *исправником*. Исправники наделялись обширными полномочиями. Кроме того, в каждом сельском стане (мелкие административно-территориальные единицы, на которые распадался уезд) действовал *становой пристав*. Для более оперативного реагирования на крестьянские волнения в 1878 г. в помощь становым приставам стали назначаться *полицейские урядники*: к концу XIX в. в 46 губерниях Российской империи действовали 5 тыс. урядников. В начале XX в. при становых приставах и полицейских урядниках была создана уездная *полицейская стража*.

Глава 12
ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИЯ

■ **Церковь и монархия.** В первой четверти XVIII в. верховная власть начала наступление на церковное землевладение и кардинальный пересмотр основ взаимоотношений церкви с государством. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже в 1700 г.: после смерти патриарха Адриана традиционный выбор нового главы церкви не состоялся. Вместо этого Петр I утвердил пост «местоблюстителя патриаршего престола», на который поставил преданного ему архиерея — рязанского митрополита Стефана Яворского. В 1701 г. был восстановлен Монастырский приказ во главе с государственными чиновниками, в задачу которых входил сбор средств от некоторых духовных вотчин и передача их в государственный доход. Одновременно на церковь возлагалось устройство и содер-

жание начальных школ, богаделен для раненых и увечных воинов. По требованию властей внесены изменения в жизнь монастырей: жестко ограничены их штаты, монахам в свободное от молитв и монастырских дел время предписано заниматься художествами и ремеслами.

25 января **1721 г.** Петр I утвердил *Духовный регламент*, определявший основы существования церкви в государстве. В соответствии с заявленными в нем принципами в России отменялось патриаршество, а для управления церковными делами создавалось новое государственное учреждение — *Святейший правительствующий синод*. Синодальное присутствие состояло из 12 назначаемых монархом высших церковных иерархов. В целях постоянного надзора за их деятельностью утверждалась должность обер-прокурора Синода, непосредственно подотчетного государю. В 1724 г. Монастырский приказ был преобразован в синодальную камер-контору, тем самым государство установило централизованное управление как над самим духовенством, так и над всей материальной базой его существования. Реформа Петра I превратила церковное управление в придаток административно-бюрократической системы и окончательно лишила духовную власть политических притязаний.

Принципы отношений между государственной властью и церковью, установленные Петром I, оставались в силе и в течение последующих царствований. Несмотря на различные перипетии политической борьбы, ставившие порой отдельных монархов в зависимость от высшего духовенства, власть в целом не отступала от секуляризационного курса, намеченного еще Петром I. Так, Елизавета Петровна, во многом обязанная своим приходом к власти поддержке духовенства, наотрез отказалась восстановить патриаршество и возвратить церкви ее богатства. Более того, в 1757 г. она попыталась продвинуть дело секуляризации церковных владений. Завершение этого процесса пришлось на царствование Петра III и Екатерины II. Петр III, продолжая линию своей предшественницы на троне, конфисковал земельные владения церкви, освободил от крепостной зависимости монастырских

крестьян, переведя их в разряд государственных. Они переходили под управление Коллегии экономии и назывались отныне *экономическими*. Екатерина II первое время после прихода к власти была вынуждена считаться с позицией духовенства, недовольного мерами бывшего императора. Поэтому в 1763 г. она подписала указ о возвращении отобранных вотчин церкви и ликвидировала Коллегию экономии. Однако это был всего лишь тактический ход, необходимый для того, чтобы собраться с силами для решительного наступления на имущественные права церкви. К началу 1764 г. назначенная императрицей Комиссия о духовных имениях подготовила план предстоящей реформы. Опираясь на этот план и заручившись поддержкой видных государственных деятелей, 26 февраля **1764 г.** она подписала *Манифест о секуляризации духовных владений* и возвращении под государственное управление населяющих их крестьян. В 1786—1788 гг. в такое же положение были приведены монастырские и архиерейские крестьяне на Украине. Попытки некоторых церковных деятелей поставить под сомнение правомерность реформы были жестко пресечены. Так, ростовский митрополит Арсений Мацеевич, критиковавший действия Екатерины II, был лишен сана и заточен в Ревельской крепости.

Одновременно с секуляризационными тенденциями в XVIII в. происходило переосмысление традиционных представлений о роли монарха в церковной жизни. Царская власть не только стремилась подчинить себе управление церковью, но и утвердить монарха в образе духовного лидера нации. В **1721 г.**, после победоносного завершения Северной войны, Петр принял новый титул: «Петр Великий, Отец Отечества, Император Всероссийский». Раньше титул «Отец Отечества» носили вселенские патриархи, получавшие его решением церковных соборов. Присвоение высшего духовного звания, совпавшее по времени с ликвидацией патриаршества и провозглашением себя «крайним судией» святейшего Синода, являлось заявкой Петра на роль главы русской церкви. Этому представлению соответствовала и реальная практика: в частности, император отныне регламентировал своими указами все стороны церковной жизни, назна-

чал епископов, давал разрешения на пострижение в монашество светских лиц, на возведение храмов, т. е. выполнял все те функции, которые ранее принадлежали исключительно патриарху. Более того, царь присвоил привилегию патриарха на наиболее торжественных празднествах олицетворять образ Бога. Так, например, Петром I был разработан церемониал встречи в Москве русского воинства после триумфальной Полтавской битвы 1709 г., в котором он лично отождествлялся с Христом, вступающим в Иерусалим. Хор певчих встречал царя теми же словами, с которыми обращались к Христу в Вербное воскресенье («Благословен грядый во имя Господне, осанна в вышних, Бог Господь и явися нам...»). Данный обряд в дальнейшем стал постоянным элементом чина коронаций российских императоров. Екатерина II в частной переписке с иностранными государями и дипломатами уже прямо именовала себя главой православной церкви, а ее сын Павел I узаконил этот статус в Акте о престолонаследии от 1797 г., где было заявлено, что «государи российские являются суть главой церкви». Сакрализация власти и личности монарха воплощалась в комплексе ритуальных действий, которые предписывались обществу (например, обычай целования руки императору при личной аудиенции, что должны были делать все подданные, включая священнослужителей, празднование в церквах торжественных событий частной жизни монархов, поклонение их изображениям наподобие поклонения божественным образам и т. п.). В системе представлений, насаждаемых властью и в XVIII—XIX вв., царское самодержавие приобретает характер вероисповедного догмата, а почитание царя становится необходимым элементом религиозности.

■ **Система управления церковью.** В XVIII в., решив раз и навсегда вопрос об отношениях с церковью, верховная власть на долгое время отодвинула все попытки ее преобразования. Некоторые изменения в ее положении начали происходить лишь в первой половине XIX в.

В царствование Николая I заметно возросло влияние обер-прокурора Синода. На протяжении двух

последних десятилетий николаевского времени этот пост занимал генерал Н. А. Протасов, пользовавшийся абсолютным доверием императора. При нем было создано подчиненное лично обер-прокурору Хозяйственное управление Синода с сетью местных учреждений. Благодаря этому обер-прокурор установил полный контроль за церковным хозяйством.

Схема высшего управления церковью воспроизводилась и на уровне местных учреждений. На местах в *епархиях* (духовных округах Синода, совпадавших в своих границах с губерниями) действовали *консистории* из нескольких духовных лиц — органы суда и управления, занимавшиеся церквами и священнослужителями. Консистории были связаны с канцелярией обер-прокурора теснее, нежели с Синодом, благодаря чему тот мог единолично влиять на всю церковную организацию.

Реформы 60—70-х гг. XIX в. не внесли серьезных перемен в положение и организацию церкви. Можно говорить лишь о некотором улучшении организации на уровне епархиальных архиереев. Со второй половины 60-х гг. они получали большую свободу рук в церковном строительстве, вопросах духовного образования и разрешения на пострижение в монахи. Увеличивались ассигнования на содержание консисторий, а духовенству на местах позволялось проводить съезды.

С 1880 по 1905 г. должность обер-прокурора Синода занимал К. П. Победоносцев, имевший большое личное влияние и на Александра III, и на Николая II. Однако все попытки духовенства добиться при его помощи церковной реформы наталкивались на глухую стену: единственным способом противодействия революции Победоносцев считал сохранение традиционных устоев общественной и государственной жизни, включая и синодальное управление церковью. Однако вопреки его желаниям в 1905 г. из числа священнослужителей, ратовавших за реформу, оформился Союз церковного обновления, а 17 апреля 1905 г. Николай II издал указ «О веротерпимости». Эти события вынудили Победоносцева, поборника неизменности традиционных начал, уйти в отставку. Но и его уход не приблизил церковную реформу.

В августе **1917 г.** после 217-летнего перерыва в Москве открылся *Всероссийский Поместный собор.* После нескольких туров голосования осенью 1917 г. патриархом был выбран Московский митрополит Тихон (в миру В. И. Белавин).

Церковная реформа первой четверти XVIII в. отразилась и на религиозном сознании населения, его отношениях с пастырями церкви. В XVIII в. канул в вечность институт духовных отцов, предполагавший возможность свободного выбора каждым верующим своего религиозного наставника. Единственным исповедником с этого времени становится приходской поп. Приостанавливая патриаршество, по мнению крупнейшего историка культуры А. М. Панченко, Петр I приостановил и русскую святость. Так, за весь период его правления были канонизированы только трое русских святых, а до конца XIX в. национальный месяцеслов пополнился лишь пятью новыми именами.

Обрядовый формализм оставался одним из главных признаков отношения к вере среди демократического населения, а среди образованного общества получали все большее распространение религиозный индифферентизм, атеизм. Не были редкостью и случаи сознательного перехода в другие конфессии, например в католичество. По словам П. Н. Милюкова, «большинство интересовавшихся живой работой религиозной мысли ушло теперь совсем из церковной ограды». Сервилизм церковных деятелей в отношениях с властью, забитое, приниженное положение мелкого и среднего духовенства, слабый приток в него ученых пастырей вызывали взаимное отчуждение мирян и клира. Подобное положение вещей имело далеко идущие последствия для идейной и нравственной эволюции русской интеллигенции, способствовало нарождению в ней типов социального отщепенца, нигилиста. По словам П. Н. Милюкова, «образованный англичанин до сих пор любит свою религию, образованный француз ее ненавидит или отодвигает ее в прошлое, мечтает о ней, как о потерянном рае, образованный русский в большинстве случаев относится к своей вере совершенно безразлично». При этом черты определенного упадка массового религиозного созна-

ния сочетались с возрождением религиозно-философской мысли в конце XIX — начале XX в., представленной именами Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова.

■ **Ереси и секты.** В XVIII—XIX вв. получили дальнейшее развитие религиозные секты. Наиболее массовыми среди них были христововеры, назвавшие себя исповедниками веры Христовой, а среди противников получившие название *хлыстов*. Их религиозные представления отличал мистицизм, культ радений (религиозных плясок, вызывавших состояние экстаза), во время которых якобы происходило общение с незримым миром. В начале XVIII в. среди последователей этой секты наметилась новая тенденция более глубокого подхода к богопознанию, в частности к изучению Священного Писания. На этой рационалистической волне родилось течение так называемых «духовных христиан».

Вскоре после своего возникновения духовные христиане разделились на две ветви. Одна из них оформилась в секту *духоборов*. Обличители трактовали ее смысл как борьбу со Святым Духом. Сами приверженцы секты вкладывали в данное название противоположный смысл — борьбу за торжество Святого Духа. Отрицая внешнюю обрядовую сторону религии, духоборы пытались утвердить поклонение Богу «в духе и истине». Согласно их представлениям, Бог являлся духом, пронизывающим все сущее. Через перевоплощение душ Бог вселялся и в особо избранных людей. Таковыми идеологи духоборчества считали самих себя и требовали от приверженцев своего почитания как «истинных христов». Вторая ветвь, отделившаяся от христововерия, получила название *молокан*. Происхождение названия предположительно связано с евангельскими словами об учении Христа как о «чистом духовном молоке». В отличие от духоборов, считавших выше Евангелия мистическое переживание и внутреннее откровение, молокане строили свой путь к познанию Бога на изучении Библии.

Кроме перечисленных сект, во второй половине XVIII в. сложилось *скопчество*. Его религиозные ус-

тановки во многом совпадали с христововерческими, но имелись и некоторые особенности. В скопчестве был заметно представлен монархический мессианизм.

Согласно его центральной идее второе пришествие Христа состоялось в лице императора Петра III, который был жив и во второй половине XVIII в. Он скитался по стране под именем Кондратия Селиванова. Как и в духоборчестве, среди скопцов был развит аскетизм, однако в этой секте он доходил до стремлений полностью освободиться от влияния греховной плоти (скажем, условием вступления в секту являлся акт кастрации). Скопцы культивировали бережливость и хозяйственность. Наследниками больших состояний, которые нередко сколачивались таким путем, становились приказчики богатых хозяев.

В середине XIX в. в рамках позднего молоканства зародилось еще одно течение, получившее название *прыгунов* (во время собраний в состоянии экзальтации они буквально взвивались ввысь). По сравнению с молоканством, все более вырождавшимся в систему особого чтения и толкования Священного Писания, прыгуны тяготели к ранним традициям христововерия. Большинство религиозных сект XVIII—XIX вв. пополнялось крестьянами и городской беднотой. Одна из причин, которая способствовала воспроизводству сект, заключалась в групповой поддержке, которую получал от единоверцев крестьянин в незнакомой ему городской обстановке. Секты, таким образом, порой выполняли функции аванпостов в ходе крестьянских миграций в города.

Во второй половине XIX в. были окончательно легализованы *старообрядцы*. Запрет на их преследование местными властями вышел еще в 1762 г., однако не привел к радикальным изменениям в их положении. В 1864 г. был учрежден Комитет по «раскольническим делам», который разработал новые принципы государственной политики по отношению к старообрядчеству. Старообрядцам разрешалось свободно отправлять богослужение, заниматься иконописанием, трудиться на общественных должностях. Однако эти нормы не распространялись на те религиозные течения и секты, которые были признаны «вредными»

(духоборов, хлыстов, прыгунов, скопцов). Впрочем, запретительные меры в отношении отдельных конфессий и сект в это время уже не оказывали большого влияния. Массовый отход от ортодоксальной православной церкви и переход в иные конфессии или секты после объявления Манифеста о веротерпимости в 1905 г. доказывал непрочность связей части населения с официальной верой и ее служителями.

Глава 13
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

■ **Дворянство.** Реформы первой четверти XVIII в. в наибольшей степени затронули группу служилых людей «по отечеству»: произошло полное изменение ее структуры, отношений с государственной властью, форм материального обеспечения и менталитета. Общие требования к служилому корпусу, новая система чинов и отличий, унификация форм феодального землевладения способствовали ускоренной консолидации дворянства в единое сословие.

Положение дворянства при Петре I в первую очередь определяла обязательность для него государственной службы. Помимо этого, дворянину предписывалось овладевать необходимыми для службы знаниями. Нарушение этих норм преследовалось. В 1714 г. был принят указ о единонаследии, которым вводились *майораты*: дворянская недвижимость подлежала наследованию старшим отпрыском в дворянской семье. Это вынуждало остальных сыновей искать источники существования на государственной службе. Покупка имений разрешалась по истечении семи лет службы на военном поприще, десяти — на гражданском, а дворянам, занимавшимся предпринимательством, — после 15 лет.

Порядок прохождения службы определялся Табелью о рангах и ставил во главу угла принцип личной выслуги. Эта новация, узаконившая единые правила чинопроизводства и поставившая всех государственных служащих в равное положение, произвела потрясение в умах старинного шляхетства.

Шляхетство — альтернативное название российского дворянства в первой половине XVIII в.

Эту реакцию засвидетельствовал А. С. Пушкин в одном из разговоров 1836 г. с великим князем Михаилом Павловичем: «Все Романовы революционеры и уравнители... Если в дворянство можно будет поступать из других сословий, как из чина в чин, не по исключительной воле государя, а по порядку службы, то вскоре все дворянство не будет существовать или (что все равно) все будет дворянство». Политика власти, нивелировавшая различия между родовой аристократией и новоиспеченными служилыми дворянами, подкреплялась и перераспределением фонда земельных владений. По неполным данным, за первую половину XVIII в. были отобраны в казну 128 крупных владений, а около 40 фамилий «недородословных» дворян, преимущественно выходцев из торгово-промышленных кругов, получили имения, звания и титулы.

Нововведения Петра I наносили и финансовый урон поместному дворянству. Резко возросший фискальный гнет в первой четверти XVIII в. оставлял на долю помещика лишь скромные остатки. Вдобавок власть, стремившаяся сохранить для себя контингент основных налогоплательщиков, карала тех помещиков, которые были уличены в нерадивом обращении со своей собственностью: по указу 1719 г. их имения предписывалось насильно отбирать и передавать в руки ближайшим сородичам.

В то же время представителям потомственного дворянства были гарантированы льготные условия поступления на службу и более быстрое продвижение по служебной лестнице. Указы **1713 г.** и **1721 г.** укрепляли их власть над крестьянами и ужесточали меры борьбы с крестьянскими побегами. В ходе проведения податной реформы правительство удовлетворило вековое чаяние поместного дворянства, организовав на государственные средства невиданный по своему масштабу сыск беглых крестьян. Вместе с тем суммарный итог отношений с верховной властью для дворянства в значительной мере определялся пере-

напряжением его сил в ходе модернизации и тяжелых войн. Несоразмерность режима льгот и силы давления «сверху» побудила правительство после смерти Петра I принять ряд неотложных мер в интересах высшего сословия: частично распустить офицерский корпус по домам, вывести армейские части из сельской местности и передать полицейско-фискальные функции помещикам.

Дворянство постоянно напоминало о своих потребностях и в ходе дворцовых переворотов XVIII в. Щедрое наделение дворянства теми или иными привилегиями стало своего рода нормой для тех монархов, которые пришли к власти на гребне дворянско-гвардейских политических авантюр. Сама по себе хроника таких пожалований предстает в виде внушительного списка, открывающегося указами Анны Иоанновны (см. главу 12).

В **1754 г.** при Елизавете Петровне был учрежден Государственный заемный банк, в составе которого образовывался банк для дворянства. Он ссужал деньгами владельцев поместий в зависимости от размера внесенного ими залога. В 1755 г. дворянам было предоставлено монопольное право на винокурение (закреплено Уставом о винокурении в 1765 г.), что вскоре вызвало оформление новой товарной отрасли в рамках барщинных хозяйств. Во второй половине 50-х гг. было проведено генеральное межевание земель, за счет которого площадь дворянского землевладения увеличилась на 50 млн десятин (более чем на 50 млн гектаров). В 1760 г. помещику предоставлялось право ссылки крестьян в Сибирь за дерзкие поступки, при этом каждый сосланный засчитывался как сданный государству рекрут. Сенатский указ 1765 г. разрешал помещикам ссылать крестьян на каторгу. В 1767 г. крестьянам было запрещено подавать жалобы на высочайшее имя.

18 февраля **1762 г.** был принят *Манифест о вольности дворянства*, который освободил дворян от обязательной государственной службы. Итоговую черту процессу возвышения дворянского сословия подвела *Жалованная грамота дворянству* от 21 апреля **1785 г.** Главными ее установлениями стали: запрещение лишать дворян достоинства, чести, жизни, имущества

без специального приговора суда; приговоры по наиболее тяжким преступлениям дворян подлежали рассмотрению Сената и конфирмации императора; суд равных для дворян, т. е. подсудность лицам своего же сословия; свобода от телесных наказаний. В губерниях и уездах создавались дворянские корпоративные органы: губернские депутатские собрания, губернский предводитель дворянства, уездные собрания, уездные предводители дворянства и дворянские опеки. Дворянские собрания наделялись правом ходатайствовать о своих нуждах перед губернскими властями и императором, а выборные представители дворянства назначались заседателями земского, уездного и совестного судов. Дворяне также выбирали уездного судью и земских исправников. Все эти права в значительной мере позволяли дворянству регулировать местную жизнь в соответствии со своими представлениями и потребностями.

Отступлением от политики расширения дворянских привилегий стали мероприятия Павла I. Манифест о трехдневной барщине 1797 г. ограничивал права вотчинной юрисдикции помещика и означал усиление государственного регулирующего начала в отношениях помещиков и крепостных. В 1798 г. губернаторам предписывалось присутствовать при дворянских выборах, чем ущемлялись права дворянского самоуправления и устанавливалась его подконтрольность администрации. На дворян возлагалась обязанность содержать за свой счет государственные судебные и административные учреждения на местах. Тем самым отменялся налоговый иммунитет высшего сословия. Наконец, правление Павла I стало тяжелым испытанием для дворян-военнослужащих и чиновников. Например, из 132 офицеров Конногвардейского полка к концу царствования Павла I осталось только двое. 44% репрессированных по линии политической полиции составляли дворяне.

Перегибы павловской политики в вопросе о дворянских привилегиях, ускорившие его убийство, были исправлены Александром I. Был отменен сбор на содержание государственных учреждений. Эту линию продолжил Николай I. В строгом соответствии с Жалованной грамотой Свод законов Российской импе-

рии утверждал исключительное положение дворян среди остальных сословий: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, которые приобрели потомству своему нарицание благородного». Некоторые прерогативы в XIX в. были даны титулованному дворянству и старым дворянским фамилиям — их дети получали преимущественные права на поступление в Императорский Царскосельский лицей, Училище правоведения, Пажеский корпус — закрытые учебные заведения, готовившие кадры для высоких государственных постов.

Большое внимание в XIX в. уделялось фильтрации притока в дворянское сословие других социальных групп. По подсчетам председателя Государственного совета И. В. Васильчикова, только с 1825 по 1845 г. высшее сословие пополнилось 20 тыс. новых служилых дворян. В большинстве случаев новоиспеченные дворяне не рассматривались родовитой аристократией как равные. По мнению дворянских генеалогов, только с четвертого поколения выслуженное дворянство по своим социальным характеристикам приближалось к родовому. Отсюда вырастала проблема законодательного ограничения доступа в высшее сословие (см. главы 8, 9). Повышение барьеров в достижении потомственного дворянства отчасти смягчалось появлением новых привилегированных категорий граждан, в особенности личных дворян, введенных Табелью о рангах. Личными дворянами считались государственные служащие, имевшие классный чин, который, однако, не давал еще прав потомственного дворянства. Ряд льгот за ними все же закреплялся: свобода от телесных наказаний, рекрутской повинности, личных податей, но они не учитывались в дворянских родословных книгах, не входили в дворянские корпоративные органы и не имели крепостных. Права личного дворянства были действительны лишь в одном поколении. В целях еще более жесткого разграничения потомственных и личных дворян последние по Манифесту 1832 г. были включены в сословие потомственных почетных граждан. В конце XIX в. в империи было 1222 тыс. потомственных и 631 тыс. лич-

ных дворян. В совокупности они составляли 1,5% от всего населения страны.

Заметное расслоение существовало и среди потомственных дворян. Согласно закрепленным в Жалованной грамоте дворянству нормам любой потомственный дворянин, занесенный в дворянскую книгу данной губернии, был членом губернского дворянского общества. Однако мелкопоместные дворяне, имевшие менее 100 руб. годового дохода или 20 душ крепостных, могли только присутствовать на заседаниях дворянского собрания, они не принимали решений и не занимали выборных должностей в сословном самоуправлении. Правом выбирать и самим избираться на значимые должности в дворянском и коронном управлении губернии наделялись только потомственные дворяне, имевшие не менее чем 3000 десятин земели или 100 душ крепостных. Таким образом, корпоративная организация дворянства строилась на цензовом элементе, который отражал социально-экономическую градацию дворянства. Пореформенный период еще больше усилил имущественное расслоение среди дворянства. Казенное жалованье становилось единственным источником существования для массы обезземеленных дворян. Серьезным изменениям подверглось и правовое положение дворян. Еще с 1853 г. они были обязаны уплачивать губернские земские сборы для благоустройства дорог и почт. С 1863 г. с них взимался государственный налог с городской недвижимости, а с 1875 г. государственный поземельный налог в сельской местности. С начала 70-х гг. наряду с другими сословиями дворянство отбывало и земские повинности. Таким образом, в пореформенный период дворянство стремительно теряло свои прерогативы и по условиям существования сближалось с другими общественными группами.

На протяжении XVIII—XIX вв. вслед за включением в состав Российской империи новых территорий в высшее сословие вливались и представители местной национальной знати. В первой четверти XVIII в. оформляется российское остзейское дворянство, финское рыцарство, а в конце XVIII в. — шляхетство украинских губерний. После подавления крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, прави-

тельство приступило к формированию донского дворянства из числа казацкой старшины. В начале XIX в. в России стало оформляться грузинское и бессарабское дворянство. Сложнее обстояло дело с кавказской мусульманской знатью, принимавшей широкое участие в так называемых «священных войнах» первой половины XIX в. против российского господства. Ее приобщение к правам высшего российского сословия было очень избирательным и постепенным. Наконец, присоединение Царства Польского после завершения войн с Наполеоном поставило перед властью вопрос о положении польской шляхты и аристократии. Ее участие в восстаниях 1830–1831 гг. и 1863 г., нацеленных на отложение от России, вынудило правительство прибегнуть к дискриминационным мерам. Часть имений помещиков-инсургентов была конфискована, часть обложена контрибуцией. В некоторых районах полякам запрещалось покупать и арендовать земли, в крае стало насаждаться русское помещичье землевладение, а все выборные должности в рамках местного дворянского самоуправления замещались лицами непольского происхождения. Затруднялись для польских дворян и условия поступления на государственную службу. Отчасти эти ограничения были сняты в конце XIX в.

Тем не менее до падения монархии дворянство все же сохраняло комплекс черт, выделявших его среди прочего населения: высокий образовательный уровень, кодекс чести, прививавшийся на протяжении нескольких поколений. Дворянство оставалось хранителем культурного наследия, традиций меценатства и благотворительности. Выработанные дворянством на протяжении XVIII–XIX вв. формы поведения и организации досуга (литературные салоны, светские балы, рауты, журфиксы) служили эталоном для тех социальных групп, которые выдвигались на передний план в силу экономических причин. Власть, проводя преобразования, нарушавшие монопольные позиции дворянства, пыталась опереться на него же. Дворяне неизменно поставляли своих кандидатов в мировые посредники, депутаты городских дум и земских учреждений, в земские начальники. Органы дворянского представительства медленно, но верно пробива-

ли себе дорогу на общегосударственный уровень. В 1896 г. в Петербурге было проведено первое общероссийское совещание губернских предводителей. В 1906 г. был создан Совет объединенного дворянства, активно включившийся в политическую борьбу. В то же время такие сословные черты, как элитарность, иждивенчество, безынициативность, взлелеянные в тепличных условиях дворянских вольностей, определили неспособность дворянства отстоять старый строй в эпоху великих потрясений начала XX в.

■ **Духовенство.** В социальной стратификации оно занимало второе место после дворянства и также являлось привилегированным сословием. Оно подразделялось на черное и белое. К черному, или монашествующему, духовенству относились архиереи — митрополиты, архиепископы, епископы, в монастырях — архимандриты, игумены, иеромонахи и монахи. К белому — приходское духовенство (священнослужители и церковные служители). В то время как черное духовенство, управлявшее церковными делами, занимало привилегированное положение, белое по своему статусу приближалось к крестьянству и непривилегированному городскому населению.

В первой четверти XVIII в. положение духовенства, как и других социальных групп, стало предметом детальной регламентации государственной власти. Была существенно ограничена распространенная в XVII в. практика выборов клира прихожанами. Отныне священников назначал епископ, как правило, исходя из обычая наследования церковной кафедры сыном умершего священника. В 1724 г. были установлены штаты священнослужителей. На церковь с одним приходом (обычно 100—150 жилых дворов) полагались один священник, дьячок и пономарь. Для кафедрального собора штат уже определялся в 11 человек. Введение твердых штатов способствовало появлению массы так называемых безместных священнослужителей, пополнявших собой ряды городской бедноты.

Материальное обеспечение приходского духовенства в большой степени зависело от доброй воли богатых прихожан. Доходы священника состояли из так называемой *руги* (т. е. установленной по договору

платы деньгами или продуктами) приходской общины, *праздничных сборов* по приходу, а также особой *платы за требы* (службы при венчании, крестинах, отпевании покойников). Подобные расчеты всегда сопровождались спорами, поэтому в 1765 г. были установлены минимальные ставки треб. Часто взамен руги священникам предоставлялась земля (в размере 30 или немногим более десятин). Эти земли нередко сдавались в аренду (особенно в городах), либо приезались к крестьянским наделам за часть урожая, собранного на них. В 1764 г. епархии и монастыри были разделены на три класса, каждому из которых назначалось свое денежное содержание из государственной казны и давалась недвижимость. В конце XVIII в. при Павле I размеры штатного содержания и земельных наделов были резко увеличены. Эти нормы наделения сохранялись и в XIX в. Часть необходимых средств на церковные нужды поступала от Хозяйственного управления Синода. Однако приходскому духовенству от этих благ перепадали крохи. Оно оставалось в материальной зависимости от своей паствы. Различие в формах обеспечения резко разграничивало черное и белое духовенство по уровню жизни. Если первые порой занимались накопительством, то вторые едва сводили концы с концами. Для содержания семьи, обучения детей духовному лицу в год требовалось около 650 рублей, однако даже в тех приходах, где шли дотации из казны, доходы священника едва достигали 100—200 рублей. Приходское духовенство не переставало просить власть о начислении ему более или менее сносного жалованья.

В то время как экономически духовенство явно проигрывало дворянам-чиновникам или военнослужащим, по социальному положению оно неуклонно подтягивалось к их уровню. В 1724—1725 гг. духовенство было освобождено от рекрутской повинности, в 1729 г. — от подушной подати, в конце XVIII в. — от земских повинностей. В 1801 г. ему была дарована свобода от телесных наказаний, в 1804 г. — разрешение покупать незаселенные земли. В 1821 г. лица духовного звания освобождались от постойной повинности. В 1832 г. детям православных священников, закончивших Духовную академию или семинарию,

было предоставлено звание потомственных почетных граждан, а детям священников без специального образования — личных почетных граждан. Эти установления еще более укрепляли социальные позиции духовенства, распространяя завоеванные ими права и на потомство. Таким образом, по объему гражданских прав уже в первой половине XIX в. оно вплотную приблизилось к дворянам. Духовенство, состоявшее в ведении в основном церковных властей и подсудное по главным преступлениям представителям своего же сословия, обладало и собственным самоуправлением, хотя и более ограниченным, чем у дворян. Духовенство оставалось замкнутым сословием, из которого было трудно выйти и в которое было трудно попасть чужаку. Несмотря на высокий уровень грамотности среди духовенства, качество образования, получаемого им в духовных учебных заведениях, уступало светскому.

Ситуация стала меняться с середины XIX в. В 1850 г. с духовенства была снята обязанность учить своих детей в духовных учебных заведениях, что способствовало разрушению наследуемого статуса священнослужителя. В 1869 г. дети всех священно- и церковнослужителей были откреплены от духовного звания. Им предлагалось самостоятельно определять род будущей деятельности. При этом за ними сохранялись основные льготы их отцов. В 1871 г. они получали права личных дворян или потомственных почетных граждан. Эта мера обеспечивала потомству духовенства льготные условия самоопределения на поприще светской деятельности. Вакантные места на церковных кафедрах во второй половине XIX в. заполнялись епархиальными архиереями на основании отбора соискателей по профессиональным критериям, а не на основе традиции наследственных должностей.

Была улучшена система подготовки священнослужителей и нормы их материального обеспечения. В **1867 г.** были введены *новые уставы и штаты* духовных учебных заведений. Преобразование было нацелено на их подтягивание до уровня светских гимназий, что в близкой перспективе должно было дать обновленное поколение высокообразованных религиозных пастырей. Расширялась сеть учебных заведе-

ний: к концу 60-х гг. в стране было уже 4 духовных академии и 50 духовных семинарий (по одной на каждую епархию). Однако вопреки ожиданиям властей церковная реформа двигалась с пробуксовками. Свобода выбора профессии и возможность поступления в светские учебные заведения поначалу не вызвали большого энтузиазма у детей священнослужителей. Большинство из них продолжали следовать дорогой отцов. Возможно, сказывалось недоверие к новым постановлениям, груз вековых традиций. Однако к 1880 г. положение резко изменилось и потоки бывших семинаристов хлынули в университеты. Их удельный вес среди студентов историко-филологических и юридических факультетов достигал трети всего состава.

В пореформенный период поповичи развивают высокую социальную активность. Однако эта активность очень часто была направлена не на поддержку режима, а на его разрушение. Систематически из этой среды шло пополнение революционного подполья. Среди народников 70-х гг. XIX в. выходцы из духовенства составляли 22%, что в десятки раз превышало долю служителей культа в народонаселении страны. Причины участия поповичей в революционном движении, по-видимому, коренились в историческом опыте духовенства, близкого по своему положению, образу жизни и менталитету к крестьянскому населению. По словам митрополита Евлогия, «забитость, униженное положение отцов сказывались бунтарским протестом в детях».

На протяжении веков духовенство сохраняло сословные черты, отличавшие его как от дворянства, так и от крестьянства. Некоторые исследователи выделяют специфическую субкультуру духовенства в XVIII—XIX вв. Ее специфика состояла в приверженности ряду бытовых традиций допетровской эпохи, в архаизмах, используемых в языковом обиходе, в поддержании строгих моральных канонов. В России к 1917 г. было 46,5 тыс. православных церквей, 897 монастырей, 51 тыс. священнослужителей и 50 тыс. монахов. Это свидетельствовало о серьезном влиянии позиций и умонастроений духовенства на общественное сознание.

■ **Городские сословия.** Посадское строение (организация городского населения), проведенное в XVII в., было существенно пересмотрено в первой четверти XVIII в. Петр I нарушил один из главных принципов формирования городского населения, заключавшийся в изъятии из посада всех социальных элементов, не отвечавших критериям посадской старины и торгово-промысловых занятий. В 1699 г. запись в посад была разрешена всем держателям торговых лавок и промыслов в черте города. Городское население при Петре I получило новую организацию. В **1722 г.** городские ремесленники были объединены в *цехи* по профессиональному признаку. Вначале в цехи записывали всех желающих, включая беглых крепостных. Однако, уступая требованиям дворян-землевладельцев, царь был вынужден ограничить поступление в цехи только теми крестьянами, которые уже состоялись как мелкие товаропроизводители или мастера, работающие на заказ. В результате этих мер в одной Москве к концу правления Петра I насчитывалось 146 цехов, объединявших почти 7 тыс. ремесленников.

Для купечества создавались *гильдии*. В первую гильдию записывали владельцев мануфактур и купцов, которые вели торговлю с другими государствами. Они наделялись исключительными правами: освобождались от службы по выборам, от торговли казенными товарами, военных постоев, сбора таможенных пошлин, подчинялись не городовым магистратам, как остальные горожане, а коллегиям. Во вторую гильдию были включены купцы с меньшим оборотом капиталов, имеющие «знатные большие торги». К ним присоединялись представители свободных престижных профессий: доктора, аптекари, ювелиры, шкиперы. К третьей гильдии причислялись мелкие торговцы и цеховые ремесленники. Все лица, записанные в цехи и гильдии, образовывали разряд *«регулярных граждан»*. Они делегировали своих выборных представителей в городовые магистраты, а от первых двух гильдий избиралась часть служащих Главного магистрата. Все остальные граждане, остававшиеся за рамками цехов и гильдий, попадали в разряд *«нерегулярных»*, или *«подлых»*, людей, не принимавших участия в город-

ском самоуправлении и подвергавшихся периодическим проверкам на предмет выявления среди них беглых крепостных и холопов.

Распределение налогов среди городских жителей определялось платежеспособностью тех или иных групп. Наиболее состоятельным горожанам приходилось собственным имуществом отвечать перед казной за недоимки с неимущих сограждан. В целом нововведения Петра I не приблизили городское население России к условиям европейских городов. Предоставленные им права самоуправления сводились лишь к контролю за своевременной и полной уплатой налогов и не оставляли места для свободной самоорганизации городского сословия в его собственных интересах.

После смерти Петра I городское управление приходит в упадок. Указом Екатерины I 1725 г. городовые магистраты были подчинены губернаторам, а вскоре на месте большинства из них были устроены *ратуши* (органы городского управления, созданные в начале реформ Петра I). В 1727 г. был упразднен Главный магистрат. Восстановление городских учреждений, как и некоторых других институтов петровского времени, последовало в царствование Елизаветы Петровны. В 1743 г. на прежних основаниях возрождался Главный магистрат, в 1747 г., как и при Петре I, власть брала под свою защиту «капиталистых» крестьян. Крестьянам с торговым оборотом от 300 до 5000 рублей разрешалось записываться в посад, однако с условием несения двойного тягла (по новому городскому состоянию и прежнему социальному статусу) на период обживания на новом месте.

В целом после Петра I у власти не доходили руки до более серьезного обустройства города и его населения, а предпринимавшиеся в этом направлении меры сводились либо к частичной отмене, либо к реставрации принципов петровской политики. Первый опыт комплексного решения социальных проблем города был связан с деятельностью Екатерины II. В 1775 г. купечество было освобождено от уплаты подушной подати. Вместо нее оно теперь уплачивало в казну сумму, равную 1% с объявленного капитала (в 1812 г.

эта норма была увеличена до 4,75%). Еще раньше, в 1766 г., ему было разрешено откупаться от рекрутской повинности.

В **1785** г. *Жалованная грамота городам* изменила структуру городского населения. Подтверждалась цеховая организация ремесленников и устанавливалось их монопольное право на занятие своим делом. Для обеспечения нужд цехов создавались *управы*, избиравшие своих старшин. Управные старшины заседали в городской думе, а ремесленный глава, избиравшийся от старшин, направлялся в шестигласную думу.

Верхушку городского населения по Жалованной грамоте образовывало гильдейское купечество. В гильдии разрешалось записываться любому, объявлявшему за собой капитал свыше 1 тыс. рублей. Все гильдейское купечество получало право откупаться от рекрутской повинности, освобождалось от ряда казенных служб, могло вступать в казенные подряды и брать откупа. В остальных правах и привилегиях между гильдиями устанавливались большие различия. Так, купцы первой гильдии с капиталами от 10 до 50 тыс. рублей получали права на открытие фабрик, заводов, строительство морских судов, ведение оптовой заграничной торговли. Во вторую гильдию включались купцы с капиталом от 5 до 10 тыс. рублей. Их права были скромнее: беспрепятственное занятие внутренней торговлей, постройка фабрик и заводов, речных судов. И первая, и вторая гильдии освобождались от телесных наказаний. В третью гильдию записывались купцы с капиталом до 5 тыс. рублей. Их возможности ограничивались ведением мелкооптовой и розничной торговли в городе и его окрестностях, на сельских торжках, занятиями некрупным производством, содержанием трактиров, постоялых дворов и бань.

В целях поощрения высокодоходных торгово-промышленных занятий, службы в городском самоуправлении и развития элитных свободных профессий в городе учреждалось звание *именитых граждан*. Оно распространялось на лиц, которые отработали два срока в органах городского самоуправления, ученых, живописцев, архитекторов, купцов с капиталом свыше 50 тыс. рублей и банкиров с уставным капиталом

от 100 тыс. рублей, судовладельцев, отправлявших свои корабли в заграничные рейды. Таким образом, категория именитых граждан объединяла наиболее значительных лиц в составе городского населения. Они наделялись исключительными правами: иметь загородные дворы и сады, заводить фабрики и заводы, освобождались от телесных наказаний. Старшему внуку именитого гражданина по достижении 30 лет разрешалось ходатайствовать о вхождении в дворянство.

К среднему слою городских жителей Жалованная грамота относила «городовых» обывателей, или *мещан*. Они также получали права на свободную предпринимательскую деятельность в городе, правомочия полных собственников своего имущества, права на участие в самоуправлении и на создание корпоративных судов. Мещанам разрешался свободный переход в купечество. Они платили прямой налог (подушную подать), несли рекрутскую повинность и ряд других казенных служб: подводную, дорожную, постойную. Звание мещанина, как и цехового ремесленника, являлось наследственным.

К концу XVIII в. в России насчитывалось 499 городов с населением 2,5 млн человек (для Центральной России это составляло всего 8,5% населения). На протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. непрерывно росли и формальные требования к претендентам на звание гильдейского купца. Минимальный размер капитала, необходимый для записи в 1-ю гильдию, в XIX в. составлял уже более 15 тыс. рублей (по новому курсу), во 2-ю гильдию — более 6 тыс. рублей, в 3-ю — более 2,4 тыс. Свидетельства о принадлежности к гильдиям должны были ежегодно переоформляться, что было связано с уплатой налоговых сборов: за промысловые свидетельства (которые тогда назывались патентами), за билеты на право содержания лавок и промышленных предприятий и др. Размеры сборов в десятки раз превосходили подушную подать, а в случае их неуплаты купец возвращался в мещанское состояние. Права купечества не были потомственными и даже пожизненными и давали меньше привилегий в сравнении с правами именитых

граждан. Отсюда проистекала неудовлетворенность массы купцов своим положением.

Принимая во внимание растущую роль купечества в экономической жизни страны, в первой половине XIX в. власть попыталась расширить его права. В городах были созданы *купеческие общества* — корпоративные организации с сословным самоуправлением. Им предоставлялась возможность через посредничество городских голов или биржевых комитетов обращаться в Министерство финансов с запросами по поводу торговых дел. Для лиц, достигших больших успехов на ниве предпринимательства, в 1800 г. было учреждено почетное звание коммерции советника (позже к нему добавилось звание мануфактур-советника). Новое звание формально уравнивало его носителя с потомственным дворянином (оно было причислено к VIII классу по Табели о рангах), однако не влекло за собой вхождения в высшее сословие. Награжденный им лишь получал титул «ваше высокоблагородие» (более высокий, чем был у неслуживших дворян).

В 1832 г. было введено звание *почетного гражданина*. Из купцов его могли получить члены 1-й гильдии при условии, что пробыли в ней не менее 10 лет; коммерции и мануфактур-советники. Звание присваивалось специальными императорскими указами. Оно освобождало от рекрутской повинности, телесных наказаний, уплаты подушной подати и являлось пожизненным (личное почетное гражданство) или наследственным (потомственное почетное гражданство). Другим способом поощрения купечества в XIX в. служило награждение орденами и чинами, что позволяло многим из них проникать в ряды дворянства. Купцам 1-й гильдии давалось право приезда к императорскому двору, разрешалось ношение шпаги и сабли при гражданской одежде и мундира той губернии, к которой они были приписаны. Таким образом, политика власти вела ко все более возраставшему отрыву верхушки городского населения от его основной массы.

С 30-х гг. XIX в. круг субъектов предпринимательства стал заметно расширяться. Отныне правами фабрично-заводского учредительства пользовались не

только купцы и мещане, но и дворяне, крестьяне с разрешения их начальства и по приобретении промыслового патента, колонисты в местах их поселения, евреи в черте оседлости, различные акционерные компании. Социально-экономические процессы устраняли монополию традиционных предпринимательских элементов города на торговую и промышленную деятельность. В начале 60-х гг. были изданы новые законодательные акты, облегчавшие условия занятия торговлей и промышленностью: Торговый устав и «Положение о пошлинах за право торговли и других промыслов» (1 января 1863 г.), а также дополнения к ним от 1865 г. Согласно новым правилам число гильдий сокращалось до двух: первая теперь объединяла бывшие первую и вторую, а бывшая третья приравнивалась к новой второй. Первая помимо организации крупного производства получала преимущественные права оптовой торговли, а вторая — розничной торговли и содержания фабрично-заводских заведений (однако срок пребывания в 1-й гильдии, необходимый для получения почетного гражданства, увеличивался с 10 до 20 лет). Резко снижалась и плата за *промысловые свидетельства.* В сферу предпринимательства стали вливаться новые социальные потоки, что вело к размыванию границ прежнего купеческого сословия.

Новый импульс этим тенденциям сообщили реформы 60—70-х гг. XIX в.: установление всесословного городского самоуправления и бессословного суда, всеобщей воинской повинности, отмена подушной подати для мещан в 1863 г. Льготы, предусмотренные для лиц с высшим образованием по закону о воинской повинности, стали важным стимулом для приобретения купеческими сыновьями интеллигентских профессий и их перехода в другие социальные страты. Это способствовало распаду городских сословий и постепенному формированию из него классов капиталистов-предпринимателей и наемных рабочих.

В отличие от сословия, ***класс*** представляет социальные группы свободных в социальном и политическом отношении граждан. Принадлежность к нему не регламентируется зако-

нодательно и не передается по наследству, а различия с другими классами заключаются в характере и размерах собственности, производимом продукте и в уровне доходов. (См.: *Радаев В. В., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1996. С. 54.)

Быстрыми темпами в пореформенный период развивалась крупная буржуазия. К 80-м гг. XIX в. она насчитывала 1 млн, а в конце столетия уже 1,5 млн человек.

Консолидации буржуазии способствовали предпринимательские организации и совещательные учреждения с ее участием. Это было Общество для содействия развитию русской промышленности и торговли, созданное в 1867 г. и пользовавшееся правом доводить до сведения правительства свои пожелания. Это были биржевые комитеты, возглавлявшие биржевые общества (т. е. общества членов биржи) и отстаивавшие интересы перед правительственными и общественными учреждениями. Первым в подобном качестве стал работать комитет Московской биржи (1870), а к 1905 г. в стране насчитывалось уже 46 таких комитетов. С **1870 г.** проходили *общероссийские торгово-промышленные съезды.* Затем они стали проводиться и в рамках ведущих отраслей промышленности.

В конце XIX — начале XX в. буржуазия добивалась от правительства пересмотра акционерного законодательства, промышленного устава и торгового права, отказа от казенного предпринимательства, выражала заинтересованность в государственных заказах как средстве оздоровления частного предпринимательства в период депрессий. Однако многие из этих притязаний не встречали поддержки в правящей элите и даже вызывали раздражение. Взаимное отчуждение властей и восходящей буржуазии породило такой парадокс российской действительности начала XX в., как выделение щедрых субсидий на дело революционного террора со стороны некоторых крупнейших купеческих кланов. В частности, вплоть до 1907 г. в кассу Боевой организации эсеров шли крупные денежные пожертвования от пароходовла-

дельца Н. Е. Мешкова, богача Н. Е. Парамонова, семей Высоцких, Гоцев, Зензиновых, Фондаминских. Многие молодые представители этих кланов сами были участниками эсеровского террора. Таким образом, класс, который по логике вещей был наиболее заинтересован в политической стабильности, нередко с упоением втягивался в подрывную деятельность. Положение дел стало меняться лишь после 1907 г., когда в политической системе образовались новые каналы легального влияния буржуазии на центр власти. В 1909 г. на четвертом Всероссийском торгово-промышленном съезде был поставлен вопрос о политической организации буржуазии в масштабах страны. Одно за другим вырастали политические объединения российского капитала: Торгово-промышленная партия, Всероссийский торгово-промышленный союз, Прогрессивная экономическая партия. Однако мощными инструментами влияния буржуазии на политический процесс они не стали.

Собиранию сил буржуазии и усилению ее политических позиций способствовала Первая мировая война. На девятом торгово-промышленном съезде в мае **1915 г.**, по предложению П. П. Рябушинского, было принято решение о создании *военно-промышленных комитетов*. Их задачей было организационное содействие в выполнении государственных военных заказов и ускорение перевода промышленности страны на военные рельсы. Руководство этой работой было возложено на Центральный военно-промышленный комитет. Его председателем был избран Н. С. Авдаков, а затем лидер октябристской партии А. И. Гучков, а заместителем стал один из руководителей фракции прогрессистов в Думе А. И. Коновалов. Сеть военно-промышленных комитетов стала создаваться уже в июне 1915 г. В конце июля 1915 г. съезд военно-промышленных комитетов добился правительственного решения о включении своих делегатов в Особые совещания по оборонным мероприятиям. Четыре совещания, утвержденные Николаем II в августе 1915 г., были консультативными органами. В их компетенцию входила подготовка мероприятий по обороне, обеспечению топливом, транспортом, продовольствием. Через систему особых совещаний крупный монополистиче-

ский капитал получил возможность влиять на экономику страны военного времени.

На том же июльском съезде военно-промышленных комитетов было выдвинуто предложение добиваться включения в состав Совета министров председателя Центрального ВПК и глав земского и городского союзов. Однако в вопросе о развитии сотрудничества мнения буржуазных лидеров и правительства во главе с царем принципиально расходились. Власть рассматривала сотрудничество с буржуазией как временную меру, вызванную войной, и только с такой оговоркой допускала существование военно-промышленных комитетов, земского и городского союзов. Предпринимательские круги, напротив, были настроены на поступательное развитие сотрудничества и участие во власти. В конечном итоге неспособность власти к конструктивному диалогу лишила ее влиятельнейших групп поддержки. Сочувствие и помощь буржуазной общественности Прогрессивному блоку, сотрудничество с политическим масонством резко осложняли позиции монархического режима.

■ **Крестьянство.** Эта социальная группа также подверглась серьезному воздействию власти в первой четверти XVIII в. Сложились новые категории крестьянского населения, а некоторые старые получили уточненный статус и консолидировались. Кроме того, все крестьянство было поставлено в иные, более жесткие отношения с государственной властью.

Борьба с вольными «гулящими людьми», пополнявшими собой контингент холопов, мобилизация холопов на военную службу, наконец, обращение их в государственных тяглецов в конце первой четверти XVIII в. привели к *слиянию холопов с крепостными крестьянами.* Черносошные крестьяне, земледельческое население Поволжья, Приуралья и Сибири, платившее особый налог (ясак), однодворцы, занимавшие промежуточное положение между крестьянством и служилыми людьми, составили новый разряд *государственных крестьян.* Близкой к ним по правовому положению была категория *дворцовых крестьян,* принадлежавших царскому дому. В условиях дефицита

рабочих рук на мануфактурах часть государственных крестьян была превращена в *приписных*: в порядке отбывания государственных повинностей они должны были трудиться на предприятиях.

В 1721 г. была разрешена покупка крестьян владельцами частных предприятий. Такие крестьяне, рассматривавшиеся как принадлежность предприятия и не подлежащие купле-продаже в отрыве от него, составили разряд *посессионных*. Наконец, огромную массу крестьян составляли *владельческие*, принадлежавшие помещикам, монастырям, архиерейским домам. Некоторые изменения в составе крестьянства произошли только во второй половине XVIII в. В 1764 г. у монастырей были отобраны монастырские крестьяне, под названием экономических они были присоединены к государственным крестьянам, а в 1815 г., после очередной ревизии, окончательно слились с ними. В 1797 г. дворцовые крестьяне стали называться *удельными*.

Объектом усиливающейся закрепостительной политики государства являлись прежде всего владельческие крестьяне. В 1721 г. был издан высочайший указ о беглых крестьянах и холопах, который ужесточал меры борьбы с побегами: на лиц, виновных в укрывательстве беглых, налагался огромный штраф (100 руб. за крестьянина и 50 руб. за крестьянку). Другой указ запрещал крестьянам-отходникам (т. е. уходящим на заработки в город) покидать пределы помещичьих владений без специальных «покормежных писем». Иначе говоря, вводился режим паспортного контроля, который на местах обеспечивали воинские команды.

В 1718—1724 гг. была проведена первая ревизия (перепись податного населения), предшествующая податной реформе. Единицей налогообложения стала так называемая *ревизская душа* — мужчины всех возрастных категорий от младенцев до стариков. Единый прямой налог — подушная подать составил 74 коп. в год (с 1727 г. — 70 коп.) для владельческих крестьян и 1 руб. 10 коп. для государственных крестьян и посадских жителей. Разница в величине налога, называемая *оброчной податью*, была альтернативой феодальной ренты, которую уплачивали государству не крепостные тяглецы. Проведение в жизнь податной реформы со-

провождалось организацией беспрецедентного по своим масштабам сыска беглых крестьян и возвращения их владельцам. Подушная подать как атрибут ущемленного социального состояния еще больше увеличила дистанцию между дворянством, духовенством, с одной стороны, и всеми прочими социальными группами. В результате ее введения объем платежей в казну по стране увеличился на 16%, а для владельческих крестьян — на 62%. Вместе с прямым налогом различные повинности — дорожная, подводная, поставка рекрутов и другие казенные службы ежегодно обходились крестьянскому хозяйству в 10—15 рублей. Размер подушной подати почти непрерывно рос вплоть до ее отмены в 1886 г. В канун крестьянской реформы 1861 г. ее размер достигал 3 руб. 30 коп.

Налоговая реформа Петра I вызвала и определенные изменения в раскладке феодальной ренты в помещичьих имениях. Если ранее основой для начисления помещичьего тягла служила величина крестьянского земельного надела (измерявшаяся единицей площади — *вытью*), то теперь гораздо более весомым критерием стало количество работников в крестьянском хозяйстве. В связи с этим стала использоваться новая единица в разверстке тягла — *венец*, т. е. супружеская пара. Исчислением тяглового обложения ведала крестьянская община, а в помещичьих имениях — еще и помещик. На практике ревизская душа или венец как нормативная единица полного налогового обложения являлись фикцией. В каждом отдельном случае применялась система дифференцированной оценки крестьянского хозяйства. Учитывалось его экономическое состояние, обеспеченность рабочими руками, возрастной состав и даже семейный статус работников. Основная тяжесть всех выплат ложилась на наиболее крепкие хозяйства. Таким образом, во главу угла был положен принцип *круговой поруки* и коллективной ответственности общины за неплатежеспособных крестьян. Община пыталась оберегать неустойчивые хозяйства от обезземеливания и, наоборот, сдерживать рост наиболее продуктивных. Уравнивающий механизм общины проявлялся и в других аспектах. Низкий агротехнический уровень сельского хозяйства, экономическое поведение крестьян, ориен-

тированное в основном на потребление, торможение эпизодических выходов из общины крестьян-предпринимателей — все эти негативные явления вырастали из природы передельной общины.

Историками давно уже был выработан взгляд на крестьянскую общину как на форму адаптации сельского труженика к крайне неблагоприятным условиям природной и социальной среды. Затрудненные климатические условия земледелия, низкая плотность населения и постоянная нехватка рабочих рук, неспособность слабой городской инфраструктуры обеспечить минимальные нужды сельского жителя — все это вместе взятое заставляло искать компенсационные механизмы выживания. По мнению крупнейшего современного исследователя российской экономики Л. В. Милова, такие механизмы как раз и были найдены в функциях крестьянской общины и социальном контроле крепостника-помещика. Важно отметить, что и община, и помещик действовали зачастую в общем направлении. Подобно общине, стремившейся к максимальной интеграции и сохранению крестьянской общности, помещик давал ссуды обедневшим крестьянам, организовывал запасные хлебные магазины, помощь погорельцам, словом, нередко выполнял спонсорскую роль по отношению к некоторым разрядам своих подданных. Совпадение многих базовых принципов поведения общины и помещика подчеркивал и следующий факт: в условиях крепостнических хозяйств среднерусской полосы община устоялась в своих крайних формах — с уравнительным землепользованием и периодическими переделами земли. На землях государственных крестьян ее функции ослабевали и там устанавливалось подворно-наследственное землевладение (так называемая подворная община).

В своей социальной политике государственная власть на протяжении XVIII — первой половины XIX в. исходила из интересов помещиков, а разработка крестьянской реформы постоянно откладывалась. Серия указов второй половины XVIII в. безмерно расширила власть помещика над личностью крестьянина и приблизила крепостное состояние к рабству. Некоторое смещение акцентов в крестьянском вопро-

се наметилось только в конце XVIII в. в Манифесте Павла I о трехдневной барщине. Продолжением этой линии явились некоторые шаги Александра I и Николая I. В **1803 г.** был издан *указ о вольных хлебопашцах*, разрешавший помещикам по своему усмотрению освобождать крестьян с землей и за выкуп. Однако за все время правления Александра I таким образом обрело свободу менее 0,5% крепостных. Николай I учредил за время своего царствования девять секретных комитетов по крестьянскому делу, имевших, однако, крайне малую практическую результативность. В **1836 г.** было создано Пятое отделение собственной Его Императорского Величества канцелярии во главе с просвещенным бюрократом П. Д. Киселевым. Пятому отделению и созданному через год Министерству государственных имуществ во главе с тем же Киселевым было поручено провести реформу государственных крестьян, которая мыслилась как пролог более обширной реформы частновладельческой деревни. В губерниях были образованы местные органы министерства, создавались округа, а в каждом округе к управлению привлекались выборные волостные власти и местные сельские общества. Таким образом, выстраивалась административная пирамида, воплощавшая на практике условия реформы. Благодаря ей удалось несколько поднять нормы обеспечения крестьян надельной землей, регламентировать повинности и благоустроить сельский быт.

Чрезвычайно затрудненным в дореформенное время был переход крестьян-предпринимателей в состав городского населения. Изначальным условием было наличие капитала — для первой половины XVIII в. — 300—500 руб. Затем было необходимо добиться согласия сельского схода, которое в большинстве случаев покупалось уплатой отступной суммы. Для помещичьих крестьян был обязателен и личный выкуп из крепостной зависимости. На следующем этапе надлежало получить поддержку местного купеческого общества, а потом представить необходимые документы в городовой и губернский магистраты, а в случае их положительного решения — ждать итогового утверждения правительственных органов. Вступивший в купечество крестьянин должен был нести двойное тягло как по

своему прежнему крестьянскому состоянию, так и по новому, купеческому, — весь период времени между предшествующей и очередной ревизиями. Закон 1795 г. запрещал переход крестьян в город после объявления о начале ревизии, а в 1796 г. было внесено еще одно ограничение — запись в купечество разрешалась только по отбытии рекрутской очереди. С небольшими поправками эти условия сохранялись и в первой половине XIX в. Из всех черт сословия крестьяне располагали только наследственностью социального статуса, корпоративной организацией в виде общины, закрепленными в законе обязанностями. Хуже обстояло дело с правами, которых было совсем мало, и с привилегиями, которые вовсе отсутствовали.

Снова заниматься крестьянским вопросом пришлось в начале царствования Александра II. 3 января 1857 г. был создан очередной Секретный комитет по крестьянскому делу. Несмотря на то что он был создан по аналогии с комитетами Николая I, веяния нового времени властно вторгались в его работу, изменились и сами организационные принципы. С конца 1857 г. его деятельности была придана гласность: императором был подписан рескрипт на имя виленского губернатора В. И. Назимова, в котором в общих контурах была очерчена правительственная программа отмены крепостного права. Назимов, генерал из близкого окружения Александра II склонил дворянство северо-западных губерний (Виленской, Ковенской и Гродненской) выступить с почином освобождения своих крестьян. Тем самым он обеспечил власть прецедентом, необходимым для запуска всего механизма реформы. В феврале 1858 г. Секретный комитет был переименован в Главный, а в июне 1858 г. состоялось освобождение удельных крестьян (правда, пока без земли). К подготовке реформы были подключены видные представители либеральной бюрократии: Н. А. Милютин, назначенный в 1859 г. товарищем министра внутренних дел, и генерал-адъютант Я. И. Ростовцев, возглавивший Редакционные комиссии. В Главный комитет поступали записки и предложения от губернских комитетов, а их кодификация и разработка общих позиций реформы проходили в составе Редакционных комиссий. Благодаря активно-

му участию в подготовке реформы передовых государственных деятелей в царском Манифесте и *«Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости»* от **19 февраля 1861 г.** удалось провести относительно либеральную концепцию отмены крепостного права. Крестьяне обретали личную свободу и становились юридическими лицами. В обязательном порядке предусматривалось их наделение усадебными и полевыми участками земли. Размер надельной земли определялся в зависимости от зон земледелия — черноземной, нечерноземной и степной. В степной устанавливалась единая норма, в других — высшая и низшая нормы. Эти нормы варьировались от неполных 3 до 12 десятин земли на 1 душу мужского пола. В тех районах, где земля ценилась особенно высоко, от дореформенных наделов крестьян часть отрезалась в пользу помещика. Образовавшиеся таким путем *отрезки* в целом составляли около 20% крестьянских угодий. Осуществить реформу планировалось в несколько этапов. В течение двух лет новые поземельные отношения крестьян и помещиков подлежали оформлению в уставных грамотах, которые готовились с помощью мировых посредников (выборных представителей от местного дворянства). Далее крестьяне переводились на положение временнообязанных, иными словами, оставались связанными с помещиком отработочными повинностями и денежным оброком. Нормы оброка составляли 10 руб. с души мужского пола за самый большой надел в промышленных губерниях и 8—9 рублей в остальных, а норма барщины определялась 40 днями для мужчин и 30 для женщин в год. Завершающим этапом в проведении реформы являлся переход крестьян на выкуп. Сроки такого перехода первоначально не устанавливались. Только в 1881 г. вводилась норма обязательного перехода крестьян на выкуп начиная с 1883 г. (в это время в положении временнообязанных оставалось 15% крестьян). Выкупные платежи растягивались на длительный период времени, а их размер определялся из учета годового денежного оброка (последний приравнивался к 6% — прибыли за сумму, положенную в банк). Ввиду неплатежеспособности основной массы крестьян вначале с помещиками рас-

считывалось государство, выдавая им единовременно деньгами или ценными бумагами 75—80% выкупной суммы. Остаток крестьяне вносили помещику самостоятельно — в один прием либо в рассрочку. Государственная ссуда, предназначенная для выкупной операции и выданная помещикам, погашалась крестьянами на протяжении 49 лет. Полученные казной деньги вместе с начисляемыми процентами многократно превышали ее затраты на осуществление выкупной операции.

Вслед за освобождением помещичьих крестьян реформа была проведена и среди других категорий земледельцев. В **1863 г.** за выкуп землей наделялись удельные крестьяне, получившие в среднем в полтора раза больше земли, чем помещичьи. Государственные крестьяне, считавшиеся лично свободными, по закону от 1866 г. сохранили наделы, которыми пользовались. В 1886 г. они были переведены на выкуп. В среднем размеры их землевладения более чем в полтора раза превышали нормы помещичьих и почти на треть нормы удельных крестьян.

Реформа 1861 г. укрепила крестьянскую общину. На местах создавались волостные общества, которые возглавлялись выборными от крестьянства — волостными старшинами. В самом низу управления находилось сельское общество, в которое входили крестьяне, ранее принадлежавшие одному помещику (поэтому оно могло объединять как крестьян одного, так и нескольких сел). Из числа домохозяев сельского общества на сходе выбирались староста, сборщик податей и представители на волостной сход. На органы крестьянского самоуправления были возложены функции местного благоустройства, сбора налогов и поддержания порядка. Около трех четвертей надельной земли принадлежало общине. Община несла ответственность за уплату податей крестьян, производила переделы земли, устанавливала сроки полевых работ. Выход крестьянина из общины был оговорен крайне тяжелыми требованиями. Во-первых, обязательной сдачей надела сельскому обществу, что практически отрезало для крестьянина путь к возвращению на родину в случае неудачи на новом месте жительства. Во-вторых, передачей своего надела другому

хозяину: до 1870 г. им должен был являться односельчанин, после 1870 г. — любой человек, готовый единовременно уплатить весь оставшийся долг уходящего крестьянина по выкупу. С учетом временнообязанного состояния крестьянина и сохранения в этот период контролирующих функций помещика требовалось заручиться и его согласием. Но и это было еще не все. Нередко сельское общество выдавало увольнительный приговор только в обмен на денежное вознаграждение и требовало материально обеспечить остающихся на селе нетрудоспособных родственников.

Первой атакой на общинное всевластие *стала отмена круговой поруки* в **1899—1903 гг.** Эта мера заметно подорвала общинную спаянность и способствовала развитию индивидуалистических интересов среди крестьянства. А с 1906 г. в русле столыпинской программы реформ было предпринято уже настоящее наступление на общину. Ее ликвидация облегчалась тем, что Манифестом от 3 ноября 1905 г. с крестьян слагались остаточные выкупные платежи (окончательно они прекращались к 1907 г.) и земля становилась их собственностью. Указом от 9 ноября 1906 г. утверждалось право каждого домохозяина приватизировать землю, находившуюся в его пользовании. Путем сведения земли, возделываемой крестьянами, в одной меже и создания отрубов устранялась чересполосица. Поощрялась организация хозяйств, расположенных в стороне от основного крестьянского селения — так называемых хуторов. Хуторяне получали ряд льгот на земельных торгах, проводившихся государственным Крестьянским банком, в первую очередь обеспечивались государственными кредитами. Ликвидация передельной общины обусловливалась сначала согласием двух третей крестьянских дворов, затем — половины дворов. Земля становилась объектом залога, чем облегчалась возможность получения кредитов. 3-я Дума и Государственный совет утвердили аграрные указы, инициированные Столыпиным, уже в качестве закона 14 июня 1910 г., добавив в него несколько новых пунктов. Закон форсировал ломку общины: частная собственность автоматически насаждалась в тех общинах, где передел земли не проводился с момента перехода крестьян на выкуп. Одновре-

менно с решительным поворотом в сторону частного единоличного хозяйства крестьяне поднимались до уровня других социальных групп и по объему гражданских прав: в 1906 г. отменялись телесные наказания, направление неисправных налогоплательщиков на общественные работы, дискриминационные ограничения при поступлении крестьян на государственную службу. Всячески поощрялось стремление крестьян к переселению, чем утолялся аграрный голод в перенаселенных центральных губерниях и стимулировалось хозяйственное освоение окраин.

За 10 лет проведения столыпинской аграрной реформы общину покинуло 2,5 млн домохозяев, или 26% общинников. Несмотря на энергичные меры по разрушению общины, она все же сохранила свое доминирующее влияние более чем на 80% площади крестьянского земельного фонда. Для незначительного срока, отведенного историей на переустройство деревни, реформа дала неплохой результат. Но стало очевидно и другое: чрезвычайная устойчивость общины и общинного сознания крестьянства. Крестьянство по большей части сохраняло патриархальный уклад жизни и специфическую ментальность. Слабая сопряженность между мерой трудовых затрат и полученными результатами (связанная с неблагоприятными условиями земледелия на большей части территории России) предопределяла фаталистическое восприятие жизни, веру в божественный промысел среди крестьянства. Такие взгляды трансформировались крайне медленно.

Особой была и крестьянская набожность, в которой сквозь толщу христианских религиозных представлений постоянно пробивались языческие верования. Такой симбиоз проявлялся в праздничном календаре деревни, в котором церковные праздники сочетались с языческими. При этом крестьяне придавали чрезвычайно большое значение церковной обрядности, выполнению предписаний религии. В крестьянском мире строго соблюдались посты: Великий пост, начинавшийся за семь недель до Пасхи, Петровский — через неделю после летнего праздника Святой Троицы, Успенский, приходившийся на первую половину августа, Рождественский, или Филипповский, начинавшийся с середины ноября.

Веками воспитывавшаяся в общине коллективистская и уравнительская психология сформировала в крестьянстве стойкую неприязнь ко всем, кто наживал состояние, включая кулаков, к которым прилипло прозвище «мироедов». Эту неприязнь лучше всего иллюстрировал лозунг «пустить красного петуха» (т. е. предать огню чужое имущество), который правил аграрными самочинствами в период социального брожения в деревне. Значительную роль играли общинные стереотипы и в поведении крестьян, переселявшихся в города. Крестьяне как носители традиционных ценностей и норм, плохо адаптированные к условиям большого города, пополняли маргинальные слои. Именно этот контингент становился легкой добычей тоталитарно ориентированных движений и партий. В этом отношении взрывная миграция, которая охватила Россию начала XX в., в значительной степени предопределила социально-политические потрясения этого времени.

Глава 14
СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И РЕВОЛЮЦИИ

■ **Движение социальных низов в XVIII—XIX вв.** В XVIII в. резко возросла социальная напряженность, вызванная усилением крепостного и государственного фискального гнета. В 1705—1706 гг. произошло Астраханское восстание, в котором участвовали стрельцы, казаки, люмпенизированные слои городского населения. Восставшие установили выборную власть, включая управление военизированными формированиями (выборные полковые старшины). Эти меры свидетельствовали о намерении повстанцев не допускать возвращения коронных чиновников и того социального порядка, который утверждала официальная власть. В марте 1706 г. правительственные войска во главе с фельдмаршалом Б. П. Шереметевым взяли с боем Астрахань. Несколько сот пленных были отправлены в Москву.

В 1707–1708 гг. на Дону, в Слободской Украине и в Поволжье возникли новые очаги восстаний. Наиболее мощным оказалось движение на Дону, возглавленное К. Булавиным. Поводом к выступлению послужило скопление здесь беглых крестьян и посадских, которых правительство пыталось водворить на прежнее место жительства. Ударной силой восставших стало казачество.

Ряд исследователей (например, Н. И. Павленко) рассматривают восстание под предводительством К. Булавина как сугубо казачье выступление, в то время как другие видят в нем третью крестьянскую войну в истории России. Следует все же признать, что на Дону, в центре восстания, не было распространено помещичье землевладение и, следовательно, отсутствовали массы крепостных как потенциальная движущая сила движения. Поэтому в «прелестных письмах», которые распространялись его руководителями, не содержалось призывов к ликвидации помещичьего землевладения, столь характерных для других крупных крестьянских выступлений. (См.: *Павленко Н. И.* Петр Великий. М., 1990. С. 246.)

Главной его целью была защита казачьих привилегий. Высшей точкой движения стали захват Камышина, Царицына, осада Саратова весной 1708 г. и провозглашение Булавина атаманом Войска Донского. Однако поход на Дон правительственных войск во главе с В. В. Долгоруким и распря в казачьей верхушке, закончившаяся убийством К. Булавина, решили исход дела. До конца 1708 г. были разгромлены все основные повстанческие силы.

Наиболее грозным социальным движением XVIII в. стала крестьянская война под предводительством **Е. И. Пугачева (1773–1775 гг.)**. Осенью 1773 г. бежавший из казанской тюрьмы донской казак Пугачев стал собирать вокруг себя недовольных среди яицких казаков. Для привлечения сторонников он принял имя чудом спасшегося царя Петра III и обнародовал «царский» манифест, в котором жаловал казаков водой, травами, свинцом, порохом, провиантом и вечной вольностью. Постепенно в лагерь Пугачева, кроме казаков,

стали стекаться помещичьи и приписные крестьяне, работные люди мануфактур, представители народностей Поволжья и Приуралья. Из них были созданы полки. Во главе стала Военная коллегия. Расширению социальной базы движения способствовал манифест 31 июля 1774 г., в котором провозглашалось освобождение крестьян от крепостной зависимости, податей и содержались призывы к истреблению дворянства. Таким образом, в этот период с наибольшей силой проявилась антикрепостническая направленность движения. На территориях, отошедших к восставшим, часто воспроизводились казачий круг и порядки военной общины. Вместе с тем проявлялись слабые стороны, типичные для крестьянских войн: локальность, несовершенство механизма управления, слабая боевая выучка. Эти недостатки и предопределили окончательный разгром восставших к 1775 г.

Если непредвзято взглянуть на крестьянские войны, можно увидеть в них стремление к ломке существующего строя, однако без противопоставления ему какой-либо качественно иной альтернативы. Отсутствие перспективы в крестьянской борьбе приводило к феодальному перерождению, что ярко проступало в титулатуре, церемониале, структуре органов управления у восставших. (Показательно, что в своем самом радикальном манифесте от 31 июля 1774 г. Пугачев называл крестьян «верноподданными рабами собственной нашей короны», т. е. фактически вводил те же формы отношений, которые в официальной России связывали верховную власть и государственных крестьян.) Иными словами, крестьянские войны являлись борьбой против феодализма, которая в конечном счете велась феодальными же средствами.

Антикрепостническая борьба крестьян с новой силой вспыхнула в конце царствования Николая I: в последнее дореформенное десятилетие ежегодно происходило до 100 крестьянских бунтов, усмирявшихся с применением вооруженных сил. Это количество в два с лишним раза превосходило соответствующие показатели предшествующих десятилетий и было тревожным симптомом нарастания кризиса всей социально-политической системы.

Мощная волна крестьянских волнений и восстаний прокатилась по стране в 1861—1863 гг. Она была вызвана тяжелыми и несправедливыми, по мнению крестьян, условиями отмены крепостного права. Следующий взлет социальной активности крестьян относится к началу XX в. Факторами, высвобождавшими протестную энергию, являлись аграрное перенаселение и менявшееся восприятие власти в крестьянской среде. По словам исследователя крестьянской борьбы Т. Шанина, «как только царская воля перестала восприниматься как сила природы, а неприкосновенность царизма уже не казалась безоговорочной истиной, социальный мир сельской России начал рушиться. Все казалось сейчас возможным». (*Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997. С. 155.)

Аграрные беспорядки принимали самые разнообразные формы. Это были массовые грабежи магазинов, складов и поместий, получившие в судебных протоколах название разборок; незаконные захват и обработка чужих земель (запашка), пользование пастбищными землями (потрава); отказ от уплаты налогов и несения повинностей.

Главными объектами насилия становились помещики, военные, полицейские и судебные чиновники. Однако в критических точках восстаний список неугодных лиц безмерно расширялся. В 16% острых столкновений жертвами террора становились батраки и сезонные рабочие, подворачивавшиеся под горячую руку во время погромов помещичьих имений. Таким образом, деление на «своих» и «чужих» далеко не всегда определялось критериями реального социального положения.

Примечательной особенностью крестьянского движения начала XX в. являлось его хронологическое несовпадение с кульминационными моментами революционного движения в городах. Можно даже утверждать, что оно развивалось в противофазе с ним. Пик крестьянской активности пришелся на период третьеиюньской монархии, когда все остальные социальные движения находились на спаде, и, наоборот, в период революционного подъема 1910—1914 гг. крестьянское движение резко пошло на убыль. Политическая пропаганда и агитация в деревне не оказывали сущест-

венного влияния на размах крестьянских волнений. Ни одна из политических партий не оказывала серьезного влияния на крестьянские настроения, включая и эсеров, которые имели под своим контролем около 18 тыс. крестьян. Только Первая мировая война, хозяйственная разруха и последующие революционные потрясения несколько изменили это положение.

В XIX в. появляются новые типы социальных движений — волнения нижних чинов в армии и гвардии, которые вызвали переполох и растерянность в правящей элите, поскольку речь шла о вооруженной опоре власти. В 1819 г. вспыхнуло восстание военных поселян в Чугуеве, на Украине. В 1820 г. начались волнения в Семеновском гвардейском полку, вызванные бесчеловечным обращением с солдатами командира полка Ф. Е. Шварца. Девять главных зачинщиков были прогнаны сквозь строй в тысячу человек, а личный состав полка заменен армейскими военнослужащими. Всего в 1816—1825 гг. прошло не менее 15 солдатских мятежей.

Тем не менее армия до начала XX в. оставалась надежным оплотом власти. Только в период первой русской революции начинаются восстания в отдельных частях: матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» летом 1905 г., матросов и солдат Кронштадта и Севастополя осенью 1905 г. Все они завершились разоружением офицеров. Были выбраны новые командиры и образован Совет матросских и солдатских депутатов. Эпицентром восстания вскоре стал крейсер «Очаков», командовать которым было поручено депутату Совета лейтенанту П. П. Шмидту. Однако повстанцы были разоружены и преданы суду.

Новым явлением в пореформенную эпоху стали выступления рабочих. В 70-е гг. рабочие ряда предприятий от подачи жалоб, эпизодического уклонения от работы переходят к более организованным действиям — стачкам. Стачки прошли в 1870 г. на Невской бумагопрядильной фабрике, в 1871 г. на Путиловском заводе, в 1878—1879 гг. на Новой бумагопрядильне, в 1885 г. на Никольской мануфактуре Морозовых в Орехово-Зуево. Трудовые коллективы отказывались от работы на драконовских условиях и выдвигали перед администрацией ряд требований. Правительство

было вынуждено вплотную заняться «рабочим вопросом». В 1882 г. был принят закон, ограничивавший применение труда малолетних работников (запрещалось брать на работу детей до 12 лет, а для подростков до 15 лет устанавливать рабочий день свыше 8 часов). В 1886 г. было запрещено начислять штрафы, составлявшие более трети заработка, при этом штрафные деньги предписывалось использовать на нужды самих рабочих. Закон обязывал предпринимателей заключать договор с нанимающимися на работу. Вместе с тем вводилась и строгая ответственность рабочих за остановку предприятия на период стачки.

Впервые создаются самостоятельные рабочие организации. В 1875 г. под руководством Е. О. Заславского в Одессе сложился «Южнороссийский союз рабочих». В основу его деятельности были положены идеи бескомпромиссной борьбы рабочих за свои интересы, не исключая в перспективе и насильственного переворота. В 1878—1879 гг. в Петербурге действовал «Северный союз русских рабочих» под руководством В. П. Обнорского и С. Н. Халтурина. Рабочие-революционеры оставались под сильным влиянием народнической доктрины и лассальянских взглядов. Конечной целью движения в масштабах государства провозглашалось учреждение «народной федерации общин... на началах русского обычного права», что повторяло известные положения народнической теории. Большое значение придавалось помощи со стороны государства, в частности выделению им кредитов рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Развитию начал самоорганизации и росту самосознания рабочего класса способствовала первая русская революция. Впервые самодеятельный орган — Советы рабочих депутатов был сформирован в мае 1905 г. во время стачки иваново-вознесенских текстильщиков. Он стал и центром руководства стачкой, и органом социального контроля, а также представлял интересы рабочих на переговорах с властями и хозяевами предприятий. Во время всероссийской октябрьской политической стачки Советы возникли и в других местах, всего за 1905 г. их численность выросла до 55. Дальнейшая политическая эволюция пролетариата во многом оказалась связанной с развитием соци-

ал-демократии, главным образом, с большевистским течением. Именно большевики объявили пролетариат гегемоном предстоящих революций и от его имени приступили к строительству своей модели общества.

■ **Дворцовые перевороты.** Начало «переворотной» традиции было положено в январе **1725 г.**, когда группировка высших чинов империи, возглавляемая А. Д. Меншиковым, способствовала вступлению на престол вдовы Петра I Екатерины Алексеевны. В **1730 г.** после скоропостижной смерти Петра II члены Верховного тайного совета во главе с Д. М. Голицыным пригласили на престол дочь старшего брата Петра I, вдовствующую герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну. Главным мотивом приглашения являлся расчет на ее благосклонное отношение к «кондициям», ограничивающим императорскую власть в России. Анна Иоанновна приняла условия. Однако в ход событий вмешались дворянские круги, пожелавшие принять участие в разработке плана политических преобразований, а также защитники традиционного абсолютизма в лице Ф. Прокоповича и вице-канцлера А. И. Остермана. Отсутствие единства среди участников конституционного движения, недоверие многих дворян к «верховникам», умелая агитация Остермана и Прокоповича позволили императрице произвести контрпереворот. 25 февраля 1730 г. на приеме в Кремлевском дворце она публично разорвала текст кондиций и провозгласила себя самодержавной государыней.

После смерти Анны Иоанновны в октябре **1740 г.** согласно завещанию престол перешел к ее внучатому племяннику двухмесячному младенцу Ивану Антоновичу, а регентом стал бывший фаворит императрицы герцог Э. Бирон. В ноябре 1740 г., опираясь на отряд из 80 гвардейцев, фельдмаршал Б. Х. Миних сверг Бирона. Правительницей стала мать малолетнего императора Анна Леопольдовна. Однако и в ее руках власть надолго не задержалась. Инициатива очередного дворцового переворота принадлежала дочери Петра I Елизавете. 25 ноября **1741 г.** с помощью гренадерской роты Преображенского полка она вступила

во дворец и возвестила стране о начале собственного царствования.

Жертвой дворцового переворота оказался племянник и преемник Елизаветы Петровны — Петр III. Политическая группировка, во главе которой стояла его жена Екатерина Алексеевна, братья Орловы, воспитатель малолетнего великого князя Павла Петровича Н. И. Панин, умело пользуясь промахами императора и ослаблением политической полиции в государстве, 28 июня 1762 г. свергла его с престола. Власть перешла к Екатерине II. Обширный заговор с участием гвардейских командиров и бывших фаворитов Екатерины II братьев Зубовых, петербургского генерал-губернатора П. А. Палена прекратил и правление Павла I. В ночь на 12 марта 1801 г. он был убит в Михайловском замке группой заговорщиков. В ноябре 1825 г. после получения в Петербурге известия о кончине императора Александра I 27 ноября высшие сановники присягнули сами и привели гвардию к присяге цесаревичу Константину Павловичу. Между тем еще в 1823 г. Александром I был составлен секретный акт о передаче верховной власти великому князю Николаю Павловичу вместо цесаревича Константина Павловича, который решительно отказывался от короны. Однако некоторые высшие чины, включая отдельных членов Государственного совета и петербургского генерал-губернатора М. А. Милорадовича, осведомленные о воле Александра I и отречении Константина, рассудили иначе. В разговоре 25 ноября с Николаем Милорадович заявил, что гвардия его не примет и потому престол должен занять Константин. 14 декабря в ходе переприсяги войск Николаю I пришлось столкнуться с военным мятежом декабристов, во многом спровоцированным затянувшимся междуцарствием и политической интригой гвардейско-бюрократической элиты.

Причины политической нестабильности в России XVIII — начала XIX в. были обусловлены несколькими факторами. Прежде всего огосударствлением общественной жизни, отсутствием каких бы то ни было возможностей легитимной оппозиции. Эти качества были изначально присущи политической системе абсолютизма, созданной Петром I. В таких условиях

перевороты являлись порой единственно возможным способом разрешения противоречий между самодержавной властью, правящей элитой и дворянским сословием. К концу правления Петра I напряженность достигла критической отметки. Это было вызвано невыгодным для дворянства соотношением между системой льгот и силой давления «сверху», резким усилением верховной власти, приведшим к ее некоторому отрыву от главной социальной опоры в лице дворянства, а также расколом в правящей верхушке. Политическую нестабильность питала редистрибутивная (т. е. распределительная) экономика, утвердившаяся в России. Для нее были характерны неразвитость товарно-денежных отношений, отсутствие полноправных субъектов собственности, отношения суверенитета-собственности, всецело замкнутые на государственную власть. Поэтому как только место авторитарного и успешного правителя оказывалось занято более слабой фигурой, усиливалась гонка индивидуальных честолюбий, острая конкурентная борьба придворных группировок. Именно на таком фоне и происходила рокировка правящих лиц.

Немалый вклад в становление переворотной традиции внес *«Устав о наследии престола»* от **1722 г.**, провозгласивший право царя выбирать наследника по своему усмотрению. Этот законодательный акт породил активное вмешательство фаворитов и других влиятельных персон в процесс принятия решений в вопросе о преемственности власти, а также попытки пересмотреть при помощи насилия уже принятые решения.

Какое историческое содержание несли в себе дворцовые перевороты? Их роль отнюдь не всегда была однозначно отрицательной. Явочным порядком они утверждали такую систему власти, которую французская писательница Жермена де Сталь метко охарактеризовала как «самодержавие, ограниченное удавкой». Примерно в том же ключе оценивали этот феномен и некоторые политические деятели XIX в. (как «необходимый противовес власти» или «неизбежно полезный корректив абсолютизма»). Регулирующее начало дворцовых переворотов проявлялось в нескольких аспектах. Для начала удачливым узурпаторам власти

приходилось как минимум публично обосновывать перед подданными правомерность своего вступления на престол, апеллируя к подлинным либо мнимым ошибкам предшественника и принимая на себя обязательства по их исправлению. Это на известный период времени делало новоиспеченного лидера заложником своих обещаний. Екатерина II вскоре после своего вступления на престол признала: «Меня заставят проделать еще много странных вещей и все это естественнейшим в мире образом. Если я соглашусь на это, меня будут боготворить; если нет — право, я не знаю, что тогда произойдет». Стремление оградить себя от заговоров и переворотов заставляло монархов XVIII в. предпринимать шаги к разработке государственного права, в частности полномочий верховной власти и высших государственных учреждений. Такую направленность имели опыты правительственного конституционализма второй половины XVIII — первой четверти XIX в. Перенос политической жизни из центра в провинцию, осуществленный в ходе децентрализации управления, создание корпоративных дворянских учреждений способствовали оттоку социальной энергии наиболее активных элементов дворянства из столицы на места и таким образом ослабляли давление на центр власти. Тем не менее страх перед насильственным отстранением от власти довлел над большинством российских самодержцев XIX в. Он порождал не только попытки всемерно усилить систему государственной и личной безопасности, но и своеобразную внутреннюю цензуру, которая действовала в ходе подготовки важнейших актов верховной власти. Тщательная конспирация в разработке реформ, затяжки, проволочки и отступления в их осуществлении характеризовали этот стиль действий. Таким образом, в XIX в. традиция дворцовых переворотов утрачивала положительный заряд и становилась частью механизма правительственного торможения в проведении реформ.

■ **Революционное движение.** В конце XVIII в. в России зарождается *революционная традиция*. Ее родоначальником стал литератор А. Н. Радищев (1749—1801). В его сочинениях (ода «Вольность»,

«Путешествие из Петербурга в Москву») развивались распространенные просветительские теории «естественного права» и «общественного договора», утверждавшие изначальное равенство всех людей. Радищев дополнял эти теоретические конструкции радикальным выводом о праве народа свергать недостойных правителей, призывом к сокрушению несправедливого социального строя путем крестьянского восстания, установлению народоправства в форме республики. В этом состояло его принципиальное отличие от либеральных просветителей, ограничивающихся требованием эволюционного движения в сторону конституционной монархии и просвещения граждан.

В XIX в. эстафета революционной мысли была подхвачена декабристами. Появление генерации дворянских революционеров было вызвано рядом причин. Заграничный поход русской армии после окончания Отечественной войны 1812 г., представившаяся возможность сравнения порядков в России и в европейских странах — все это будило критическую мысль у сотен молодых дворян. В свою очередь, крушение надежд на продолжение либеральных мероприятий правительства во второй половине царствования Александра I привело к отложению от режима многих либерально мыслящих деятелей. Кроме того, росту радикальных настроений среди образованного общества способствовали революционные события в Европе. (В частности, в 1820 г. полковник Риего поднял восстание в испанской армии и заставил короля восстановить отмененную им в 1812 г. конституцию.) Эти события рождали у гвардейской молодежи в России представления о возможности достижения кардинальных перемен путем военной революции. Первые тайные общества стали возникать еще в 1814—1815 гг. К началу 20-х гг. дворянские революционеры прошли большой путь идейного и организационного развития. В 1821 г. образовались Южное общество на Украине во главе с П. И. Пестелем, а затем Северное общество в Петербурге во главе с Н. М. Муравьевым и Н. И. Тургеневым.

Основные программные положения Южного общества были изложены в «Русской правде» Пестеля, а Северного — в конституционном проекте Муравьева.

Оба документа различались по степени радикальности предложенных перемен. Одним из неотложных преобразований Пестель считал отмену крепостного права и наделение крестьян землей. Весь земельный фонд подлежал разделению на неотчуждаемую землю, предназначенную для общинного раздела между всеми способными заниматься земледелием, и частновладельческую. Формирование земельного фонда мыслилось как за счет частичной конфискации помещичьего землевладения, так и с помощью отчуждения его за вознаграждение. В политической части своего проекта Пестель настаивал на создании республики с высшим законодательным органом в лице Народного веча, исполнительной властью в лице Державной думы из 5 человек и органом социального контроля — Верховным собором из 120 пожизненно избираемых членов. Однако на период проведения основополагающих преобразований предполагалось сосредоточить всю полноту власти в руках Временного верховного правления. Кроме членов тайных обществ, в него предполагалось включить и ряд либеральных бюрократов и военных, пользующихся авторитетом в обществе. При этом органе власти должен был действовать огромный корпус жандармов (свыше 100 тыс. человек).

Н. М. Муравьев в своем конституционном проекте также исходил из необходимости освобождения крестьян, но с минимальным обеспечением их землей (около 2 десятин надельной земли, находившейся в общинном владении). Муравьев был противником самодержавия и его политических институтов, однако, в отличие от Пестеля, склонялся к конституционной монархии (с оговоркой, что при отказе императорского дома признать конституционное ограничение своей власти следует утвердить республиканскую форму правления). Высшим органом законодательной власти должно было стать двухпалатное Народное вече, избиравшееся допущенными к голосованию гражданами. Избирательные права в проекте Муравьева ограничивались высоким имущественным цензом, цензом оседлости и грамотности, в то время как у Пестеля предусматривалось равенство всех граждан перед законом и всеобщее избирательное право для мужчин с 20 лет. По Муравьеву,

России предстояло стать федеративным государством (в то время как Пестелем намечалось унитарное государство), разделенным на 15 держав.

Неожиданная кончина Александра I и последовавшее междуцарствие смешали все карты участников тайных обществ. Скоропалительное решение использовать назначенную на 14 декабря 1825 г. переприсягу войск для атаки на самодержавие не было обеспечено ни надежным руководящим центром восстания (диктатор С. П. Трубецкой даже не явился на место событий), ни твердой опорой в войсках (декабристы смогли склонить на свою сторону только Московский лейб-гвардейский полк, Гвардейский морской экипаж и лейб-гренадеров). В результате попытка государственного переворота 14 декабря закончилась разгромом. Все декабристы были взяты под стражу, проведены через процедуру следствия и приговорены к разным срокам каторжных работ. Пятеро, признанных главными виновниками (К. Ф. Рылеев, П. И. Пестель, С. И. Муравьев-Апостол, М. П. Бестужев-Рюмин, П. Г. Каховский), казнены. Сравнивая декабристское движение с последующими эпизодами революционной борьбы, необходимо отметить его некоторые отличительные черты. Допуская насилие, декабристы по возможности старались ограничить сферу и масштабы его применения, а также не нарушить дворянского кодекса чести. Кроме того, декабристы не порывали до конца с идеей вступить в мирный диалог с властью. Еще в ноябре 1825 г. Пестель размышлял над планом встречи с императором в Таганроге, намереваясь от имени своих товарищей дать обещание «разоружиться» в обмен на монаршее решение продолжить курс либеральных реформ. Подобные моральные ограничения были чужды последующим поколениям революционеров.

Революционно-демократическое движение, сменившее на исторической сцене декабристское, развивалось на основе жесткой конфронтации с властью. От революционно-демократической идеологии лежал прямой путь к революционному подполью с его отречением от главных христианских заповедей. У истоков этого революционного движения стоял В. Г. Белинский (1811—1848). Свой творческий путь он

начал с участия в либерально-демократическом кружке Н. В. Станкевича, где вместе с остальными осваивал учение Гегеля. Тогда Белинский еще был склонен к умеренным социально-политическим обобщениям. С начала 40-х гг. XIX в. он развивал мысль о недостаточности реформ Петра I, о внешней, подражательной стороне проведенной им европеизации. Призывая к более глубокому овладению европейским историческим опытом, Белинский актуализировал значение Великой французской революции. В этой системе координат высшей ценностью провозглашалась «кровавая ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляской с гербом», а высшей добродетелью признавалась «кровавая любовь Марата к свободе». Венцом этой идейной эволюции стало следующее утверждение Белинского: «Люди так глупы, что их насильно надо вести к счастью. Да и что кровь тысячей в сравнении с унижением и страданием миллионов».

По мере становления идеологии революционного демократизма она все более проникалась идеями утопического социализма.

Утопический социализм, выросший из европейского просвещения 1820-х гг., поначалу заявил о себе в доктрине французских христианских социалистов (Сен-Симона, Фурье). Согласно их учению, подлинным объектом поклонения должен быть не Бог, а человек, созданный по его образу и подобию. Был разработан целый комплекс понятий, приравнивавших библейские сюжеты и символы к общественным институтам современности и будущего. Например, коммунистическое общество будущего рассматривалось как воплотившееся на земле Царство Небесное, выдающиеся умы человечества отождествлялись с личностью мессии, коммуны и фаланстеры уподоблялись братствам ранних христиан. Себя идейные вожди утопического социализма считали апостолами новой веры.

Сторонниками французского утопического социализма в России были члены кружка М. В. Буташевича-Петрашевского, образовавшегося в середине

40-х гг. Своими целями петрашевцы считали устранение самодержавия и крепостничества путем революционного акта, безвозмездное наделение крестьян землей и установление строя социальной справедливости. В апреле 1849 г. конспиративный кружок был раскрыт полицией, а его активные участники, включая Ф. М. Достоевского, приговорены к смертной казни, замененной каторжными работами.

Схожая с французским утопическим социализмом система взглядов зародилась и в Германии. В рамках левогегельянской философии Л. Фейербах попытался переосмыслить понятия классического богословия. По его мнению, христианские догматы, не поддающиеся проверке с помощью рациональных методов познания, не могут служить надежными ориентирами в социальной практике и требуют переработки под углом зрения практических нужд человека. В частности, в идее Бога следовало прежде всего видеть символическую проекцию самого человека. Результатом подобных искажений христианского вероучения становилось воинствующее человекобожие. Его прямым продолжением являлась проповедь вседозволенности, агрессивное навязывание обществу своих идеалов как практического руководства к действию со стороны интеллигентских отщепенцев. (*Паперно И.* Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996. С. 167.) Эта плеяда деятелей была метко названа в начале XX в. в сборнике «Вехи» «воинствующими монахами нигилистической религии земного благополучия».

В революционном движении России совместились сразу две линии — французский утопизм и учение Фейербаха. Причины восприимчивости интеллигенции к социализму и его распространению в обществе были заложены в некоторых основах социальной организации страны. Впервые *концепция русского социализма* была разработана А. И. Герценом (1812—1870). Источником самобытного общественного развития он признал крестьянскую общину с заложенными в ней коллективистскими началами. По мере утверждения на позициях общинного социализма Герцен становился все более непримиримым оппонентом самодержавия и всех начинаний. В периоди-

ческих изданиях Вольной русской типографии, основанной Герценом за границей («Колокол», «Полярная звезда», «Голоса из России»), публиковались обличительные материалы из истории и современной правительственной практики, освещались важнейшие эпизоды революционной борьбы.

Распространение социалистического направления в общественной мысли было связано также с особенностями духовной жизни России. Поверхностное религиозное воспитание не могло привить иммунитет к радикально-утопическим идеям. Исключительное влияние на умонастроения образованного общества имела художественная литература и ее разночинские лидеры. С 40-х гг. XIX в. критический реализм утверждается как главный художественный метод. Литературе приписывается учительская роль. Эти принципы четко сформулировал М. Е. Салтыков-Щедрин: «Литература провидит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека. Под влиянием литературных типов современный человек получает новые привычки, ассимилирует новые взгляды». Через художественные произведения, публицистические очерки писателей революционно-демократического лагеря шло мощное воздействие на массы грамотного населения. Этот феномен хорошо иллюстрирует судьба романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

Н. Г. Чернышевский (1828—1889), выходец из духовенства, писатель и публицист, один из руководителей журнала «Современник», стал влиятельной фигурой революционно-демократического лагеря. Главным предметом его внимания в конце 50-х — начале 60-х гг. стало создание общероссийской революционной организации, пропаганда среди крестьянства, на которое возлагались главные надежды в предстоящем социальном перевороте. В июле 1862 г. революционная деятельность Чернышевского была прервана арестом. Находясь в заключении, он написал роман «Что делать?», который по недосмотру цензуры был опубликован в 1863 г. в журнале «Современник». Роман вскоре был запрещен, однако успел превратиться в бестселлер второй половины XIX в. (стоимость рукописных и литографированных копий на черном рынке доходила до 60 рублей). У его героев

появилось множество подражателей среди образованного общества.

Чернышевский полагал, что первым шагом к сокрушению отсталого строя должно стать усвоение людьми свободного образа мыслей и поведения. Но ударной силой перестройки системы являлись не эти «новые люди», а профессиональные революционеры — «особенные» люди вроде Рахметова. Болезненный процесс перевоспитания общества, изолированное положение в нем исключительной личности и ее потенциальные притязания на роль авторитарного лидера должны уравновешиваться сравнительно нечастыми включениями революционеров в ход событий. Этот вывод опирался на убеждение Чернышевского в том, что историческое развитие совершается путем коротких «вспышек», озаряющих очередное поколение светом новых идей примерно один раз в пятнадцать лет. Таким образом, постепенной ломке деспотической системы, переходу к социализму он отводил не менее 100 лет.

Идеи Чернышевского оказали определенное влияние на становление революционного народничества 70-х гг. Однако в них черпали главным образом лишь установку на штурм самодержавия. Идеология народничества была разработана в трудах и выступлениях П. Л. Лаврова (1823—1900) — родоначальника пропагандистского направления, М. А. Бакунина (1814—1876) — основоположника бунтарского направления, П. Н. Ткачева (1844—1885) — идеолога заговора профессиональных революционеров, тактики, которая по имени ее первого автора, французского революционера О. Бланки, называлась еще бланкизмом. Историческую эволюцию народничества можно представить как последовательную смену трех указанных парадигм. На первом этапе за основу действия была принята программа Лаврова, на следующем — возобладали установки на агитацию и крестьянский бунт и на заключительном этапе верх взяла тактика заговора и захвата власти в соответствии с рецептами Ткачева.

В конце 1861 — начале 1862 г. была создана конспиративная революционная организация «Земля и воля», а в 1863 г. в Москве сложился кружок Н. А. Ишутина, один из членов которого, Д. В. Каракозов, в апреле

1866 г. предпринял неудачное покушение на царя. В 1874—1875 гг. участники народнических кружков организовали знаменитое хождение в народ. Под видом учителей, врачей, мастеровых они обустраивались в сельской местности и вели пропагандистскую работу среди крестьянства. Однако этот опыт показал, что революционные настроения селян, на которые уповали теоретики движения, в жизни являлись чистой фикцией. Большинство пропагандистов, в которых местные жители упорно не желали видеть своих спасителей, были с их помощью схвачены и переданы властям (всего за этот период в 37 губерниях было задержано около полутора тысяч человек). В 1876 г. была создана централизованная организация «Земля и воля», которая, не отказываясь от практики внедрения пропагандистов в деревне, перешла к политической борьбе с самодержавием. В 1879 г. сторонники пропагандистской работы создали организацию «Черный передел» (куда вошли Г. В. Плеханов, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч), а последователи террористических методов объединились в «Народную волю» (во главе с А. И. Желябовым, А. Д. Михайловым, Н. А. Морозовым, С. Л. Перовской и другими). Основной мишенью террора стал царь. После ряда неудачных покушений 1 марта 1881 г. Александр II был убит бомбой, брошенной народовольцем И. И. Гриневицким. Однако расчет революционеров на дезорганизацию правительственного лагеря и послушное выполнение их воли не оправдался. В течение трех лет практически все члены «Народной воли» были арестованы, а непосредственные участники террористического акта 1 марта 1881 г. казнены. Вопреки ожиданиям народовольцев их героическая борьба с властью не была оценена народом.

Итоги народнического движения учли марксисты, сделавшие ставку в своей борьбе уже не на крестьянство, а на рабочий класс. Первая марксистская группа «Освобождение труда» во главе с бывшим народником Плехановым была создана в Женеве в 1883 г. В самой России появились социал-демократические группы Д. Благоева, В. В. Точисского и др. В 1895 г. была создана более крупная организация «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Наряду с пропагандистской деятельностью ей удалось организо-

вать и отдельные рабочие забастовки. В 1898 г. была провозглашена Российская социал-демократическая рабочая партия. Почву для реального слияния социал-демократических кружков подготовила газета «Искра», нелегально издававшаяся с 1901 г.

Организационное становление социал-демократической партии произошло на втором съезде РСДРП летом 1903 г. На нем была принята программа партии. Программа-минимум предусматривала свержение самодержавия, установление демократической республики, улучшение условий труда рабочих, возвращение крестьянам отрезков и другие неотложные меры в ходе буржуазно-демократической революции. Программа-максимум была нацелена на совершение социалистической революции и установление диктатуры пролетариата. На съезде выявились серьезные расхождения среди российских марксистов. Одни настаивали на преимущественном сосредоточении пролетариата на экономической борьбе и сотрудничестве на этой почве с либералами («экономисты»), другие («мягкие искровцы», или меньшевики) в противоположность Ленину и его последователям («твердые искровцы») подчеркивали важность союза пролетариата с буржуазией и полноценного капиталистического периода развития. Расхождения «твердых искровцев» с «мягкими» во главе с Л. Мартовым проявились и в вопросе о членстве в партии: в то время как последний полагал достаточным для члена личное содействие ее делам, Ленин настаивал на обязательном участии в работе первичной партийной ячейки.

Эти устремления ярко характеризовали конечную цель Ленина — формирование тоталитарной партии (с жесткой дисциплиной и подчинением рядового состава центральному органу). Исходя из посылки о неспособности рабочего класса самостоятельно сформировать научно-социалистическое мировоззрение и соответствующую программу действий, Ленин объявил это прерогативой революционной интеллигенции, а точнее, партии нового типа. Партии, по существу, отводилась роль главного двигателя в революционном движении рабочего класса. В перспективе превращения буржуазно-демократической революции в социалистическую, за которое ратовал Ленин, подра-

зумевался приход большевиков к власти. Для этого Ленин не гнушался никакими средствами.

По мнению Н. А. Бердяева, заключительный этап революционного движения в России был отмечен нарождением нового антропологического типа — революционера-профессионала, «в котором теория и практика органически слиты». Идеальный образчик подобной целостности представлял собой Ленин. Его феномен Бердяев связывал с органическим соединением двух традиций: «русской революционной интеллигенции в ее максималистических течениях... и русской исторической власти в ее наиболее деспотических проявлениях».

■ **Либеральное и консервативное течения.** Дифференциация социально-политических воззрений в России относится ко второй половине XVIII в. В это время в общественной мысли зарождаются официально-охранительное, консервативно-аристократическое и либерально-дворянское направления. Первое получило развитие в трудах Екатерины II, особенно в сочинении «Антитод» (что в переводе с французского означает противоядие). Полемизируя с французским публицистом, обличавшим деспотическое правление и крепостное рабство в России, императрица доказывала благополучие граждан и процветающее состояние государственных дел в империи.

Консервативно-аристократическое направление представлено трудами М. М. Щербатова (1733—1790). Будучи монархистом, Щербатов предъявлял высокие требования к монарху. Тема «правильного» правления поднималась им в памфлете «О повреждении нравов в России». Он выступал за такое социально-политическое устройство, в котором соблюдались бы дворянские привилегии, корпоративные учреждения дворянства активно привлекались к государственному управлению, а помещики осуществляли благодетельное попечение над подвластными им крестьянами.

Либерально-дворянское направление второй половины XVIII в. представляли: Н. И. Панин (1718—1783), воспитатель Павла I; А. Р. Воронцов (1741—1805), посланник в Англии, а затем президент Ком-

мерц-коллегии; княгиня Е. Р. Дашкова (1743—1810), директор Петербургской академии наук и президент Российской Академии; князь Д. А. Голицын (1734—1803), дипломат, публицист и ученый; А. А. Безбородко (1747—1799), фактический руководитель внешней политики России с 1783 г. Дворянские либералы выступали за смягчение режима крепостного права, крестьянскую собственность на движимое имущество и в перспективе считали необходимым ликвидировать крепостную зависимость. Они стремились к конституционному ограничению самодержавия и формированию представительных учреждений, вначале с участием дворянства, а в будущем и некоторых других свободных сословий. Наиболее последовательным выражением этих взглядов был конституционный проект Н. И. Панина и Д. И. Фонвизина. В нем предусматривалось ограничение императорской власти Верховным Сенатом, за которым в иерархическом порядке располагались местные дворянские собрания. Эти идеи оказали влияние на последующие искания либеральной бюрократии, в частности, на проекты Сперанского.

Рупором просвещенного консерватизма в первой четверти XIX в. стал литератор, реформатор русского литературного языка, придворный историограф Н. М. Карамзин (1766—1826). В своей многотомной «Истории государства Российского», «Записке о древней и новой России», «Мнении русского гражданина» он последовательно проводил мысль о самодержавии как «палладиуме России», связывая с ним все главные исторические свершения. По мнению Карамзина, в современной ему России еще не созрели условия для конституционного ограничения верховной власти, поэтому попытки дать стране конституцию чреваты опасными последствиями. Из этого убеждения вырастала его критическая реакция на намерения Александра I создать «законно-свободные учреждения» и непримиримое отношение к реформам Сперанского.

В условиях николаевской России консервативные взгляды достаточно органично перерастали в проповедь косности и застоя. Это превращение ярко иллюстрирует своеобразный манифест николаевской эпо-

хи, который принадлежал шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу: «Прошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно, что же касается будущего — оно выше всего, что только может представить себе самое пылкое воображение». Подобная лакировка истории и современности уже не оставляла места для сколько-нибудь объективного анализа общественных проблем. Государственную идеологию, выраженную в теории официальной народности, в это время активно насаждали в своих лекционных курсах в Московском университете и на страницах печатных изданий (журнал «Москвитянин») историк М. П. Погодин и филолог С. П. Шевырев.

Этим идеологемам во второй четверти XIX в. была противопоставлена точка зрения П. Я. Чаадаева (1794—1856). В 1836 г. в журнале «Телескоп» было опубликовано первое из его «Философических писем». Публикация имела эффект разорвавшейся бомбы. Автор подвергал строгой ревизии исторический путь России и приходил к выводу о ее безнадежной отсталости от Запада. Возможность движения вперед России он связывал исключительно с приобщением к достижениям европейских стран. Правда, в написанной несколько позже работе — «Апологии сумасшедшего» — он отступал от прежних заключений о бесплодности отечественного исторического опыта и выражал убеждение в том, «что мы призваны решить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество».

Споры, возбужденные построениями Чаадаева, способствовали дальнейшему идейному размежеванию среди интеллектуальной элиты. С конца 30-х гг. XIX в. начали оформляться течения славянофилов и западников. Среди славянофилов было немало известных имен: А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин, братья И. С. и К. С. Аксаковы. Объединяющим центром их движения с середины 50-х гг. стал журнал «Русская беседа». Суждения славянофилов были навеяны поиском органической основы будущего развития, которая позволила бы избежать революционных катаклизмов. Такие фундаментальные начала были ими най-

дены в православном христианстве и крестьянской общине. В православии усматривалась идеология «единства и свободы», способная сплотить общество, в общине — противовес непримиримому антагонизму труда и капитала. Славянофильство, в особенности его ранняя доктрина, несло на себе заметный отпечаток христианского утопического социализма. Однако это была консервативная, патриархальная утопия, дополненная русской национальной идеей. Своеобразным продолжением этих построений стала культурологическая схема Н. Я. Данилевского, изложенная в монографии «Россия и Европа». Автор развивал теорию культурно-исторических типов, воплощающихся в истории различных народов. Славянство он считал самобытной цивилизацией, не уступающей по значимости эллинам, римлянам, европейцам.

Западнический лагерь не был монолитным. В его состав первоначально входили как революционеры-демократы (Белинский, Герцен), так и либералы (историки Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, искусствовед В. П. Боткин и многие другие). Их объединяло признание общности развития России с другими западноевропейскими странами. Однако по мере радикализации одних и укрепления на позициях либерализма других такое сотрудничество оказывалось проблематичным. Смысл разногласий передал И. С. Тургенев: «Главное наше несогласие с Огаревым, Герценом и с Бакуниным состоит именно в том, что они, презирая и чуть ли не топча в грязь образованный класс в России, предполагают революционные или реформаторские начала в народе; на деле это совсем наоборот. Революция в истинном и живом значении этого слова существует только в меньшинстве образованного класса и этого достаточно для ее торжества». Осуждая революционный лагерь за агрессивность и неразборчивость средств в борьбе с самодержавием, многие западники тем не менее считали Россию застрахованной от социальной революции. Предпосылки относительной социальной стабильности ошибочно усматривались в отсутствии в стране сильной и независимой аристократии, влиятельной и автономной церкви, в преобладании среди населения инертной массы крестьянства, словом, в специ-

фике прошлого и настоящего России (будущее, по их мнению, должно было стать общим с европейским миром).

По словам исследователя В. В. Леонтовича, либерализм «одобряет учреждения или общественные формы, в которых отдельный человек подчиняется определенному порядку и дисциплине». В то же время он исповедует незыблемость частной собственности, неотчуждаемые права личности на свободное развитие и инициативу. По-видимому, эти качества либерального движения и восстанавливали против него власть, привыкшую действовать совершенно в иной социальной среде.

С конца 90-х гг., вопреки негативной позиции правительства, стали проводиться неофициальные общероссийские *земские съезды*. Первый легальный съезд состоялся только в ноябре 1904 г., когда доверие к власти среди либеральной общественности было изрядно подорвано. В 1903 г. левое крыло либералов создало «Союз освобождения» во главе с П. Б. Струве, а умеренное — Союз земцев-конституционалистов (Д. И. Шаховской и др.). В 1904 г. с участием земских деятелей прошла *банкетная кампания*, приуроченная к 40-летнему юбилею судебных уставов Александра II. В 34 городах России состоялось около 120 собраний, охвативших не менее 50 тыс. человек. Общими требованиями были политические свободы и создание народного представительства. Члены «Союза освобождения» пытались наладить сотрудничество с революционными партиями и даже оправдывали террор, развернувшийся в стране. Подобная позиция была вызвана неуступчивостью правительства, по своим убеждениям они оставались сторонниками конституционной монархии и мирной эволюции к буржуазно-либеральному правопорядку.

■ **Национально-освободительные движения.** История Российской империи не дает оснований для вывода о жестоком подавлении нерусских народов, а тем более о политике геноцида, аналогичной той, которая привела, например, к массовому истреблению туземного населения в Северной Америке или в германских колониях Юго-Западной Африки. В ней трудно

найти примеры, которые иллюстрировали бы их насильственную ассимиляцию, силовое навязывание чуждого хозяйственного уклада и обычаев. Некоторые народы, прежде всего евреи, подвергались определенной дискриминации. В политике правительства порой проявлялись элементы русофильства. Тем не менее было множество противоположных примеров. Входившие в состав Российской империи Польша и Финляндия пользовались автономией и имели парламентские учреждения, в то время как «титульный» этнос о них еще не смел и помышлять. Крестьянство завоеванных прибалтийских земель получило личную свободу в 1816—1819 гг., т. е. намного раньше, чем в великорусских губерниях. В целом режим крепостного права у тех нерусских народностей, которые все же его испытали, был много мягче, чем в исконно русской деревне. Наконец, некоторые группы неправославного населения (например, бухтарминцы, немецкие колонисты) обладали преимуществами. Их массовый исход из России в 60—80-х гг. XIX в. был вызван выравниванием правового положения всех подданных империи.

Национально-освободительное движение в России в целом не создавало постоянного и напряженного фона социального развития, правильнее было бы говорить о всплесках этой борьбы, к тому же связанных с определенными территориями. Наиболее острые конфликты породило присоединение Россией *Кавказа*. Очагом наибольшей напряженности являлись Чечня и Дагестан. С начала 20-х гг. XIX в. здесь усилилось брожение, вызванное активными действиями «проконсула» Кавказа генерала А. П. Ермолова по подчинению края российским порядкам. Идеологическим оружием горцев стало *учение тариката*, или «пути к истинному Богу». Его правила требовали полного подчинения воли ученика-мюрида учителю-мюршиду (шейху). Последователи тариката, исповедовавшие идеи отречения от мира, отказа от личных прав во имя торжества учения, объединялись в мистические общества (они назывались суфийскими братствами или дервишскими орденами). Эти организации, спаянные железной дисциплиной, становились рассадниками религиозного фанатизма и опорными

пунктами в подготовке священной войны против неверных (газавата).

В 1830 г. на этой территории был провозглашен *имамат* — теократическое государство во главе с имамом — духовным вождем, который одновременно был и руководителем администрации, и главнокомандующим войском. Укреплению единства местных обществ в рамках имамата способствовал *шариат* (кодекс религиозных и этических предписаний ислама). В 1834 г. имамом был выбран Шамиль. Он создал мощную армию и эффективную систему управления. Мероприятия по отстранению от судебной и административной власти местных феодалов (беков), а также освобождение крестьян и рабов обеспечили ему широкую социальную поддержку. Наибольшие успехи сопутствовали войску Шамиля в первой половине 40-х гг. В 1845 г. он нанес поражение русской армии недалеко от собственной резиденции в ауле Дарго. Однако в 50-е гг. ситуация начала стремительно меняться: усталость и военное перенапряжение горцев, усиливающийся произвол и грабежи со стороны наибов и верхушки духовенства стали заметно ослаблять силы имамата. Завершив Крымскую войну, российское правительство увеличило Кавказский корпус (он был превращен в армию) и перешло к более решительным действиям против горцев. В 1859 г. пала последняя резиденция Шамиля, а сам он был захвачен в плен. В 1864 г. был сломлен последний очаг сопротивления и Кавказская война была завершена.

Другим источником внутренней дестабилизации империи являлось *Царство Польское*, вошедшее в состав России по решению Венского конгресса в 1815 г. Царство Польское имело свое автономное устройство, армию, конституцию и даже денежную систему. Однако польское дворянство добивалось восстановления политического суверенитета и возвращения территориального статуса, существовавшего до 1772 г. Поводом к восстанию послужил императорский приказ польской армии о подготовке к походу на Бельгию совместно с российскими войсками. В 1830 г. группа офицеров и слушателей военно-учебных заведений, состоявших членами тайного общества, напали на резиденцию наместника Царства Польского великого

князя Константина Павловича в Бельведере. Сам великий князь успел укрыться, однако был лишен власти. Сейм объявил о низложении династии Романовых и избрал главой правительства А. Чарторыйского. Фактически была объявлена война России. В январе **1831 г.** против мятежных поляков начался поход русской армии во главе с генерал-фельдмаршалом И. И. Дибичем-Забалканским. Растянутость коммуникаций, недостаток провианта, ожесточенное сопротивление не позволяли захватить стратегическую инициативу. Обе стороны несли тяжелые потери. Перелом произошел только летом 1831 г., когда скончавшегося от холеры Дибича сменил новый главнокомандующий генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич. В августе 1831 г. в ходе кровопролитного штурма была взята Варшава. В сентябре были ликвидированы последние очаги сопротивления. Конституция 1815 г. была отменена. Вместо нее вводился *Органический статут*, распространивший на Польшу административное устройство, принятое в других частях империи. Сейм и национальные войска упразднялись.

Новый всплеск национально-патриотических настроений в Польше пришелся на 1860—1861 гг. По краю прокатилась волна манифестаций, посвященных памяти погибших в 1830—1831 гг. Так называемые «красные» выступали за восстание и провозглашение независимой республики. Другая группировка — «белые», в которую в основном входили помещики и буржуазия, высказывалась за восстановление старой Польши при помощи европейской дипломатии и военных сил. В 1862 г. был создан Центральный национальный комитет — руководящий орган подготовки к восстанию во главе с представителями «красных». Он объявил себя Временным национальным правительством и приступил к проведению преобразований: освобождению крестьян от феодальных повинностей и передаче им обрабатываемых земель, установлению равноправия граждан и всех народов. Провозглашалась независимая Польша в границах 1772 г. В январе **1863 г.**, использовав в качестве повода объявление набора польских юношей в русскую армию, Центральный комитет объявил восстание. Оно было разгромлено войсками под командованием генерала Ф. Ф. Берга и виленского ге-

нерал-губернатора М. Н. Муравьева. В целях раздробления сил повстанцев и предотвращения широкого антирусского фронта борьбы в будущем правительство пошло на ряд уступок польскому, белорусскому и западноукраинскому крестьянству. На 20% для них были снижены оброчные платежи, за счет конфискованных у мятежного шляхетства земель были увеличены и крестьянские наделы.

Восстание в Польше 1863 г. в значительной степени повлекло ужесточение национальной политики правительства, попытки политической и культурной унификации польских, балтийских губерний, Закавказья и Финляндии. Были наложены ограничения на выпуск печатной продукции на языках народов этих регионов, на развитие национальной школы и театра. Во многих случаях русская высшая и местная бюрократия империи исподволь направляла и поощряла антинемецкие, антиармянские и антиеврейские настроения среди русского населения, создавая таким образом систему клапанов для выхода накопившейся социальной агрессии в некоторых слоях общества. Особенно унизительные меры были приняты в отношении евреев: с 1881 г. для них был ограничен допуск в гимназии и университеты (допустимая норма составляла 3% в столицах и 5% вне черты оседлости). С начала 80-х гг. в отдельных местностях проходили еврейские погромы. В 1911 г. при направляющем участии черносотенцев и попустительстве Министерства юстиции и Департамента полиции было организовано дело М. Бейлиса — приказчика кирпичного завода в Киеве, которого огульно обвинили в совершении ритуального убийства русского мальчика. Раскручивание этого дела сопровождалось антисемитской кампанией в печати и угрозами погромов со стороны черносотенцев. В 1913 г. суд присяжных оправдал Бейлиса.

Тем не менее равнодействующая национальной политики и суммарный итог сосуществования различных этносов в составе империи не предопределяли с исторической необходимостью ее скорого распада. К 1914 г. Россия пришла с более или менее отлаженной и устоявшейся системой правовых статусов отдельных территорий и народов, в том числе Финляндии, Польши, Бухары, Хивы, представлявших

собой специфические анклавы в унитарном государстве. За исключением двух первых, остальные народы не претендовали в целом на выход из состава империи и создание национальной государственности. Политизированные националистические группировки не пользовались массовым влиянием. Чаще всего эти силы требовали лишь введения культурной и административной автономии в рамках Российской империи. Даже среди мусульманских народов лозунг борьбы за национальный суверенитет до 1917 г. присутствовал только у азербайджанцев.

■ **Первая русская революция.** Острые внутренние противоречия, поражение России в войне с Японией привели в 1905 г. к социальному взрыву. Началом революционного кризиса стало Кровавое воскресенье **9 января 1905 г.** — расстрел мирной демонстрации рабочих, двинувшейся к Зимнему дворцу с намерением передать царю петицию. Весть о расправе над безоружными демонстрантами облетела всю страну и вызвала мощный резонанс. Попытка власти создать комиссию из представителей рабочих и предпринимателей для выяснения причин недовольства закончилась провалом. В феврале стачечное движение рабочих охватило практически все крупные промышленные районы страны. Летом 1905 г. вспыхнуло восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». Однако это были еще локальные выступления. Движение, охватившее всю страну, развернулось в ходе октябрьской политической стачки. Начало положила забастовка рабочих и служащих Казанской, Ярославской, Курской, Рязанско-Уральской и других крупных железных дорог. Затем в борьбу включились рабочие Петербурга, Москвы, других городов Центрального промышленного района. За ними потянулись национальные окраины. Всего в октябре стачкой было охвачено до 2 млн человек. Под натиском революции царь был вынужден пойти на реформирование политической системы. Манифест от **17 октября 1905 г.** провозгласил введение в стране политических свобод и создание законодательной Государственной думы. Он был с восторгом воспринят либералами. Однако черносотенные организации приступили к са-

мовольной расправе с революционерами, к еврейским погромам. Дальнейшие события показали невысокий потенциал антиреволюционного лагеря. В конце октября—ноябре «заколебалась» и армия (восстания в Кронштадте, Севастополе, революционный рейд крейсера «Очаков»). В декабре 1905 г. по решению московского Совета рабочих депутатов и московского комитета РСДРП началась рабочая забастовка, быстро переросшая в вооруженное восстание. Наибольшего накала борьба достигла на Пресне, где развернулись баррикадные бои. Против восставших были направлены элитные воинские части — разгром восстания был осуществлен при участии лейб-гвардии Семеновского полка. После подавления московского восстания революционное движение в центральных промышленных районах страны пошло на убыль. Но в деревне и в национальных окраинах накал борьбы был высок. 6 июля 1906 г. состоялось назначение П. А. Столыпина премьер-министром. Власть собралась с силами и перешла в решительное наступление. А в 1907 г. был осуществлен *третьеиюньский государственный переворот*, поставивший окончательную точку в подавлении революционного движения. Несмотря на поражение, первая русская революция способствовала постепенному изживанию царистских иллюзий у социальных низов, дала толчок самоорганизации и консолидации всех групп участников политического процесса. Революционные события имели и международный резонанс: на ее опыт в значительной степени опирался революционный авангард Востока в ходе иранской революции 1905—1911 гг., турецкой революции 1908 г., китайской революции 1911—1913 гг., антиколониального движения в Индии.

Глава 15
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ

■ **Развитие путей сообщения.** Развитие товарно-денежных отношений в значительной мере определяется дорожно-транспортной инфраструктурой. Основны-

ми видами транспорта в XVIII в. оставались *судоходный* и *гужевой*. Главные пути водного сообщения пролегали по Северной Двине, Неве, Волхову, Днепру, Днестру, Дону, Волге. В первой четверти XVIII в. началось строительство каналов. Был введен в действие Вышневолоцкий водный путь, связавший Балтийское побережье с бассейном Волги. Затем был построен обводный канал вокруг Ладожского озера. Другими масштабными проектами стали Волго-Донской и Ивановский каналы (последний прокладывался между Окой и Доном). В начале XIX в. к системе искусственных водных коммуникаций добавились Северо-Екатерининский (соединивший Каму и Северную Двину), Огинский (связавший Днепр и Вислу), Березинский (между Западной Двиной и Неманом) каналы, а также Мариинская и Тихвинская водные системы, соединившие Верхнюю Волгу с Балтийским морем.

Выход России к Балтийскому морю дал мощный толчок развитию отечественного судостроения. К концу правления Петра I в стране существовало уже несколько судостроительных верфей (в Воронеже, Архангельске, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани). Длительные войны этого времени предопределяли преимущественное развитие военно-морского флота, тем не менее Петр I вынашивал и идею создания государственного торгового флота. Но в реальности торговым и транспортным судостроением в России занимались частные лица. С 1780-х гг. в соответствии с Городовым положением Екатерины II к крупному судостроению допускались купцы первых двух гильдий, а с 1800 г. и дворяне. На протяжении всего XVIII в. техника передвижения судов оставалась примитивной и основывалась на применении труда бурлаков. Пароходы стали ходить только с 1815 г. (вначале они именовались пироскафами, что в переводе с греческого означало огненное судно). Первые пароходы появились на Неве, а вслед за тем и на других реках, а также Черном и Каспийском морях.

Важнейшей частью транспортной сети оставались сухопутные магистрали. Среди новых и наиболее загруженных трасс XVIII в. выделялись Петербургско-Московская, Московско-Сибирская дороги, к стро-

ительству которых в порядке казенных повинностей было привлечено податное население. До 80-х гг. практиковалась технология фашинных мостовых (фашина — связка толстых прутьев без листьев): над несколькими слоями фашины возводилась земляная насыпь, сверху делалось покрытие из бревен и снова насыпалась земля. Затем все чаще стало применяться мощение дорог. Однако состояние российских дорог и в XVIII и в XIX в. оставляло желать лучшего. Движение на сухопутных трактах осуществлялось при помощи *ямской гоньбы*. Ямщики, селившиеся слободами близ яма, состояли на государственной службе и получали жалованье (20—25 руб. в год) и прогонные деньги за каждую подводу. Сенатским указом от **1722 г.** ямская служба получала новую организацию на центральном уровне: она объединялась с почтовым делом и передавалась в управление генерал-почт-директора. Увеличение грузоперевозок привело и к возникновению особого промысла — извоза и подрядчиков, специализирующихся на перевозках частных и казенных грузов. В первой половине XIX в. было положено начало и строительству шоссейных дорог, соединявших политический центр с крупными промышленными городами.

Наконец, во второй трети XIX в. развернулось *железнодорожное строительство*. Первая железнодорожная ветка в 1837 г. соединила Петербург и Царское Село. Вслед за тем нарастающими темпами железнодорожная сеть стала расширяться: в 1851 г. была сдана в эксплуатацию Петербургско-Московская дорога, в конце 50-х гг. Петербургско-Варшавская. К концу дореформенного периода в России уже было проложено 1,5 тыс. верст железнодорожных путей. Еще в конце 50-х гг. была принята специальная правительственная программа, предусматривавшая прежде всего установление железнодорожного сообщения между хлебными житницами и промышленными центрами, морскими и речными портами. К строительству железных дорог был широко привлечен частный капитал (государство гарантировало частным предпринимателям ежегодную 5% прибыль), однако ввиду неудобства такой практики для казны с 80-х гг. стало возрождаться казенное железнодорож-

ное строительство. К середине 90-х гг. казне принадлежало 60% всех дорог.

Крупнейшим железнодорожным узлом в пореформенный период стала Москва. Екатеринославская дорога соединила Донбасс с Кривым Рогом. В 80-е гг. были введены в строй Закавказская и Закаспийская дороги, в 90-е гг. проложена большая часть Транссибирской магистрали. За 1897–1901 гг. была построена и Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) на территории Маньчжурии, связавшая коротким маршрутом Читу с Владивостоком. Темпы железнодорожного строительства несколько снизились в начале XX в. Тем не менее к 1913 г. Россия располагала сетью дорог общей протяженностью в 61,2 тыс. верст.

■ **Внутренняя и внешняя торговля.** В XVIII в. под влиянием развития промышленного производства, роста крестьянских промыслов расширился и объем торговли. Появились новые центры торговли (из них главный — Петербург), развивались старые, расположенные вблизи судоходных рек: Ярославль, Кострома, Тверь на Волге, Тула, Калуга, Орел на Оке и т. д. Наиболее распространенной формой стационарной торговли в больших городах являлась *розничная продажа*, которая велась в торговых рядах гостиных дворов. С середины XVIII в. появляется примечательное новшество — устройство рядов, торгующих однородными товарами. Одновременно в Москве и Петербурге зарождалась магазинная торговля. В интересах крупных торговых агентов уже в начале XVIII в. начали создаваться *биржи*, на базе которых осуществлялась оптовая торговля промышленными и сельскохозяйственными товарами, а впоследствии и ценными бумагами. Первая биржа была образована в 1705 г. в Петербурге.

Наиболее привычной и популярной формой организации торговли оставалась *ярмарка*. К числу крупнейших относились: Макарьевская в Нижнем Новгороде, Ирбитская на Урале, Троицкая в Оренбурге, Рождественская в Курске, Свенская в Брянске. Ярмарки носили сезонный характер и проходили в разное время, чтобы покупатели и продавцы могли успеть с одной на другую. На ярмарках заключались и

крупные торговые сделки, апробировались новые товары. В первой половине XIX в. ярмарки, задававшие ранее тон в торговле, были оттеснены на второй план *сетью магазинов*. Ярмарочные обороты в это время в центральных промышленных районах заметно снизились, однако в земледельческих губерниях и на окраинах они по-прежнему оставались достаточно высокими. Кроме купцов, которые первенствовали в высокодоходном торговом предпринимательстве, постоянными участниками товарного обмена были крестьяне-промысловики. Вся Россия была охвачена сетью сельских торжков, открывавшихся, как правило, по праздничным и выходным дням. Однако развитию товарно-денежных отношений мешали некоторые правовые нормы. Так, после проведения первой ревизии в 1724 г. крестьянам, не записанным в посад, запрещалось иметь в городе лавки — они допускались только к эпизодическому участию в торговле во время коротких приездов в город и к участию в сельских торжках. В **1755 г.** был издан *Таможенный устав*, который закрепил купеческую монополию на рынке. Остальные категории торгующего населения были сильно ограничены в правах. Крестьянам отныне разрешалось заниматься торгом только в селах и деревнях, расположенных не ближе, чем на расстоянии 5 верст от города. Дворянам разрешалось вести на внутреннем рынке только торговлю товарами собственного производства, а на внешнем рынке — исключительно оптовые операции. Владельцы промышленных предприятий могли самостоятельно заниматься сбытом своей продукции в городских торговых рядах, а во всех остальных случаях им предписывалось продавать свой товар купцам-скупщикам на гостиных дворах.

Эти условия были смягчены в начале XIX в. Указом от 23 февраля 1806 г. крестьянам разрешалась свободная торговля оптом и в розницу, оговариваемая только выкупом специальных свидетельств. Однако развитие этих занятий тормозилось трудными условиями перехода на постоянное жительство в город и записи в купечество.

Подлинным бичом для всех групп торгующего населения в XVIII в. являлись откупа и подряды. Сис-

тема откупов была введена Петром I и продолжена его преемниками в целях быстрого покрытия ряда экстренных расходов государства: определенная часть товаров, пользующихся повышенным спросом на внутреннем рынке (вино, соль, табак, пенька, смола, юфть и др.), была объявлена государственной монополией. Прибыль от продажи таких товаров поступала в доход государства. Для беззатратного обеспечения этих статей государственных доходов они отдавались на откуп купцам, а с середины XVIII в. и дворянам. Таким образом, откупа являлись специфическим способом взимания косвенных налогов, сбор которых государство перепоручало частным лицам в целях удешевления и ускорения всей процедуры их получения. Откупа казенных регалий являлись феодальным способом торговли, находившимся на противоположном полюсе от либеральных принципов (фритредерства). В первой четверти XVIII в. сложилась и система подрядов, т. е. договоров с казной о поставке тех или иных сельскохозяйственных продуктов, промышленных изделий, необходимых для армии, городского строительства, административных потребностей и т. п. В конце правления Петра I в систему подрядов были даже включены поставки различных натуральных сборов с крестьян, трудно реализуемых для самой казны. Несмотря на то что подрядчику порой приходилось сталкиваться с большими трудностями при транспортировке, при расчетах с казной и компаньонами, эта деятельность приносила большую прибыль.

В 1754 г. в стране были ликвидированы внутренние таможни и отменены таможенные пошлины, что стимулировало занятия торговлей на началах свободной конкуренции. В этом плане Россия обогнала даже ряд западных стран. В 1762 г. был принят указ о свободной продаже хлеба. В 1760-х гг. были отменены казенные регалии и откупа, за исключением винной и отчасти соляной торговли. Здесь сохранялась старая система извлечения доходов. В 1767 г. питейная продажа была целиком переведена на откуп (единственное исключение — Сибирская губерния). С середины 90-х гг. возобладала тенденция к установлению государственной монополии в прода-

же водки. Откупа были восстановлены в 1827 г., а в 1863 г. заменены *акцизом*.

Акциз — косвенный налог на товары, производимые внутри страны. Формально он взимается с производителей при выпуске изделия и перед поставкой его в продажу, однако фактически расплачивается за него потребитель, так как за счет акциза повышается продажная цена изделия.

В XIX в. тенденции к устранению ограничений на торговые занятия заметно усилились. В 1820 г. было отменено монопольное положение купечества на местном рынке. В 1842 г. фабриканты получили право заводить собственные лавки и вести розничную торговлю. С 1824 г. все разряды крестьянства могли беспрепятственно заниматься торговлей, промышленностью и ремеслом наряду с городскими жителями на основании приобретения свидетельства и уплаты пошлины.

По мере углубления разделения труда, развития товарного земледелия и роста промышленности все большее значение приобретала внешняя торговля. Первую серьезную попытку ее организации в государственном масштабе предпринял Петр I: при нем для налаживания постоянных внешнеторговых связей в каждом крупном европейском городе были открыты российские консульства. Купеческим компаниям, занимавшимся экспортом, предоставлялись крупные ссуды. В 1724 г. был принят Таможенный устав, который создавал благоприятные условия для вывоза и, наоборот, затруднял условия импорта товаров в страну (иностранные товары были обложены пошлиной в размере 37,5% от их стоимости). В итоге к концу первой четверти XVIII в. ввоз составлял 2 млн 100 тыс. рублей, а вывоз — 4 млн 200 тыс. Подобная экономическая политика, направленная на ограждение национальной экономики от иностранной конкуренции и стимулирующая развитие экспорта, называется *протекционизмом*. Отчасти высокие ввозные пошлины, установленные в 1724 г., были пересмотрены в 1731 г.: предельный размер обложения импортных то-

варов составлял теперь 20% стоимости. За счет этой меры несколько понизился активный характер внешнеторгового баланса. Но в то же время российский рынок стал поглощать больше импортных товаров. Наиболее популярными из ввозимых товаров были сукна, шелк, бумага, краски, свинец, олово, вина, зеркала, ювелирные изделия, колониальные товары. Большая их часть поступала из Западной Европы, на долю стран Востока в структуре российского импорта середины XVIII в. приходилось лишь 13—15% от общего объема торговли. В свою очередь, Россия экспортировала железо, которое соответствовало самым высоким европейским стандартам, однако продавалось по более низким ценам в отличие от высоколиквидного шведского. Кроме того, в российском экспорте заметную роль играли кожи, меха, парусные полотна, пенька, юфть, деготь, мачтовые деревья, соленая осетрина, икра. Поставки зерна за границу непрерывно росли на протяжении XIX в., особенно охотно его покупали в Англии и Германии. Хлеб занял более половины всего торгового оборота. Таможенный тариф 1868 г. предусматривал облегченное обложение иностранных товаров или даже беспошлинный ввоз некоторых видов оборудования и материалов, в которых особенно нуждалась отечественная промышленность (хлопок, каменный уголь, некоторые станки). Такой тариф способствовал преобладанию импорта над экспортом. В тарифе 1891 г. были усилены протекционистские начала: пошлины повышались для 49% номенклатуры ввозимых товаров. Эта переориентация таможенной политики вызвала заметное — более чем в полтора раза — повышение таможенного дохода и содействовала установлению льготных условий для отечественных предпринимателей.

Во второй половине XIX — начале XX в. торговый оборот непрерывно рос. Показателем усложнения и расширения торговой деятельности стало учреждение в **1905 г.** *Министерства торговли и промышленности.* На подъеме находилась биржевая торговля. В конце XIX в. на территории страны действовала 21 биржа, а накануне Первой мировой войны — уже 93. На биржах заключались как товарные, так и фондовые (на ценные бумаги), валютные (на загра-

ничные векселя, чеки, иностранные банкноты) сделки. Посредниками при заключении сделок выступали маклеры, сдававшие специальный экзамен на профессиональную пригодность. Работой бирж руководили биржевые комитеты. В **1906** г. был создан *Совет съездов представителей торговли и промышленности*, который являлся как бы надстройкой над биржевыми комитетами. Все большее значение в торговле начала XX в. приобретали и монополистические объединения — *синдикаты*, создававшиеся для совместного сбыта товаров и имевшие в своей структуре контору, руководившую сбытом. Российские товары в это время экспортировались преимущественно в Германию и Англию (главным образом сырье и сельскохозяйственные продукты). Промышленные изделия занимали скромное место в списке вывозимых товаров: на их долю приходилось не более 10% всего объема экспорта. Тем не менее положительное сальдо внешнеторгового баланса сохранялось: так, в 1913 г. среднегодовой ввоз составлял 1374, а вывоз — 1520 млн рублей.

■ **Финансы.** В XVIII в., прошедшем под знаком почти непрерывных войн и периодических реформ, главным в экономической политике стал вопрос об источниках обеспечения потребностей государства. Уже при Петре I решение этой проблемы было найдено во введении как прямого налога (подушной подати), так и многочисленных косвенных налогов: с извозчичьих хомутов, перевозов, речных судов, сборов за ношение бород, русского платья и т. п.

Прямыми налогами, или окладными сборами, считаются налоги, которые взимаются с доходов и имущества юридических и физических лиц.

Косвенные налоги рассчитываются как доля от цены продукции или ее различных компонентов («налоговый оклад») и включаются в цену или тариф оплачиваемого потребителем товара, работы, услуги. (См.: Экономическая энциклопедия / Под ред. Л. И. Абалкина. М., 1999. С. 455.)

Новое направление в финансовой политике XVIII в. было заложено П. И. Шуваловым — одним из наиболее сведущих в экономических вопросах государственных деятелей времен Елизаветы Петровны. Шувалов предложил сделать акцент в налоговой системе на косвенном обложении, в частности, подняв цену на соль. В результате с середины 40-х гг. до конца правления Елизаветы бюджетные поступления от продажи соли и вина возросли в три раза. Основными прямыми налогами в XVIII — первой половине XIX в. оставались подушная подать и оброчные сборы. В 1769 г. в оборот были запущены бумажные деньги — *ассигнации*. Несмотря на обещание правительства удержать выпуск ассигнаций на уровне 100 млн рублей, они печатались в большем количестве, а это, в свою очередь, приводило к их обесценению. Так, за 100 рублей ассигнаций к концу правления Екатерины II можно было получить лишь 69 коп. серебром. Тем не менее с этого времени ассигнации уже не выходили из употребления и, несмотря на падение их курса, в целом получили признание граждан.

В начале XIX в. правительство, постоянно нуждаясь в деньгах из-за тяжелых и затратных военных действий, вновь обратилось к печатному станку. В результате курс бумажного рубля упал до 20 коп. С 1817 г. для оздоровления денежной системы в стране было решено провести изъятие из обращения некоторого количества ассигнаций: ими предписывалось уплачивать подати, население было привлечено к участию во внутренних займах правительства.

Более серьезные меры по укреплению финансов последовали после назначения в 1823 г. министром финансов Е. Ф. Канкрина. Он задался целью привести в равновесие государственный бюджет и установить более строгое соотношение между бумажными деньгами и другими платежными средствами, обращающимися внутри страны (включая металлические деньги). В **1839 г.** был подготовлен и издан высочайший *Манифест «Об устройстве денежной системы»*. Основной платежной монетой была объявлена серебряная монета. А главной расчетной единицей становился *серебряный рубль* с фиксированным курсом: его теперь можно было обменять на 3 руб. 50 коп. ассиг-

нациями. В то же время ассигнации начали постепенно вытесняться кредитными билетами. *Кредитные билеты*, называвшиеся билетами Государственного казначейства (или «сериями»), выполняли функции срочных кредитных обязательств (облигаций) и государственных денежных знаков. Они имели срочный характер, по ним выплачивались проценты и одновременно они фигурировали как наличные деньги. Во второй половине 40-х гг. кредитные билеты, заменившие собой старые денежные знаки и обеспеченные всем достоянием государства, уже обменивались на серебряную монету в соотношении 1:1. В результате реформы в России был установлен серебряный монометаллизм.

Монометаллизм — денежная система, при которой один металл (золото или серебро) выступает как всеобщий эквивалент и основа денежного обращения. (См.: Русский рубль. Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994.)

Для увеличения поступлений в государственный доход, по предложению Канкрина, были повышены ставки некоторых налогов, а с 1839 г. был впервые введен новый налог — акциз с табачных изделий. Правда, налаженная в 40-е гг. финансовая система была подорвана в период Крымской войны. Интенсивный выпуск кредитных билетов, несоразмерный разменному монетному фонду, привел к инфляции.

После Крымской войны возникла необходимость пересмотреть прежние принципы финансовой политики. В 1861 г. на высшем уровне было решено придать гласности сметы государственных доходов и расходов. До той поры государственный бюджет России являлся тайной за семью печатями. Одновременно с 1861 г. в прессе стали открыто обсуждаться и вопросы деятельности Министерства финансов. Последовали и другие прогрессивные преобразования: в **1863 г.** была *отменена система откупов*, вызывавшая массу нареканий у предпринимателей и отечественных экономистов. Вместо этого вводилась свободная продажа товаров широкого потребления, которые облагались

акцизным сбором. Введение акцизов хотя и не устраняло неравенства групп российского населения в отношении налогового обложения, тем не менее несколько уменьшало социальную дистанцию, так как плательщиками косвенных налогов становились и привилегированные слои. Введение системы подоходных налогов, распространенной, например, в Дании и Испании еще в XVIII в., в России первых пореформенных десятилетий сдерживалось пережитками сословного строя и косностью правящей элиты.

Следующая серия реформ финансовой системы пришлась на годы пребывания во главе Министерства финансов крупного отечественного экономиста Н. Х. Бунге (1881—1886 гг.). Бунге являлся истовым поборником всесословности в налоговой политике, предоставления широкого простора предпринимательской деятельности во всех ее формах. Его стараниями за период **1882—1886 гг.** в России была *отменена подушная подать* для крестьян — наиболее одиозный рудимент феодального строя. Центр тяжести доходной части государственного бюджета был перенесен на косвенные налоги, важнейшими из которых являлись акцизы и таможенные сборы. Прямые налоги с промышленности и торговли в первой половине 80-х гг. давали ничтожно малую часть поступлений — около 3%. В этой связи одну из своих главных задач Бунге видел в установлении более правильного обложения торговой и промышленной деятельности, что, по его мнению, должно было стать прологом к введению в ближайшем будущем прогрессивного подоходного налога. В соответствии с законами 1884 г. и 1885 г. вместо различных отдельных сборов с промышленности и торговли вводился *единый промысловый налог* (патентный и билетный), превышавший по сумме прежние, а также дополнительный сбор в размере 3% с чистой прибыли (в 1892 г. был повышен до 5%).

В 1885 г. был введен 5-процентный сбор с капиталов, находящихся в кредитных учреждениях, и с доходов от процентных бумаг. Новый прямой налог в это же время вводился на земельную собственность (от 4 до 5,5%) и другое недвижимое имущество (до 6,5% от получаемых доходов). Благодаря этим мерам

удалось найти новые источники пополнения доходной части бюджета.

Другим предметом забот Бунге было укрепление рубля посредством изъятия из обращения избыточного количества кредитных билетов. Однако решить эту проблему не удалось ни Бунге, ни его преемнику на посту министра финансов И. А. Вышнеградскому. Реализацию этого плана осуществил С. Ю. Витте, сменивший в 1892 г. ушедшего из-за болезни в отставку Вышнеградского. В **1897 г.** была проведена долгожданная *денежная реформа*: кредитный рубль приравнен к 66,6 коп. золотом. Конечной целью реформы должен был стать полный паритет кредитного и золотого рубля. Для этого устанавливался жесткий эмиссионный закон, по которому Государственный банк имел право выпускать не обеспеченные золотом кредитные билеты лишь в пределах суммы в 300 млн рублей. Все остальные кредитные билеты должны были быть обеспечены золотом из расчета 1:1. Эти начинания позволили стабилизировать курс рубля и увеличить приток иностранных инвестиций в российскую экономику. В 1898 г. было принято новое Положение о государственном промысловом налоге. Теперь объектом налогообложения становились предприятия, а не предприниматели, как это было раньше. В зависимости от разряда предприятия сумма налога устанавливалась в диапазоне от 500 до 1500 руб. для промышленных и 12—500 руб. для торговых предприятий. Дополнительный налог теперь составляли не только процентные отчисления с прибыли, но и определенные суммы, взимаемые с основного капитала (по 0,15% с каждой тысячи рублей). Таким образом, новая система торгово-промышленного обложения исходила из более последовательного применения принципов пропорционального и уравнительного налогообложения. Тем не менее прогрессивное подоходное обложение так и осталось нереализованным. Кроме прямых налогов, в период пребывания Витте во главе финансового ведомства заметно выросли и косвенные налоги, собираемые по линии акцизных сборов на сахар, нефть, табак и другие товары широкого спроса. Однако наиболее важным источником бюджетных поступлений стали питейные доходы:

вновь устанавливалась государственная монополия на продажу спирта, водки и водочных изделий.

Первые кредитные учреждения в России появились в XVIII в. По проектам П. И. Шувалова в **1754 г.** был создан *Государственный заемный банк* из двух отделений — банка для дворянства и банка для купечества, в 1758 г. — Медный банк, выдававший ссуды медной монетой из 6% годовых, и в 1760 г. — Артиллерийский банк, первоначальный капитал которого образовался из переплавки непригодных пушек. В 1768 г. открылся Ассигнационный банк. Таким образом, во второй половине XVIII в. было положено начало кредитным учреждениям в России. В 1786 г. Государственный заемный банк был реорганизован, ему передавался капитал упраздненного Дворянского банка. Государственный заемный банк выдавал ссуды дворянству и городам под залог крепостных душ и недвижимости. Ссуды под учет векселей и под товары занимали незначительную долю банковских операций. Несмотря на льготные условия погашения ссуды для дворянства (сроком на 20 лет и с ежегодной уплатой 3—5%), большинство благородных клиентов банка было не в состоянии справиться со своей задолженностью. Так, сумма долгов помещиков банку после Крымской войны составляла 427 млн рублей. В преддверии крестьянской реформы и сопряженного с ней изменения всей системы кредита создается *Государственный банк*, получивший право эмиссии (т. е. выпуска) денежных знаков.

В XIX в. мощный импульс был дан развитию *коммерческого кредита*. Кредит в виде векселей был известен и в XVIII в., однако потребности в нем развивающейся промышленности в XIX в., простота оформления и взыскания долга с должника сделали его весьма популярным. В пореформенную эпоху частный кредит преимущественно в форме акционерных коммерческих банков стал расти: к началу 70-х гг. в стране насчитывалось свыше 40 таких банков. В помощь аграриям в 80-е гг. XIX в. были учреждены Крестьянский (1882) и Дворянский (1885) банки, выдававшие ссуды под залог земли. Всего в начале XX в. в стране действовало около полутора тысяч различных банков. В это же время проявляются и новые

тенденции в развитии *банковского капитала*: его концентрация и создание банковских монополий. По этому критерию Россия шла впереди других европейских стран. Почти половина национальных ресурсов и денежных активов сосредоточилась в пяти крупнейших банках: Русско-Азиатском, Петербургском международном, Азовско-Донском, Торгово-промышленном и Русском для внешней торговли. Сращивание банковского капитала с промышленным, активно происходившее в первое десятилетие XX в., привело к становлению *финансового капитала* и появлению *финансовой олигархии*. В поисках влиятельного «прикрытия» эти структуры нередко обращали себе на службу высоких государственных чиновников. Заметно усилилось и проникновение иностранного капитала в российскую экономику.

■ **Промышленность.** Основы промышленного потенциала России в новое время были заложены Петром I. Причем причиной создания большинства новых предприятий были военные потребности. Всего к концу правления Петра I в стране насчитывалось 221 промышленное предприятие. Для новых предприятий требовалась рабочая сила. В условиях дефицита вольнонаемного труда эта проблема была решена путем приписки к заводам государственных крестьян, а также разрешения в 1721 г. промышленникам и купцам покупать крепостных крестьян для своих предприятий (посессионные крестьяне). Несмотря на то что многие из основанных при Петре I предприятий оказались неустойчивыми, промышленное развитие в XVIII в. неуклонно шло вперед. К середине XVIII в. Россия вышла на второе место в мире (после Швеции) по выплавке чугуна и полностью обеспечивала себя железом. В XVIII в. в окончательном виде оформились три наиболее крупных промышленных региона: Промышленный центр, в котором лидировало текстильное производство, Урал — средоточие горнодобывающей отрасли, Северо-Запад, центр металлургического производства. В конце XVIII в. увеличивается доля продукции металлообработки, текстиля, поставляемых на внутренний рынок Петербургом.

Ведущие отрасли промышленного производства демонстрировали различную динамику в XVIII в.: так, на 40—60-е гг. приходится пик роста металлургии, а к концу века намечается ее некоторый упадок. При этом большая часть основанных ранее предприятий существовала только на протяжении жизни их непосредственных основателей, разваливаясь при втором-третьем поколении владельцев. В немалой степени эта нестабильность была обусловлена зависимостью металлургического производства от его основного потребителя — казны с ее заинтересованностью в объемах продукции. Напротив, во второй половине XVIII в. ведущее место в структуре обрабатывающей промышленности заняло текстильное производство. Территориально оно было сосредоточено в центральных губерниях (Москва, Ярославль, Кострома, Владимир, в самом конце XVIII в. — Иваново). Большое положительное значение имело разрешение, данное Екатериной II в 60-е гг. всем желающим заводить у себя ткацкие станы с единственным условием получения за умеренную плату в Мануфактур-коллегии соответствующего свидетельства («билета»). В продолжение этой политики **17 марта 1775 г.** был издан *Манифест о свободе предпринимательства*, провозглашавший право каждого человека «добровольно заводить всякого рода станы и рукоделия производить, не требуя на то... дозволения от вышнего или нижнего места». Мануфактура XVIII в. по своему внешнему облику являлась предприятием-поместьем, соединявшим на своей территории производственные помещения, административные здания, жилые дома рабочих, подсобные угодья и даже церковь. Нередко этот комплекс построек был отгорожен от окружающего пространства крепостной стеной. Вплоть до эпохи промышленного переворота высокий удельный вес занимали предприятия с использованием труда крепостных крестьян (вотчинные мануфактуры), приписных и посессионных крестьян.

В XIX в. происходят качественные изменения в промышленном производстве. В первой половине века на суконных, шерстяных и особенно хлопчатобумажных предприятиях начинают широко применяться вольнонаемный труд и передовая техника. Именно

хлопчатобумажная отрасль выступает пионером *промышленного переворота* в 30-е гг. XIX в. Начавшись в этой отрасли, промышленный переворот к 80-м гг. охватывает и остальные. Хронологически Россия вступила на этот путь позже других европейских стран (так, например, в Англии промышленный переворот занял вторую половину XVIII и первую треть XIX вв.), однако продемонстрировала довольно высокие темпы технологического переоснащения. Так, если в 1820 г. в Москве работали только две паровые машины, то в 1860 г. на территории Московской губернии их насчитывалось уже 191, а Петербургской — 247. К началу крестьянской реформы 1861 г. более половины продукции обрабатывающей промышленности производилось вольнонаемными рабочими на фабриках и заводах. Завершившийся в основном в 80-е гг. промышленный переворот означал победу крупной машинной индустрии и формирование классов буржуазии и пролетариата. В структуре российской промышленности пореформенного периода преобладала легкая промышленность, тесно связанная с сельским хозяйством и наиболее рентабельная с точки зрения возможностей быстрого получения прибыли с вложенного капитала. В конце XIX в. на ее долю приходилось свыше 60% валового продукта. На первом месте шла текстильная промышленность, ежегодно поставлявшая на рынок продукцию на сумму 732,5 млн руб., на втором — пищевкусовая с показателем в 666,6 млн руб. Основными районами текстильной промышленности были Московский, Петербургский и Прибалтика.

К началу Первой мировой войны по сравнению с концом дореформенного периода объем промышленного производства в России увеличился в 12,5 раза (для сравнения: в Германии за тот же период в 7 раз, во Франции в 3 раза). В России возникли новые отрасли промышленности — нефтедобыча, химическая, угольная, машиностроение, появились новые промышленные регионы — Донбасс и Украина, специализирующиеся на добыче угля и металлообработке, Бакинский нефтехимический. Довольно распространенным с 80-х гг. стало и участие иностранного капитала — преимущественно английского, герман-

ского и бельгийского, который первоначально направлялся в легкую промышленность, а впоследствии и в некоторые другие отрасли — химическую, машиностроение, горнодобывающую. Тем не менее по абсолютным показателям выпуска стали, угля, электроэнергетическому снабжению Россия с численностью населения 150 млн человек отставала от Франции с 40 млн жителей. Параллельно с крупной машинной индустрией продолжали существовать докапиталистические формы организации производства в виде мелких крестьянских промыслов. Существенным препятствием для ускоренного роста промышленного производства была архаичная разрешительная (концессионная) система учреждения акционерных обществ, открытая для постоянного бюрократического контроля над частнокапиталистическими отношениями. Несмотря на то что отечественные предприниматели на протяжении второй половины XIX — начала XX в. настоятельно требовали ее пересмотра и введения свободной так называемой *явочной системы грюндерства*, положение дел не менялось. Причина бюрократического упорства заключалась в стремлении сохранить ограничительные условия для предпринимательской деятельности некоторых социальных групп, прежде всего евреев и иностранцев. Только в 1912 г. был введен смешанный порядок основания акционерных предприятий, при котором для дискриминируемых групп сохранялись разрешительные условия. А для всех прочих устанавливались явочные.

Развитие российской промышленности определялось чередованием периодов подъема с периодами кризисов и депрессий, обусловленных конечной емкостью рынка. Кризисные явления проявились уже в первой половине 70-х, а затем в начале 80-х гг. XIX в. Далее на протяжении большей части 90-х гг. наблюдался промышленный подъем, приведший к появлению первых монополистических объединений — *картелей* (представлявших собой соглашения о совместных ценах и разделах рынков сбыта) и *синдикатов* (совместном сбыте, ценах и даже частично о производстве товаров). В 1900—1903 гг. экономику снова поразил кризис, особенно сильно сказавшийся на не-

устойчивых предприятиях тяжелой промышленности. Кризис сменила депрессия 1904—1908 гг. А в 1909—1913 гг. последовал новый промышленный подъем, отмеченный активизацией движения капиталов, оживлением предпринимательства и резким увеличением среднегодового прироста продукции. На этом этапе возникают и высшие формы монополистических объединений в виде трестов и концернов, соединявших весь цикл производства и реализации продукции, складывается финансовый капитал. Эти колебания в развитии промышленности вызвали к жизни и способы ее государственного регулирования, которые до известной степени опережали соответствующую систему мер на Западе (в частности, те, которые использовались во время великой депрессии 1929—1933 гг.). Так, российское Министерство финансов, руководившее индустриальным развитием страны, в период подъема практиковало методы стимулирования хозяйственной активности, а во время депрессий и кризисов прибегало к искусственной поддержке действующих предприятий. В **1893 г.** при участии С. Ю. Витте была принята *программа индустриализации* сроком на 10 лет, преследовавшая цель ускорить промышленное развитие России, обеспечив ей достойное место среди высокоразвитых держав. Кризис 1900—1903 гг. привел Витте и его ближайших сотрудников к убеждению в необходимости реформирования аграрного сектора. Решение этой задачи, как известно, выпало на долю П. А. Столыпина.

■ **Агрикультура и агротехника.** Сельское хозяйство оставалось ведущей отраслью народного хозяйства. Его состояние во многом определяло собой общий уровень экономического развития и основное содержание социальной проблематики в масштабах страны. Уже в XVIII в. обозначились главные болевые точки сельского хозяйства, связанные с феодальным традиционализмом в земледельческой культуре. Как и раньше, она основывалась на трехпольном севообороте, который в крестьянском хозяйстве из-за постоянного общинного контроля был еще и принудительным. Неудобства трехпольной модели начали особенно сильно ощущаться к концу XVIII в., когда стала

реальностью потеря плодородия почв. До известного времени эту проблему удавалось решать за счет расширения пахотных земель. Однако к концу XVIII в. такие возможности были исчерпаны. Между тем российская агрономическая наука, сложившаяся во второй половине XVIII в., предлагала конкретные рецепты восстановления почвенного плодородия. Они заключались в применении многополья, минеральных удобрений, травосеянии. Но консерватизм общины, крепостнический гнет не оставляли места для внедрения каких-либо инноваций в крестьянское хозяйство. В результате его постоянным спутником оставалась низкая урожайность, силы крестьянства поглощала нескончаемая борьба за выживание.

Во второй половине XVIII в. отчетливо наметились признаки разложения крепостнического хозяйства. Этот процесс выражался в подрыве традиционных устоев хозяйства с его замкнутостью, ограниченностью ресурсов интенсификации, рутинной техникой. Крестьянское и помещичье хозяйства в этот период устанавливают более тесные связи с рынком. Так, поместное дворянство нечерноземной полосы, отказываясь от барщины, все шире начинает применять оброчную систему в эксплуатации крестьян. В 60-е гг. эта категория крестьян в среднем платила помещикам по 2 рубля с души годового оброка, а уже в 90-е гг. по 7. Переход на денежную ренту с неуклонным повышением ее размеров стимулировал крестьянское отходничество, занятие промыслами.

В черноземной зоне, наоборот, в это время достигает своего расцвета барщинное хозяйство помещика, а за счет расширения барской запашки урезаются крестьянские наделы. В то время как здесь непрерывно росла товарность помещичьего хозяйства, крестьянское все больше возвращалось к отсталым натуральным формам организации. В некоторых районах черноземной полосы в конце XVIII в. *барщина* достигала 5 дней в неделю, что вызвало даже необходимость государственной регламентации владельческих повинностей. Одной из наиболее тяжелых видов крестьянской зависимости стала *месячина*, заключавшаяся в переводе крестьянина целиком на работу в барщинном помещичьем хозяйстве с выдачей ему месячного продовольственного содер-

жания, одежды. В преддверии отмены крепостного права среди крестьянства стал особенно заметен процесс социального расслоения, выделения зажиточной верхушки и сельских пауперов, между которыми уже начинали завязываться отношения покупателей и продавцов рабочей силы.

Проведение крестьянской реформы изменило социально-экономический строй и облик российской деревни. Однако эти изменения происходили неравномерно и растянулись на длительный срок. Особенностью первых пореформенных десятилетий являлось сохранение полукрепостнических методов использования крестьянского труда помещиками. Эта ситуация определялась преобладанием дворянского помещичьего землевладения в пореформенной деревне, на долю которого в конце 70-х гг. XIX в. приходилось около 19% совокупной площади плодородных земель и около 80% всех земель, находившихся в частной собственности. В начале XX в. доля дворянского землевладения несколько уменьшилась — соответственно до 13 с небольшим процентов наиболее удобных земель и 62% в структуре частного земельного фонда. Однако к тому времени сформировались новые категории крупных земельных собственников в лице купечества, мещан и крестьян-кулаков. В то же время крестьянство в своей основной массе задыхалось от малоземелья. Так, в Европейской России крестьянские дворы с надельным землепользованием до 15 десятин составляли свыше 82%. В этих условиях подавляющая масса крестьян была вынуждена прибегать к аренде земельных угодий. Например, в Европейской России в начале XX в. в аренду крестьянам сдавалось около 20% частной земельной собственности. Поскольку крестьянство остро нуждалось в деньгах и было зачастую не в состоянии уплачивать арендную плату, то в качестве расчета с владельцем применялась система отработок.

Отработочная система — переходный тип хозяйства, соединявший в себе как черты старой барщинной, так и новой капиталистической хозяйственной организации.

Отработки не были однородными: в одном случае помещичья земля обрабатывалась инвентарем и рабочей лошадью самого крестьянина, в другом — инвентарем помещика. Если первый вид отработок был ближе к барщинной организации хозяйства, то второй приближался к капиталистическому найму крестьянина, хотя и не предполагал денежной оплаты его труда. Однако в любом случае отработки представляли собой архаичную форму поземельных отношений. Важно отметить также, что они порой поддерживались самим крестьянством. Расплата за аренду своим трудом или частью урожая (так называемая издольщина) для крестьянина была предпочтительнее, нежели денежная аренда по завышенным расценкам. Последняя в российских условиях объединяла в себе как обычную земельную ренту, выражавшую производительность земли, так и налог, который землевладелец начислял на крестьянина, основываясь на преимуществах крупного земельного собственника.

Несмотря на в высшей степени благоприятные стартовые условия эволюции помещичьих хозяйств, в массе они приспосабливались к рыночным отношениям крайне медленно и с большими издержками. Если накануне отмены крепостного права помещичьи хозяйства давали более половины всего товарного хлеба, то в 1916 г. — уже только 20,6%. В объеме животноводческой продукции, поступавшей на рынок, эта доля была еще меньше. При этом наиболее высокой степенью развития капиталистических отношений отличались помещичьи хозяйства с меньшими размерами и меньшим производственным потенциалом. Напротив, крупные земельные латифундии были средоточием застойных полуфеодальных методов ведения хозяйства. Районами наиболее прогрессивного помещичьего хозяйства являлись Прибалтика и Правобережная Украина. Однако в целом по стране роль помещика как агента капиталистического сельскохозяйственного производства неуклонно снижалась на протяжении второй половины XIX — начала XX в.

Прогресс в развитии сельского хозяйства был связан с крестьянами, несмотря на то что они изначально были поставлены в неблагоприятные условия. Тем не менее некоторые крестьянские хозяйства быстро пе-

ренимали передовые приемы агротехники. Например, в конце XIX в. половину товарного хлеба, конкурентоспособного не только на внутреннем, но и на внешнем рынке, давали кулаки, быстро налаживавшие эффективные хозяйства. На вооружении кулацких хозяйств находилась дорогая и наиболее совершенная для своего времени техника: жатвенные машины, сноповязалки, паровые молотилки. Зажиточные хозяйства раньше прочих осваивали улучшенные системы земледелия, в частности, первыми перешли от трехполья к четырехполью и плодосмену — чередованию посевов хлебных зерновых культур с пропашными и кормовыми травами. Такой способ не только обеспечивал быстрое восстановление почвенного плодородия, но и давал необходимое количество кормов для скота. Впервые четырехполье с плодосменом было апробировано в 90-е гг. XIX в. в Пермской и Московской губерниях, а уже в начале XX в. оно распространилось в 20% хозяйств европейской части России. Усиление связей с рынком большинства крестьянских хозяйств и стремление к повышению доходности меняло и традиционный ассортимент возделываемых культур. Так, озимая рожь вытеснила менее урожайную яровую. Заметно по сравнению с дореформенным временем увеличились площади, занятые посевами яровой пшеницы и ячменя. Выросло значение и технических культур: льна, конопли, сахарной свеклы. Теперь российское сельское хозяйство, все плотнее интегрировавшееся в мировой рынок, испытывало на себе воздействие его меняющейся конъюнктуры. Так, например, мировой кризис перепроизводства зерна, наметившийся с конца 70-х гг., вызвал обвальное падение цен на зерновые культуры и в самой России, продолжавшееся вплоть до середины 90-х гг. Другим последствием аграрного кризиса стала *отраслевая специализация* отечественного сельского хозяйства, связанная с наименьшими издержками и наибольшей доходностью в производстве тех или иных культур по регионам. Центральный, Северо-Западный и Северный черноземный районы перешли к расширенному производству ржи, Прибалтика, Западный, Юго-Западный и Южный степной районы — увеличили долю посевов яровой пшеницы, Предкав-

казье и Южный степной районы — озимой пшеницы и ячменя.

Однако все эти новшества затрагивали только кулацкие и отчасти середняцкие хозяйства. Бедняцкие по-прежнему хозяйствовали дедовскими способами, использовали примитивную ручную технику и едва сводили концы с концами. По подсчетам исследователей, такое хозяйство имело совокупный доход, уступающий в два раза заработку одного фабрично-заводского рабочего. Убыточность многочисленных крестьянских хозяйств порождала отходничество, которое порой служило единственным шансом на спасение. В свою очередь, из-за отвлечения работника от земледелия оно способствовало консервации патриархального уклада деревни. Таким образом, складывался порочный круг, единственным выходом из которого, по сути дела, был ускоренный процесс разложения крестьянства, т. е. превращения его значительной массы в пролетариев, работающих по найму у организаторов доходных товарных хозяйств в деревне либо обустраивающихся в городе.

Глава 16
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX в.

■ **Россия и мировые державы при Петре I.** Внешняя политика России в первой четверти XVIII в. определялась стремлением выйти из международной изоляции и получить выход к Балтийскому морю. Эта задача стала главной для России в Северной войне со Швецией (1700—1721 гг.). В 1699 г. был оформлен Северный союз, в который, кроме России, вошли Речь Посполитая, Саксония и Дания. Однако эта коалиция оказалась непрочной, а силы самой России недостаточными для противоборства с могущественным северным соседом. Шведский король Карл XII, считавшийся одним из лучших европейских полководцев, уже в 1700 г. нанес удар Дании и вынудил ее выйти из игры. В ноябре 1700 г. русские войска потерпели сокрушительное поражение под крепостью Нарвой.

В 1706 г. были выведены из игры и другие союзники России. Международный престиж России в это время упал до самой нижней отметки. Российский посланник в Австрии П. А. Голицын в своих реляциях прямо указывал на то, что теперь только «виктория» может спасти положение и отчасти реабилитировать Россию в глазах европейской дипломатии. Однако в самой России в это время развернулась активная работа по реорганизации армии, которая не замедлила отразиться и на сводках военных действий. 28 сентября 1708 г. в сражении у деревни Лесной был разгромлен 16-тысячный корпус А. Левенгаупта, шедший с продовольствием и боеприпасами к главным силам армии Карла XII. Зимой 1708—1709 гг. положение шведских войск, оставшихся без запасов продовольствия и боеприпасов, сильно осложнилось. А **27 июня 1709 г.** они потерпели тяжелейшее поражение в знаменитой *Полтавской баталии*. Главную роль в ней сыграло превосходство артиллерии (102 русских орудия против 29 шведских), а также умелое использование Петром I резерва для нанесения решающего удара по фронту и флангам противника. Полтавская виктория означала перелом в ходе войны. Распавшаяся антишведская коалиция была вновь восстановлена, к ней присоединились Ганновер и Пруссия. Активные боевые действия теперь разворачивались за пределами России. В 1710 г. от шведов была очищена вся Прибалтика. А **27 июля 1714 г.** русский флот под командованием адмирала Ф. М. Апраксина разгромил шведскую эскадру у мыса *Гангут*. Эта победа на море значила не меньше, чем победа на суше под Полтавой. Такой поворот в военных действиях, выдвигавший Россию в ранг великой державы, явно не устраивал некоторых новых союзников России. В частности, англо-ганноверская дипломатия с 1716 г. приступила к формированию коалиции, направленной на противодействие успехам России. В этих условиях Петр I пошел на заключение союза с Францией, которая пообещала взять на себя роль посредника в переговорах со Швецией. В мае 1718 г. открылся Аландский мирный конгресс. Однако заключение договора со Швецией было сорвано внезапной кончиной Карла XII. Новая шведская королева Ульрика-Элеонора, рассчи-

тывая на помощь Англии, затягивала с соглашением и провоцировала очередные столкновения. Вскоре у русских берегов на Балтике появилась и английская эскадра. В ответ на эти действия в 1719 г. русские войска высадили свой десант в Швеции и после нескольких удачных боев вернулись обратно. В июле **1720 г.** гребной флот под командованием М. М. Голицына одержал крупную победу у острова *Гренгам*, захватив 4 шведских фрегата. Весной 1721 г. последовали высадки русских десантов на подступах к Стокгольму. Это произвело сильное впечатление на шведов, которые наконец согласились подписать мир. 30 августа 1721 г. в финском городе Ништадте был заключен русско-шведский мирный договор, по которому к России отходили Ингерманландия, часть Карелии, Эстляндия, Лифляндия с городами Рига, Дерпт, Нарва, Выборг, Корела, острова Даго и Эзель. За территориальные приобретения Россия уплачивала Швеции 2 млн ефимков (своего рода международная валюта того времени). Характерно, что окончательный разгром Швеции не входил в планы России. Добившись своей цели в Прибалтике, российская дипломатия взяла курс на установление со Швецией союзнических отношений, от которых выигрывали бы оба государства. В результате этих усилий 22 февраля 1724 г. между Россией и Швецией был заключен оборонительный договор.

Параллельно с решением балтийской проблемы России пришлось заниматься урегулированием отношений с Османской империей. В 1710 г. султан, подстрекаемый шведским правительством, объявил России войну, потребовав возвращения Азова и ликвидации русского флота на Азовском море. После серии неудачных попыток найти компромисс Россия была вынуждена принять вызов Турции. В июне 1711 г. русские войска во главе с Петром I предприняли поход на реку Прут, закончившийся плачевными результатами. Попав в окружение превосходящих сил противника, русская армия оказалась под угрозой захвата в плен. Поэтому **12 июля 1711 г.** Петр I поспешил подписать *Прутский мирный трактат*, по которому Россия возвращала Турции Азов и ликвидировала крепости Таганрог и Каменный Затон на Днепре.

Активизация действий в восточном направлении стала возможной после заключения Ништадтского мира. По словам русского историка С. М. Соловьева, «Петр, стремясь к достижению своей великой цели — получению Россией выхода к Балтийскому морю, не спускал глаз с Востока, зная хорошо его значение для России, зная, что материальное благосостояние России поднимется, когда она станет посредницей в торговом отношении между Европой и Азией». В начале 20-х гг. усилилось проникновение Турции в прикаспийские земли. Эти действия резко ухудшали положение России: отложение прикаспийских провинций от Персии и переход их в подданство Турции увеличивали протяженность российских границ с османскими владениями. Кроме того, возрастала опасность укрепления Турции в Восточном Закавказье, что также больно ударяло по российским интересам в этом регионе. Поэтому, откликаясь на обращение персидского правительства с просьбой о помощи, Петр I во главе 22-тысячного отряда летом 1722 г. направился на Каспий. Русскими войсками были взяты Решт и Баку. Этот поход вызвал всплеск национально-освободительных устремлений среди народов Закавказья. Однако продолжение наступательных действий было чревато новым вооруженным конфликтом с Турцией, которого российская дипломатия всячески старалась избежать. Поэтому 12 сентября 1723 г. в Петербурге был заключен мирный договор с Персией, по которому к России отошли Дербент, Баку, Гилян, Мезандаран и Астрабад. По *Стамбульскому договору* от **12 июня 1724 г.** Турция признала эти приобретения России в Прикаспии и отказывалась от притязаний на Персию. Таким образом, безопасность юго-восточных границ России была обеспечена, а ее международный престиж поднялся еще выше.

■ **Враги и «естественные союзники».** Превращение России в великую державу вызывало противодействие большинства европейских государств. После смерти Петра I на Балтике образовалась враждебная России коалиция государств — так называемый Ганноверский союз с участием Англии, Дании, Швеции.

Отчасти России, используя Голштинию как свой опорный пункт в Северной Германии, удавалось пресекать направленные против нее действия. Российские дипломаты в большинстве случаев умело использовали притязания голштинского герцога на Шлезвиг (отнятый у него Данией) и на шведскую корону для дипломатического нажима на Швецию и Данию. Регулярные российские связи с Голштинией были скреплены династическим браком старшей дочери Петра I Анны Петровны с голштинским герцогом. Однако утверждение балтийских завоеваний оставалось одной из ведущих задач российской внешней политики во второй четверти XVIII в. Разрядке напряженности на Балтике способствовал русско-английский договор «О дружбе, взаимной коммерции и навигации», заключенный в 1734 г. сроком на 15 лет. Согласно его условиям англичанам разрешалась транзитная торговля с Персией через Россию. Несмотря на то что такое условие ущемляло интересы отечественных купцов, России на некоторое время удалось застраховать себя от враждебных выпадов со стороны Англии. Между тем русско-английское сближение повлекло за собой изменение политики со стороны Франции. После смерти короля Августа II в войне за «польское наследство» Франция усиленно добивалась возведения на польский престол своего ставленника Станислава Лещинского. Возникала угроза образования вдоль российских границ враждебного пояса из Речи Посполитой, Швеции и Османской империи. Таким образом, польский вопрос уже в то время превратился в одну из главных болевых точек в собственно российской внешней политике. Приход к власти при военной и дипломатической помощи России сына Августа II, саксонского курфюрста Фридриха-Августа, дал временную передышку в борьбе на этом направлении, однако не решал главной проблемы — воссоединения с украинскими и белорусскими землями, оккупированными в прошлом поляками, а также снижения напряженности в этой зоне.

Оставалась нерешенной проблема отношений с Османской империей, добивавшейся вытеснения России из Прикаспия и всячески препятствовавшей ее продвижению к Черному морю. Русско-турецкие проти-

воречия в немалой степени подогревались Францией. В 1735 г. Россия была втянута в военные действия против Турции. В этой войне она стремилась обезопасить свои южные границы от вторжений Турции и ее вассала — Крымского ханства, обеспечить себе удобные торговые пути в Азию и вернуть земли, утраченные по Прутскому договору от 1711 г. Военные действия развернулись в нижнем течении Днепра, Молдавии и в Крыму. Вопреки ожиданиям главнокомандующего Б. Х. Миниха, который рассчитывал к 1739 г. водрузить русское знамя в Константинополе, армия продвигалась в глубь территории противника с величайшим напряжением и большими потерями. В 1739 г. состоялось самое крупное за эту кампанию сражение под Ставучанами, в результате которого турецкие войска отступили и открыли русским путь к крепостям Хотин и Яссы. Но развить успех и воспользоваться плодами этой победы обескровленной российской армии не удалось. По *Белградскому мирному договору*, заключенному в **1739 г.**, Россия получала Азов, хотя и не восстановила своего права держать на Азовском море флот. Кроме того, к ней отходила небольшая территория на Правобережной Украине. Таким образом, стратегические цели не были достигнуты. Международное положение России еще больше ухудшилось после того, как в том же 1739 г. при помощи французской дипломатии был заключен антирусский военный союз Турции и Швеции.

В 1741 г. в наступление против России перешла Швеция, рассчитывавшая взять реванш за поражение в Северной войне. Однако эти притязания уже с первых шагов обнаружили свою несостоятельность. В 1743 г. в Або был подписан мирный договор, который оставил в силе все территориальные приобретения России с 1721 г. Более того, российские границы были отодвинуты в Финляндии за Выборг на 60 верст. Российская дипломатия, руководимая умным и прагматичным канцлером А. П. Бестужевым-Рюминым, не стала добиваться от Швеции более значительных уступок: эта позиция определялась курсом на умиротворение северного соседа, который на сле-

дующем этапе, как и предполагалось, действительно принес положительные результаты.

С 1744 г. во главе внешнеполитического ведомства России стоял А. П. Бестужев-Рюмин. Его концепция внешней политики исходила из посылки общности интересов с Англией, Голландией и Австрийской империей. По мнению канцлера, эти государства связывала общая заинтересованность в поддержании сложившегося равновесия сил в Центральной Европе, а также в организации отпора Османской империи. Эти страны рассматривались как естественные союзники России, в то время как Франция и Пруссия как ее естественные противники. Франция уже давно интриговала против России, натравливая на нее Османскую империю, а Пруссия, непрерывно усиливавшаяся за счет соседей, представляла потенциальную угрозу. Прусского короля Фридриха II, сумевшего создать лучшую в Европе милитаристскую машину, канцлер считал главным недругом России. Оценка Бестужевым-Рюминым расстановки сил на европейском континенте подтвердилась во второй половине 50-х гг., когда России пришлось вступить в Семилетнюю войну. Главную ось противоречий государств — участниц войны составляло англо-французское соперничество за колонии в Америке и Азии. Эти противоречия дополнялись австро-прусской борьбой за гегемонию среди германоязычных государств. Накануне войны Англия в расчете на сильного партнера в борьбе с Францией заключила конвенцию с Пруссией. Это оказалось неожиданностью для российских дипломатов, возлагавших надежды на сотрудничество с английскими коллегами. В итоге возобладала линия на русско-австро-французский союз. Активным поборником этого объединения выступал вице-канцлер М. И. Воронцов. В 1757 г. русская армия вошла в Восточную Пруссию. После ряда блистательных, хотя и доставшихся дорогой ценой, побед (в 1757 г. у деревни Гросс-Егерсдорф, в 1758 г. — у Цорндорфа, а в 1759 г. у Кунерсдорфа) прусская армия была фактически уничтожена. В сентябре 1760 г. русские войска вошли в Берлин. В городе были разрушены пороховые склады, оружейные заводы, пушечные дворы. Российской императрице были высланы ключи от

Берлина. Наконец, в 1761 г. капитулировала прусская крепость Кольберг на Балтийском море. Этот эпизод завершил окончательный разгром Пруссии. Однако от утраты политического суверенитета Пруссию спас случай. 25 декабря 1761 г. скончалась Елизавета Петровна. Ее преемник на престоле Петр III, давний поклонник прусского короля, резко изменил курс внешней политики, отказавшись от всех завоеваний русского оружия. Уже в апреле 1762 г. с Берлином был подписан мирный договор. Пришедшая к власти в июне 1762 г. императрица Екатерина II подтвердила этот мир, хотя на словах и осудила поспешные действия своего предшественника. Таким образом, было положено начало новому внешнеполитическому курсу.

Новая доктрина была разработана одним из ближайших сотрудников Екатерины II, первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел Н. И. Паниным, давно служившим на дипломатическом поприще. Он предложил создать Северную систему (другое название — «Северный аккорд») для обеспечения мира и равновесия в Европе и продвижения России на юг. Предполагалось, что в «Северном аккорде» на правах активных членов будут участвовать Россия, Англия, Пруссия, Дания, на правах пассивных — Речь Посполитая и Швеция. Активным участникам отводилась роль главной ударной силы в борьбе против стран южнокатолического союза — Испании и Австрии. Несмотря на то что в задуманном варианте Северная система так и не была претворена в жизнь, она принесла некоторые положительные результаты. Так, в 1764 г. был заключен торговый договор России с Пруссией, в 1765 г. — с Данией, в 1766 г. — с Англией. При помощи российской дипломатии на польский престол был возведен ставленник Екатерины II Станислав Август Понятовский. Камнем преткновения в воплощении принципов Северной системы явилось настойчивое стремление Пруссии и Австрии к разделу польской территории. По словам Фридриха II, слабую Польшу надлежало «облупить, как кочан капусты». Россия, не разделявшая таких взглядов и даже планировавшая привлечь Польшу к военному союзу, была вынуждена пересмотреть свои позиции. Причи-

ны переориентации были связаны с трудностями войны с Турцией, в которую Россия вступила в 1768 г. Поползновения Австрии к вступлению в войну на стороне Турции заставили русское правительство совместно с Пруссией и Австрией принять участие в *первом разделе* Речи Посполитой в **1772 г.** В результате этого акта к Австрии отошла Галиция, к Пруссии — Поморье и часть Великой Польши, к России — Восточная часть Белоруссии. Первый раздел Польши, вызвавший в ней подъем патриотических настроений, способствовал ускоренному проведению реформ, попыткам преодоления традиционной политической анархии. Важнейшие преобразования были зафиксированы в конституции от 3 мая 1791 г. Эти события спровоцировали западные державы на осуществление *второго раздела* Польши. По договору, заключенному между Россией и Пруссией в январе **1793 г.,** к Пруссии отходили некоторые польские земли (Гданьск, Торунь, Познань), а к России — Центральная Белоруссия и Правобережная Украина. Оккупационный режим, установленный прусскими и русскими войсками на большей части польской территории, вызывал протест поляков. В 1794 г. началось восстание под предводительством Тадеуша Костюшко. Оно было подавлено объединенными силами Австрии, России и Пруссии, которые не замедлили с проведением *третьего раздела.* Он состоялся в **1795 г.:** Австрия получила Малую Польшу, Пруссия — остальную часть польских земель с Варшавой, Россия — Западную Белоруссию, Волынь, Литву и Курляндию. Станислав Август Понятовский отрекся от престола и был доставлен в Россию. В результате Польша прекратила свое существование как самостоятельное государство.

Во второй половине XVIII в. Россия вступила в отчаянную борьбу с Османской империей. В войне 1768—1774 гг. на стороне России были симпатии подвластных Турции народов (славян, румын, греков), а также ценный боевой опыт, накопленный русской армией за первую половину XVIII в. Главнокомандующим был назначен генерал-аншеф П. А. Румянцев, старейший боевой генерал, один из основателей отечественной военной школы. В 1769 г. российская ар-

мия заняла крепости Хотин и Азов, вошла в Молдавию. В 1770 г. были одержаны крупные победы под Рябой Могилой, у Ларги и Кагула. В июне 1770 г. русская эскадра под командованием вице-адмирала Г. А. Спиридова в Хиосском проливе и Чесменской бухте нанесла сокрушительное поражение неприятельскому флоту, уничтожив около 100 его боевых судов. В 1771 г. русская армия заняла Крым. В 1773 г. А. В. Суворов овладел крепостью Туртукай на южном берегу Дуная. А в 1774 г. нанес поражение туркам при Козлудже. В июле **1774 г.** в болгарской деревушке *Кючук-Кайнарджи* был подписан мирный договор с Турцией, по которому Россия получала Керчь, Еникале, Кинбурн и Кабарду. Ей предоставлялось также право торгового мореплавания по Черному морю, строительства портов на Черноморском побережье и прохода торговых судов в Средиземное море. Ликвидировалась вассальная зависимость крымского хана от турецкого султана. Таким образом, итоги войны 1768—1774 гг. обеспечивали безопасность южных границ России и делали возможным широкое освоение плодородных земель Северного Причерноморья.

Были пересмотрены некоторые основы внешней политики. Так, в начале 80-х гг. панинский «Северный аккорд» был заменен системой, базировавшейся на союзе с Австрией. Автором нового внешнеполитического курса был А. А. Безбородко, сменивший Н. И. Панина на посту руководителя Коллегии иностранных дел. В соответствии с его предложениями в 1781 г. был заключен русско-австрийский союз, который предусматривал военную помощь Австрии на новом витке русско-турецкой вооруженной борьбы. Стал активно обсуждаться так называемый «греческий проект». Под ним подразумевался план восстановления независимости Греции, в правители которой прочили второго внука российской императрицы Константина Павловича. При русском дворе насаждалась мода на греческие имена, костюмы, спектакли. За этими жестами скорее всего скрывалась хитроумная политическая комбинация, заключавшаяся в том, чтобы отвлечь внимание ведущих европейских держав и без шума осуществить давно задуманную операцию по присоединению Крыма. Действительно, 8 ап-

реля **1783 г.** без военных потерь и кровопролития *Крым был включен в состав Российской империи.* Сразу же началось и освоение богатейшего Причерноморского края и строительство Черноморского флота. А 24 июля 1783 г. был подписан Георгиевский трактат, установивший протекторат России над Восточной Грузией.

В 1787 г. Турция, подстрекаемая Англией и Францией, объявила о нарушении Россией Кючук-Кайнарджийского мирного договора и открыла против нее военные действия. Однако и в этой войне преимущества были на стороне российских войск. После падения считавшейся неприступной крепости Измаил, турки запросили мира. **29 декабря 1791 г.** был заключен *Ясский мирный договор,* подтвердивший присоединение к России Крыма и установление протектората над Грузией. К России отошла территория между Бугом и Днестром.

Одновременно с русско-турецкой войной шла вооруженная борьба со Швецией. Пользуясь переключением внимания русского правительства на турецкие дела, в 1788 г. шведский король Густав III попытался вернуть земли, утраченные Швецией в первой четверти XVIII в. Однако и на этот раз реваншистские попытки Швеции были отбиты. В 1790 г. в деревне Вереле (Финляндия) был заключен мирный договор, восстановивший статус-кво, существовавший до начала войны.

В конце XVIII в. отношения с Францией складывались достаточно сложно. Поначалу российская правящая элита индифферентно отнеслась к событиям Великой французской революции (1789—1794). Российские печатные органы вплоть до конца 1791 г. помещали подробную и довольно объективную информацию о событиях во Франции. Перелом в отношениях наступил только в 1792 г., когда к власти пришли воинственные жирондисты и возникла реальная угроза жизни и безопасности королевского дома. В июле 1792 г. дипломатическому представителю Франции в России Э. Ш. Жене было предписано покинуть пределы Российской империи. Поводом к окончательному разрыву с Францией послужила казнь Людовика XVI 21 января 1793 г.

После подавления польского национально-освободительного движения и третьего раздела Польши Екатерина II вплотную занялась подготовкой мер по ликвидации французского очага революционной «заразы». В **1795 г.** между Россией, Австрией и Англией был заключен *Тройственный союз* для совместных действий против революционной Франции. Планировалось отправить во Францию 60-тысячный корпус под командованием А. В. Суворова. Однако из-за смерти Екатерины II в 1796 г. этот замысел не был осуществлен. Ее преемник Павел I продолжил антифранцузский курс во внешней политике. При нем в 1798 г. Россия вступила в новую антифранцузскую коалицию, в которую вошли Австрия, Османская империя, Англия и Неаполитанское королевство. Военные действия развернулись как на суше, так и на море. Черноморская эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова, пройдя через черноморские проливы, вошла в Адриатику и совместно с османским флотом летом 1798 г. овладела Ионическими островами и захваченной французами крепостью Корфу. В 1799 г. высаженный Ушаковым десант успешно действовал на Апеннинском полуострове, освободив от французов Неаполь и Рим.

В начале 1799 г. командование союзными войсками было поручено «непобедимому фельдмаршалу» А. В. Суворову, спешно вызванному Павлом I из ссылки (причиной опалы полководца была критика им прусских порядков, насаждаемых Павлом I в армии). Итальянский и швейцарский походы Суворова, продемонстрировавшие высочайший класс русского военного искусства, тем не менее не дали больших внешнеполитических результатов.

После переворота 18 брюмера и установления консульской власти Наполеона в 1799 г. отношения России и Франции стали быстро меняться. В 1800 г. было заключено мирное соглашение двух государств. Отношения России с Англией и Австрией, показавшими себя недобросовестными союзницами, были, наоборот, разорваны. Павел I намечал заключить более прочный союз с Наполеоном. Однако этот процесс был прерван цареубийством 11 марта 1801 г.

■ **От Аустерлица до Севастополя.** Приход к власти Александра I наложил заметный отпечаток на внешнюю политику России. Молодой царь считал неприемлемым разрыв связей с Англией, но в то же время не желал обострять отношения и с Францией. Однако его политика поддержания мирного диалога со всем кругом контрагентов, сохраняя при этом полную свободу рук, потерпела крах. 8 октября 1801 г. в Париже был подписан двусторонний русско-французский мирный договор, который принес больше выгод Франции, нежели России.

Политическое убийство герцога Энгиенского, ложно обвиненного в причастности к заговору против Наполеона (18 мая 1804 г.), принятие в тот же год Наполеоном императорского титула и его агрессивные устремления вызвали оформление в **1805 г.** *третьей антинаполеоновской коалиции.* В нее вошли Россия, Англия, Австрия, Швеция и Неаполитанское королевство. Основная тяжесть военных действий, к которым коалиционные войска приступили уже летом 1805 г., легла на Австрию и Россию. Во главе русской армии Александр I поставил М. И. Голенищева-Кутузова. Главнокомандующий полностью зависел от приказов австрийского командования и от воли русского и австрийского императоров. Однако после поражения союзников в ноябре 1805 г. в сражении близ деревни Аустерлиц третья коалиция распалась. Кутузов был назначен военным губернатором в Киев, иначе говоря, переведен с большим понижением на другую службу.

Четвертая коалиция была сформирована в **1806 г.** уже без участия Австрии. В нее вошли Россия, Англия, Швеция и Пруссия. Но и на этот раз союзники потерпели неудачу. В 1806 г. прусские войска были разбиты под Йеной и Ауэрштедтом, а русские под командованием Л. Л. Беннигсена в 1807 г. проиграли сражение под Фридландом. В изменившейся обстановке Александр I был вынужден начать с Наполеоном переговоры о мире. Встреча двух императоров состоялась в июне **1807 г.** в Тильзите, на реке Неман. В результате был подписан *Тильзитский договор,* по которому Россия признавала все завоевания Франции и ее преимущественное влияние в Центральной Европе

и Средиземноморье. Однако самым болезненным условием Тильзитского мира стало вынужденное присоединение России к континентальной блокаде Англии. Это задевало интересы российской торговли и подрывало хозяйство страны. Россия вынуждена была использовать суда нейтральных государств, для того чтобы обойти препоны договора — распространилась контрабанда английских товаров в Россию. Претензии Наполеона на мировую гегемонию, игнорирование интересов России в восточном вопросе и вблизи ее западных границ, где сложилось государство-сателлит Франции — герцогство Варшавское, расшатывали союзнические отношения.

Накануне вступления в решающую схватку с наполеоновской Францией Россия заметно усилила влияние в зоне своих важнейших интересов. В сентябре 1801 г. в состав России вошла Восточная Грузия, а в 1803—1804 гг. ее примеру последовали и остальные части Грузии (Менгрелия, Гурия и Имеретия). Эти успехи российской политики на Кавказе вызвали резкую реакцию у Персии. В 1804 г. началась русско-персидская война, в результате которой в 1806 г. к России была присоединена большая часть Азербайджана. Данные приобретения были окончательно закреплены *Гюлистанским мирным договором*, подписанным Россией и Персией в **1813 г.** В 1806—1812 гг. Россия вела военные действия против Турции. В июне 1811 г. под Рущуком на правом берегу Дуная произошло сражение, стоившее больших потерь турецким войскам, затем М. И. Кутузов разбил неподготовленного противника и на левом берегу Дуная и выбил турок из Рущука. После этих событий турецкая армия была вынуждена капитулировать. По заключенному в **1812 г.** *Бухарестскому мирному договору* к России была присоединена Бессарабия (область, расположенная между Черным морем и реками Дунай, Прут, Днестр и Ракитна), а русско-турецкая граница проведена по реке Прут.

В 1808—1809 гг. России пришлось вести войну и со Швецией. В 1809 г. русские отряды под командованием П. И. Багратиона и М. Б. Барклая де Толли по льду Ботнического залива добрались до Швеции, а другая часть войск заняла столицу Финляндии Або

(Турку). В **1809 г.** сломленная Швеция подписала *Фридрихсгамский мирный договор*, по которому к России отходили Финляндия и Аландские острова. Победы, одержанные Россией в войнах с Персией, Турцией и Швецией, подняли ее международный престиж; в сражениях армия приобрела неоценимый боевой опыт.

В ночь на **12 (24) июня 1812 г.** без объявления войны французская армия перешла российские границы. В ходе *Отечественной войны* России противостояла самая передовая армия в мире, насчитывавшая 678 тыс. человек во главе с Наполеоном — непревзойденным мастером генерального сражения. Ход основных военных действий — от сражения в начале августа под Смоленском, при котором русская армия понесла тягчайшие потери, и до перехода русской армии в решительное наступление, вызвавшее паническое бегство наполеоновской армии во второй половине ноября, — хорошо известен. Сам Наполеон спешно вернулся в Париж, от его армии, покинувшей пределы России, осталось всего 30 тыс. человек.

В начале 1813 г. российская армия выступила в заграничный поход, направленный на освобождение Европы от владычества Наполеона. Поначалу на российской стороне была одна Пруссия. В конце августа 1813 г. к ним присоединилась Австрия. Во второй половине октября **1813 г.** под Лейпцигом состоялось сражение, названное *Битвой народов*. Войско Наполеона было обращено в бегство. Вскоре война перекинулась на территорию Франции. 31 марта 1814 г. союзники под предводительством Александра I, переживавшего свой звездный час, вступили в Париж. В мае 1814 г. между представителями Франции и других европейских стран был подписан мирный трактат, по которому Франция восстанавливалась в границах 1792 г., определялся статус европейских государств, пострадавших от наполеоновской агрессии. В сентябре 1814 г. открылся Венский конгресс европейских государств, на котором предстояло выработать основы мирового порядка. Российские интересы на этом форуме представлял сам император, проявлявший незаурядные дипломатические способности, граф А. К. Разумовский, К. В. Нессельроде и др. При-

тязания Александра I на лидерство в созвездии европейских монархов, его территориальные претензии вызвали раздраженную реакцию со стороны контрагентов. В декабре 1814 г. между Англией, Австрией и Францией было подписано секретное соглашение, имевшее антирусскую направленность. Несмотря на то что о нем стало известно русскому императору, его позиция осталась непоколебимой: он хотел во что бы то ни стало с помощью союзников добиться окончательного низложения Наполеона и демонтирования созданной им европейской политической системы. Реализации этих стремлений способствовало новое появление Наполеона на континенте (так называемые «сто дней»), которое потребовало очередного объединения усилий европейских держав. 18 июня 1815 г. войска Наполеона были разбиты силами англичан и пруссаков в сражении при Ватерлоо. А сам Наполеон вынужден был отречься от престола и отправиться в пожизненное изгнание на остров Святой Елены.

В июне 1815 г. состоялось подписание Заключительного акта Венского конгресса, существенно изменившего политическую карту мира. К России отходило герцогство Варшавское, за Пруссией и Австрией закреплялись некоторые другие польские области. В **сентябре 1815 г.** в Париже был заключен *Священный союз* монархов России, Австрии и Пруссии. В 1815—1817 гг. в него вошло большинство государств, за исключением Англии и Османской империи. В 1818 г. в члены Священного союза была принята и Франция, с территории которой были выведены оккупационные войска держав-победительниц.

В начале царствования Николая I большим успехом русской дипломатии стало подписание в марте 1826 г. в Петербурге англо-русского протокола по греческому вопросу, который, с одной стороны, позволял добиваться греческой автономии при участии сильной союзницы, а с другой — давал возможность проводить более независимую политику, без оглядки на Австрию, Францию и Пруссию. В октябре 1827 г. на базе данного соглашения с Англией состоялась внушительная демонстрация союзнических военно-морских сил в Наваринской бухте: была уничтожена большая часть турецкого флота. В апреле 1828 г. Рос-

сия вступила в войну с Турцией. После серии успешных действий русских войск на Балканском и Закавказском фронтах в **сентябре 1829 г.** был заключен *Адрианопольский мирный договор.* К России отходили земли на черноморском побережье Кавказа от Анапы до Поти, города Ахалцих и Ахалкалаки, некоторые армянские области Турции. Греции была обеспечена автономия, Турция обязывалась к уплате контрибуции России, что гарантировалось военным присутствием России в Дунайских княжествах — Валахии и Молдавии.

В дальнейшем растущая заинтересованность России в пользовании черноморскими проливами (Босфором и Дарданеллами), стремление противостоять экономическому и политическому давлению ведущих европейских держав на Порту привело к переориентации в русской политике. В 1833 г. Россия оказала помощь Турции в ее вооруженном конфликте с Египтом. Эта акция увенчалась подписанием в июле **1833 г.** *Ункяр-Искелесийского мирного договора* между Россией и Турцией, по которому султан обязывался закрыть проливы для военных кораблей стран, воюющих с Россией. Этим договором закреплялось преимущественное влияние России на Турцию. Однако это явно не устраивало другие державы, а самой России было чрезвычайно трудно удерживать благоприятный режим проливов. Поэтому в **1840 г.**, а потом и в **1841 г.** были подписаны *Лондонские конвенции,* которыми вводился международный контроль над проливами и оговаривалось их закрытие для военных судов всех европейских стран. Тем самым для России снижались возможности развития двусторонних отношений с Турцией в выгодном для нее направлении.

Другим источником напряженности была Персия. В июне 1826 г. персидское правительство, стремившееся к пересмотру условий Гюлистанского мира, начало военные действия против России. Кровопролитные сражения произошли у Шамхора, Гянджи, в Карабахе. В 1827 г. русские войска взяли Эривань. В начале **1828 г.** при участии И. Ф. Паскевича и А. С. Грибоедова был заключен Туркманчайский договор, которым Россия закрепляла за собой Эриванское и Нахичеванское ханства, русско-персидская гра-

ница устанавливалась по реке Аракс. Россия получала исключительное право держать на Каспийском море военный флот. Эти условия означали серьезное укрепление позиций России на Среднем Востоке.

Таким образом, в 20-е гг. XIX в. на передний план во внешней политике России выдвигается восточный вопрос.

Восточный вопрос — принятое в исторической литературе обозначение международных проблем, возникших в связи с упадком Османской империи, ростом в ней национально-освободительных движений угнетенных народов и острых столкновений в этом регионе экономических и политических интересов западных держав. Географическим ареалом восточного вопроса являлись Ближний Восток, Балканы, Средний Восток, к которому прилегал и Кавказ. (См.: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII — начало XX в./Под ред. Н. С. Киняпиной. М., 1978.)

Для России зонами приоритетного внимания становятся Балканы, черноморские проливы и Кавказ. Интерес к этим регионам, вытекавший из геополитического положения, исторических традиций России, противопоставлял ее Османской империи. Развитие **восточного направления** во внешней политике России прошло через несколько этапов: на первом — в центре внимания российской дипломатии были борьба за выход к Черному морю, укрепление южных границ государства и установление приемлемого режима пользования проливами; на втором этапе, наступившем после Крымской войны, главные задачи заключались в отмене ограничительных условий Парижского мира и помощи становлению суверенных Балканских государств; на заключительном этапе — с конца 90-х гг. на повестку дня выдвигаются задачи создания Балканского союза антиавстрийской и антигерманской направленности и снова проблема проливов.

Кроме того, Россия во второй четверти XIX в. активно включилась в антиреволюционную борьбу западноевропейских правительств. В 1849 г. русская армия под командованием генерал-фельдмарша-

ла И. Ф. Паскевича приняла участие в подавлении венгерской революции и восстановлении власти Габсбургов на этой территории. Однако могущество, достигнутое Российской империей при Николае I, носило иллюзорный характер. Это показала Восточная, или Крымская, война, ставшая бесславным завершением этого царствования.

Война выявила серьезные просчеты в оценке международной ситуации российскими политиками и недостатки в военном строительстве. Восточный кризис 50-х гг. был спровоцирован спором католической и православной церквей о «палестинских святынях», находившихся на территории Османской империи. Настаивая на привилегиях православной общины в Палестине, Николай I рассчитывал активизировать восточный вопрос и в будущем перейти к разделу наследства «больного человека», т. е. ослабевшей Оттоманской империи. Особые надежды в деле укрепления русского влияния на Ближнем Востоке и на Балканах возлагались на Дунайские княжества, фактически уже находившиеся под российским протекторатом, и на дружественное славянское население Османской империи. При этом царь и его ближайшее окружение полагали маловероятным совместное выступление Англии и Франции против России. Еще больше царь был уверен в добром расположении Пруссии и Австрии и, таким образом, не усматривал серьезных помех для давления на турецкое правительство. После того как в 1853 г. султан объявил о преимуществах в Иерусалиме католического духовенства над православным, российский император направил в Константинополь чрезвычайное посольство во главе с князем А. С. Меншиковым. Оно не справилось со своей миссией, и тогда летом 1853 г. началась оккупация русской армией Дунайских княжеств. В июле 1853 г. Австрией, Англией, Францией и Пруссией была принята так называемая «Венская нота». Этот документ, направленный и в Петербург, и в Константинополь, предписывал туркам соблюдать условия Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров в тех частях, которые касались прав христианской церкви и населения, а русским предлагал спорные с турками вопросы решать при посредниче-

стве и контроле западных держав. Император был готов согласиться, однако «уперлось» турецкое правительство. В октябре 1853 г. Турция объявила России войну и перешла к активным действиям на кавказском побережье.

В ноябре 1853 г. начались военные действия, вскоре к Турции присоединились вооруженные силы Англии и Франции. Россия оказалась неподготовленной к войне. Международная изоляция страны, позорные поражения в Крыму, слабое командование предопределили ее катастрофический исход. В **марте 1856 г.** были заключены *Парижский мирный договор* и серия конвенций между Россией и ее противниками в войне. Согласно их условиям от России отторгались дельта Дуная (переходившая к княжеству Молдавия) и прилегающая к ней южная часть Бессарабии. Наиболее тяжелым для России условием становилась нейтрализация Черного моря, т. е. запрещение иметь там военный флот и военно-морские арсеналы. Черноморские проливы закрывались для военных судов всех стран.

■ **Внешняя политика России в 1856—1917 гг.** Главной задачей внешней политики России после завершения Крымской войны являлась отмена ограничительных условий Парижского мира. Пост руководителя внешнеполитического ведомства на этом новом этапе вместо престарелого графа К. В. Нессельроде занял князь А. М. Горчаков. Его взгляд на задачи внешней политики России и способы их осуществления коротко выразила ставшая сразу знаменитой фраза: «Россия сосредотачивается». Она отражала приоритетность внутренних проблем по отношению к внешним и в высшей степени осмотрительное поведение в системе внешних сношений. Во второй половине 50-х — 60-е гг. Россия отказалась от активной поддержки освободительных движений на Балканах, заменив ее установкой на предоставление «христианам Востока свободного поля деятельности».

Благоприятная международная обстановка для избавления от тяжелого наследия Крымской войны наступила в конце 60-х — начале 70-х гг. Россия умело использовала в своих целях ослабление Авст-

рии в результате проигранной ею в 1866 г. австро-прусской войны и разгром Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг. С поражением Австрии — основной конкурентки России на Балканах — и Франции — одной из главных вдохновительниц Крымской системы — был расчищен путь к активным действиям. В январе 1871 г. на открывшейся в Лондоне международной конференции было достигнуто согласие западных держав на отмену для России нейтрализации Черного моря. Россия восстанавливалась в своих правах как черноморская держава.

Следом за отменой ограничительных условий Парижского мира русская дипломатия приступила к зондажу возможностей для заключения союзов с европейскими странами. Потребность в преодолении внешнеполитической изоляции и создании альянсов диктовалась усилением проникновения России в Среднюю Азию, где она сталкивалась с Англией, и перспективами упрочения влияния на Балканах, где также активно в ущерб России действовала Австро-Венгрия. В этих условиях Россия пошла на сближение с Германией. В марте 1873 г. германский кайзер, прибывший в Петербург в сопровождении канцлера О. Бисмарка, заключил с русским царем военную конвенцию. Она предусматривала взаимную вооруженную поддержку в том случае, если одно из двух государств станет жертвой агрессии. В мае **1873 г.** был заключен договор между австрийским и русским императорами. В октябре того же года к нему присоединилась и Германия. Таким образом, сложилась комбинация, получившая название *«Союза трех императоров»*. Она сыграла свою положительную роль при развитии нового восточного кризиса в 70-е гг.

Летом 1875 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в Боснии и Герцеговине, а в июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили Турции войну. В апреле 1876 г. началось восстание в Болгарии. Поначалу российское правительство, трезво оценивавшее свои силы и стремившееся избегать вооруженных конфликтов, пыталось предотвратить перерастание этой ситуации в очередную битву народов. Однако удерживать контроль над развитием событий становилось все труднее. Всплеск освободительного движения на Балканах

вызвал сочувственный отклик среди российской общественности: на помощь воюющим славянам отправлялись добровольцами многие из русских офицеров. В сентябре 1876 г. началась и мобилизация русской армии. Провал попытки мирного разрешения конфликта на Константинопольской конференции в конце 1876 г. стал детонатором войны. 12 апреля 1877 г. император Александр II издал манифест о вступлении России в войну с Турцией. Главной целью России в этой войне являлось освобождение Болгарии и создание независимых государств на Балканах. При этом не упускались из виду и собственно российские интересы, состоявшие в упрочении влияния на Балканах.

Успешные наступательные операции русских войск на территории Румынии, Болгарии, продвижение в сторону Константинополя и даже перенесение Главной квартиры в местечко Сан-Стефано рядом со столицей заставили турок в начале 1878 г. согласиться на переговоры о мире. В **1878 г.** между Россией и Турцией был подписан *Сан-Стефанский мирный договор*, по которому провозглашалась независимость Сербии, Черногории и Румынии; Болгария превращалась в вассальное княжество с собственным гражданским управлением. К России переходили Южная Бессарабия и кавказские крепости Батум, Карс, Ардаган и Баязет. Однако такими условиями договора были недовольны на Западе. Под нажимом западных правительств, созвавших в июне 1878 г. в Берлине конгресс, Россия согласилась на пересмотр его итогов. По решениям Берлинского конгресса, зафиксированным в Берлинском трактате, территория Болгарии сокращалась, ее южная часть под названием Восточная Румелия становилась автономной турецкой провинцией; Австро-Венгрия получала право на оккупацию Боснии и Герцеговины. В Закавказье за Россией признавались только Карс, Ардаган и Батум.

Кроме восточного направления, во внешней политике России второй половины XIX в. большое место занимал **среднеазиатский вопрос**. Был взят курс на военное наступление в этом регионе. К такому повороту дела внешнеполитическое ведомство подвигали военные круги, растущая отечественная буржуазия, заинтересованная в среднеазиатских рынках сбыта. В

мае 1864 г. началось наступление на Кокандское ханство, являвшееся наиболее опасным противником России из всех среднеазиатских государств. В июне 1865 г. был взят Ташкент, а в **1867 г.** образовано *Туркестанское губернаторство* с центром в Ташкенте. Во главе него был поставлен опытный военный и политический деятель генерал К. П. Кауфман. В марте 1868 г. он заключил торговый договор с кокандским ханом, который фактически ставил того под контроль России. Уже в июне 1868 г. был подписан договор с бухарским эмиром, по условиям которого занятые российскими войсками территории составляли самостоятельный Зеравшанский округ (куда включались Самарканд и Катта-Курган). Округ также был поставлен под управление туркестанского генерал-губернатора. Наконец в 1873 г. русские войска вошли в Хиву, а в августе между Кауфманом и местным ханом был подписан договор, согласно которому граница с Россией устанавливалась по Амударье, а само ханство переходило в вассальную зависимость от России. К середине 70-х гг. большая часть Средней Азии подчинялась России. Исключение составляла только часть туркменских племен, населявших Ахалтекинский, Тедженский, Мервский и Пендинский оазисы. Однако уже в мае 1881 г. Ахалтекинский оазис был включен в российскую Закаспийскую область с центром в Ашхабаде. Присоединение остальных трех оазисов произошло в 1884 г. мирным путем. Тем самым было завершено вхождение Средней Азии в состав Российской империи.

Довольно интенсивный характер во второй половине XIX в. приобрела политика России на **Дальнем Востоке**. Здесь ее контрагентами были Китай, Япония, США. В 1858 г. в Айгуне был заключен русско-китайский договор, установивший принадлежность России левобережья реки Уссури, а в июне того же года был принят Тяньцзинский трактат, предоставлявший России право заводить консульства в открытых портах и посылать дипломатических представителей в Пекин. С этого времени начинается освоение русскими колонизаторами Приамурья, а в 1858 г. здесь был заложен город Благовещенск. В 1860 г. в

Пекине был подписан новый договор, который передавал во владение России весь Уссурийский край.

Другим партнером России на данном направлении стали США, в дружественных отношениях с которыми Россия была заинтересована в связи с борьбой против морского господства и экспансионистских устремлений Англии в Средней Азии. В 1867 г., не имея возможности экономически развивать российские колонии на американском континенте и даже защитить их в случае войны (Аляску, Алеуты), Россия продала их США за 11 млн рублей.

Во второй половине 50-х гг. состоялись первые дипломатические контакты России и Японии. В 1855 г. стараниями вице-адмирала Е. В. Путятина в Симоде был заключен договор, установивший границу между двумя странами на Курилах по островам Уруп и Итуруп. Однако когда в дальнейшем Россия захотела приступить к освоению Сахалина, имевшего важное стратегическое значение в Тихоокеанском бассейне, то возникли споры. Они были разрешены только в 1875 г., когда в Петербурге был заключен договор, по которому в обмен на 18 островов Курильского архипелага Япония признавала Сахалин за Россией. Этот договор позволил расширить экономические связи России и Японии. В целом отношения двух стран развивались вплоть до начала 90-х гг. на дружественной добрососедской основе.

В 1895 г., разгромив Китай, Япония получила во владение Ляодунский полуостров, от которого, однако, под давлением западных держав и России вскоре была вынуждена отказаться. Тем временем русское правительство активизировало свою деятельность в Китае, получив в 1896 г. права на строительство Китайско-Восточной железной дороги, в 1897 г. — на аренду Ляодунского полуострова, а в 1898 г. на аренду Порт-Артура. В 1900 г., когда в Китае вспыхнуло восстание, на территорию Маньчжурии под предлогом защиты железной дороги были введены русские войска. Вскоре под влиянием негативной реакции западных правительств войска оттуда начали эвакуироваться. Однако в 1903 г. со стороны России было выдвинуто новое требование: не допускать другие державы на освобождаемую территорию без ее на то

согласия. Эта позиция вступала в противоречие с доктриной «открытых дверей» и равных возможностей, провозглашенной по отношению к Китаю Соединенными Штатами и разделявшейся другими странами. Это требование и последующая дипломатическая дуэль вокруг спорных вопросов дальневосточного присутствия России послужили поводом для начала в январе 1904 г. военных действий Японии против России.

Цепь поражений, нанесенных японцами сухопутной армии и военно-морскому флоту России, была теснейшим образом связана с технико-экономической отсталостью страны, слабостью командного состава армии. В сложившихся после Цусимы условиях продолжение войны уже не имело смысла. В конце августа **1905 г.** был заключен *Портсмутский мирный договор*, по которому Россия лишалась Южного Сахалина, передавала японцам Порт-Артур и часть КВЖД. Обе стороны выводили свои войска из Маньчжурии.

Западная политика России в конце 80-х — 90-е гг. XIX в. определялась нарастанием противоречий внутри «Союза трех императоров» и постепенным сближением России с Францией. Несмотря на то что после разрыва «Союза трех императоров» в 1887 г. между Германией и Россией был заключен новый так называемый «перестраховочный» договор, их отношения продолжали ухудшаться.

Оформление новой системы международных отношений уже было заложено образованием в 1882 г. Тройственного союза между Германией, Австро-Венгрией и Италией. В начале 90-х гг. к этому союзу стала склоняться и Англия. В сложившихся обстоятельствах поиск новых партнеров естественно подводил к русско-французскому сближению. В 1891 г. был подписан договор, а в 1892 г военная конвенция с Францией. Ее вступление в силу в 1894 г. знаменовало оформление союзных отношений с Францией. Предусматривалась взаимная вооруженная помощь обеих стран в случае нападения Германии или Тройственного союза. Заключение такого союза становилось переломным моментом в развитии международных отношений: теперь судьбы мирового порядка определяло противостояние двух блоков.

Наращивание германской активности на Ближнем, Среднем, Дальнем Востоке и в Африке, ее притязания на европейскую гегемонию вызвали дальнейшее размежевание сил на международной арене. В 1904 г. Англия и Франция, преодолев давнюю враждебность, заключили между собой союз, получивший название «антант кордиаль» (сердечное согласие), или Антанта. В **1907 г.**, заключив с Англией договор о разграничении интересов в Персии, Афганистане и Тибете, Россия примкнула к Антанте, превратившейся теперь в *Тройственное согласие.*

В 1909 г. Россия пережила тяжелый политический кризис, обусловленный ее вынужденным признанием аннексии Боснии и Герцеговины, осуществленной Австро-Венгрией. Этот шаг со стороны России, вызванный давлением на нее Германии, еще больше увеличил пропасть между недавними партнерами по «Союзу трех императоров». Масла в огонь подлили две Балканские войны 1912—1913 гг., выявившие непримиримые противоречия между участниками враждебных блоков в вопросах обретения славянскими народами политического суверенитета. В 1913 г. германский рейхстаг одобрил проект увеличения расходов на вооружение. Военная развязка надвигалась с неотвратимостью.

Поводом к войне послужило убийство 28 июня 1914 г. наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда членом боснийской националистической организации. Ультиматум, предъявленный австрийским правительством Сербии, представлял собой посягательство на ее суверенитет. Хотя Сербия приняла его почти полностью, Австрия 15 (28) июля 1914 г. объявила ей войну. Попытки России разрешить конфликт мирным путем не увенчались успехом, и царь объявил всеобщую мобилизацию. Германия потребовала прекратить ее. После отказа **19 июля (1 августа) 1914 г.** *Германия объявила России войну.* Вслед за тем в войну против Германии и Австро-Венгрии вступили Франция и Англия. Всего в войну оказалось вовлечено 38 государств.

Военные действия развивались с переменным успехом. Наступление российских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 г. оттянуло на себя силы нем-

цев и помогло удержать Париж. Но из-за несогласованности действий 1-й и 2-й армий вскоре они были разбиты. В то же время русское наступление в Галиции имело успех. В конце 1914 г. после выступления на стороне Тройственного союза Турции Кавказская армия одержала важные победы под Сарыкамышем, Эрзерумом, Трапезундом.

Однако в 1915 г. немцы направили главный удар против России. Весной они прорвали фронт в районе Горлице. Из-за недостатка вооружений и боеприпасов российские войска понесли тяжелые потери и оставили Польшу, часть Прибалтики, Белоруссии и Украины. Затем война приобрела позиционный характер. В мае 1916 г. Юго-Западный фронт под командованием генерала А. А. Брусилова прорвал оборону противника в Галиции и поставил на грань катастрофы Австро-Венгрию. Тем не менее этот успех не привел к коренному перелому в войне, поскольку не был поддержан другими фронтами.

Часть III

СКВОЗЬ БУРИ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РОССИЯ в 1917—2002 гг.

Глава 17
РОССИЯ В РЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

■ **Февральская революция.** Революция 1905—1907 гг. и незавершенные столыпинские реформы не позволили до конца разрешить те социальные противоречия, которые вызвали в России революционное движение. Эти противоречия были обострены Первой мировой войной. Тяжелые поражения 1915 г., вскрывшаяся неподготовленность к длительной войне вкупе с невнятным политическим курсом, слабостью правительства и «распутинщиной» вызывали едва ли не повсеместное недовольство, изолируя власть от общества. Невиданная дискредитация власти и военные лишения озлобили и радикализировали массы. В 1916 г. по числу бастовавших (до 1,1 млн чел.) Россия превосходила Германию в 8,4, а Францию — в 26,5 раза. В действующей армии (а это свыше 6,5 млн бывших крестьян и рабочих, вырванных из привычной жизни и, главное, вооруженных) и особенно в ты-

ловых гарнизонах быстро падала дисциплина, росли революционные настроения.

В феврале 1917 г. обстановка в Петрограде была накалена. Искрой, вызвавшей революционный взрыв, послужила задержка (из-за снежных заносов) с подвозом продовольствия в Петроград. **23 февраля 1917 г.** начались манифестации и митинги протеста, в которых участвовало до 100 тыс. человек. Забастовали рабочие. В последующие дни число демонстрантов возрастало, они прорывались в центр города. 6 тыс. петроградских полицейских оказались перед ними бессильными. 25 февраля император повелел «прекратить беспорядки». В ход были пущены войска, произведены аресты, расстреляны некоторые демонстрации. Революционеры приуныли. Многим казалось, что с революцией уже покончено.

Однако с вечера 26 февраля начался принципиальный сдвиг в расстановке сил. На сторону революции стали переходить солдаты Петроградского гарнизона. К вечеру 27 февраля численность революционных солдат достигла 67 тыс., а к вечеру 28-го — 127 тыс., и столица полностью перешла в руки восставших.

В других городах революция совершалась, как правило, «по телеграфу». Получив известия о свержении царского правительства, революционная публика устраивала массовые манифестации и отстраняла царскую администрацию.

Революция застала врасплох все политические силы, в том числе социалистические и либеральные партии. Для последних ситуация усугублялась роспуском царем Государственной думы, где они имели прочные позиции. Но **27 февраля** часть депутатов во главе с председателем Думы октябристом М. В. Родзянко все же собрались в Таврическом дворце и провозгласили себя Временным комитетом Государственной думы. На следующий день он объявил о взятии на себя функций «восстановления государственного и общественного порядка», т. е., по существу, о взятии власти.

Умеренные социалисты (эсеры, меньшевики) и большевики активно включились в революционное движение. 27 февраля по инициативе меньшевиков был создан Петроградский Совет рабочих депутатов

(вскоре преобразованный в Совет рабочих и солдатских депутатов). Фактически он стал параллельным Временному комитету Думы органом власти. Возглавил Совет меньшевик Н. С. Чхеидзе, его заместителями стали трудовик (с марта — эсер) А. Ф. Керенский и меньшевик М. И. Скобелев.

Первоначально именно в руках Петроградского Совета была сосредоточена реальная власть в столице. Уже в марте в России было создано около 600 Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Наряду с общественными исполнительными комитетами Советы сыграли огромную роль в объединении революционных масс, «низов» общества. Весной—летом эти популярные в народе органы контролировались меньшевиками и эсерами. В Петроградском Совете большевиков было лишь 2,3% депутатов, в Московском Совете — 22,8%.

2 марта 1917 г. Временный комитет Государственной думы по соглашению с Петроградским Советом образовал *Временное правительство,* куда вошли известные и популярные в России либеральные деятели. Возглавил его князь Г. Е. Львов — председатель Земгора. Министрами стали лидер кадетов П. Н. Милюков, лидер октябристов А. И. Гучков, прогрессист фабрикант А. И. Коновалов, промышленник М. И. Терещенко и др. Единственным социалистом, вошедшим в правительство (вопреки первоначальному решению Петроградского Совета), стал Керенский.

Император оказался в политической изоляции. Он не находил поддержки не только среди народных масс, но даже среди своего окружения. В ответ на его запрос все командующие фронтами высказались за отречение царя. Стремясь успокоить страну и дать ей возможность продолжать войну, Николай II не стал далее бороться за власть и **2 марта 1917 г.** отрекся от престола в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича. Но тот не осмелился занять трон. 3 марта он заявил о своем отказе от престола. В результате монархия, существовавшая в России более 400 лет, пала.

В первые недели своего существования Временное правительство пользовалось необычайной популярностью и широкой поддержкой населения. Невзирая на

продолжавшуюся войну, была осуществлена широчайшая демократизация общества: провозглашены политические свободы, отменены смертная казнь, а также все национальные и религиозные ограничения, объявлена амнистия, упразднены репрессивные органы царского режима: полиция, жандармерия, каторга, цензура. Петроградский Совет принял приказ № 1, который узаконил возникшие в воинских частях солдатские комитеты, подчинил их своему контролю, наделил солдат гражданскими правами. Под давлением масс был санкционирован арест Николая II и ряда царских сановников. Для расследования противозаконных действий последних создана Чрезвычайная комиссия.

Февральская революция на время сплотила расколотое общество, объединив против царя и революционные низы, и буржуазию, и даже некоторых представителей императорской фамилии. Однако это объединение не могло быть прочным. Более того, падение монархии, являвшейся ключевым, интегрирующим элементом российской государственности и всего общества, привело к постепенному распаду России. Выяснилось это не сразу.

■ **Послефевральская Россия.** После Февральской революции перед страной встали сложнейшие задачи. Предстояло создать новую стабильную государственность, определить отношение к мировой войне, разрешить аграрный вопрос и обострившиеся национальные противоречия (доходившие до требования отделения Украины, Финляндии и т. д.), стабилизировать социально-экономическое положение. Решение этих задач осложнялось экстремальными условиями войны, незавершенностью формирования гражданского общества, отсутствием твердой власти и радикальным изменением баланса политических сил.

Вся система политических партий после Февраля резко сдвинулась влево. Ее правый фланг в виде традиционалистско-монархических (черносотенных) партий был разрушен. Большинство либеральных партий, включая октябристов и прогрессистов, тоже не смогли вписаться в послефевральскую обстановку и вскоре сошли с политической арены. В России ос-

талась только одна массовая либеральная партия — кадетов.

С весны 1917 г. радикальные либералы — *кадеты* вынуждены были играть непривычную для себя роль консерваторов. Под влиянием революционной обстановки они отказались от лозунга конституционной монархии и высказались за республику и «левый блок» с социалистическими партиями. Однако во главу угла своей программы кадеты поставили «войну до победного конца», в то время как реформы предполагали отложить до Учредительного собрания. Его созыв они тоже пытались отсрочить из-за боязни революционной стихии и стремления обеспечить наиболее демократический порядок выборов. Консервативно-либеральный курс кадетов не имел широкой поддержки в массах, не желавших нести на себе все тяготы войны и стремившихся к немедленному осуществлению своих чаяний. Численность партии составляла 100 тыс. человек.

Уничтожение монархии и вовлечение в политику широких революционизированных масс привело к колоссальному *усилению социалистов*. Особенно выросла партия эсеров (примерно до 1 млн человек), возглавляемая В. М. Черновым и Н. Д. Авксентьевым. ПСР привлекала радикальной и близкой крестьянству аграрной программой, предусматривавшей конфискацию помещичьих земель и уравнительное распределение их среди крестьян, требованием федеративной республики (эсеры первыми среди общероссийских партий выдвинули этот лозунг) и, наконец, героическим ореолом давних и самоотверженных борцов против самодержавия.

Союзниками эсеров были меньшевики (200 тыс. человек). В партии существовали две крупные фракции: интернационалистов (Ю. О. Мартов) и оборонцев. Последние делились на правых (А. Н. Потресов) и «революционных» (И. Г. Церетели, Ф. И. Дан). Революционные оборонцы были наиболее многочисленными и влиятельными. Их лидеры фактически возглавляли всю партию меньшевиков. Кроме того, к меньшевикам относилась правая группа Г. В. Плеханова «Единство» и др.

Меньшевики и эсеры исходили из того, что Россия еще не готова к социализму, поэтому выступали за сотрудничество с либеральной буржуазией и за условную поддержку Временного правительства. Они стремились к серьезным социальным преобразованиям в интересах трудящихся, но из-за боязни разрыва с кадетами вынуждены были согласиться с их отсрочкой до Учредительного собрания и пытались осуществить частные, компромиссные реформы. Умеренно-реформистская программа меньшевиков и эсеров в наибольшей мере импонировала широким массам весной—летом 1917 г. Именно они доминировали тогда в Советах, профсоюзах, фабзавкомах, солдатских комитетах.

После Февральской революции большевистское руководство попыталось взять курс на установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Но не найдя поддержки в партии и тем более в обществе, оно вскоре было вынуждено отойти от своей радикальной позиции. Большевики заявили об условной поддержке Временного правительства и оказании на него давления в целях дальнейшего развития революции и скорейшего заключения мира. На местах в массовом порядке создавались объединенные большевистско-меньшевистские партийные организации. Идейно и организационно большевики быстро сближались с меньшевиками.

Приезд В. И. Ленина в Петроград 3 апреля 1917 г. положил конец этому сближению. Сразу после получения известия о революции в России Ленин, еще находясь в Швейцарии, выдвинул курс на социалистическую революцию через передачу власти Советам и установление диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства. В его программе, так называемых «Апрельских тезисах», разоблачалась «империалистическая сущность» Временного правительства и продолжавшейся войны, предлагалась конфискация помещичьих земель, введение контроля Советов над производством и распределением и т. д. Ленин был убежден в близости мировой революции («только под этим углом зрения мы и можем определять наши за-

дачи», — подчеркивал он) и в неспособности «буржуазного» правительства решить насущные проблемы.

В отличие от всех других политических лидеров, призывавших к компромиссам и консолидации, Ленин, наоборот, взял курс на вычленение партии большевиков, пролетариата и резкое противопоставление их остальным социально-политическим силам. Неудивительно, что, несмотря на заявление о мирном переходе к социалистической революции (через Советы), на него посыпались небезосновательные обвинения в разжигании гражданской войны. Даже большевистское руководство поначалу не приняло тезисы Ленина, сочтя переход к социалистической революции преждевременным. Лишь после острых дискуссий на VII Всероссийской (Апрельской) партийной конференции Ленину удалось в целом склонить на свою сторону большинство руководства. Однако в массах радикальная революционная программа большевиков весной 1917 г. не пользовалась широкой популярностью.

Важную роль в жизни послефевральской России и в выборе перспектив ее дальнейшего развития играло либеральное Временное правительство. Оно, как уже отмечалось, осуществило широчайшие демократические реформы, но к социально-экономическим преобразованиям подходило куда более осторожно. Весной 1917 г. оно передало государству кабинетские и удельные земли, для подготовки аграрной реформы создало земельные комитеты. Но сама реформа откладывалась до Учредительного собрания. Для преодоления продовольственных трудностей было объявлено о введении государственной хлебной монополии. Весь товарный хлеб подлежал продаже государству по твердым ценам. Началось введение карточной системы на основные продукты питания. Однако слабость власти и инфляция резко снижали эффективность этих мер и не позволили стабилизировать продовольственное снабжение городов. Правительство узаконило возникшие на предприятиях выборные органы рабочих — фабрично-заводские комитеты (фабзавкомы). Для достижения «классового мира» были созданы Министерство труда, «примирительные камеры», биржи труда; учреждено Министерство призрения,

взявшее на себя функции бывших благотворительных обществ. На предприятиях явочным путем вводился восьмичасовой рабочий день.

Осуществлению крупных реформ препятствовали война, сложное экономическое положение, несформированность в России гражданского общества, а также политическая слабость и неоднородность Временного правительства. Его осторожность в проведении социально-экономических преобразований диктовалась консервативной позицией кадетов и стремлением умеренных социалистов не допустить конфронтации в обществе, чреватой, как они полагали, победой контрреволюции. Кроме того, Временное правительство далеко не полностью контролировало ситуацию в стране и вынуждено было считаться с сильными и самостоятельными Советами, а также другими общественными организациями. В результате правительственный курс определялся не столько продуманной стратегией, сколько переменчивыми общественными настроениями, мощным и противоречивым воздействием партий, масс и различных событий текущей политики, а также стремлением не допустить реставрации царских порядков. Все это приводило к непоследовательности в политике и к серьезным ошибкам, порой подрывавшим сами основы государственной власти.

5 марта 1917 г. князь Львов отстранил губернаторов и других руководителей царской администрации и заменил их комиссарами Временного правительства (ими стали председатели соответствующих земских управ). Земства были распространены на всю Россию, выборы в них стали проводиться на основе всеобщего и равного голосования, но опорой правительства они не стали. Дело заключалось не только в их самостоятельности, но и в том, что в глазах масс земства ассоциировались с царским режимом и потому постепенно оттеснялись от власти популярными в народе Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Поддержка Советами Временного правительства была условной, и зачастую они предпринимали действия, шедшие гораздо дальше или вразрез с правительственной политикой. Фактически в стране бы-

ло *двоевластие* (Временное правительство — Советы), а точнее, многовластие.

Устранение царской полиции еще более усугубило ситуацию и лишило правительство важнейшего инструмента власти. Создававшаяся Временным правительством милиция была слаба и не справлялась со своими функциями. К тому же ей противостояли формировавшиеся из рабочих дружин отряды Красной гвардии.

Пытаясь обезопасить себя от контрреволюции и поддавшись давлению Советов, солдатских масс, Временное правительство провело радикальную «демократизацию» армии, включавшую в себя чистку высшего командного состава, введение комиссаров для наблюдения за политической лояльностью офицеров, отмену военно-полевых судов, смертной казни и узаконение солдатских комитетов, ставших фактически параллельной властью в армии. Все это привело к падению дисциплины и к разложению армии. Резко выросло дезертирство. По некоторым оценкам, только за пять месяцев после Февральской революции среднемесячное число дезертиров выросло в 5 раз.

Таким образом, Временное правительство лишилось надежных «силовых структур», прочной опоры на местах и оказалось почти беззащитным перед бурным ростом революционной стихии. Преодолеть многовластие и восстановить надежную «вертикаль власти» ему не удалось.

Между тем эйфория после Февральской революции быстро проходила. Катализатором роста недовольства масс и первых антиправительственных выступлений послужила проблема отношения к войне. Умеренные социалисты, как и другие политические силы, не видели реальных путей для выхода России из войны. Война была мировая, коалиционная; оба противостоящих блока не были готовы к заключению мира. Возможность же заключения сепаратного (отдельного, в нарушение союзнических обязательств) мира тогда гневно отвергалась почти всеми, включая даже большевиков. Поэтому умеренные социалисты выдвинули лозунг революционной войны «без аннексий и контрибуций», исключительно с целью защиты революции. Среди масс этот лозунг поначалу был

популярен. Однако у отечественной буржуазии, либералов и особенно у союзников России по Антанте он встретил настороженное отношение.

Чтобы успокоить союзников, министр иностранных дел Милюков послал им ноту, в которой подтвердил, что Россия будет вести войну до победного конца. Но когда эта информация попала в газеты, **20—21 апреля 1917 г.** в Петрограде начались антивоенные демонстрации вооруженных солдат и рабочих с лозунгами «Долой Милюкова!», «Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!». Произошли первые столкновения со сторонниками правительства. Командующий Петроградским военным округом Л. Г. Корнилов для разгона демонстраций готовил войска и артиллерию. В это же время часть большевиков предлагала воспользоваться ситуацией для свержения правительства. В этой взрывоопасной обстановке меньшевистско-эсеровские лидеры предотвратили применение силы генералом Корниловым и смогли утихомирить массы. Добившись от Временного правительства разъяснений, что под «решающей победой» подразумевалось «достижение прочного мира» (что фактически дезавуировало ноту Милюкова), Петроградский Совет счел инцидент исчерпанным.

Апрельский кризис показал слабость Временного правительства и начавшееся разочарование масс в его политике. 5 мая было сформировано новое коалиционное правительство, в которое наряду с либералами вошли 6 социалистов. Это позволило ликвидировать правительственный кризис. Но возможности для реформирования страны и улучшения положения дел были по-прежнему ограничены войной и коалицией с кадетами. Поэтому вхождение умеренных социалистов в состав терявшего популярность правительства лишь возлагало на меньшевиков и эсеров непосредственную ответственность за его деятельность.

Между тем в обществе все больше нарастали противоречия. Если буржуазия требовала войны до победного конца и наведения порядка, то солдаты, особенно в тыловых гарнизонах, не хотевшие идти на фронт, выступали за мир, рабочие требовали повышения зарплаты, крестьяне — скорейшего раздела поме-

щичьих земель. Все большую популярность приобретал лозунг передачи власти Советам, объединявший «низы». Вопреки надеждам широких масс и интеллигенции на «революционное преображение» России и быстрое решение материальных проблем социально-экономическое положение страны, а следовательно и населения, заметно не улучшилось. Напротив, уже с мая–июня 1917 г. началось падение производительности труда, а затем и реальной зарплаты рабочих. В условиях колоссального социально-психологического сдвига, связанного с ломкой вековых устоев, традиций и отсутствием твердой власти, растущие, но нереализуемые социальные запросы масс вызвали взрыв недовольства и озлобленности.

В этих условиях большевики с их разжиганием классовой ненависти, простыми и радикальными лозунгами, обещавшими немедленное и полное удовлетворение всех чаяний низов в случае перехода власти к Советам и социалистической революции, начинают усиливать свое влияние в фабзавкомах (в Петрограде они перешли под контроль большевиков), профсоюзах, Советах и армии.

Чтобы приблизить окончание войны и сбить нараставшую революционную волну, Временное правительство готовило наступление на фронте. Большевики в знак протеста попытались провести 10 июня 1917 г. демонстрацию. Но она была запрещена I Всероссийским съездом Советов, проходившим в эти недели в столице. ЦК РСДРП(б) вынужден был отменить демонстрацию. Стремясь закрепить свою победу, съезд Советов назначил на **18 июня** демонстрацию в поддержку правительства. Однако демонстрации в Петрограде, Риге, Иваново-Вознесенске и некоторых других городах прошли под антиправительственными лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой войну!», «Вся власть Советам!». Временное правительство смогло выйти из этого политического кризиса лишь благодаря начавшемуся наступлению на фронте и поддержке I Съезда Советов (из 777 его делегатов, заявивших о своей партийности, было 290 меньшевиков, 285 эсеров и 105 большевиков). Но передышка оказалась недолгой.

Уже 2 июля 1917 г. по решению своего ЦК кадеты — министры Временного правительства подали в отставку в знак протеста против компромиссного соглашения с Центральной радой (предоставлявшего Украине широкую автономию) и пассивности правительства в борьбе с революционной стихией. Этот шаг спровоцировал взрыв недовольства масс. **3 июля** Петроград был охвачен демонстрациями и митингами. Некоторые воинские части под влиянием большевистской агитации призывали к вооруженному восстанию. Фактически оно уже происходило. Ситуацию накалили известия о провале наступления на фронте. 4 июля на улицы Петрограда вышло 500 тыс. человек. Часть вооруженных демонстрантов ворвалась в Таврический дворец и потребовала от перепуганных членов ЦИК немедленно взять власть. На улицах звучала беспорядочная стрельба. Демонстрантов обстреливали члены контрреволюционных организаций, те отвечали, в неразберихе порой стреляя друг в друга. Всего было убито и ранено более 700 человек.

Позиция большевиков была достаточно противоречивой. В целом они хотели «проверить на прочность» Временное правительство. Многие большевики, особенно из Военной организации, активно готовили и затем участвовали в вооруженном восстании в Петрограде. Но в ночь на 4 июля, видя неблагоприятное для взятия власти соотношение сил, большинство членов ЦК выступило за предание демонстрации мирного характера. После острых дискуссий демонстрацию было решено прекратить.

В Петроград были подтянуты верные Временному правительству воинские части, и порядок был восстановлен. Прекращению выступлений и отходу масс (особенно солдат, интеллигенции) от большевиков способствовало и то, что были опубликованы документы о сотрудничестве большевиков с немецким генштабом в деле разложения России. Речь шла уже не только об «опломбированном вагоне», в котором вожди большевиков проезжали из Швейцарии через воюющую с Россией Германию, но и о получении большевиками немецких денег. Ленин и другие руководители РСДРП(б) были обвинены в государствен-

ной измене. Эти обвинения нанесли огромный, казалось непоправимый, удар большевикам.

Временное правительство перешло в наступление. Началось разоружение солдат и рабочих, принимавших участие в демонстрациях, были заняты некоторые объекты, принадлежавшие большевикам. Но сколько-нибудь широких репрессий против большевиков не было, и партия смогла выжить. Сочтя, что «контрреволюция победила», Ленин переосмыслил тактику и призвал отказаться (затем он уточнил — временно) от мирного лозунга «Вся власть Советам!», поскольку Советы, по его мнению, «поддержали контрреволюцию». После дискуссий VI съезд РСДРП(б), проходивший полулегально 26 июля — 2 августа 1917 г., с определенными коррективами подтвердил в целом ленинский курс на переход в перспективе к социалистической революции и вооруженному восстанию. Состоявшийся почти одновременно с большевистским VI съезд партии кадетов призвал к жестким мерам по борьбе с революционной стихией, всемерному укреплению государственной власти и устранению политического влияния Советов.

В то время как правый и левый политические фланги все более поляризовались, «центр» — меньшевики и эсеры — терял популярность в массах, усилились внутренние противоречия. Мартов выступал за создание однородного демократического правительства (т. е. коалиционного правительства преимущественно из социалистов). У эсеров быстро росло и оформлялось радикальное левое крыло (Б. Д. Камков, М. А. Спиридонова), которое на местах зачастую блокировалось с большевиками. В целом же приверженность меньшевиков и эсеров к социальному компромиссу по мере обострения ситуации не устраивала ни одну из социальных сил, так как не удовлетворяла их главным требованиям.

8 июля 1917 г. Временное правительство возглавил Керенский. 12 июля он вновь ввел отмененную было смертную казнь на фронте. 18 июля пост Главнокомандующего вместо «либерального» А. А. Брусилова занял решительно настроенный Корнилов. После длительных переговоров (кадеты поначалу не хотели

идти на новую коалицию с умеренными социалистами) 24 июля 1917 г. было создано второе коалиционное Временное правительство. Правительственный кризис удалось ликвидировать. Но укрепить власть и стабилизировать обстановку в стране не удавалось.

■ **Октябрьская революция.** Чтобы остановить сползание России к хаосу и гражданской войне, 12 августа в Москве было созвано Государственное совещание (большевики в нем не участвовали). Несмотря на наметившееся под влиянием обострявшейся обстановки сближение позиций умеренных социалистов и кадетов, устранить разногласия между ними не удалось. Меньшевики и эсеры выступали за сохранение Советов и за социальные реформы. В то же время либералы, буржуазия требовали жестких мер по борьбе с революционной стихией, введения смертной казни в тылу, ликвидации Советов и войны до победного конца.

Как на Государственном совещании, так и вне его все больше стали говорить о необходимости диктатуры. На роль диктатора прочили генерала Корнилова. Поначалу его поддерживал и Керенский. **25 августа 1917 г.** Корнилов двинул войска на Петроград, а на следующий день предложил Керенскому передать ему военную и гражданскую власть, объявить столицу на военном положении и прибыть в ставку. Испугавшись, что Корнилов может обойтись без него, Керенский объявил его изменником. Кадеты не рискнули открыто поддержать Корнилова. Против «корниловщины» дружно выступили социалистические партии, Советы и широкие революционизированные массы. В результате войска Корнилова были остановлены, а сам он арестован.

Соотношение сил в стране принципиально изменилось. Начавшие было консолидироваться правые силы, способные противостоять большевикам, были разгромлены. Престиж в массах Керенского и кадетов (связанных с Корниловым) резко упал. Правительство так и не смогло оправиться после этих событий и демонстрировало крайнюю беспомощность. Попытки укрепить власть с помощью созванного 14 сентября 1917 г. Демократического совещания оказались неудачными.

В то же время большевики, активно участвовавшие в антикорниловском выступлении, были как бы «реабилитированы» в глазах масс и быстро обретали популярность. Если до осени сохранялся примерный паритет численности меньшевиков и большевиков (примерно по 200 тыс.), то с этого времени рост меньшевиков прекратился, а РСДРП(б) быстро увеличивала свою численность. (По традиционным в советской историографии, возможно завышенным оценкам, она достигла 350 тыс. человек.) Началась «большевизация» Советов. Под контроль РСДРП(б) перешли Советы Петрограда, Москвы и ряда других городов. Стремительная радикализация масс объяснялась боязнью контрреволюции, окончательным разочарованием во Временном правительстве и усталостью от бесконечных обещаний меньшевиков и эсеров.

К осени 1917 г. в стране обозначился нараставший экономический и социальный кризис. Его причинами стали: всеобщее падение дисциплины, дезорганизация производства и транспорта, резкая эскалация социальных требований масс, сокращение рабочего дня (в среднем на час) — и все это в условиях продолжавшейся мировой войны. В результате стремительно росла инфляция (за год рубль обесценился в 7 раз), падала предпринимательская активность, снижался жизненный уровень населения. Только в первом полугодии 1917 г. было закрыто до 800 предприятий. За год производство продукции крупной промышленности сократилось более чем на 36%. Обострился дефицит товаров первой необходимости и особенно продовольствия в городах. Введение государственной монополии на хлеб и карточной системы не дало желаемых результатов, а попытка Временного правительства организовать реквизиции хлеба в деревне и вовсе провалилась из-за крайней слабости власти. Несмотря на наличие хлеба в деревне, на города надвигался голод. К осени 1917 г. хлебный паек в столицах был сокращен до полуфунта в день. Положение усугубляли развал железнодорожного транспорта, городской инфраструктуры, быстрый рост преступности и паралич правительственной власти.

«Лимит терпения» народа оказался исчерпан. В деревне начались массовые крестьянские волнения, грабежи и погромы имений, самовольные захваты земель. Накануне Октябрьской революции крестьяне взяли под свой контроль помещичьи земли примерно в 15% волостей. Стали быстро расти рабочие забастовки. В сентябре—октябре 1917 г. число бастовавших по сравнению с мартом—июнем этого года увеличилось почти в 8 раз — до 2,4 млн человек. Дезертирство фактически приобрело форму стихийной демобилизации армии. Все более усиливались сепаратистские настроения в национальных окраинах. Российское государство распадалось.

Нарастали усталость и апатия значительной части масс и интеллигенции, их самоустраненность от политики. В то же время молодая русская буржуазия была слаба, не пользовалась популярностью в народных массах и не смогла стать консолидирующей силой в борьбе с нараставшим кризисом и в восстановлении твердой государственной власти. Массовое сознание лишалось привычных ориентиров, люди испытывали все возраставшие растерянность и смятение.

Стремясь воспользоваться изменившейся обстановкой, Ленин предложил компромисс меньшевикам и эсерам — они порывают с кадетами и берут всю власть в свои руки, а большевики отказываются от немедленной социалистической революции. Но, видя их неготовность к этому (умеренные социалисты не доверяли большевикам), а главное — дальнейшую радикализацию масс и укрепление позиций своей партии, Ленин быстро меняет тактику. Уже 15 сентября 1917 г. он шлет в ЦК РСДРП(б) письма с требованием подготовки вооруженного восстания.

Однако большевистское руководство не согласилось с ним. Оно понимало, что партия еще недостаточно сильна и может победить только под флагом борьбы за власть Советов. Л. Д. Троцкий (вступивший в РСДРП(б) и ставший вторым после Ленина вождем большевиков) и другие партийцы предлагали ждать II съезд Советов. Они считали, что в случае передачи съездом власти Советам разгон Временного правительства станет легкой технической задачей. Кроме того, многие надеялись на то, что проходившее

в это время в Петрограде Демократическое совещание создаст коалиционное социалистическое правительство с участием большевиков. Шансы для этого, по-видимому, были. Но Демократическое совещание все же не смогло принять соответствующего решения.

Крушение надежд на Демократическое совещание и созданный им Предпарламент, а также настойчивость Ленина и его ультиматум ЦК изменили позицию большинства руководителей партии. 10, а затем 16 октября 1917 г. ЦК большевиков после острых дискуссий решил начать подготовку восстания. К тому времени Балтийский флот и солдаты Петроградского гарнизона, не говоря уже о Красной гвардии, вышли из-под контроля Временного правительства и фактически подчинялись Военно-революционному комитету — органу Петроградского Совета, возглавлявшемуся Троцким. ВРК, созданный формально для обороны города от немцев, фактически стал центром подготовки вооруженного восстания.

Толчком к восстанию послужила попытка Керенского **24 октября 1917 г.** нанести превентивный удар по большевикам (в частности, занять типографию их газеты «Рабочий путь»). Но войска Петроградского Военно-революционного комитета сами перешли в наступление и уже к утру 25 октября, почти не встречая сопротивления, захватили важнейшие объекты столицы. В ночь на 26-е после двух непродолжительных артиллерийско-ружейных обстрелов пал последний оплот Временного правительства — Зимний дворец. Большинство его защитников просто разбежалось.

Незадолго до этого — вечером **25 октября 1917 г.** *начал работу II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.* Поначалу настроение депутатов было неустойчивым, и съезд поддержал предложение Мартова о прекращении кровопролития и о начале переговоров с целью создания коалиционного общедемократического правительства. Но после известий о взятии Зимнего дворца и ухода со съезда большей части умеренных социалистов (не сумевших добиться осуждения большевиков) настроение делегатов изменилось. Съезд объявил о переходе власти к Советам и утвердил создание большевистского правительства — Совета

народных комиссаров во главе с Лениным. Были приняты представленный Лениным, но фактически позаимствованный у эсеров Декрет о земле, а также Декрет о мире, имевший главным образом пропагандистскую направленность.

К весне 1918 г. советская власть утвердилась на большей части России. Несмотря на кровавые бои в Москве и ряде других городов, в целом установление советской власти не встретило поначалу большого сопротивления.

Причины победы большевиков заключались не только в дискредитации Временного правительства, за которое уже мало кто хотел сражаться. Как и в дни Февральской революции, подавляющая часть населения страны, для которого верховная власть была традиционно чужда и далека, проявила апатию, игнорируя политические бури до тех пор, пока они не врывались в их дом (после этого люди «просыпались», но, как правило, оказывалось уже поздно). Немаловажным фактором послужило и то, что основные лозунги Октябрьской революции были поначалу не столько социалистическими, сколько радикально-демократическими (земля, мир, власть Советам, рабочий контроль на предприятиях) и потому объединили представителей и рабочих, и солдат, и крестьян, причем не только беднейших.

Причины Октябрьской революции коренились в остроте социального кризиса, нараставшего после Февральской революции, и в незавершенности капиталистической модернизации России. В стране еще оставались многочисленные пережитки традиционного общества (феодализма). В деревне господствовала не частная, а общинная собственность на землю, 31% рабочих имели землю и сохраняли тесные связи с деревней. Гражданское общество не было сформировано. В массовом сознании были сильны стереотипы общинной уравнительности, коллективизма, радикализма, а также неприятия и даже ненависти к «барам», т. е. к богатым и образованным слоям населения. «Зажатый» между самодержавием и мощным революционным движением российский либерализм мог добиться каких-то успехов лишь при поддержке — прямой или косвенной — одной из этих сил. Деградация

монархии и трагический просчет либералов, добивавшихся в 1915—1916 гг. в критических условиях войны создания правительства «общественного доверия» за счет дискредитации существовавшего, а затем и поддержка Февральской революции способствовали ликвидации монархии и разгрому правых сил. Падение монархии, структурировавшей российское государство и общество, а также продолжавшаяся мировая война оставляли мало шансов на установление в России стабильного демократического режима и во многом предопределили дальнейший рост революционной стихии.

Начавшийся после Февраля раскол властных структур затруднил создание твердой государственной власти. Вынужденный союз кадетов с умеренными социалистами не позволил ни быстро реформировать страну, ни решительно бороться с революционной стихией. В то же время меньшевики и эсеры, чувствуя свою слабость, неподготовленность к самостоятельному лидерству (в частности, из-за опасения контрреволюции, с одной стороны, и большевистской угрозы — с другой), испытывали, по выражению Чернова, «властебоязнь» и не решились на разрыв коалиции с кадетами.

Большевики же сумели не только отразить, но и «простимулировать» — с помощью своей пропаганды — настроения масс. Они решительно «оседлали» нараставшую революционно-анархическую стихию и использовали огромный заряд социальной ненависти, нетерпения, жажды уравнительной справедливости для прихода к власти и осуществления своей идеологической доктрины.

■ **Гражданская война.** В советской историографии, стремившейся разграничить, разъединить Октябрьскую революцию и Гражданскую войну и тем самым снять с большевиков ответственность за небывалое братоубийство, начало Гражданской войны датировалось весной—летом 1918 г. Это объяснялось тем, что именно с этого времени вооруженная борьба приняла едва ли не повсеместный и крайне ожесточенный характер. Однако даже сам Ленин поначалу отождествлял Октябрьский переворот с началом Гражданской

войны. В начале 1918 г. на III съезде Советов в ответ на обвинения в Гражданской войне он заявил: «Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров».

В настоящее время все большее число исследователей признают, что *Гражданская война началась с большевистского переворота в Петрограде 24 октября 1917 г.* Но до весны 1918 г. военные действия на территории собственно России носили в основном очаговый, локальный характер. Вооруженные столкновения наблюдались под Петроградом (где воевал П. Н. Краснов), на Южном Урале (А. И. Дутов), на Дону (А. М. Каледин и Л. Г. Корнилов) и т. д. В целом же свергнутому Временному правительству и иным формировавшимся контрреволюционным силам не сочувствовали поначалу не только рабочие, но и крестьяне, казаки. Даже офицерство не проявляло большой активности: из 250 тыс. российских офицеров в вооруженную борьбу против советской власти в первые месяцы ее существования вступило не более 3%.

Из пробиравшихся на Дон немногочисленных антибольшевистски настроенных офицеров генерал М. В. Алексеев начал формировать в Новочеркасске Добровольческую армию. 25 декабря во главе нее встал Л. Г. Корнилов. В январе 1918 г. под натиском войск красных она вынуждена была отойти на Кубань, страдая от холода, недостатка боеприпасов и враждебности населения (Ледяной поход). В апреле 1918 г., после смерти Корнилова в бою под Екатеринодаром, Добрармию возглавил А. И. Деникин.

С **весны 1918 г.** под влиянием обострившейся ситуации в стране и жесткой политики большевиков (введения продовольственной диктатуры, развертывания массового террора и формирования однопартийного режима) против них стали подниматься широкие слои населения и *Гражданская война приобрела глобальный характер.* В апреле 1918 г. в ходе восстания части донских казаков в районе Новочеркасска формируется Донская армия (17 тыс. человек — в мае, 40 тыс. — в июне 1918 г.), которую возглавил П. Н. Краснов. 25 мая 1918 г. восстал 40-тысячный чехословацкий корпус, эшелоны кото-

рого растянулись от Пензы до Владивостока (см. главу 21). В результате уже летом 1918 г. при поддержке эсеровских и белогвардейских отрядов советская власть от Волги до Тихого океана была свергнута. В августе Добровольческая армия овладела Екатеринодаром. Под контролем большевиков остались лишь центральные районы России, где проживало 40% населения.

Поначалу развертывание контрреволюционных сил сдерживалось даже не столько нехваткой людей, готовых сражаться с большевиками, сколько недостаточным политическим обеспечением, отсутствием мощных и популярных в массах правых, антибольшевистских партий. Ни кадеты, ни различные монархические организации не пользовались широкой поддержкой в народе. Однако после разгона Учредительного собрания и заключения Брестского мира на роль ведущей и консолидирующей антибольшевистской политической силы выдвинулись умеренные социалисты. Меньшевики занялись преимущественно пропагандистско-организационной работой среди рабочих. Главной ударной силой стали эсеры. В Поволжье, на Урале и Сибири с мая 1918 г. создаются эсеровские по преимуществу правительства, действовавшие под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию!» и развернувшие вооруженную борьбу против большевиков. В Самаре был создан «Комитет членов Учредительного собрания» (Комуч), в Екатеринбурге — Уральское областное правительство, в Томске — Временное Сибирское правительство и т. д. В конце сентября в Уфе была образована эсеровско-кадетская Директория, объявившая себя всероссийской властью. В октябре под натиском Красной армии она переехала в Омск.

Таким образом, весной—летом 1918 г. основной антибольшевистской силой стала «демократическая контрреволюция», т. е. правительства из умеренных социалистов. Главные события разворачивались на востоке и юге России.

С осени 1918 г. ситуация изменилась. Началась широкая интервенция в Советскую Россию стран Антанты (см. главу 21). Внутри страны набирало силу Белое движение. По мере развертывания глобальной

Гражданской войны и поляризации политических сил социалисты все более не устраивали белое офицерство. 18 ноября 1918 г. в Омске группой офицеров Директория была свергнута. Верховным правителем стал адмирал А. В. Колчак. Против эсеров, других социалистов начались репрессии. В Сибири, а затем на юге (8 января 1919 г. Главнокомандующим силами Юга России был провозглашен А. И. Деникин) были установлены военные диктатуры. Кроме того, в августе 1918 г. Временное управление (затем правительство) Северной области было создано в Архангельске. Главой его стал бывший народник Н. В. Чайковский, а затем генерал Е. К. Миллер. В августе 1919 г. при генерале Н. Н. Юдениче в Таллине было создано Северо-Западное правительство, а в апреле 1920 г. в Севастополе — правительство Юга России. Его возглавил барон П. Н. Врангель.

Важнейшим лозунгом Белого движения стала борьба против большевиков за спасение единой и неделимой России. Не выступая в целом за реставрацию царских порядков (хотя среди офицеров эти настроения были сильны), лидеры Белого движения признавали Февральскую революцию и выдвинули лозунг «непредрешения» будущего общественного строя России, который должно было определить новое Учредительное собрание или Земский собор. Признавая необходимость решения аграрного, рабочего, национального вопросов, белые правительства пытались разрабатывать компромиссные законопроекты. Но они так и не смогли выработать четкой позиции по этим и другим острейшим проблемам, волновавшим массы. (Исключением стало лишь правительство Врангеля, но к тому времени исход Гражданской войны был уже предрешен.)

Осенью 1918 г. положение оказавшейся в кольце фронтов Советской России стало критическим. Особенно тяжелая ситуация создалась на Востоке. Напрягая все силы, проводя почти непрерывные мобилизации, советская республика сумела выстоять и отбить натиск неприятеля. В сентябре 1918 г. Восточный фронт красных под руководством С. С. Каменева (бывшего полковника царской армии) перешел в наступление и занял Казань, Симбирск и ряд

других городов Поволжья и Приуралья. В ноябре—декабре 1918 г. белые перешли в контрнаступление и захватили Пермь. Но развить успех не удалось. В декабре 1918 г. Красная армия вновь перешла в наступление и захватила Уфу, Оренбург и другие уральские города.

Тем временем на юге красные продолжали терпеть поражения. Однако Краснову так и не удалось захватить Царицын, а в январе 1919 г. войска Южного фронта красных под командованием В. М. Гиттиса нанесли поражение Донской армии. Украинский фронт (В. А. Антонов-Овсеенко) разгромил войска Директории и занял Левобережную Украину.

Ход военных действий радикально изменило начавшееся в марте 1919 г. наступление Колчака на Восточном фронте. Были заняты Уфа, Воткинск, Ижевск и другие города, белые подходили к Волге. Ленин объявил, что на Восточном фронте решается судьба революции. Начались новые мобилизации, против Колчака были брошены все силы, и это дало результат. Уже в конце апреля 1919 г. войска под командованием С. С. Каменева, а затем М. В. Фрунзе перешли в наступление. Колчак был отброшен за Урал и к началу 1920 г. окончательно разгромлен.

Между тем с весны 1919 г. изменилась ситуация и на Юге России. Под влиянием репрессивной политики большевиков начались восстания на Дону и на Украине. Воспользовавшись этим, Деникин в мае 1919 г. начал наступление и занял Луганск, Харьков, Царицын. Контрнаступление красных в августе 1919 г. захлебнулось, чему помог глубокий рейд казачьего корпуса К. К. Мамонтова по тылам противника. Заняв Николаев, Одессу, Киев, белые развернули наступление на Москву. В сентябре — первой половине октября 1919 г. они захватили Курск, Воронеж, Орел и подходили к Туле.

Острейшая ситуация сложилась и под Петроградом. Генерал Н. Н. Юденич в мае—июне 1919 г. развернул наступление на «колыбель революции», на фортах Красная Горка, Серая Лошадь, Обручев вспыхнули восстания. Остановить Юденича удалось

с величайшим трудом. Но в октябре 1919 г. его войска вновь подошли к городу. Положение Петрограда, да и в целом Советской России казалось безнадежным. Большевистское руководство готовилось к уходу в подполье.

Однако сил для завершающего удара у белых не хватало. К тому же в тылу у них, особенно на Украине, начались восстания. Большевики же, проводя все новые мобилизации и перебрасывая войска на наиболее угрожающие участки фронта, смогли создать перевес сил. В конце октября 1919 г. они начали успешное наступление под Петроградом, остатки войск Юденича отступили на территорию Эстонии. В середине октября 1919 г. Красная армия разгромила противника под Орлом и Воронежем, а затем начала общее наступление на Юге России. В марте 1920 г. войска Деникина были окончательно разгромлены и в панике эвакуировались из Новороссийска. Часть их оказалась в Крыму, где генерал Врангель сумел создать из осколков различных частей небольшую, но боеспособную Русскую армию. Таким образом, в 1919 г. в ходе ожесточенных, кровопролитных боев Красная армия разгромила основные антибольшевистские формирования.

Весной 1920 г. разгорелась война с Польшей (см. главу 21). Воспользовавшись этим, Врангель занял часть Южной Украины. Однако в конце октября 1920 г., после завершения войны с Польшей, войска Южного фронта под командованием Фрунзе перешли в наступление. Штурмом, ценой огромных потерь они овладели укрепленным Перекопским перешейком, Чонгарским полуостровом и в ноябре 1920 г. заняли весь Крым. Последний оплот Белого движения в Европейской России был разгромлен. Весной 1920 г. Красная армия заняла Азербайджан, осенью — Среднюю Азию, в конце 1920 г. — Армению, зимой—весной 1921 г. — Грузию. Таким образом, *к концу 1920 г. Гражданская война на основной территории России закончилась. На Дальнем Востоке она продолжалась до 1922 г.*

Гражданская война принесла России неисчислимые несчастья и разорение. С осени 1917 по 1922 г. потери населения составили от 12,7 до 15 млн чело-

век. Таким образом, в результате военных действий, репрессий, разрухи, голода и связанных с этим эпидемий почти каждый десятый житель России погиб или в лучшем случае эмигрировал за границу (число эмигрантов составляло около 2 млн человек).

В чем же заключались причины победы красных в Гражданской войне? В силу незавершенности капиталистической модернизации России отечественная буржуазия была слаба и не смогла возглавить и объединить антибольшевистские силы. В результате они оставались раздробленными (белые, умеренные социалисты, зеленые, «националы» и т. д.). Даже в самом Белом движении не было единства. Хотя белые правительства признали верховенство Колчака, между их лидерами сохранялись несогласованность действий и внутренний антагонизм (Колчак — чехословаки, забайкальский атаман генерал Г. М. Семенов; Деникин — Краснов и т. д.). Более того, из-за недостатка «политического обеспечения» белые не смогли выработать четкой и привлекательной для народа программы, их объединяла негативная цель — борьба с большевиками. Между тем роль позитивных лозунгов, идеологии в сплочении и мобилизации масс в Гражданской войне была велика. «Военизированные» белые в отличие от «политизированных» красных не смогли использовать эту козырную карту. Лишенные четкого идейного «стержня», белые теряли популярность, а в какой-то мере даже морально перерождались. «Начатое почти святым», оно попало в руки «почти бандитов», — с горечью писал о Белом движении один из его идеологов В. В. Шульгин.

Основная часть населения России не жаловала ни белых, ни красных. С весны 1918 г. чуть ли не по всей Советской России периодически шли выступления крестьян и рабочих. Белых поэтому чаще всего встречали с надеждой, но вскоре, особенно после развертывания «реквизиций» и мобилизаций в армию, и против них начинались восстания. В целом поставленные Гражданской войной перед суровым выбором рабочие и отчасти крестьяне после колебаний склонялись все же к большевикам. Белые в глазах народа олицетворяли царские порядки, ненавистных «бар». Красные же,

считали они, дали землю, воюют против прежних порядков, против «бар» и «буржуев», обещают невиданное «царство социализма».

Поддержка большевиков была ограниченной и условной. Среди крестьян, а во многом и среди рабочих, едва ли не повсеместно наблюдались настойчивые попытки поисков «третьего пути». Они проявлялись в массовом дезертирстве из обеих враждующих армий, в махновщине, в движении зеленых, в восстаниях против большевиков и белых. «Свой путь» по-прежнему искали меньшевики и эсеры, отказавшиеся от вооруженной борьбы с большевиками и не желавшие поддерживать белых. Раскол общества, ожесточенность глобального конфликта обрекали эти попытки на трагический исход.

Красные, в отличие от белых и «демократической контрреволюции», смогли создать огромный госаппарат. Благодаря этому они могли лучше концентрировать ресурсы, эффективнее подавлять оппозицию и проводить массовые мобилизации в армию. Это позволило им, несмотря на огромное дезертирство, увеличить численность Красной армии с 0,3 млн весной 1918 г. до 1,6 млн в начале 1919 г. и 5,4 млн в конце 1920 г. Для сравнения: у Колчака было 400 тыс. человек, у Деникина — более 160 тыс., у Юденича — до 20 тыс.

Важными факторами, способствовавшими победе большевиков, явилась их гибкая национальная политика и противоречия белых с национальным движением, с так называемыми лимитрофными государствами, возникшими на развалинах Российской империи, а также запаздывание и неэффективность военной интервенции Антанты в Советскую Россию (см. главу 21).

Беспрецедентным нажимом, ценой колоссальных жертв и разорения страны большевикам удалось «отвоевать» Россию и направить ее по социалистическому пути. Победа в Гражданской войне как бы легитимизировала советскую власть и представляемый ею вариант развития страны. Дорога для невиданного в истории социального эксперимента, начатого в Октябре 1917 г., была расчищена.

Глава 18

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: ФОРМИРОВАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И КРУШЕНИЕ

■ **Становление большевистской диктатуры.** Первоочередными задачами большевиков после прихода к власти стали разрушение прежних общественных структур, создание Советского государства и укрепление собственной власти в стране. Высшим органом государственной власти считался съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (с 1918 г., после объединения Советов, — рабочих, солдатских и крестьянских депутатов), а в перерывах между съездами — Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), возглавлявшийся поначалу Л. Б. Каменевым, а с 8 ноября 1917 г. — Я. М. Свердловым. Но фактическая власть концентрировалась в ленинском правительстве — Совнаркоме, который соединял в себе и исполнительные, и законодательные функции. Уже с весны 1918 г. нити управления стали переходить от Советов непосредственно к партии большевиков. Но в первые месяцы после Октябрьской революции власть большевиков была еще очень слаба.

В ожидании близкой, как им казалось, мировой революции большевики сделали ставку на революционизированные массы. Чтобы заручиться поддержкой трудящихся иных национальностей, была принята «Декларация прав народов России», провозгласившая право народов на самоопределение вплоть до создания самостоятельных государств. Было принято множество декретов общедемократического и социально-экономического характера, призванных расширить социальную базу новой власти (см. главы 19, 20). Поначалу это в целом себя оправдывало. Империя окончательно развалилась. На местах Советы брали власть в свои руки. Фабзавкомы и профсоюзы устанавливали рабочий контроль на предприятиях. Крестьяне делили помещичьи земли. Старая армия стихийно, а затем и целенаправленно демобилизовывалась. Опорой большевиков стали добровольческая Красная гвардия, революционные отряды матросов и солдат. Развернувшаяся с 26 октября 1917 г. всеобщая забастов-

ка государственных служащих, многих отрядов интеллигенции, поставившая страну перед угрозой паралича власти, к весне 1918 г. была преодолена революционным натиском и репрессиями.

27 октября 1917 г. по инициативе Ленина был принят декрет о печати, положивший начало удушению оппозиционной прессы, и уже в первые два месяца было закрыто до 150 газет. 28 ноября СНК объявил кадетов «партией врагов народа» и потребовал ареста их лидеров как «вождей гражданской войны». Борьба с оппозицией способствовала становлению советского репрессивного аппарата.

28 октября 1917 г. было положено начало созданию рабоче-крестьянской милиции. Поначалу постоянную милицию, как и постоянную армию, большевики предполагали заменить всеобщим вооружением народа. Жизнь показала утопичность этих планов. Уже с лета 1918 г. советская милиция перешла на постоянную, кадровую основу. В ноябре 1917 г. была ликвидирована прежняя судебная система, прокуратура, адвокатура и следственный аппарат. Вместо этого стали создаваться народные суды (в ведение которых перешли общеуголовные дела) и ревтрибуналы, ведавшие борьбой с контрреволюцией. Советским судам разрешалось пользоваться старыми законами, если они «не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». По сути же именно «революционное правосознание» и стало основой новой судебно-репрессивной системы. Вскоре функциями внесудебной расправы было наделено множество различных органов. 7 декабря 1917 г. при Совнаркоме была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), которую возглавил Ф. Э. Дзержинский. Ее численность и полномочия стремительно росли. У нее были свои войсковые части, сеть губернских и уездных «чрезвычаек» покрыла всю Советскую Россию. С февраля 1918 г. ВЧК получает право расстрелов и вскоре становится ключевым органом большевиков по борьбе с противниками и недовольными их властью, который своей беспощадностью и масштабом репрессий наводит ужас на всю Россию.

Между тем в 1917 г. неустойчивость власти большевиков заставила их не только бороться с социалистическими партиями, но и пытаться искать среди них союзников. Умеренные социалисты осудили большевиков и Октябрьский переворот. Их настроения выразил Г. В. Плеханов в «Открытом письме к петроградским рабочим». В нем он страстно убеждал, что российский рабочий класс «...еще далеко не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть — значит толкать его на пути величайшего исторического несчастья, которое было бы... величайшим несчастьем и для всей России». 29 октября Исполком профсоюза железнодорожников под угрозой всеобщей забастовки потребовал прекратить военные действия (26—31 октября Керенский с малочисленными силами под руководством генерала Краснова пытался овладеть Петроградом). Переговоры начались. Однако правые меньшевики и эсеры поначалу рассматривали их скорее как средство дезавуировать большевистскую победу. Для Ленина же, наоборот, переговоры были только «прикрытием военных действий».

Тем не менее большинство членов ЦК РСДРП(б) выступило за создание коалиции с умеренными социалистами. Искренне желали соглашения с большевиками левые эсеры, меньшевики-интернационалисты. Но после разгрома войск Краснова по инициативе Ленина переговоры были прекращены. В знак протеста многие видные большевики (Л. Б. Каменев, А. И. Рыков, В. П. Ногин, В. П. Милютин и др.) вышли из состава ЦК и Совнаркома.

Этот внутриполитический кризис был ликвидирован после того, как в середине ноября была достигнута договоренность о создании *коалиции с левыми эсерами* и 9 декабря 1917 г. 6 левых эсеров вошли в состав СНК. Эта первая и последняя советская правительственная коалиция помогла укрепить большевистский режим.

Важной проблемой для большевиков стала выработка политики по отношению к Учредительному собранию. Еще с конца XIX в. для политизированной интеллигенции и части масс Учредительное собрание превратилось в заветную цель, с которой связывались

надежды на справедливое и радикальное решение всех принципиальных политических и социально-экономических проблем. Эти ожидания, особенно возросшие после Февральской революции, отразились и в декретах II съезда Советов. Согласно этим декретам, именно Учредительное собрание должно было окончательно решить аграрный вопрос и создать постоянные органы власти. Большевистский Совнарком официально считался временным — до созыва Учредительного собрания — правительством.

Сразу после прихода к власти большевики, чувствуя шаткость своего положения, не осмелились перенести или отменить созыв Учредительного собрания. В результате первых за всю историю России всеобщих свободных выборов 4/5 всех голосов было подано за различные социалистические партии. Больше всех — 39,5% голосов получили эсеры, большевики набрали 22,5%, меньшевики — 3,2%, кадеты — 4,5% и т. д. Таким образом, в стране появился невиданный в истории социалистический парламент. Но большевики, которые к этому времени в основном контролировали ситуацию в стране, не собирались отдавать власть и отказываться от курса на мировую революцию и диктатуру пролетариата.

Учредительное собрание открылось **5 января 1918 г.** и проходило в чрезвычайной обстановке. Таврический дворец, где оно заседало, не только был плотно окружен войсками, но и заполнен матросами и солдатами, не скрывавшими своих большевистских симпатий. Попытки лидеров меньшевиков и эсеров умерить радикализм большевиков и найти какие-то компромиссные решения успехом не увенчались. Воспользовавшись отказом большинства Учредительного собрания обсуждать ультимативно составленную Лениным «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», большевики (а через некоторое время и левые эсеры) покинули Таврический дворец. Оставшиеся делегаты под утро были выставлены из него вооруженным караулом. III Всероссийский съезд Советов, проходивший 10—18 января 1918 г., одобрил разгон Учредительного собрания, принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которая провозгласила в России Республику Советов,

признала ее федеративный характер и законодательно утвердила задачу построения в стране социализма. Советы рабочих и солдатских депутатов были объединены с Советами крестьянских депутатов (которые до этого в целом сохраняли самостоятельность и не контролировались большевиками).

Хотя массовых выступлений в защиту Учредительного собрания по стране оказалось сравнительно немного, его роспуск не только углубил политическую конфронтацию, но и дал лозунг, консолидирующий антибольшевистские силы. Расстрелы массовых демонстраций в защиту Учредительного собрания в Петрограде, Москве и некоторых других городах стали одним из первых проявлений большевистских репрессий против широких масс.

Октябрьская революция и политика большевиков способствовали быстрому обострению экономического и социального кризиса. Зимой—весной 1918 г. в городах Советской России продовольственные трудности переросли в настоящий голод (см. главы 19, 20). В результате не только средние городские слои, но даже рабочие стали выражать все большее недовольство большевиками. При перевыборах Советов, несмотря на чинимые властями препятствия, во многих городах укрепляли свои позиции или побеждали меньшевики и эсеры. На предприятиях Петрограда, Москвы, Тулы, Харькова и других городов создаются «Собрания уполномоченных от фабрик и заводов» — рабочие органы, стремившиеся стать альтернативой большевистским Советам.

В этих условиях Ленин пытается скорректировать тактику. «Главным врагом социализма» он называет не ослабленную буржуазию, а «мелкобуржуазную стихию» (т. е. крестьян и мелких торговцев), поскольку она подрывала хлебную монополию государства. В **мае 1918 г.** *большевики ввели продовольственную диктатуру*, в июне создали в деревне комитеты бедноты (см. главу 19). Однако военно-политический нажим на крестьянство, внесение раскола в его среду (так называемые социалистические преобразования в деревне) вызвали невиданную волну крестьянских восстаний, создав тем самым массовую базу для контрреволюции. Усиление централизации власти

привело к снижению роли Советов, а нередко даже к вооруженному разгону тех Советов, в которых побеждали меньшевики и эсеры. Репрессиям подверглись и Советы уполномоченных.

По существу, большевики взяли курс на развертывание массового террора. Уже в феврале 1918 г. вводится смертная казнь (отмененная II съездом Советов). С весны 1918 г. она начинает активно применяться по отношению не только к участникам вооруженного сопротивления большевикам, политическим противникам, но и к широким массам. Создаются концлагеря, вводится система заложничества. Ленин требует от большевиков всячески «поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров». По мере дальнейшего обострения обстановки и развертывания Гражданской войны репрессии приобретали все больший размах. Принятая **10 июля 1918 г.** *советская Конституция* лишила избирательных прав всех «эксплуататоров» и провозгласила широкие права для «трудящихся». Однако эти права были неравными для рабочих и крестьян (при выборах в Советы один голос рабочего приравнивался к пяти голосам крестьян), а главное, они представляли собой лишь декларации. Фактически первая советская Конституция имела главным образом пропагандистское значение, маскируя формирование однопартийной диктатуры и развертывание массового террора.

В ответ на покушение на жизнь Ленина и убийство руководителя петроградской ЧК М. С. Урицкого **5 сентября 1918 г.** Совнарком официально ввел *политику красного террора*. Этот невиданный по своим масштабам террор был построен по классовому принципу и предусматривал взятие заложников и расстрел всех лиц, «прикосновенных к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», а на деле — просто «подвернувшихся под руку» представителей «чуждых» социальных слоев (буржуазии, царских офицеров, чиновников, интеллигенции и т. д.). Крестьяне, а нередко и рабочие, осмеливавшиеся высказывать недовольство советской властью, тоже становились жертвами террора. В Советской России начались массовые расстрелы. Численность

ВЧК стремительно возрастала и к началу 1920-х гг. превышала 100 тыс. человек.

Красный террор, начавшийся фактически весной 1918 г. и приобретший особый размах осенью этого года, продолжался всю Гражданскую войну. Точное число его жертв неизвестно.

Даже по явно неполным, отрывочным данным ВЧК, только в 1918 г. чекистами было расстреляно 7,1 тыс. человек, арестовано — 57 тыс. Согласно приблизительным, возможно, преувеличенным оценкам специальной комиссии Деникина, общее число жертв большевистского террора в 1918—1919 гг. достигало 1,7 млн человек. Некоторые современные историки оценивают совокупное число жертв красного, белого и прочего террора, а также бандитизма в 1918—1920 гг. в 1,3 млн человек.

Параллельно с нараставшей централизацией и развертыванием массового террора шло формирование однопартийной диктатуры. Заключение в марте 1918 г. сепаратного Брестского мира (см. главу 21) еще более отдалило большевиков от всех остальных политических сил страны и повлекло за собой выход левых эсеров из Совнаркома, т. е. разрушение правительственной коалиции. 14 июня 1918 г. большевики исключили из Советов меньшевиков, т. е. эсеров. (Отмена этих решений — в отношении меньшевиков 30 ноября 1918 г., а эсеров — 26 февраля 1919 г. принципиальных изменений в сложившийся, по существу, однопартийный режим не внесла.) Единственной, кроме большевиков, крупной партией, легально действовавшей в Советской России до начала июля 1918 г., оставались левые эсеры. Они продолжали работать в Советах и сохраняли влияние на часть крестьянских и рабочих масс.

Однако последствия Брестского мира, политика большевиков по отношению к деревне и курс на централизацию власти, уничтожение оппозиции вызывали все большее недовольство левых эсеров. Сами большевики, значительно укрепив свои позиции, все больше тяготились своими партнерами. В этих усло-

виях 6 июля 1918 г. левыми эсерами был убит немецкий посол Мирбах и в ответ на действия Дзержинского по поимке преступников вспыхнул «мятеж» левых эсеров. Их выступление ставило целью не свержение советской власти, а лишь разрыв Брестского мира и начало революционной войны с Германией, что, по их мысли, должно было изменить не только внешнюю, но и внутреннюю политику. Неорганизованные и пассивные действия левых эсеров предопределили их поражение. Большевики же воспользовались этим выступлением для разгрома своих недавних союзников и утверждения однопартийной диктатуры. Они почти полностью монополизировали Советы, верхний слой госаппарата. Это позволило им еще более увеличить репрессии и радикализировать свою социально-экономическую политику.

Партия большевиков, переименованная в марте 1918 г. из РСДРП(б) в Российскую коммунистическую партию — РКП(б), выросла примерно со 150 тыс. летом 1918 г. до 730 тыс. к началу 1921 г. Была создана разветвленная сеть партийных органов: *губкомы* — в губерниях, *укомы* — в уездах, *волкомы* — в волостях. На предприятиях, в учреждениях, воинских частях, а порой и в деревнях создавались партийные ячейки. В 1919 г. оформилась структура ее высших органов в виде Центрального Комитета, который, в свою очередь, избирал Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Несмотря на создание независимых советских республик, партия по-прежнему была построена по унитарному принципу: все местные и национальные ее организации были жестко подчинены ЦК. Внутрипартийная демократия быстро свертывалась, шла «милитаризация» партийной жизни. Существенно изменился состав партии. 70% коммунистов вступили в нее в 1919—1920 гг., а доля партийцев с дореволюционным стажем сократилась до 10%.

Партийное руководство (ЦК, Политбюро, Оргбюро, Центральный и местные комитеты) ведало подбором, расстановкой партийных, советских и военных работников. Проводниками политики партии были государственные и военные ведомства, Советы, профсоюзы (небольшевистские профсоюзы были ликвидированы, а членство в большевистских с 1919 г. ста-

новилось обязательным для рабочих и служащих), созданный в 1918 г. комсомол и т. д. Большевистская партия окончательно слилась с госаппаратом. В 1920 г., согласно сведениям, собранным к IX съезду РКП(б), 53% большевиков являлись служащими, на фабриках и заводах работало лишь 11% коммунистов.

Таким образом, первоначальные заявления большевиков о стремлении к демократии «для трудящихся» остались декларациями. Напротив, их политика привела к свертыванию всякой демократии, в том числе и советской, *формированию однопартийной диктатуры и бюрократической системы, гораздо более мощной, чем в царской России.*

■ **«Крестьянский Брест».** После окончания Гражданской войны в Европейской России большевики неожиданно для себя столкнулись с резким обострением внутриполитической обстановки. С небывалой силой заполыхали крестьянские восстания, поднялась волна рабочих забастовок. Уже с августа 1920 г. в Тамбовской и Воронежской губерниях разгоралось мощное крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова. Против восставших было брошено 100 тыс. красноармейцев, бронеотряды и бронепоезда. Армия и ВЧК широко использовали взятие и казни заложников, за укрывательство, помощь восставшим и хранение оружия применялись расстрелы на месте, порой сжигались целые деревни. Однако несмотря на все это, восстание продолжалось до лета 1922 г. Повстанческими движениями были охвачены Дон, Северный Кавказ и Украина, где против большевиков долгое время вели вооруженную борьбу не только множество небольших отрядов, но и крупные соединения под руководством Нестора Махно. В начале 1921 г. вспыхнуло мощное восстание в Западной Сибири. Оно охватило огромную территорию и прервало железнодорожное сообщение по Транссибирской магистрали.

В феврале 1921 г. демонстрации и забастовки потрясли Петроград. В городе было введено военное положение. В конце февраля — начале марта начались волнения на кораблях Балтийского флота и в Кронштадте. Революционные матросы и солдаты протесто-

вали против крайностей большевистской диктатуры и требовали свободного переизбрания Советов, амнистии и демократических прав для представителей социалистических партий и трудящихся, а для крестьян — свободы распоряжаться плодами своего труда. Большевики расценили эти требования (созвучные их же собственным лозунгам периода Октябрьской революции) как покушение на свою власть и после кровавого штурма беспощадно подавили выступление кронштадтцев.

Небывалые по своей массовости выступления крестьян, рабочих и солдат поставили большевистский режим на грань гибели и заставили его отойти от сверхрадикальной политики военного коммунизма, направленной на непосредственное введение социализма (см. главу 19). Ленин вынужден был сделать вывод: «Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах». В **марте 1921 г.** на X съезде РКП(б) было решено отказаться от ненавистной крестьянам продразверстки. Начался *переход к новой экономической политике.* В результате целого ряда реформ большевики допустили в экономику рыночные отношения и раскрепостили (в строго определенных пределах, под контролем государства) частную инициативу, предпринимательство. Это дало блестящие результаты. Уже в конце 20-х гг. экономика СССР была в основном восстановлена. Однако в политической сфере наблюдались иные тенденции.

После перехода к нэпу был отменен ряд чрезвычайных мер периода военного коммунизма. В крупных центрах и в большинстве городов и сельских районов, не охваченных восстаниями, прекратился массовый террор. В 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД, ее полномочия и штаты урезаны, она была лишена права расстрелов. Судебная реформа 1922 г. ликвидировала ревтрибуналы, возродила адвокатуру и прокуратуру, запретила Советам сменять судей без санкции Наркомата юстиции. Были приняты первые советские кодексы: Уголовный, Уголовно-процессуальный, Земельный, Гражданский, Трудовсй. Декрет 1923 г. отменил ранее введенные трудовые книжки и паспорта: граждане могли по желанию по-

лучать удостоверения личности. В 1921 г. появились частные издательства. Однако принципиальных изменений в политической системе все же не произошло. Это было связано с тем, что большевики боялись потерять с таким трудом завоеванную власть.

Большевики восприняли нэп как тяжелое поражение, как «крестьянский Брест». Тем не менее вскоре партийные теоретики стали рассматривать нэп как своеобразный, уже не прямой и гораздо более медленный, чем военный коммунизм, но тоже путь строительства социализма. Он предусматривал временное сосуществование социалистического и несоциалистического укладов и постепенное вытеснение последнего с помощью советского государства и «командных высот в экономике» (т. е. оставшихся в руках государства крупной и отчасти средней промышленности, железнодорожного транспорта и монополии на внешнюю торговлю).

Признав недостаточность предпосылок социализма в России (о чем еще с 1917 г. говорили умеренные социалисты), Ленин тем не менее полагал, что, опираясь на государство, можно постепенно социализм построить. Это, в свою очередь, предполагало всяческое укрепление большевистской партии и ее монополии на власть. Поэтому Ленин не согласился с мерами по некоторой политической либерализации режима, которые предлагались различными политическими силами и даже отдельными большевиками. Более того, вскоре после кронштадтских событий по инициативе Ленина был взят курс на дальнейшее ужесточение репрессий против политической оппозиции, а осенью–зимой 1921–1922 гг. и на окончательное уничтожение небольшевистских партий и организаций – меньшевиков, эсеров, анархистов и т. д. С помощью повальных арестов, высылок за границу, чекистских провокаций и фальсифицированного процесса над эсерами 1922 г. большевики уже *к середине 20-х гг. смогли в основном уничтожить остатки многопартийности.* Кроме того, уже с 1922 г. стал ужесточаться контроль над интеллигенцией, начались массовые репрессии против Русской православной церкви, и вскоре она тоже была поставлена под контроль большевистских властей (см. главу 22).

Неудивительно, что сразу же после создания ГПУ его права начали расширяться. В 1923 г. оно было преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. К 1924 г. даже без учета погранвойск, конвойных и территориальных частей в нем насчитывалось 22 тыс. человек. ОГПУ располагало своими тюрьмами, изоляторами и концентрационными лагерями особого назначения. Оно получило право административных ссылок и заключения. Помимо непосредственной борьбы с противниками режима, ОГПУ создало мощную систему политического контроля за населением. Ее составляла широкая сеть осведомителей (в 1924 г. местные органы имели 28 тыс. добровольных и 10 тыс. платных секретных осведомителей) и невиданная по размаху перлюстрация (только за год, с октября 1923 г. в СССР было «просмотрено по содержанию» более 5 млн писем и 8,6 млн телеграмм). На основании секретных сводок Информационный отдел ОГПУ готовил месячный обзор «Политсостояние СССР», а также тематические обзоры о настроениях интеллигенции, состоянии промышленности и деревни, ситуации в армии и т. д. Чекисты брали на учет бывших и действительных членов всех партий, кроме большевистской, а также исключенных из РКП(б), сражавшихся в Гражданскую войну против советской власти, иностранцев, «классово чуждые» элементы, включая бывших чиновников, интеллигенцию и священнослужителей, просто «неблагонадежных».

Иностранцы называли СССР 1920-х гг. «страной нэпа и чека». В такой обстановке попытка «оживления Советов», предпринятая большевиками в начале 1920-х гг., провалилась. Советы по-прежнему не располагали ни реальными полномочиями, ни финансовыми возможностями и служили лишь ширмой для партийной власти. Число лиц, лишенных избирательных прав, только в 1926—1927 гг. выросло с 4,5% до 7,7% (на селе — с 1,1% до 3,3%).

Отныне политические баталии могли развертываться только внутри партии и соответственно лишь в русле марксистской идеологии. Политическую позицию большевиков откровенно выразил член ЦК М. П. Томский: «В обстановке диктатуры пролета-

риата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные — в тюрьме».

Крупным событием стало создание в 1922 г. Советского Союза. Провозгласив — для поддержки революции в национальных районах — принцип национального самоопределения и поощрив тем самым развал Российской империи, большевики тем не менее не были сторонниками дробления государства. Они надеялись, что мировая революция быстро решит эту проблему, победивший пролетариат объединится и создаст единую мировую державу. В 1919—1920 гг. сложился «военно-политический союз» советских республик, включавший Российскую Федеративную, Украинскую, Белорусскую, Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую советские социалистические республики, а также Бухарскую и Хорезмскую советские народные республики. Окончание Гражданской войны, переход к нэпу и отсутствие мировой революции подтолкнули к тому, чтобы ускорить и институционализировать объединительные процессы, которые до этого основывались главным образом на общности соответствующих коммунистических партий. В 1920—1921 гг. во ВЦИК РСФСР вошли представители других социалистических республик, началось объединение ряда наркоматов.

В марте 1922 г. под нажимом из Центра, невзирая на сопротивление части закавказских, особенно грузинских, коммунистов, была создана Закавказская Федерация. Это событие подтолкнуло к дискуссии среди большевистского руководства по поводу принципов и форм объединения. В результате был отвергнут сталинский проект «автономизации», предусматривавший вхождение союзных республик в РСФСР на правах автономии. Победила, во всяком случае официально, ленинская идея союза равноправных республик, добровольно отчуждающих ряд своих суверенных прав в пользу общесоюзных органов. **В декабре 1922 г.** РСФСР, Белоруссия, Украина, Закавказская Федерация подписали союзный договор и объявили *о создании Союза Советских Социалистических Республик.* Принятая в 1924 г. Конституция

СССР сохранила за каждой республикой право выхода из Советского Союза.

Однако на деле суверенитет республик был фикцией. Реальная власть во всех республиках была сосредоточена в руках коммунистической партии, построенной на централистских основах. Все советские, государственные и общественные органы беспрекословно ей подчинялись. По существу, большевики воссоздали — в новой, советской форме (с новой коммунистической элитой, новым административно-государственным делением и определенной автономией былых национальных окраин) и в неполном виде (без Польши, Финляндии, Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии) — былую Российскую империю.

Переход к нэпу сопровождался чисткой большевистской партии, в ходе которой была исключена почти 1/4 ее состава (в том числе до 4% — как «враждебные» элементы, примерно столько же — за исполнение религиозных обрядов, около 9% — за злоупотребление своим положением). В 1921 г., по инициативе Ленина, который опасался раскола большевиков на крутом повороте к нэпу, X съезд РКП(б) запретил фракции в партии. Однако тяжелая болезнь Ленина, а затем и его смерть в 1924 г. резко активизировали борьбу за власть в партийном руководстве. Поскольку каждый из большевистских вождей имел своих приверженцев и, как правило, выступал с той или иной политической или экономической программой (чему способствовало тесное переплетение партийной и государственной, хозяйственной властей), эти дискуссии захватывали довольно широкие партийные массы, еще не забывшие вкус внутрипартийных баталий при Ленине. Однако запрет на создание фракций и непрерывное усиление роли партаппарата привели к тому, что исход дискуссий стал определяться не столько настроением партийных масс, сколько закулисными маневрами большевистских лидеров и функционеров.

Еще в 1921 г. развернулась дискуссия, а точнее, преследование «рабочей оппозиции» во главе с А. Г. Шляпниковым, требовавшей повышения роли рабочих в партии, управлении государством и широ-

кой рабочей демократии. При этом по инициативе Ленина впервые к борьбе с внутрипартийной оппозицией была привлечена ВЧК. В 1922 г. Генеральным секретарем ЦК был избран И. В. Сталин. Поначалу этот пост не казался столь уж важным. Но Сталин быстро превратил его из преимущественно технической, обслуживавшей Политбюро и ЦК должности — главы большевистского Секретариата — в важнейший политический центр. Он стал ведать подбором и расстановкой партийных и советских кадров, контролем за исполнением постановлений, а затем и выработкой важнейших политических решений. Сталина в отличие от других большевистских вождей поначалу не очень-то волновали проблемы политической и социально-экономической стратегии. Основное внимание он уделял укреплению своей личной власти, расстановке на ключевых постах своих людей, выстраиванию «иерархии секретарей».

Большевистские лидеры не сразу разгадали амбиции Сталина и поняли, какую колоссальную власть он незаметно для окружающих сосредоточил в своих руках. Лишь будучи уже тяжело больным, Ленин в своем «Письме к съезду» обратил на это внимание и предложил снять Сталина с поста Генсека. Но поскольку Ленин не только не сказал, кто его должен заменить, но и дал при этом уничтожающие характеристики всем остальным лидерам партии, всерьез его указания никто из вождей не воспринял.

В 1923 г. Л. Д. Троцкий и большая группа старых большевиков подняли вопрос о свертывании внутрипартийной демократии и непомерном усилении роли партаппарата. Воспользовавшись этим, Сталин вместе с Л. Б. Каменевым (член Политбюро, зам. председателя СНК), Г. Е. Зиновьевым (член Политбюро, глава Коминтерна и Петроградской партийной организации) и другими лидерами развернули кампанию по отстранению от власти и дискредитации Троцкого — второго после Ленина вождя большевиков. Ожесточенная борьба с «троцкизмом», проходившая в 1923—1924 гг., закончилась поражением неискушенного в аппаратных играх Троцкого и его сторонников.

В 1925 г. Сталин, опираясь на Н. И. Бухарина (члена Политбюро, признанного теоретика партии),

А. И. Рыкова (члена Политбюро, председателя Совнаркома) и других вождей, смог политически разгромить Зиновьева и Каменева (так называемую «новую оппозицию»). Последние, раскусив, наконец, своего былого союзника, попытались воспрепятствовать его стремительному возвышению, но было уже поздно. К этому времени Сталин сумел занять господствующие позиции в партийном аппарате, а с 1925 г. завоевал положение не только официального, но и «неформального» вождя. В 1926—1927 гг. он уже без труда, используя свое возросшее влияние и аппарат ОГПУ, разгромил «объединенную оппозицию» (Троцкий, Каменев и Зиновьев).

Таким образом, *нэп позволил быстро восстановить страну и обеспечить относительную политическую стабильность. Вместе с тем и в экономике, и в политике нэповская общественная модель носила переходный характер.* Жесткий однопартийный режим, сориентированный на построение социализма «в одной, отдельно взятой стране», все еще допускал развитие чуждых для него слоев «новой буржуазии». Стремительное укрепление властных позиций Сталина еще не привело к превращению его в адекватного такому режиму единственного харизматического лидера.

Пока в стране быстро восстанавливалась экономика и сохранялась относительная политическая стабильность, большевики мирились с «гримасами нэпа». Однако по мере развития нэпа росла и «новая буржуазия». В результате большевики оказывались все дальше от своего идеологического и социального идеала — социализма. Это основополагающее противоречие нэпа и привело в итоге к его гибели.

■ **Формирование тоталитарного государства.** Внутреннее неприятие нэпа, его противоречие с идеологическими целями партии побуждали большевиков к искусственному сдерживанию развития частного предпринимательства, ограничению рыночных отношений. Дело усугублял и взятый ими курс на индустриализацию. Переход от восстановления к форсированному развитию тяжелой промышленности требовал концентрации огромных ресурсов фактически за счет остальных секторов экономики. Все это усилива-

ло вмешательство государства в экономику, вело к расстройству денежной системы и свертыванию рыночных механизмов и частного предпринимательства. Окончательно добил нэп хлебозаготовительный кризис 1927—1929 гг., а точнее, чрезвычайные, в духе военного коммунизма, меры, предпринятые властями для выхода из него, и прежде всего массовая коллективизация. *В стране стал формироваться новый хозяйственный механизм, получивший затем название административно-командной системы* (см. главу 19). Он стал основой для утверждения в стране тоталитарного режима.

Политической предпосылкой для «Великого перелома» стала невиданная концентрация власти в руках Сталина. К тому времени уже были разгромлены основные оппозиционные течения в партии. В 1928—1929 гг. он использовал курс на форсированное строительство социализма для расправы над Н. И. Бухариным и его сторонниками, которые хотя и поддерживали Сталина в предшествующей внутрипартийной борьбе, но имели собственные взгляды на пути развития страны и не были готовы слепо одобрять все шаги вождя.

С весны 1928 г. в большевистском руководстве разгорелась острая дискуссия о путях выхода из кризиса хлебозаготовок (см. главу 19). Исход ее определили не столько содержательные аргументы сторон, сколько огромная власть Сталина, его контроль над партийным аппаратом и ОГПУ. В апреле 1929 г. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский и их сподвижники были осуждены как представители «правого уклона в ВКП(б)». (В конце 1929 г. они вынуждены были публично признать свои «ошибки».) Началась чистка партии, в ходе которой было исключено примерно 170 тыс. большевиков — 11% от состава партии. В 1930 г. Рыков был смещен с поста председателя Совнаркома. Главой правительства был назначен не помышлявший о самостоятельной политической роли, лично преданный Сталину В. М. Молотов.

Победе Сталина во многом способствовало изменение состава большевистской партии. За 8 лет после чистки партии 1921 г. в результате массовых кампаний по приему в партию, в том числе «ленинского

призыва» число ее членов и кандидатов многократно выросло и к началу 1929 г. превысило 1,5 млн человек. В итоге старые большевики составляли в ней всего 2%, люди с высшим образованием — менее 1%, со средним — 8%, с начальным — 63%. Остальные же — преимущественно рабочие — не получили никакого образования, были политически, а порой и просто безграмотны и имели очень смутное представление о марксизме и истории большевизма. Такая партия без особого рассуждения следовала за своим вождем.

Свертывание нэпа и массовая коллективизация сопровождались расширением прав ОГПУ и резким усилением репрессий. Прежде всего они обрушились на деревню, где были раскулачены, арестованы или погибли от репрессий и спровоцированного большевистской политикой голода 1932–1933 гг. от 10 до 16 млн крестьян (см. главу 19). Пусть в меньшей мере, но репрессии затронули и городское население. Доля лиц, лишенных избирательных прав, в городах увеличилась до 8,5%. С 1928 г. была развернута кампания против «буржуазных специалистов»: «Шахтинское дело», организованы сфальсифицированные политические процессы по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии», «Инженерного центра (или Промышленной партии)», «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». Арестовывались бывшие офицеры, служившие причем, как правило, добросовестно, в Красной армии.

После разгрома «правого уклона» развертываются репрессии и в большевистской партии. В начале 1930-х гг. прошли процессы по делу так называемого Право-левого блока (В. В. Ломинадзе и С. И. Сырцов), Союза марксистов-ленинцев (М. Н. Рютин и др.). В 1933 г. началась новая чистка партии, в ходе которой было исключено около 1/3 ее состава.

В большевистской партии зрело недовольство всевластием Сталина и проводимой им политикой. В начале 1934 г. при выборах членов ЦК на XVII съезде ВКП(б) против Сталина, по некоторым данным, было подано до 270 голосов. В кулуарах некоторые делегаты предлагали сместить Сталина, заменив его на С. М. Кирова. 1 декабря 1934 г. Киров был убит при весьма загадочных обстоятельствах. (В даль-

нейшем из 1961 делегата съезда было репрессировано 1108, а из выбранного на нем ЦК — 70%.) Сталин воспользовался убийством Кирова для начала массовых репрессий, обрушившихся на все слои населения и в том числе — на партийно-государственную элиту, «старую партийную гвардию».

Сразу же был принят максимально упрощенный — без участия сторон и обжалования приговора — и ускоренный — до 10 дней — порядок ведения дел о терроре, к которому отныне относили едва ли не каждое крупное политическое дело. В 1935 г. состоялся процесс над бывшими лидерами «новой оппозиции»: Г. Е. Зиновьевым, Л. Б. Каменевым, Г. Е. Евдокимовым и др. По всем партийным организациям было разослано закрытое письмо ЦК с требованием мобилизации всех сил на выкорчевывание «контрреволюционных гнезд». Коммунисты на партсобраниях вынуждены были отчитываться, сколько они разоблачили «врагов народа», «вредителей» и т. п. По всем республикам и областям разверстывались задания по разоблачению «врагов народа». На местах, по привычке, развернулось движение за перевыполнение этих страшных заданий. По всей стране шли массовые аресты. Был принят закон о наказании членов семей «изменников» Родины. К уголовной ответственности стали привлекать и детей начиная с 12 лет. В 1936 г. состоялся новый «открытый» судебный процесс над лидерами бывшей оппозиции (так называемый «троцкистско-зиновьевский террористический центр»), вынесший обвиняемым смертные приговоры.

В 1937—1938 гг. поднялась еще более широкая волна репрессий. Она была связана с новым руководителем НКВД Н. И. Ежовым (прежний руководитель Г. Г. Ягода был снят со своего поста, а затем осужден и расстрелян). В Москве состоялись новые громкие судебные процессы над видными членами большевистского руководства: Г. Л. Пятаковым, К. Б. Радеком, Г. Я. Сокольниковым и др. (так называемый «параллельный центр»), в 1938 г. — над Н. И. Бухариным, Н. М. Крестинским, А. И. Рыковым и др. («антисоветский правотроцкистский блок»). Большинству обвиняемых были вынесены смертные приговоры. Аналогичные процессы прохо-

дили по всей стране. Однако подавляющая часть репрессий осуществлялась путем массовых внесудебных расправ, так называемыми «тройками». В их состав входили первые секретари партийных (республиканских, областных, городских, районных) комитетов, руководители исполкомов соответствующих Советов и органов НКВД. Репрессии вышли и за пределы СССР, обрушившись на Коминтерн, деятелей зарубежных компартий, а также резидентуры советской разведки.

В ходе этих репрессий оформился небывалый по своей мощи и полномочиям репрессивный аппарат. В 1934 г. он был централизован — ОГПУ вошло в состав НКВД. Под его началом находились милиция, ГУЛАГ (Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения), пограничные и внутренние войска. Аппарат этого суперведомства в 1934—1940 гг. вырос в 5 раз. Сотрудники НКВД получали особое снабжение и «спецзвания» (например, «старший лейтенант госбезопасности» соответствовал майору в армии). При НКВД заседало Особое совещание — внесудебный орган, выносивший приговоры. НКВД находился под личным контролем вождя, дававшего руководителям этого ведомства детальные указания — вплоть до содержания показаний, которые нужно получить у подследственных. Затем эти показания с именами якобы виновных партийных деятелей рассылались для «ознакомления» членам ЦК, Политбюро. Нередко Сталин заставлял их визировать «расстрельные списки», в которых были фамилии их коллег, товарищей и даже родственников.

Число репрессированных не поддается точному подсчету. Официальные данные явно занижены. В 1954 г. власти признали, что с 1921 до 1954 г. по обвинениям в контрреволюционных преступлениях было осуждено 3,8 млн человек, в том числе к высшей мере наказания — 643 тыс. Близкие к этому цифры: 3,85 млн репрессированных (1917—1990 гг.), в том числе 828 тыс. расстрелянных, были названы в начале 90-х годов Министерством безопасности Российской Федерации. Однако согласно официальной справке НКВД, лишь в 1937—1938 гг. и только «за контрреволю-

ционные преступления» были арестованы примерно 1,6 млн человек, из них 682 тыс. расстреляны. По официальным данным, количество заключенных в лагерях и колониях (даже без учета заключенных тюрем) выросло со 190 тыс. в 1930 г., до 510 тыс. — в 1934 г. и 1672 тыс. — в 1939 г. К началу войны общее число заключенных, не считая высланных, «спецпоселенцев», составляло 2,2 млн человек. При этом следует учитывать высокую «обновляемость» контингента заключенных вследствие их расстрелов и гибели от непосильного труда, истощения, болезней и т. д. По некоторым, причем далеко не самым радикальным оценкам исследователей, совокупное число репрессированных (включая арестованных, раскулаченных, расстрелянных, погибших от спровоцированного властями голода 1932—1933 гг. и т. п.) в период сталинского террора 1929—1953 гг. превысило 20 млн человек. Порядок этой, естественно, приблизительной цифры согласуется и с исследованиями демографов, которые выяснили, что потери населения между 1926 и 1937 гг., даже по самым консервативным подсчетам, составили 11 млн человек.

В ходе репрессий значительно обновилась номенклатура — правящая элита Советского Союза. Почти полностью было заменено партийное и советское руководство союзных и автономных республик, краев и областей, руководящий состав многих наркоматов, армии, дипломатического корпуса, крупных предприятий, учреждений, редакций газет и т. д. В то же время с 1934 г. по март 1939 г. на руководящие посты по государственной и партийной линии было выдвинуто более 500 тыс. новых работников. Для них Сталин был единственным и непогрешимым вождем. К 1941 г. ВКП(б) на 60% состояла из людей, принятых в конце 30-х—начале 40-х гг.

Причины беспрецедентного по своему размаху сталинского террора были разноплановы. Прежде всего, они коренились в самом курсе на строительство социализма, предполагавшем коллективизацию деревни, ликвидацию «эксплуататорских классов», политической оппозиции и лишившем общество элементарных демократических прав, способных защитить население от произвола властей. «Великий перелом», осу-

ществлявшийся откровенно варварскими способами, не мог не привести к резкому росту социальной напряженности в обществе и оживлению оппозиционных настроений. Сталинский террор и призван был «снять» это напряжение путем беспощадного уничтожения не только реальной, но даже и потенциально возможной оппозиции. Более того, спускаемые «сверху» разнарядки по арестам фактически предполагали массовые репрессии невинных людей. Обстановка неописуемого ужаса, которую порождали колоссальные и немотивированные репрессии, буквально парализовала советское общество, делала его восприимчивым к массированной пропаганде.

Сталинский террор был неразрывно связан с личностью самого вождя и с его стремлением к абсолютной власти. Сталин беспощадно уничтожал даже близких ему людей по малейшему подозрению в нелояльности к себе. Широкие репрессии против «старой партийной гвардии» (из 14 членов большевистского ЦК 1917 г., доживших до 30-х гг., не были репрессированы лишь трое, 11 чел. были объявлены врагами народа) имели своей целью не только «приструнить» элиту, но и уничтожить людей, мешавших новому харизматическому вождю своей самостоятельностью, знаниями реальной большевистской истории, в том числе истинного места Сталина в ленинском руководстве и способов его продвижения наверх. Кроме того, опасаясь вспышки гражданской войны в случае втягивания СССР в глобальный военный конфликт, Сталин путем массовых репрессий стремился уничтожить потенциальную «пятую колонну» внутри страны, таким «своеобразным» способом готовясь к грядущей войне.

В конце 30-х гг. задачи, которые ставил перед собой Сталин, были в основном достигнуты. Он превратился в единоличного владыку огромной державы, в «непогрешимого», почти богоподобного вождя. Правящая элита была во многом обновлена и беспрекословно повиновалась Сталину, в обществе не стало даже тени оппозиции. Ежов был снят со своего поста и расстрелян. В НКВД была проведена очередная чистка. Новым руководителем НКВД стал Л. П. Берия. Масштаб репрессий несколько снизился, поскольку

грозил окончательно дезорганизовать экономику и армию. Сталин разделил НКВД. В феврале—июне 1941 г. и затем в 1943—1953 гг. существовали наркоматы (с 1946 г. — министерства) внутренних дел и государственной безопасности.

В 1936 г. перед началом самой мощной волны репрессий была принята новая Конституция СССР, провозгласившая ряд демократических принципов. Она узаконила новую структуру Советов (от съездов они переходили на сессионную работу), введение всеобщего, прямого, равного избирательного права при тайном голосовании; гарантировала свободу слова, печати, собраний, провозглашала верховенство закона, независимость суда и т. д. Все это находилось в вопиющем противоречии с практикой советского государства, массовыми репрессиями и невиданными беззакониями. Конституция имела главным образом пропагандистское значение, и ее принятие служило одним из шагов, предпринятых Сталиным для маскировки своей репрессивной политики.

В годы перестройки в советском обществе возникла дискуссия: действительно ли к концу 30-х гг. в СССР, как это официально провозглашалось, был в основном построен социализм? Можно ли считать то общество социалистическим? На наш взгляд, несомненно, можно, поскольку в стране произошло «обобществление» производства, были уничтожены частная собственность и «эксплуататорские» классы. Разумеется, это «обобществление» заключалось в тотальном огосударствлении общества, политическая власть и функции по распоряжению собственностью были отчуждены от народа и осуществлялись партийно-государственным аппаратом и лично Сталиным. Однако, как показал полувековой опыт реального социализма в полутора десятках различных стран, принципиально иных форм «обобществления» и политической власти «трудящихся» создать было просто невозможно.

На современном политическом языке режим, построенный в СССР к концу 30-х гг., называют *тоталитарным*. Важнейшей его характеристикой являлся

максимально возможный контроль партии-государства над всеми сферами жизни общества.

Системообразующими признаками такого режима были: административно-командная система управления, политические репрессии и уничтожение любой оппозиции, сращивание партийного и государственного аппаратов и тотальная идеологизация культуры и духовной жизни общества. Под полный контроль партии были поставлены все средства массовой информации, общественные организации — профсоюзы, комсомол, пионерская организация, органы образования и культуры. Расширявшаяся (вследствие потребностей форсированной индустриализации) система среднего и высшего образования была нацелена прежде всего на формирование «марксистско-ленинского» мировоззрения. Только на основе марксизма-ленинизма, согласно Положению об обществах и союзах 1928 г., могли действовать все научные и прочие общества.

Предельно упрощенным и догматичным изложением официальной идеологии стал печально известный «Краткий курс истории ВКП(б)», выдержавший с 1938 г. 300 изданий общим тиражом 43 млн экземпляров. Эта книга всего на 20 страницах (специально крупным шрифтом для малограмотных) давала нужное советскому человеку изложение марксизма и самым доходчивым образом толковала основные этапы недавнего прошлого в таком стиле: «Подонки человеческого рода вместе с врагами народа — Троцким, Зиновьевым и Каменевым — состояли в заговоре против Ленина, против партии, против Советского государства с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции». С 1935 г. появилась «теория» двух вождей партии в Октябрьской революции: Ленина и Сталина. К юбилею (60-летию) последнего в 1939 г. культ его личности окончательно отлился в формулу: «Сталин — это Ленин сегодня». Сталин был провозглашен «великим вождем и учителем» советского народа, «гениальным корифеем» всех наук и одним из основоположников марксизма. Главной исторической задачей, которую объективно решало (и ценой колоссальных, непозволительных жертв решило) строительство социализма, являлось ускоренное за-

вершение модернизации России, форсированный переход от аграрного общества к индустриальному. Предпосылками формирования в СССР тоталитарного государства послужили не только конкретная обстановка в стране и большевистской партии в 20—30-х гг., взятый Сталиным курс на форсированное строительство социализма, но прежде всего Октябрьская революция, военно-коммунистические, а отчасти и многовековые российские традиции, связанные с гипертрофированной ролью государства, несформированностью гражданского общества, известным «антилиберализмом» массового общественного сознания и преобладанием в нем уравнительно-коллективистских начал.

■ **Испытание войной.** Нападение фашистской Германии на СССР застало врасплох и самого Сталина, и страну в целом (см. главу 21). По свидетельству Жукова, на рассвете **22 июня 1941 г.** Сталин не мог поверить, что вторжение немецких войск — не провокация, а начало страшной войны. «Гитлер наверняка не знает об этом», — говорил он. В посланной войскам директиве подчеркивалось, чтобы, выбив с советской территории немцев, они не переходили границу СССР. Лишь 3 июля 1941 г., т. е. спустя полторы недели после начала Великой Отечественной войны, вождь набрался мужества обратиться к населению по радио. Назвав сограждан не только товарищами, но «братьями и сестрами» и даже «друзьями», он впервые попытался объяснить дезориентированной стране, что речь идет о жизни и смерти Советского Союза.

Тем не менее уже с первых дней войны руководство страны развернуло активную работу по отражению агрессии. 23 июня 1941 г. была создана *Ставка Главного Командования Вооруженных сил СССР* (затем Ставка Верховного Главнокомандования), в ней сосредоточилось стратегическое руководство войсками. Ее возглавлял С. К. Тимошенко, а с 10 июля Сталин. 30 июня 1941 г. был создан *Государственный Комитет Обороны* во главе со Сталиным, который еще более централизовал руководство страной и подчинил его военным задачам. Совет по эвакуации развернул огромную работу по вывозу предприятий и техники

из прифронтовых районов. Совинформбюро уже с 25 июня 1941 г. стало распространять скупые сводки о положении на фронтах.

Начались всеобщая мобилизация, переброска на фронт всех людских и материальных ресурсов, эвакуация и перестройка экономики. Работа велась в напряженнейшем ритме, почти круглосуточно, невзирая на выходные и праздники. При выполнении приказов никакие смягчающие обстоятельства в расчет не брались. За невыполнение следовали суровые кары. Однако население страны, как правило, воспринимало драконовские меры с пониманием и само не щадило сил для помощи армии. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал железным законом, определявшим всю жизнь государства и общества (см. главу 19).

Людские, материальные и территориальные потери СССР в годы Великой Отечественной войны не шли ни в какое сравнение с потерями России в Первой мировой войне. За 4 года той войны в России было убито до 2,3 млн человек — гораздо меньше, чем в СССР только за 5 месяцев 1941 г. Беспрецедентные в мировой истории потери, нанесенные внезапным нападением фашистов уже в первые недели войны, казалось, вот-вот приведут к краху советского государства. Тем не менее Советский Союз устоял. Более того, война в определенном смысле явилась апогеем в реализации возможностей советской тоталитарной системы. Преодолев шок первых месяцев войны, она смогла, хотя и с огромными «издержками», использовать свои огромные мобилизационные возможности для отпора врагу.

Поначалу Сталин действовал в привычном для него духе. Выполняя большую организаторскую работу, он полагался главным образом на силу командного окрика, на репрессии и их угрозу. Уже в начале войны он взвалил вину за поражения на командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова, командующего Прибалтийским военным округом А. Д. Локтионова и ряд других военачальников и расстрелял их. Опираясь на опыт Гражданской войны, в июле 1941 г. Сталин вновь ввел в армии институт комиссаров, что в целом усложнило командование войсками. В августе 1941 г. приказом Ставки попавшие в плен красноармейцы

объявлялись изменниками. Семьи дезертировавших или плененных командиров подлежали аресту, а семьи солдат лишались государственных пособий. С сентября 1941 г. даже попавших в заложники стали считать «пособниками» фашистов. С осени 1941 г. при приближении немцев к Москве стала использоваться тактика «выжженной земли». Приказом Ставки было предписано «разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40—60 км в глубину от переднего края и на 20—30 км вправо и влево от дорог».

Политические репрессии продолжались на протяжении всей войны. Более того, им были подвергнуты целые народы. В 1941 г. были депортированы более миллиона немцев Поволжья (как потенциальные «шпионы» и «диверсанты»). Затем та же участь постигла и другие «неблагонадежные» народы. В 1943 г. было депортировано более 160 тыс. калмыков и карачаевцев, в 1944 г. — около 0,5 млн чеченцев и ингушей, более 180 тыс. крымских татар, а также десятки тысяч балкарцев, турок, болгар, курдов и др. Трудно даже подсчитать огромные жертвы, понесенные депортированными народами при их выселении, транспортировке и поселении в необжитых или необустроенных местах Сибири, Казахстана и Средней Азии.

Таким образом, сталинский режим сохранил свои основные системообразующие черты. Но постепенно в ходе войны стали происходить некоторые изменения в механизме этого режима и в сознании его руководства. Под влиянием острейшей ситуации 1941—1942 гг. сам Сталин стал чуть более гибким и внимательным к голосу своих подчиненных, прежде всего военных. Произошла массовая замена управленческих и военных кадров. Многие видные деятели, выдвинувшиеся в период Гражданской войны и «большого террора» (С. М. Буденный, К. Е. Ворошилов, Л. З. Мехлис и др.), оказались не в состоянии эффективно руководить в условиях Великой Отечественной войны и, несмотря на личную преданность Сталину, были смещены или отодвинуты на второй план. В то же время выдвинулось немало талантливых, неординарных людей, способных самостоятельно принимать и реализовывать решения, брать

на себя ответственность, невзирая на сложнейшую обстановку. Среди военачальников таковыми стали Г. К. Жуков, А. М. Василевский, К. К. Рокоссовский и др. Среди гражданских руководителей — Н. А. Вознесенский, А. А. Кузнецов, А. Н. Косыгин и др.

Во внутренней политике и официальной пропаганде появляются новые мотивы. Фактически была реабилитирована Русская православная церковь. Постепенно были возрождены и такие атрибуты дореволюционной эпохи, как гвардия, офицерство, «нереволюционные» ордена Кутузова, Суворова, Нахимова, даже Александра Невского (несмотря на то, что до революции тот был причислен к лику святых) и др. В 1943 г. под давлением союзников был распущен Коминтерн. Вместо «Интернационала» был принят новый государственный гимн. Стали организовываться суворовские училища, во многом по образцу кадетских корпусов. Вводились раздельное обучение в школах, ученическая форма, подобная гимназической, и т. д.

■ **Поздний сталинизм.** Война дала импульс к изменению массового сознания. Несмотря на разруху, голодную, а зачастую бездомную жизнь, в обществе жила надежда на перемены к лучшему. Война изменила, пусть и частично, сознание советских людей. Стал исчезать страх перед начальством. Война приучила многих из них критически мыслить и инициативно действовать. К тому же миллионы советских граждан (более 6 млн человек — в составе действующей армии и еще 5,5 млн репатриантов) впервые побывали за границей и смогли сами сопоставить достижения европейской цивилизации с советской действительностью. Широкое сотрудничество с «империалистическими» странами в борьбе с фашизмом и ослабление идеологического манипулирования в годы войны поколебали утвердившиеся стереотипы и вызвали интерес и симпатии к Западу. Люди чувствовали себя победителями и верили, что мирная жизнь будет совсем иной, чем прежде. Среди народа ходили слухи о роспуске колхозов и даже ВКП(б).

Неясные, часто неосознанные стремления народа к свободе по большей части не поднимались до критики

социалистической системы и лично Сталина. Исключение составляли присоединенные перед войной западные области Украины, Белоруссии, Прибалтика, где существовало активное неприятие советской власти и вплоть до конца 40-х гг., а на Западной Украине до середины 50-х гг. шла настоящая партизанская война. Но и в России отношение к начальству стало более критическим. Относительной радикальностью отличалось новое, только вступавшее в жизнь после войны поколение, которое было меньше обременено привычным для людей старшего возраста страхом и идеологическими догмами. В Москве, Воронеже, Свердловске, Челябинске и других городах возникли молодежные группы, которые занимали антисталинские, хотя, как правило, просоциалистические позиции.

Реформистские настроения проникали и в большевистскую элиту, заметно обновленную в годы войны. В ходе выработки и закрытого обсуждения проектов новой Конституции СССР и программы партии звучали порой весьма демократические предложения, предусматривавшие децентрализацию управления экономикой, ликвидацию судов и трибуналов военного времени, расширение внутрипартийной демократии, ротацию кадров и т. п. меры. По существу, в различных слоях советского общества все более активно ставился вопрос о том, чтобы отойти от довоенной модели со сверхцентрализованным управлением и массовым террором.

Обострение социально-экономической ситуации в 1946—1947 гг. породило симптомы политической нестабильности и поставило руководство страны перед дилеммой: либо реформы, либо возвращение к довоенному сверхжесткому курсу. Сталин выбрал последнее. К этому его подталкивали как собственный опыт, так и развертывание «холодной войны», глобального военно-политического противостояния с Западом (см. главу 21).

Репрессии, не прекращавшиеся в период Великой Отечественной войны, после ее окончания вспыхнули с новой силой. Они обрушились не только на националистическое подполье в западных районах СССР, но и на советских военнопленных (в фашистском пле-

ну находилось 5,7 млн, а по другим данным — 6,2 млн человек, из них 3,3 млн погибли). Многие из них после возвращения из гитлеровских концлагерей оказались в сталинских лагерях. В 1946 г. прошли процессы над молодежными группами, обвиненными в «антисоветизме» и «терроризме». Начались массовые гонения на художественную интеллигенцию и ученых, целые научные направления (см. главу 22).

Последние надежды на спокойную жизнь окончательно перечеркнула кампания «по борьбе с космополитизмом», развернувшаяся с конца 1948 г. Играя на патриотических настроениях народа, Сталин хотел вытравить из массового сознания интерес и симпатии к Западу, возникшие в военные годы, усилить идеологическую изоляцию страны, разжечь шовинистические и антисемитские чувства. Стратегическая цель этой кампании заключалась в том, чтобы срочно воссоздать пошатнувшийся в войну образ внутреннего, а отчасти и внешнего врага. В 1949 г. были арестованы члены Еврейского антифашистского комитета, в который входили видные деятели советской науки и культуры.

Ситуация в стране обострялась и в силу начавшейся после окончания Великой Отечественной войны борьбы за власть в сталинском окружении, за раздел «наследства» старевшего вождя. С конца 1945 г. Сталин несколько раз — то ли всерьез, то ли для «проверки» своих приближенных (он был великим мастером интриг и манипуляций людьми) — высказывался по поводу своего возможного «наследника». «Местоблюстителем» по руководству партией он называл А. А. Жданова, а будущим «премьер-министром» — выдвинутого тем же Ждановым Н. А. Вознесенского (председателя Госплана СССР). В то же время Л. П. Берия в конце 1945 г. лишился поста наркома внутренних дел (хотя и сохранил определенное влияние на органы госбезопасности); Г. М. Маленков был отправлен в «ссылку» в Среднюю Азию. На его место в Управлении кадров ЦК ВКП(б) пришел еще один ленинградец — новый секретарь ЦК А. А. Кузнецов. Он стал курировать и правоохранительные органы.

Но после смерти Жданова в феврале 1949 г. Политбюро приняло постановление об «антипартийных действиях» ленинградских руководителей и их «покровителей» в Москве. Комиссия ЦК во главе с Маленковым учинила разгром партийной организации Ленинграда. Ее руководство, некоторые члены Совета Министров РСФСР, а также Кузнецов и Вознесенский (всего более 200 человек) были приговорены к смертной казни.

В 1951 г. началась чистка министерства госбезопасности. По заданию Сталина подбирался компромат и готовилось устранение Берии, Молотова, Микояна, Кагановича, Ворошилова и других большевистских бонз. В 1952 г. началось «дело врачей». Была арестована большая группа медиков, включая руководство Кремлевской больницы. Их обвинили в заговоре с целью убийства — путем заведомо неправильного лечения — высших партийных руководителей. Было объявлено, что их «террористическая» и «шпионская» деятельность уже доказана, по всей стране шли митинги с требованиями смертной казни для «врачей-убийц». Грандиозный публичный процесс над ними должен был стать началом нового витка массового террора по всей стране. Смерть Сталина помешала этим планам. Однако и за 1945—1953 гг. число заключенных только в лагерях и колониях ГУЛАГа выросло с 1,5 млн до 2,5 млн человек. По некоторым оценкам, в результате послевоенной волны репрессий в тюрьмах, лагерях и ссылках оказались 5,5—6,5 млн.

Сталинский тоталитарный режим окончательно оформился в конце 40-х—начале 50-х гг. Его идеология и атрибутика эволюционировали от «революционного марксизма» к «советскому имперству». Идея мировой революции окончательно отошла на второй план, трансформировалась, а на первый план все более выходила идея русской государственности. Наркоматы были переименованы в министерства, ряду городов, названных в честь советских деятелей, возвращены прежние названия. Так, Орджоникидзе вновь стал Владикавказом, Ворошиловск — Уссурийском и т. д. Возродилась форма для чиновничества.

По мере угасания энтузиазма (пусть и не всегда искреннего), характерного для некоторых городских слоев в 1930-е гг., в СССР все более проступали черты всепроникающего бюрократического режима с едва ли не абсолютным контролем партийно-государственного аппарата и лично Сталина над телами, душами и помыслами подданных. Культ вождя достиг своего апогея. «Краткая биография» И. В. Сталина стала самым массовым изданием в стране (ее тираж достиг 18 млн экз.). Празднование 70-летия Сталина в 1949 г. стало невиданным даже по прежним меркам всенародным торжеством, едва ли не главным праздником страны. Сталин окончательно превратился в живое божество, требующее не только всеобщего поклонения, но и регулярных жертвоприношений. Тяжелая, мертвящая атмосфера последних лет жизни Сталина парализовывала любую живую мысль и была нестерпима даже для высшей большевистской элиты.

■ **«Оттепель»: СССР в 1953—1964 гг.** 5 марта 1953 г. умер Сталин. Отсутствие легитимных механизмов передачи власти, в течение трех десятилетий сосредоточенной не столько в партии и органах госбезопасности, сколько лично в руках диктатора, с его уходом вызвало длительный период политической нестабильности. Выбор путей дальнейшего развития страны определялся в результате ожесточенной борьбы за власть, развернувшейся в высшем руководстве, в партийно-государственной элите. Однако общее направление — в сторону некоторой демократизации режима, а точнее, устранения «крайностей» сталинизма — было задано с самого начала.

Причины начавшейся «оттепели» коренились в явном перенапряжении советского общества, длительное время находившегося в состоянии постоянной мобилизации, непрерывной борьбы с внутренними и внешними врагами. Результатами явились невиданное разорение деревни, нищета подавляющей части населения, особенно сельского, жившего на грани голода, а также колоссальная по своим масштабам ГУЛАГовская экономика. Все эти факторы не только сдерживали дальнейшее развитие страны, но и грозили в перспективе социальными потрясениями. Одна-

ко решающую роль в отходе от сталинского курса сыграло *стремление партийно-государственной элиты обезопасить себя от возобновления массовых репрессий.*

После смерти Сталина власть перешла к так называемому коллективному руководству. Ключевую роль в нем играли Г. М. Маленков — Председатель Совета Министров СССР, Л. П. Берия — первый заместитель председателя Совета Министров СССР и министр внутренних дел и Н. С. Хрущев — секретарь ЦК КПСС, с сентября 1953 г. — Первый секретарь ЦК КПСС. Но баланс сил внутри «коллективного руководства» был очень неустойчивым.

Поначалу Маленков, который не только унаследовал от Сталина принципиально важный пост главы правительства, но по старой партийной традиции председательствовал и на заседаниях Президиума ЦК, выступал в союзе с Берией и располагал самыми мощными рычагами власти. Именно эти лидеры, причем главным образом Берия, сразу же после смерти Сталина выдвинули радикальные предложения по реформированию страны. Они выступили против культа Сталина, и уже вскоре его имя почти исчезает со страниц газет, а его портреты — со стен зданий и из колонн демонстрантов.

По инициативе Берии 27 марта 1953 г. была объявлена небывалая по своим масштабам амнистия, в ходе которой было освобождено до 1,2 млн заключенных (главным образом уголовных). По его же инициативе было прекращено «дело врачей», принято решение о передаче ГУЛАГа в ведение Министерства юстиции, ограничены права Особого совещания при МВД СССР. Берия предложил резко расширить права союзных республик. В ряде своих выступлений он высказался за перераспределение властных полномочий от партии к государственным органам, поставил под сомнение эффективность колхозного производства и отказался от насаждения колхозов в Восточной Европе. Он был против строительства социализма в Германской Демократической Республике и считал целесообразным объединить ее с Западной Германией в нейтральное, демократическое государство.

Столь радикальный и неожиданный для всех реформизм Берии был вызван прежде всего его информированностью о реальных проблемах советского общества. Всепроникающая система МВД образовывала не только силовую, но и информационную структуру, как бы параллельную партийной, которая предоставляла ее руководителю в целом более достоверные сведения о «болевых точках» страны, общественных настроениях. Сказывались и незаурядный ум, энергия Берии, привыкшего чутко реагировать и активно приспосабливаться к обстановке, новым задачам. Однако главным, по-видимому, мотивом его бурной деятельности после смерти Сталина явилось стремление избавиться от своего кровавого имиджа и утвердить себя в роли пусть пока и «неформального», но лидера страны.

Практически все партийно-государственное руководство ненавидело и боялось Берию. Своей активностью, напористостью, радикализмом своих предложений, а также пересмотром некоторых политических дел конца 40-х — начала 50-х гг. (к которым он не имел прямого отношения, но в которых были замешаны другие видные фигуры) он еще больше насторожил остальных членов «коллективного руководства». Даже его союзник Маленков стал подозревать Берию в непомерных личных амбициях, в «подкопе» под себя и в покушении на верховную власть.

Все это позволило Хрущеву объединить высшее руководство страны. **26 июня 1953 г.** *Берия был арестован* на заседании Президиума ЦК. Арест был произведен Г. К. Жуковым, К. С. Москаленко и рядом других генералов и офицеров. Июльский 1953 г. пленум, используя хорошо знакомые по сталинскому времени клише, предъявил ему набор обвинений вплоть до подготовки государственного переворота и «шпионской деятельности» в интересах «мирового капитала». После непродолжительного для такого дела и во многом формального следствия в декабре 1953 г. состоялся суд, вынесший Берии, В. Г. Деканозову, Б. З. Кобулову и некоторым другим руководителям НКВД—МГБ—МВД смертные приговоры.

Лидером постсталинского «коллективного руководства» на время оказался Маленков. Хотя разобла-

чение Берии привело к дискредитации многих его реформистских предложений (они также были поставлены ему в вину на июльском пленуме ЦК), тем не менее линия на некоторую демократизацию советского общества была продолжена. После ареста Берии министерства безопасности и внутренних дел, объединенные было в одно ведомство, вновь разделили. Была проведена чистка руководства и существенно ограничены их полномочия. В сентябре 1953 г. ликвидированы чрезвычайные, внесудебные органы: Особое совещание при МВД СССР, «тройки» и др. Верховный суд по протестам прокуратуры получил право пересматривать решения коллегий ОГПУ, «троек» и особых совещаний при НКВД, МГБ и МВД. В 1954 г. был создан *Комитет государственной безопасности (КГБ)*. В этом же году пересмотрено «ленинградское дело» (косвенно это был удар по причастному к нему Маленкову). Началась постепенная, выборочная реабилитация осужденных на политических процессах 30-х и начала 50-х гг.

Важные изменения происходили и в социально-экономической политике. В августе 1953 г. Маленков сформулировал новый курс, предусматривавший социальную переориентацию экономики и возрождение деревни (см. главу 19). Новый курс с энтузиазмом был воспринят населением и стал быстро воплощаться в жизнь. Однако властные позиции Маленкова после разоблачения Берии и пересмотра «ленинградского дела» оказались ослабленными. Карательные органы были поставлены под контроль партии, а фактически Первого секретаря ЦК КПСС. Пост Председателя Совета Министров утрачивал свое прежнее значение, власть все более перемещалась в секретариат ЦК, т. е. к Хрущеву. Маленков оказался не силен в аппаратных играх и допустил к тому же ряд просчетов. Своими социально-экономическими новациями и жесткой критикой бюрократизма он восстановил против себя консервативную, а следовательно, подавляющую часть правящей элиты, партийно-государственного аппарата. В марте 1954 г. Маленков сделал заявление о том, что новая война при современных технических средствах означает гибель мировой цивилизации. Этот тезис, фактически объявлявший о

невозможности победы в ядерной войне, шокировал весь Президиум ЦК. В январе 1955 г. на Пленуме ЦК Хрущев обвинил Маленкова в многочисленных ошибках и стремлении к «дешевой популярности» у народа. Тот почти не сопротивлялся и покаялся в своих «ошибках». В феврале 1955 г. Маленков был освобожден с поста председателя правительства по «собственной просьбе».

Бесспорным, хотя и отнюдь не всевластным, лидером «коллективного руководства» стал Хрущев. Борьба за укрепление своих позиций, а отчасти и определенный нравственный импульс, стремление освободиться от тяжкого сталинского наследия побудили его разоблачить перед широкой партийной общественностью некоторые преступления и ошибки Сталина. Хотя сам он тоже был причастен к репрессиям, да и общество в целом не было готово к столь радикальной критике вождя, **25 февраля 1956 г.**, на закрытом заседании XX съезда КПСС Хрущев неожиданно для делегатов *выступил с докладом «О культе личности и его последствиях»*. Раскрыв правду о некоторых преступлениях Сталина, Хрущев поверг в шоковое состояние партийную элиту, а затем и все советское общество, узнавшее вскоре о содержании доклада. Хотя в речи Хрущева, а тем более в последующем постановлении ЦК негативные явления в жизни советского общества были обозначены весьма избирательно и объяснены лишь трудными условиями социалистического строительства и отрицательными чертами личности Сталина, доклад произвел такое воздействие на умы, что возвращение к сталинскому режиму было уже невозможно.

После доклада Хрущева на XX съезде КПСС процессы реабилитации жертв политических репрессий приобрели невиданный масштаб. Были реабилитированы целые народы, пострадавшие от сталинского произвола. Возвращены из мест ссылки и вновь получили автономию балкарцы, чеченцы, ингуши, калмыки и карачаевцы. (Права поволжских немцев и крымских татар восстановлены не были.) Потянувшиеся из лагерей и ссылок миллионы людей несли обществу страшную правду об «изнанке» сталинского режима. Развенчание Сталина, прекращение массовых репрес-

сий и широкая (хотя и не завершенная) реабилитация жертв политических репрессий явились крупнейшими историческими достижениями правления Хрущева.

Был сделан ряд шагов по демократизации советского общества. Отменены некоторые откровенно репрессивные статьи сталинского законодательства. Расширились права союзных республик. В 1960 г. было даже упразднено общесоюзное Министерство внутренних дел, а его функции передали соответствующим республиканским министерствам. (В 1966 г. оно было воссоздано.) Предпринимались попытки оживить местные Советы. Возникли новые общественные организации, многообразные формы общественного самоуправления (работавшие, впрочем, под партийно-государственным контролем). В результате реорганизации ВЦСПС в 1957 г. расширились права профсоюзных организаций. Начались масштабные экономические и социальные реформы. Продолжился курс на повышение благосостояния народа. Активная социальная политика явилась одним из крупнейших достижений периода «оттепели» (см. главу 20).

Значительная, если не подавляющая, часть партийно-государственной номенклатуры и рядовых граждан так и не смогла примириться с развенчанием Сталина, олицетворявшего для них все успехи и победы СССР, как реальные, так и мнимые. Десятки миллионов людей, привыкших верить вождю едва ли не больше, чем самим себе, были дезориентированы и не хотели верить в страшную правду. Широкие дискуссии развернулись и за рубежом. В результате разоблачение «культа личности Сталина» раскололо партийную элиту, все советское общество и даже международное коммунистическое движение и левую общественность.

Низвергнув Сталина и развернув радикальные реформы, Хрущев восстановил против себя часть партийно-государственной элиты. Однако объединяло его противников не столько неприятие резкой критики Сталина и ряда других политических новаций, сколько недовольство стремительным сосредоточением власти в руках Хрущева. **18 июня 1957 г.** на заседании Президиума ЦК КПСС Маленков, Каганович

и Молотов подвергли жесткой критике Хрущева и поставили вопрос о его смещении с поста Первого секретаря ЦК. Большинство членов Президиума ЦК это решение поддержали. Но на стороне Хрущева выступила значительная часть обновленного ЦК, его аппарата, а главное – армия, возглавляемая Г. К. Жуковым, и КГБ, руководимый И. А. Серовым. На созванном с их помощью 22–29 июня пленуме ЦК КПСС действия противников Хрущева были осуждены как фракционные, а их группа названа антипартийной. Г. М. Маленков, Л. М. Каганович, В. М. Молотов были выведены из состава ЦК и Президиума ЦК, Н. А. Булганину объявлен выговор, а затем он был смещен с поста председателя правительства.

Дальнейшей концентрации власти в руках Хрущева способствовало смещение в октябре 1957 г. с поста министра обороны Жукова под предлогом «нарушения им партийных принципов руководства Вооруженными Силами». (На самом деле Хрущев опасался слишком популярного и самостоятельного министра обороны, который к тому же мешал ему проводить радикальное сокращение армии.) Новым министром обороны стал хорошо знакомый Хрущеву и куда более покладистый Р. Я. Малиновский. В марте 1958 г. Хрущев, оставаясь Первым секретарем ЦК, стал одновременно и Председателем Совета Министров СССР.

Однако на пользу стране огромная концентрация власти в руках Хрущева не пошла. Используя общественный подъем и стремясь решить обострявшиеся экономические проблемы, Хрущев взял курс на строительство коммунизма. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята новая (третья по счету) Программа КПСС, предусматривавшая построение в СССР коммунистического общества фактически в ближайшие два десятилетия. Несмотря на очевидный утопизм, гигантские задачи вызвали заметный (хотя и кратковременный) всплеск энтузиазма. Этому способствовал и провозглашенный в Программе курс на повышение уровня жизни, на демократизацию советского общества, на замену государственного управления общественным самоуправлением. Идейно-теоретическую основу курса на широкую демократизацию составляло положение о том, что государство дикта-

туры пролетариата переросло в общенародное государство.

Вместе с тем, несмотря на некоторую демократизацию, советский режим отнюдь не отказался от использования репрессий против тех, кто шел дальше того, что было «разрешено свыше», а уж тем более кто не разделял официальной идеологии или осмеливался открыто протестовать. Протесты в те годы носили главным образом экономический характер. В октябре 1959 г. было подавлено массовое выступление рабочих «Казахстанской Магнитки», возникшее на почве бытовой неустроенности. Продовольственные трудности и повышение цен на мясо и молоко в июне 1962 г. вызвали рабочие демонстрации и волнения в ряде городов Донбасса, Кузбасса и Центральной России. Отнюдь не везде дело ограничивалось лишь стычками с милицией и переговорами. Массовая демонстрация в Новочеркасске была расстреляна. 24 человека погибли, 30 — ранены и 105 участников демонстрации были затем осуждены, семеро из них — расстреляны.

Одним из следствий «оттепели» явилось зарождение в советском обществе «духовной оппозиции», поначалу малочисленной и сравнительно умеренной, но уже осмеливавшейся подавать свой голос публично. *Во второй половине 50-х гг. в СССР возник феномен самиздата.* Появляются машинописные журналы, в которых публикуются литературные, исторические произведения, казавшиеся слишком смелыми для официальной цензуры. Первым из таких журналов стал «Синтаксис» А. Гинзбурга. Несмотря на периодические аресты «издателей», авторов и читателей, выпуск самиздата продолжался. Это дало импульс зарождению в СССР в 60-х гг. диссидентского движения. Власть, чувствуя, что «оттепель» приводит к нежелательным и даже опасным порой последствиям, периодически прибегала к «закручиванию гаек», «проработкам» и другим привычным политико-административным методам подавления.

К середине 1960-х гг. в правящей элите и обществе в целом наблюдалось растущее разочарование деятельностью Хрущева. Народные массы были недовольны нехваткой продовольствия (перебои возника-

ли даже с хлебом), курсом на ликвидацию личного подворья в деревнях и ростом розничных цен. Они были повышены в 1962 г., на следующий год после принятия новой Программы КПСС, провозгласившей курс на снижение цен. В армии Хрущеву не могли простить резкого и не всегда продуманного сокращения Вооруженных сил, прежде всего обычных вооружений. Интеллигенция была разочарована непоследовательностью хрущевской политики, авторитарным стилем его руководства, грубыми, бесцеремонными «разносами» ряда писателей и художников. Партийная элита, избавленная Хрущевым от страха репрессий, тем не менее страдала от бесчисленных реформ и реорганизаций, порождавших частую смену кадров, нестабильность положения, а также от попыток Хрущева ограничить ее привилегии и полномочия (в том числе за счет ограничения срока пребывания на руководящих должностях, курса на развертывание общественного самоуправления и т. д.). Кроме того, значительная часть элиты и общества в целом не смогла простить Хрущеву разоблачения «культа личности Сталина». Феномен «отторжения» Хрущева усиливали импульсивность, непродуманность многих его решений, как, например, разделение партийных, советских органов на промышленные и сельские, кампания по едва ли не повсеместному насаждению кукурузы (ставшая темой анекдотов и прочно ассоциировавшаяся отныне с Хрущевым) и т. д. Широкое недовольство Хрущевым облегчило партийной элите задачу его отстранения от власти.

Ряд высших партийных и государственных деятелей: Л. И. Брежнев, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин и др. (примечательно, что все они были хрущевскими выдвиженцами) сумели сорганизовать широкий круг оппозиционно настроенной по отношению к Хрущеву номенклатуры и созвать расширенное заседание Президиума, а затем и Пленум ЦК. **13 октября 1964 г.** отдыхавшего в Сочи Хрущева срочно вызвали в Москву. Ему был предъявлен длинный список обвинений, и он был смещен со всех постов. В обществе это было встречено с одобрением. Лишь немногие сознавали, что отстранение Хрущева от власти знаменовало собой конец «оттепели».

«Оттепель» нанесла сильный удар по сталинскому тоталитаризму. Однако реформаторский потенциал советского общества оказался недостаточным для продолжения реформ и даже для сохранения либеральных завоеваний «оттепели».

■ **Эпоха «застоя» (1964—1985 гг.).** На Октябрьском (1964 г.) пленуме ЦК КПСС Первым секретарем ЦК был избран Л. И. Брежнев (с 1966 г. он стал Генеральным секретарем), Председателем Совета Министров СССР — А. Н. Косыгин. Председателем Президиума Верховного Совета СССР вскоре избрали Н. В. Подгорного. Новое руководство поначалу не имело определенной программы. Взгляды пришедших к власти руководителей существенно разнились. Часть элиты была настроена просталински, другие вообще не имели четких политических представлений.

Брежнев обращал мало внимания на содержательные аспекты управления, концентрируя свои усилия на лавировании между различными группами элиты и всемерном укреплении собственной власти. Он, по сути, стал выразителем интересов партийно-государственной номенклатуры (бюрократии). Господствующими же среди нее настроениями были неприятие хрущевских реформ, стремление к стабильности и обеспечению максимально комфортных для себя условий. Несмотря на ностальгию по сталинским временам, в целом партийная элита понимала, что возвращение к ним создало бы угрозу ее собственному положению. К тому же это имело бы и неблагоприятный в целом международный резонанс. Поэтому брежневское руководство хотя и подготовило два проекта постановления по реабилитации Сталина — частичной и полной, все же не решилось их принять. Оно ограничилось негласной реабилитацией «вождя народов». Таким образом, в итоге восторжествовал сравнительно умеренный консервативный курс.

В полной мере этот курс установился не сразу. Первые годы после прихода к власти Брежнев формировал свою команду, устранял политических конкурентов из числа недавних соратников по ниспровержению Хрущева. Началось ужесточение цензуры, возобновление политических процессов, свертывание критики Стали-

на. Однако в экономике поначалу еще сказывался реформаторский импульс предшествующей эпохи. В 1965 г. по инициативе Косыгина были развернуты крупные экономические реформы (см. главу 19).

Трудности в осуществлении этих реформ и дальнейшее укрепление властных позиций Брежнева способствовали утверждению консервативного курса. Катализатором изменений во внутренней политике послужила так называемая Пражская весна. В глубоких экономических, а затем и политических преобразованиях, проводившихся чехословацкими коммунистами под лозунгом «социализма с человеческим лицом», советская элита небезосновательно усмотрела угрозу «интересам социализма» и в августе 1968 г. осуществила вооруженное вторжение в Чехословакию.

Реализация экономических реформ в СССР затормозилась. И в обществе, и в КПСС свертывались либеральные начинания Хрущева. Отмена норм обновления руководящих кадров и прежнего курса на развитие общественного самоуправления создавали благоприятные условия для всевластия и бесконтрольности партийной номенклатуры в центре и на местах. Рос и еще более усиливал свое влияние аппарат ЦК. В регионах реальная власть была сосредоточена в руках областных, городских и районных комитетов КПСС.

В соответствии с общим, хотя и не декларируемым открыто курсом ужесточалась цензура, поощрялось и утверждалось единомыслие. В результате многие талантливые писатели, публицисты были лишены возможности публиковать свои произведения, кинофильмы порой не выходили в прокат. С конца 1960-х гг. стали подвергаться гонениям ученые и научные направления, видевшие средства разрешения экономических проблем в переходе к рыночным отношениям. В различные годы критике подвергались историки (К. Тарновский, П. Волобуев, М. Гефтер и др.) и представители других гуманитарных дисциплин, чьи концепции расходились с идеологическими установками партийного руководства.

Усиливаются репрессии против инакомыслящих. Уже в 1965—1966 гг. состоялся первый громкий поли-

тический процесс над писателями Ю. Даниэлем и А. Синявским. В 1966 г. в Уголовный кодекс была внесена статья 190[1], предусматривавшая уголовную ответственность за распространение слухов и информации, «порочащих» советский государственный и общественный строй, которая стала важнейшим средством борьбы против инакомыслия. Другими распространенными средствами стали принудительное помещение неугодных режиму людей в психиатрические лечебницы и высылки за границу.

Однако все эти меры не покончили с инакомыслием и даже, напротив, вызвали ответную реакцию, дав толчок *оформлению диссидентского движения.* Его представителями были А. Есенин-Вольпин, А. Гинзбург, В. Буковский, И. Габай и др. Наибольшую известность приобрел академик А. Сахаров («отец» советской водородной бомбы). В 70-х — начале 80-х гг. он стал «знаменем» советского инакомыслия. Диссиденты пытались отстаивать права человека, защищать репрессированных по политическим мотивам людей, вскрывали преступные действия властей, нарушение ими общепризнанных норм, подписанных СССР международных соглашений. Движение диссидентов было немногочисленным, но оно являлось симптомом начавшегося разложения советского тоталитарного режима. Несмотря на репрессии, оно сумело выжить и представляло моральную и идеологическую угрозу режиму.

Для обоснования своего курса брежневское руководство выдвинуло формулу перманентного обострения идеологической борьбы двух систем, весьма напоминающую сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Однако главным идеологическим нововведением стала *концепция развитого социализма.* Она явилась реакцией на выявившийся к концу 60-х гг. явный утопизм задач развернутого строительства коммунизма, поставленных Программой КПСС 1961 г. (Программа предусматривала, что уже в 1970 г. СССР опередит западные державы по производству продукции на душу населения, а в 1980 г. построит материально-техническую базу коммунизма.)

В 1967 г. Брежнев констатировал, что в СССР построено развитое социалистическое общество. Этот тезис позволял не только заполнить идеологический вакуум, но и «отодвинуть» задачу построения коммунизма на неопределенное будущее и в то же время зафиксировать «достижения» на этом пути. В 1977 г. была принята новая Конституция СССР — конституция «развитого социализма». В 6-й статье она закрепила монопольное положение КПСС, определив партию как руководящую и направляющую силу общества, ядро его политической системы. Брежнев, оставаясь Генеральным секретарем ЦК КПСС, занял одновременно и пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

В отличие от Сталина и даже Хрущева, Брежнев относительно осторожно пользовался властью. Более того, он и вовсе предпочитал бездействовать, если сталкивался со сложной, трудноразрешимой проблемой. Его примеру следовал партийный и государственный аппарат. В результате проблемы нарастали. По мере ухудшения ситуации официальная пропаганда все громче трубила об успехах и славословила Брежнева — «верного продолжателя дела Ленина», «выдающегося борца за мир» и т. п. Сам Брежнев полюбил награждать себя все новыми и новыми наградами. Физически немощный, увешанный всевозможными регалиями Брежнев, окруженный престарелыми членами Политбюро (их средний возраст превышал 71 год), как бы персонифицировал собой разложение существовавшего политического режима. Не только для миллионов рядовых граждан, но и для части советской элиты все очевиднее становилась невозможность сохранения существовавшего в стране положения дел.

После смерти Брежнева, в **ноябре 1982 г.** *Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Ю. В. Андропов.* Он был искренним и жестким защитником советской системы. При нем началась подготовка постановления ЦК о реабилитации Сталина, изучался вопрос о возвращении Волгограду прежнего названия и восстановлении некоторых памятников «вождю народов». Почти полностью было разгромлено диссидентское движение. Резко обострились отношения с Западом.

Вместе с тем, в отличие от Брежнева, Андропов признал наличие в стране серьезных проблем. В ряде своих выступлений он поколебал отдельные идеологические догматы, блокировавшие возможность реформ. Однако как вывести страну из предкризисного состояния, он не знал. Основной акцент был сделан на наведении дисциплины и порядка с помощью жестких административных мер, массовой замены руководящих кадров. За время своего недолгого правления он сменил 18 союзных министров и 37 первых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК союзных республик. Началось расследование некоторых крупных дел о коррупции.

Несмотря на явные, даже по советским меркам, «перегибы» (доходившие до проведения облав в кинотеатрах, парикмахерских, магазинах и т. п. заведениях с целью выявления тех, кто прогуливал или уходил с работы), в целом андроповский курс зародил в массовом сознании надежды на перемены к лучшему. Хотя скорая смерть тяжело больного Андропова так и не позволила ему сформулировать, а тем более начать реальные реформы, влияние его импульса сказывалось в обществе еще несколько лет.

В **феврале 1984 г.** *Генеральным секретарем ЦК* КПСС был избран 72-летний больной *К. У. Черненко.* Он не стремился к этому посту и был выдвинут на него членами Политбюро, в большинстве своем не хотевшими никаких перемен. Черненко как раз и подходил для этой роли. Он был уже ограниченно дееспособен и, естественно, не склонен к реформам. Однако, несмотря на обозначившийся при нем отход от преобразований (а отчасти и благодаря этому), в этот период происходило «дозревание» общественного сознания, укреплялась мысль о необходимости перемен. В стареющей правящей элите постепенно складывалась группа относительно молодых руководителей (М. С. Горбачев, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, А. Н. Яковлев и др.), не только боровшаяся за власть, но и готовая к обновлению системы.

■ **Перестройка и крах СССР.** 8 марта 1985 г. М. С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС. В **апреле 1985 г.** на пленуме ЦК он про-

возгласил свою программу: *курс на ускорение социально-экономического развития.* Добиться поставленных в самом названии программы задач предполагалось главным образом за счет ускорения научно-технического прогресса и активизации «человеческого фактора». Последнее подразумевало наведение дисциплины и порядка, повышение ответственности кадров и их инициативы. Была развернута антиалкогольная кампания, борьба за трезвый образ жизни. В 1986 г. на XXVII съезде КПСС была принята Новая редакция Программы партии. Вместо построения коммунизма провозглашался курс на совершенствование социализма.

Таким образом, ставка поначалу была сделана на политико-административные меры, на «правильные» директивы и контроль за их исполнением. Глубоких реформ, перестройки управления народным хозяйством поначалу не предусматривалось. Предпринятые шаги сразу же привели к некоторому увеличению темпов экономического роста, а главное, к изменению всей общественно-политической атмосферы в стране. Популярность молодого динамичного лидера стремительно росла.

Но даже скромные преобразования входили в жизнь с трудом. Горбачев сталкивался с сопротивлением своему курсу со стороны части высшего руководства, партийного и государственного аппарата, с «торможением», как он это называл, курса на ускорение. К тому же постепенно Горбачев стал осознавать глубину стоявших перед страной проблем. К переосмыслению существовавших порядков подтолкнула и страшная катастрофа на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. Все это подвигло Горбачева к постепенной радикализации реформ.

С 1986 г. стал все более активно использоваться термин *перестройка,* ставший в дальнейшем названием всей горбачевской политики. Январский (1987 г.) пленум ЦК КПСС выдвинул на первый план уже не ускорение, а *курс на «демократизацию и гласность».* Была существенно смягчена цензура, общество стало активно обсуждать острые, ранее запретные проблемы. В июне 1987 г. на пленуме ЦК КПСС была при-

нята первая за год перестройки экономическая реформа (см. главу 19).

В 1988 г. на XIX Всесоюзной конференции КПСС впервые за годы советской власти были приняты решения о глубокой реформе политической системы (в ней, как выяснилось, и был заложен «механизм торможения» преобразований). Горбачев попытался соединить «социалистические ценности», в том числе однопартийность, с некоторыми элементами политической доктрины либерализма. Был провозглашен курс на создание социалистического правового государства, разделение властей (КПСС подразумевалась в роли четвертой главной власти), реорганизацию Советов.

В конечном счете это противоестественное слияние не пошло на пользу КПСС. Напротив, миллионы людей впервые познакомились с некоторыми идеями либерализма, было ограничено всевластие партийных органов, и начали формироваться новые, неподконтрольные им политические структуры. Но в 1988 г. сама подготовка к партийной конференции, отличавшаяся необычайной открытостью, демократические, частично альтернативные, выборы ее делегатов и, наконец, ее «революционные» решения способствовали широкой поддержке курса реформ и Коммунистической партии. Популярность Горбачева достигла своего пика.

Поиски горбачевским руководством новых, более радикальных путей «обновления социализма» были вызваны не только неэффективностью прежних программ, но и самой логикой преобразований, тем, что под влиянием гласности и демократизации массовое сознание быстро высвобождалось из-под влияния отживших стереотипов. В обществе возникали альтернативные варианты реформ и зарождались новые политические силы, благодаря которым была подорвана политическая монополия КПСС.

В мае 1988 г. первой оппозиционной партией провозгласил себя «Демократический союз» под руководством В. И. Новодворской. С весны 1988 г. возникают и Народные фронты — первые независимые от КПСС массовые общественные организации. Народные фронты Эстонии, Латвии и Литвы насчитывали десятки и сотни тысяч членов. Позже аналогич-

ные организации возникли во всех союзных и автономных республиках.

С 1989 г. партии в СССР стали появляться в массовом порядке. Они вобрали в себя едва ли не все ведущие направления политической мысли, но доминировали все же демократические, а по сути, антикоммунистические организации. В 1990 г. оформились Демократическая и Республиканская партии. В октябре 1990 г. на базе движения избирателей «Демократическая Россия», созданного в ходе выборов народных депутатов СССР весной 1989 г., оформилась одноименная массовая общественно-политическая организация, объединившая партии, организации и движения демократической ориентации и ставшая ведущей оппозиционной силой. В самой КПСС к 1991 г. выделился ряд направлений. Каждая из политических сил предлагала свой вариант реформ. В целом демократические партии выступали за приватизацию собственности, свободу личности и систему полноценной парламентской демократии. Силы, ратовавшие за «обновление социализма», призывали к преимущественному развитию общественной собственности, коллективистских форм общественных отношений и самоуправления (о механизмах этих преобразований говорилось, как правило, в самом общем виде).

Реформированные и обновленные в ходе сравнительно демократических выборов 1989 и 1990 гг. Советы, которые Горбачев хотел использовать в качестве эффективного «помощника партии», приобрели определенную самостоятельность и шли порой гораздо дальше того, к чему было готово горбачевское руководство. Радикализации массового сознания и политических сил в СССР в огромной мере способствовали бурные демократические преобразования в Восточной Европе, которые начались под влиянием советской перестройки и уже в 1989 г. привели к крушению там социалистических режимов. Под влиянием этих событий в стране быстро росли откровенно антикоммунистические настроения, все шире раздавались требования о ликвидации монополии КПСС на власть.

Ситуация в стране обострялась, росло недовольство масс. Робость и нерешительность преобразований

вели к падению авторитета КПСС и к переходу инициативы от партийного аппарата к Советам, новым политическим партиям и движениям. Таким образом, в отличие от своего исторического аналога — хрущевских реформ, перестройка сопровождалась смещением движущей силы реформаторских процессов от центральной власти — на места, от либерально настроенной бюрократии — к массовым движениям, новым партиям. Это обусловило и иной исход горбачевских преобразований. Процессы демократизации советского общества, инициированные Горбачевым, вырвались из-под контроля и стали реально угрожать его власти. В этих условиях растерянный Горбачев пытался лавировать, искать компромиссы. Однако при этом он не собирался отказываться ни от своих демократических лозунгов, ни от социализма и руководящей роли КПСС. Это, в свою очередь, не позволяло ни насильственно подавить оппозиционные силы, ни проводить радикальные реформы.

Поколебленное всевластие КПСС и КГБ, а также «марксистско-ленинской» идеологии к полной неожиданности горбачевского руководства (завороженного привычными партийными заклинаниями о «решении национального вопроса в СССР», создании «новой исторической общности — советского народа» и т. п.) дало толчок развалу советского государства. Демократические процессы, а отчасти и ухудшение экономического положения привели к резкому обострению межнациональных отношений. Уже с 1986 г., с волнений в Алма-Ате в связи со сменой руководства Казахстана, началось резкое обострение межнациональных отношений. Вскоре оно вылилось в целую серию вооруженных, кровавых конфликтов в Ферганской долине, Нагорном Карабахе, Тбилиси, Сумгаите, Баку и т. д.

С конца 80-х гг. начался «парад суверенитетов» союзных республик. Они боролись за самостоятельность, приоритет своего законодательства над общесоюзным и не подчинялись указаниям центральных властей. Этот процесс начался в Прибалтике и Закавказье, а к началу 90-х гг. дошел до крупнейшей и «системообразующей» республики — РСФСР. В мае 1990 г., вопреки усилиям горбачевского руководства, Б. Н. Ельцин,

выступивший против непоследовательного курса руководства страны, за радикализацию реформ, был избран Председателем Верховного Совета России. **12 июня 1990 г.** съезд народных депутатов РСФСР почти единодушно (907 голосов — «за» при 13 — «против» и 9 воздержавшихся) *принял декларацию о государственном суверенитете Российской Федерации.*

В этих условиях топтавшийся на месте Горбачев, связанный «социалистическим выбором» и недоверием к «демократам», подвергался резкой критике как справа, так и слева. Демократические силы осуждали Горбачева за нерешительность и непоследовательность, а консервативные — за «предательство дела социализма» и «буржуазное перерождение». В декабре 1990 г. на IV съезде народных депутатов СССР Н. И. Рыжков заявил о том, что перестройка в том виде, в котором она замышлялась в 1985 г., не удалась.

31 июля 1990 г. Горбачев встретился с Ельциным и договорился о разработке экономической программы, альтернативной правительственной. Для этого была создана комиссия под руководством академика С. С. Шаталина и заместителя Председателя Совета Министров РСФСР Г. А. Явлинского. Этой комиссией был подготовлен проект, рассчитанный на переход к рыночной экономике за 500 дней. Однако под давлением консерваторов и синдрома недоверия к «демократам» Горбачев отказался от поддержки этого проекта. Складывавшаяся было коалиция с демократами распалась.

Социально-экономическая и политическая обстановка непрерывно ухудшалась. Обострился конфликт между центром и республиками. В этих условиях Горбачев все более стал склоняться к союзу с консерваторами. В январе 1991 г. в Вильнюсе прокоммунистическими силами и частями Советской армии была предпринята попытка отстранить от власти правительство Народного фронта и захватить телецентр, в ходе которой погибло 14 человек. Вскоре аналогичная и тоже безуспешная попытка была предпринята в Латвии. В Москве состоялись массовые митинги, поддержавшие прибалтов и осудившие действия Горбачева. Ельцин публично призвал его уйти в отставку. Между тем Горбачев сумел заручиться общественной

поддержкой. 17 марта 1991 г. впервые в истории страны был проведен референдум, на котором более 70% населения девяти союзных республик, принявших участие в голосовании, высказались за сохранение реформированного, обновленного СССР. Вдохновленный этими результатами Горбачев попытался развить успех и ввел в Москву войска. Однако массовые демонстрации и позиция съезда народных депутатов РСФСР заставили его вывести войска. Выявившаяся неэффективность дозированных и нерешительных силовых мер, неготовность к масштабному насилию, а также массовые выступления в защиту демократии весной 1991 г. побудили Горбачева вновь изменить тактику.

23 апреля под Москвой в Ново-Огарево Горбачев встретился с руководителями РСФСР, Украины, Белоруссии, Узбекистана, Казахстана, Азербайджана, Киргизии, Таджикистана и Туркмении. После острых дискуссий Горбачеву и руководителям 9 республик удалось согласовать проект нового Союзного договора, который сохранял союзный центр, но в то же время предоставлял огромные полномочия республикам. Его подписание намечалось на 20 августа 1991 г. На 21 августа было назначено заседание Совета Федерации для обсуждения плана радикализации реформ.

Новый Союзный договор означал не только резкую смену государственной модели, переход к действительно федеративному или даже конфедеративному государству. Предполагалась и широкая смена высших должностных лиц. И то и другое не устраивало консервативную часть горбачевского руководства.

18 августа 1991 г. президент СССР М. С. Горбачев был изолирован на своей даче в Крыму, где он отдыхал перед решающими событиями. Вице-президент Г. И. Янаев издал указ о вступлении в должность Президента СССР. В ночь с 18 на 19 августа был создан Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) в СССР. В него вошли: Янаев, премьер В. С. Павлов, министр обороны Д. Т. Язов, председатель КГБ В. А. Крючков, министр внутренних дел Б. К. Пуго, заместитель председателя Совета обороны О. Д. Бакланов, председатель Крестьянского союза СССР В. А. Стародубцев и президент Ассоциации го-

сударственных предприятий А. И. Тизяков. ГКЧП объявил о введении в отдельных районах страны чрезвычайного положения и о расформировании структур власти, действовавших вопреки Конституции СССР 1977 г. Была приостановлена деятельность оппозиционных партий и движений, запрещены митинги и демонстрации, установлен жесткий контроль над телевидением и некоторыми другими средствами массовой информации. В Москву были введены войска.

Хотя значительная часть общества и даже фрондирующих руководителей союзных республик восприняли эти меры пассивно, явно или молчаливо выразив свою лояльность ГКЧП, российское руководство во главе с Ельциным решило сопротивляться. (Ему некуда было отступать, к тому же оно надеялось на общественную поддержку. **12 июня 1991 г.** *Ельцин* более чем 57% голосов избирателей был *избран президентом* РСФСР.) Утром 19 августа оно обратилось к гражданам России. Расценив действия ГКЧП как реакционный, антиконституционный переворот, оно объявило этот орган и его решения незаконными. Тысячи москвичей откликнулись на это обращение и заняли оборону вокруг «Белого дома» — здания российского правительства. Ряд регионов страны, некоторые воинские части отказались выполнять решения ГКЧП. Путчисты растерялись. Они не ожидали серьезного сопротивления и не были готовы взять на себя ответственность за массированное насилие, за неизбежные многочисленные жертвы. 21 августа была созвана чрезвычайная сессия Верховного Совета России, поддержавшая руководство республики. В тот же день представители российского руководства во главе с вице-президентом РСФСР А. В. Руцким полетели в Крым и освободили из изоляции Горбачева. Члены ГКЧП были арестованы.

Провал августовского путча способствовал резкому изменению расстановки сил в стране. Реальная власть в России перешла к ельцинскому руководству. Коммунистическая партия, скомпрометировавшая себя участием в перевороте, была запрещена. Большинство республик после переворота отказались от подписания Союзного договора. На Украине был проведен референдум, в ходе которого 9/10 принявших в

нем участие граждан высказались за независимость республики. Советский Союз стремительно распадался, Горбачев терял рычаги управления. Стремясь окончательно избавиться от него и дискредитированного союзного центра, руководители России, Украины и Белоруссии собрались в Беловежской пуще, в Вискулях, и **8 декабря 1991 г.** заявили о прекращении действия Союзного договора 1922 г. и *о создании Содружества Независимых Государств* (СНГ). Оно объединило 11 бывших союзных республик (без Грузии и государств Прибалтики). СССР прекратил свое существование. Его первый и последний президент Горбачев ушел в отставку.

Глава 19
СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА МЕЖДУ КРИЗИСАМИ И МОДЕРНИЗАЦИЯМИ

■ **Экономические преобразования в 1917—1920 гг.** После победы Октябрьского восстания в Петрограде усилия большевиков были сосредоточены на укреплении собственной, пока еще очень слабой власти. Поэтому их социально-экономические преобразования поначалу носили главным образом радикально-демократический характер и были направлены не столько на реализацию своей стратегической цели — социализма, сколько на усиление своего политического влияния.

В первые месяцы после прихода к власти большевики провели ряд мер общедемократического и социального характера. Были отменены сословия и прежние чины, церковь отделена от государства, принят декрет о гражданском браке. С февраля 1918 г. в Советской России был введен западноевропейский (григорианский) календарь. Были декретированы 8-часовой рабочий день, страхование на случай безработицы (в размере средней поденной зарплаты) и болезни. В большинстве своем эти меры носили политический, пропагандистский характер. «Демократические» дек-

реты в основном лишь узаконили то, что фактически было введено после Февральской революции, а основную часть «социальных» было трудно провести в жизнь из-за нараставшего экономического кризиса. Тем не менее популярности большевикам, особенно среди рабочих, они все же добавили.

Декрет о земле, принятый II съездом Советов (и фактически воплотивший в себе близкую крестьянам эсеровскую аграрную программу), предусматривал уничтожение частной собственности на землю, а главное, конфискацию помещичьих и иных земельных владений и передачу их в уравнительное пользование крестьянам. Декрет узаконил и резко расширил масштабы захвата крестьянами помещичьих, монастырских и прочих земель, и уже к весне 1918 г. они в основном были поделены.

В городах большевики поначалу сделали ставку не на национализацию промышленности, а на введение «рабочего контроля» над производством. Соответствующее положение было принято ВЦИК и СНК 14 ноября 1917 г., но явочное введение рабочего контроля на предприятиях началось еще до Октябрьской революции. Рабочий контроль, осуществляемый фабзавкомами и профсоюзами, большевики считали переходным этапом к национализации, необходимым для подавления «саботажа» буржуазии и для приобретения рабочими управленческих навыков. Вместе с тем уже с 17 ноября 1917 г. начинается и национализация предприятий.

К концу 1917 г. — началу 1918 г., по мере усиления политических позиций большевиков, их экономическая политика радикализируется, развертывается «кавалерийская атака на капитал». Для руководства социалистическими преобразованиями в экономике 2 декабря 1917 г. был создан Высший совет народного хозяйства. Его возглавил Н. Осинский, а с весны 1918 г. — А. И. Рыков. Начинается широкая национализация промышленности, флота, банков.

Государственный банк большевики захватили уже в ходе Октябрьского переворота. Но преодолеть саботаж (т. е. забастовку, пассивное сопротивление) банковских служащих, наладить регулярное финансирование правительства большевикам удалось лишь к

концу ноября 1917 г. 14 декабря 1917 г. красноармейцы захватили петроградские банки, после чего ВЦИК издал декрет о национализации банков. 23 января 1918 г. был принят декрет о конфискации акционерных капиталов бывших частных банков. Кроме того, большевики объявили об отказе выплачивать долги. 21 января 1918 г. ВЦИК аннулировал государственные займы, заключенные царским и Временным правительствами. (К тому времени государственный долг составлял примерно 50 млрд руб., в том числе 12 млрд — внешний.)

Следствием большевистской политики стало дальнейшее стремительное ухудшение социально-экономического положения Советской России. Национализация банков (а им до революции принадлежала бóльшая часть всех капиталов акционерных обществ страны) разрушила финансовую инфраструктуру и подорвала сами основы рыночной экономики, а отказ от выплат государственных долгов изолировал страну от мирового хозяйства. Рабочее управление национализированными предприятиями и рабочий контроль на частных заводах, за редким исключением, демонстрировали свою неэффективность. Падали дисциплина и производительность труда, резко росли хищения заводского имущества, материалов и т. п. Продукция фабрично-заводской промышленности продолжала быстро сокращаться, росла безработица. В полное расстройство пришел железнодорожный транспорт. Местные Советы не считали зазорным конфисковывать грузы, провозившиеся по их территории. К весне 1918 г. страна оказалась на грани экономического и социального коллапса.

Главной опасностью стал голод. Его причиной послужило не столько отпадение от Советской России хлебородных районов Украины, затем Юга России и др., сколько незаинтересованность крестьянства в продаже хлеба государству по неэквивалентно низким — из-за огромной инфляции — ценам и без соответствующего товарного покрытия (следствие падения промышленного производства и дезорганизации крупной торговли). Получив землю и не видя непосредственной угрозы реставрации старых порядков, крестьянство не хотело почти задаром кормить

города и новую власть. Горожане выживали главным образом за счет «мешочничества», черного рынка.

В этих условиях Ленин призвал приостановить «красногвардейскую атаку на капитал», т. е. дальнейшую национализацию промышленности, и развивать «госкапитализм». Под ним подразумевалось прежде всего наведение элементарной дисциплины, «учета и контроля», а также внедрение передовых методов организации труда, позаимствованных у капиталистов, элементов материального стимулирования и привлечение к сотрудничеству «буржуазных специалистов» и даже самих буржуа. Вместо курса на демократическое рабочее управление предприятиями вводилось единоначалие, жесткая централизация.

За исключением централизации управления экономикой и привлечения на советскую службу старых специалистов (которым в большинстве своем просто некуда было деваться) ленинский план «госкапитализма» потерпел неудачу. В силу существовавших экономических условий и политического бесправия буржуазия не могла пойти на сотрудничество с советской властью, а рабочий контроль все более дискредитировал себя. В результате масштабы национализации лишь возрастали: если к марту 1918 г. было национализировано 836 предприятий, то с марта до конца июня 1918 г. — 1222.

Попытка приостановки «красногвардейской атаки» на капитал в городах сопровождалась развертыванием массированного наступления на деревню. В **мае 1918 г.** *была введена продовольственная диктатура.* Крестьян обязывали сдавать государству все «излишки» хлеба по твердым, т. е. крайне низким, ценам, фактически бесплатно. Для изъятия хлеба Наркомпрод получал чрезвычайные полномочия и даже свою продовольственную армию. Чтобы «политически подкрепить» насильственное изъятие хлеба у крестьян, а заодно и ликвидировать «эксплуататоров-кулаков», был взят курс на организацию бедноты и всемерное развертывание «классовой борьбы», а по существу, гражданской войны в деревне. Созданные согласно декрету ВЦИК от 11 июня 1918 г. комитеты бедноты не только помогали изымать хлеб у зажиточных крестьян, но и осуществили новый земельный пере-

дел, отняв у кулаков до 50 млн десятин земли — почти в 3 раза больше, чем у помещиков после Октября. В городах также активно использовались силовые методы для пресечения рабочих выступлений и забастовок, борьбы со «спекулянтами» и т. д.

Применение государственного принуждения и репрессий не только против «эксплуататоров», но и против трудящихся явилось для большевиков универсальным средством для того, чтобы предотвратить экономическую катастрофу, компенсировать резкое сужение своей социальной базы и во что бы то ни стало сохранить в своих руках власть и социалистический курс.

Ожесточенная Гражданская война потребовала создания огромной армии и максимальной мобилизации ресурсов в руках государства. Это вызвало дальнейшую централизацию власти и подчинение ее контролю важнейших сфер жизнедеятельности общества. Задачи, продиктованные чрезвычайной обстановкой, во многом совпали с марксистскими представлениями о социализме как о бестоварном, централизованном обществе, «единой фабрике». Все это, а также революции 1918—1919 гг. в Германии и Венгрии возродили у большевиков психологию революционного штурма и стремление непосредственно перейти к социализму. Эти факторы привели к формированию феномена военного коммунизма.

Сложившийся к началу 1919 г. ***военный коммунизм*** представлял собой не только систему вынужденных (из-за Гражданской войны и разрухи) мер, но и попытку «прыжка» в социализм с помощью масштабного государственного насилия.

В 1918—1920 гг. была национализирована не только крупная, средняя, но отчасти и мелкая промышленность. Управление ею было централизовано в так называемых главках. *Продовольственная диктатура в начале 1919 г. трансформировалась в продовольственную разверстку.* Она тоже предусматривала принудительное изъятие продуктов у крестьян, но теперь хотя

бы в соответствии с планом государственных заготовок (разверстанным по губерниям). Как полагают некоторые исследователи, этим были положены пусть призрачные, но хоть какие-то границы беспощадному ограблению крестьян, производившемуся с весны 1918 г., а точнее, это ограбление было несколько упорядочено. Предельно допустимые нормы потребления зерна и крупы на человека в год были определены Наркомпродом на 6 пудов ниже физиологических потребностей человека. Были установлены и нормы потребления фуража для скота. Все остальное считалось излишками и подлежало сдаче государству по твердым ценам, существенно ниже рыночных. В отличие от продовольственной диктатуры, продразверстка в дальнейшем охватила 20 видов сельскохозяйственной продукции.

Уже в 1918, и особенно в 1919 г., большевики предпринимают усилия по насаждению в деревне коммун и замене ими единоличного хозяйства (своего рода репетиция последующей коллективизации). Однако активное сопротивление крестьян сорвало эти планы.

Полный развал финансовой системы в 1918 г. привел к тому, что основным источником доходов бюджета (до 9/10) стала денежная эмиссия. Началась колоссальная инфляция, почти полное обесценение «советских дензнаков». Все это в сочетании с курсом большевиков на ликвидацию товарно-денежных отношений привело к господству уравнительного государственного распределения, к фактической замене денежных зарплат системой натуральных пайков и даже к подготовке отмены денег вообще (марксизм утверждал, что при коммунизме денег не будет). Были введены всеобщая трудовая повинность, принудительное членство в общественных организациях и т. д. (см. главу 20).

Таким образом, военный коммунизм представлял собой не только способ выживания большевистского режима в условиях разрухи и Гражданской войны. Для большевиков он был прежде всего попыткой непосредственного, сверхбыстрого перехода к социализму и даже коммунизму с помощью широчайшего государственного принуждения. Несмотря на недовольство масс и периодические восстания, за военный

коммунизм большевики держались до последней возможности. Ленин с пафосом заявлял: «Все умрем, но свободы торговли не допустим!»

Лишь небывалая волна восстаний и рабочих забастовок 1920/21 г., создавшая реальную угрозу потери власти, заставила большевиков отойти от военного коммунизма и перейти к нэпу. Но военно-коммунистическая идеология и психология, пропитавшая большевиков и часть рабочего класса, стала неотъемлемой частью последующей истории большевизма.

Путем жесточайшей диктатуры и массового террора большевикам удалось сохранить государственность России и создать — в условиях кризиса рыночных отношений — новую экономическую модель. Однако выбранный большевиками путь привел к Гражданской войне, огромным жертвам и разорению страны. Промышленное производство сократилось в 7 раз, продукция сельского хозяйства в 1920 г. составила две трети довоенного уровня.

■ **Успехи и противоречия нэпа.** 15 марта 1921 г. большевистское руководство вынуждено было принять непростое для себя *решение о замене продразверстки продовольственным налогом.* Он был не только существенно меньше, чем продразверстка, но и имел твердо установленные размеры. Крестьяне, таким образом, получали материальный стимул для наращивания производства. Однако поначалу большевики не хотели допустить свободной торговли оставшимися у крестьян после сдачи продналога продуктами и пытались организовать товарообмен. Это не удалось, и уже к осени 1921 г. свободная торговля была разрешена. Это стало вторым крупнейшим шагом на пути к новой экономической политике.

В первой половине 20-х гг. большевистское руководство провело серию глубоких преобразований. Оно отменило некоторые социально-экономические нормы военного коммунизма, легализовало частное предпринимательство, разрешило наем рабочей силы, аренду земли и предприятий. Членство в потребительской кооперации вновь стало добровольным. Была разгосударствлена мелкая, а во многом и средняя промышленность. В результате уже к концу 1923 г. у го-

сударства осталась лишь треть ранее национализированных предприятий. Однако это были крупные и средние предприятия (некоторые из них убыточные). Кроме того, государство сохранило в своих руках транспорт и монополию на внешнюю торговлю. Управление государственной промышленностью было децентрализовано. Предприятия объединялись в тресты, общее руководство которыми осуществлял ВСНХ, вводилось материальное стимулирование и хозрасчет (действовавший в основном на уровне трестов и предприятий).

Был осуществлен ряд радикальных финансовых реформ. Важную роль в них сыграл нарком финансов Г. Я. Сокольников (1921—1926 гг.), опиравшийся на помощь старых, дореволюционных специалистов. Был воссоздан Государственный банк; возникла сеть кооперативных, коммунальных и иных банков. Таким образом, в нэповской России появилась двухуровневая банковская система. Преодолевая сопротивление значительной части политического и хозяйственного руководства, коммунистические реформаторы смогли резко ограничить денежную эмиссию, ввести новую налоговую систему, а также плату за коммунальные и транспортные услуги. В 1922—1924 гг. была проведена денежная реформа: введена твердая, конвертируемая валюта — золотой червонец, которая постепенно вытеснила «совзнаки». Хотя уже в 1926 г. червонец потерял свою конвертируемость, гиперинфляция была подавлена, а финансовая система стабилизирована. В результате этих мер экономика страны, казалось, окончательно превращенная в руины, стала быстро восстанавливаться.

По официальной статистике, ежегодные темпы прироста промышленности в 1921—1927 гг. составляли от 14 до 66%. Хотя это были завышенные данные, темпы восстановления были действительно велики и позволили уже к концу 20-х гг. достичь довоенного уровня производства. Высокими темпами восстанавливалось и сельское хозяйство. В 1925 г. валовой сбор зерновых на 1/5 превысил среднегодовой сбор в 1909—1913 гг. К 1927 г. был достигнут довоенный уровень в животноводстве. По некоторым оценкам, потребление продовольственных продуктов в 1927 г.

превысило уровень дореволюционной России. Таким образом, *нэп позволил в чрезвычайно короткие сроки* — к концу 20-х гг. — *восстановить страну.*

Однако по мере развития нэпа росла и новая буржуазия, увеличивалась безработица, шло расслоение деревни (см. главу 20). В собственно экономическом плане нэп также имел уязвимые места. Сохранялся огромный государственный сектор, который в 1925—1926 гг. объединял более 64% предприятий фабрично-заводской (т. е. крупной) промышленности и давал до 9/10 ее валовой продукции. В целом удельный вес частной промышленности составлял лишь 24%. Производительность труда на государственных предприятиях была в 2 раза ниже, чем на частных. Но из политических соображений большевики искусственно тормозили развитие крупного и среднего предпринимательства, не позволяли вкладывать частные капиталы в развитие тяжелой промышленности. Под давлением властей с 1926 г. частная промышленность не только перестала расти, но и начала постепенно свертывать производство. Выпуск продукции в частной и концессионной промышленности в 1925—1926 гг. достиг 2,5 млрд руб., но уже к 1928/29 гг. упал до 2 млрд руб. Политическое бесправие нэпманов, неуверенность в завтрашнем дне заставляли их ограничивать производственные инвестиции и тратить огромные деньги на взятки, создание «кубышек» на черный день и т. п. Таким образом, эффективность нэповской экономики была заметно ниже, чем дореволюционной.

Это относилось и к сельскому хозяйству. Стремясь не растерять свою социальную базу, власти освобождали от сельскохозяйственного налога беднейшие хозяйства (в 1922/23 г. было освобождено 3%, а в 1927 г. — уже 35% хозяйств) и в то же время все больше обкладывали налогами зажиточных крестьян. Это существенно тормозило дальнейший рост объемов производства, препятствовало развитию крупных товарных хозяйств. Низкая товарность, а отчасти и рост потребления продуктов самими крестьянами способствовали тому, что экспорт сельскохозяйственных продуктов, служивший важнейшим источником валюты для государства, в середине 20-х гг. составлял

лишь 1/5—1/4 от довоенного. Это, в свою очередь, обусловило многократно меньшие объемы импорта, в том числе и необходимого для модернизации страны оборудования.

Во второй половине 20-х гг. по мере восстановления промышленности и реализации курса большевиков на индустриализацию все более ощущалась нехватка капиталов для развития тяжелой промышленности. Отказ советского государства от уплаты дореволюционных долгов и компенсаций за национализированную иностранную собственность препятствовал масштабному притоку зарубежных капиталов. Иностранные концессии, начавшие создаваться с начала 20-х гг., не получили широкого развития. В 1927 г. их было лишь 65; за исключением нескольких предприятий по добыче золота, серебра, свинца, марганца, их размер был невелик и существенного влияния на развитие экономики они в целом оказать не могли. Мобилизация отечественных частных капиталов для инвестиций в промышленность блокировалась политико-идеологическими факторами. Возраставшее использование для этого государственных ресурсов вело к расстройству финансовой системы и увеличению диспропорций в экономике.

Вышеуказанные обстоятельства обусловили известную неустойчивость нэповской административно-рыночной экономики. Уже в 1923 г. произошел первый экономический кризис — «ножницы цен». Стремление трестов и государства получить максимальную прибыль вызвало повышение цен на промышленные товары. В деревне не могли их купить, нависла угроза остановки предприятий. В 1925 г. крестьяне предпочли продавать государству технические культуры, а не хлеб, закупочные цены на который были занижены. Это вызвало сокращение хлебного экспорта, соответственно упали валютные поступления. Обострился «товарный голод», так как промышленность не удовлетворяла спрос деревни. В обоих случаях из кризиса выходили за счет экономических мер, соответствующего изменения цен. В 1925 г. государство получило дополнительный источник дохода, вновь введя свою монополию на водку (названную «рыковкой» — по имени главы правительства А. И. Рыкова). Однако

увеличивавшийся — в связи с курсом на индустриализацию — дефицит инвестиций и политико-идеологические императивы большевистского руководства подталкивали ко все большему вмешательству государства в экономику, что, в свою очередь, провоцировало новые кризисы.

Противоречие между рыночной в своей основе экономикой и монополизированной большевиками политической системой, по-прежнему нацеленной на строительство социализма, являлось ключевым противоречием нэповского общества.

■ **«Наступление социализма по всему фронту».** В большинстве своем сталинское руководство до конца так и не смирилось с нэпом. Однако свертывание нэпа вызвали не только политические, идеологические факторы, но и экономические. Толчком послужил хлебозаготовительный кризис 1927—1929 гг.

Зимой 1927/28 г. из-за неблагоприятных погодных условий в некоторых районах, а главное — из-за низких заготовительных цен на зерно крестьяне мало продали хлеба государству. Невыполнение плана хлебозаготовок поставило под угрозу снабжение городов, армии и вызвало сокращение хлебного экспорта (важнейшего источника валюты), а отсюда и импорта необходимого для страны промышленного оборудования. В ответ сталинское руководство прибегло к насильственным методам: при отказе крестьян от сдачи хлеба государству по низким заготовительным ценам к ним стали применять статью 107 Уголовного кодекса РСФСР о спекуляции и конфисковывать «излишки» зерна. Хлебный дефицит удалось ликвидировать.

Однако применение этой чрезвычайной, почти военно-коммунистической меры нанесло смертельный удар по нэповскому хозяйственному механизму. Более того, крестьяне стали сокращать посевы зерновых, поскольку их производство стало невыгодным. На следующий год хлебозаготовительный кризис еще более обострился. В городах возникла угроза голода. С конца 1928 г. в городах вводится карточная система на хлеб и другие продукты. Перед руководством страны встал вопрос, что же делать дальше.

Бухарин, Рыков и некоторые другие советские лидеры объясняли кризис прежде всего ошибками в экономической политике. Выйти из кризиса они предлагали за счет отказа от «чрезвычайщины» и применения главным образом экономических методов: повышения закупочных цен на хлеб, направления в деревню товаров легкой промышленности, а также усиления налогового обложения зажиточных слоев деревни. Однако такие меры объективно вели к ограничению темпов индустриализации. Повышение закупочных цен на зерно требовало огромных ресурсов, поскольку государственные закупочные цены примерно в 3 раза были ниже рыночных. Найти эти средства можно было лишь за счет свертывания амбициозных программ индустриализации. Без масштабной перекачки ресурсов из деревни, достигавшейся во многом за счет диспаритета цен на сельскохозяйственные и промышленные товары, форсированное развитие промышленности могло быть обеспечено либо за счет широкого притока иностранного капитала (что было невозможно), либо за счет всемерного поощрения частных инвестиций, что также было неприемлемо для советского режима. Более того, предложенные Бухариным меры требовали первоочередного развития не тяжелой промышленности, а легкой, с тем чтобы удовлетворить резко возросший платежеспособный спрос деревни. Таким образом, фактически речь шла об отказе от курса на ускоренное развитие тяжелой индустрии. К тому же предлагавшийся Бухариным вариант был уязвим политически — в большевистской партии он мог быть расценен как уступка кулачеству.

Сталин и его сторонники объясняли причины кризиса саботажем кулаков и самой природой мелкотоварного крестьянского хозяйства, не способного обеспечить потребности растущей индустрии. Недостаточные темпы развития промышленности, по их мнению, порождали товарный голод и не позволяли наладить товарообмен между городом и деревней. Поэтому Сталин призвал максимально ускорить развитие тяжелой промышленности за счет наращивания перекачки средств из деревни. В будущем же за счет

развития индустрии предполагалось ее технически перевооружить.

Наладить канал для масштабной перекачки ресурсов из деревни в города, по мысли Сталина, могла только массовая коллективизация. Повсеместное создание крупных коллективных, а фактически государственных хозяйств повысило бы товарность сельскохозяйственного производства, а главное, позволило бы не увеличивать закупочные цены на зерно, так как рыночные отношения между деревней и городом были бы окончательно заменены административно-государственными. Предполагалось, что коллективизированная деревня по номинальным ценам обеспечит продовольствием и сырьем город и соответствующий экспорт, а также снабдит растущую индустрию почти бесплатной рабочей силой.

Таким образом, сталинский план позволял не только ликвидировать текущий кризис, но и обеспечить надежный источник накоплений для ускоренной индустриализации, «обобществить» деревню и установить над ней жесткий партийно-государственный контроль. По сути, речь шла о полной смене экономической модели, о переходе к ускоренной экономической и социальной модернизации, или, как ее стали называть, о «наступлении социализма по всему фронту». Издержки сталинской программы, связанные с необходимостью массированного насилия над деревней, казалось, не шли в сравнение с ее огромными преимуществами для «дела строительства социализма». Бухарин и его сторонники были обвинены в «правом уклоне».

В **июне 1929 г.** *было объявлено о начале массовой коллективизации.* Она сопровождалась заготовительной кампанией. В результате применения широкомасштабного насилия и мобилизации в деревню десятков тысяч городских активистов быстро создавались коллективные хозяйства, у крестьян изымалось зерно. Несмотря на отнюдь не лучший урожай, государство получило, а фактически реквизировало примерно в 1,6 раза больше зерна, чем в предшествующие годы. Темпы коллективизации нарастали. В декабре 1929 г. сталинское руководство объявило о переходе от ограничения кулачества к его ликвидации как

класса. Кулаков арестовывали и высылали в Сибирь (в лучшем случае переселяли на другие, малоудобные или необрабатываемые земли), их имущество конфисковывалось и передавалось колхозам и беднякам-активистам. Главной целью этой кампании была не столько ликвидация «последнего эксплуататорского класса», сколько оказание нажима на деревню с целью заставить крестьян под угрозой раскулачивания вступать в колхозы.

Путем массированного государственного принуждения долю коллективизированных хозяйств удалось поднять с 7,3% — в октябре 1929 г. до 58,6% к марту 1930. В ответ заполыхали восстания. В 1930 г. произошло более 13,8 тыс. крестьянских волнений. Для их подавления использовались как силы ОГПУ, так и воинские части. Распространенной формой пассивного сопротивления крестьян являлся массовый забой ими скота, чтобы не отдавать его в колхоз. В 1929 г. поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось на 9,2 млн голов.

Чтобы сбить волну крестьянских восстаний, грозивших перекинуться на преимущественно крестьянскую по своему составу армию, Сталин в марте 1930 г. вынужден был притормозить дальнейшее наращивание темпов коллективизации и осудить «перегибы» в колхозном движении. Разумеется, вся вина за них была списана на местные власти. Временное ослабление нажима на деревню и растерянность местных партийных и советских органов (добросовестно пытавшихся выполнять директивы центра, но неожиданно для себя оказавшихся виновными в «перегибах») привели к тому, что уже в марте 1930 г. из колхозов вышло 5 млн человек.

К июлю 1930 г. доля коллективизированных хозяйств снизилась почти в 3 раза — до 21%. Однако вскоре кампания по коллективизации вновь активизировалась, хотя и проводилась теперь более медленными темпами. К 1935 г. коллективизация была практически завершена.

Сопровождавшая коллективизацию кампания хлебозаготовок 1930/31 г. дала государству 22 млн т зерна — примерно в 2 раза больше, чем в последние годы нэпа. Выкачать из деревни такое количество хлеба

позволили не столько благоприятные погодные условия 1930 года, обеспечившие 20-процентный рост урожая по сравнению с предыдущим годом, сколько колоссальное изъятие хлеба из колхозов. В 1931 г. урожай был существенно ниже, чем в 1930 г., — 69 млн т вместо 83,5 млн т. Но благодаря беспрецедентному нажиму государства, объем хлебозаготовок вырос по сравнению с предыдущим годом. У колхозов изымали примерно треть, а в некоторых районах, особенно на Украине, и до 3/4 урожая. Столь существенное изъятие продуктов (в годы нэпа крестьяне продавали всего 15—20% урожая, остальное шло на потребление и семена) угрожало голодом и подрывало сельскохозяйственное производство. Тем не менее план хлебозаготовок на 1932 г. был вновь существенно повышен.

Чтобы подкрепить его политически и «приструнить» колхозников, не проявлявших, по мнению Сталина, должной сознательности, в августе 1932 г. был принят закон об охране социалистической собственности, вошедший в историю как «закон о пяти колосках». За хищение колхозного имущества вводился расстрел с конфискацией всего имущества (при смягчающих обстоятельствах — 10 лет заключения с конфискацией). Уже через полгода по этому закону было осуждено 103 тыс. человек, в том числе более 6 тыс. — расстреляно. Кроме того, в совхозах и машинно-тракторных станциях создаются чрезвычайные органы — политотделы, следившие за неукоснительным проведением «партийной линии». Чтобы лишить крестьян, возможности массового бегства в города и установить над всем населением жесткий административный контроль, в 1932—1933 гг. вводится паспортная система. Колхозникам паспортов не выдавали, они могли их получить только с разрешения начальства.

Стремление властей выполнить план хлебозаготовок во что бы то ни стало, выгребая подчистую колхозные амбары и расплачиваясь с колхозами по ценам многократно ниже рыночных, привело к страшному голоду 1932—1933 гг. Он охватил Украину, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан и привел к гибели, по разным оценкам, от 7,2 до 10,8 млн человек. При этом

государство не только не помогало голодающим, но, напротив, продолжало экспортировать хлеб и не выпускало крестьян из голодавшей деревни в города. Публично же объявлялось, что голода в СССР нет.

Человеческие и материальные потери в годы коллективизации были сопоставимы с потерями в Гражданскую войну и многократно превосходили потери страны в годы Первой мировой войны. Только число раскулаченных составило от 1,8 млн до 6 млн человек. Учитывая арестованных, расстрелянных крестьян и погибших от голода, жертвами коллективизации стали, по-видимому, 10—16 млн крестьян. Даже Сталин, явно не заинтересованный в оглашении истинной цены коллективизации, позднее в порыве откровенности признался У. Черчиллю, что она стоила 10 млн человеческих жизней.

Только за 1929—1932 гг. поголовье лошадей и крупного рогатого скота сократилось на 1/3 — соответственно на 20 и 11 млн голов, свиней в 2 раза, овец и коз — в 2,5 раза. Даже в относительно благоприятном 1935 г., несмотря на рост посевных площадей, производство зерна было на 15% ниже, чем в последние годы нэпа, продукция животноводства сократилась примерно на 40%.

Однако сталинскому режиму был не очень-то и важен рост сельскохозяйственного производства. Прежде всего, ему нужно было наладить надежный канал перекачки ресурсов из деревни на финансирование индустриализации, а также установить жесткий политико-административный контроль над крестьянством. С этими задачами — ценой колоссальных людских потерь и страшного разорения деревни — большевики справились. В том же 1935 г. государство смогло изъять у крестьян примерно в 3 раза больше сельскохозяйственной продукции, чем в 1928 г. При этом государственные закупочные цены на нее были существенно ниже ее себестоимости.

Таким образом, путем небывалого насилия, используя отсутствие в деревне частной собственности на землю и неизжитые общинные традиции, сталинскому руководству удалось загнать крестьян в колхозы. Лишив их свободы передвижения (через введение паспортной системы) и заставив работать в колхозах

почти без вознаграждения, большевики получили ресурсы для форсированной индустриализации и создания колоссального госаппарата. Платой за это послужили огромные людские, материальные потери и подрыв стимулов саморазвития деревни.

■ **Форсированная индустриализация.** Индустриализация России началась с промышленного переворота, произошедшего во второй половине XIX в. Хотя до 1917 г. Россия добилась больших экономических успехов, заняв пятое место в мире по объему промышленного производства, тем не менее индустриализация страны не была завершена. Ведущей отраслью оставалось сельское хозяйство, стоимость тяжелой промышленности (группа «А») уступала легкой и пищевой (группа «Б»). Сохранялась и определенная техническая зависимость от передовых держав (хотя в годы Первой мировой войны она была заметно уменьшена).

Большевики понимали необходимость завершения индустриализации. В 1920 г. Ленин провозгласил план электрификации России — ГОЭЛРО. Однако обстановка Гражданской войны и отсутствие ресурсов не позволяли развивать тяжелую промышленность, напротив, она стремительно разрушалась. К тому же большевики надеялись на мировую революцию и на помощь пролетариата Германии и других развитых стран.

Однако в **1925 г.**, когда стало ясно, что на близкую мировую революцию рассчитывать не приходится, сталинское руководство взяло *курс на строительство социализма в одной, отдельно взятой стране.* Отсюда проблема ускоренного развития тяжелой промышленности стала для большевиков проблемой выживания их режима в условиях капиталистического окружения. Только завершение индустриализации могло обеспечить экономическую и военно-политическую самостоятельность СССР и создать материально-техническую базу социализма в преимущественно крестьянской стране. В результате в **1925 г.** был принят *курс на ускоренную индустриализацию,* всемерное развитие тяжелой промышленности и преодоление технико-экономического отставания СССР.

Главной проблемой стал поиск ресурсов для индустриализации. В условиях, когда на иностранные инвестиции рассчитывать не приходилось, государственная промышленность не могла дать значительных накоплений, а приток частных капиталов блокировался из-за политико-идеологических соображений, найти необходимые ресурсы можно было только в деревне: там жило около 4/5 всего населения, сельское хозяйство отличалось высокой оборачиваемостью фондов и служило основным источником валютных поступлений.

В годы нэпа ресурсы перекачивались из деревни за счет взимания продналога, а также за счет диспаритета цен на сельскохозяйственные и промышленные товары. Но такой путь в условиях административно-рыночной экономики вел к периодическим кризисам (1923, 1925, 1927—1929 гг.) и не давал масштабных накоплений. Это и подтолкнуло к свертыванию нэпа и массовой коллективизации. В 1930-е гг. колхозы стали основным каналом для поступления ресурсов для индустриализации.

По мере развертывания коллективизации сталинское руководство всемерно форсировало темпы индустриализации. В апреле 1929 г. на XVI партийной конференции из двух вариантов первого пятилетнего плана (на 1928/29—1932/33 гг.) был выбран самый напряженный — «оптимальный», хотя даже иной, более умеренный вариант — «отправной» — предусматривал немыслимые задания. С ноября 1929 г. плановые задания неоднократно повышались. Как следствие, уже в 1930 г. из-за перебоев на транспорте, нехватки стройматериалов, сырья, топлива, оборудования и рабочей силы до 40% капиталовложений оказались омертвлены в незавершенных объектах. Но Сталина не пугали колоссальные потери и неэффективность использования ресурсов. Списывая собственные просчеты на «саботажников», «вредителей», он по-прежнему требовал нереальных темпов индустриализации.

Сталинский курс довершил разрушение нэповского хозяйственного механизма и привел к формированию *административно-командной системы управления*. Она была основана на широчайшем внеэконо-

мическом принуждении, сверхцентрализации управления и директивном планировании. Вместо хозрасчетных трестов и синдикатов опять были созданы главки по отраслям в соответствующих наркоматах. Сверху на предприятия «спускался» детальный план, а главки и наркоматы распределяли имеющиеся ресурсы по фондам и нарядам. Предприятия лишались права устанавливать цены и распоряжаться продукцией. Финансовая реформа упразднила все негосударственные банки и коммерческий кредит. Вместо гибкой системы налогов были введены отчисления с прибыли и единый налог с оборота, уплачиваемый не производителем, а покупателем, т. е. населением. Налог стал не средством регулирования производства, а только источником казенного дохода и вложений в тяжелую промышленность — продукция ее предприятий налогами не облагалась. Оценка работы предприятия теперь зависела не столько от количества и качества его продукции, сколько от успешного выполнения плана. Полная ликвидация частного сектора в промышленности и сельском хозяйстве повлекла за собой повальное обобществление — точнее, огосударствление экономики и стремительное разрастание государственного аппарата. ВСНХ в 1932 г. был преобразован в 3 наркомата, а в 1939 г. функционировал уже 21 хозяйственный наркомат.

Важнейшим стимулом к труду стал не материальный интерес, как в годы нэпа, а *страх перед репрессиями.* Террор и массовые репрессии являлись неотъемлемой частью сталинского хозяйственного механизма. Дополнительным стимулом к труду и своеобразной идеологической анестезией, примирявшей с трудностями, падением уровня жизни, для части городского населения служил коммунистический энтузиазм, вера в «светлое будущее». Большевистское руководство всячески активизировало усилия по насаждению веры в коммунистические идеалы и в успехи на пути строительства социализма. Важнейшей задачей нового хозяйственного механизма стала максимальная мобилизация материальных и людских ресурсов страны (отсюда и распространенный ныне термин — «мобилизационная экономика»). Собран-

ные ресурсы по воле Сталина концентрировались на форсированном развитии тяжелой промышленности.

В начале 1933 г. было объявлено о выполнении первой пятилетки за 4 года и 3 месяца. Но, несмотря на беспрецедентную концентрацию ресурсов, достигнутую за счет разорения деревни, снижения жизненного уровня городского населения (розничные цены увеличились в 2,5—3 раза, покупательная способность рабочих снизилась примерно на 40%) и распродажи за границу предметов культурного достояния страны, на самом деле задания пятилетки не были выполнены. Производительность труда не только не увеличилась в 2,1 раза, как было запланировано, но, наоборот, снизилась. Задания на вторую пятилетку были чуть менее напряженными — сталинское руководство извлекло некоторые уроки, — но и она полностью выполнена не была.

Тем не менее темпы индустриального развития были все же высоки. В 1928—1941 гг. в СССР было построено и реконструировано до 9 тыс. предприятий. Среднегодовые темпы промышленного роста, хотя и не достигали официально объявленных 17%, составляли все же 10,9%. Этот индустриальный скачок, а также глубочайший в истории капитализма кризис 1929—1932 гг. позволили СССР в конце 30-х гг. выйти на 2-е место в мире после США по объемам промышленного производства. Сократилось технико-экономическое отставание страны от ведущих держав, был создан мощный военно-промышленный комплекс.

Таким образом, за счет беспощадного ограбления деревни, снижения жизненного уровня населения в городах и применения массированного внеэкономического принуждения в конце 20—30-х гг. был совершен индустриальный скачок и в основном завершена социалистическая модернизация страны.

Военная экономика. Неожиданное нападение фашистской Германии и быстрое отступление Красной армии в 1941—1942 гг. нанесли колоссальный удар по экономике, дезорганизовали производство, разорвали хозяйственные связи и привели к огромным людским и материальным потерям. Как валовой объем производства, так и выпуск вооружений быстро снижались.

Между тем даже до войны промышленная база Германии, включая экономический потенциал завоеванных стран, в 1,5—2 раза превосходила советскую. В начальный период войны СССР потерял многие из наиболее развитых экономически районов. В мирное время там проживало более 40% населения и производилась примерно 1/3 валовой промышленной продукции, включая 40% электроэнергии и 60% стали. В результате промышленность фашистской Германии стала превосходить возможности советской промышленности по меньшей мере в 3—4 раза. Ликвидация этого диспаритета, прежде всего в сфере военного производства, стала проблемой выживания Советского Союза.

С первых дней войны принимались меры по перестройке и еще большей централизации управления, вводились в действие мобилизационные планы, ускоренными темпами начался перевод экономики на военный лад. Постепенно патриотизм, терпение и самопожертвование народа, твердая политическая воля руководства, а также особенности советской мобилизационной экономики (сверхцентрализм управления, директивное планирование, колоссальные природные и людские ресурсы, фактическое отсутствие личной свободы граждан) стали приносить результаты. За счет напряжения всех сил народа страна превратилась в единый военный лагерь и смогла мобилизовать все ресурсы для помощи фронту и военному производству.

Уже в первые восемь дней войны в армию было призвано 5,3 млн человек. Миллионы людей добровольно являлись на призывные пункты. С конца 1941 г. было развернуто всеобщее обучение населения военному делу, которое охватило до 10 млн человек. Рабочие места ушедших на фронт занимали прежде всего женщины, а также подростки и старики. Только во втором полугодии 1941 г. на производство пришли 0,5 млн домохозяек и 360 тыс. учащихся 8—10 классов. В результате женщины составили 53% всех занятых в народном хозяйстве. В целом численность рабочих и служащих сократилась с 31,8 млн человек в первом полугодии 1941 г. до 18,2 млн — в 1942 г., но это сокращение происходило за счет людей, не занятых на военном производстве.

Рабочие военной промышленности и некоторых других отраслей были объявлены мобилизованными на весь период войны. Вводились обязательные сверхурочные работы, отменялись отпуска, а зачастую и выходные. Для всех колхозников независимо от возраста и состояния здоровья был повышен обязательный минимум трудодней. Каждый трудоспособный человек подлежал мобилизации на рытье окопов и другие оборонные работы, в промышленность, фактически всюду, где, по мнению руководства, возникала нужда в рабочих руках. Самовольный уход с работы был категорически воспрещен. Уже летом—осенью 1941 г. в городах вводится карточная система. Однако, за исключением партгосноменклатуры и отдельных категорий работников оборонных производств, карточки на продукты позволяли лишь избегать смерти, но не спасали от постоянного голода. Цены же на рынках взлетели на порядок по сравнению с довоенными и были недоступны широким слоям населения.

Таким образом, люди оказались в сверхтяжких, порой нечеловеческих условиях. Думается, что немногие народы смогли бы выдержать подобное. Однако советский народ выдержал, более того, за редким исключением население даже не роптало на тяготы и лишения. Это объяснялось не столько боязнью репрессий (а любые волнения, недовольство и тем более отдельные забастовки подавлялись беспощадно), сколько патриотическими чувствами, сознанием смертельной опасности, которое крепче любого принуждения объединяло почти все население независимо от национальности и политических взглядов. Стойкость народа позволила успешно провести мобилизацию экономики.

С первых дней войны развернулась колоссальная работа по эвакуации предприятий, людей и материальных ценностей из западных или прифронтовых районов в Поволжье, Сибирь, Среднюю Азию и на Урал. В сложнейших условиях, нередко под обстрелами и бомбежками в первые полгода войны было эвакуировано до 2,6 тыс. предприятий, из них — более 1,5 тыс. крупных. В тыл было вывезено более 10 млн человек. Ничего подобного в мировой истории еще не было. Эвакуированные предприятия в рекордные сро-

ки вновь вводились в строй. Порой оборудование ставили в чистом поле, только подведя к нему линию электропередачи, и рабочие начинали выпуск военной продукции, не дожидаясь, когда будут возведены стены. Крупнейший Краматорский завод стал давать продукцию спустя уже 12 дней после прибытия на новое место!

Благодаря народному героизму и максимальной концентрации всех ресурсов для обороны, уже во втором полугодии 1941 г., при снижении в 2 раза общего объема промышленного производства, выпуск отдельных видов вооружений стал расти. При этом все в больших количествах выпускались новые образцы оружия и военной техники, как правило, не уступавшие, а нередко и превосходившие немецкие. Хотя общее падение производства в первой половине 1942 г. продолжалось, а по ряду показателей и ускорилось, к июлю этого года удельный вес оборонной промышленности в валовом объеме производства составил около половины, а с учетом выполнения военных заказов предприятиями других, не оборонных наркоматов достиг 70—80%. Впервые появилась, пусть и неустойчивая, но тенденция к увеличению промышленного производства. Таким образом, в середине **1942 г.** *советская экономика была в основном переведена на военные рельсы.* По темпам этого перевода СССР существенно опередил Англию и США.

Хотя экономически Германия и ее союзники еще многократно превосходили Советский Союз, по производству основных видов вооружений СССР приблизился, а к концу 1942 г. и превзошел фашистскую Германию. (Соответственно, 7,3 тыс. танков против 5 тыс., 4,5 тыс. самолетов против 3,5 тыс.) Это явилось важной предпосылкой для коренного перелома в войне. Темпы роста и эффективность военного производства продолжали увеличиваться. С мая 1942 по май 1945 г. производительность труда в военной промышленности увеличилась более чем на 120%, а себестоимость всех видов изделий, по сравнению с довоенным уровнем, сократилась примерно в 2 раза. С 1943 г. превосходство Советской армии в численности и количестве (а часто и в качестве) вооружений в целом стало преобладающим. В 1944 г. объем про-

дукции оборонных отраслей превысил довоенный уровень в 2,5 раза. Уже с этого года советское руководство стало постепенно снижать производство отдельных видов вооружений. С 1943 г. была начата целенаправленная работа по восстановлению освобожденных от фашистов районов.

В целом, располагая меньшим, чем Германия и оккупированные ею страны, промышленным потенциалом, СССР произвел за годы войны почти вдвое больше техники и вооружений. Таким образом, Советский Союз выиграл Великую Отечественную войну не только на полях сражений, но и в тылу.

■ **Восстановление и развитие народного хозяйства в 1945—1953 гг.** Война унесла до 27 млн человеческих жизней и 30% национального богатства СССР. Было разрушено 1710 городов и поселков, более половины городского жилого фонда, 30% домов сельских жителей. Производство зерна и хлопка упало в 2 раза, мяса — на 45%. От голода и связанных с ним эпидемий в 1946—1948 гг. в СССР погибло 2 млн человек. Однако логика выживания и привычные стереотипы руководства страны, к которым все более примешивались имперские амбиции и императивы развертывавшейся «холодной войны», требовали первоочередного восстановления и развития тяжелой промышленности. Эта задача была решена в кратчайшие сроки. По официальным данным, уже в 1948 г. объем промышленного производства превысил довоенный уровень. В 1950 г. довоенный уровень был превышен на 73% (по четвертому пятилетнему плану предполагался рост на 52%). При этом тяжелая промышленность увеличила производство в 2 раза, а легкая — на 23%.

Этому успеху способствовали самоотверженный труд людей и огромная концентрация ресурсов, достигнутая за счет «экономии» на жизненном уровне народа, на сельском хозяйстве, легкой промышленности и социальной сфере. Немалую роль сыграли и репарации с Германии (4,3 млрд долларов). Они не только обеспечивали до половины оборудования, устанавливавшегося в промышленности, но и подтолкнули научно-технический прогресс. Значительные производственные мощности и ресурсы поначалу вы-

свободили конверсия военного производства и демобилизация армии. В 1946 г. доля военных расходов в бюджете сократилась до 24% (против 32,6% в 1940 г.).

Конверсия однако продолжалась недолго. Уже в 1947 г. спад в отдельных военных отраслях вновь сменился подъемом. Лучшие умы и ресурсы были брошены на создание новых видов вооружений: реактивной авиации, ракет и т. д. Но первоочередной и главной задачей было создание ядерного оружия. В результате небывалой концентрации ресурсов (атомный проект курировал всесильный Берия), усилий советских конструкторов и разведки, сумевшей выкрасть у американцев важные атомные секреты, ядерное оружие было создано в непредсказуемо короткие сроки — в 1949 г. Уже в 1953 г. была испытана первая водородная (термоядерная) бомба. Крупные успехи были достигнуты и в других сферах ВПК, который превратился в крупнейший элемент советской экономики.

Успехи в промышленности и военном деле базировались на жестком административно-политическом нажиме на деревню, на откровенном ограблении крестьян. Государство беспощадно выкачивало из деревни сельскохозяйственную продукцию по явно заниженным ценам, не обращая внимания на бедственное положение крестьян. Доходы от колхоза составляли в среднем лишь 20,3% денежных доходов семьи крестьянина, а 27,4% колхозов в 1950 г. вообще не выдавали денег на трудодни. Таким образом, изнурительная работа в колхозе не столько обеспечивала крестьян, сколько давала им право кормиться за счет собственного приусадебного участка. Не имея паспортов, крестьяне не могли покинуть деревню, а за невыполнение определенной нормы трудодней им грозила судебная ответственность.

В итоге в начале 50-х гг. деревня только приблизилась к довоенному уровню, хотя по четвертому пятилетнему плану должна была его превзойти на 27%. Урожайность зерновых в 1949—1953 гг. была ниже, чем в 1913 г. (соответственно 7,7 и 8,2 центнера с гектара).

Избранный в СССР вариант форсированного восстановления с опорой на внутренние ресурсы (Запад-

ная Европа получила по плану Маршалла от США 17 млрд долларов) и сверхконцентрация средств в тяжелой, военной промышленности замедлили повышение жизненного уровня, что вызвало рост социальной напряженности. Его подтолкнули голод (возникший в результате сильной засухи, беспощадного выкачивания государством продуктов из деревни и прекращения поставок американского зерна), а также отмена карточек и откровенно грабительская денежная реформа, проведенные в 1947 г.

Десять старых рублей менялись на один новый. При этом для вкладчиков сберкасс, имевших вклад до 3 тыс. руб., обмен производился по курсу 1 к 1, для тех, кто имел вклад от 3 до 10 тыс., обмен шел 3 к 2, а для вкладов более 10 тыс. — 2 к 1. Больше всех пострадали от реформы крестьяне, которые сумели накопить за 1941—1946 гг. некоторые суммы, но держали их у себя, поскольку боялись заявить о своих доходах.

Эти меры помогли стабилизировать финансовую систему (до 1/3 денежной массы не было обменено), но серьезно ударили по широким массам, выкачав у них их скудные сбережения и сделав недоступными многие товары, продававшиеся теперь по коммерческим ценам. На смену тотальному дефициту продуктов и промышленных изделий пришло затоваривание ими магазинов и складов. Власти вынуждены были срочно корректировать курс. В 1947—1950 гг. цены на товары снижались пять раз, что превратилось в мощнейшую пропагандистскую кампанию. В дальнейшем этот процесс как бы оторвался от своей предыстории и отложился в массовом сознании как сталинский курс на регулярное снижение цен.

Несмотря на постепенное увеличение зарплаты, даже в городах уровень жизни 1940 г., по некоторым оценкам, был достигнут только в 1951 г., а уровень 1928 г. (который, в свою очередь, едва-едва приближался к уровню 1913 г.) был достигнут только в 1954 г. Крайне обострилась жилищная проблема. Однако вместо развертывания массового жилищного

строительства власти занимались прокладкой заполярной железной дороги Чум — Салехард — Игарка, возведением помпезных многоэтажек в Москве. Более того, всерьез рассматривались проекты «Сталинского плана преобразования природы», включавшие создание искусственного моря в Западной Сибири и плотины через Тихий океан, чтобы отвести холодные течения от сибирских берегов.

■ **В поисках новой стратегии (1953—1964 гг.).** Сразу же после смерти Сталина «коллективное руководство» осуществило ряд мер по повышению жизненного уровня населения и определенной перестройке экономики. Уже 6 марта 1953 г. Берия дал указание о передаче строительных главков, находившихся в ведении МВД, соответствующим министерствам. По его инициативе было прекращено строительство Главного Туркменского канала, канала Волга — Урал и других грандиозных, но экономически неэффективных сооружений. 1 апреля 1953 г. было осуществлено самое крупное за послевоенный период снижение цен на продукты питания и потребительские товары.

В июле 1953 г. Маленков публично признал наличие серьезных экономических проблем. Он отметил, что решающим фактором отставания сельского хозяйства является недостаточная материальная заинтересованность колхозников в увеличении производства. Обеспечение этой заинтересованности Маленков назвал «коренным вопросом». В августе 1953 г. он сформулировал новый курс, предусматривавший социальную переориентацию экономики и приоритетное развитие легкой промышленности. Это диктовалось не только стремлением заручиться поддержкой общества, но и экономическими факторами. Масштабные дотации в легкую и пищевую промышленность вкупе со значительным снижением цен — в конце 1953 г. хлеб стоил в 3 раза дешевле, чем в 1948 г., — привели к росту дефицита товаров широкого потребления. Поскольку из политических соображений цены повышать было нельзя, ликвидировать дефицит, сбалансировать возросший платежеспособный спрос населения можно было лишь ускоренным развитием отраслей «группы Б». *Ключевым направлением эконо-*

мической политики стало возрождение разоренной при Сталине деревни. Уже в 1954 г. были резко снижены обязательные поставки государству, списаны долги колхозов, уменьшены налоги с приусадебных участков и с продаж на рынке. В 1,5—5,5 раза были повышены заготовительные цены на сельскохозяйственные продукты. Возросли капиталовложения и поставки техники в деревню. Были увеличены размеры приусадебных хозяйств.

Во многом экономический курс Маленкова был негативно воспринят партийно-хозяйственной элитой, воспитанной на сталинских стереотипах: «тяжелая индустрия — любой ценой». Оппонентом Маленкова выступил Хрущев, отстаивавший «союз» сельского хозяйства и тяжелой промышленности. В подходах к подъему сельского хозяйства также наблюдались различия. По настоянию Хрущева важнейшим направлением увеличения производства зерна было признано освоение целинных и залежных земель в Казахстане, Поволжье и Сибири. Если Маленков предполагал сравнительно осторожное реформирование при сохранении институциональных основ экономики и самой парадигмы управления — правда, уже с учетом интересов народа, но без его непосредственного участия в хозяйственном руководстве, — то Хрущев был настроен на радикальные мéры. К ним побуждали как особенности его одаренной, но импульсивной и не обремененной особым образованием личности, так и объективная потребность в новом, после Маленкова, этапе реформ. От первоначальной ликвидации или смягчения «крайностей» сталинской экономики жизнь подталкивала его к переходу к новой системе управления народным хозяйством.

Даже частичное нарушение в 1953—1955 гг. известной целостности сталинской системы, построенной на тотальной централизации, беззастенчивом ограблении населения и жесточайшем, всепроникающем принуждении, вызвало новые проблемы. Из-за резкого роста дотаций легкой промышленности, сельскому хозяйству, отмены принудительных займов у населения и развертывания социальных программ ухудшилось финансовое положение страны. Прекращение сталинских репрессий, отмена некоторых драконов-

ских норм законодательства привели к падению дисциплины на производстве и росту «текучести» рабочей силы. Работники осмеливались теперь открыто выражать недовольство традиционной практикой произвольного повышения норм выработки на предприятиях. Увеличился неудовлетворенный спрос населения на товары, жилье и т. д. Из-за нараставших хозяйственных трудностей были уменьшены задания шестой пятилетки (1956–1960 гг.).

Решать обострившиеся проблемы можно было либо постепенно, эмпирически нащупывая контуры нового хозяйственного механизма, либо радикально, двигаясь к принципиально иной экономической системе. Этот путь в итоге и выбрал Хрущев. В силу особенностей обстановки и экономического мышления той эпохи выработка новой экономической политики свелась к поискам своеобразного «философского камня», или, пользуясь ленинской формулой, «решающего звена в цепи». Таковыми поначалу были признаны массовые политико-экономические кампании (с 1954 г. — освоение целины, с 1955 г. — максимальное расширение посевов кукурузы, с 1957 г. — «мясные» и «молочные» кампании) и административные реорганизации.

Исходя из прежней логики «простых решений» и высказанных в предыдущие годы новых идей (децентрализация, сокращение аппарата управления, комплексное развитие территорий и т. д.), Хрущев в 1957 г. настоял на перестройке хозяйственного управления с преимущественно отраслевого на территориальный принцип. Было упразднено более 140 союзных, союзно-республиканских и республиканских министерств и создано 105 территориальных органов — советов народного хозяйства. Для проведения научно-технической политики при Совете Министров СССР были созданы государственные комитеты по автоматизации, авиационной технике, машиностроению, радиоэлектронике и т. д. Но поскольку административно-командная система была сохранена, реформа как бы заменила недостатки отраслевого управления недостатками территориальной системы с ее несбалансированностью, местническими тенденциями, вновь разбухшим аппаратом управления.

Вскрывшаяся вскоре недостаточность принимаемых мер заставила обратить внимание на выработку экономической стратегии. Поскольку умерщвленная в 30-х — начале 50-х гг. советская экономическая мысль не могла дать конкретных рецептов, путеводной звездой хрущевских реформ стала идеология, утверждавшая в качестве высшей цели построение коммунизма.

В отличие от Маленкова, Хрущев попытался опереться не только на партийно-государственный аппарат, но и на массы. Это диктовалось не только политическими соображениями (стремлением обеспечить независимость от аппарата). Будучи гораздо более, чем Сталин, восприимчив к марксистским постулатам, Хрущев знал, что пробуждение социальной активности народа и привлечение его к управлению трактовались марксизмом как залог решения самых сложных проблем. «Оттепель» вызвала во второй половине 50-х гг. всплеск коммунистического энтузиазма. Сотни тысяч юношей и девушек по «комсомольским путевкам» выехали на освоение целины и различные стройки. Общественный подъем проявился в оживлении публицистики и литературы, в развертывании «социалистического соревнования», многочисленных трудовых починах. Подъему творческого энтузиазма способствовали и изменения на международной арене, где укрепилось сообщество социалистических стран, рушилась колониальная система, десятки миллионов людей в «третьем мире» обращали свои взоры на СССР. Курс Хрущева органически вписывался в общественную атмосферу и отражал традиционную для советского руководства психологию максимализма: «нет таких крепостей, которые не могут взять большевики».

В 1957 г. Хрущев выдвинул лозунг «догнать и перегнать Америку». В 1959 г. XXI съезд КПСС констатировал, что социализм в СССР одержал полную и окончательную победу и страна вступила в период *развернутого строительства коммунизма.* На съезде вместо явно не выполнявшейся шестой пятилетки был принят амбициозный семилетний план (на 1959—1965 гг.). Его выполнение, по мысли хрущевского руководства, позволило бы СССР опередить

США. В 1961 г. на XXII съезде КПСС была принята новая Программа КПСС, предусматривавшая построение в СССР материально-технической базы коммунизма в течение 20 лет. При этом уже через десять лет предполагалось превзойти западные страны по производству продукции на душу населения. Запуск на орбиту первого в мире космонавта в 1961 г. подкреплял уверенность, что для советского человека непосильных задач нет.

Главной социально-экономической целью этого курса *был поиск новых стимулов к труду.* Стимулом, способным компенсировать поколебленную после смерти Сталина систему тотального страха, Хрущев счел коммунистический энтузиазм. Энтузиазм масс в сочетании с дальнейшей демократизацией хозяйственного механизма (в том числе провозглашенным в Программе переходом от государственного управления к общественному самоуправлению) казались ключом, с помощью которого можно было не только решить многочисленные текущие проблемы, но и одновременно реализовать главную, заветную цель всех коммунистов.

Поначалу грандиозность поставленной задачи вызвала определенный отклик среди части масс. Однако обострившиеся в начале 1960-х гг. продовольственные трудности и повышение розничных цен привели к быстрому изменению общественных настроений и резкому падению популярности Хрущева. В поисках выхода он прибег к дальнейшим административным реорганизациям, в частности к разделению партийных, советских органов по производственному принципу: на промышленные и сельские. Но ничего кроме дезорганизации это не принесло.

Вместе с тем в начале 60-х гг. стала оживать экономическая мысль, постепенно рождались предложения о расширении использования экономического стимулирования как предприятий, так и работников. Эти идеи были затем использованы в косыгинской реформе 1965 г.

Какие же тенденции характеризовали развитие советской экономики в бурный, насыщенный поисками и реорганизациями период «оттепели»?

Под влиянием решений, ослабивших колоссальный государственный нажим на деревню, среднегодовые темпы развития сельского хозяйства в 1953—1958 гг., по сравнению с началом 50-х гг., выросли в 5 раз: с 1,6% до примерно 8%. Весомый вклад внесло поначалу и освоение целинных, залежных земель (в 1954—1956 гг. было распахано 36 млн га). В 1956—1958 гг. государство получило с целины более половины заготовленного хлеба. Доля капиталовложений в сельское хозяйство увеличилась почти до 1/3 по сравнению с 1/5 в начале десятилетия (правда, 32% этих инвестиций шли на целину). Денежные доходы колхозов с 1953 по 1958 г. выросли более чем в 3 раза. Поистине это было «золотое время» для колхозной деревни.

Однако оживление советской деревни оказалось недолгим. Хрущев не смог сохранить экономический курс Маленкова, предполагавший бережное отношение к деревне, опору на материальную заинтересованность колхозников в развитии производства, и переместил акценты на освоение целины, «кукурузную» кампанию и другие «ударные» мероприятия, содержавшие изрядную долю авантюризма. Но главным было другое. На продолжение начатой в 1953—1954 гг. аграрной политики у советского руководства не хватало ресурсов. Из политических соображений оно не решилось поднять розничные цены на продукты питания, с тем чтобы перенести на них (следовательно, на население) примерно трехкратное увеличение заготовительно-закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и иные масштабные дотации, полученные колхозами в 1953—1958 гг. Для государственного же бюджета, и без того обремененного массой расходов, этот груз оказался неподъемным. Произведенная в 1958 г. реорганизация МТС с принудительным выкупом колхозами имевшейся в них техники хотя и позволила выкачать из деревни некоторые средства, резко ухудшила ее финансовое положение и не решила проблемы инвестиций для сельского хозяйства. Другие административные реорганизации: укрупнение колхозов, преобразование части из них в совхозы и т. п., а также запоздалое и ограниченное повышение розничных цен на мясо (на 30%) и

масло (на 25%) в 1962 г. не могли принести существенных результатов и лишь обострили социальную ситуацию.

Глубинные причины кризиса сельского хозяйства коренились в том, что ликвидация сталинской системы репрессий способствовала разложению колхозного строя. Начавшаяся выдача паспортов крестьянам позволила им обрести свободу передвижения и в массовом порядке двинуться в города. Устранение угрозы репрессий за невыполнение нормы «трудодней» подорвало для колхозников важнейший стимул труда в «общественном хозяйстве». Это обстоятельство, а также стремление приблизиться к полностью обобществленному коммунистическому хозяйству подтолкнули хрущевское руководство к попыткам ликвидировать личное подворье. Однако это не только не побудило крестьян лучше работать в колхозах, но, напротив, нанесло сельскому хозяйству огромный ущерб и вытолкнуло новые миллионы селян в города.

Как следствие, среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства в 1959—1964 гг. снизились примерно в 5 раз по сравнению с 1953—1958 гг., составив примерно 1,5%, как это было в начале 50-х гг. Среднегодовое производство зерновых на душу населения едва превышало уровень 1913 г. Из-за эрозии почвы и засух урожаи на целинных землях стали быстро падать. В начале 60-х гг. в городах возник острый дефицит продуктов питания, включая хлебобулочные изделия, и других товаров массового спроса. Начала расти спекуляция, развивалась теневая экономика. Для ликвидации тотального дефицита власти начали жестокую, вплоть до использования смертной казни, борьбу против спекулянтов, «экономической преступности», но исправить ситуацию не смогли. СССР стал регулярно, в возраставших размерах ввозить зерно из-за границы.

Вынужденное прекращение массированной перекачки ресурсов из деревни в города ликвидировало важнейший источник накоплений советской экономики, позволивший ей в свое время провести форсированную индустриализацию, послевоенное восстановление промышленности и городов. Более того, подо-

рванное в результате этого сельское хозяйство само стало требовать огромных ресурсов, как в виде прямых капиталовложений, так и в виде масштабного импорта продовольствия, и превратилось отныне в постоянную «головную боль» для советского руководства. Положение дел в сельском хозяйстве оказывало крайне неблагоприятное влияние на экономику и общество в целом.

В промышленности середина 50-х гг. была ознаменована постепенным смягчением сталинского сверхцентрализма и определенной дебюрократизацией управления. В 1954 г. было упразднено 200 главков и управлений, 4,5 тыс. контор и организаций, почти в 3 раза была сокращена статистическая отчетность. Расширились права союзных республик. В их ведение было передано 15 тыс. предприятий, ряд министерств из союзных были реорганизованы в союзно-республиканские. Ускоренными темпами развивалась легкая промышленность. Таким образом, в первые годы «оттепели» промышленная политика, равно как и экономическая политика в целом, облегчалась очевидностью главных задач.

Одна из таких задач, вовремя поставленная советским руководством, была связана с развертывавшейся в мире научно-технической революцией. Стремясь не отстать в гонке вооружений, да и в целом в соревновании с «системой капитализма», хрущевское руководство на XX съезде КПСС выделило в качестве первоочередной задачи *максимальное ускорение научно-технического прогресса*. Для руководства внедрением научно-технологических достижений был создан Государственный комитет по новой технике, а затем и другие комитеты. В 1957 г. впервые на космическую орбиту был выведен советский спутник, построен первый в мире атомный ледокол. В 1961 г. СССР впервые в мире осуществил полет человека в космос. Было завоевано лидерство и в ряде других областей (установки непрерывной разливки стали, турбобуры, искусственные алмазы и т. д.). Научно-технические достижения эпохи «оттепели» заложили основу для достижения в последующем военно-стратегического паритета с США. Таким образом, СССР сумел не пропустить начавшуюся научно-техниче-

скую революцию. Ускоренное развитие научно-технического прогресса явилось одним из крупнейших достижений «оттепели».

Но в целом во второй половине 50-х гг. резерв «очевидных», «простых» решений, исправлявших прежние «перекосы», был, по сути, исчерпан. Перевод управления экономики с отраслевого принципа на территориальный дал лишь временный эффект, а последующие административные реорганизации и «идеологическое стимулирование» были своего рода актами отчаяния хрущевского руководства.

В результате советская промышленность развивалась высокими, но постепенно снижавшимися темпами. Среднегодовые темпы роста составили в первой половине 50-х гг. — 8,7%, во второй половине 50-х гг. — 8,3%, а в первой половине 60-х гг. — 7%. Быстро развивались машиностроение и химическая промышленность. Однако пищевая и легкая промышленность с конца 50-х гг. стали испытывать все возраставшие трудности. Общее замедление темпов промышленного развития в СССР было связано с нараставшими проблемами как в сельском хозяйстве, так и в хозяйственном механизме самой промышленности и в целом советской экономики, не сумевшей разрешить ключевую проблему мотивации трудовой деятельности.

■ **На пути к системному кризису.** После разоблачения «культа личности Сталина», прекращения массовых репрессий и, наконец, развенчания Хрущева социалистическая экономика лишилась двух своих важнейших стимулов к труду: всепроникающего страха и коммунистического энтузиазма. Однако из-за глобального противостояния с «капиталистической системой» новое руководство не могло пойти на существенное замедление темпов развития, а опасность роста социальной напряженности внутри страны не позволяла отказаться от курса на дальнейшее повышение уровня жизни населения. Эти обстоятельства заставили брежневское руководство, в целом совсем не склонное к реформам, продолжить преобразования в экономике, с тем чтобы задействовать новый стимул в виде материального интереса, попытаться совмес-

тить командно-административную систему с элементами экономического стимулирования (соответствующие идеи были высказаны советскими экономистами еще в начале 60-х гг.).

В 1965 г. по инициативе и настоянию А. Н. Косыгина начались экономические реформы. Прежде всего, были ликвидированы совнархозы и восстановлены промышленные министерства. Управление народным хозяйством было переведено с преимущественно территориального на отраслевой принцип. Но главное значение реформ заключалось в расширении самостоятельности предприятий и усилении их материального стимулирования. Было сокращено число директивно планируемых показателей. Предприятия и объединения переводились на хозрасчет. Для стимулирования инициативы в их распоряжении оставлялась доля прибыли, из которой формировались фонды, предназначенные для развития производства, социальной сферы и поощрения его работников. Предполагалась также реформа оптовых цен.

Положения реформы входили в жизнь с трудом, а некоторые так и не были реализованы. Предусмотренные первоначально прямые связи между предприятиями и оптовая торговля средствами производства из-за несовместимости с системой фондирования и разнарядок введены не были. В итоге «хозрасчет» предприятий оказался без материального обеспечения. Возросшая самостоятельность предприятий пришла в противоречие с полномочиями министерств и ведомств, жестким директивным планированием всего народного хозяйства и системой ценообразования, в частности с установкой на стабильность розничных цен.

Многочисленные противоречия реформы можно было устранять, постепенно продвигаясь к рынку. Однако это было невозможно по политико-идеологическим причинам. Даже Косыгин был противником рынка и выступал лишь за усиление роли экономических регуляторов в социалистической, т. е. огосударствленной, директивно планируемой экономике. Брежнев вообще не был сторонником сколько-нибудь серьезных реформ. К тому же советскую элиту напу-

гала Пражская весна 1968 г., когда попытки чехословацкой компартии реформировать экономику, задействовать некоторые рыночные механизмы привели к политической дестабилизации. В итоге *экономическая реформа в СССР стала свертываться,* начался возврат к детальному планированию и оперативному управлению предприятиями со стороны министерств и ведомств.

Незавершенные косыгинские реформы дали определенный импульс экономике. Согласно официальным данным, среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1966—1970 гг. составили 8,5% по сравнению с 8,6% в 1961—1965 гг., что свидетельствует о том, что реформа приостановила наметившееся еще в 50-е гг. падение темпов роста. Однако в 70-е гг. темпы роста замедлились, диспропорции в экономике увеличились. Из-за фиксированности цен, жестко регулируемых государством, предприятия стремились свертывать производство «неприбыльной» продукции и увеличить выпуск более дорогой. Ускорилась инфляция, увеличилась доля средств предприятий, идущих на потребление, в ущерб накоплению. В итоге в реформе 1965 г. стали видеть источник хозяйственных трудностей.

В 1979 г. была проведена своеобразная контрреформа, вновь усилившая централизацию управления экономикой и возвестившая о возврате к прежней хозяйственной практике. Но даже по официальной статистике, среднегодовые темпы роста промышленного производства с 8,5% в 1966—1970 гг. снизились до 4,4% — в 1976—1980 гг. и 3,6% — в 1981—1985 гг., а национального дохода соответственно — с 7,2% до 3,8% и 2,9%. В натуральном же выражении объемы производства в ряде отраслей не только не росли, но, напротив, снижались. Прекратился рост производительности труда.

Сельское хозяйство также подверглось реформированию. В 1965 г. была предпринята попытка изменить механизм управления отраслью на основе сочетания общественных и личных интересов, усиления материальной заинтересованности колхозников и рабочих совхозов в росте производства. План обязательных закупок зерна был снижен и объявлен неизменным на

10 лет, а сверхплановые закупки должны были производиться по повышенным ценам. Были сняты некоторые ограничения с личных подсобных хозяйств. Однако акцент все же был сделан на увеличении капиталовложений и повышении роли Министерства сельского хозяйства в руководстве отраслью.

Поначалу принятые решения дали заметный эффект. Стоимость сельскохозяйственной продукции за восьмую пятилетку (1966—1970 гг.) выросла на 1/5, совокупная рентабельность совхозного производства составила 22%, колхозного — 34%. Однако эффект оказался непродолжительным. Несмотря на огромные инвестиции, колоссальные масштабы мелиорации и поставок техники и удобрений, в 70-х — начале 80-х гг. среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства быстро снижались. Если в 1966—1970 гг. они составили 3,9%, то в 1971—1975 гг. — 2,5%, в 1976—1980 гг. — 1,7%, а в 1981—1985 гг. — 1%, и это даже по явно завышенным данным советской статистики.

В результате десятилетий безжалостных экспериментов партии и государства над деревней происходило ее прогрессировавшее «раскрестьянивание»: новые поколения советских крестьян все более теряли связь с землей и рассматривали себя как поденщиков, наемных рабочих. Государству так и не удалось решить проблему материальной заинтересованности в наращивании сельскохозяйственного производства. К этому добавилось и отставание в развитии производственной инфраструктуры (дороги, хранилища и т. п.) и особенно прогрессировавшее обезлюдение деревни. Из-за гораздо худших, чем в городах, социальных условий, более низкого уровня доходов только с 1970 по 1979 г. сельское население уменьшилось с 105,7 млн до 98,8 млн человек, главным образом за счет молодых, наиболее активных людей. Хотя на время уборки в порядке так называемой шефской помощи к селу привлекалось, по некоторым оценкам, около 20% всего активного населения страны, потери урожая составляли 30%. Хороший же урожай превращался для государства едва ли не в стихийное бедствие. Впрочем, такое случалось все реже.

Как следствие, закупки зерна за рубежом выросли с 2,2 млн т в 1970 г. до 27,8 млн — в 1980 г. и 44,2 млн т — в 1985 г. Ввоз хлеба, ставший важнейшей статьей советского импорта, буквально обескровливал валютный бюджет СССР. Однако и огромный импорт не мог предотвратить быстрого ухудшения продовольственного положения в стране: с 70-х гг. в разряд дефицита попали мясо, колбасы, а во многих районах и молочные продукты.

В основе нараставших трудностей сельского хозяйства лежали как следствия прежней политики (насаждение колхозов, беспощадное выкачивание ресурсов из деревни, попытки ликвидации личного подворья и т. д.) и просчеты в управлении этой сферой в брежневское время, так и объективная нехватка инвестиций, порожденная, в частности, нежеланием советского руководства повышать розничные цены на сельскохозяйственные продукты (из-за опасения социальных протестов), несмотря на увеличение закупочных цен и стремительный рост их себестоимости.

Дальнейшее развитие аграрного производства хотя и не покрывало потребностей народного хозяйства, но требовало от государства все новых и новых дотаций, превращаясь в «черную дыру» советской экономики. Именно на селе наиболее ярко проявилась несостоятельность «социалистических методов хозяйствования».

В целом экономика СССР продолжала развиваться преимущественно экстенсивно, несмотря на постепенное исчерпание свободных ресурсов (прежде всего трудовых) или их существенное удорожание (добыча и транспортировка полезных ископаемых). Как следствие, темпы экономического роста быстро снижались.

Огромное деформирующее влияние на все народное хозяйство СССР оказывало масштабное наращивание военных расходов. Все лучшие людские, материальные и научно-технологические ресурсы страны были сосредоточены в ВПК. Благодаря перенапряжению советской экономики, а отчасти и тому, что США во второй половине 60-х — первой половине 70-х гг. завязли в кровопролитной и дорогостоящей войне во

Вьетнаме, *был достигнут военно-стратегический паритет с США*. Однако гонка вооружений продолжалась.

ВПК практически подмял под себя всю советскую экономику. Официальный военный бюджет составил в 1985 г. 19,1 млрд руб. Однако данные о реальных военных расходах тщательно засекречивались. Их не знали даже секретари ЦК, ведавшие экономическими вопросами. По западным оценкам, советские военные расходы составляли примерно 1/4 ВВП, что многократно превышало соответствующие показатели США, а тем более других западных стран.

На военные нужды прямо или косвенно работало до 80% отечественного машиностроения. Милитаризацию советской экономики и финансовой системы еще более усилила война СССР в Афганистане (1979—1989 гг.), ежегодные расходы на которую оценивались в 3—4 млрд руб. В итоге советское народное хозяйство просто не выдерживало колоссальных военных трат.

Латать зияющие бреши в стагнирующей экономике и поддерживать видимость благополучия позволила массовая распродажа природных ресурсов. Благоприятные условия для этого создали освоение Самотлора и других нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири, а также многократный скачок мировых цен на энергоносители в начале 1970-х гг. В эти годы в страну поступило 180 млрд нефтедолларов. Однако эта колоссальная сумма ушла «в песок». Она была израсходована не столько на решение острейших структурных проблем советской экономики, сколько на военные нужды, закупки продовольствия, товаров массового спроса и другие текущие потребности.

Глубинные причины нараставших хозяйственных трудностей коренились прежде всего в том, что, несмотря на некоторое усиление материальной заинтересованности работников и повышение роли экономических рычагов в управлении предприятиями, существенной перестройки хозяйственного механизма на деле не произошло. *Кардинальная проблема стиму-*

лов к труду разрешена не была. В результате, по данным некоторых социологических исследований, в полную силу в СССР трудился лишь каждый третий работник.

Более того, по мере дальнейшего развертывания научно-технической революции обнаруживалась невосприимчивость социалистической экономики к научно-техническому прогрессу. В производство внедрялась лишь 1/5 часть изобретений (и то чаще только в рамках одного предприятия). Таким образом, если достижениями первого этапа научно-технической революции СССР, благодаря концентрации ресурсов на сравнительно немногих передовых направлениях, в целом смог воспользоваться, то второй этап НТР, начавшийся в 70-е гг. с изобретением микропроцессоров, массовой компьютеризацией и т. п. и характеризовавшийся резким расширением «фронта» и темпов научных и технологических открытий, почти не затронул советскую экономику. Несколько лучше ситуация складывалась в военных отраслях. Но даже и в них традиционная политика максимальной концентрации материальных и кадровых ресурсов стала давать сбои, так как эти отрасли все больше зависели от общего технологического уровня народного хозяйства, от эффективности экономического механизма.

Между тем ведущие страны Запада в 70-е гг. начали переход к новому постиндустриальному или информационному обществу, в котором основным капиталом была уже не земля (как в аграрном обществе), не фабрики и заводы (как в обществе индустриальном), а информация. Это общество характеризовалось резким увеличением роли «непроизводственной» (по марксистской идеологии) и особенно образовательной сферы, свертыванием «традиционных» отраслей промышленности (добывающей, металлургической и т. д.), переходом к ресурсосберегающим и наукоемким технологиям (микроэлектроника, информатика, телекоммуникации, биотехнологии), индивидуализацией потребления. В 1985 г. в США уже примерно каждая пятая семья имела персональный компьютер (у нас же лишь немногие знали, что это такое), 3/4 населения работали в сфере

услуг (в СССР в «непроизводственных отраслях» было занято менее 27% работников).

Таким образом, СССР по-прежнему развивался в рамках индустриального общества с упором на традиционные отрасли. Он занял первое место в мире по производству нефти, газа, стали, железной руды, минеральных удобрений, серной кислоты, тракторов, комбайнов и т. д. Но даже и в традиционных отраслях советская экономика все более отставала. При проверке в 1979—1980 гг. технического уровня почти 20 тыс. видов отечественных машин и оборудования выяснилось, что не менее трети из них должны быть сняты с производства или нуждаются в коренной модернизации. По международным же меркам, экономика СССР (за исключением сырьевых отраслей) была неконкурентоспособна. Доля машин и оборудования в советском валютном экспорте составляла примерно 3%. Более того, и по общим объемам промышленного производства Советский Союз в 80-х гг. «пропустил вперед» Японию. В целом *к началу 80-х гг. советская экономика вошла в полосу стагнации.* Попытки Ю. В. Андропова преодолеть нараставшие кризисные явления в экономике или хотя бы найти для этого действенные средства существенного результата не дали.

Особенностью развития советской экономики в 1965—1985 гг. являлся стремительный рост внешней торговли. Благоприятные условия для этого создали разрядка международной напряженности (см. главу 21), резкое повышение мировых цен на энергоносители и наращивание их экспорта из СССР. В 1970—1980 гг. экспорт нефти вырос с 66,8 млн до 119 млн т, а газа — с 3,3 до 54,2 млрд кубометров. Немаловажное значение имел и курс советского руководства на развитие тесного экономического сотрудничества, широкой производственной кооперации с социалистическими странами, имевший как собственно экономические, так и политические цели (обеспечение максимальной сплоченности «социалистического лагеря»). В результате внешнеторговый оборот СССР за 1970—1985 гг. вырос с 22,1 млрд до 142,1 млрд руб. В структуре советского экспорта доминировали топливно-энергетические и сырьевые товары, а в импор-

те — машины, оборудование, зерно и товары массового спроса. По ряду отраслей импорт обеспечивал подавляющую часть потребностей советской экономики. Таким образом, во второй половине 60-х — середине 80-х гг. шло постепенное, во многом вынужденное преодоление замкнутости советской экономики и ее интеграция по ряду позиций в мировую экономику. Это повышало зависимость советской экономики от международной конъюнктуры, но одновременно создавало предпосылки для качественно новой попытки экономических преобразований в будущем.

■ **От «совершенствования социализма» — к смене социальной модели.** Курс на ускорение социально-экономического развития страны, выдвинутый Горбачевым в апреле 1985 г., основывался на идеях, вызревавших еще в 1970-е гг., и особенно в период правления Андропова. Он являлся реакцией на резкое падение темпов экономического развития СССР и увеличение научно-технологического разрыва с Западом, создававшего угрозу отставания в гонке вооружений. Серьезное падение мировых цен на нефть (отчего советский экспорт в 1983—1985 гг. сократился с 91,4 млрд до 86,7 млрд долларов) еще более обострило экономическую ситуацию в стране и подталкивало новое руководство к неотложным действиям. Курс Горбачева предусматривал всемерное развитие научно-технического прогресса, техническое перевооружение машиностроения (а на его основе и всего народного хозяйства) и активизацию «человеческого фактора». Несмотря на свое «экономическое» название, курс все же носил прежде всего политический характер. О собственно экономических ресурсах и особенно о финансовых источниках ускорения горбачевское руководство публично говорить избегало. Последующие его шаги показали, что оно явно недооценивало эти проблемы.

Начавшаяся замена руководящих кадров, повышение ответственности и дисциплины работников сразу же дали эффект. В 1985—1986 гг. темпы прироста производительности труда в промышленности и строительстве превысили среднегодовые показатели XI пятилетки (1981—1985 гг.) в 1,3 раза, выросли ка-

питаловложения на развитие социальной сферы. Но вместе с тем политизированное горбачевское руководство, пренебрегавшее «сухими» экономическими расчетами, начало антиалкогольную кампанию. На «активизацию человеческого фактора» и престиж руководства она поначалу повлияла позитивно. Однако и без того скудная финансовая база «ускорения» была во многом подорвана. Ежегодный ущерб государственным финансам, по некоторым оценкам, составлял 10 млрд руб., т. е. более половины официального военного бюджета. Еще больше был разбалансирован потребительский рынок, мощный импульс получило самогоноварение, что, соответственно, спровоцировало острый дефицит сахара. В 1986 г. в новую редакцию партийной программы без серьезных подсчетов была внесена явно утопическая задача решить жилищную проблему к 2000 г. Была развернута андроповская по своему духу кампания по борьбе с «нетрудовыми доходами», отражавшая веру горбачевского руководства в силу административных мер в борьбе с негативными социальными и экономическими явлениями.

В 1987 г. позитивный экономический импульс стал выдыхаться. По западным оценкам, темпы прироста ВВП упали втрое. Из-за дальнейшего падения цен на нефть пришлось прибегнуть к продаже части золотого запаса и снизить импорт потребительских товаров. Экономические трудности, а главное, скрытое сопротивление партгосаппарата, за два предшествующих десятилетия отвыкшего от встрясок и реформ, побудили Горбачева начать серьезные социально-политические преобразования, т. е. пойти «по стопам Хрущева». В январе 1987 г. Горбачев первоочередной задачей назвал развитие гласности и демократизацию советского общества. Благодаря существенному ослаблению цензуры пресса обрела некоторую свободу. Общественное мнение превращалось в один из важных факторов экономической политики.

Постепенно в обществе и руководстве формировалось понимание необходимости не улучшений, а смены экономической модели. Важными шагами на этом пути стали законы об индивидуальной трудовой деятельности и о кооперации, принятые соответ-

ственно 19 ноября 1986 г. и 26 мая 1988 г., которые, пусть и с многочисленными оговорками, *легализовали мелкое частное предпринимательство.* Уже в 1988 г. индивидуальной трудовой деятельностью было занято 734 тыс. человек. Число кооперативов весной 1989 г. превысило 99,3 тыс. В них было занято до 2 млн человек. Через два года эта цифра превысила 7 млн человек — примерно 5% активного населения. Основная масса кооперативов была сосредоточена в сфере услуг, производстве товаров народного потребления, строительстве и торгово-посреднической деятельности. Однако вскоре стали появляться и «кооперативные» коммерческие банки, а в 1990 г. были приняты законы об акционерных коммерческих обществах и о ценных бумагах, знаменовавшие стремительное укрепление ростков рыночной экономики в СССР.

Несмотря на то что подавляющая часть партийно-государственной элиты и общества в целом встретила новых «кооператоров» и «частников» с недоверием и неприязнью, частный сектор стал самой быстро развивающейся частью советской экономики и внес определенный вклад в удовлетворение огромного потребительского спроса. Во многом благодаря частной инициативе в СССР с конца 80-х — начала 90-х гг. началась компьютерная революция — массовое распространение персональных компьютеров, импортированных из других стран. Вместе с тем, пользуясь ненасыщенностью рынка товаров и услуг и слабостью законодательного регулирования, новые предприниматели резко взвинчивали цены и ориентировались в основном лишь на зажиточных, по советским меркам, людей. Не имея, как правило, банковских кредитов, они активно занялись «отмыванием» капиталов теневой экономики (по оценкам, до 70—90 млрд руб. ежегодно) и быстро попадали под влияние растущей организованной преступности, сумевшей создать едва ли не тотальную систему рэкета частного бизнеса. Нажитые частными предпринимателями (прежде всего в торгово-посреднической сфере) и «теневиками» деньги положили начало первоначальному накоплению капиталов.

Однако ростки рыночной экономики оставались очень слабыми. Главные усилия горбачевского руководства, равно как и основные экономические проблемы, были сосредоточены в сфере государственной промышленности. В июне 1987 г. на пленуме ЦК КПСС была провозглашена экономическая реформа, созвучная с реформой 1965 г., но в ряде аспектов более радикальная. Цель ее заключалась в переходе от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам руководства, к управлению интересами и через интересы. Ключевыми лозунгами стали расширение самостоятельности предприятий, переход их на хозрасчет, самофинансирование и «самоуправление». Эти идеи были заложены в законе о государственном предприятии, принятом 30 июня 1987 г. Предприятия получили право выбирать себе директоров и самостоятельно планировать свою деятельность, основываясь на рекомендуемых, а не директивных заданиях, контрактах с поставщиками, потребителями и на государственных заказах. Работа предприятия отныне должна была регулироваться не министерствами, а долгосрочными экономическими нормативами.

Но при отсутствии рынка и частной собственности расширение прав предприятий не привело к соответствующему повышению их ответственности за результаты своей хозяйственно-финансовой деятельности. Напротив, резко вырос «групповой эгоизм». Существенное повышение доли прибыли, оставляемой предприятиям, способствовало свертыванию их капитальных вложений и росту фондов экономического стимулирования, т. е. стремительному увеличению зарплаты и «проеданию» ресурсов. Пользуясь малейшей возможностью, руководители предприятий взвинчивали цены, что дало сильный импульс инфляции. В то же время, несмотря на объявленное «самофинансирование», многие предприятия по-прежнему пользовались государственными субсидиями. Таким образом, *директивные, плановые регуляторы промышленности были поколеблены, а рыночные так и не внедрены.* Половинчатое, непродуманное реформирование способствовало лишь быстрому росту народнохо-

зяйственных диспропорций, разбалансированности экономики.

Преобразования в сельском хозяйстве сводились к перестройке системы управления, некоторому расширению самостоятельности колхозов и совхозов и внедрению арендных договоров, т. е. крестьянским семьям предоставлялось право брать землю в аренду на длительный срок и распоряжаться произведенной продукцией. По сути, это была попытка создать «социалистическое», без внедрения частной собственности на землю и подконтрольное государству, фермерство. Однако эти меры не дали существенных результатов. Создание управленческой суперструктуры — Государственного агропромышленного комитета, объединившего целый ряд министерств и ведомств, ведавших отраслью, не помогло в решении сельскохозяйственных проблем и не позволило добиться реального повышения самостоятельности и инициативы колхозов и совхозов. «Раскрестьяненная» советская деревня, из которой на протяжении шести десятилетий всемерно выбивался дух предпринимательства, к тому же обескровленная постоянным оттоком наиболее активного населения в города, слабо откликнулась на призыв о развитии частной инициативы, тем более что адекватных условий для этого создано не было. Крестьяне-арендаторы сталкивались с большими трудностями в финансировании, приобретении техники, с многочисленными бюрократическими преградами, а нередко и с враждебным отношением местных властей и даже своих односельчан. В итоге к лету 1991 г. хозяйства арендаторов охватывали лишь 2% земли и 3% поголовья скота.

В целом уже к концу 80-х гг. стало очевидно, что страна погружается в глубокий социально-экономический кризис. С 1989 г. стало сокращаться сельскохозяйственное, а с конца этого года — и промышленное производство. Но самыми острыми для народного хозяйства СССР стали финансовые проблемы, традиционно считавшиеся советскими руководителями второстепенными по сравнению с «производством».

В результате стремления побыстрее обеспечить «ускорение» экономического развития, разрешить

острые социальные проблемы *уже в первые годы перестройки был существенно нарушен макроэкономический баланс.* Этому способствовали и объективные причины: снижение мировых цен на нефть и непредвиденные расходы на ликвидацию последствий чернобыльской катастрофы (ее непосредственный ущерб оценивался в 8 млрд руб. — около 1,5% национального дохода) и страшного землетрясения в Армении. В итоге традиционный для советского государства дефицит консолидированного бюджета, оценивавшийся примерно в 2—3% (и покрывавшийся обычно за счет сбережений населения в государственном Сбербанке), стал стремительно расти. В 1985 г. он составил, по некоторым подсчетам, 1,8%, а в 1988 г. — уже 9,2%.

Это дало могучий импульс инфляции, поначалу главным образом скрытой, проявившейся прежде всего в вымывании товаров с потребительского рынка и резком росте всяческих дефицитов. Тревожной приметой стало введение карточек на продукты. Уже в 1989 г. рационирование сахара осуществлялось практически во всех регионах, масла — более чем в 60%, мяса — в 40%. В 1991 г., по данным социологических опросов, половина респондентов не могла найти в свободной продаже основных продуктов питания, 70% испытывали сложности с «отовариванием карточек». Тотальный дефицит служил важнейшим фактором роста социальной напряженности. С конца 80-х гг. впервые за шесть десятилетий в СССР развернулись мощные рабочие забастовки. Постепенно они стали приобретать политический характер.

Благоприятные условия для экономических реформ создавали новый внешнеполитический курс СССР, резкое улучшение отношений с западными странами и прекращение разорительной и непопулярной войны в Афганистане (в 1988 г. 63% населения отнесли вывод войск из Афганистана к важнейшим событиям года). Все это позволило несколько облегчить неподъемное бремя военных расходов (в 1990 г., даже по официальным, заниженным данным, они составляли не менее 1/4 государственного бюджета). Уже в 1986 г. удалось обеспечить невидан-

ный в советской истории приток западных кредитов. Однако в большинстве своем они пошли не на решение структурных проблем, а на покрытие возраставшего дефицита госбюджета и потому не дали эффекта. Внешний долг СССР, даже без учета задолженности странам СЭВ, с 1985 по 1991 г. вырос с 28,5 млрд до 84 млрд долларов. Ежегодные выплаты по нему с 1989 г. стали непосильными, и с этого времени страна впервые за многие десятилетия начала задерживать платежи.

Смертельный удар по советской экономике, основанной на строгом централизме, директивном управлении и детальном планировании, нанесла эрозия политической монополии КПСС. Переход политической инициативы от партийного аппарата к реформированным Советам, новым независимым движениям и партиям обернулся стремительной эскалацией социальных требований и нарастанием популистских решений. В результате темпы роста зарплаты в 1988—1989 гг. по сравнению с 1986—1987 гг. увеличились вдвое. В 1990 г. вдобавок к этому на четверть возросли социальные пособия. Финансовая система страны явно не выдерживала таких нагрузок.

Но главные проблемы были связаны с начавшимся в 1988—1989 гг. постепенным распадом СССР, явочным расширением своих полномочий союзными республиками, провозглашением ими приоритета собственных законов над союзными и т. д. Проводить единую экономическую политику в таких условиях стало практически невозможно. Развал административно-командной системы управления, на которой все еще держалось советское народное хозяйство, предопределил быстрое приближение страны к экономической катастрофе.

Договориться с республиканским руководством и как-то стабилизировать экономическую ситуацию в стране можно было лишь за счет резкой радикализации реформ, решительного перехода к рыночным отношениям. Однако Горбачев уже исчерпал свой «реформаторский ресурс». Хотя его коммунистические убеждения претерпели определенную эволюцию, от социализма он не собирался отказываться и упорно

пытался его «совершенствовать». Но дальнейших резервов для этого уже не оставалось.

Критическое положение в экономике и растерянность горбачевского руководства, явно не знавшего, что делать, привели к развертыванию в 1989—1990 гг. широкой экономической дискуссии. Хотя в ходе нее еще остро ощущалась ограниченность экономических, «рыночных» знаний, на многих из ее участников марксистские догматы уже не оказывали решающего влияния. В октябре 1989 г. созданная при Совете Министров СССР комиссия во главе с академиком Л. И. Абалкиным представила программу, в которой признала приоритет рынка над планом, необходимость свободных цен, конкуренции и конвертируемости валюты. Однако ее осуществление предполагало постепенность преобразований и политическую стабильность, что явно не отвечало сложившимся в стране условиям. В феврале 1990 г. появилась более радикальная «Программа 400 дней», разработанная под руководством Г. А. Явлинского. Исходя из опыта польской «шоковой терапии», авторы предусматривали переход к рынку за 400 дней путем массовой приватизации, постепенной либерализации цен и т. д.

К осени 1990 г. эта программа как возможная альтернатива правительственной по заданию Горбачева и Ельцина была переработана под руководством академика С. С. Шаталина в «500 дней». Несмотря на очевидные сегодня популизм и утопичность многих ее положений, она все же создавала условия для дальнейшей радикализации экономических реформ и на этой основе — для сплочения демократических сил как в центре, так и в союзных республиках. По сути, речь шла о смене социально-экономической модели в стране. Именно к этому склонялось общественное мнение. В 1991 г. 65% опрошенных поддерживали переход к рыночной экономике, а 37% выступали за роспуск КПСС.

Однако Горбачев не сделал решительного шага, и в итоге была принята выхолощенная, «компромиссная» программа. Шанс для начала выхода из экономического кризиса был утрачен. Чтобы спасти государство

от немедленной финансовой катастрофы, был задействован последний «неприкосновенный» резерв.

Еще в мае 1990 г. Председатель Совета Министров СССР Н. И. Рыжков объявил о предстоящем повышении цен, но ввиду бури возмущения вынужден был отступить. В январе 1991 г. новый премьер В. С. Павлов неожиданно провел денежную реформу – обмен 50- и 100-рублевых купюр. Однако конфискационный эффект реформы оказался невелик (поскольку срок обмена купюр был продлен), а доверию к государственной власти был нанесен мощный удар. Кроме того, в январе была отпущена большая часть оптовых цен, а в апреле 1991 г. правительство решилось, наконец, поднять цены на потребительские товары. Но экономический эффект был полностью нейтрализован масштабными увеличениями дотаций, зарплат и социальных выплат.

Горбачев в итоге смог, наконец, договориться с рядом руководителей республик о заключении нового союзного договора и мерах по радикализации экономических реформ. Однако попытка государственного переворота 18—22 августа сорвала эти планы и привела к распаду СССР и краху социализма в стране.

Глава 20
СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

■ **Судьбы советского крестьянства.** Несмотря на постепенную урбанизацию, Россия оставалась по преимуществу крестьянской страной. Накануне Первой мировой войны из 139,3 млн человек населения (в границах, установленных после Гражданской войны) крестьян насчитывалось 109 млн, т. е. 78%. После Февральской революции быстро нарастали требования крестьян о разделе помещичьих земель. В сентябре—октябре 1917 г. произошло более 3,5 тыс. крестьянских выступлений, аграрные беспорядки охватили 9/10 уездов Европейской России. В ряде губерний было разорено от 1/3 до 2/3 помещичьих имений. Кое-где громили даже крестьян – собственников зем-

ли: хуторян и «отрубников». Но в целом крестьянство единым фронтом выступало против помещичьего землевладения. Начинавшаяся в деревне аграрная революция стала одним из важнейших факторов Октябрьской революции.

Вскоре после прихода к власти большевиков и раздела помещичьих и прочих земель крестьяне, к своему разочарованию, убедились, что этих земель оказалось немного — лишь 17,2 млн десятин, в большинстве губерний — всего лишь по полдесятины на душу или еще меньше. Это объяснялось быстрым сокращением помещичьего землевладения в предшествующий период (чего ни крестьяне, ни социалисты старались упорно не замечать), а отчасти и массовым наплывом в деревню городского населения, не утратившего связи с землей. Земельный голод в деревне утолен не был, но реализация давней заветной мечты крестьян о «черном переделе» обеспечила поначалу относительную лояльность крестьян к новой власти.

Однако весной 1918 г. ситуация изменилась. На *продовольственную диктатуру* и привнесение в деревню «социалистической революции», а также на массовые мобилизации в Красную армию крестьяне ответили вооруженными восстаниями. Только по неполным данным ВЧК, за 1918 г. (главным образом за вторую его половину) в 32 губерниях, где сохранялась советская власть, произошло 258 восстаний, т. е. на одну среднестатистическую губернию приходилось по 8—9 восстаний. Большевики, успевшие укрепить свою власть и создать вооруженные силы, с помощью жесточайших мер (карательных отрядов, взятия и расстрелов заложников, конфискаций имущества и т. д.) сумели в итоге подавить эти восстания. Вместе с тем с осени 1918 г. они вынуждены были начать ликвидацию ненавистных для крестьян комбедов. В начале 1919 г. продовольственную диктатуру сменила *продразверстка*, которая несколько упорядочила поборы с крестьян (см. главу 19). В марте 1919 г. на VIII съезде РКП(б) был провозглашен курс на союз со средним крестьянством.

На практике положение крестьян изменилось мало. Но все же некоторый эффект эти меры возымели.

Главное же, у крестьян возникли опасения, что по мере обострения Гражданской войны возможна реставрация старых порядков и возвращение помещиков. В результате уже с осени 1918 г. настроение основной массы крестьян стало постепенно меняться. Однако, отойдя от конфронтации с большевиками и в целом не поддерживая белых, крестьянство отнюдь не стало опорой красных.

Крестьяне не могли до конца смириться с военным коммунизмом ни психологически, ни «материально». Они оставались, по сути, бесправными, а продразверстка и другие повинности, возлагавшиеся на крестьян: гужевая, расчистка железных дорог и, конечно, мобилизация в армию, были для них непомерно тяжелы. В результате крестьяне по-прежнему в массовом порядке стремились уклониться от выполнения повинностей, огромных масштабов достигло дезертирство. Только в 1919—1920 гг. было выявлено и возвращено на службу в Красную армию 2,8 млн дезертиров, в основном крестьян. Восстания в деревне приобрели невиданные прежде масштабы. Но попытки крестьян найти «третий путь» — без красных и белых — разбивались о жестокую реальность Гражданской войны.

После ее завершения продразверстка и военный коммунизм потеряли в глазах крестьян последнее оправдание, и к концу 1920 г. восстания крестьян, солдат и выступления рабочих заставили большевиков отказаться от прежнего курса и перейти к нэпу. Замена продразверстки продналогом в марте 1921 г., объявление долгожданной свободной торговли и другие реформы нэпа существенно изменили положение крестьянства. Эти изменения крестьяне почувствовали не сразу. Поначалу сказывались «инерция» военно-коммунистических порядков и страшный голод 1921—1922 гг., охвативший до 27—29 млн человек. Постепенно положение нормализовалось, и в 1922 г. волна крестьянских восстаний резко пошла на спад. Получив материальный стимул для развития, деревня начала стремительно восстанавливаться. Быстро росло благосостояние крестьян. Потребление хлеба на душу населения в деревне в 1928 г. выросло до 250 кг по сравнению с 217 кг в 1921 г., а мяса — до 25 кг, что

более чем вдвое превышало дореволюционный уровень.

Послереволюционная деревня стала почти сплошь общинной (некоторые исследователи используют даже термин «общинная революция») и в основном середняцкой. По переписи 1926 г., середняков было 81 млн из 108 млн человек. В распоряжении семьи среднестатистического середняка (5—7 человек, с детских лет занятых крестьянским трудом) находилось 10—14 десятин земли, 1—2 лошади, корова. При невысокой урожайности (7—8 ц с десятины) такое хозяйство было низкотоварным и не давало больших доходов. Они не превышали 600 рублей, а неурожайный год сводил на нет все старания середняка. Из-за нехватки капитала только 15% крестьян имели простейшие сельскохозяйственные машины, остальные трудились так же, как их отцы и деды. Зажиточных мужиков в деревне насчитывалось лишь 4—5 млн человек. Из 25 млн крестьянских хозяйств, имевшихся в СССР в 1927 г., более миллиона считались кулацкими. Разница между ними и середняцкими хозяйствами была зыбкой — «официальное» определение кулака как крестьянина, использующего наемный труд, грешило недостаточностью. Зачастую власти решали, кто в деревне является кулаком (с вытекающими отсюда последствиями в виде лишения избирательных прав и дополнительного налогообложения). Собственной земли — примерно 15 десятин — кулакам не хватало, ее приходилось арендовать у бедных соседей. Доход составлял 800—2000 рублей. Но использовать его на развитие производства (аренду новых земель, повышение их урожайности и т. д.) кулаки опасались.

В деревне сохранялось примерно 20 млн бедноты. Большинство из них не имели своей лошади и инвентаря и не могли обработать свои земельные наделы в 2—4 десятины. У половины таких хозяев не было даже коровы. Чтобы вспахать поле, приходилось арендовать и скот, и орудия труда, а за это надо было отработать у богатого соседа. Своего зерна до нового урожая не хватало, его покупали. Крестьянин едва сводил концы с концами. Большая часть дохода зависела от работы на стороне и огорода, а все хозяйство

можно было купить рублей за 200—250. Неудивительно, что многие бедняки, особенно воевавшие за красных в годы Гражданской войны, испытывали жгучую ненависть к новым деревенским богатеям.

Таким образом, Октябрьская революция и нэп не разрешили проблем деревни. Были уничтожены наиболее передовые, крупные помещичьи хозяйства. С ростом населения возродилась практика дробления наделов, почти не росла урожайность, с середины 20-х гг. в деревне вновь стал ощущаться дефицит промышленных товаров.

Начатая в 1929 г. массовая коллективизация обернулась настоящей катастрофой для российского крестьянства. Прежде всего пострадали кулаки. Проблема заключалась не только в уничтожении целого слоя самых предприимчивых и часто самых работящих крестьян. Раскулачивание явилось средством воздействия властей на всю деревню. Кулаками объявлялись отнюдь не только зажиточные крестьяне, но и середняки. В некоторых районах раскулачиванию подверглось до 9/10 середняков. Более того, даже некоторые бедные крестьяне, не желавшие вступать в колхозы или артели, объявлялись «подкулачниками», «кулацкими подголосками» или «врагами советской власти» и тоже подвергались репрессиям.

Параллельно с коллективизацией переизбирались сельсоветы, ликвидировались рынки и закрывались церкви. Разрушался весь традиционный уклад жизни крестьян. Такого беспрецедентного нажима российская деревня не испытывала за всю свою историю. Крестьяне ответили массовым забоем скота, бегством в города и восстаниями. Все они были жестоко подавлены, и властям удалось в итоге загнать крестьян в колхозы.

Страдания теперь уже «колхозного» крестьянства на этом не закончились. Чтобы принудить его добросовестно работать в колхозе, в 1932 г. был принят варварский закон «о пяти колосках», введена паспортная система, лишившая сельское население свободы передвижения. Во время страшного голода 1932—1933 гг. власти не помогали колхозникам и не пускали их в города (см. главу 19).

К середине 30-х гг. окончательно установились новые отношения в деревне. В среднем на один колхоз приходилось 70—80 дворов и примерно 300 человек населения, половина из которых была трудоспособной. Колхозам были установлены обязательные поставки продукции (зерна, мяса, молока) государству по ценам намного ниже рыночных, при директивном планировании, чего и сколько сеять. Тракторы и комбайны, начавшие с середины 1930-х гг. поступать в село, принадлежали не колхозам, а государственным МТС (это положение сохранялось до 1958 г.). С ними колхозы должны были рассчитываться частью урожая. В МТС сосредотачивалась и наиболее образованная, молодая и дееспособная часть сельского населения — агрономы, зоотехники, бригадиры тракторных бригад, трактористы, комбайнеры.

Несмотря на относительную нормализацию положения и рост доходов колхозников в середине—второй половине 1930-х гг., их уровень жизни оставался очень низким. Только после расчета с государством колхозники могли что-то получить за свой труд — в лучшем случае по 1—1,5 кг, а обычно по 200—500 г зерна на «трудодень». Почти в 80% колхозов на трудодень приходилось менее 1 руб., в 12% колхозов не выдавали денег вообще. (Для сравнения: гарантированный минимум оплаты труда механизатора МТС за счет колхоза составлял 3 кг зерна и 2,5 руб. на трудодень.) Был установлен минимум трудодней для колхозников. Прожить на трудодни крестьянин не мог. В 1935 г. был принят Примерный устав сельскохозяйственной артели, утвердивший право колхозника на личное подсобное хозяйство в 0,25—1 га земли. Именно личное хозяйство стало основным источником существования крестьян.

Большинство колхозников не имели ежегодных отпусков, не получали пенсий и выплат во время болезни, а колхозницы — оплачиваемых отпусков по беременности и родам. Только 67% деревенских жителей знали грамоту. Тяжелый неквалифицированный труд и фактическое «прикрепление» к колхозам делали крестьян гражданами «второго сорта».

Человеческие и материальные потери, нанесенные коллективизацией крестьянству, были беспрецедент-

ны. Как свидетельствуют недавно опубликованные данные кратких итогов переписи населения 1937 г., в стране насчитывалось 110,1 млн сельских жителей против 120,7 млн по переписи 1926 г., или на 9% меньше. Некоторые исследователи небезосновательно называют коллективизацию «вторым изданием крепостничества». Именно с того времени началось «раскрестьянивание» деревни.

Великая Отечественная война принесла новые неисчислимые бедствия советской деревне. Враг захватил огромную территорию, на которой проживали десятки миллионов крестьян, располагались 47% посевных площадей страны и 45% скота. Разорение деревни в результате военных действий и фашистской оккупации было усугублено массовыми мобилизациями трудоспособных мужчин на фронт и оборонные работы. К 1943 г. мужское трудоспособное население деревни сократилось почти в 5 раз по сравнению с 1940 г., а в целом трудоспособное население колхозов составляло менее 47% от довоенного. Техника, только начавшая незадолго до войны поступать в колхозы, тоже изымалась для нужд фронта. Количество автомашин сократилось в 10 раз, энергетические мощности в колхозах в расчете на 100 га посевов уменьшились почти в 3 раза. Основную тяжесть по снабжению армии и городов продовольствием взвалили на себя женщины, старики и подростки. Женщины составляли даже 4/5 всех трактористов. Впрочем, трактор стал редкостью. Не хватало даже лошадей, и порой женщинам и старикам приходилось пахать буквально на себе. Вновь ужесточилась и политика властей. В 1942 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили, что трудоспособные колхозники, не выработавшие без уважительных причин обязательного минимума трудодней, предаются суду и караются исправительно-трудовыми работами в колхозе на срок до 6 месяцев с удержанием до 1/4 начисленных трудодней. Бригадиры и председатели колхозов за уклонение от предания суду колхозников, не выработавших минимума трудодней, сами подлежали суду.

Надсадным, непосильным трудом, не ропща и не жалуясь на жизнь, советская деревня сумела все же

обеспечить потребности страны в продовольствии и сельскохозяйственном сырье и тем внесла незаменимый вклад в победу над фашизмом.

Война оставила незаживающий след в судьбе деревни. Урон, нанесенный ей, был колоссален. Фашисты разграбили и разорили до 100 тыс. колхозов и совхозов, полностью или частично разрушили 70 тыс. сел и деревень. Десятки миллионов людей остались без крова и вынуждены были жить в землянках и остовах печей, сохранившихся на пепелищах домов. Мужики в деревне стали редкостью: доля мужчин 18—54 лет среди сельского населения сократилась по сравнению с довоенным уровнем более чем в 2,5 раза и составила всего 8%.

Некоторое улучшение жизни в деревне в связи с окончанием войны и возвращением с фронта выживших солдат оказалось кратковременным. Именно за счет разоренной деревни сталинское руководство форсированно восстанавливало тяжелую промышленность, города и создавало новые вооружения. На долю сельского хозяйства пришлось лишь 7% капиталовложений четвертой пятилетки (1946—1950 гг.). В то же время на крестьянство легла вся тяжесть хлебозаготовок. Собранное зерно шло не только на внутреннее потребление, но и на экспорт в страны Западной Европы и в виде «братской помощи» Болгарии, Румынии, Польше, Чехословакии. Новая «продразверстка» в сочетании с засухой привела к массовому голоду 1946—1948 гг.

Еще более укрепился административно-правовой механизм внеэкономического принуждения крестьянства. В 1947 г. постановлением Совета Министров СССР был сохранен обязательный минимум трудодней, установленных на период войны. Доля колхозников, не выработавших норму трудодней в 1945—1946 гг. (в основном это были женщины), превышала 8%. В 1948 г. указом Верховного Совета СССР предписывалось выселять в отдаленные районы «лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве», т. е. не выполняющих нормы трудодней. Число осужденных за ненаработку обязательного минимума трудодней в 1945—1948 гг. превысило 821 тыс. человек.

В 1946 г. было принято решение о повышении налогов на личные крестьянские хозяйства, а в 1948 и 1952 гг. увеличился главный налог с крестьян — сельскохозяйственный, который распределялся на основании нормы доходности — с каждой головы скота и с каждой «сотки» приусадебной земли. Даже фруктовые деревья в хозяйствах колхозников облагались налогом. В 1953 г. была установлена еще 10-процентная надбавка на прочие «источники прибыли» колхозников (от птицеводства и выращивания молодняка до сбора дикорастущих ягод, грибов и т. д.). Государственные поборы и тяжелый труд заставляли колхозников бежать из деревни, как в XVIII в. от злого барина, а «барин» в лице колхозных и совхозных властей рассылал в «органы» списки беглых с просьбой об их возвращении обратно в колхоз. В таких условиях деревня восстанавливалась медленно. Стало уменьшаться ее население. К началу 1951 г. в колхозах России проживало на 1,2 млн человек меньше, чем в конце 1945 г. Эта тенденция продолжилась и в последующем. В 1946—1959 гг. колхозное население России сократилось на 9,2 млн человек.

После смерти Сталина произошло существенное ослабление давления на крестьян, уменьшились налоги, возросли капиталовложения государства в сельское хозяйство. Колхозная деревня стала оживать. Однако передышка оказалась непродолжительной (см. главу 19). Вскоре деревню потрясли новые массовые кампании. Освоение целины уменьшило на 1/3 капиталовложения в сельское хозяйство. Затем начались «кукурузная» и «мясомолочная» кампании, реорганизация МТС, ликвидация «неперспективных» деревень, урезание приусадебных участков и т. д. За 1958—1963 гг. площади личных приусадебных участков были сокращены почти на 20%. Все это нанесло новый удар по деревне, от которого она уже так и не оправилась. Деревня уже не только не могла поставлять продукцию на экспорт, но и оказалась не в состоянии обеспечить внутренние потребности страны.

В 1965 г. началась новая реорганизация управления сельским хозяйством, последовали новые капиталовложения, поставки техники. Но колоссальные

по своим масштабам программы развития села: по развитию Нечерноземной зоны РСФСР, мелиорации земель, строительству огромных животноводческих комплексов, Продовольственная программа и др. уже не давали отдачи. Прогрессирующую деградацию деревни не могли остановить даже выдача крестьянам паспортов, распространение на них пенсионной системы (минимальная пенсия была 12 руб., а с 1980 г. — 28 руб. в месяц) и гарантированной зарплаты.

Отчасти это объяснялось ошибками в аграрной политике, приведшими к отставанию строительства дорог, домов, магазинов и других элементов социальной инфраструктуры на селе, низкому уровню медицинского и бытового обслуживания, тяжелому ручному труду крестьян и т. д. Новая кампания по сселению крестьян из неперспективных деревень (а таковыми были признаны более 70% сел и деревень Нечерноземной зоны) подтолкнула миграцию из деревни, и сельское население Нечерноземья за 1965—1982 гг. сократилось почти на 45%. В целом по СССР между 1959 и 1989 гг. исчезло 194,6 тыс. деревень. Но и в оставшихся дела шли все хуже. Старое поколение постепенно уходило, молодежь и большинство активных людей среднего возраста разъезжались. Села, особенно в Центральной и Северной России, пустели, зарастали пашни и пастбища, оставались заброшенными дома — их к середине 1980-х гг. насчитывалось почти 500 тыс. Небывалое распространение в деревне получил алкоголизм, падала трудовая дисциплина и мораль.

Глубинные причины кризиса советской деревни коренились в постепенном разложении колхозной системы, кризисе стимулов к труду: репрессивные меры были отменены, а материальной заинтересованности по-настоящему достичь не удалось. В 1970-е гг. председатели совхозов писали: «Если раньше не работали, потому что знали — все равно ничего не дадут, то теперь не работают, потому что знают — все равно дадут». В результате семи с лишним десятилетий безжалостных экспериментов партии-государства над деревней произошло ее «раскрестьянивание». Уже в 1970 г. 1/3 колхозников не имели своих коров и сви-

ней, 2/3 — овец. Остатки крестьянской морали, традиционно бережного отношения к земле стремительно уничтожались. Советская деревня, во всяком случае в Центральной России, вырождалась.

В России на начало 1991 г. насчитывалось 38,7 млн сельских жителей, которые так же, как их родители, работали большей частью в колхозах и совхозах, а жили в основном за счет собственного приусадебного хозяйства. С конца 1980-х гг. быстро рос частный семейный сектор. В 1999 г. он произвел до 60% мяса, 30% овощей, 10% зерна. Однако появившееся фермерство в 2000 г. насчитывало лишь 262 тыс. хозяйств и производило 3% всей сельхозпродукции (в 1995—1996 гг. — 1,9%). Оно еще не встало на ноги в экономическом смысле и тем более не превратилось во влиятельную социальную силу. Российская деревня вновь находится на распутье, ее продолжающаяся деградация побуждает к неотложным мерам.

■ **Город и горожане.** Важным процессом, нараставшим после Октябрьской революции, явилась быстрая *деурбанизация* страны. Под влиянием подступавшего голода, безработицы, а затем и большевистских репрессий миллионы людей, особенно те, кто сохранил тесные связи с землей, потянулись в деревню, а представители высших и образованных сословий — на незанятые большевиками территории и за границу. Если к началу 1918 г. городское население составляло 25,6 млн, то к началу 1921 г. — лишь 20,6 млн. В результате лишь в Москве население превышало 1 млн, в Петрограде — 0,7 млн человек.

Жизнь горожан после прихода к власти большевиков разительно изменилась. Представители имущих слоев, чиновничества и интеллигенции (предприниматели всех уровней — от крупных капиталистов до мелких лавочников, священнослужители, офицеры, полицейские, профессора, учителя провинциальных гимназий, все живущие «на нетрудовые доходы» и их семьи) стали «бывшими людьми». Вскоре они были лишены избирательных, а фактически и других гражданских прав. Революционные отряды «трудящихся», солдат и матросов создали вокруг них обстановку морального, а порой и физического террора, видя в них

скрытых «контрреволюционеров» и «саботажников». Радикально изменилось и их материальное положение. Декретами СНК и ВЦИК были прекращены выплаты по купонам и дивидендам, запрещены все сделки с ценными бумагами, аннулированы государственные займы, все государственные долги перед вкладчиками объявлены недействительными. Началось «уплотнение» жилплощади, частная собственность на недвижимость была отменена, введена трудовая повинность. Имущие сословия стали подвергаться бесчисленным контрибуциям, конфискациям и реквизициям. Вместе с ликвидацией помещичьего и иного частного землевладения и национализацией банков, кредитных учреждений и предприятий эти меры означали курс на ликвидацию «эксплуататорских классов». Многие представители интеллигенции, чиновничества, офицерства оказались без средств существования. Уже с 1918 г., с началом красного террора, началось физическое истребление имущих слоев и части интеллигенции. Чтобы не умереть с голода и не подвергнуться террору, они вынуждены были предлагать свои услуги большевикам или бежать из страны. Примерно 2-миллионная эмиграция из России нанесла серьезный удар экономическому и культурному потенциалу страны.

Проводимые большевиками преобразования изменили политическое положение рабочих и отчасти их моральное самоощущение. Сотни тысяч рабочих, особенно из выдвинувшихся по партийной, советской, профсоюзной линии, почувствовали себя хозяевами страны. Однако их удельный вес был сравнительно невелик. Те рабочие, кто поддерживал меньшевиков, другие социалистические партии или пытался отстоять самостоятельность рабочего движения, собственные права, подвергались репрессиям. Фактически большевики лишили рабочих права на стачки (они стали рассматриваться как происки «контрреволюционеров») и огосударствили все рабочие организации. К концу 1918 г. была создана единая подконтрольная большевикам система профсоюзов. Она состояла из 21 производственного союза, каждый во главе со своим ЦК и территориальными комитетами на местах. Общее руководство профсоюзами осу-

ществляли ВЦСПС (Всероссийский центральный совет профсоюзов) и его региональные советы. Такое устройство позволяло большевикам легко контролировать профсоюзы, но зато обернулось для рабочих принудительным в них членством и быстрым формированием аппаратных структур, бюрократизацией деятельности профсоюзов.

Быстрое углубление социально-экономического кризиса привело к падению жизненного уровня населения. Исключением явилось лишь некоторое улучшение жилищных условий части рабочих вследствие начавшегося «уплотнения буржуев». В то же время колоссальная инфляция полностью «съедала» возросшие в денежном выражении заработки рабочих. Реальная зарплата по сравнению с 1913 г. сократилась в 5 раз. Безработица при «рабоче-крестьянском» правительстве быстро росла и уже к лету 1918 г., даже по официальным заниженным данным, составила 600 тыс. человек. Но главной угрозой для городского населения с зимы—весны 1918 г. стал голод. Дневная норма хлеба в промышленных центрах снизилась до 50—100 грамм, а нередко не выдавали и этой. В некоторых городах начались голодные бунты. Горожане выживали главным образом за счет «мешочничества», черного рынка.

Социальные новации эпохи военного коммунизма привели к принудительной кооперации населения и обязательному членству в общественных организациях, отмене платы за коммунальные, транспортные и некоторые другие услуги, введению всеобщей трудовой повинности и милитаризации труда рабочих. Работники особо важных производств фактически прикреплялись к заводам. В пылу коммунистического строительства большевики отдельных городов предпринимали даже попытки «национализации», принудительного «обобществления» женщин и «незамужних девиц». С 1920 г. началось создание трудовых армий. Из-за колоссальной инфляции быстро происходило обесценивание заработной платы. К концу 1920 г. денежная зарплата московских рабочих по сравнению с 1913 г. увеличилась в 400 раз, а цены на потребительские товары — в 20 тысяч раз. Следствием этого были не только нищенский уровень жизни,

но и натурализация оплаты труда. Зарплату фактически заменил скудный паек.

Хотя часть рабочих по-прежнему поддерживала большевиков, основная масса периодически выражала недовольство политикой властей. Многие предприятия потрясали забастовки. Рабочие Ижевска и Воткинска устроили настоящее восстание против большевиков. Массовые выступления рабочих Петрограда, Москвы, Урала и других городов в конце 1920—начале 1921 г. привели к изменению большевистской политики. Таким образом, даже в рабочей среде отношение к большевикам было далеко не однозначным. К тому же численность рабочих сократилась в 2,5 раза. Только в деревню в 1918—1919 гг. мигрировало около миллиона. До 600 тыс. рабочих были мобилизованы в Красную армию и служили в госаппарате. К концу Гражданской войны оставалось лишь 1,5 млн промышленных рабочих, т. е. примерно 40% от их численности в 1917 г. В итоге главной опорой большевистского режима в Гражданскую войну был колоссальный бюрократический аппарат.

Нэп вызвал оживление городов. Открывались замершие заводы и фабрики, магазины, лавочки, ателье, трактиры. Стремительно менялась повседневная жизнь. В городах появились автобусы и такси, начали асфальтироваться центральные улицы, распространялось электрическое освещение, строились клубы, детские сады и ясли. Полки магазинов заполнились товарами, деньги — совсем обесцененные и чуть было не отмененные в предшествующие годы — вновь стали играть огромную роль. Воссоздавались и некоторые другие атрибуты дореволюционной жизни. «Москва залита электрическим светом, снуют трамваи, автомобили, витрины магазинов полны самыми разнообразными товарами — заграничные и наши ткани, шелка, хрусталь, старина, драгоценные безделушки, гастрономия, в бывшем магазине Елисеева на Тверской и дичь, и рыба, и фрукты, и галантные приказчики, к каждому слову прибавляющие «с», — все на старых местах. Как прежде, лакеи в перелицованных фраках делают «стойку», а хорошие господа покрикивают «че-оэк!». В бесчисленных кафе, ресторанах, миниатюрах, на бульварах гремят оркестры, у дверей кон-

дитерских поет нищета в образе пожилой охрипшей певицы или семьи слепых артистов. Звонко выкрикивают названия новорожденных «сатириконов», утренних и вечерних газет мальчишки-газетчики, соперничая с продавцами «Иры» и ириса. У театров барышники. На Трубной, на старом месте, лихачи; у цирков, у «гранд-электро» на Арбатской площади — длиннейшие хвосты. Летние сады и оперетка делают полные сборы; бега, тотализатор, рулетка, ночные чайные и подпольные кабачки...» — такой видел новую Москву современник в 1922 году.

Социальной платой за хозяйственные успехи нэпа послужило быстрое расслоение населения. Безработица увеличилась со 160 тыс. человек в 1922 г. до 1,6 млн — к 1929 г. С другой стороны, почти столь же стремительно росла и новая буржуазия — нэпманы и кулаки. Глядя на их зажиточную, порой напоказ расточительную жизнь, знаменитые нэпмановские кутежи, большевики, да и многие рабочие, бывшие красноармейцы с трудом сдерживали эмоции и спрашивали себя, за что они проливали кровь в Гражданской войне. В то же время политическое бесправие новой буржуазии, да и просто «хозяйствующих субъектов», и их стремление как-то защитить свои экономические интересы в условиях жесткого однопартийного режима, противоречивость нового законодательства и революционное пренебрежение к праву еще более подталкивали массовую коррупцию государственных и партийных кадров. Газеты пестрели сообщениями о расхищении государственного имущества, укрывательстве доходов, финансовых аферах.

По переписи 1926 г., население страны — вследствие быстрого роста рождаемости — увеличилось до 147 млн человек. 2/3 его составляли дети и молодые люди до 30 лет. Горожан было 26,3 млн — 18% населения. В Москве проживало свыше 2 млн, Ленинграде — 1,5 млн, Киеве — 0,5 млн человек, еще в пяти городах — более чем по 200 тыс. Наиболее крупными социальными группами были рабочие, служащие, кустари и ремесленники, относимые официальной статистикой к категории «прочих» (иждивенцы, прислуга, лица свободных профессий и т. д.), а также нэпма-

ны (торговцы и владельцы частных предприятий и заведений) и безработные.

По сравнению с периодом военного коммунизма жизнь рабочих изменилась принципиально. Они получили свободу выбора места работы, право на ежегодный отпуск (не менее двух недель), средняя продолжительность рабочего дня сократилась до 7,4 часа. Реальная зарплата рабочих быстро росла и в 1926 г. достигла почти 94% от довоенного уровня. Основную массу рабочих составляли недавние выходцы из деревни. Каждый восьмой рабочий, каждая пятая работница были неграмотными. 20—25% имели землю, другие еще не расстались с мечтой о собственном хозяйстве и считали проживание в городе временным. Такие полукрестьяне составляли почти половину фабрично-заводских рабочих. Прогулы и опоздания у них не считались серьезным нарушением дисциплины, и порой в рабочее время они могли отправиться в деревню на сенокос, на именины к родственникам или на церковный праздник. К этому подталкивали и неприглядные условия их городского быта: скученные общежития, бараки-казармы, из развлечений — клуб с «агитками», кружки «политпросвета», пивная да кино.

В конце 20-х — 30-е гг. XX в. в структуре населения произошли принципиальные сдвиги. Под влиянием форсированной индустриализации и бегства крестьян в города численность городского населения по сравнению с 1926 г. выросла в 1,9 раза и составила к 1939 г. 49 млн человек. Доля городского населения выросла с 18% до 29%. Только по РСФСР число городов увеличилось с 461 до 572, поселков городского типа — с 702 до 743.

В результате сталинской политики в стране исчезли целые слои со своим укладом жизни: нэпманы, кулаки, казачество и другие «бывшие». Вместе с ними были окончательно ликвидированы сложившиеся в предшествующие столетия гражданские институты — церковные приходы и братства, казачье и крестьянское самоуправление, а также многочисленные даже в 1920-е гг. общественные организации. Экономика была огосударствлена, и государство полностью «подмяло под себя» общество. Само совет-

ское общество, как официально провозгласил Сталин, после ликвидации в нем капиталистических элементов состояло отныне из двух дружественных классов рабочих, колхозного крестьянства и межклассовой прослойки – народной интеллигенции. Именно тогда сформировались массовые представления о том, что производство не может быть частным, а государство должно обеспечить всем работу, образование, медицинскую помощь и определенный минимум материальных благ.

Значительным событием в городах стала *ликвидация в* **1930 г.** *безработицы*. В общественное производство стали активно вовлекаться женщины. Если в 1929 г. доля женского труда в промышленности составляла 10%, то уже к концу 1930 г. она возросла до 23%. Появились многочисленные «женские» профессии: медсестры, учительницы, воспитательницы детских садов и яслей, работницы библиотек, почтово-телеграфной службы, продавщицы, официантки, прачки, уборщицы.

Согласно официальной статистике, численность рабочих в 1926—1939 гг. выросла в 3,6 раза и достигла 25,4 млн человек. Из массы вчерашних крестьян стали складываться новые кадры квалифицированных рабочих с определенным уровнем образования и «городским» образом жизни. Рабочее происхождение попрежнему давало «путевку в жизнь» (для выдвижения по партийной или комсомольской линии, поступления в вуз). В то же время внедрение сверхцентрализованной плановой экономики привело к ликвидации элементов рабочего самоуправления в форме постоянных бригад, заключавших подряд с администрацией, и к уравниловке в оплате труда. Для промышленных рабочих уже в 1931 г. были введены трудовые книжки (все остальные трудящиеся получили их в 1938 г.). Количество профсоюзов увеличилось с 22 до 182. Были ликвидированы районные, городские, областные и республиканские межотраслевые советы профсоюзов, что способствовало ужесточению партийного контроля над этими организациями.

Начавшаяся в конце 20-х гг. кампания по борьбе с вредительством нанесла сильный удар по старой интеллигенции, так называемым «буржуазным специ-

алистам». Но и «выдвиженцы»-коммунисты, в свою очередь, попали под удар в ходе репрессий в 30-е гг. Тогда были арестованы и погибли большинство наркомов; за их арестом обычно следовал разгром кадров соответствующих ведомств. Тысячи специалистов, инженеров и техников оказались в лагерях или были расстреляны.

Для горожан эпоха первых пятилеток обернулась введением карточной системы на хлеб, а затем и на другие продовольственные товары. В 1935 г. она была отменена, однако государственные розничные цены удваивались на протяжении каждой из довоенных пятилеток и в 1940 г. были в 6—7 раз выше, чем в 1928. Средняя городская семья тратила на продукты питания более половины своих доходов. До 1936 г. работала система Торгсина, выкачивавшая у населения золото и серебро в обмен на дефицитные товары и еду. Развернулась торговля спиртным. В 1930 г. Сталин указывал: «Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки». Резко обострился дефицит товаров массового спроса. Знаменитый Елисеевский гастроном летом 1930 г. так описывался современниками: «В отделе рыбном до недавнего времени торговали папиросами; теперь — пусто. В большом отделе фруктов теперь — «весенний базар цветов». В отделе кондитерском — детские игрушки и изредка немного сквернейших конфет. В парфюмерном — одеколон, но нет мыла. Торгует один винный, ибо в колбасном изредка жареная птица по 6 рублей за кило. И только в задней комнате торгуют по карточкам хлебом, сахаром, когда он есть».

В целом уровень жизни горожан на рубеже 20—30-х гг. резко упал, но и в середине 1930-х гг. он существенно не вырос. В конце 20-х гг. на душу населения приходилось 25—30 кг мяса и 470 кг зерна в год, в конце 30-х — 20—25 кг мяса и 430 кг зерна. Хотя количество врачей за это время увеличилось в два раза, детская смертность в 1940 г. была выше, чем в конце двадцатых. Средняя продолжительность жизни с конца 20-х по конец 30-х гг. увеличилась на три года (с 44 до 47 лет), а за предыдущие 30 лет, когда Россия пережила мировую и Гражданскую войны,

революцию, — на 12 лет. В связи с перенаселением городов ухудшились жилищные условия. В 1928 г. началась кампания по «самоуплотнению» жильцов, когда на каждые 6 м^2 жилой площади приходилось прописывать родственника или же в квартиру подселяли чужого. Появилась масса новых барачных общежитий и коммунальных квартир. Постоянным явлением стали не только теснота, но и очереди, нехватка самого необходимого, которое надо было «доставать».

Массированная пропаганда объясняла, что трудности вызваны «искривлением партлинии» отдельными руководителями и происками многочисленных «вредителей» и прочих «врагов народа». Вывод Сталина о неизбежности обострения классовой борьбы, сопротивления разгромленных классов по мере успешного строительства социализма стал идеологической основой небывалых репрессий 1930-х гг. Официальная пропаганда в той или иной мере воспринималась массами малограмотных «партийцев» и миллионами новых советских граждан, вырванных колоссальными социальными преобразованиями из привычной среды и старой системы ценностей. В результате нескольких волн политических репрессий образовалась целая «страна» НКВД, в которой по переписи 1939 г. находилось 3,7 млн человек.

Для организации тотального контроля за населением был введен институт прописки и паспортная система. Декрет 1925 г. «О прописке граждан в городских поселениях» предусматривал: «1) Каждое лицо, прибывающее на жительство... на срок более трех дней, обязано немедленно заявить о своем пребывании... 2) Домовое управление, домовладелец или арендатор дома обязаны в течение 48 часов внести сведения о прибывшем в домовую книгу и зарегистрировать запись в соответствующем отделении милиции». Для отъезжающих была предусмотрена противоположная процедура. Поначалу декрет еще давал возможность прописки не только по удостоверениям личности, но и на основании других документов: выписки о рождении, профсоюзного билета. Но в 1932 г. была введена паспортная система с пропиской, просуществовавшая до последнего времени.

Ускоренная милитаризация страны в предвоенные годы, ввод советских войск в Польшу и Прибалтику и советско-финская война 1939—1940 гг. вызвали новый кризис продовольственного и промтоварного снабжения, повышение цен на мясо, сахар, картофель и введение «норм отпуска товаров в одни руки». Были приняты драконовские меры по ужесточению производственной дисциплины. В 1940 г. был принят закон, по которому выпуск недоброкачественной продукции приравнивался к вредительству. Вместо семичасового был введен восьмичасовой рабочий день и семидневная неделя вместо шестидневной. Самовольный уход рабочих с предприятий и из учреждений был запрещен и стал караться тюремным заключением на 2—4 месяца. Уже через месяц после принятия этого указа по нему было возбуждено более 100 тыс. уголовных дел. Наказанием за прогулы и опоздания отныне могли стать исправительно-трудовые работы до 6 месяцев.

Сталинское руководство активно готовило население к войне. В массовом порядке выходили книги, ставились кинофильмы и театральные постановки на военные темы. Вся страна распевала песни «Если завтра война...», «Броня крепка и танки наши быстры...» и т. п. Престиж армии в обществе был необычайно высок. Царил настоящий культ авиации, многие из летчиков стали национальными героями. Молодежь, а отчасти и городское население среднего возраста были охвачены небывалым по своей массовости физкультурным движением. Молодые люди учились бегать, метать гранаты, прыгать с парашютом. Парашютные вышки были почти в каждом крупном городе. Часть мужского, а в меньшей степени и женского населения изучала стрелковое оружие и радиодело.

Все знали, что война не за горами, но с кем придется воевать, ясности не было. Антифашистская пропаганда после заключения советско-германского пакта (см. главу 21) была свернута. Напротив, всячески осуждались «империалисты», «поджигатели войны» из Англии и Франции и подчеркивалось «миролюбие» фашистской Германии и важность дружественных с ней отношений. Под влиянием нового курса

среди некоторой части городского населения возникла даже мода на немецкие имена.

После начала Великой Отечественной войны народ, воспитанный официальной пропагандой на лозунгах, что война будет вестись на вражеской территории и малой кровью, жадно ожидал известий о скором разгроме вторгнувшихся фашистских войск и о триумфальном походе Красной армии за границы СССР. Некоторые ждали «восстания немецкого пролетариата», который-де не мог допустить нападения Гитлера на первое в мире социалистическое государство. Тем страшней и неожиданней были скупые официальные известия, из которых народ узнавал о тяжелых боях и о быстром отступлении Красной армии. Паника еще более увеличивала дезорганизацию первых недель войны. Но страшные испытания не сломили народ. На нападение фашистской Германии он откликнулся массовой записью в добровольцы и всенародной помощью фронту. За военные годы населением было собрано 110 млрд руб., обмундирования — на 10 млн человек, примерно 5,5 млн человек сдали свою кровь для раненых. Вся страна была превращена в военный лагерь. Невзирая на колоссальные жертвы и лишения, народы СССР своим героическим, запредельным по напряжению и самоотдаче трудом смогли вырвать величайшую в истории победу (см. главу 19).

В послевоенный период основные ресурсы государство вкладывало в восстановление городов, и рабочие промышленных предприятий имели более высокий доход, чем крестьяне. Но все равно положение городского населения было тяжелым. 43% рабочих и служащих вынуждены были половину и более заработка тратить на питание, причем лишь по необходимому для выживания минимуму. Значительную часть зарплаты отнимали налоги и обязательные государственные займы. Например, из заработка в 200 руб. изымалось 67 руб. Лишь немногие были способны приобретать такие вещи, как мебель, фотоаппараты, мотоциклы. Еще много лет после войны люди не могли позволить себе досыта наедаться и носили телогрейки, военные шинели и кирзовые сапоги. Отдель-

ная квартира с минимальными коммунальными удобствами считалась роскошью.

Быстро шла урбанизация страны. С 1939 по 1959 г. количество городов в РСФСР выросло в полтора раза, а численность жителей всех городских поселений — в 1,7 раза: с 36,3 до 61,6 млн. В **1958 г.** в России был пройден так называемый «урбанизационный переход» — *доля городского населения превысила 50%*. В СССР в целом это произошло спустя три года.

Начавшаяся в 1953 г. «оттепель» привела к быстрому росту уровня жизни. Было осуществлено масштабное повышение доходов населения, отменены принудительные государственные займы, вдвое повышены пенсии. В 1953—1958 гг. заработная плата горожан росла в среднем на 6% в год. Потребление овощей и фруктов выросло в 3,4 раза, рыбы — на 90%, мяса — на 50%. Рабочие и служащие были переведены на 7-часовой рабочий день.

Впервые за годы советской власти развернулось массовое жилищное строительство. Хрущевские пятиэтажки, которые сейчас кажутся убогими, тогда дали возможность миллионам людей перебраться из бараков, подвалов и коммуналок в отдельные квартиры с центральным отоплением, газо- и водоснабжением. Некоторые люди, не привыкшие к таким удобствам, переезжая в «хрущевки», плакали от счастья. Городской жилищный фонд в 1955—1964 гг. увеличился в 1,8 раза, но из-за массового наплыва в города мигрантов из деревни преодолеть жилищный кризис не удалось.

Социальная ориентация политики и развертывание НТР подтолкнули развитие образования (см. главу 22). Научно-технические достижения стали широко входить в быт советских людей. Товарами массового потребления становились телевизоры (только за 1953—1958 гг. их число увеличилось с 0,2 до 3 млн) и холодильники, радиовещание охватило всю страну. Таким образом, по темпам повышения уровня жизни населения период середины 50-х гг. занимает исключительное место в советской истории, сопоставимое разве что с нэпом. Однако с начала 60-х гг. под влиянием экономических трудностей темпы роста благосостояния населения за-

медлились, социальные проблемы и, прежде всего, дефицит продовольственных и иных товаров обострились. Соответственно изменилось и настроение в обществе.

В последующий «брежневский» период быстрыми темпами продолжалась урбанизация. С начала 1960-х до середины 1980-х гг. в города переехало более 35 млн человек. Всего же с 1939 по 1980 г. население городов увеличилось с 56 до 180 млн. По советской классификации, в середине 80-х гг. доля рабочих выросла почти до 62%, служащие сохраняли свой удельный вес примерно в 12%, а «колхозное крестьянство» уменьшилось до 16%. В целом это был закономерный и позитивный процесс. Однако в СССР он принял деформированные формы. Шло настоящее бегство людей из деревни. В результате сельское хозяйство задыхалось от нехватки рабочих рук, а городская инфраструктура не выдерживала огромного наплыва сельских мигрантов. Причинами этих «перекосов» служил огромный разрыв в уровне жизни городского и сельского населения, а также экстенсивный характер развития советской промышленности. Даже в середине 1980-х гг. ручным трудом в ней было занято более 50 млн человек (40% работников), и она испытывала постоянную нехватку рабочих рук.

Гарантированная оплата труда на основе тарифных ставок не стимулировала работников, поскольку не была связана с количеством и качеством произведенной продукции, так же, как повышение зарплаты или выдача премий. Оплата труда все больше носила уравнительный характер. Если в 1955 г. ИТР получали в среднем на 70% больше, чем рабочие, то в 1985 г. разница сократилась до 10%. Это вело к падению престижа таких профессий, как инженер, учитель и ряда других.

Благодаря массированному притоку нефтедолларов власти сумели обеспечить заметный сдвиг в развитии социальной сферы и повышении благосостояния населения. Число специалистов, занятых в народном хозяйстве в 1970—1985 гг., выросло более чем вдвое: с 6,9 до 14,5 млн человек, среднемесячная зарплата увеличилась со 122 до 190 руб., выросло потребление товаров, особенно таких, как легковые

автомобили, цветные телевизоры, пылесосы, мебель и т. д. Если в 30-х и даже в 50-х гг. горожане в основном жили в многосемейных коммунальных квартирах, в бараках и полуподвалах, то в 1980-е уже более 4/5 городских семей занимали отдельные квартиры или жили в собственных домах.

Тем не менее темпы роста благосостояния в 70-е — начале 80-х гг. XX в. замедлялись. С середины 60-х гг. снижалась доля средств, шедших на социальные нужды. Так, несмотря на острейшую жилищную проблему (до 60 млн горожан нуждались в улучшении жилищных условий), удельный вес капиталовложений в жилищное строительство (к общему их объему) сократился с 17,7% в 1966—1970 гг. до 15,1% в 1981—1985 гг., со второй половины 70-х гг. замедлился ввод в действие жилья. Доля средств союзного бюджета, шедших на просвещение и здравоохранение, к 1985 г. упала ниже 1940 г. С 70-х гг. в СССР перестала увеличиваться средняя продолжительность жизни (в 1985 г. она была ниже, чем в 1958 г.) и стала расти детская смертность. К началу 80-х гг. СССР находился лишь на 35-м месте в мире по продолжительности жизни, почти 50 стран имели более низкую детскую смертность.

Для обеспечения социальной стабильности власти сохраняли низкие цены на основные продукты питания. Это достигалось за счет увеличения государственных дотаций (с 3,6 млрд рублей в 1965 г. до 73 млрд рублей в 1985 г.). Следствием являлись дефицит бюджета и скрытая инфляция, проявлявшаяся в первую очередь в дальнейшем вымывании товаров с полок магазинов. Опережение роста денежных доходов населения над предложением товаров и услуг обострило продовольственные трудности, дефицит товаров народного потребления. Советское общество стало обществом тотальных очередей и «блата» — неформальной системы доступа к услугам и товарам на основе личных знакомств, чаще всего сопряженных с коррупцией. Широкий размах приобрели торговля «с черного хода», «из-под прилавка», «устройство» своих детей через знакомых в вузы и т. д.

Политика властей и институт прописки, затруднявший изменение места жительства, способствовали

сохранению серьезных территориальных различий. Жители столиц и некоторых крупных городов пользовались гораздо лучшими условиями снабжения, социальной и культурной инфраструктурой, чем остальное население. В результате миллионы людей не только ездили за сотни километров в Москву, Ленинград или отдельные другие города за продуктами, товарами массового спроса, но и всеми правдами и неправдами стремились получить там прописку. Так появились «лимитчики» — слой рабочих, нанимаемых на невыгодных условиях, но с перспективой получения столичной прописки и жилья.

Неравный доступ к товарам и услугам — из-за наличия целой системы льгот, закрытых распределителей, территориальной дифференциации и того же «блата» – увеличил разрыв в качестве, уровне жизни основной массы населения – рабочих, крестьян, интеллигенции — и привилегированных слоев, прежде всего партийной и хозяйственной номенклатуры. Однако в целом, согласно некоторым оценкам, по уровню потребления на душу населения СССР занимал лишь 77-е место в мире. Неудовлетворенный спрос на товары и услуги в сочетании с постепенной эрозией «социалистической морали» в обществе создали благоприятные условия для быстрого развития *теневой экономики* — подпольного предпринимательства, скрытых от государства приработков и т. д. В ней, по приблизительным оценкам, в той или иной мере было занято до 15 млн человек.

Все это способствовало постепенному разложению общества, утверждению двойных стандартов жизни — официальных и реальных. На фоне обострявшихся социальных проблем и увеличивающегося неверия властям, росла апатия людей, деформировалась мораль. Хотя официальная пропаганда категорически отвергала существование организованной преступности, на самом деле она была и быстро увеличивалась. Число только выявленных хищений в крупных и особо крупных размерах в 1971—1985 гг. выросло в 5 раз. Коррупцией оказались поражены целые отрасли, в первую очередь торговля и сфера услуг. Более того, в Москве, Закавказье, Средней Азии и целом ряде других регионов началось сращивание партийно-государ-

ственной номенклатуры с преступным миром. (Корни современной организованной преступности уходят в брежневскую эпоху.) В то же время в обществе появилось движение диссидентов, все больше людей стремились уйти от официоза в частную жизнь, занимаясь путешествиями, дачей и т. д.

К началу 80-х гг. кризис общества «развитого социализма» стал очевиден и правящей верхушке, которая сначала в лице Андропова, а затем Горбачева разными путями попыталась провести некоторые преобразования. Однако перестройка привела к неожиданному взрыву самодеятельности масс. Она проявилась и в экономике — в возникновении «кооператоров», первых фермеров, и особенно в политике. Впервые с середины 1920-х гг. в СССР появились партии и общественные организации, неконтролируемые властями (см. главу 18). Стало расти рабочее движение. Согласно «Хронике рабочего движения в СССР», в 1987 г. в стране было лишь четыре забастовки, в 1988 — 25, а только в первой половине 1989 г. — уже 4018. В 1990 г. были созданы Независимый профсоюз горняков (НПГ) и другие альтернативные профсоюзы. Официальный «штаб» профсоюзов СССР — ВЦСПС — был ликвидирован; вместо него была образована Федерация независимых профсоюзов России. Все это происходило на фоне резкого ухудшения социально-экономического положения страны (см. главу 19). Прогрессирующий паралич центральной власти вкупе с резким ростом национального движения и социальной активности масс привели к краху Советского Союза, а вместе с ним и советского общества.

■ **Номенклатура.** Несмотря на заявления большевиков о стремлении к уничтожению постоянного чиновничества и созданию советского «государства-коммуны», управляемого самими массами, уже с 1918 г., когда новой власти удалось сломить забастовку («саботаж») государственных служащих, численность чиновничества стала стремительно возрастать. «Своих» чиновников большевикам катастрофически не хватало, и они, поняв к тому времени их необходимость,

вынуждены были распахнуть дверь для «чуждых элементов». В результате старое дореволюционное чиновничество составило большинство «совслужащих», а в хозяйственных ведомствах — от 70 до 99%. К старым бюрократам добавились новые «выдвиженцы» из рабочих, крестьян и красноармейцев.

Стремительная бюрократизация Советской России явилась следствием сверхцентрализации управления и стремления большевиков «велениями пролетарского государства» непосредственно перейти к социализму. В результате только в системе ВСНХ аппарат управления составил более миллиона человек на 1,2 млн промышленных рабочих. Всего же в госаппарате, по оценкам, работало 4 млн «совслужащих», что в 2,7 раза превосходило численность всех индустриальных рабочих страны. В 1920 г. более 40% трудоспособного населения Москвы и Петрограда составляли служащие (в то время как в Петербурге в 1910 г. их было менее 7%). Попытки сокращений госаппарата результатов не давали.

После перехода к нэпу оформилась система политических и экономических привилегий для членов большевистской партии, и особенно ее руководства. В 1922 г. были узаконены привилегии для 12 тыс. «активных партработников»: их жилье, отдых, медицинское обслуживание, учебу членов семьи оплачивала партия. Помимо окладов «активные партработники» и члены их семей получали продовольственный паек в зависимости от ранга (6—12 кг мяса, 1—1,5 кг масла, сахар, папиросы, спички). В начале 20-х гг. эта система «поддерживала» более 100 тыс. человек. Постановления Оргбюро ЦК 1923 г. разрешали привлекать к ответственности секретарей губкомов только с санкции прокурора республики и ЦК, а рядовые партийцы могли быть освобождены из-под стражи под поручительство трех членов РКП(б). Другим постановлением 1923 г. критиковать в печати партийные органы позволялось только с разрешения губкома. По сути, это были привилегии и для советского чиновничества (рост которого под влиянием финансовых трудностей и развития рыночных отношений несколько затормозился).

В 1920-е гг., при деятельном участии Сталина, оформилась *номенклатура* — перечень различных (партийных, советских, хозяйственных, военных и др.) должностей, находящихся в ведении партийного комитета определенного уровня (ЦК партии, ЦК КП республик, обкомов и крайкомов, горкомов и райкомов партии), и соответственно — круг лиц, назначенных на эти должности соответствующим органом партии.

В 1923—1925 гг. контролируемый Сталиным Орграспредотдел ЦК подготовил списки № 1, 2 и 3 с перечнем государственных, профсоюзных, комсомольских и прочих должностей, кандидатуры на которые должны были утверждаться ЦК или его отделами. Руководители местных (республиканских, краевых и губернских) управлений назначались постановлением ЦК и губкомов партии по соответствующим спискам — номенклатурам. Именно номенклатура составляла основу механизма власти Сталина. Он лично контролировал списки № 1 и 2 (около 6 тыс. должностей) и распоряжался «переброской» или назначением нужных ему людей. О них он говорил: «Это люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь...» Естественно, весь процесс утверждения и тем более сами списки были секретными.

Номенклатурный механизм руководства обществом окончательно сложился в 30-е гг. и без принципиальных изменений просуществовал до 1989 г. (в 80-е гг. только партийная номенклатура насчитывала 500 тыс. должностных лиц, от сельских райкомов до членов и кандидатов в члены ЦК). Такой механизм был чужд всякой демократии, выборности органов государственной власти, общественных организаций и, по сути, не допускал контроля народа за их составом и деятельностью. Зато он позволял партийному лидеру подобрать нужную ему бюрократическую «команду» и создавал замкнутую корпорацию управленцев. Особые права и привилегии такого номенклатурного чиновника уравновешивались полной зависимостью от «хозяина»:

увольнение с номенклатурных должностей не могло быть обжаловано по трудовому кодексу.

Большевистское руководство придавало первостепенное значение кадрам госаппарата и стремилось, насколько это было возможно, насытить его «социально близкими» выдвиженцами из рабочих и крестьян. Поначалу это получалось плохо из-за низкого образовательного уровня и отсутствия управленческих навыков у «трудящихся». В конце 1920 г. на ответственных должностях в наркоматах (в коллегиях и управлениях) рабочих было от 1 до 10%, в главках ВСНХ — 26%, в местных исполкомах Советов от 10% до 36,5%. Большевики создавали специальные комиссии по выдвиженчеству. В результате, если в 1923 г. на ответственную работу в новые государственные и хозяйственные структуры было выдвинуто 568 человек, то в 1925 г. — 7459. Некоторые из «выдвиженцев» оказались талантливыми организаторами, например назначенный в 1926 г. директором АМО И. А. Лихачев, директор Тульского патронного завода С. И. Степанов, директор Сормовского завода Н. Д. Данилов. Другие худо-бедно учились у старых «буржуазных спецов». Преобладающая масса служащих в период нэпа оставалась беспартийной. В 1928—1929 гг. в ВСНХ они составляли 79%, в Наркомфине — 90%, в НКПС — 77,5%. В 1929 г., по данным ЦСУ СССР, 2/3 работников государственного аппарата были выходцами из непролетарской среды (из чиновников, дворян, почетных граждан, купцов и т. д.).

Переход к форсированному строительству социализма повлек за собой резкий рост бюрократии. Численность служащих в 1926—1939 гг. выросла в 4,4 раза. Выделился и оформился руководящий слой: наркомы, их заместители и члены коллегий, начальники отделов, управлений, секретари партийных комитетов и члены бюро (от районного уровня и выше), руководители исполкомов советских органов, профсоюзная и комсомольская верхушка, директора крупных предприятий, научно-исследовательских институтов, творческих организаций, высший командный состав РККА. Именно эта группа обладала максимальными в советской системе привилегиями в смысле зарпла-

ты, жилья, питания, медицинского обслуживания, специального снабжения.

Другим следствием сталинского курса явилась новая, масштабная перетряска кадров. Против заподозренных в малейшей нелояльности вождю и «чуждых» по своему происхождению элементов проводились «чистки» госаппарата и массовые репрессии.

Особенно значительные перемены произошли в руководстве партийных организаций. Среди 333 секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий, работавших в начале 1939 г., 293 выдвинулись после 1934 г., причем основная часть — в 1937—1938 гг. Из 32 899 государственно-хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б), от наркома до парторга ЦК ВКП(б), которые работали в начале 1939 г., 15 485 были назначены в 1937—1938 гг. Большинство в номенклатуре составляли теперь молодые работники. (См.: Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М., 1999. С. 14.)

В результате обновленная правящая элита и госаппарат беспрекословно подчинялись Сталину, а заодно и приобрели более «социально близкий» большевикам характер.

В годы Великой Отечественной войны номенклатура вновь заметно обновилась (см. главу 21). Этот процесс наряду с дальнейшим укреплением ее позиций в обществе продолжился и в послевоенные годы. После прекращения массовых репрессий она почувствовала себя полновластным хозяином страны. Попытки Хрущева сократить ее численность, ввести ротацию кадров и урезать привилегии серьезных результатов не дали. Они способствовали лишь отстранению Хрущева от власти. При Брежневе для номенклатуры наступил «золотой век». Она по-прежнему не контролировалась «снизу», со стороны общества, а контроль за ней «сверху» существенно ослаб.

В 17-миллионной правящей партии реальной властью обладал узкий круг высших руководителей, из которого Брежнев одного за другим удалил всех, казавшихся ему ненадежными. Во многих случаях ре-

шения принимались даже не Политбюро, а наиболее близкими Брежневу и влиятельными его членами: секретарем ЦК по идеологии М. А. Сусловым, председателем КГБ Ю. В. Андроповым, министром обороны Д. Ф. Устиновым, секретарем ЦК К. У. Черненко, министром иностранных дел А. А. Громыко. Потом уже они оформлялись как постановления Политбюро, ЦК партии и решения правительства.

Следом за высшим, хотя и «неформальным», кругом советского руководства шли «простые» члены и кандидаты в члены Политбюро, секретари ЦК. За ними — первые и вторые секретари обкомов и заведующие отделами, министры и их заместители, руководящий аппарат ЦК, верхушка армии — всего около 3,5 тыс. человек. Среди них складывались определенные региональные и отраслевые группировки. Согласованием ведомственных и групповых интересов занимались высшие органы партийной и государственной власти — Политбюро, Секретариат ЦК, Центральный Комитет КПСС, Совет Министров. Реальные же решения готовились не в этих коллегиальных органах, а в отделах ЦК, министерствах. Отделы ЦК были относительно самостоятельны в текущей работе. При поддержке Брежнева или кого-либо из его ближайшего окружения их предложения могли обсуждаться в рабочем порядке, а затем оформлялись как решения Политбюро и ЦК. Именно этот слой обладал максимальными привилегиями — к его услугам были госдачи, спецпайки, спецполиклиники, персональные машины, особое жилье.

Ниже располагался слой средних и низовых партийных функционеров — освобожденных работников, насчитывавший более 400 тыс. человек. Он также имел свои номенклатурные привилегии. К этому слою советского общества можно отнести и номенклатурную интеллигенцию — известных писателей, артистов, крупных ученых и руководителей науки. Эта часть интеллигенции была приобщена к привилегиям, но могла и потерять их (например, стать «невыездной»), если оказывалась неблагонадежной.

В период быстрого развития электронных, космических и прочих «высоких» технологий правящая верхушка на 80% состояла из детей крестьян и неква-

лифицированных рабочих и служащих. Номенклатурный принцип способствовал выдвижению наиболее послушных и приспособленных. «У руля» стояли люди с преимущественно партийным, техническим, военным и сельскохозяйственным образованием, а экономисты и прочие «гуманитарии» власти не требовались. Элита становилась все более замкнутой; будущих «ответственных работников» готовили в специальных учебных заведениях, таких как Академия общественных наук при ЦК КПСС, Высшая комсомольская школа, Институт международных отношений, Дипломатическая академия, куда доступ обычным гражданам был затруднен или невозможен вовсе.

В целом слой советских руководителей вырос с довоенных времен в 4 раза, но стал менее мобильным. Взятый Брежневым курс на «стабильность» обернулся номенклатурным застоем. В 1966 г. на XXIII съезде партии из устава КПСС был изъят введенный при Хрущеве пункт о нормах обновления партийных организаций и предельных сроках пребывания на выборных должностях. Анализ состава ЦК КПСС за 60 лет показал, что для «сталинской» номенклатуры были характерны частые перемещения, в среднем каждые 2—3 года (достигавшиеся во многом благодаря чисткам и репрессиям), а для «брежневской» — напротив. В 1970-е гг. резко замедлилось обновление руководящих кадров, так называемая *вертикальная мобильность*. До 1953 г. темпы «вертикальной мобильности» составляли 8 лет, в 1954—1961 гг. — 9, а 1962—1968 гг. — 11, в 1969—1973 — 14, 1974—1984 гг. — 18 лет. Приток кадров со стороны тоже почти остановился. В брежневское время лица, не входившие ранее в номенклатуру, составляли лишь 6% партийной элиты. Это объективно усиливало в ней противоречия, что, в свою очередь, создавало предпосылки для последующих преобразований. Но в целом партийная и государственная номенклатура окончательно превратилась в обособленную касту, очень далекую от народа. В годы перестройки она в целом противилась переменам и в итоге оказалась неспособной ни выработать продуктивную концепцию преобразований, ни даже сохранить статус-кво.

■ **Армия и ВПК.** Вооруженные силы традиционно являлись одним из важнейших государственных и социальных институтов России. При советской власти их значение еще более возросло. Помимо изначальных функций защиты Родины, ее интересов, они стали рассматриваться и как средство реализации коммунистической доктрины по всему миру. Армия и военно-промышленный комплекс приобрели гипертрофированную роль в обществе и позволили СССР не только устоять в тяжелейших испытаниях, но и на протяжении десятилетий вести глобальное противостояние с большей частью остального мира.

Поначалу, «демократизировав» и демобилизовав старую армию, большевики не планировали создавать собственную. Следуя марксистской теории, они пытались заменить ее «всеобщим вооружением народа». Жизнь быстро показала утопичность этой идеи, и уже **15 января 1918 г.** был издан декрет об организации *Рабоче-крестьянской Красной армии* (РККА), а 29 января — Красного флота. Обострение обстановки и развертывание ожесточенной Гражданской войны побудили большевиков ускорить формирование своих вооруженных сил. 29 мая 1918 г. Красная армия перешла от добровольного к принудительному принципу комплектования. Большую роль в ее становлении и повышении боеспособности сыграл Л. Д. Троцкий, который в марте 1918 г. был назначен наркомом по военным делам, а в сентябре 1918 г. — председателем Реввоенсовета Республики (органа, который объединил руководство вооруженными силами и военными учреждениями). Он развернул огромную организационную работу и принялся за наведение дисциплины с помощью самых суровых мер вплоть до расстрела командиров, а порой и каждого десятого из красноармейцев части, бежавшей с поля боя. Невзирая на сопротивление многих большевиков и колебания Ленина, он взял курс на привлечение в «рабоче-крестьянскую» армию «военспецов» — бывших царских офицеров. Это сыграло принципиальную роль в повышении боеспособности вооруженных сил.

В 1918—1920 гг. под знамена красных было призвано 75 тыс. бывших генералов и офицеров (из 131 тыс. человек командного состава). На посту глав-

кома в период Гражданской войны находились полковники Генерального штаба царской армии И. И. Вацетис и С. С. Каменев, а бывший контр-адмирал В. М. Альтфатер стал первым командующим морскими силами республики. Крупными соединениями красных командовали подполковник А. У. Корк, полковник А. И. Егоров, поручик М. Н. Тухачевский. Генерал А. А. Брусилов занял пост инспектора кавалерии РККА. Полководцами и военачальниками становились бывшие унтер-офицеры и рядовые царской армии: С. К. Тимошенко, В. К. Блюхер, Б. М. Думенко, С. М. Буденный, О. И. Городовиков, Д. П. Жлоба, Г. К. Жуков. Для политического контроля над «военспецами» и предотвращения нередких в те годы измен был введен институт комиссаров. Большевистская партия с самого начала жестко контролировала Красную армию. Под непосредственным контролем ЦК РКП(б) работал Реввоенсовет, по партийным директивам действовали политотделы и военные комиссары, партийные ячейки в частях и военных учреждениях. В результате всех этих мер большевикам удалось в кратчайшие сроки создать боеспособную кадровую армию. Ее численность с мая 1918 г. выросла в 18 раз, составив к середине 1920 г. — 5,4 млн. Тем самым исход Гражданской войны был предрешен.

После завершения Гражданской войны была проведена массовая демобилизация, численность армии сократилась до 0,5 млн человек. Для экономии средств на ее содержание армия в 1923 г. начала переводиться на территориально-милиционную систему. Кадровые части были сосредоточены главным образом в приграничных округах и в технически насыщенных родах войск. В остальных частях призванные на военную службу красноармейцы находились на казарменном положении только во время учебных сборов. Положение военнослужащих и армии в целом было сложным. Их материальное обеспечение было очень скудным, поставки новой техники и вооружения почти не осуществлялись, шли чистки командного состава, под которые попадали сторонники Троцкого, некоторые старые офицеры.

Тем не менее уже с середины 1920-х гг. быстро формировался военно-промышленный комплекс

(важнейшей задачей провозглашенной большевиками индустриализации и было создание такового), разрабатывались и ставились на вооружение некоторые новые виды оружия и военной техники. К концу первой пятилетки производственные мощности артиллерийских заводов по сравнению с 1928 г. увеличились в 6 раз, выпуск самолетов — в 4,5 раза. Началась механизация армии. Если в 1929 г. на одного бойца приходилось в среднем 2,6 «механической лошадиной силы», то в 1933 г. — 7,7. В годы второй пятилетки выпуск вооружений и военной техники еще более ускорился. Оборонная промышленность увеличила производство в 2,8 раза, в том числе боевых самолетов — в 7,5 раза, танков — в 2 раза (их число в армии достигло почти 15 тыс.), военных кораблей — в 3 раза. В 30-е гг. военная промышленность быстро оформлялась в особую систему отраслей с секретными предприятиями и спецфинансированием. Советский военно-промышленный комплекс был сопоставим по своему потенциалу с английским, французским и германским, а в чем-то даже превосходил их. В 1928 г. он включал 46, а в 1938 г. — 220 заводов, опытных производств, НИИ и КБ с 0,7 млн работников.

В 1935—1937 гг. начался переход от территориально-кадровой к кадровой армии. Был упразднен Реввоенсовет СССР, а наркомат по военным и морским делам преобразован в Народный комиссариат обороны. В 1937 г. выделяется самостоятельный наркомат Военно-морского флота. В 1932 г. был создан Тихоокеанский, в 1937 г. — Северный флот. Отечественные вооружения и военнослужащие прошли проверку в боях в Испании и на Дальнем Востоке.

С 1939 г., по сути, вся внутренняя политика советского руководства стала определяться растущей угрозой втягивания СССР в глобальный военный конфликт. Это потребовало не только еще большего наращивания усилий по укреплению армии и ВПК, но и нормализации экономической, общественно-политической ситуации в стране, дезорганизованной массовым террором 1937—1938 гг. В результате сократились масштабы политических репрессий, ужесточилась трудовая дисциплина и увеличилась рабочая неделя. С 1939 по июнь 1941 г. доля военных расхо-

дов в советском бюджете выросла примерно с 26 до 43%. На востоке страны ускоренными темпами строились предприятия-дублеры. Ежегодный прирост военной продукции втрое опережал средние темпы увеличения промышленного производства. Осваивался выпуск новых типов вооружений. Некоторые из них, как, например, реактивные минометы БМ-13, танки Т-34, штурмовики ИЛ-2, качественно превосходили или вовсе не имели аналогов за рубежом. 1 сентября 1939 г. был принят закон о всеобщей воинской обязанности. Численность вооруженных сил с января 1939 г. по 22 июня 1941 г. выросла с 1,9 млн до 5,8 млн человек, т. е. в 3 раза. Число орудий и минометов увеличилось с 56 тыс. до 118 тыс., танков — с 18 до 23 тыс., самолетов — с 17,5 до 24,5 тыс. По количеству боевой техники Красная армия превосходила все армии мира. Все эти меры дополнялись массированной пропагандой, подготавливавшей население страны к грядущей войне (см. главу 21).

Однако колоссальная работа по повышению обороноспособности страны во многом сводилась на нет сталинским террором. Из-за развернутой в середине 30-х гг. кампании массовых репрессий страна запоздала с подготовкой к войне. Всеобщая воинская повинность была введена менее чем за два года до начала Великой Отечественной войны. Трехкратное увеличение армии за столь короткий срок не могло не привести к острейшей нехватке подготовленного командного состава и падению боевой выучки войск. В результате многие летчики встретили войну, имея «налет» на боевых самолетах всего по несколько часов. Сходная ситуация наблюдалась и у танкистов. Но даже не это было главным.

Массовые репрессии «обезглавили» армию. Они уничтожили подавляющую часть высшего командного состава — наиболее ценного для армии и труднозаменимого. Из 85 членов Военного совета при Наркомате обороны были репрессированы 76 человек, из 16 генералов армии — 14. Таким образом, было уничтожено 9/10 высших советских военачальников, что было несоизмеримо больше соответствующих потерь в годы Великой Отечественной войны. Были расстреляны такие видные полководцы, как М. Н. Туха-

чевский, И. Э. Якир, И. П. Уборевич, В. К. Блюхер, А. И. Егоров и многие другие. Репрессии серьезно затронули средний и даже младший комсостав. Только в 1937—1938 гг. (а «чистки» в армии, напомним, проводились с середины 1920-х гг.) было репрессировано примерно 40 тыс. командиров. Огромные потери понесла и разведка. В результате к 1941 г. только в сухопутных частях не хватало 67 тыс. командиров, в военно-воздушных силах — почти трети летно-технического состава. В начале 1941 г. лишь 7,1% комсостава имели высшее военное образование, 3/4 командиров находились на своих должностях менее года.

В середине 1930-х гг. советская школа военного искусства была одной из лучших в мире. Уже тогда успешно разрабатывалась *теория современной маневренной войны* с использованием крупных танковых и десантных соединений. Однако в результате сталинских репрессий эта школа была большей частью уничтожена. Механизированные корпуса, которые впервые в мире начали создаваться в СССР, были расформированы. К власти пришли военачальники, которые жили, как правило, стереотипами Гражданской войны. Нарком обороны К. Е. Ворошилов считал моторизацию армии «вредительской теорией». Его заместитель Г. И. Кулик называл автоматы «полицейским оружием».

Сталинский террор дезорганизовал работу многих конструкторских бюро и военных заводов, затруднил принятие на вооружение новой техники. Многие выдающиеся конструкторы и инженеры были репрессированы. Среди них: авиаконструкторы А. Н. Туполев, В. М. Петляков, В. М. Мясищев, создатели первых в мире ракетных двигателей И. Т. Клейменов и Г. Э. Лангемак, создатель первых радиолокационных устройств П. К. Ощепков, будущий конструктор советских ракет С. П. Королев и многие другие. Некоторые из репрессированных, не погибшие в местах заключения, накануне войны были выпущены на свободу или работали в специальных конструкторских бюро, созданных из заключенных, так называемых «шарашках».

Советско-финская война наглядно показала низкую боеспособность советских Вооруженных сил.

После нее в мае 1940 г. наркомом обороны вместо К. Е. Ворошилова был назначен С. К. Тимошенко. Проведенная проверка Наркомата обороны выявила вопиющие ошибки в управлении армией и ее боевой подготовке. В наркомате отсутствовал оперативный план войны; не была известна даже точная численность войск; Генштаб не имел данных о состоянии прикрытия границ; в частях наблюдался значительный некомплект; основные уставы существенно устарели; качество подготовки командного состава было низким и т. д. С учетом опыта войны с Финляндией началась реорганизация Красной армии, перестройка системы обучения войск. Стали воссоздаваться расформированные механизированные корпуса. Были возвращены из лагерей некоторые военачальники: К. К. Рокоссовский, К. А. Мерецков, А. В. Горбатов и др. В феврале 1941 г. начальником Генерального штаба стал один из талантливейших военачальников молодого поколения Г. К. Жуков. Ускорился выпуск новых образцов военной техники. Был реорганизован институт военных комиссаров. Они стали называться заместителями командиров по политчасти (замполитами), а их функции были сведены к политическому воспитанию красноармейцев. В 1940 г. для высшего командного состава вместо прежних званий (комбриг, комдив, комкор, командарм) были введены генеральские звания. Однако нехватка времени и сохранявшаяся в стране и армии обстановка страха, нервозности и подозрительности не позволили добиться качественных сдвигов в повышении боеготовности страны.

Великая Отечественная война явилась жесточайшим испытанием для советских Вооруженных сил (см. главу 21). Советское военное искусство и боевая выучка войск сделали колоссальный рывок вперед, произошла значительная организационная перестройка. Постепенно армия впитывала лучшие дореволюционные традиции. Были воссозданы гвардия, а с некоторыми изменениями — офицерские звания и погоны. В 1946 г. Рабоче-крестьянская Красная армия была переименована в Советскую армию. Уже с военных лет и вплоть до конца существования СССР наша сухопутная армия по праву считалась самой мощной в мире.

После завершения Великой Отечественной войны была проведена массовая демобилизация армии. В 1945—1948 гг. ее численность сократилась с 11,4 млн до 2,9 млн человек. Началась конверсия военного производства. Однако под влиянием развертывавшейся «холодной войны» уже с 1949 г. армия вновь стала быстро расти. К середине 50-х гг. она насчитывала 5,8 млн человек, как накануне Великой Отечественной войны.

Как и в предвоенные годы, хотя и в гораздо меньших масштабах, Сталин развертывает в армии репрессии. Их жертвами стали маршал авиации А. А. Новиков, нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев и другие военачальники. Была арестована группа офицеров, близких к Жукову, сам он снят с поста заместителя министра обороны и отправлен командовать военным округом. Только в 1950—1952 гг. были осуждены более 50 генералов. Так Сталин «готовился» к военному столкновению с США и их союзниками.

Вскоре после Великой Отечественной войны начинается масштабное перевооружение армии. Уже в 1953 г. в основном завершается ее моторизация, она оснащается реактивной авиацией, радиолокационной техникой, новыми образцами танков и стрелкового оружия (в том числе знаменитым автоматом Калашникова). Новое оружие (вместе с нашими военными специалистами, советниками и летчиками) проходит «обкатку» в корейской войне. Предпринимаются усилия по восстановлению и развитию флота, однако он остается еще преимущественно «прибрежным». В середине 1950-х гг. СССР обретает ракетно-ядерный потенциал. В 1947 г. появилась первая советская баллистическая ракета. В 1949 г. СССР сумел создать атомную бомбу (см. главу 19). В 1953 г. удалось создать малогабаритный ядерный заряд, открывавший перспективы размещения подобных зарядов на ракетах. В развитии военно-морского флота делался акцент на создании атомных подводных лодок.

К середине 1950-х гг. военно-промышленный комплекс колоссально разросся, оформился и стал ключевым элементом советской экономики. В нем было уже

780 предприятий, НИИ и КБ, в которых работало почти 3 млн человек. ВПК включал целые города, которые были засекречены и закрыты даже для советских граждан.

С середины 50-х гг. хрущевское руководство с целью экономии ресурсов, внешнеполитической пропаганды, а также под влиянием распространившейся в то время теории о падении роли «обычных вооружений» после появления ядерного оружия развернуло массовое сокращение армии. Только в 1955–1958 гг. советские Вооруженные силы были сокращены более чем на 2,1 млн человек, т. е. на 37%. На слом пошли 240 боевых кораблей. В 1960 г. Хрущев внес предложение о сокращении армии еще на 1,2 млн. Эта инициатива была утверждена Верховным Советом, но обострение международной обстановки не позволило ее реализовать.

Столь резкие, не всегда продуманные сокращения нанесли заметный ущерб Вооруженным силам, прежде всего, обычным вооружениям. В то же время, преодолевая сопротивление части военного руководства, Хрущев взял курс на форсированное развитие ракетно-ядерного оружия и оснащение им армии. На вооружение поступали межконтинентальные ракеты (соответственно, в 1959 г. развертывается новый вид Вооруженных сил — ракетные войска стратегического назначения) и бомбардировщики, началось строительство подводных лодок, оснащенных ракетами, и надводных ракетных кораблей. Это требовало огромных затрат.

Дело усугублялось тем, что по своему экономическому потенциалу СССР существенно уступал США, и в гонке стратегических вооружений ему, как правило, приходилось догонять противника. Атомная бомба появилась у США в 1945, а в СССР — в 1949 г., водородная бомба — соответственно в 1952 и 1953 гг. Межконтинентальный бомбардировщик был создан в США в 1948 г., а в СССР — в 1955 г., баллистическая ракета, запускаемая с подводной лодки, — соответственно в 1960 и 1964 г., твердотопливные межконтинентальные баллистические ракеты — в 1962 и 1966 гг. и т. д. Таким образом, лишь в создании межконтинентальных ракет Советский Союз впервые до-

бился кратковременного приоритета, запустив ракету на год раньше, чем США, в 1957 году. Естественно, выдерживать такую гонку СССР мог лишь за счет перенапряжения всех сил общества.

С середины 1960-х гг. брежневское руководство, не ослабляя усилий в сфере наращивания стратегических вооружений, форсирует развитие военно-космических сил, а также сухопутной армии, ВВС, ПВО и ВМФ. К середине 1980-х гг. Военно-морской флот нашей страны насчитывал более тысячи подводных лодок, надводных кораблей, катеров и еще 600 судов «плавучего тыла». Из преимущественно прибрежного он стал океанским. Подводный флот (главная ударная сила ВМФ СССР) стал самым крупным в мире. С 1975 г. на флот начали поступать авианесущие корабли, а в 1990 г. появился и первый отечественный авианосец. Ряд систем советского стратегического и «обычного» оружия превосходил все остальные или вовсе не имел аналогов. Выполняя «интернациональный долг», советские войска открыто или тайно вмешивались в десятки региональных войн и конфликтов по всему миру, заплатив за это 17,5 тыс. жизней.

В начале 1970-х гг. СССР смог достичь военно-стратегического паритета с США. Отныне по числу ядерных боезарядов и их носителей он уже не уступал США. Выровнялся и общий баланс сил. У СССР была мощнейшая сухопутная армия и второй (после США) флот.

Платой за успехи стала сверхмилитаризация советской экономики. Это оказалось для нее неподъемной ношей (см. главу 19). К тому же к концу 1970-х и особенно в 1980-е гг. из-за отставания научно-технического развития СССР и экономических трудностей (усугубленных войной в Афганистане) в некоторых областях стало намечаться отставание в гонке вооружений, в неблагоприятную для нас сторону изменялся и баланс сил в Европе.

В годы перестройки в связи с изменением внешней политики и обострявшимися экономическими проблемами в СССР была разработана новая военная доктрина, основанная на принципе «оборонной достаточности». Начались сокращение численности армии

и вывод наших войск из европейских стран. Но военная реформа осталась незавершенной.

Распад СССР поставил армию перед комплексом острейших проблем. Существовавшая ранее система обеспечения военной безопасности страны оказалась в значительной мере разрушенной. На территории стран СНГ располагалось примерно 40% войсковых группировок и в целом ВПК. Там остались огромные запасы снаряжения, военной техники и оружия, оборудованные аэродромы, стационарные пункты управления оперативно-стратегического назначения и станции раннего предупреждения, а также многие военно-морские базы и судостроительные заводы.

Несмотря на прекращение «холодной войны», изнурявшего всю страну противостояния с Западом, положение молодой, только формирующейся Российской армии и самих военнослужащих было крайне сложным. Она сразу же оказалась перед лицом острейшего экономического, а отчасти и морально-идеологического кризиса, в условиях резкого усиления локальных конфликтов вблизи границ и в самой России – на Северном Кавказе. Многократно уменьшились государственные расходы на армию, почти прекратились закупки новых видов вооружений. К 1997 г. финансирование военных научно-исследовательских работ по сравнению с 1989 г. сократилось более чем в 15 раз. Снизился и престиж армии, военной службы в обществе – около 80% молодых людей не хотели служить.

В начале 90-х гг. XX в. численность только что созданной Российской армии составляла 2,8 млн человек, т. е. 1,8% от населения страны (на Западе этот показатель равен примерно 1%). На военный бюджет уходило почти 12% от валового внутреннего продукта России (в мире в среднем 3–4% ВВП). Поэтому главным направлением военного строительства поначалу стало резкое сокращение войск. К настоящему времени они насчитывают всего 1,2 млн человек. Это меньше 1% населения России, а затраты на национальную оборону составляют около 2,6% ВВП. Сокращение войск в 1992–1994 гг. сопровождалось их выводом из стран ближнего и дальнего зарубежья.

В результате на территорию России были передислоцированы более 300 тыс. военнослужащих (с членами семей около 1,2 млн человек) и ввезено более 45 тыс. единиц различной техники, 3,5 млн т материально-технических средств и стратегических запасов. По мнению некоторых исследователей, масштабы и сроки этой передислокации не имеют аналогов в мировой практике. С 1998 г. Вооруженные силы РФ переведены на трехвидовую структуру. В их составе — Сухопутные войска, Военно-воздушные силы и Военно-морской флот. Ракетные войска стратегического назначения преобразованы в род войск, а на базе выведенных из их состава структур созданы Космические войска. Остались родом войск и резервом Верховного главнокомандующего Воздушно-десантные войска.

Все эти и другие меры были хотя и необходимы, но крайне болезненны для армии. Тем не менее, невзирая на сложнейшие условия, Вооруженные силы и значительная часть ВПК выжили и, более того, сумели продемонстрировать свою дееспособность. Армия в сложнейших условиях, пусть и со значительными потерями, сумела разгромить крупные вооруженные формирования в Чечне. Российский ВПК создает новые виды вооружений и успешно (примерно на 5 млрд долларов в год) экспортирует оружие. Более того, несмотря на колоссальную разницу экономических потенциалов, Россия смогла сохранить примерный паритет с США в стратегических вооружениях. Даже в сфере обычных вооружений Российская армия, по некоторым оценкам, занимает второе-третье место в мире.

Объективные сложности в военной сфере усугублялись тем, что на протяжении долгого времени не удавалось принять реалистичную военную доктрину и запустить реформу армии и конверсию ВПК. Лишь в самое последнее время ряд назревших решений был принят. Утверждены долговременные планы военного строительства и перевооружения армии, взят курс на создание небольшой (около млн человек), мобильной и технически оснащенной армии, в перспективе — профессиональной, построенной преимущественно на контрактной основе. Начал-

ся переход на контрактную систему военной службы 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии. Наметились постепенное оживление ВПК и рост военных заказов.

Глава 21

РОССИЯ В ПОИСКАХ СВОЕГО МЕСТА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

■ **От мировой войны — к мировой революции.** К 1917 г. в ходе мировой войны стал намечаться перелом. Ресурсы Германии и ее союзников были уже истощены, они потеряли стратегическую инициативу. В то же время на стороне Антанты 6 апреля 1917 г. вступили в войну США. Располагая подавляющим превосходством в военно-экономическом потенциале и перевесом в численности войск, руководство Франции, Англии и России разработало планы скоординированного наступления, призванного нанести решающий удар по Четверному союзу.

Однако франко-английское наступление в апреле 1917 г. оказалось почти безрезультатным, а в России произошла Февральская революция, радикально изменившая ситуацию в стране. Невзирая на трудности, Временное правительство все же сумело подготовить наступление и 18 июня (1 июля по новому стилю) 1917 г. начало его. Но под влиянием происходивших после падения монархии процессов, мощной революционной пропаганды русская армия к тому времени стремительно разлагалась, теряла управляемость и боеспособность. Войска Западного и Северного фронтов, заняв первую неприятельскую линию, не захотели идти дальше. Напротив, некоторые части стали покидать свои позиции. На Юго-Западном фронте наступление состоялось и поначалу имело некоторый успех. Немцы стали ускоренно перебрасывать резервы. 6 (19) июля они перешли в наступление и прорвали фронт. Русские войска понесли значительные потери. Немцы продолжили свое наступление. 21 авгус-

та (3 сентября) 1917 г. они захватили Ригу, а в октябре — Моонзундские острова и стали угрожать Петрограду. Поражения на фронтах оказали мощное революционизирующее воздействие на обстановку в России и стали одним из важных факторов, способствовавших Октябрьской революции.

Поскольку марксистская теория предполагала, что социализм может победить только в нескольких странах, большевики рассматривали свой приход к власти в России как первый акт мировой революции. «...Мы и начали наше дело в расчете исключительно на мировую революцию», — признал позднее Ленин. Подталкивание революции в Германии и других европейских странах с самого начала стало одной из важнейших задач советского правительства. Революционное брожение в Европе, вызванное тяжким бременем Первой мировой войны, казалось большевикам преддверием мировой революции. Нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий предполагал быстро опубликовать тайные договоры царского и Временного правительств и «закрыть лавочку», т. е. свой наркомат.

Реализацию своего обещания о выходе России из Первой мировой войны — крайне важного для укрепления внутриполитических позиций — большевики тоже связывали с мировой революцией. Поначалу Ленин отрицал (во всяком случае, публично) возможность заключения сепаратного мира с Германией. «Внешнеполитическую» доктрину большевиков определяли два ленинских лозунга: 1. Предложение всем воюющим государствам демократического мира на условии освобождения колоний и угнетенных народов. 2. В случае отказа — развертывание революционной войны. Первый фактически пропагандистский тезис, рассчитанный главным образом на подталкивание революционного движения на Западе, воплотил в себе Декрет о мире, принятый II съездом Советов. Реализовать же второй, практический пункт большевики не могли без поддержки европейских революций. Более того, в широкой пропаганде они и вовсе не упоминали о нем, поскольку опасались потерять свое влияние в массах, не хотевших воевать ни под каким предлогом.

После того как Антанта не откликнулась на предложение о «демократическом мире без аннексий и контрибуций», содержавшееся в Декрете о мире и в последующих обращениях советского правительства, большевики **2 (15) декабря 1917 г.** в Брест-Литовске заключили *перемирие с немцами.* Оно укрепило позиции большевиков внутри страны и дало им некоторый выигрыш во времени. Начавшиеся 9 (22) декабря 1917 г. переговоры о мире советская делегация всемерно затягивала и использовала их главным образом в пропагандистских целях — для возбуждения антивоенных и революционных настроений на Западе. Уступки немцев, согласившихся признать формулу всеобщего демократического мира без аннексий и контрибуций в случае признания ее Антантой, расценивались как признак того, что Германия не в состоянии наступать.

Однако, воспользовавшись тем, что Антанта в очередной раз проигнорировала предложение о мире, австро-германская делегация внесла свой проект мирного договора. В нем со ссылкой на провозглашенный большевиками принцип самоопределения наций и соответствующее стремление к этому народов Польши, Литвы, Латвии предусматривалось отторжение от России этих территорий и переход их под контроль Германии. Попытки советской делегации затянуть переговоры не удались. Четверной союз в ультимативной форме потребовал заключения мира на еще более тяжелых условиях.

Ленин выступил за подписание сепаратного мира, объясняя его отсутствием сил для продолжения войны, настроениями масс и жизненной необходимостью «мирной передышки» для сохранения советской власти. Однако против заключения унизительного сепаратного мира выступили не только все основные российские партии, но и подавляющая часть большевиков.

Троцкий признавал, что воевать Россия не может. Но он был против мирного договора, поскольку надеялся, во-первых, на близкую революцию в Германии, а во-вторых, на то, что ее войска уже не в состоянии наступать. Если все же они начнут наступление, — полагал он, — тогда мир можно будет подписать, но уже

под открытым военным нажимом, тем самым избегая упреков в добровольном отказе от своего лозунга всеобщего демократического мира, а также обвинений Антанты в нарушении союзнических обязательств. Резко против заключения сепаратного мира выступили «левые коммунисты» (Н. И. Бухарин, Н. Осинский, Е. А. Преображенский, А. М. Коллонтай и др.), которых поддерживали не только большинство руководителей партии, но и крупнейшие парторганизации. Считая, что в случае заключения мира Антанта все равно не даст «передышки» Советской России, они призывали к революционной войне против Германии (пусть даже с помощью партизанских методов). Это позволило бы не бросать «под германский сапог» украинских, белорусских и прибалтийских рабочих, а главное, подтолкнуть мировую революцию, поскольку только она и могла спасти революцию в России.

28 января (10 февраля) 1918 г. возглавлявший советскую делегацию наркоминдел Троцкий в ответ на ультиматум немцев заявил об отказе подписать мир, но в то же время о прекращении войны со стороны России. 14 февраля 1918 г. ВЦИК одобрил это решение. 17 февраля 1918 г. большевистский ЦК вновь отверг предложение о заключении сепаратного мира. 18 февраля немцы начали наступление, почти не встречая сопротивления. Только после этого и ультиматума Ленина о выходе его из ЦК и СНК большевистское руководство согласилось на подписание мира. Но немцы продолжили наступление и выдвинули новые, более тяжелые условия мира. После драматических дискуссий они были приняты. *3 марта 1918 г. в Брест-Литовске большевики подписали сепаратный мир.* Вопреки сопротивлению левых эсеров он был ратифицирован на IV Чрезвычайном съезде Советов (14–16 марта 1918 г.).

Согласно откровенно грабительским условиям мирного договора от России отходили Польша, Прибалтика, часть Белоруссии, Ардаган, Карс и Батум. Украина (по соглашению с Центральной радой фактически оккупированная немцами) и Финляндия признавались независимыми. Общие потери составляли 780 тыс. кв. км, 56 млн населения, до 40% про-

мышленного пролетариата страны. Советская Россия обязывалась также демобилизовать армию и флот и выплатить огромную, в 6 млрд марок, контрибуцию. При этом германская экспансия до конца остановлена не была. Весной—летом 1918 г. немецкие войска вторглись в Курскую, Воронежскую, Донскую области, в Крым и на Кавказ.

Брестский мир едва не расколол партию большевиков и разрушил правительственную коалицию с левыми эсерами. Ни о каких соглашениях с умеренными социалистами уже не могло быть и речи. Более того, страны Антанты решили начать военную интервенцию в Россию.

Ведущие мировые державы поначалу недооценили Октябрьскую революцию. Их внимание и силы поглощала продолжавшаяся мировая война. Поэтому, не признавая советское правительство и оказывая некоторую поддержку антибольшевистским силам, страны Антанты не отозвали своих представителей из России. Более того, сложное положение на Западном фронте и стремление во что бы то ни стало сохранить Восточный фронт, оттягивавший на себя 1/3 немецких войск (1,7 млн чел.), подтолкнули их установить контакты с большевистским руководством и предложить им помощь для продолжения мировой войны. После заключения большевиками сепаратного мира **15 марта 1918 г.** на конференции в Лондоне было принято *решение об интервенции в Россию.* (Но даже и после этого страны Антанты не отвергли до конца возможность сотрудничества с большевиками в борьбе с Германией.)

С 6 марта 1918 г., опираясь на соглашение с исполкомом Мурманского Совета о совместных действиях против немецкой угрозы, Англия и другие страны Антанты стали высаживать в Мурманске немногочисленные десанты. С 5 апреля 1918 г. началась высадка японских войск во Владивостоке. (В качестве предлога было использовано нападение неизвестных лиц на отделение одной из японских фирм.) 6 июля 1918 г. решение об интервенции на российский Дальний Восток приняли США. Однако противоречия между ведущими державами и продолжавшаяся мировая война затрудняли масштабную интервенцию.

Ударной антибольшевистской силой стал чехословацкий корпус. Он был сформирован еще Временным правительством из австро-венгерских военнопленных. В январе 1918 г. корпус объявил себя частью французской армии и в эшелонах двигался на Дальний Восток, намереваясь покинуть Советскую Россию. Однако попытки большевиков разоружить его, а отчасти и действия Антанты спровоцировали мятеж чехословацкого корпуса. Он начался 25 мая 1918 г., и уже вскоре советская власть на огромной территории от Волги до Владивостока была свергнута. В августе 1918 г. началось вторжение английских войск в Закавказье и Туркестан. В октябре 1918 г. Верховный совет Антанты официально объявил экономическую блокаду Советской России.

В ноябре 1918 г. вспыхнула революция в Германии. Но она не оправдала надежд большевиков. В новом немецком правительстве и в Советах рабочих и солдатских депутатов большинство получили умеренные социалисты, которые были против немедленного перехода страны к социализму. Тем не менее революция ускорила капитуляцию Германии и завершение Первой мировой войны. Немецкие войска начали эвакуацию из России. 13 ноября 1918 г. ВЦИК и Совнарком объявили об аннулировании Брестского мира.

Окончание мировой войны позволило странам Антанты начать широкую вооруженную интервенцию в Россию. С конца ноября 1918 г. французские, английские, греческие, сербские, румынские войска начали высаживаться на Украине, в Крыму и Новороссийске. К февралю 1919 г. численность интервентов в России превысила 200 тыс. человек. Среди них было около 45 тыс. англичан, примерно по 14 тыс. французов и американцев, 80 тыс. японцев, 40 тыс. чехословаков, по 3 тыс. итальянцев и греков, 2,5 тыс. сербов. Однако уставшие от Первой мировой войны войска интервентов быстро попадали под влияние революционной агитации и вскоре их начали выводить из России. К этому подталкивала и напряженная внутриполитическая ситуация в европейских странах, где тоже наблюдалось революционное брожение и росло движение солидарности с Советской Россией.

Под воздействием Октябрьской революции в Европе, Азии и Америке в 1918—1919 гг. возникли радикальные социалистические и коммунистические партии. **2—6 марта 1919 г.** в Москве представители 35 этих организаций из 21 страны мира провели конгресс, на котором образовали III, *Коммунистический интернационал.* Основная его задача заключалась в свержении капиталистического строя и установлении социализма через «пролетарские» революции и создание Советов. Исполком Коминтерна возглавил Г. Е. Зиновьев, а стратегическое руководство им осуществлял Ленин. Коминтерн стал важным орудием большевиков в борьбе за мировую революцию.

Вынужденно прекратив собственную интервенцию, Франция и Англия не только продолжили военно-техническую помощью белым, но и попытались восстановить против большевиков приграничные государства, возникшие в результате распада Российской империи: Польшу, Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Однако белые сражались за «единую и неделимую Россию» и в целом отказывались признавать суверенитет этих молодых государств. К тому же в 1919 г. Красная армия сумела разгромить основные силы белых. В одиночку небольшие приграничные страны выступить на осмелились. В 1920 г. они заключили мирные договоры с Советской Россией. Исключением стала Польша.

25 апреля 1920 г. польские войска начали наступление на Украине и уже 7 мая захватили Киев. Тем не менее Красная армия сумела выстоять и вскоре сама перешла в наступление. Разгромив силы неприятеля на Украине, она вступила на территорию Польши. Большевики надеялись не только советизировать Польшу, но и пройти через нее в Германию, с тем чтобы вызвать там социалистическую революцию. Однако, вопреки ожиданиям, поляки встречали Красную армию враждебно, к тому же были допущены и некоторые военные просчеты. В результате на подступах к Варшаве советские войска были разгромлены и отброшены назад. В октябре 1920 г. было подписано перемирие. Вскоре красные победоносно завершили

Гражданскую войну на европейской территории России.

Хотя на Дальнем Востоке японская интервенция продолжалась до 1922 г., отношение ведущих стран к Советской России постепенно стало меняться. Большевики, стремясь преодолеть экономическую блокаду и обезопасить себя от вооруженных вторжений, тоже выразили готовность договориться. Весной 1920 г. в Лондон была отправлена делегация во главе с наркомом внешней торговли Л. Б. Красиным. После долгих переговоров в марте 1921 г. правительство Англии (для которой Россия традиционно являлась одним из важнейших внешнеэкономических партнеров) подписало соглашение о восстановлении торговых отношений. Таким образом, Запад вынужден был начать признание Советской России де-факто.

■ **Борьба за выход из международной изоляции.** В начале 20-х гг. у большевиков стали таять надежды на близкую мировую революцию. В стратегическом плане она по-прежнему занимала центральное место в доктрине большевиков. Советское руководство и Коминтерн прилагали все усилия для подготовки революций в Германии, Болгарии и других странах.

Вместе с тем проблема выживания Советской России во враждебном капиталистическом окружении, переход к нэпу и острая потребность в торговле и кредитах для преодоления небывалой разрухи и голода требовали резкого изменения тактики и скорейшего выхода страны из международной изоляции. Дипломатические, а отчасти экономические и даже военные отношения с близлежащими странами Востока: Ираном, Афганистаном, Турцией, Монголией удалось наладить уже в 1921 г. Однако главной задачей внешней политики Советской России стала нормализация отношений с «буржуазным» Западом. Ведущие европейские державы, постепенно начав признавать Советскую Россию де-факто и даже подписав с ней временные торговые соглашения, не спешили признавать ее де-юре и развивать с ней полномасштабные экономические отношения.

Поначалу большевистское руководство возлагало свои надежды на *международную конференцию в Ге-*

нуе. Ленин даже сам порывался принять в ней участие, но в итоге делегацию возглавил нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин. На конференции, проходившей в апреле—мае 1922 г., Чичерин выдвинул широкую программу «сосуществования двух систем собственности», которая имела не только пропагандистский, но и практический характер. Однако решить сложный комплекс проблем, связанных с восстановлением дипломатических и экономических отношений с развитыми странами, на конференции в Генуе большевикам не удалось. Камнем преткновения стали не столько даже дореволюционные долги (несмотря на сложность проблемы, здесь еще можно было найти компромисс), сколько отказ большевиков от возвращения иностранцам национализированной собственности или же выплаты им соответствующей компенсации, а также нежелание поступаться государственной монополией на внешнюю торговлю.

Тогда советское руководство решило использовать противоречия между ведущими державами. 16 апреля 1922 г. в пригороде Генуи Рапалло оно заключило договор с Германией, которая, проиграв Первую мировую войну, тоже оказалась в положении «государства-изгоя», ее делегация на Генуэзской конференции находилась в изоляции. Поэтому немцы пошли на восстановление дипломатических и иных отношений с большевистской Россией на условиях взаимного отказа от претензий. В 20-е гг. Германия стала основным внешнеполитическим партнером СССР. Между странами были налажены тесные отношения, включавшие не только экономические, но и активные военно-технические контакты, помогавшие Германии обойти ограничения Версальского мира, а СССР — познакомиться с новой военной техникой.

В дальнейшем советское руководство пыталось установить дипломатические отношения с каждой из стран по отдельности. Эти усилия в конце концов принесли результат. В 1924 г. дипломатические отношения были восстановлены с Англией, а вслед за этим — с большинством ведущих держав. С США их удалось восстановить в 1933 г. Таким образом, ис-

пользуя противоречия между западными странами, СССР вышел из международной изоляции, добился дипломатического признания и возобновления экономических отношений со своими соседями и ведущими державами. Вместе с тем стать полноправным субъектом международных отношений в 20-е гг. СССР не смог. Его внешнеполитическое положение оставалось неустойчивым. Англия в 1927 г. разорвала с ним дипломатические отношения. Значительное внимание советское руководство уделяло предотвращению создания антисоветской коалиции и новой интервенции в страну.

■ **Эволюция внешней политики в 1930-е гг.** В 1929—1933 гг. разразился крупнейший за всю историю капитализма экономический кризис. Объем промышленного производства в развитых странах сократился в среднем на 38%, мировой торговли — на две трети. Число безработных превысило 27 млн человек. Десятки миллионов оказались перед угрозой голода.

Кризис ускорил структурную перестройку экономики и привел к усилению ее государственного регулирования. При этом Англия и Франция за счет огромных колоний смогли постепенно реформировать экономику, сохраняя относительную социальную стабильность. США оказались в более сложном положении. Но они смогли все же выйти из него благодаря своей экономической мощи, демократическим традициям и неолиберальным реформам президента Ф. Д. Рузвельта. Униженная и ослабленная репарациями Германия, переживавшая глубочайший социально-экономический и духовный кризис, не смогла сохранить свои демократические институты. После прихода к власти фашистов в 1933 г. в стране формируется тоталитарный режим, начинаются ускоренная милитаризация и подготовка к борьбе за передел мира.

Небывалый кризис оживил надежды на мировую революцию, и Сталин признал главным врагом не фашизм, а социал-демократию, мешавшую коммунистам вести рабочих на штурм капитализма. Это углубило раскол европейского рабочего движения и не позволило объединить силы, способные остановить фа-

шизм. Лишь в 1935 г. VII конгресс Коминтерна призвал к созданию широких народных фронтов, но было уже поздно.

Победа фашизма в Германии повлекла заметные изменения во внешней политике СССР. Если до 1933 г. она ориентировалась преимущественно на Германию, то с конца 1933 г. — на «западные демократии», точнее, на союз с Англией и Францией и попытки создать *систему коллективной безопасности в Европе* (т. е. заключить пакт о взаимной помощи в случае агрессии). В 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций и установил дипломатические отношения с рядом близлежащих стран: с Венгрией, Румынией, Чехословакией, Болгарией. В 1935 г. были заключены договоры о взаимной помощи в случае нападения с Францией и Чехословакией. Однако военная конвенция с Францией так и не была подписана. С 1936 г. Советский Союз активно вмешивается в гражданскую войну в Испании, оказывает политическую, военную и экономическую помощь республиканцам.

Все эти шаги, однако, не смогли предотвратить дальнейшего разрастания фашистской агрессии. Уже в 1933 г. Германия вышла из Лиги Наций, в 1935 г. в нарушение Версальского договора объявила всеобщую воинскую повинность, а в 1936 г. ввела войска в демилитаризованную Рейнскую область. В 1938 г. был произведен аншлюс Австрии. Италия (где фашисты победили уже в 1922 г.) захватила в 1935—1936 гг. Эфиопию, а в 1936—1939 гг. совместно с Германией осуществила масштабное вмешательство в гражданскую войну в Испании, послав туда до 250 тыс. своих солдат (СССР — лишь 3 тыс. своих «добровольцев»). Накалялась ситуация и на Дальнем Востоке. С 1931 г. Япония начала вооруженное вторжение в Маньчжурию, в 1937 г. — масштабную войну с Китаем. В 1936 г. Германия и Япония подписали «Антикоминтерновский пакт».

Версальская система международных отношений стремительно рушилась. Версальский мир (1919 г.), завершивший Первую мировую войну, оформил раскол Европы на державы-победительницы и униженные проигравшие страны. Победа большевиков в России породила в мире новый раскол — между первым

социалистическим государством и капиталистическими странами. В результате две крупнейшие в Европе державы — СССР и Германия — были поставлены как бы вне системы цивилизованных государств, в положение международных париев. Сформировавшиеся в них тоталитарные режимы сближало неприятие «буржуазных демократий» и Версальской международной системы, социальное (в СССР) и национальное (в Германии) мессианство.

В то время как эти быстро растущие державы стремились к переделу Европы, гарантами Версальской системы выступали лишь остатки могущественной Антанты в лице Англии и Франции. (Россия выпала из нее в результате большевистской революции и заключения сепаратного мира с Германией, а США потеряли интерес к европейским делам в результате конфликта с Англией и Францией, не допустивших утверждения американского лидерства на континенте после Первой мировой войны.) Сил Англии и Франции для поддержания Версальской системы явно не хватало. Решимость этих стран не допустить изменения статус-кво в Европе парализовывалась неготовностью их правительств, а в какой-то мере и общественного мнения к силовым действиям для пресечения агрессии, а тем более к большой войне. К тому же они стремились использовать фашистский режим в Германии для предотвращения коммунистической угрозы.

В результате, несмотря на усилия советского руководства и части европейской общественности, создать систему коллективной безопасности в Европе не удалось. Западные державы проводили политику «умиротворения» Гитлера, фактически поощрявшую его агрессию. Крупнейшим просчетом западной дипломатии, приблизившим «большую» войну в Европе, явились решения международной конференции в Мюнхене в сентябре 1938 г. На ней Англия и Франция санкционировали передачу Германии важнейшей в промышленном и военном отношении Судетской области, населенной немцами, оставив Чехословакию практически беззащитной. (От советской помощи чехословацкое руководство отказалось.) Но Гитлер не удовлетворился этой беспрецедентной уступкой и в

марте 1939 г. оккупировал Чехию и Моравию, а в Словакии создал марионеточное государство. Затем Германия захватила литовский порт Клайпеду (Мемель).

Общественность западных держав забеспокоилась. Англия и Франция форсировали свои военные программы, договорились о взаимопомощи и предоставили гарантии некоторым европейским странам против возможной агрессии. В Европе запахло войной. Но часть правящих элит Англии и Франции по-прежнему надеялись на столкновение Германии с СССР.

Стремясь воспользоваться начавшимся «прозрением» общественного мнения на Западе в отношении фашистской угрозы, советское руководство откликнулось на предложение английского правительства и **22 марта 1939 г.** согласилось начать *переговоры о взаимопомощи против агрессии.* Однако позиция Англии и Франции была противоречивой. Они избегали брать на себя какие-либо определенные обязательства по отношению к СССР. 17 апреля 1939 г. советское правительство предложило Англии и Франции заключить Тройственный пакт о взаимопомощи на случай агрессии. Однако переговоры пробуксовывали, поскольку каждая из сторон стремилась не столько к заключению реальных соглашений, сколько к тому, чтобы переиграть партнеров по переговорам и оказать нужное для себя давление на Германию. Угрозой создания нового «тройственного согласия» Англия и Франция стремились «образумить Гитлера и сделать его поуступчивей Западу, а сталинское руководство — подтолкнуть его на переговоры и соглашение с СССР.

Для Сталина это было важно не только из-за его неверия в дееспособность западных правительств, но и в силу резкого обострения ситуации на Дальнем Востоке. Стремясь прощупать боеспособность СССР, японские войска **в июле—августе 1938 г.** вторглись на советскую территорию в районе озера *Хасан.* В ходе двухнедельных боев захватчики были выбиты с нашей земли.

В **мае 1939 г.** Япония осуществила масштабное вторжение на территорию дружественной СССР Монгольской Народной Республики в районе *реки Халхин-Гол.* Захват части, а тем более всей Монголии

давал в перспективе возможность для прорыва к Байкалу, что поставило бы под угрозу отторжения весь советский Дальний Восток. После ожесточенных сражений к сентябрю 1939 г. советско-монгольские войска под командованием Г. К. Жукова сумели разгромить японцев, уничтожив около 25 тыс. человек. Безвозвратные потери Советского Союза составили до 10 тыс. человек.

Нежелание Англии и Франции идти на конкретные договоренности с СССР и события на Дальнем Востоке усилили опасения сталинского руководства, что страна может оказаться не только в международной изоляции, но и стать объектом агрессии. С весны 1939 г. Сталин меняет акценты внешней политики и демонстрирует явную готовность договориться с фашистской Германией. 3 мая 1939 г. наркоминдел М. М. Литвинов — сторонник соглашения с западными демократиями и к тому же еврей по национальности — был снят со своего поста и заменен В. М. Молотовым — беспрекословным проводником воли вождя. Гитлер оценил этот шаг, но реальных соглашений не предложил. В ответ Сталин активизировал контакты с западными державами. По инициативе СССР 12 августа 1939 г. в Москве начались переговоры с военными миссиями Англии и Франции. Шли они трудно. Выявился как недостаток политической воли западных лидеров, так и военные проблемы: явное неравенство выставляемых против агрессора армий, отказ Польши и Румынии пропустить советские войска к границам Германии через свою территорию и т. д. В то же время Гитлер, подготовивший нападение на Польшу и потому нуждавшийся в дружественной позиции СССР, выразил явную готовность договориться со Сталиным.

23 августа 1939 г. *в Москве был подписан советско-германский договор о ненападении* (так называемый пакт Молотова—Риббентропа) и секретный протокол к нему, предусматривавший «разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе». Гитлер получил свободу рук в Западной Европе, а Сталин — на Востоке континента. Раздел сфер влияния был уточнен в секретных приложениях к советско-германскому договору «О дружбе и границах» 28 сентября

1939 г. В итоге к сфере влияния СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Восточная Польша, Бессарабия. Пакт Молотова—Риббентропа кардинально изменил обстановку в Европе. Последние препятствия к нападению Германии на Польшу, а тем самым — к началу Второй мировой войны были сняты.

Заключение пакта с Германией вызвало огромный и крайне неблагоприятный для СССР международный резонанс и дезориентировало общественное мнение как в Европе, так и внутри страны.

Сущность и последствия этого договора до сих пор вызывают споры среди историков. Одни считают, что он был необходим для предотвращения угрозы одновременной войны с Германией и Японией или по меньшей мере — только с Германией. Договор дал выигрыш во времени, оттянул вступление Советского Союза в мировую войну, а также позволил заметно расширить его границы, причем за счет территорий, входивших в состав Российской империи. Критики договора указывают, что в 1939 г. Германия не могла напасть на СССР, поскольку не имела поначалу общих границ и не была готова к масштабной войне. (Даже после войны с небольшой Польшей ей потребовалось 8 месяцев, чтобы подготовить наступление против Франции.) Присоединенные к Советскому Союзу территории большей частью не были подготовлены к обороне и потеряны в первые дни войны. («Потеряны» они и сейчас после распада СССР.) В то же время отказ от подписания договора с Германией сохранил бы авторитет страны, не дезориентировал бы само советское руководство и народ, а это было бы своеобразной «подстраховкой» от внезапности нападения. Не исключено, что отказ от договора с Германией мог бы и оттянуть начало мировой войны, тем более что возможности для заключения соглашения с Англией и Францией еще оставались (21 августа французский представитель на переговорах получил полномочия подписать военную конвенцию с СССР). Следует признать, что большинство аргументов обеих сторон достаточно весомы. Ясно, что в августе 1939 г. выбор у советского руководства, пусть и далеко не лучший, но все же был.

Чем же руководствовался Сталин в своем решении? Стремлением обеспечить безопасность Советского Союза, не дать втянуть его в войну (тем более что он уже знал о готовившемся в ближайшее время нападении Германии на Польшу)? Справедливым во многом недоверием к руководству Великобритании и Франции? Несомненно. Но не только этим. Договор с западными демократиями, даже если бы он и был подписан, в лучшем случае смог бы лишь гарантировать существовавшие границы СССР, в то время как договор с фашистской Германией их существенно расширил. Для Сталина это было особенно важно, поскольку к 1939 г. идея мировой революции трансформировалась у него в идею расширения территорий и сфер влияния СССР, «страны социализма». Более того, при благоприятных обстоятельствах он не исключал возможности воспользоваться войной между европейскими державами, их взаимным истощением для дальнейшего и еще более масштабного расширения своего господства в Европе. В июле 1940 г. «верный сталинец» Молотов говорил одному из руководителей советской Литвы: «Сейчас мы убеждены более чем когда-либо еще, что гениальный Ленин не ошибался, уверяя нас, что вторая мировая война позволит нам завоевать власть во всей Европе, как первая мировая война позволила захватить власть в России».

■ **Внешняя политика СССР в начальный период Второй мировой войны (1939—1941 гг.).** Обезопасив себя с Востока и не допустив создания «новой Антанты» — советско-французско-английской коалиции, **1 сентября 1939 г.** *Гитлер напал на Польшу, начав Вторую мировую войну.*

3 сентября 1939 г. Франция и Англия объявили войну Германии. Но, располагая подавляющим превосходством сил на Западном фронте (90 французских дивизий против 20 слабовооруженных немецких), они вели себя пассивно и практически ничем не помогли Польше. Уже к октябрю 1939 г. Польша была захвачена. Тем не менее «странная война» на Западе продолжалась. Число жертв автомобильных аварий во Франции превышало боевые потери французских

войск. В результате в апреле 1940 г. фашистская Германия захватила Данию, в мае — Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург. 22 июня 1940 г. после относительно непродолжительного сопротивления капитулировала Франция. В апреле 1941 г. были оккупированы Югославия и Греция.

Сталинское руководство воспользовалось началом Второй мировой войны для того, чтобы прибрать к рукам свои сферы влияния. 17 сентября 1939 г. Красная армия вступила в Западную Украину и Белоруссию и вскоре, преодолев слабое сопротивление деморализованных польских войск, заняла эти территории. Сталин потребовал от прибалтийских государств заключить договоры «о взаимной помощи» и разместить на их территории военные базы. В сентябре—октябре 1939 г. Эстония, Латвия и Литва вынуждены были согласиться на это. 14—16 июня 1940 г. этим государствам был предъявлен ультиматум о введении на их территорию советских войск «для обеспечения безопасности» и формировании новых правительств, готовых «честно» выполнять заключенные с СССР договоры. Вскоре в Эстонии, Латвии и Литве были созданы «народные правительства», которые при помощи советских войск и местных коммунистов установили в Прибалтике советскую власть.

В конце июня 1940 г. советское руководство добилось присоединения Бессарабии и Северной Буковины.

Совсем по иному сценарию развивались отношения с Финляндией. Ее руководство отказалось подписывать с СССР договор «о взаимопомощи» и идти на изменение границ, которого требовал Сталин. (Он хотел отодвинуть границу от Ленинграда, располагавшуюся в 30 км от города, получить военную базу на полуострове Ханко, финскую часть полуострова Рыбачий в обмен на территории советской Карелии.)

30 ноября 1939 г., воспользовавшись пограничным инцидентом, *СССР начал войну против Финляндии,* надеясь ее «советизировать» и включить в свой состав. Однако обескровленная репрессиями Красная армия встретила упорное сопротивление финнов, которые удачно использовали для обороны особенности

лесистой, болотистой местности и укрепленную «линию Маннергейма». Лишь в начале марта 1940 г. ценой огромных усилий и жертв эта линия была прорвана. 12 марта 1940 г. был заключен мирный договор.

СССР не сумел покорить 4-миллионую Финляндию и вынужден был удовлетвориться лишь территориальными уступками. Красная армия продемонстрировала слабую боеспособность. Ее безвозвратные потери в ходе войны составили около 127 тыс. человек, в то время как финской армии — примерно 48 тыс. (по другим данным, 95 тыс.). Из-за войны с Финляндией СССР был исключен из Лиги Наций. Только заключение мира спасло его от вооруженного столкновения с Англией и Францией, которые не только оказали финнам масштабную военно-техническую помощь, но и готовились направить в Финляндию свои войска.

Внешне отношения между СССР и фашистской Германией носили дружественный характер. Советские руководители посылали официальные приветствия по случаю очередных побед фашистской Германии в Европе и в своих заявлениях называли «поджигателями войны» не ее, а Англию и Францию. СССР поставлял остро необходимые Германии стратегические материалы: нефть, металлы, зерно, хлопок. В свою очередь, фашистское руководство делилось самой современной военной техникой. Фактически в начальный период Второй мировой войны сталинское руководство выступало союзником Гитлера по разделу Европы.

Вместе с тем Гитлер по-прежнему считал Советский Союз важнейшим своим противником. Советско-финская война осложнила отношения двух стран, поскольку Германия тайно поддерживала Финляндию. Более того, после этой войны международный престиж Красной армии резко упал. 27 марта 1940 г. Гитлер заявил своим генералам, что важно не дать Советскому Союзу времени на восстановление боеспособности армии, и потребовал ускорить сроки нападения на него. Если ранее они намечались ориентировочно на весну 1942 г., то теперь «решение русского вопроса» предполагалось не позднее весны 1941 г.

31 июля 1940 г. Гитлер сообщил своему военному руководству о том, что война с СССР является первоочередной задачей. 18 декабря 1940 г. план нападения на СССР — план «Барбаросса» — был утвержден.

Фашистское руководство всячески маскировало эти планы. Оно предложило СССР присоединиться к «тройственному пакту» (Германии, Италии и Японии) и разделить сферы влияния уже в мировом, глобальном плане. В частности, Советскому Союзу предлагалось расширить свое «жизненное пространство» на юг, к Индийскому океану и Персидскому заливу. Советское руководство проявляло сдержанность, тянуло время и выдвигало свои, куда менее масштабные предложения.

На деле Сталин отнюдь не собирался следовать в фарватере гитлеровской политики и вынашивал собственные планы. Сталинское руководство активно готовилось к войне, причем войне наступательной. 5 мая 1941 г. Сталин откровенно заявил: «Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию... А теперь когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо переходить от обороны к наступлению. Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом [...] Красная армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

13 апреля 1941 г. был заключен советско-японский договор о нейтралитете, заметно стабилизировавший наши позиции на Дальнем Востоке. В европейской части СССР накануне Великой Отечественной войны была проведена скрытая мобилизация 800 тыс. призывников, к западным границам стали подтягиваться войска из внутренних военных округов. Вместе с тем 14 июня 1941 г. было опубликовано сообщение ТАСС, решительно опровергавшее «слухи» о готовящемся нападении Германии на СССР и подчеркивавшее верность советского руководства договору о ненападении.

Таким образом, и германское, и сталинское руководство, прекрасно зная о неизбежности столкнове-

ния между своими странами, активно к нему готовились и надеялись переиграть друг друга.

■ **Причины и начало Великой Отечественной войны.** С самого начала своей политической карьеры Гитлер заявлял, что Советский Союз является главным противником Германии. Он понимал, что без покорения СССР его планы европейского, а тем более мирового господства являются фикцией. Заключение договора о ненападении и сближение с СССР в 1939 г. были для гитлеровского руководства (впрочем, как и для его советских партнеров) не более чем тактическим шагом, призванным облегчить завоевание Западной Европы. Советско-финская война положила начало обострению противоречий Германии и СССР. К этому добавились трудности с покорением островной Англии и быстрые темпы перевооружения Красной армии, обещавшие в перспективе существенно поднять ее боеспособность. Все это создавало потенциальную угрозу срыва глобальных планов фашистской агрессии. К тому же Германия нуждалась в природных ресурсах СССР и его транспортных коммуникациях, открывавших выход на Ближний Восток и Индию. Поэтому фашистское руководство целенаправленно вело подготовку агрессии против СССР, внешне сохраняя с ним теплые отношения.

В последние годы вновь появилась теория о том, что Гитлер напал на СССР с целью сорвать советское наступление на Германию. Стоит напомнить, что легенда о «превентивной» (т. е. предупредительной) войне была выдвинута самим фашистским руководством, чтобы оправдать агрессию против Советского Союза. С реальностью она имела мало общего. Все высшее советское руководство прекрасно сознавало неизбежность столкновения с фашистской Германией. Основной формой ведения военных действий тогда признавалось наступление, и оно, судя по имеющимся документам, действительно готовилось. Однако нападение фашистской Германии на СССР не было связано с этими планами. Решение о нападении на СССР, как уже отмечалось, было принято Гитлером еще в марте 1940 г. На совещании 22 июля 1940 г. он определенно заявил: «Русские не хотят войны». И план

«Барбаросса», и директива по стратегическому развертыванию Главного командования вермахта (1 января 1941 г.) исходили из того, что СССР будет не наступать, а обороняться. Это подтверждала и разведсводка немецкого Генштаба от 13 июня 1941 г.

Перед рассветом **22 июня 1941 г.** *фашистская Германия без объявления войны напала на СССР.* В вооруженной агрессии приняли участие и ее союзники: Румыния, Финляндия, Венгрия, Италия и Словакия. План «Барбаросса» предписывал в срок ориентировочно до 10 недель «посредством глубокого быстрого выдвижения танковых клиньев» уничтожить основные силы Красной армии и выйти на линию Волга—Архангельск. Наступление шло почти на всем фронте по трем основным направлениям: на Ленинград, Смоленск—Москву и Киев.

Для нападения на Советский Союз Гитлер использовал подавляющую часть своих сухопутных сил. Вместе с союзниками армия вторжения насчитывала 5,5 млн человек, 3,8 тыс. танков и 4,6 тыс. самолетов.

Советские войска, расположенные в западных военных округах, имели 2,9 млн человек, 14,2 тыс. танков и 9,2 тыс. боевых самолетов, т. е. более половины всех Вооруженных сил СССР. Хотя подавляющая часть советской военной техники была устаревшей, а выучка войск оставляла желать много лучшего, все же соотношение сил, казалось, давало возможность для успешного сопротивления. Однако начало войны, как и рассчитывал Гитлер, обернулось для Красной армии целой серией крупнейших поражений.

Уже в первые часы наступления немцам удалось преодолеть сопротивление застигнутых врасплох советских войск в большей части приграничных районов и глубоко вклиниться на территорию СССР. В первый же день войны, преимущественно на аэродромах, было уничтожено до 1200 советских самолетов. Уже через два дня на направлении главных ударов немецкие танки прорвались более чем на 200 км от государственной границы СССР. 28 июня 1941 г. пал Минск. В районе Белостока—Минска было разгромлено 38 советских дивизий, в плен попало

288 тыс. человек. К середине июля 1941 г., т. е. через 3 недели после начала войны, были захвачены почти вся Прибалтика, Белоруссия и Правобережная Украина. По приблизительным оценкам, Красная армия потеряла около 850 тыс. человек, более 4 тыс. самолетов и 12 тыс. танков. Превосходство немцев в живой силе и технике стало подавляющим, а потери Красной армии казались невосполнимыми. Фашистское руководство сочло, что война уже выиграна. Гитлер даже отдал приказ о сокращении производства сухопутных вооружений.

Красная армия действительно пережила настоящую катастрофу. Дело заключалось не только в колоссальных потерях. В первые дни войны под влиянием невиданного по своей мощи и стремительности удара управление войсками приграничных округов было в значительной мере дезорганизовано, потеряна связь со многими соединениями. Ни командный состав, ни красноармейцы не были готовы к подобному развитию событий. Воспитанные на официальном лозунге о том, что войны с Германией в ближайшее время не будет, а когда она начнется, то будет вестись на вражеской территории и «малой кровью», они не могли разобраться, что происходит. Нередко вспыхивала паника, наблюдались случаи массовой сдачи в плен, особенно солдат, призванных из недавно присоединенных к СССР территорий.

Тем не менее, несмотря на крайне неблагоприятное развитие событий, дух Красной армии, ее воля к победе сломлены не были. Уже с самого начала войны немцы встретили ожесточенное героическое сопротивление. Нередки были случаи самопожертвования. Летчики шли на воздушные тараны, направляли свои подбитые самолеты на войска агрессоров. Бойцы отстреливались до последнего патрона и подрывали себя вместе с немцами, вражескими танками. Беспримерное по своему героизму сопротивление было оказано немцам в *Брестской крепости* (гарнизон которой месяц сражался в полном окружении), *в Лиепае, под Перемышлем,* в районе *Дубно—Луцк—Ровно,* где был организован контрудар советских войск, и многих других местах.

Довольно быстро сталинское руководство развернуло масштабную работу по перестройке государственного управления, экономики и всего общества на военный лад (см. главы 18, 19). Советское командование восстанавливало свой контроль над войсками. Потери немцев росли, и уже в июле 1941 г. они превысили 100 тыс. человек, было уничтожено несколько сот танков и до 1000 самолетов. Это было многократно меньше, чем потери РККА, но зато превосходило все потери фашистских войск в Западной Европе в 1939—1941 гг. Немецкие генералы сразу оценили, что война в России резко отличается от войны на Западе своими масштабами, ожесточенностью и кровопролитием. Начальник Генштаба немецких сухопутных сил Ф. Гальдер 20 июля 1941 г. отмечал в своем дневнике «известный упадок духа у наших руководящих инстанций», вызванный ожесточенностью боев и большим утомлением войск.

По мере продвижения агрессоров в глубь страны сопротивление им все более нарастало. 73-дневная *оборона Одессы,* ожесточенная 70-дневная *битва за Киев* срывали «график» немецкого наступления и наносили противнику ощутимые потери. В ходе крупнейшего за первые месяцы войны *Смоленского сражения* (10 июля—10 сентября 1941 г.) советские войска на 2 месяца задержали наступление фашистских сил и нанесли им ряд чувствительных ударов. *Под Ельней* в начале сентября 1941 г. советское командование сумело организовать успешный контрудар и разгромило 8 немецких дивизий. Иллюзии немецкого командования о скорой победе быстро рассеивались, оно вынуждено было корректировать свой план «молниеносной войны».

Важную роль в этом сыграла *беспрецедентная в мировой истории оборона Ленинграда.* 9 сентября 1941 г. немцам удалось окружить город, началась его блокада. Но, несмотря на многочисленные атаки, почти непрерывные бомбежки, артобстрелы и страшный голод, выкосивший по меньшей мере 800 тыс. ленинградцев, город фашисты взять не смогли. Демонстрируя невиданную стойкость, Ленинград *900 дней* героически сражался в осаде, срывая планы

немцев и оттягивая на себя значительные силы неприятеля.

Тем не менее враг был силен и обладал существенным превосходством в живой силе и технике, боевой выучке войск, организации и тактике. Положение СССР оставалось критическим. Немцы захватили огромную территорию. Безвозвратные потери Красной армии в 1941 г. по минимальным, документально подтвержденным данным, превышали 3,1 млн человек.

Катастрофические поражения Красной армии в 1941 г. были вызваны целым рядом факторов. Важнейшими из них были:

1. Внезапность нападения. Несмотря на многочисленные донесения советской разведки, Сталин не верил в то, что Гитлер решится повторить неудачный опыт Первой мировой войны (ведения войны на два фронта) и нападет на СССР, имея за спиной непокоренную Англию. Поэтому к моменту агрессии Красная армия не была приведена в боевую готовность, не было завершено стратегическое развертывание войск, комплектование частей, а тем более их перевооружение новой военной техникой. Нападение фашистской Германии застало врасплох и политическое руководство страны, и Вооруженные силы.

2. Фашистская армия опиралась на ресурсы покоренных европейских стран и своих союзников. Она была полностью отмобилизована, имела опыт современной маневренной войны и существенно превосходила Красную армию в тактике, боевой выучке войск.

3. Масштабы фашистского наступления — практически по всему фронту, — его стремительность и направление главного удара (в Белоруссии, а не на Украине, как это предполагалось) оказались неожиданными и во многом дезорганизовали и деморализовали армию. Кроме того, в предвоенные годы Красная армия готовилась к наступательным боям. В военно-политическом руководстве и широкой пропаганде господствовали шапкозакидательские настроения. Попытки отработать оборонительные сражения не только не приветствовались, но и могли быть расценены как «паникерство», как проявление неверия в военно-политическую доктрину сталинского руковод-

ства. Последствия подобных обвинений были хорошо известны. В результате к обороне, к тяжелым боям, тем более в условиях отступления, армия (равно как и вся страна) не была готова ни военно-технически, ни тактически, ни психологически.

4. Причины этих и множества других факторов, приведших к тяжелым поражениям в 1941 г., коренились в самой природе сталинского режима и массовых репрессиях 1930-х гг. Как уже отмечалось (см. главу 18), сталинский террор не позволил своевременно начать подготовку страны к войне и нанес колоссальный удар по обороноспособности страны. Сохранявшаяся вплоть до Великой Отечественной войны обстановка физического и морального террора, всеобщего страха серьезно затрудняла начавшуюся перестройку армии, повышение ее боеспособности.

■ **Битва за Москву.** Выиграв битвы за Смоленск и Киев и перегруппировав силы, немцы **3 сентября 1941 г.** *начали генеральное наступление на Москву.* Под Вязьмой им удалось добиться крупного успеха и окружить части трех советских фронтов — более 660 тыс. человек. В октябре фашистские войска заняли Орел, Калугу, Калинин (Тверь), Волоколамск и Можайск. Немецкие газеты печатали карты Московской области, где отмечалось продвижение вермахта все ближе и ближе к столице.

Однако, несмотря на значительное превосходство сил (в 1,5 раза — в личном составе и авиации и в 2 раза — в танках), немецко-фашистские войска не смогли сломить героического сопротивления разношерстных, наспех собранных командованием Красной армии сил. Война все более приобретала черты народной, Отечественной. Летом—осенью 1941 г. до 2 млн человек вступили в народное ополчение, до 10 млн человек — в основном женщин и подростков — участвовали в строительстве оборонительных сооружений. В тылу врага начало развертываться партизанское движение. Каждый шаг вперед давался немецким войскам все труднее. Тулу — последний южный форпост столицы — немцы, несмотря на все усилия, взять так и не смогли. Тем не менее линия

фронта приближалась к Москве, и ее положение многим казалось безнадежным.

В городе было введено осадное положение. Большинство правительственных учреждений было эвакуировано, важнейшие объекты города заминированы, подготовлены специальные отряды для действий в условиях подполья. Готовился к эвакуации и Сталин. Он с тревогой спрашивал командующего Западным фронтом Г. К. Жукова: «Вы уверены, что мы удержим Москву?.. Говорите честно...» «Москву безусловно удержим», — отвечал Жуков. Сталин остался в Москве, и это вселило надежду во многих советских людей, веривших в своего вождя. Большой эффект оказал и военный парад, проведенный 7 ноября 1941 г. на Красной площади, невзирая на сложнейшую обстановку на фронте.

В середине ноября 1941 г., подтянув резервы, немцы возобновили наступление и сумели подойти к столице на 25—30 км. Немецкий десант был высажен в Химках (сейчас это пригород Москвы). Судьба столицы СССР, казалось, была предрешена. Гитлер готовился торжествовать победу. Однако неожиданно для противника (да и для всего мира, который с напряжением следил за исходом этой битвы) **5—6 декабря 1941 г.** *советские войска перешли в контрнаступление под Москвой.* Примерно в это же время Красная армия наступала под Тихвином, Ростовом-на-Дону, был высажен десант на Керченском полуострове. (Не все эти операции увенчались успехом, но зато помогли оттянуть на себя силы неприятеля.)

В результате наступления под Москвой, продолжавшегося до весны 1942 г., враг был отброшен от столицы на 100—300 км, разгромлено 38 немецких дивизий. Непосредственная угроза Москве была снята, план молниеносной войны окончательно сорван. Это стало первым крупным поражением вермахта во Второй мировой войне. Миф о непобедимости фашистов был развеян. Советский народ и армия почувствовали уверенность в своих силах. Ускорилось оформление антигитлеровской коалиции.

Почему удалось разгромить непобедимую дотоле немецкую армию? Ведь под Москвой советские войска не имели перевеса сил, необходимого для успеш-

ного наступления. Причины неожиданной для многих победы заключались в том, что советское командование и прежде всего Жуков точно выбрали момент для удара, когда наступательный порыв немцев уже иссякал, а к обороне они еще не перешли. Кроме того, в сложнейших условиях удалось накопить некоторые резервы. Благодаря донесениям советского разведчика Р. Зорге о том, что Япония не собирается в ближайшем будущем нападать на СССР, с Дальнего Востока и из Сибири под Москву были переправлены свежие корпуса и дивизии. Отчасти помогли и лютые морозы. (Они поначалу затрудняли наступательную активность немцев, но в дальнейшем отнюдь не благоприятствовали и нашему наступлению.) Однако важнейшую роль сыграл все же патриотизм и беспримерный героизм защитников Москвы, которым само сознание того, что они обороняют столицу, «сердце» России, придало новые силы и помогло выстоять и победить, когда это уже казалось невозможным.

■ **Формирование антигитлеровской коалиции.** Нападение фашистской Германии на СССР, героическая борьба народа против агрессора вызвали в мире волну симпатий и сочувствия к стране. Уже 22 и 24 июня 1941 г. под воздействием общей смертельной опасности Англия и США выразили поддержку Советскому Союзу. «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я... — заявил премьер-министр Великобритании У. Черчилль, — но сейчас все отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий». 12 июля 1941 г. было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против фашистской Германии. 24 августа 1941 г. СССР присоединился к Атлантической хартии. (Она была составлена Черчиллем и президентом США Ф. Рузвельтом и декларировала основные цели антигитлеровской коалиции.) Чтобы пресечь фашистское влияние в Иране, СССР и Англия 25 августа 1941 г. ввели туда свои войска. На Московской конференции (29 сентября — 1 октября 1941 г.) были приняты трехсторонние решения о поставках вооружений в СССР и стратегического сырья — в Англию и США.

7 ноября 1941 г. Рузвельт распространил на СССР действия закона о *ленд-лизе*. В целом за годы войны поставки по ленд-лизу составили лишь 4% военного производства СССР. Но по ряду позиций они имели немаловажное значение. В частности, по автомобилям и самолетам они доходили соответственно до 1/3 и 15% всей поступившей в нашу армию техники. Американские автомобили — «студебеккеры», «виллисы» и тушенка (которую в народе прозвали «вторым фронтом») пользовались популярностью в армии.

7 декабря 1941 г., после нападения японской авиации на Пёрл-Харбор, США объявили войну Японии, а 11 декабря — Германии и Италии. Разгром немцев под Москвой и вступление в войну США ускорили оформление антигитлеровской коалиции. Этот процесс завершило *подписание* **1 января 1942 г.** *в Вашингтоне Декларации Объединенных Наций,* под которой поставили свои подписи представители 26 государств.

Несмотря на создание широкой антигитлеровской коалиции, основная тяжесть борьбы с фашизмом лежала на СССР. Кроме него лишь Великобритания небольшими силами вела войну с Германией и Италией в Северной Африке, а также сражалась с ними в воздухе и на море. США после разгрома своего флота в Пёрл-Харборе не могли сдерживать экспансию Японии, и та уже весной 1942 г. захватила подавляющую часть Юго-Восточной Азии.

Учитывая тяжелое положение СССР, союзники откликнулись на настойчивые пожелания советской стороны и согласились открыть второй фронт в Европе в 1942 г. Но из-за рискованности высадки во Франции и, возможно, из-за политических соображений (уже в октябре 1942 г. Черчилль поставил перед Рузвельтом вопрос об угрозе СССР послевоенной Европе) он так и не был открыт. Вместо этого американцы высадились в Северной Африке, т. е. на явно второстепенном театре военных действий. Более того, как выяснилось, операции в Африке затруднили высадку союзников во Франции и в 1943 г. В результате гитлеровская Германия могла по-прежнему сосредотачивать на Восточном фронте подавляющую часть своих сухопутных сил.

■ **Весенне-летняя кампания 1942 г.** Несмотря на крупную победу под Москвой, разгромить основные силы противника, как этого требовал Сталин, разумеется, не удалось. Враг был еще очень силен, а начавшаяся уже в ходе войны перестройка наших войск, обновление командного состава, тактики, вооружений — далеко не завершены. Учитывая реальное соотношение сил, военное командование, вырабатывая план весенне-летней кампании 1942 г., предложило ограничиться стратегической обороной.

Однако эйфория победы под Москвой привела к новым ошибкам. Вопреки мнению военного командования, Сталин потребовал, не ограничиваясь стратегической обороной, развернуть в первой половине 1942 г. серию наступательных операций едва ли не по всему фронту. Но ни сил, ни техники, ни военного искусства для этого не хватило. Это привело к ряду крупных поражений. Попытки деблокировать Ленинград провалились. (Вторая ударная армия была разгромлена, ее командующий — генерал Власов попал в плен и, изменив присяге, стал сотрудничать с немцами.) Под Харьковом наши войска потеряли до 230 тыс. человек. Поражение в Крыму привело к падению Севастополя, который 250 дней героически оборонялся, приковывая к себе крупные силы противника. Все эти неудачи ослабили нашу армию и облегчили переход фашистских войск в наступление.

Немецкое командование целенаправленно готовилось к весенне-летней кампании 1942 г., надеясь взять реванш за поражение под Москвой. Будучи уже не в состоянии наступать по всему фронту, оно сосредоточило главный удар на юге России: в направлении Сталинграда и Северного Кавказа. Гитлер стремился не только разгромить весь южный фланг советских войск, но и захватить богатые нефтеносные и хлебородные районы, а также получить плацдарм для вторжения на Ближний Восток. Советское командование ожидало удара на Москву.

В июле 1942 г. фашистские войска перешли в наступление и уже вскоре добились серьезных успехов. Их дух вновь поднялся. В ход был пущен лозунг: «Зимой — обороняться, летом — наступать». У нас, напротив, новые поражения, как вспоминал Жуков, «тя-

жело отразились на внутреннем настроении народа и войск». В частях Красной армии «вновь появились панические настроения и нарушения воинской дисциплины». 28 июля Сталин издал знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад!». В нем откровенно говорилось о поражениях, но вся вина за них возлагалась на «паникеров и трусов». Приказ предусматривал создание заградительных отрядов, которые должны были расстреливать отступающих солдат, а также штрафных рот и батальонов, в которые направлялись осужденные за воинские и уголовные преступления.

Острие главного удара немецко-фашистских войск было направлено на Сталинград. Этот город имел важное стратегическое положение, а символическое название еще более повышало его значимость для обеих сторон. Со второй половины июля 1942 г. не только страна, но и весь мир напряженно следили за продвижением немцев к Сталинграду. Все понимали, там решается судьба войны. Советское командование бросило под Сталинград резервы и своих лучших военачальников: Жукова, начальника Генштаба А. М. Василевского. Фронтами, участвовавшими в битве, командовали К. К. Рокоссовский, Н. Ф. Ватутин, А. И. Еременко.

Тем не менее, преодолевая упорное сопротивление советских войск, немцы 23 августа 1942 г. сумели выйти к Волге, развернулись уличные бои в самом городе. Они отличались невиданной ожесточенностью и шли за каждый квартал, за каждый дом и этаж. Многие здания в результате беспрерывных атак и контратак многократно переходили из рук в руки. Город был почти полностью разрушен.

Вторым по значимости направлением немецкого наступления стал Северный Кавказ. В ходе ожесточенных боев немцы сумели выйти к Главному Кавказскому хребту и даже водрузили свой флаг на Эльбрусе. Однако на отрогах этого хребта и реке Терек в ноябре—декабре 1942 г. их продвижение было остановлено. Прорваться в Закавказье и втянуть в войну Турцию немцам не удалось.

Таким образом, хотя фашистским войскам в 1942 г. не удалось полностью реализовать свои планы, они сумели нанести ряд серьезных поражений Крас-

ной армии. Их причины отчасти коренились в объективном неравенстве сил, нехватке людских ресурсов и особенно вооружений. Однако немалую роль сыграли допущенные военно-политическим руководством ошибки, незавершенность тактической, кадровой и психологической перестройки армии. Поражения ускорили эту перестройку.

■ **Коренной перелом в войне.** Несмотря на героизм защитников Сталинграда, немцы шаг за шагом продвигались вперед и оттесняли их к Волге. Однако осенью 1942 г. благодаря завершившемуся переводу экономики на военные рельсы и напряженному труду работников тыла (см. главу 19), советскому руководству удалось накопить резервы и добиться общего перевеса сил над фашистской Германией. Под руководством Жукова и Василевского была разработана операция по разгрому фашистских войск под Сталинградом. Благодаря детальному планированию и глубокой секретности ее удалось подготовить втайне от немцев.

19 ноября 1942 г. *советские войска перешли в наступление под Сталинградом* и мощными ударами с флангов окружили фашистскую группировку. В «котел» попали 330 тыс. фашистских войск. Предпринятая немцами попытка деблокировать свои войска была отбита. В начале февраля 1943 г. окруженная группировка во главе с фельдмаршалом Паулюсом была уничтожена. Потери Германии и ее союзников в ходе этой гигантской битвы превысили 0,8 млн человек. Только в плен попала 91 тыс., включая Паулюса и 24 генералов. Потери же военной техники были сопоставимы с потерями во всех предшествующих сражениях на Восточном фронте. В Германии был объявлен четырехдневный траур. По мнению некоторых историков, Сталинград стал крупнейшим поражением, которое когда-либо терпела немецкая армия за всю свою предшествующую историю. Причем, что особенно важно, здесь были уничтожены отборные войска фашистского рейха.

Сталинградская битва положила начало коренному перелому в Великой Отечественной и Второй мировой войне в целом. Отныне стратегическая инициатива

стала переходить к советским войскам. В январе 1943 г. они прорвали блокаду Ленинграда, начали освобождение Северного Кавказа, Левобережной Украины и некоторых других районов. Немцы же смогли ответить лишь одним, хотя и чувствительным, контрударом под Харьковом в марте 1943 г.

Некоторые западные историки склонны преуменьшать переломную роль Сталинградской битвы во Второй мировой войне и преувеличивать значение сражения под Эль-Аламейном в Северной Африке в октябре 1942 г. (между тем оно происходило на периферийном театре военных действий и потери противника убитыми и ранеными составили 55 тыс. человек). Президент США Рузвельт в присланной в Сталинград почетной грамоте от имени американского народа выразил восхищение героизмом защитников города и подчеркнул, что их победа «остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны Союзных Наций против сил агрессии».

Поражение под Сталинградом нанесло колоссальный удар по немецкой армии. Однако, проведя тотальную мобилизацию, руководство фашистской Германии смогло частично компенсировать потери в живой силе и резко (в 1,7 раза) увеличить выпуск военной техники, в том числе новейших образцов танков «тигр» и «пантера». Отсутствие второго фронта в Европе позволило Гитлеру подготовить новое наступление. Поскольку сил у немцев уже не хватало, фашистское командование сосредоточило свои резервы на относительно узком участке фронта в районе Орла и Белгорода, на так называемой Курской дуге. Надеясь переломить неблагоприятный для себя ход войны в одном генеральном сражении, оно стянуло туда до 50 дивизий, 2/3 своих танков и самолетов, находившихся на Восточном фронте. Предполагалось сходящимися ударами на Курск окружить и уничтожить советские войска, располагавшиеся на Курской дуге, и затем нанести удар по Москве.

Советское командование узнало об этих планах. Более того, располагая общим перевесом в силах, оно

само могло наступать. Однако возросшее в ходе войны искусство нашего командования проявилось в том, что оно предпочло вначале перейти к преднамеренной обороне с тем, чтобы обескровить немецкие части, а затем разгромить их. С **5 июля 1943 г.** советские войска, упорно обороняясь, сдерживали яростные атаки противника, который за счет небывалой концентрации своих сил на отдельных участках смог вклиниться в нашу оборону на 10—35 км. В небе разгорелось воздушное сражение. Кульминацией Курской битвы явилось крупнейшее в мировой истории танковое сражение *под Прохоровкой.* 12 июля 1943 г. там сошлось в бою до 1200 танков и самоходных орудий, и немцы в итоге были разбиты. С этого времени советские войска перешли в наступление. В ходе ожесточенных кровопролитных боев фашистские войска были разгромлены и потеряли до 0,5 млн человек, 1,6 тыс. танков и 3,7 тыс. самолетов. Эти потери оказались для немцев невосполнимыми. Мощь германской военной машины была сломлена.

Победа на Курской дуге завершила коренной перелом в Великой Отечественной войне. Стратегическая инициатива окончательно перешла в руки Красной армии. В августе—октябре 1943 г. ей удалось освободить Смоленскую, Калининскую области, Левобережную Украину, Донбасс, завершить освобождение Северного Кавказа. Попытки фашистов остановить наступление советских войск на Днепре, где был сооружен Восточный вал, потерпели неудачу. Наши части смогли форсировать реку, создать плацдармы и начать общее наступление. 6 ноября 1943 г. был освобожден Киев. (Это событие, по требованию Сталина, было приурочено к годовщине Октябрьской революции.) Продолжая наступление, войска освободили центральные районы Украины, блокировали немцев в Крыму, начали освобождение Белоруссии.

С ноября 1942 г. до конца 1943 г. было разгромлено 218 дивизий противника, линия фронта отодвинулась на Запад на 600—1200 км, было освобождено около половины захваченной немцами территории СССР.

■ **Действия союзников.** С осени 1942 г. активизировались и военные действия союзников СССР по анти-

гитлеровской коалиции. В мае 1943 г. им удалось разгромить группировку противника в Северной Африке. В июле—августе 1943 г. американцы и англичане высадились на Сицилии, а в сентябре — на Апеннинах. Фашистское правительство Б. Муссолини было свергнуто. В октябре 1943 г. Италия объявила войну Германии, но была оккупирована немцами. Война на юге Италии приобрела позиционный характер. На Тихом океане с осени 1942 г. американцы перешли в наступление и выиграли у японцев несколько крупных морских сражений.

Несомненно, победа союзников в Африке и высадка в Италии внесли свой вклад в завершение коренного перелома во Второй мировой войне. Но судьба войны решалась на Восточном фронте. В Африке в 1942—1943 гг. против союзников сражались лишь 17 итальянских и немецких дивизий, в то время как против СССР — 260. Более того, невзирая на активизацию американских и английских войск, с сентября 1942 по октябрь 1943 г. Гитлер перебросил с Запада на Восточный фронт до 49 дивизий.

Поэтому вопрос об открытии второго фронта в Европе по-прежнему стоял очень остро. В конце ноября—начале декабря 1943 г. в Тегеране состоялась первая встреча «большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля. После долгих дискуссий было, наконец, принято решение об открытии второго фронта во Франции в мае 1944 г. Обсуждался вопрос и о судьбе послевоенной Германии. Союзники предлагали ее разделить, Сталин не соглашался. В целом встреча укрепила взаимопонимание союзников по антигитлеровской коалиции.

■ **Военные действия в 1944—1945 гг.** В 1944 г. Красная армия располагала уже подавляющим превосходством в живой силе и технике. Значительно выросли полководческое мастерство и тактическая подготовка войск. В результате Вооруженные силы могли диктовать свою волю противнику и последовательно осуществлять крупнейшие стратегические операции по всему фронту.

В январе 1944 г. советские войска начали наступление под Ленинградом. Окончательно сняв немец-

кую осаду с города, они разгромили немецкую группу армий «Север». Почти одновременно развернулось наступление и на Украине. Весной Правобережная Украина, Крым и Молдавия были освобождены, а группа армий «Юг» разгромлена.

В этих благоприятных условиях 6 июня 1944 г. англо-американские войска высадились в Нормандии. Чтобы помочь им, Советское командование ускорило новую серию наступательных операций. 10 июня началось наступление в Карелии, а 23 июня 1944 г. — в Белоруссии, там, где из-за болотистой и лесистой местности немцы не ожидали наступления (операция «Багратион»). Она стала одной из крупнейших стратегических операций Второй мировой войны. В июле, когда немцы, пытаясь спасти положение, стали перебрасывать резервы в Белоруссию, началось наступление на Западной Украине, в августе — в Молдавии, в сентябре — в Прибалтике, в октябре — в Заполярье и т. д. В результате были разгромлены фашистские группы армий («Центр» и ряд других), освобождена Белоруссия, Западная Украина, подавляющая часть Прибалтики и т. д. Таким образом, в 1944 г. было практически полностью завершено освобождение территории СССР.

Уже в марте 1944 г. наши войска перешли государственную границу и вступили на территорию Румынии. Начался освободительный поход в Восточную Европу. Летом и осенью 1944 г. Красная армия вступила на территорию Польши, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии и Норвегии. Это сразу же изменило ситуацию в Европе. Румыния, Финляндия, Болгария вышли из войны, а затем объявили войну Германии. Освобождение этих стран от фашизма, полное или даже частичное (как в случае Норвегии, а в 1945 г. — Германии и Австрии), было оплачено кровью 1,1 млн советских солдат. Наиболее тяжелые потери армия понесла при освобождении Польши (погибло 600 тыс. человек), Венгрии и Чехословакии (по 140 тыс. человек), Германии (102 тыс. человек) и т. д. Даже на территории Болгарии, где войска СССР не вели масштабных операций, погибло до тысячи солдат.

Столь высокая цена, заплаченная за освобождение европейских стран, дала дополнительные, моральные основания советскому руководству для того, чтобы постепенно превратить освободительный поход Красной армии в борьбу за сферы влияния, в создание своеобразного «пояса безопасности» вокруг СССР из подконтрольных ему стран. Но окончательно такой контроль над восточноевропейскими странами был установлен уже после войны.

12 января 1945 г. советские войска начали крупнейшую Висло-Одерскую операцию, в ходе которой освободили подавляющую часть Польши и вступили на территорию Германии. Кроме того, в январе—апреле 1945 г. были разгромлены крупные группировки немцев в Восточной Пруссии, Померании, полностью освобождена Венгрия и Восточная Австрия со столицей Веной. Нараставшие трения с союзниками, которые подумывали о том, чтобы в нарушение договоренностей взять Берлин самим (воспользовавшись тем, что на Западном фронте сопротивление немцев было несравненно слабее, чем на Восточном), побудили сталинское руководство форсировать окончательный разгром врага.

16 апреля 1945 г. *началась Берлинская наступательная операция.* После мощной артподготовки, ночью, войска под руководством Жукова перешли в наступление. Взломав мощную оборону противника, они окружили Берлин и начали уличные бои. 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством. **8 мая 1945 г.** в поверженном Берлине под председательством Г. К. Жукова *был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.* Но для Советской армии война на этом не закончилась. Она двинулась на помощь восставшей Праге и 9 мая освободила ее. Эта дата и стала днем Победы для народов СССР.

■ **Обсуждение послевоенного устройства мира.** В феврале 1945 г. в Ялте состоялась конференция союзников, в которой приняли участие Сталин, Рузвельт и Черчилль. Если на Тегеранской конференции главной проблемой было открытие второго фронта, то на Ялтинской — обсуждение контуров послевоенного мира и война против Японии. После дискуссий был

принят ряд важных решений: об условиях безоговорочной капитуляции Германии, разграничении зон ее оккупации и о репарациях; о границах и будущем Польши; о созыве конференции Объединенных Наций; о вступлении СССР в войну с Японией и последующем возвращении ему Южного Сахалина, Курильских островов и т. д. Фактически решения конференции во многом определили основы послевоенного устройства мира.

В более конкретном ключе эти вопросы обсуждались на Потсдамской конференции в июле—августе 1945 г. США вместо умершего Рузвельта представлял президент Г. Трумэн, Великобританию — премьер К. Эттли (партия Черчилля проиграла выборы). Основное место на конференции занял германский вопрос. Были окончательно разрешены принципиальные проблемы будущего этой страны, размеры репараций, уточнены послевоенные границы Польши, подтверждена передача СССР Кенигсберга с прилегающими районами. Несмотря на обострение противоречий между союзниками, заинтересованность США в СССР для разгрома Японии помогала решить спорные вопросы. Советский Союз подтвердил свое обязательство вступить в войну с Японией.

■ **Война с Японией.** Выполняя союзнические обязательства, СССР еще в апреле 1945 г. денонсировал договор с Японией о нейтралитете, а 8 августа 1945 г. объявил ей войну. На следующий день советские войска под командованием Василевского (1,8 млн человек, 5 тыс. танков и 5,2 тыс. самолетов) начали стремительное наступление против японской Квантунской армии (0,8 млн человек, 1,2 тыс. танков, 1,9 тыс. самолетов). Последняя пыталась сопротивляться, используя заранее подготовленные укрепления, сложный рельеф местности и даже самоубийц-камикадзе. Однако, располагая подавляющим превосходством не только в силах, но и в тактике, боевой выучке войск, Красная армия всего за три с небольшим недели полностью разгромила японцев. Были освобождены Северо-Восточный Китай, Северная Корея, а также Южный Сахалин и Курильские острова. В плен было взято 0,6 млн человек.

2 сентября 1945 г. *на борту американского линкора «Миссури» был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии.* Самая кровавая в истории человечества Вторая мировая война завершилась.

6 и 9 августа 1945 г. американцы подвергли атомной бомбардировке японские города Хиросиму и Нагасаки. Общее число погибших в результате этого японцев, причем в подавляющей части мирных жителей, превысило в итоге 200 тыс. человек. Учитывая вступление в войну против Японии СССР, что явно предопределило ее скорый исход, эти шаги трудно было объяснить собственно военными причинами. Прежде всего, это был политический акт. Американцы хотели испытать в реальных условиях новое оружие, а главное, продемонстрировать всем, в особенности СССР, американскую мощь и подкрепить таким образом свою заявку на гегемонию в послевоенном мире. По сути, ядерные взрывы в Хиросиме и Нагасаки, прозвучавшие еще до завершения Второй мировой войны, стали предвестниками новой, «холодной войны».

СССР одержал в войне 1941—1945 гг. величайшую победу не только в отечественной, но, возможно, и в мировой истории. В результате беспрецедентного напряжения сил, патриотизма и самопожертвования народа не только Советский Союз, но и вся Европа были спасены от фашистского порабощения и геноцида.

Для СССР победа в Великой Отечественной и Второй мировой войнах обошлась в 26,6 млн погибших, из которых более половины — 13,7 млн — составляло гражданское население. Величина этих жертв была беспрецедентна для мировой истории и многократно превосходила потери в мировой войне других стран. Они составляли для Германии — 7,4 млн, Югославии — 1,7 млн, Франции — 0,6 млн, Англии — 375 тыс., США — 300 тыс. человек.

Огромные потери были платой не только за разгром лучшей военной машины Европы и за фашистский геноцид (фашисты считали славян неполноценной нацией и подвергали их целенаправленному уничтожению). Сталинский режим не сумел должным образом подготовить страну к войне, позволил

застигнуть ее врасплох и до последних победных дней не считался с людскими потерями для достижения своих целей. Именно СССР вынес на себе основную тяжесть войны с фашистской Германией. Вплоть до высадки в Нормандии англо-американских войск в июне 1944 г. (когда хребет фашистской Германии был уж сломлен Красной армией) против СССР сражалось 70% и более сухопутных сил Германии, да и в последующие месяцы Восточный фронт был для немцев главным. Тем не менее антигитлеровская коалиция сыграла важную роль в победе над фашизмом.

■ **Начало «холодной войны».** Победа над фашизмом резко изменила обстановку в мире и сам климат международных отношений. Временно межгосударственные отношения между всеми ведущими державами (Германия и Япония надолго выпали из их числа) приобрели партнерский, казалось, даже дружественный характер. Надежды на мирное гармоническое развитие внушало и создание Организации Объединенных Наций, и Нюрнбергский трибунал 1945—1946 гг., покаравший главных военных преступников и продемонстрировавший сплоченность держав-победительниц.

СССР впервые стал не только полноправным членом мирового сообщества, но и одним из его признанных лидеров. К Советскому Союзу отошли часть территории бывшей Восточной Пруссии, Южный Сахалин и Курильские острова. Западные державы признали интересы СССР в Восточной Европе, Китае и Северной Корее. Советский Союз стал одним из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, а фактически одной из двух (наряду с США) великих мировых держав.

Для сотен миллионов людей в мире впервые за многие годы исчез образ внешнего врага. Колоссальный вклад в победу Советского Союза вызвал всплеск симпатий на Западе, заставил забыть о сталинских репрессиях. Благодаря самоотверженной борьбе с фашизмом и роспуску Коминтерна в 1943 г. резко возросли численность и влияние компартий на Западе. Они перестали рассматриваться в качестве подрывных организаций Кремля, а в таких странах,

как Италия и Франция, были близки к приходу к власти.

Однако после победы над фашизмом и милитаристской Японией исчез основной фактор, сплачивавший антигитлеровскую коалицию. Изначально заложенные противоречия между союзниками, геополитические интересы великих держав неизбежно вели к новому расколу на враждующие блоки, а сам мир — к «холодной войне». Толчком к фактическому разрыву антигитлеровской коалиции и постепенному переходу бывших союзников к ожесточенной военно-политической конфронтации, балансирующей на грани третьей мировой войны, или, как ее стали называть, к «холодной войне», послужила *борьба за сферы влияния, в первую очередь за передел послевоенной Европы.*

Уже в 1945 г. усилиями советских властей по всей Восточной Европе были созданы подконтрольные Москве «народно-демократические» правительства. Превращение группы восточноевропейских стран фактически в протекторат СССР стало неожиданностью для западных политиков. Многие из них все еще считали основой внешнеполитического курса СССР стремление к мировой революции. Между тем у Сталина эта идея трансформировалась в политику всемерного расширения границ и сфер влияния Советского Союза, в холодный геополитический расчет. Запад тоже пытался усилить свое влияние в европейских странах, не допустить там прихода к власти коммунистов. Однако вернуть свои позиции на Востоке Европы не смог. Обстановка накалялась с каждым годом, а порой с каждым месяцем.

5 марта 1946 г. Черчилль публично обвинил СССР в том, что тот отгородил Восточную Европу железным занавесом, и призвал к организации давления на него. По существу, это был призыв к открытой конфронтации с Советским Союзом. В 1947 г. Москва отказалась от участия в плане Маршалла, направленного на экономическое возрождение Европы, создало Информационное бюро коммунистических и рабочих партий — Коминформ (своего рода преемник Коминтерна) и приступило к насаждению в Восточной Европе откровенно коммунистических правительств и

социалистических порядков. В результате в Польше только за 1944—1948 гг. было репрессировано до 300 тыс. человек, в Восточной Германии (1945—1950 гг.) — 122 тыс. и т. д. Были разорваны отношения с Югославией, чье руководство стремилось отстоять свою самостоятельность. В свою очередь, на Западе, и особенно в США, началась широкая антисоветская и антикоммунистическая кампания. В 1948 г. разразился острейший «Берлинский кризис», едва не приведший бывших союзников к новой войне в Европе. Воспользовавшись проведением в западных зонах оккупации Германии денежной реформы, сталинское руководство объявило блокаду Западного Берлина (располагавшегося в центре советской зоны оккупации). По сути, это была проверка твердости позиций США. Однако те наладили воздушный мост для снабжения Западного Берлина и предупредили, что, если СССР собьет хоть один самолет, это будет считаться объявлением войны. Сталин еще не был готов к масштабной войне и вынужден был отступить и снять блокаду.

В начале 1949 г. страны советского блока создают Совет экономической взаимопомощи. В апреле этого года создается военно-политический блок НАТО, прямо направленный против СССР, а в сентябре — на территории объединенных американской, английской и французских зон оккупации образуется Федеративная Республика Германия. Спустя ровно месяц Сталин ответил на это провозглашением ГДР. Раскол Европы в основном завершился. Противостоящие стороны активно разрабатывали планы новой войны. При этом США делали акцент на массированную атомную бомбардировку, СССР — на свою лучшую в мире сухопутную армию. В 1949 г. в Советском Союзе тоже было создано ядерное устройство. Однако отсутствие у каждой из сторон подавляющего превосходства заставляло их воздерживаться от развязывания войны в Европе.

В начале 50-х гг. внимание сталинского руководства все более смещается на Восток. Во многом этому способствовала победа коммунистических режимов в Северной Корее (1948 г.) и в Китае (1949 г.). В 1950 г. Северная Корея при помощи Китайской

Народной Республики (пославшей в Корею свои войска) и СССР (обеспечившего КНДР вооружением, советниками и летчиками) попыталась военным путем воссоединить страну. На стороне Южной Кореи под флагом ООН выступили США и 15 других государств. Война длилась с переменным успехом до 1953 г. Тем временем в Северо-Восточных районах СССР вблизи Аляски началось ускоренное строительство аэродромов и военных баз, резко увеличились задания по производству вооружений. Эти и многие другие признаки свидетельствовали об ускоренной подготовке Сталина к вооруженному конфликту с США на Дальнем Востоке. Однако смерть Сталина сорвала эти планы, чреватые началом третьей мировой войны.

■ **Советская внешняя политика в 1953—1964 гг.** Пришедшее к власти в СССР «коллективное руководство», в отличие от Сталина, не было готово к развертыванию третьей мировой войны. Хотя смелые внешнеполитические инициативы Берии и Маленкова были им отвергнуты (см. главу 18), тем не менее оно предприняло ряд шагов, направленных на смягчение международной обстановки. В 1956 г. на XX съезде КПСС Хрущев заявил о том, что важнейшим принципом советской внешней политики является мирное сосуществование государств с различными социальными системами, и призвал к улучшению отношений с Западом. Известной «оттепели» в международных отношениях способствовал и приход нового политического руководства в США. (Президент Д. Эйзенхауэр заявил в 1956 г., что «война стала анахронизмом» и что в будущем она «не сможет служить никакой полезной цели».) В результате «градус» противостояния в мире несколько снизился. Вместе с тем «холодная война», гонка ядерных вооружений продолжались. СССР и США не отказались от попыток изменить баланс сил в свою пользу. Периодически мир потрясали острейшие кризисы, вплотную подводившие к началу новой, теперь уже термоядерной, войны.

В июле 1953 г. была завершена кровопролитная война на Корейском полуострове. В 1955 г. были нор-

мализованы отношения с Югославией (которые были разорваны в конце 40-х гг.), заключен договор с Австрией, гарантировавший ее независимость и нейтральный статус. Установлены дипломатические отношения с ФРГ. В 1956 г. был распущен Коминформ и подписана советско-японская декларация, предусматривавшая прекращение состояния войны, восстановление дипломатических отношений и передачу Японии двух южнокурильских островов (первый и третий пункты реализованы не были). В 1957 г. в Москве проходил международный фестиваль молодежи и студентов, ставший беспрецедентным событием для всей страны. В 1958 г. был заключен договор об экономическом и культурном сотрудничестве СССР и США. В 1959 г. Н. С. Хрущев первым из советских лидеров нанес визит в США.

Во второй половине 50-х гг. СССР выступил с рядом масштабных инициатив: по созданию коллективной безопасности в Европе, по сокращению вооруженных сил ведущих государств, о приостановке ядерных испытаний, об отказе от применения ядерного оружия и т. д. Эти инициативы советское руководство подкрепило крупными односторонними сокращениями вооруженных сил, ликвидацией своих военных баз в Финляндии и Китае, временным прекращением ядерных испытаний и т. д. Большинство этих инициатив адекватного отклика у Запада не вызвали. Дело заключалось не только в декларативности многих выдвигавшихся СССР проектов, в недоверии западных лидеров к советскому руководству, периодически переходившему от мирной риторики к силовому давлению и воинственным заявлениям, но и в том, что обе противостоящие стороны, проявляя желание к улучшению отношений, тем не менее не были готовы к прекращению «холодной войны».

В результате военно-политическая конфронтация двух блоков продолжалась, международные отношения периодически потрясали кризисы. В 1955 г. была создана Организация Варшавского договора — военно-политический орган просоветских социалистических стран Европы, противостоявшая НАТО. В том же году в НАТО была принята ФРГ. Таким образом, окончательно оформился раскол Европы. В 1956 г.

под влиянием советской «оттепели» вспыхнули волнения в Польше, а в Венгрии произошло вооруженное восстание, носившее антисоциалистический и антисоветский характер. Стремясь не допустить выпадения страны из «системы социализма» и Варшавского договора, советское руководство вооруженным путем подавило это выступление. В 1960 г. возле Свердловска советской ракетой был сбит американский самолет-разведчик У-2 (эти самолеты на большой высоте регулярно совершали полеты над территорией СССР). Это привело к громкому международному скандалу и сорвало намеченную встречу лидеров ведущих держав. С тем чтобы предотвратить массовое бегство граждан ГДР, в августе 1961 г. Восточный Берлин был отгорожен от Западного стеной. Вскоре СССР возобновил прерванные в 1958 г. ядерные испытания и взорвал на Новой Земле невиданный по мощности (50 Мт) термоядерный заряд, что вызвало переполох во всем мире.

В 1962 г. произошел, по-видимому, самый острый, чреватый началом третьей мировой войны Карибский кризис. С тем чтобы добиться военно-политического преимущества и обезопасить Кубу, где в 1959 г. победила революция, СССР тайно разместил на острове свои войска (43 тыс. человек), а главное, ракеты с ядерными зарядами. В ответ США привели в полную боеготовность свои войска и объявили блокаду Кубе. Советское руководство тоже подготовило Вооруженные силы к войне и послало на Кубу свои корабли. Над Кубой был сбит американский самолет-разведчик. На руководство США оказывалось массированное давление с целью немедленно начать бомбардировку Кубы и высадку туда войск. Ситуация накалилась до предела. Лишь благодаря личной дипломатии Хрущева и Кеннеди удалось избежать войны и урегулировать кризис. СССР вывел свои ракеты, а США обязались не нападать на Кубу и убрали свои ракеты из Турции.

После этого отношения СССР и США стали улучшаться. В 1963 г. был подписан договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космосе и под водой. Между Кремлем и Белым домом была установлена прямая связь, так называемая «горячая

линия», позволявшая лидерам великих держав оперативно разрешать острые проблемы. Однако тенденция к заметному потеплению советско-американских отношений была нарушена убийством президента Кеннеди в ноябре 1963 г., смещением Хрущева в октябре 1964 г. и начавшейся войной США во Вьетнаме.

Со второй половины 50-х гг. стали быстро ухудшаться отношения СССР с Китаем и Албанией. Официальной причиной тому стало неприятие разоблачений Сталина, а скрытой — стремление китайского руководства к политической самостоятельности. Благодаря огромной, в основном безвозмездной помощи Советского Союза в КНР были в короткие сроки заложены основы современной по тем временам тяжелой индустрии, науки и ВПК. Китайское руководство, почувствовав свою силу, стало тяготиться ролью «младшего брата» СССР. Советско-китайские отношения резко обострились и в начале 60-х гг. были фактически прерваны.

Геополитический раскол Европы в условиях ядерных вооружений на длительное время обеспечил относительную стабильность европейских границ, постепенно сдвигая военно-политическое противоборство СССР и США в «третий мир». Начавшийся распад колониальной системы побудил советскую дипломатию к активным действиям в странах «третьего мира». Советский Союз поддержал созыв Бандунгской конференции 1955 г., положившей начало движению неприсоединения, и заключил соглашения об экономическом сотрудничестве с Индией, Египтом, Бирмой, Ливаном, Афганистаном. Так же, как и США, СССР стремился усилить в развивающихся странах свое влияние и пытался направить их развитие по «некапиталистическому пути».

■ **От «разрядки» к новому обострению «холодной войны».** Начавшаяся в 1965 г. военная интервенция США во Вьетнам серьезно обострила советско-американские отношения. СССР стал оказывать Северному Вьетнаму масштабную экономическую и военно-техническую помощь. Советский Союз воздержался от посылки войск, но наши военные специалисты и советники (всего их побывало во Вьетнаме более 6 тыс.

человек) принимали непосредственное участие в этой войне. Скрытое противоборство с США наблюдалось и в ходе арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг. СССР оказывал массированную помощь оружием и военными советниками Египту и Сирии, США — Израилю. Последний и выиграл обе войны, а в 1974 г. советские военные советники были высланы из Египта, поскольку его президент А. Садат переориентировался на США.

Осложнили отношения с Западом и события в Чехословакии. Во время Пражской весны (1968 г.) Л. И. Брежнев выдвинул «принцип «ограниченного суверенитета»: при возникновении угрозы социализму в какой-либо стране ответственность за ее устранение несут все члены социалистического содружества и в первую очередь Советский Союз. Поскольку угроза «выпадения» ЧССР из социалистического лагеря и Варшавского договора была реальной, в августе 1968 г. войска Советского Союза и других стран ОВД (кроме Румынии) были введены в Чехословакию, что вызвало громкий и неблагоприятный для СССР международный резонанс.

Тем не менее к началу 70-х гг. отношения с западными странами стали опять улучшаться. Началась *разрядка международной напряженности.* Ее вызвал целый комплекс причин. США завязли в дорогостоящей и безуспешной войне во Вьетнаме, вызывавшей широкое осуждение. В то же время СССР к **началу 70-х гг.** добился военно-стратегического паритета с Америкой. К тому же мировая общественность все более осознавала катастрофические последствия мировой ядерной войны для всего человечества. Все это побудило часть правящих кругов США и в еще большей мере западноевропейскую элиту отказаться на время от жесткой военно-политической конфронтации с СССР. Они сделали ставку на развитие широких, разносторонних отношений с социалистическими странами, надеясь, что это не только повысит международную безопасность, но постепенно вызовет эрозию социальной и идеологической системы своих оппонентов.

Одним из принципиальных факторов мировой политики стало дальнейшее обострение советско-китай-

ских отношений. В 1969 г. дело дошло до вооруженных конфликтов на границе. Китайцы захватили советский остров Даманский и лишь в ходе ожесточенных боев были выбиты оттуда. Для СССР Китай превратился во второго после США стратегического противника. Колоссальные ресурсы были потрачены на создание укреплений вдоль советско-китайской границы, передислокацию туда войск и вооружений. В то же время американскому руководству удалось нормализовать отношения с Китаем и использовать это для давления на СССР.

«Китайский фактор» и все большая заинтересованность советской экономики в торговле с Западом подталкивали советских лидеров к улучшению отношений с США и европейскими странами. При этом СССР пытался как экономически, через поставки нефти и газа, так и политически «привязать» к себе европейские страны и «отколоть» Европу от США. Реализовать этот план не удалось. Важным партнером СССР среди западных стран стала Франция, фрондирующая против американской гегемонии и вышедшая из военной организации НАТО.

В первой половине 70-х гг. были окончательно урегулированы проблемы послевоенного устройства Европы. В 1970 г. был подписан договор с ФРГ, в котором содержалось признание послевоенных границ. В 1971 г. заключено четырехстороннее соглашение (СССР, США, Франции и Англии) по Западному Берлину. В 1972 г. были нормализованы отношения ФРГ и ГДР. 1 августа 1975 г. в Хельсинки был подписан Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, провозгласивший нерушимость границ на континенте, принцип территориальной целостности государств, мирного разрешения спорных проблем и уважения прав человека.

Благодаря стремительному улучшению отношений с США в 70-е гг. был заключен ряд соглашений об ограничении стратегических вооружений. В 1970 г. вступил в силу договор о нераспространении ядерного оружия. В мае 1972 г. впервые американский президент Р. Никсон посетил Москву. Здесь были подписаны такие документы, как «Основы взаимоотношений между СССР и США», принципиально важ-

ный Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО), а также временное соглашение о мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Этот пакет важнейших советско-американских документов в 1973 г. был дополнен соглашением о предотвращении ядерной войны, в 1974 г. — договором об ограничении подземных ядерных испытаний, а в 1975 г. — конвенцией о запрещении разработки и накопления бактериологического, токсинного оружия и об их уничтожении. В 1976 г. был заключен договор, регламентирующий проведение подземных ядерных испытаний в мирных целях.

Стремительно росли торговый оборот СССР и США, культурные и научные связи. В 1975 г. был проведен полет космических кораблей «Аполлон» и «Союз» и произведена их стыковка на орбите.

Однако период разрядки оказался непродолжительным. Обе стороны отнюдь не отказались от своих целей обеспечения стратегического превосходства. С 1977 г. в европейской части СССР началось развертывание новых ракет средней дальности РСД-10, позволявших поражать почти всю Западную Европу. В ответ в 1979 г. НАТО решило разместить в Западной Европе 672 аналогичные ракеты «Першинг» и крылатые ракеты.

Советский Союз быстро наращивал свое влияние в «третьем мире». В 1975 г. Северный Вьетнам окончательно разгромил американцев и их марионеточное правительство и присоединил Южный Вьетнам. На путь строительства социализма перешли Лаос и Камбоджа. Советское влияние в Юго-Восточной Азии резко выросло. Схожая тенденция проявилась и в Африке (где нашими союзниками стали Ангола, Мозамбик, Эфиопия, Ливия и др.), а отчасти даже в Латинской Америке (где в 1979 г. произошла революция в Никарагуа). Экономическая и военно-техническая помощь этим странам поглощала огромные ресурсы, перенапрягая советскую экономику и серьезно осложняя отношения с США.

Окончательно разрядку похоронил ввод советских войск в Афганистан 27 декабря 1979 г. Он обернулся в итоге настоящей войной, в которой нам противосто-

яли не только значительная часть афганцев, но и США, западные державы и многие страны Востока. Несмотря на то что ежегодная численность советского «ограниченного воинского контингента» превысила 80—100 тыс. человек, решающей победы достичь не удалось. За время войны (1979—1989 гг.) погибло более 15 тыс. советских военнослужащих, было потеряно 450 вертолетов и самолетов, до 1500 единиц бронетехники и т. д. Эта война легла колоссальным бременем на больную экономику СССР и вызвала широкое осуждение в мире. Фактически была повторена «вьетнамская ошибка» США. Стратегические и международные позиции СССР резко ухудшились.

США решили использовать это и развернули жесткое противостояние с СССР. Подписанный в июне 1979 г. договор ОСВ-2 оказался нератифицированным американским сенатом. В 1980 г. США и целый ряд западных стран бойкотировали Олимпиаду в Москве. Были введены новые ограничения на торговлю с Советским Союзом. Пришедшая к власти в 1981 г. администрация президента США Р. Рейгана, провозгласив Советский Союз «империей зла», развернула новый виток гонки вооружений, надеясь не только добиться стратегического превосходства над СССР, но и разорить его стагнирующую экономику.

В 1983 г. началось размещение в Западной Европе американских ракет средней дальности, которые «простреливали» большую часть европейской зоны СССР, причем их полетное время — до 10—12 минут — было в 2,5—3 раза меньше, чем у баллистических ракет. Это резко ухудшило стратегическую обстановку. Неблагоприятные для СССР изменения постепенно происходили и в соотношении обычных вооружений в Европе. Рейган провозгласил масштабную «стратегическую оборонную инициативу», или, как ее называли, программу «звездных войн». Хотя в итоге она оказалась неработоспособной, США ярко продемонстрировали свое технологическое превосходство и втянули СССР в новый тур гонки вооружений. Напряженность международных отношений возросла до крайности. Мировая общественность била тревогу. В мае 1984 г. шесть неядерных государств (Аргентина, Греция, Индия, Мексика, Танзания и

Швеция) приняли Декларацию с призывом к прекращению ядерных испытаний и сокращению ядерных сил.

■ **«Новое политическое мышление» и завершение «холодной войны».** Неблагоприятные тенденции в гонке вооружений и балансе стратегических сил (поддерживать его удавалось СССР все с большим трудом) явились одной из важных причин начала горбачевской перестройки. Сам курс «на ускорение социально-экономического развития» включал приоритетное развитие машиностроения, а ведь подавляющая часть его прямо или косвенно работала на «оборонку». Таким образом, первоначальная концепция «перестройки» имела мощный, хотя и скрытый от широкой публики, «военный компонент» и преду-сматривала ускоренное развитие ВПК, передовых военных технологий.

Внешняя политика СССР поначалу тоже развивалась в целом в привычном для себя русле. Хотя с самого начала Горбачев выступал за нормализацию международной обстановки, он еще не был готов жертвовать ради этого советским влиянием или стратегическими интересами. СССР по-прежнему стремился как-то противопоставить США их союзникам, укрепить свои позиции в «третьем мире», не считаясь с огромными затратами. (В 1986—1989 гг. Советский Союз оказал безвозмездную помощь на 56 млрд инвалютных рублей.) Выдвинутая Горбачевым в 1986 г. программа поэтапного ядерного разоружения до 2000 г. носила большей частью пропагандистский характер. Шагами к укреплению международной безопасности стали односторонний мораторий СССР на проведение ядерных испытаний (август 1985 г. — февраль 1987 г.), встречи Горбачева с Рейганом в Женеве в ноябре 1985 г. и в Рейкьявике в октябре 1986 г. Они заметно улучшили советско-американские отношения, но никаких соглашений заключить не удалось.

Изменения во внешней политике СССР были вызваны, во-первых, резким падением цен на нефть и сложным экономическим положением страны, требовавшим ослабления непосильного бремени гонки во-

оружений, кредитов с Запада, а также развития торговли. Во-вторых, скрытой оппозицией Горбачеву со стороны части номенклатуры, а затем и обострением политической обстановки в стране, что побуждало его вольно или невольно искать поддержку на Западе себе и своему внутреннему курсу. Сказалась и смена министров иностранных дел. В июле 1985 г. консервативного профессионала А. А. Громыко сменил далекий от внешней политики, но наделенный большим темпераментом и амбициями Э. А. Шеварднадзе.

Огромное влияние на советскую внешнюю политику оказал «идеализм» Горбачева, его «комплекс реформатора». Постепенно он решил, что сможет радикально реформировать не только СССР, социализм, но и всю систему международных отношений. Последнее недвусмысленно вытекало из провозглашенной им концепции «нового политического мышления». Исходя из тезиса о многообразном, но взаимозависимом и целостном мире, Горбачев заявил о невозможности победы в ядерной войне и решения международных проблем силовыми методами. Вместо баланса сил универсальным способом решения международных вопросов он объявил баланс интересов, находимый на основе приоритета общечеловеческих ценностей над классовыми. Хотя схожие мысли высказывались многими мыслителями, от И. Канта до М. Ганди и А. Эйнштейна, Горбачев попытался положить их в основу внешнеполитической доктрины СССР.

В декабре 1987 г. в Вашингтоне во время очередной встречи на высшем уровне между СССР и США был подписан договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Таким образом, начался процесс не просто ограничения, но уничтожения целых видов ядерного оружия. В апреле 1988 г. были заключены соглашения по политическому урегулированию положения в Афганистане и уже в феврале 1989 г. советские войска были полностью выведены из этой страны. В мае 1989 г. Горбачев совершил первый визит в Пекин. Отношения с Китаем, еще недавно «врагом № 2», были нормализованы. В ноябре 1990 г. был подписан договор об обычных вооружениях в Европе, предусматривавший значительные сокращения воору-

женных сил НАТО и ОВД до согласованного, паритетного уровня. Наконец, в июле 1991 г. в Москве после долгих переговоров был заключен договор о сокращении примерно на треть стратегических наступательных вооружений СССР и США.

Благодаря резкому изменению климата международных отношений и доброй воле советского руководства, отказывавшегося от глобального противостояния с США, были приглушены или разрешены многие региональные конфликты (в Мозамбике, Намибии, Анголе, Эфиопии, Никарагуа и др.). В 1990 г. СССР поддержал США и ряд других стран в операции «Буря в пустыне», направленной против вторжения Ирака в Кувейт.

Своими смелыми инициативами горбачевское руководство взламывало лед «холодной войны», освобождало человечество от страха ядерного самоуничтожения и пробуждало широкие надежды на создание новой, мирной и гармоничной системы международных отношений. Неудивительно, что внешнеполитический курс Горбачева был с восторгом встречен мировой общественностью. Сам Горбачев обрел на Западе совершенно беспрецедентную для советских лидеров популярность. В ряде европейских стран началась настоящая «горбимания».

Почти во всех случаях СССР шел на значительные внешнеполитические уступки Западу, но примерно до 1989—1990 гг. ему в той или иной мере удавалось при этом решать важные проблемы своей безопасности. Но постепенно Горбачев становился заложником собственной доктрины и своей популярности на Западе. Ему все труднее становилось отстаивать интересы СССР. Тем более что дестабилизация внутреннего положения в стране ограничивала свободу маневра на международной арене и заставляла его идти на все большие, часто односторонние уступки Западу в надежде добиться экономической помощи и политической поддержки.

С 1989 г. под влиянием горбачевской перестройки стала стремительно рушиться система социализма в Восточной Европе. Вскоре Организация Варшавского договора и СЭВ прекратили свое существование. Геополитическая обстановка в Европе принципиально

изменилась не в пользу Советского Союза. Горбачев не ожидал и не хотел этого (появление мировой системы социализма считалось крупнейшим, вторым после Октябрьской революции событием XX в.). Но он не мог пойти на жесткие, силовые меры. Более того, в июле 1990 г. Горбачев неожиданно легко дал согласие на объединение Германии, причем даже не позаботился как следует «поторговаться», получить за это весомые экономические и политические «дивиденды». В результате наши войска выводились из Германии зачастую в необустроенные места дислокации, а спустя несколько лет НАТО стал расширяться на Восток, принимая в свои ряды бывших членов Варшавского договора.

Таким образом, Горбачев действительно сумел преодолеть военно-политическую конфронтацию, избавить мир от угрозы мировой ядерной войны. Однако заплатил за это резким, качественным ослаблением международных позиций своей страны, а в итоге и распадом СССР. Иными словами, он сумел завершить более чем 40-летнюю «холодную войну» «почетным», во многом добровольным поражением в ней Советского Союза. Биполярный мир рухнул, но главным образом за счет исчезновения одного из его полюсов.

Глава 22
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА И ЦЕРКОВЬ

■ **Культурная революция.** В 1917 г. в России большинство населения было неграмотным и в той или иной мере все еще религиозным. В обществе существовал не только социальный, но и глубокий культурный раскол. Подавляющей части народных масс была чужда европеизированная культура верхних, образованных слоев общества, равно как и их носители — интеллигенция, дворянство и буржуазия. Сама же интеллигенция переживала невиданный разброд и смятение. Эти обстоятельства способствовали быстрому росту революционной стихии после Февральской ре-

волюции и облегчили приход к власти большевиков, выступавших от имени «низов».

Сразу же после Октябрьской революции большевики начали целенаправленную политику с тем, чтобы, как отмечал Ленин, превратить культуру «из орудия капитализма в орудие социализма». Их целью было создание новой, социалистической культуры и воспитание «нового» человека. Для этого большевики стремились прежде всего взять под контроль, национализировать учреждения культуры, культурные ценности и обеспечить руководство всей духовной сферой общества.

В составе Совнаркома был создан Наркомат просвещения, а 9 (22) ноября 1917 г. была учреждена Государственная комиссия по просвещению во главе с А. В. Луначарским. Развернулась работа по ликвидации прежних, дореволюционных органов просвещения и культуры. С декрета о печати, принятого 27 октября 1917 г., т. е. уже на следующий день после Октябрьского переворота в Петрограде, началось закрытие оппозиционных газет, а затем — массовая национализация частных типографий. В 1919 г. государственные, партийные и прочие «не частные» типографии выпускали уже свыше 70% всей печатной продукции, а в 1920 г. — более 9/10. К концу 1918 г. большевики в основном завершили реквизицию и национализацию крупных библиотек, книжных складов, а также музеев, художественных собраний, крупнейших театров (Большого, Мариинского и др.).

На пути внедрения в общество марксистской идеологии большевики встречали немало препятствий. Главные из них заключались не столько во влиянии на массы иных идеологий — в целом оно было невелико, — сколько в неграмотности большей части населения (неграмотный, считали большевики, стоит «вне политики»), а также в сохранении у народных масс религиозного сознания, пусть даже и в заметно ослабленном виде. Поэтому большевики пытались развернуть массовое обучение грамоте.

В декабре 1919 г. был принят декрет о ликвидации безграмотности. Однако из-за скудости ресурсов существенно продвинуться в этом направлении не

удалось. Тем не менее большевики сразу же развернули невиданную по своим масштабам политико-просветительскую работу. Поначалу она велась массой разнообразных органов, а в 1920 г. ее стал координировать созданный при ЦК РКП(б) отдел агитации и пропаганды (Агитпроп).

Вскоре после Октябрьской революции было организовано государственное издательство, нацеленное на выпуск различных изданий для народа. Была введена новая, несколько упрощенная орфография «в целях облегчения широкими массами усвоения русской грамоты и освобождения школы от непроизводительного труда при изучении правописания». С весны 1918 г. ленинское правительство стало осуществлять программу «монументальной пропаганды» — массовое строительство памятников Марксу, Энгельсу и другим видным революционерам. В октябре 1918 г. в Москве открылась социалистическая Академия общественных наук, целью которой было изучение и пропаганда марксистской теории. В 1919 г. был создан первый «партийный» вуз — Коммунистический университет имени Свердлова. В 1920 г. открылся Институт К. Маркса и Ф. Энгельса.

Важное значение большевики придавали соответствующему воспитанию нового поколения. В 1918 г. все учебные заведения были переданы в ведение Наркомпроса и реформированы. Школа была «демократизирована»: упразднены гимназии, реальные, коммерческие училища, введены бесплатное обучение и «единая трудовая школа». Она имела две ступени — 5 лет и 4 года и предусматривала совместное обучение девочек и мальчиков. Обучение должно было носить общеобразовательный и «политехнический» характер, а в основе всей школьной жизни лежать «производительный труд». В августе 1918 г. были изменены условия приема в вузы, облегчившие поступление «трудящихся» и затруднившие его для выходцев из «непролетарских» слоев. С 1919 г. при вузах для подготовки «трудящейся молодежи» к поступлению стали открываться рабочие факультеты (рабфаки). Ликвидация старой системы образования и создание новой завершились в основном к началу 1920-х гг. В 1920 г. школу первой

ступени посещало не более 65% детей, а второй ступени — 7—8%.

Подавляющая часть интеллигенции, творческих работников встретила Октябрьскую революцию враждебно и выражала тревогу за судьбу культуры. В стране развернулась забастовка учителей и ряда других работников образования. В декабре 1917 г. общее собрание Российской академии наук приняло резолюцию, в которой отмечалось: «Темные и невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели». Большевики, с одной стороны, развернули борьбу со всеми враждебными к своей политике проявлениями, а с другой стороны, пытались привлечь на свою сторону представителей интеллигенции. Репрессии, острейшая обстановка и голод, поставивший миллионы людей на грань выживания, помогли им сломить пассивное, как правило, сопротивление и поставить значительную часть культурных сил себе на службу. Из крупных научных деятелей это были академик И. П. Павлов, В. И. Вернадский, И. М. Губкин и др.

В том, что касается художественной интеллигенции, здесь, помимо названных выше факторов, большевикам помог идеализм, революционный энтузиазм части творческих работников, завороженных высокой целью (строительством социализма, призванным осчастливить человечество), самой обстановкой смелого экспериментаторства и жертвенности. Если часть деятелей (И. Бунин, З. Гиппиус, А. Куприн, С. Рахманинов и др.) категорически не приняли большевистскую власть, то В. Маяковский, А. Блок, В. Мейерхольд, К. Малевич и ряд других в той или иной мере поддержали революцию, хотя для многих из них это в дальнейшем обернулось тяжелой внутренней драмой. Большинство же просто продолжали работать, будучи не в состоянии или не желая уезжать из России и пользуясь тем, что большевистские власти в условиях Гражданской войны не могли еще наладить жесткий контроль над культурой и наукой.

В результате в 1917—1920 гг., несмотря на голодную, полную опасностей жизнь, активно развивался

театр. Помимо новаторского театра Мейерхольда, известность получил созданный в 1918 г. в Петрограде при участии М. Горького, М. Андреевой и А. Луначарского Большой драматический театр, руководителем которого стал Блок. Появились и национальные театры: татарский, башкирский, чувашский и др.

Среди творческих и культурно-просветительных объединений той эпохи выделялся *Пролеткульт*. Он оформился в октябре 1917 г. и вскоре объединил целую сеть литературно-художественных и просветительских организаций. Теоретиками Пролеткульта были А. Богданов, Ф. Калинин, П. Лебедев-Полянский, В. Плетнев. Они стремились создать особую пролетарскую культуру, кардинально порывавшую с прежними традициями, и сыграли огромную роль в революционном просвещении и воспитании масс, обнаруживших тягу к культуре. Однако в итоге большевистское руководство все же не поддержало ультрарадикализм Пролеткульта и его претензии на монополизацию нового искусства.

Завершение Гражданской войны и переход к нэпу в целом оказали благотворное влияние на развитие культуры. Постепенная нормализация жизни в стране и известное «отступление», характеризовавшее социально-экономическую политику большевиков, коснулось и духовной сферы. Все это в сочетании с влиянием предшествующих традиций Серебряного века и бурными, но теперь затихавшими изменениями революционной эпохи привели к расцвету множества художественных направлений и школ. Даже гибель или вынужденная эмиграция части творческой интеллигенции не смогли остановить его.

Относительная нормализация обстановки в стране позволила власти усилить контроль за интеллигенцией (до чего раньше не доходили руки). С июня 1922 г. по решению Политбюро проведение различных съездов, совещаний, создание творческих союзов разрешалось только с санкции ГПУ. Чекисты получили право проверять благонадежность всех печатных изданий, усилить фильтрацию при приеме в вузы и создать специальную комиссию по высылке неугодной большевикам интеллигенции. В 1922 г. за границу были отправлены 160 крупных деятелей науки и культуры

(философы Н. Бердяев, С. Франк, социолог П. Сорокин, экономист В. Бруцкус и др.). В 1922 г. был создан Главлит – цензурный комитет, в 1923 г. – Главрепертком, надзиравший за репертуаром театров. Однако жесткого, тотального контроля над беспартийной, неполитизированной интеллигенцией в первой половине 20-х гг. еще не было. В большинстве сфер сохранялась значительная творческая свобода, работали и частные издательства.

В 20-е гг. еще существовало множество творческих союзов и организаций, сталкивались идеи, шли активные поиски новых литературных форм, сюжетов, направлений. Продолжал работать, хотя и постепенно раскалываясь, Пролеткульт. В 1924 г. возникла Российская ассоциация пролетарских писателей, ставшая самым массовым литературным объединением. Выступая с рафинированно-классовых позиций, его представители считали «непролетарскими» писателями, «попутчиками» даже Маяковского и Горького, не говоря уже о С. Есенине и А. Толстом. Группа «Перевал», возникшая в 1923 г. (в нее входили М. Пришвин, В. Катаев, А. Веселый, А. Малышкин и А. Воронский), напротив, выступала за преемственность с традициями дореволюционной культуры. Кроме того, существовали группы «Серапионовы братья» (К. Федин, Вс. Иванов, М. Зощенко, В. Каверин), ставившая задачей совершенствование «техники писательского ремесла», «Литературный центр конструктивизма» (И. Сельвинский, В. Инбер и др.), «Левый фронт искусств» (В. Маяковский, Н. Асеев, С. Кирсанов), «Кузница» (С. Обрадович, Ф. Гладков и др.) и т. д. Обратной стороной литературного процесса служила травля «не своих», неугодных, взаимные наветы. Первенствующая роль в этом принадлежала еще самим литераторам. В первой половине 20-х гг. власти пока не так часто диктовали свою волю и не всегда вмешивались в эти споры.

В начале 20-х гг. господствующим жанром в *литературе* была поэзия. Но уже тогда появляются некоторые романы (например, «Хождение по мукам» А. Толстого), а в середине 20-х гг. этот жанр занимает господствующие позиции. Выходят «Желез-

ный поток» А. Серафимовича, «Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, «Белая гвардия» М. Булгакова, «Город Градов» А. Платонова и др. М. Шолохов написал «Донские рассказы», а в 1928 г. — первую книгу романа «Тихий Дон».

Множество различных объединений действовало и у *художников*. Среди них «Ассоциация художников революции» (И. Бродский, С. Малютин, К. Юон и др.), «Общество художников-станковистов» (А. Дейнека, Д. Штеренберг), «Общество московских живописцев» (Р. Фальк, И. Машков, И. Грабарь). Мировое признание получили впоследствии работы П. Филонова и К. Малевича (основателя супрематизма). Плодотворно работали В. Фаворский, К. Петров-Водкин, М. Сарьян, В. Мухина, А. Щусев. Однако выдающийся русский живописец В. Васнецов не получил заслуженного признания и умер в нищете.

В *архитектуре* также наблюдалось небывалое новаторство, поиск смелых, необычных решений. Это было время появления и расцвета советского конструктивизма. Наиболее яркими представителями этого течения были братья Веснины, М. Я. Гинзбург, И. И. Леонидов и др. Профессиональной организацией конструктивистов стало «Общество современных архитекторов». «Ассоциация новых архитекторов» объединяла так называемых рационалистов (Н. Ладовский, К. Мельников и др.).

В театре продолжали творить выдающиеся режиссеры: К. Станиславский, В. Немирович-Данченко, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов и др. Начинал становиться на ноги и уже громко заявлял о себе советский кинематограф. Сняв в 1925 г. «Броненосец Потемкин», мировую известность обретал С. Эйзенштейн, плодотворно работали В. Пудовкин, братья Васильевы и др.

Вместе с тем от задач культурной революции, создания социалистической культуры, «собственной» интеллигенции и воспитания соответствующего новому обществу человека власти отнюдь не отказались. Большей частью эти задачи были лишь отодвинуты в будущее. Некоторые из них большевики стали решать сразу же.

Власти пытались развивать *народное образование*, но дефицит средств сдерживал эти усилия. Ассигно-

вания на школу в начале 20-х гг. свертываются, временно вводится даже плата за обучение. Тем не менее постепенно сеть учебных заведений растет. Наряду со школами первой и второй ступени создаются 7-летняя школа, школы крестьянской молодежи и фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), организованные на базе начальной школы. ФЗУ стали формой массовой подготовки рабочих кадров. Все большие масштабы приобретает борьба с неграмотностью. Созданное в 1923 г. Всероссийское общество «Долой неграмотность» во главе с председателем ВЦИК М. И. Калининым организует по всей стране ликбезы, в которых в середине 20-х гг. овладевало грамотой (а заодно и азами «революционной грамоты») до 1,5 млн человек.

В вузах власти активизировали усилия по привлечению рабочих и еще более затруднили обучение для выходцев из непролетарских слоев. Начались чистки профессорско-преподавательского состава. Были изменены вузовские программы. В качестве обязательных предметов вводились исторический материализм, история пролетарской революции и др. Подобная политика кое-где вызывала даже забастовки студентов и преподавателей. В ответ большевики направляли для преподавания в университеты видных партийных деятелей. Для подготовки марксистских кадров в 1921 г. был создан Институт красной профессуры. Во второй половине 1920-х гг. давление власти на искусство и культуру возрастает. Уже в 1925 г. была принята резолюция ЦК «О политике партии в области художественной деятельности», усилившая идеологический контроль. Развертывается массированная антирелигиозная пропаганда, политика «воинствующего атеизма», нередко принимавшая грубые, издевательские по отношению к религии формы.

С конца 20-х гг., со свертыванием нэпа, началось наступление и на культурном фронте. В массовом порядке распродаются ценности русских музеев. Проходят громкие политические процессы (по «Шахтинскому делу», «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии» и др.), в которых представители старой интеллигенции оказываются обвиненными во «вреди-

тельстве», «саботаже» и прочих немыслимых преступлениях. В 1932 г. издается постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», положившее конец литературной «вольнице». Создаются жестко контролируемые властями и единые союзы писателей, композиторов, архитекторов и пр. Только вступив в эти союзы и подчиняясь их требованиям, писатели и художники получали право на профессиональную деятельность, издание произведений или выставки. Таким образом, государство полностью монополизирует все средства массовой информации и все «культурное пространство» страны. Строжайше пресекаются любые отклонения от партийной линии. В искусстве всемерно насаждается культ Сталина. Начинается травля представителей творческой интеллигенции. Среди репрессированных оказались такие выдающие деятели культуры, как И. Бабель, О. Мандельштам, Н. Клюев, Б. Ясенский, М. Кольцов, Б. Пильняк, В. Мейерхольд, Н. Заболоцкий и многие другие.

В 1932 г. ЦК ВКП(б) в постановлении «О советской кинематографии» потребовал реорганизовать кинопромышленность и обеспечить в этой области искусства торжество соцреализма, «отобразить героическую борьбу за социализм и героев этой социалистической борьбы...». С 1940 г. сценарии фильмов на наиболее важные темы стали утверждаться управлением пропаганды и агитации ЦК партии. В 1936—1937 гг. закрываются Второй Художественный театр, театры Дикого, Охлопкова, Завадского, Мейерхольда. Репертуар оставшихся был предельно сужен и подчинен жесткому партийному контролю.

В 1930 г. была поставлена задача введения всеобщего первоначального (четырехлетнего) обучения и ликвидации неграмотности. Решить ее удалось, и то не в полном объеме, к концу 1930-х гг. Доля грамотного населения к 1939 г. превысила 81%, увеличившись на 30% по сравнению с 1926 г. Но при этом число людей, имевших полное среднее образование, составляло лишь 7,8%, а высшее — всего 0,6%. С 1934 г. изменилась структура школы. Она была разделена на начальную (4 года), неполную среднюю (7 лет) и среднюю (10 лет). С этого же года было введено пре-

подавание в школах всемирной и российской истории, по всем предметам были введены стабильные учебники.

Потребности индустриализации в специалистах способствовали быстрому росту числа вузов и техникумов. В 1940 г. их стало более 4600. Согласно официальным советским данным, по численности учащихся и студентов СССР вышел на первое место в мире. Количество специалистов с высшим и средним образованием возросло более чем в 5 раз. Если в 1926 г. преимущественно умственным трудом занимались 3 млн человек, то в 1939 г. — уже 14 млн. Они стали главным источником пополнения номенклатуры. Однако качество выпускавшихся вузами специалистов оставляло желать лучшего.

Благодаря увеличению финансирования, массовому созданию научно-исследовательских институтов, а главное, тому, что в стране сохранились многие научные школы и кадры, заметные результаты были достигнуты в науке. Крупнейшие открытия были связаны с именами физиков Д. Иваненко, А. Иоффе, Н. Семенова, химика С. Лебедева, генетика Н. Вавилова, селекционера И. Мичурина, конструктора Ф. Цандера, самобытного мыслителя и исследователя К. Циолковского. Однако репрессии нанесли колоссальный удар по советской науке и технике. Были репрессированы тысячи ученых и конструкторов. В их числе Н. Вавилов, микробиолог П. Здродовский, физики Л. Ландау и М. Бронштейн, конструкторы С. Королев, А. Туполев и др., разгромлены целые научные школы и даже направления в науке, как, например, генетика, прервана разработка реактивных двигателей, ракетной техники, радиолокации и др.

С самого начала Великой Отечественной войны все научные силы страны были мобилизованы для разработки новых вооружений и исследований, направленных на помощь армии и экономике страны. В сложнейших условиях ученые и конструкторы добивались выдающихся результатов. В лаборатории А. Александрова была разработана методика размагничивания судов. Это позволило существенно снизить потери наших кораблей от магнитных мин. В лаборатории Ю. Кобзарева была создана радиолокаци-

онная установка, которая существенно облегчила оборону ряда городов от фашистской авиации. Под руководством И. Бардина были разработаны сорта высококачественной стали для советских танков, которые в результате по качеству брони превосходили немецкие. И это были не единичные примеры. Активно помогала фронту художественная интеллигенция. Более тысячи писателей и поэтов ушли на фронт в качестве журналистов, а порой и бойцов. Среди них — М. Шолохов, А. Гайдар, А. Фадеев, К. Симонов и многие другие. Они не только писали репортажи и статьи о ходе военных действий, но и создали ряд выдающихся произведений, вдохновлявших народ на борьбу с захватчиками и поддерживавших его силы. Стихотворение К. Симонова «Жди меня» бойцы переписывали от руки и хранили в карманах гимнастерок. Широкую популярность обрела поэма А. Твардовского «Василий Теркин». Своими карикатурами поднимали дух народа художники Кукрыниксы. Настоящим гимном борьбы с фашистами стала песня В. Лебедева-Кумача и А. Александрова «Священная война». Всенародное признание заслужили лирические песни М. Исаковского «В лесу прифронтовом», А. Суркова «В землянке», Л. Ошанина «Дороги» и многие другие. Деятели культуры и артисты специальными бригадами выезжали на фронт. Солдатам пели выдающиеся певцы К. Шульженко, Л. Утесов и др. Трудно даже оценить, как много значили эти песни и произведения для бойцов и тружеников тыла, как поднимали они дух и мобилизовывали все силы людей для отпора врагу.

■ **«Заморозки» и «оттепели» культуры в 1945—1991 гг.** Вскоре после завершения Великой Отечественной войны политика в сфере культуры и образования начинает ужесточаться. Сталин опасался, что поуменьшившийся в годы войны страх перед властями, выросшая самостоятельность и возникшие у народа надежды на перемены приведут к нежелательным для него последствиям. Уже в 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», открывшее кампанию против малейшего «вольномыслия» среди интеллигенции. Затем после-

довали постановления ЦК о репертуаре драматических театров, о кинофильме «Большая жизнь» и опере В. Мурадели «Великая дружба». Разгромной критике и гонениям подвергались писатели А. Ахматова и М. Зощенко, режиссеры С. Эйзенштейн и В. Пудовкин, композиторы С. Прокофьев, Д. Шостакович, А. Хачатурян и др. Аналогичные процессы шли и в сфере науки.

В 1948 г. развернулась массовая кампания по борьбе с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом», которая вскоре приобрела антисемитский характер. Срочно восстанавливается образ внутреннего врага. Обстановка в стране начинает все более походить на преддверие 1937—1938 гг. Для закрепления в массах официальной идеологии и противостояния «разлагающему» влиянию чуждых идей в послевоенные годы складывается система партийно-политического просвещения, просуществовавшая вплоть до конца 80-х гг.

В послевоенный период продолжается восстановление и развитие инфраструктуры образования, науки и культуры. Число научных учреждений в 1946—1950 гг. увеличивается с 2,1 до 2,8 тыс. Открываются 112 новых вузов. Школа начинает переходить на обязательное семилетнее обучение. Но за исключением некоторых направлений, связанных с ВПК (атомное оружие, реактивная авиация и т. д.), мертвящая общественная атмосфера не позволила в должной мере реализовать возросший научный и образовательный потенциал общества.

Смерть Сталина и приход к власти «коллективного руководства» быстро изменили обстановку в стране. Духовная сфера отреагировала на эти перемены одной из первых, и пожалуй, наиболее ярко. Некоторое смягчение цензуры привело к расцвету публицистики. Начало ему положили смелые статьи В. Померанцева, В. Овечкина, И. Эренбурга (его произведение — «Оттепель» и дало затем распространенное название послесталинской эпохи). Несмотря на периодические «окрики», попытки властей приглушить накал критики, остроту поднимавшихся проблем, в целом общественная мысль быстро раскрепощалась. Мощный импульс этому дали решения XX и XXII съездов КПСС,

разоблачивших культ личности Сталина. Были реабилитированы многие (но не все) репрессированные при Сталине писатели и деятели культуры. Их произведения стали вновь доступны обществу. В 1958 г. ЦК издал постановление «об исправлении ошибок» в оценке некоторых опер, тем самым оправдав ряд выдающих композиторов (Шостаковича, Прокофьева и др.).

В результате «оттепели» начинается новый расцвет советской литературы и искусства. Открываются десятки новых литературных журналов и альманахов. Появляются новаторские для того времени произведения писателей («Не хлебом единым» В. Дудинцева, «Искатели» Д. Гранина), кинофильмы («Застава Ильича» М. Хуциева) и др. С санкции Хрущева публикуется «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, в котором впервые описываются ужасы сталинского ГУЛАГа.

Вместе с тем власти отнюдь не отказались от «опеки» творческой интеллигенции. Периодически они пытались ввести критику «в берега» и проводили разносы тех деятелей культуры, кто, по их мнению, переходил рамки дозволенного, не следовал «принципу социалистического реализма». Этим занимался и сам Хрущев во время его регулярных встреч с представителями творческой интеллигенции или посещений выставок. Настоящей травле был подвергнут Б. Пастернак за публикацию на Западе своего романа «Доктор Живаго», получившего Нобелевскую премию. Жесткой критике подвергались скульптор Э. Неизвестный, режиссер М. Хуциев и некоторые другие. Все это способствовало возникновению самиздата, формированию «художественного», а затем и политического инакомыслия.

Значительные успехи были достигнуты в научной сфере. Была реорганизована Академия наук, создано ее Сибирское отделение. В Дубне в 1956 г. был создан Объединенный институт ядерных исследований. Общее количество научно-исследовательских учреждений за 50-е гг. выросло с 2,8 до 3,2 тыс. Число научных работников увеличилось более чем вдвое: со 160 до 350 тыс. СССР сумел обеспечить себе приоритет в некоторых важных направлениях развития научно-

технического прогресса, прежде всего в освоении космоса, ракетостроении, атомной энергетике и т. д. Был создан самый мощный в мире синхрофазотрон — ускоритель элементарных частиц, первый в мире мазер.

С 1956 г. отменялась плата за обучение, взимавшаяся до этого в старших классах средних школ и в вузах. В стране полностью была ликвидирована неграмотность. С 1958 г. вводится всеобщее восьмилетнее образование, и к середине 60-х гг. оно было полностью реализовано. В крупных городах начался переход на 10-летнее обучение в школах. Бурно развивалось высшее образование. Только за 50-е гг. количество специалистов высшей квалификации выросло более чем вдвое. По числу инженеров СССР почти в 2 раза обогнал США. Разрыв в образовании сельских и городских жителей с 1939 по 1959 г. сократился с 4 до 2 раз. Вместе с тем стремительный рост образовательной сферы сопровождался погоней за «показателями» и в конце концов привел к падению качества обучения.

Политические изменения, произошедшие в СССР в 1964 г., отразились и на развитии культуры. Постепенно и особенно с 70-х гг. стали ужесточаться цензура, идеологический контроль и нарастать «застойные явления». Количественные показатели росли. Доля расходов на науку в национальном доходе с 1970 по 1985 г. увеличилась с 4 до 5%, а численность научных работников — с 0,9 млн до 1,5 млн человек. Советские ученые продолжали совершать крупные, нередко мирового уровня, открытия. Однако, хотя кадровый (численный) потенциал советской науки к середине 80-х гг. был лишь чуть ниже уровня США, число областей, в которых мы опережали американского конкурента или хотя бы шли вровень с ним, быстро сокращалось. Особенно заметным было отставание в прикладных областях. США в отличие от нас смогли осуществить полет космонавтов на Луну, первыми создали космический корабль многоразового назначения («Шаттл»), а в развитии электроники, производстве компьютеров вообще опередили СССР на поколение. В результате даже традиционная политика приоритетного развития военных отраслей (где концентрировались лучшие материальные и кадровые ре-

сурсы) начала давать сбои, поскольку эти отрасли все больше зависели от общего технологического уровня народного хозяйства, от эффективности экономического механизма.

Доля лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием выросла с 65,3% в 1970 г. до 80,5% в 1979 г., а к концу 80-х гг. превысила 90%. Но образование все больше отставало от требований времени, научно-технического прогресса, его уровень, по существу, снижался. Различные административно-организационные меры давали малый эффект, решить эти проблемы можно было лишь изменив общественные отношения, сформировав в обществе спрос на знание. Между тем доля средств, шедших на просвещение (как и на здравоохранение), к 1985 г. в союзном бюджете упала ниже 1940 г.

В середине 60-х — середине 80-х гг. в несколько раз выросли расходы на культуру. Увеличились тиражи книг и периодических изданий. Число телевизоров с 1960 г. до середины 80-х гг. выросло с 5 млн до 80 млн., они вошли почти в каждый дом. Вместе с тем со второй половины 60-х гг. резко усилился идеологический диктат по отношению к средствам массовой информации и учреждениям культуры. В 1969 г. принимается постановление ЦК КПСС о повышении ответственности руководителей средств массовой информации и учреждений культуры за «идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара». Цензура вновь заметно ужесточается. Проводится курс на негласную реабилитацию Сталина. Многие книги и фильмы запрещаются к публикации и показу. Начались кампании травли работников культуры и гуманитарных наук. Некоторые выдающиеся деятели искусства (А. Солженицын, И. Бродский, А. Тарковский, Э. Неизвестный, М. Ростропович и др.) были высланы за границу или сами были вынуждены покинуть СССР.

Жесткая опека со стороны служителей идеологии, прежде всего Министерства культуры, вела к снижению уровня художественного творчества, распространению бездарной конъюнктуры. Тем не менее, несмотря на все препоны, часто без надежды на официальное признание продолжают творить писатели и поэты

(В. Астафьев, Ф. Абрамов, Д. Гранин, В. Ерофеев, А. Рыбаков и др.), режиссеры (Ю. Любимов, К. Муратова, А. Герман, Т. Абуладзе). Огромное признание в широких слоях общества обретают авторы-исполнители В. Высоцкий, Б. Окуджава, Ю. Визбор, А. Галич. Вся атмосфера брежневского времени побуждала людей сторониться политики, «уходить» от нее в частную жизнь, неформальные дружеские объединения по интересам, которые самим фактом своего существования противостояли разлагавшейся тоталитарной системе. Как в художественных произведениях, так и на бытовом уровне вызревает мысль: так жить нельзя.

Начатая в 1985 г. перестройка почти сразу привела к изменению политики в отношении культуры, смягчению цензуры и расширению «границ дозволенного». С 1987 г., после выдвижения Горбачевым курса на гласность, эти изменения приобрели резкий, качественный характер. Вновь, как в годы хрущевской «оттепели», начинается невиданный расцвет публицистики. На страницах периодических изданий стали обсуждаться острые, ранее закрытые проблемы жизни общества и его истории. Появляются публицистические программы на телевидении. Благодаря «гласности» журналистика и культура не только отражают, но и формируют общественное мнение, становятся одним из важных факторов дальнейшего наращивания, углубления преобразований.

Началась публикация ранее запрещенных или не издававшихся произведений отечественных писателей (А. Солженицына, А. Рыбакова, В. Гроссмана, Д. Гранина, Е. Замятина, А. Платонова и др.), русских философов (Н. Бердяева, В. Соловьева, В. Розанова) и зарубежных авторов (Д. Оруэлла, Р. Конквиста и др.). Выходит ряд кинофильмов («Покаяние», «Холодное лето пятьдесят третьего» и др.), которые будоражат общественное мнение, приобретают политическое звучание. Попытки коммунистических консерваторов остановить сокрушающий вал «гласности» (сигналом к нему послужила публикация в 1988 г. письма Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами») успехом не увенчались.

Постепенно нормализуются отношения с церковью. По мере эрозии коммунистической идеологии интерес к религии в обществе заметно возрастал.

Допущение в информационно закрытое советское общество, пусть не свободы слова, но гласности, определенного плюрализма мнений привело к радикальным изменениям в духовной сфере. Массовые настроения стремительно радикализируются. Документальные свидетельства и художественные произведения окончательно развенчивают Сталина. Более того, огонь общественной критики начинает перемещаться на Ленина. В массовом сознании стремительно «рушатся социалистические ценности». Дальнейшее развитие этих тенденций привело к краху социализма и смене социальной модели в стране.

С 1991 г., в условиях острейшего социально-экономического, а во многом и идейного кризиса, в России формируется новая, посткоммунистическая культура. Пока этот процесс еще далек от завершения, но уже очевидно, что эта культура формируется на основе синтеза некоторых традиций дореволюционной, в том числе религиозной, культуры, культуры советского периода, а также некоторых интернациональных, «общечеловеческих» ценностей. Важнейшими проблемами современной культуры являются формирование нового, общенационального (не коммунистического и не имперского) сознания и предотвращение развала научных школ, образовательной системы.

■ **Церковь в безбожном государстве.** Русская православная церковь, насчитывавшая до четверти миллиона духовенства и монахов, а также мусульманское и иное духовенство (в совокупности -- до 100 тыс. человек) в целом признали Февральскую революцию. В августе 1917 г. Русская православная церковь (РПЦ) созвала в Москве Поместный собор. 28 октября 1917 г. на нем было восстановлено *патриаршество*, а 5 ноября этого года патриархом был избран Тихон (Белавин).

Одной из важных целей политики большевиков стало отделение церкви от государства, школы, а в ко-

нечном счете ее полная ликвидация. Декрет о земле лишил ее прав собственности на землю. Затем все церковные школы были переданы в Комиссариат просвещения, был узаконен гражданский брак вместо церковного.

Декрет 20 января 1918 г. лишал церковь всего имущества, движимого и недвижимого, и закрывал все банковские счета религиозных ассоциаций. Теперь они могли получить необходимые для совершения богослужения здания на условиях «бесплатного пользования» с разрешения местной или центральной властей. У церкви были отобраны тысячи храмов и монастырей, как «особо ценные памятники» истории или архитектуры. Запрещалось «преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы»: обучать и обучаться религии граждане могли теперь только частным образом. Началась антицерковная пропаганда, вскрытие мощей святых.

19 января 1918 г. патриарх Тихон призвал «верующих и верных чад церкви» встать «на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне святой матери нашей... а если нужно будет, и пострадать за дело Христово». В апреле 1918 г. Собор установил повсеместные моления за «гонимых» и день 25 января для поминовения всех «новых исповедников и мучеников». Патриарх осудил Брестский мир как измену. Тем не менее РПЦ не рискнула благословить Белую армию (о Красной вообще не могло быть и речи), объяснив это невозможностью поощрения братоубийства и отказом церкви от политики. Более того, 8 октября 1919 г. Тихон заявил о лояльности церкви к советской власти, о том, что церковь не может благословлять никакое иностранное вмешательство, ибо «никто и ничто не спасет Россию от нестроения... пока сам народ не очистится в купели покаяния от многолетних язв своих... не возродится духовно». Он запретил духовенству встречать белых колокольным звоном и молебнами, показывать свое предпочтение той или иной из борющихся сторон. Красные, занятые Гражданской войной, удовлетворились этим и не форсировали дальнейшее наступление на церковь.

После окончания Гражданской войны новая власть решила покончить с организационно и идейно независимой церковью, воспользовавшись для этого страшным голодом 1921—1922 гг. Хотя церковь активно помогала голодающим и даже согласилась пожертвовать на эти цели часть церковных «неосвященных» предметов, в марте 1922 г. большевистское руководство решило изъять церковные ценности. На местах это нередко сопровождалось конфликтами. После столкновения с верующими в г. Шуе Ленин в секретном письме сформулировал главную цель этой кампании: «Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий... Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше».

В стране развернулся антицерковный террор, в ходе которого погибло, было ранено и арестовано примерно 20 тыс. человек. Сам патриарх Тихон в мае 1922 г. был заключен под домашний арест по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей.

Внутри РПЦ с помощью ОГПУ было создано лояльное большевикам «обновленческое течение». «Обновленцы» созвали в 1923 г. церковный собор, который принял резолюции в поддержку советского строя, осудил контрреволюционное духовенство, лишил патриарха сана и принял ряд реформ канонического устройства церкви. В частности, монастыри допускались лишь как «трудовые коммуны» в отдаленных местах. Правительство передало «обновленцам» две трети всех действовавших церквей. Хотя в итоге обновленцам не удалось восторжествовать (а к концу 20-х гг. это течение почти исчезло), большевики сумели расколоть православную церковь, поставить ее под свой контроль и в целом добиться политической лояльности духовенства.

Чтобы спасти церковь, патриарх Тихон выступил с покаянным письмом. О признании «народной рабоче-крестьянской власти» патриарх заявил и в предсмерт-

ном послании 1925 г. Но его преемник, «местоблюститель патриаршего престола» митрополит Петр Крутицкий (Полянский) был в 1925 г. арестован и сослан в Сибирь. Некоторое время в церкви происходила борьба между разными течениями. В итоге большинство духовенства и мирян поддержали митрополита Сергия (Страгородского). Совместно с Синодом Сергий составил специальное обращение к духовенству, так называемую «Декларацию митрополита Сергия», в которой призывал священнослужителей «пересмотреть свое отношение к советской действительности»: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к Советской власти могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Пора понять верующим... что судьбы народов от Господа устрояются, и принять все происшедшее как выражение Воли Божьей... в гражданском отношении мы должны быть искренними по отношению к Советской власти и работе СССР на общее благо... осуждая всякое сообщество с врагами Советской власти и явную или тайную агитацию против нее». Новое руководство церкви во главе с Сергием потребовало от священнослужителей, не принявших новый порядок, незамедлительно отойти от церковных дел. Всем эмигрировавшим иерархам и клирикам было предложено дать письменные обязательства лояльности к советскому правительству. В 1934 г. архиереи и клирики так называемой «русской православной церкви за границей» («Карловацкий раскол») были преданы церковному суду, который запретил им совершать богослужение. Часть священников и прихожан отказались признать «декларацию» и ушли в подполье. Такие подпольные или «катакомбные» общины стали именоваться «Истинно православная церковь» или «Истинно православные христиане».

Развертывание массовой коллективизации сопровождалось закрытием примерно 4/5 всех сельских храмов и репрессиями священнослужителей. В городах тоже закрывались или даже сносились церкви, ликвидировались монастыри. Изъятие колоколов и запрет звона официально оправдывались введением

непрерывной рабочей недели и сбором цветных металлов для нужд индустриализации. В 1932 г. была объявлена «антирелигиозная пятилетка», ставившая целью к 1 мая 1937 г. упразднить все молитвенные дома и сооружения. Большинство епископов и десятки тысяч священнослужителей были репрессированы. Оставшихся облагали непомерными налогами и лишали жилплощади. В 1930 г патриаршая церковь насчитывала 30 тыс. храмов, а в 1941 г. в СССР действовало 8,3 тыс. культовых зданий всех религий, из них 4,2 тыс. православных — и то в основном на присоединенных территориях Западной Украины и Белоруссии.

В 1929 г. вышло новое советское законодательство о религиозных объединениях, которое с некоторыми изменениями и дополнениями действовало вплоть до 1990 г. Впервые была признана власть епископа над священниками, нарушение хода богослужения было объявлено уголовным преступлением. Вместе с тем подтверждалось, что «религиозные объединения и избираемые ими исполнительные органы не имеют прав юридического лица». В 1929 г. в Конституцию была внесена поправка, которая ограничивала религиозную деятельность церковными стенами. Это ограничение религиозных прав было сохранено в конституциях 1936 и 1977 гг. Со стороны государства контроль над церковью осуществлял сначала Ликвидационный отдел при Наркомате юстиции, затем Постоянная комиссия по вопросам культов (до 1934 г.) и Постоянная комиссия по культовым вопросам (до 1938 г.). Решения об открытии и регистрации приходов зависели целиком от местных властей. Церковь не имела права устанавливать какие бы то ни было обязательные сборы. Запрещалась всякая благотворительная деятельность. Священники, епископы и приходы облагались непомерными налогами.

Положение церкви изменилось только в годы Великой Отечественной войны. РПЦ заняла патриотическую позицию и благословила «всех православных на защиту священных границ... Родины». Был открыт банковский счет церковного фонда для защиты страны, куда верующие пожертвовали к октябрю 1944 г.

150 млн руб. Кроме того, было пожертвовано еще полмиллиона рублей на создание танковой колонны имени Дмитрия Донского. После встречи Сергия со Сталиным, тот дал санкцию на выборы патриарха (которого у Русской православной церкви не было со дня смерти Тихона в 1925 г.). В сентябре 1943 г. Собор епископов избрал Сергия патриархом Московским и всея Руси. На местах начали создаваться новые приходы, а также духовные учебные заведения и богословский институт, переведенные впоследствии в восстановленную и переданную церкви Троице-Сергиеву лавру. Многие архиереи и священнослужители освобождались из лагерей, возобновился выпуск «Журнала Московской Патриархии».

31 января — 2 февраля 1945 г. в Москве прошел первый после 1918 г. *Поместный собор*. На нем патриархом был избран сподвижник Сергия Алексий (Симанский) и было принято «Положение об управлении Русской православной церковью». Церковь стала участвовать в международных контактах с другими христианскими церквами. Открылись подворья Московской патриархии в Александрии, Дамаске, Каире, Белграде и Софии. Существовали даже планы созыва в Москве Вселенского собора, не собиравшегося несколько столетий (они не осуществились). Под власть Московского патриарха возвратилось православное духовенство Эстонии. В 1946 г. Львовский собор греко-католической (униатской) церкви отменил Брестскую унию 1596 г. и постановил воссоединить униатов с православной церковью. На начало 1946 г. в СССР было уже 10 544 действующих храма, а в 1949 г. — 14 477.

В то же время открыть новый приход было попрежнему трудно: верующие сначала должны были обратиться в местный Совет, затем ходатайство направлялось в Совет по делам РПЦ (действовал с 1943 г.; с 1965 г. — Совет по делам религий при СМ СССР), который, в свою очередь, выносил вопрос в Совнарком данной республики. Церковь так и не получила права собственности на церковные здания, они сдавались бесплатно, но облагались максимальным налогом. Священники так же облагались налогом, как частные предприниматели, по шкале в 81% от

дохода. И все же период 1943—1958 гг. был временем относительно благоприятным для существования церкви в советском государстве.

В 50-е гг. росло число людей, если и не вполне религиозных, то соблюдавших религиозные обряды. В 1959 г. по РСФСР примерно 30% младенцев крестили, каждого третьего умершего отпевали. В ряде областей, на Украине и в Молдавии эти показатели достигали 40—60% и выше. В Москве в 1960 г. на Пасху в церквах побывало 400 тыс. человек. Отражением растущего интереса к религии стал быстрый рост доходов церкви: в 1948—1957 гг. они увеличились в 3,7 раза (со 180 млн до 667 млн руб.). Кроме РПЦ, к началу 60-х гг. насчитывалось около 11 тыс. других, неправославных религиозных объединений. Из них менее 4,5 тыс. были зарегистрированы в государственных органах, а остальные, т. е. подавляющая часть, вынуждены были существовать подпольно.

В 1958 г. начались новые гонения на церковь. Хрущевское руководство, взявшее курс на строительство коммунизма, не могло смириться с ростом влияния православной и других конфессий. Хотя оно реабилитировало многих репрессированных священников, неоднократно встречалось с высшими церковными иерархами, пытаясь использовать их для укрепления внешнеполитических позиций СССР, тем не менее с конца 50-х гг. политика по отношению к религии изменилась. Была поставлена задача менее чем через 20 лет полностью освободить сознание советских людей от «пережитков старого строя», включая и «религиозные предрассудки». В результате резко активизировалась антирелигиозная пропаганда, вновь стал использоваться прямой, административно-репрессивный нажим на церковь.

С 1959 г. началось массовое закрытие храмов, монастырей (включая Киево-Печерскую лавру) и семинарий. В итоге Московская патриархия к 1958 г. имела 13 414 храмов, 56 монастырей и 7 скитов, 12 169 священнослужителей, а к 1966 г. — 7523 храма, 19 монастырей, 7410 лиц зарегистрированного духовенства. Патриарх вынужден был дать согласие лишить дотаций обителей монастырей и запретить прием в них

лиц моложе 30 лет. В 1961 г. Архиерейский собор РПЦ под нажимом советских властей принял решение об устранении духовенства от участия в управлении приходской жизнью. Был введен контроль над совершением треб — крещений, венчаний, отпеваний. Все они заносились в особые книги с указанием паспортных данных участников. В вузах в качестве обязательного или факультативного курса были введены «Основы научного атеизма». По религиозным мотивам было осуждено 1324 человека.

Однако решить поставленную задачу ни Хрущеву, ни его преемникам не удалось. Более того, с конца 60-х гг., несмотря на все препоны и ухищрения властей, интерес народа к религии вновь нарастает. У многих советских людей соблюдение религиозных обрядов нередко уживалось с советскими, а порой и коммунистическими убеждениями. Тем не менее постепенный, подспудный рост религиозных настроений в обществе служил симптомом того, что марксистско-ленинской идеологии не удалось полностью монополизировать массовое сознание, хотя она господствовала не только на официальном, но во многом и на «бытовом уровне».

С 1964 г. давление на церковь стало ослабевать. Количество приходов оставалось стабильным. В 1972 г. в СССР было 6850 зарегистрированных церквей и 6180 официально зарегистрированных православных священников. Постепенно расширялась издательская деятельность РПЦ; началось производство документальных фильмов о деятельности церкви и ее монастырях. В 1981 г. было облегчено налоговое бремя священнослужителей: потолок взимаемого процента от доходов уменьшился с 81 до 69%. В 1983 г. РПЦ был возвращен Свято-Данилов монастырь, ставший резиденцией патриарха. После смерти патриарха Алексия на Поместном соборе в 1971 г. его преемником был избран митрополит Крутицкий и Коломенский Пимен (Извеков). Собор торжественно отменил анафему в адрес старообрядцев, высказанную соборами 1656 и 1667 гг. и признал «православность старых обрядов и спасительность употребления их».

С 1988 г. в жизни РПЦ началась новая эпоха. В этом году прошли масштабные торжества, посвященные тысячелетию крещения Руси. Они стали не только церковным, но и общегосударственным праздником. На встрече с М. С. Горбачевым в апреле 1988 г. патриарх представил ему меморандум о преследовании церкви и поставил вопрос об отмене ее дискриминации и предоставлении ей статуса общественной организации со всеми вытекающими отсюда правами. Собор 1988 г. принял новый Устав Русской православной церкви и осуществил канонизацию девяти святых, в том числе князя Дмитрия Донского и Андрея Рублева.

В 1989 г. был причислен к лику святых патриарх Тихон. (В дальнейшем были канонизированы «новомученики и исповедники российские», пострадавшие во время революционного лихолетья, в том числе «царственный мученик» Николай II.)

Стали один за другим открываться некогда известные и почитаемые монастыри — Оптина пустынь, Иосифо-Волоколамский, Толгский и многие другие. В епархиях возрождались местные церковные периодические издания — «Епархиальные ведомости». Появились воскресные приходские школы. Всего за 1985—1990 гг. в стране было открыто 5,5 тыс. приходов различных конфессий.

В ноябре 1990 г. был избран новый патриарх Алексий II (Ридигер). В том же году Верховный Совет СССР принял Закон «О свободе совести и религиозных организациях». Впервые в советской истории церкви возвращались все права юридического лица. Регистрация конфессий государством из разрешительной стала констатационной; церкви получили право обладания недвижимостью и преимущественное право на получение от государства культовых зданий. Закон провозглашал, что отныне «государство не возлагает на религиозные организации выполнение каких-либо государственных функций, не вмешивается в деятельность религиозных организаций», а сами эти организации «вправе участвовать в общественной жизни и... использовать средства массовой информации». Отсюда вытекало и право на благотворительность, создание братств и прочих прицерковных

организаций. В налогообложении религиозные организации были приравнены к иным общественным организациям.

Во время августовских событий 1991 г. патриарх Алексий II решительно поддержал российское руководство и осудил коммунистический режим, как отвержение «всех абсолютных нравственных начал, забвение духовных источников и смысла человеческого существования».

Возрождение церкви в постсоветское время шло очень быстро. Ей были возвращены тысячи храмов и монастырей. Фактически церковь вновь превратилась в один из важнейших духовных институтов России. Не обходится и без серьезных проблем. Церкви не хватает средств на приведение в порядок возвращенных храмов, квалифицированных кадров для новых приходов. Возник церковный раскол на Украине. В Западной Украине начались столкновения с униатами, отбирающими у православных храмы и монастыри. Католическая церковь стала создавать свои приходы и епархии на канонической территории Московского патриархата. Все это обострило отношения РПЦ с Ватиканом. Неурегулированными остаются и отношения с зарубежной церковью.

В 2000 году, когда отмечалось 2000-летие Рождества Христова, Архиерейский собор принял «Основы социальной концепции Русской православной церкви», представляющие собой программу общественного служения, соответствующую богословской православной традиции. В ней зафиксированы принципы непредпочтительности для церкви какого-либо государственного строя и взаимного невмешательства церкви и государства в дела друг друга. Определены и сферы партнерства с государством: миротворческая деятельность, забота о нравственном состоянии общества, участие в духовном, патриотическом воспитании общества, благотворительность, социальные программы, сотрудничество в области сохранения историко-культурного наследия, здравоохранения, науки, образования, средств массовой информации, экологии, охраны семьи и материнства, попечения о воинах.

Глава 23
РОЖДЕНИЕ НОВОЙ РОССИИ

■ **Трудный путь к демократии.** Победа над ГКЧП застала врасплох не только коммунистов, но и пришедших в России к власти демократов. (Впрочем, ключевые посты среди них занимали не столько участники демократического движения, правозащитники, интеллигенция — хотя поначалу они тоже присутствовали во власти, — сколько недавние представители номенклатуры, «второй эшелон» партийных и советских работников.) Сколько-нибудь разработанной программы преобразований у ельцинского руководства поначалу не было. Его усилия были сосредоточены на ликвидации структур КПСС, установлении контроля над страной, руководящими кадрами и борьбе за власть со слабевшим союзным центром. Но уже в октябре 1991 г. на съезде народных депутатов России Ельцин заявил о программе радикальных рыночных реформ. Их инициатором и разработчиком стал **Е. Т. Гайдар** — новый вице-премьер российского правительства. Острота экономической ситуации и фактический паралич госаппарата побудили его выбрать радикальный путь «шоковой терапии», успешно опробованный на опыте некоторых восточноевропейских стран и распропагандированный рядом западных экономистов.

Начало реформ и прежде всего либерализация цен, начатая 2 января 1992 г., привели к быстрой нормализации потребительского рынка, ликвидации дефицита основных товаров и огромных очередей. Однако из-за небывалого роста цен катастрофически упал уровень жизни, произошло массовое обнищание населения. Политическая поддержка правительства Гайдара (он занял пост исполняющего обязанности премьера в июне 1992 г.) резко сократилась. Весь расклад сил в стране изменился.

Единый демократический фронт, до осени 1991 г. объединенный неприятием руководящей роли КПСС, раскололся. Разнородность входящих в него сил, слабость и неоформленность либерального его крыла стали очевидными. После провала августовского пут-

ча Ельцин упустил возможность ликвидации советской системы и проведения парламентских выборов. Это во многом определило политическую слабость правительства. Большинство Верховного Совета России, его руководство во главе с Р. И. Хасбулатовым перешли в оппозицию правительству и его курсу реформ (около четверти депутатов поддерживали его и почти столько же составляли «болото»). Оппозиции сочувствовал даже вице-президент России А. В. Руцкой. Ситуацию обостряло то, что, согласно действовавшему законодательству, съезд народных депутатов и Верховный Совет обладали огромными полномочиями, не только законодательными, но отчасти и исполнительными. Все это позволяло им тормозить ход преобразований.

Ведущей оппозиционной силой выступали «национально-патриотические», как они себя называли, и поначалу преимущественно некоммунистические организации и партии. Наибольшей радикальностью отличался Фронт национального спасения. В него вошли многие видные общественные деятели разной политической ориентации: М. Астафьев, С. Бабурин, С. Горячева, Г. Зюганов, Н. Павлов, А. Проханов и др. Близкие позиции занимал Русский национальный собор: А. Стерлигов, В. Анпилов, В. Константинов, В. Павлов, И. Шафаревич. Гражданский союз, куда входили Народная партия свободной России (руководимая Руцким), Демократическая партия России (Н. Травкин), Союз промышленников и предпринимателей (А. Вольский) и др., позиционировал себя как «центристскую оппозицию» и выражал интересы прежде всего директорского корпуса, региональной номенклатуры и других сил, ущемленных началом рыночных реформ. Оппозицию объединяла жесткая критика правительства Гайдара (его называли «оккупационным») и его курса преобразований.

Правительство держалось лишь благодаря поддержке Ельцина. Он вынужден был лавировать, идти на уступки Верховному Совету. Это дало краткую тактическую передышку. Но недовольство стало перемещаться на самого Ельцина. В декабре 1992 г. на VII съезде народных депутатов противостояние президента и оппозиции достигло критического уровня.

Ельцин обратился к народу, обвинив Верховный Совет в консерватизме и саботаже реформ. Он предложил провести референдум по вопросу о том, кому люди доверят вывод страны из кризиса: президенту или депутатам, и покинул съезд. Конфликт удалось приглушить принятием компромиссного решения о проведении весной 1993 г. референдума по основным положениям новой Конституции и сменой премьера. Вместо Гайдара **15 декабря 1992 г.** главой правительства стал **В. С. Черномырдин** — гораздо более консервативный политик. Он, как вскоре выяснилось, был наделен даром компромисса, политического лавирования, но отнюдь не являлся реформатором и не имел определенной программы.

При Черномырдине экономические преобразования существенно замедлились. Но нового обострения политической ситуации это не предотвратило. В марте 1993 г. на внеочередном съезде народных депутатов был поставлен вопрос об импичменте президенту Ельцину. Однако набрать необходимого числа голосов не удалось. 25 апреля был проведен референдум, в ходе которого большинство его участников высказало доверие не только президенту, но даже его экономическому курсу. В то же время президентская идея переизбрания съезда народных депутатов не получила поддержки. Таким образом, вопреки ожиданиям оппозиции, результаты референдума явно укрепили позиции президента, вместе с тем они не позволяли радикально разрешить его противостояние с народными депутатами. Выход из сложившейся ситуации сторонники президента видели в скорейшей разработке новой Конституции. В конце июня конституционный проект был одобрен конституционным совещанием.

Между тем оппозиция радикализировалась. Все более видные позиции в ней постепенно занимали коммунисты. Они стали приходить в себя после провала августовского путча и запрета КПСС. Уже с конца 1991 г. начали возникать различные социалистические и коммунистические партии: Социалистическая партия трудящихся, Российская партия коммунистов, Всесоюзная коммунистическая партия большевиков и др. В феврале 1992 г. Россий-

ская коммунистическая рабочая партия под руководством Анпилова и созданная ею организация Трудовая Россия провели массовые антиправительственные митинги и демонстрации.

Возрождению коммунистических сил способствовало не только обострение социально-экономической ситуации в стране, но и компромиссное решение Конституционного суда России 30 ноября 1992 г. Суд ушел от поставленного перед ним вопроса о конституционности существования КПСС. Он подтвердил правомочность не только указов Ельцина о запрете руководящих структур компартии, но и право коммунистов на объединение, создание организаций по территориальному принципу. В феврале 1993 г. оформилась Коммунистическая партия Российской Федерации. Ее возглавил Г. А. Зюганов. (Она объединила в итоге более полумиллиона человек — больше, чем все остальные партии вместе взятые.) В отличие от КПСС, российские коммунисты меньше использовали собственно коммунистическую риторику и делали акцент на идее восстановления единой государственности, обеспечения порядка и социальной справедливости, патриотизма. КПРФ стала ядром «народно-патриотической» оппозиции.

1 мая 1993 г. оппозиция организовала демонстрации, в ходе которых были спровоцированы уличные беспорядки, объявленные кампанией гражданского неповиновения. На одном из заключительных этапов Конституционного совещания официальные представители Верховного Совета отказались участвовать в дальнейшей работе. В ряды оппозиции открыто перешел вице-президент Руцкой. Возможность компромиссов таяла с каждым днем.

Общество находилось в растерянности. Оно было расколото и опасалось анархии. К июню 1993 г. до 40% опрошенных положительно относились к идее роспуска съезда народных депутатов и Верховного Совета, против был 31%, более 40% считали, что опасность наступления в стране полной анархии очень велика.

21 сентября 1993 г. президент Ельцин издал указ о роспуске съезда народных депутатов, Верховного Совета и проведении в декабре 1993 г. референдума о

новой конституции, а также выборов в новые высшие законодательные органы — Государственную думу и Совет Федерации. Разразился острейший политический и конституционный кризис. Верховный Совет отказался подчиняться указу. Конституционный суд признал его незаконным. Вице-президент Руцкой депутатами Верховного Совета был приведен к присяге в качестве президента России и начал формирование параллельного правительства. Однако внеочередной съезд народных депутатов не набрал необходимого кворума. Ситуацию еще более накалила попытка группы вооруженных сторонников «народно-патриотических» сил 23 сентября занять штаб Объединенных Вооруженных сил СНГ, в ходе которой появились первые жертвы.

29 сентября 1993 г. Ельцин приказал депутатам и другим сторонникам «народно-патриотических» сил покинуть здание Белого дома до 4 октября. Последние попытки переговоров с участием патриарха Алексия II провалились. Оппозиция перешла к активным действиям. **2 октября 1993 г.** в Москве *начались демонстрации*, вылившиеся в массовые беспорядки. 3 октября Руцкой и Хасбулатов призвали своих сторонников штурмовать мэрию, Останкинский телецентр, а затем и Кремль. Здание мэрии и гостиницы «Мир» были захвачены. Штурм Останкино оказался безуспешным, но привел к массовому кровопролитию. Гайдар призвал москвичей выйти на улицы «на защиту демократии». Его призыву последовали тысячи людей, наглядно продемонстрировав поддержку президента и курса реформ. Президент Ельцин объявил в Москве чрезвычайное положение и после трудных переговоров с военными ввел в столицу войска. 4 октября началась вооруженная осада Белого дома. После обстрела из танков и ультиматума его защитникам со стороны группы «Альфа» оппозиционеры сдались и были арестованы. Деятельность Фронта национального спасения, некоторых оппозиционных средств массовой информации указами президента была прекращена.

12 декабря 1993 г. вопреки призывам некоторых сил к бойкоту состоялись референдум и выборы в Государственную думу. Более чем 58% голосов была

принята новая Конституция. Она гарантировала широкие политические права и свободы граждан, разделение властей и утвердила в России президентскую республику. На выборах в Думу, проходивших не только по избирательным округам, но и по партийным спискам, неожиданно для всех победила откровенно популистская, националистическая Либерально-демократическая партия В. В. Жириновского, что наглядно отразило сумятицу умов, воцарившуюся в обществе после октябрьских событий. Партийный список ЛДПР получил 1/4 голосов, опередив гайдаровский «Демократический выбор России», претендовавший на роль «партии власти». Хотя с учетом выборов по округам партия Гайдара провела в Думу 76 депутатов, в то время как ЛДПР лишь 63, это было расценено как ее поражение. Сильные позиции в Думе заняли левые и в первую очередь коммунисты. Председателем Думы стал один из защитников Белого дома И. П. Рыбкин, а Совета Федерации — бывший вице-премьер В. Ф. Шумейко.

Относительная стабилизация власти позволила продолжить (хотя и в урезанном виде) осуществление некоторых экономических реформ и попытаться разрешить резко обострившиеся национальные и региональные проблемы. Процесс «суверенизации» республик, краев и областей начался еще с конца 1980-х гг. в результате резкого ослабления КПСС и начавшегося развала Советского Союза. Ельцин, российское руководство, исходя из интересов борьбы с союзным центром и новообретенных демократических представлений, поощряли эти процессы, призывая регионы брать столько самостоятельности, сколько возможно. После распада Советского Союза эти процессы продолжились. Застарелые, не решавшиеся десятилетиями проблемы выплескивались наружу. В октябре—ноябре 1992 г. разразился вооруженный осетино-ингушский конфликт, в ходе которого до 600 человек погибло, десятки тысяч людей стали беженцами.

Межнациональные и региональные проблемы обострялись из-за демократизации общественной жизни, острого социально-экономического положения, а также слабости российской власти, противостояния президента и депутатов советов. В результате Татария,

Башкирия и некоторые другие республики объявили о своем суверенитете и даже поставили вопрос о выходе из России. 31 марта 1992 г. руководству России и большинства регионов (кроме Татарстана и Чечни) удалось подписать Федеративный договор. Он носил компромиссный, во многом непоследовательный характер, однако позволил приостановить дезинтеграционные процессы. В феврале 1994 г. после длительных и сложных переговоров Татарстан, оговорив для себя ряд «эксклюзивных» условий, все же подписал договор о разграничении своих полномочий с российским центром.

Исключением стала Чечня. После провала ГКЧП, в сентябре 1991 г. в Чечено-Ингушетии была насильственно сменена власть. Республика разделилась, и Чечня объявила о выходе из состава России. Используя захваченные у Российской армии технику и оружие, чеченское руководство во главе с президентом Д. Дудаевым сформировало свои вооруженные силы. Однако создать стабильную государственность и наладить собственную экономику Чечне не удалось. Она быстро превратилась в криминальный анклав. С ведома чеченских властей печатались фальшивые российские деньги, в массовом порядке использовались фальшивые авизо (нанесшие российской экономике ущерб в 400 млрд неденоминированных рублей), совершались вооруженные нападения на проезжавшие через Чечню поезда. Только в 1993 г. было полностью или частично ограблено 559 поездов. Быстро развивались работорговля, похищение людей с целью получения выкупа или даровой рабочей силы. Русскоязычное население Чечни подвергалось издевательствам, ограблению и «выдавливалось» из республики. Число беженцев составило 200 тыс. человек — до 20% всего населения. Криминальные «метастазы» из Чечни распространились по всей России — почти в каждом крупном городе действовали чеченские преступные группировки, тесно связанные с Чечней и скрывавшиеся там в случае угрозы.

В 1991—1993 гг. российское руководство, занятое началом рыночных реформ, острейшими социально-экономическими проблемами, а также политическим противостоянием президента и Верховного Совета,

упустило ситуацию в Чечне. Но относительная стабилизация власти в 1994 г. и обозначившаяся угроза российскому влиянию на Кавказе подвигли Ельцина к решительным мерам по разрешению чеченской проблемы.

После провала переговоров и неудачной попытки свергнуть режим Дудаева руками чеченской оппозиции **11 декабря 1994 г.** Российская армия начала *операцию по разоружению «незаконных вооруженных формирований»* и «восстановлению конституционной законности» в Чечне.

Неподготовленность этой операции и невысокая боеспособность молодой Российской армии, находившейся с начала 90-х гг. в сложнейших условиях, привели к ряду серьезных неудач (особенно при штурме Грозного) и тяжелым потерям. За всю войну они составили 5,5 тыс. человек, в то время как боевики, по оценкам, потеряли лишь 2,5—2,7 тыс. Однако, невзирая на все трудности, Российская армия постепенно добивалась успехов. Важнейшим препятствием для полной победы стала слабость государственной власти и неготовность российского общества к этой войне.

Непонимание сути этого конфликта, ужасы войны и тяжелые потери армии и гражданского населения (по оценкам, 25—30 тыс. человек), широко освещавшиеся средствами массовой информации, привели к быстрой деморализации и расколу общества. Его значительная часть сочувствовала чеченским боевикам, видя в них «борцов за свободу». Между тем эти «борцы», терпя поражения от Российской армии, в июне 1995 г. совершили террористический рейд на г. Буденновск (где захватили больницу и принудили премьера Черномырдина к переговорам с ними), в январе 1996 г. — в дагестанский город Кизляр и село Первомайское. То, что большинству бандитов, совершавших столь дерзкие рейды, захватывавших мирных людей в заложники, удалось уйти от ответственности (благодаря нескоординированности и неэффективности действий Российской армии, спецслужб), еще более укрепляло уверенность многих людей в бессмысленности этой войны.

Проблему обостряла внутриполитическая ситуация. На выборах в Государственную думу 1995 г.

победу одержала КПРФ. Со своими союзниками она практически стала контролировать Думу. Созданная к выборам «партия власти» — «Наш дом — Россия» получила лишь 1/10 голосов, а гайдаровский «Демократический выбор России» так и не преодолел 5-процентный барьер в Думу. Таким образом, оппозиция, в которой преобладающей силой стали коммунисты, существенно укрепила свои позиции и стала открыто противостоять президенту. На президентских выборах 1996 г. она готовилась прийти к власти. В тех условиях это казалось более чем вероятным. Президент Ельцин стремительно терял свою популярность. Его рейтинг в начале 1996 г. составлял 2—4%, и часть его окружения предлагала перенести выборы. Однако А. Б. Чубайс и некоторые другие члены окружения президента смогли убедить Ельцина не нарушать Конституцию и идти на выборы. На *президентских выборах* **3 июля 1996 г.** Ельцин одержал убедительную победу, набрав во втором туре 55% голосов, по сравнению с менее чем 41% — у лидера КПРФ Зюганова. Причины столь неожиданной для многих победы заключались прежде всего в том, что российские коммунисты, в отличие от своих восточноевропейских коллег, не эволюционировали в социал-демократов и потому вызывали в обществе опасения. В результате даже многие из тех, кто отнюдь не симпатизировал Ельцину, проголосовали все-таки за него. Ельцина поддержала экономическая элита и значительная часть творческой интеллигенции. Все это позволило предвыборному штабу Ельцина (фактическим главой которого был Чубайс) организовать беспрецедентную по своим масштабам предвыборную кампанию. К тому же команде действующего президента удалось договориться с генералом А. И. Лебедем, который в первом туре голосования занял третье место. Получив пост секретаря Совета безопасности, Лебедь призвал своих сторонников поддержать Ельцина.

Результатами своей победы президент в очередной раз не смог воспользоваться в полной мере. Важным фактором российской политической жизни стало резкое ухудшение его здоровья. Первый инфаркт у Ельцина случился уже в конце 1995 г., второй — за неде-

лю до решающего тура выборов. В ноябре 1996 г. он перенес операцию на сердце, а уже в начале 1997 г. — вновь попал в больницу. Таким образом, политической стабильности, определенности перспектив страна так и не получила. В чем-то ситуация даже обострилась.

На этом фоне новый секретарь Совета безопасности Лебедь развил бурную активность. Уже в **августе 1996 г.** он подписал в Хасавюрте соглашение, завершившее первую чеченскую войну. Хотя формально вопрос о статусе Чечни был отложен до 2001 г., российские войска были полностью выведены с ее территории и *де-факто Чечня получила независимость*. На ее территорию устремились наемники и религиозные экстремисты из стран Востока. В Чечне вновь стала бурно расцветать криминальная экономика, связанная с контрабандой нефти и нефтепродуктов, производством и продажей наркотиков (по оценкам, ежегодная прибыль от этого промысла составляла 800 млн долларов), работорговлей. Только по имеющимся данным, в 1997—1998 гг. там было похищено 1,1 тыс. человек.

Хасавюртовские соглашения вызвали в России бурю противоречивых эмоций, но в целом общество с облегчением встретило завершение кровопролитной и непопулярной войны. Рейтинг доверия к Лебедю еще более вырос. Однако его амбиции и эффектные, но не всегда продуманные инициативы по реорганизации силовых структур, смене кадров, борьбе с преступностью перессорили его с окружением Ельцина, с самим президентом и привели к скорой отставке генерала.

Болезнь действующего президента подтолкнула оппозицию к новым попыткам отправить его в отставку по состоянию здоровья. 17 января 1997 г. это предложение было поставлено в Думе, но не набрало голосов. Оппозиция продолжила атаки на Ельцина и блокировала прохождение в Думе правительственных законопроектов.

Ухудшение здоровья президента, падение его активности привели к резкому росту политического влияния некоторых его родственников и особенно членов его окружения, приближенных «олигархов», так называемой «семьи». Поддержав Ельцина на вы-

борах, они теперь жаждали «вознаграждения». Таковым стали не только государственные посты, но и «залоговые аукционы», в ходе которых наиболее «лакомые куски» государственной собственности за сравнительно небольшие суммы передавались в частные руки. Не ограничиваясь этим, Б. А. Березовский, В. А. Гусинский и некоторые другие «олигархи» стали претендовать на формирование политического и экономического курса страны. Оппозиция стала называть правление Ельцина «семибанкирщиной». В этом определении была доля правды. Из-за незавершенности экономических реформ и несформированности гражданского общества демократическое содержание Конституции не могло еще реализоваться в полной мере. Политика не была отделена от бизнеса и неизбежно приобрела «клановый» характер. Любая серьезная попытка рыночных реформ задевала экономические интересы олигархических групп, теневого капитала и вызывала жесткое противодействие на политическом и информационном уровне. Хотя сам Ельцин выступал за продолжение экономических преобразований, часть его «клана», непосредственно вовлеченная в предпринимательство, нередко пыталась скорректировать их в своих интересах. По мере ослабления активности Ельцина и роста влияния коммунистической оппозиции осуществление рыночных реформ становилось все более рискованным делом.

В этих условиях обновленное после президентских выборов правительство Черномырдина не спешило проводить серьезные экономические реформы. Чтобы придать им больший динамизм, Ельцин в марте 1997 г. назначил первым вице-премьером бывшего главу президентской администрации А. Б. Чубайса и ввел в правительство нижегородского губернатора Б. Е. Немцова, мэра Самары О. Н. Сысуева и некоторых других политиков (их стали называть «молодыми реформаторами»). Несмотря на активное сопротивление оппозиционной Думы, рыночные преобразования получили новый импульс. Однако при этом (и прежде всего в ходе осуществления залогового аукциона по «Связьинвесту») были задеты интересы могущественных олигархических групп. Бере-

зовский и Гусинский (крупнейшие медиамагнаты) развернули против «молодых реформаторов» беспрецедентную информационную войну, и Чубайс с некоторыми из его соратников был вынужден уйти из правительства. Осуществление рыночных реформ вновь затормозилось.

В ответ **23 марта 1998 г.** Ельцин предпринял неожиданный ход. Черномырдин, почти официально считавшийся преемником Ельцина, был снят со своего поста. После острых дискуссий в Думе *главой правительства* был *утвержден* 35-летний **С. В. Кириенко** (незадолго до этого занявший пост министра топлива и энергетики). Демонстративно отдалившись от своих коллег «младореформаторов», Кириенко тем не менее попытался продолжить рыночные реформы. Однако политические позиции его правительства были слабы. Более того, озабоченное валом текущих дел, шахтерскими забастовками и формированием программы, правительство Кириенко запоздало с принятием жестких мер по предотвращению быстро обострявшегося финансового кризиса. **17 августа 1998 г.** *правительство объявило дефолт.*

23 августа Кириенко был отправлен в отставку. Главой правительства Ельцин попытался назначить Черномырдина, но не получил одобрения Думы. Страна оказалась перед острейшим финансовым и политическим кризисом. В обществе росли панические настроения. В этих условиях Ельцин 12 сентября 1998 г. предложил Думе новую, близкую левым и центристским фракциям кандидатуру **Е. М. Примакова** (министра иностранных дел, до этого руководителя Внешней разведки). Он был утвержден подавляющим большинством. Первым замом премьера, ведающим экономическими вопросами, стал член фракции КПРФ Ю. Д. Маслюков.

Правительство Примакова было разнородно и не имело сколько-нибудь внятной программы. Однако премьер смог удержаться от популистских, антирыночных мер. Более того, используя хорошие отношения с коммунистами, он смог добиться принятия Думой бездефицитного бюджета на 1999 г. На руку правительству сыграло начавшееся повышение цен на нефть на международном рынке и неожиданно

быстрое оживление российской экономики после дефолта. В результате ситуация в стране стабилизировалась. Сам Примаков, не запятнанный коррупционными скандалами, с неторопливой речью, уверенными манерами внушал уважение широким слоям населения.

Однако самостоятельность Примакова, его тесные связи с левыми фракциями, а также взятый им курс на борьбу с «экономической преступностью», и в особенности с могущественным олигархом Березовским, восстановили против него окружение Ельцина и самого президента. Невольно подтолкнули падение премьера его союзники, стремившиеся сместить Ельцина и тем самым передать власть Примакову. 14 октября 1998 г. Совет Федерации поставил вопрос о «добровольной отставке» Ельцина, но не добрал 14 голосов. В начале ноября Думе не хватило всего пяти голосов для принятия антиельцинского законопроекта «О медицинском заключении о состоянии здоровья президента РФ». Весной 1999 г. в связи с разгоревшимся скандалом вокруг Генерального прокурора Ю. И. Скуратова оппозиция Ельцину вновь активизировалась. Стало очевидным, что правящая элита раскололась. В ряды оппозиции открыто перешли многие губернаторы, включая мэра Москвы Ю. М. Лужкова, ей сочувствовала даже часть аппарата исполнительной власти, силовых структур. Объединял эту разнородную оппозицию Примаков. 12 мая 1999 г., накануне голосования в Думе по импичменту президента, Ельцин неожиданно снял Примакова. Думская оппозиция была дезорганизована и вновь не набрала необходимого числа голосов.

Новым премьером стал **С. В. Степашин** (незадолго до этого назначенный вице-премьером правительства Примакова). Несмотря на огромную популярность отставленного Примакова, новый либерально настроенный и активный премьер понемногу стал набирать авторитет в обществе. Однако уже при формировании своего правительства он пытался отстоять самостоятельность, сопротивляться креатурам президентского окружения, чем осложнил свое политическое положение.

Между тем ситуация в обществе продолжала обостряться. Оппозиция Ельцину ширилась и объединялась вокруг Примакова и его нового союзника Лужкова, создавших движения «Вся Россия» и «Отечество». Их поддержала часть «олигархов», включая Гусинского с его телеканалом НТВ. Им противостояли окружение Ельцина и другая часть «олигархов» во главе с Березовским. Эти группы развернули между собой ожесточенную политическую и информационную войну. В ней решался вопрос не только о власти (хотя это было главным), но и о выборе путей дальнейшего развития страны. Президентская «партия» ориентировалась на продолжение либеральных, рыночных реформ, а их оппоненты — на усиление государственного регулирования жизни общества. Степашин не проявил в этой «грязной» войне должного рвения. Ельцин счел его слишком мягким и неспособным стать настоящим лидером на парламентских и президентских выборах.

5 августа 1999 г. президент снял Степашина и назначил новым премьером **В. В. Путина** (руководителя ФСБ и Совета безопасности). За свою недолгую политическую карьеру Путин успел проявить не только деловые качества: работоспособность, умение брать на себя ответственность, но и человеческие достоинства: скромность, лояльность к своим друзьям и партнерам (что наглядно проявилось в его помощи бывшему мэру Санкт-Петербурга опальному А. А. Собчаку). Для широких слоев населения страны Путин был незнаком, и общественность приняла очередную смену премьеров как признак окончательного разложения ельцинского режима. Однако уже вскоре общественное мнение радикально изменилось.

Через два дня после указа о назначении Путина премьером вооруженные формирования чеченцев и дагестанских ваххабитов вторглись на территорию Дагестана. Ельцин передал все полномочия по координации действий силовых структур Путину, и тот смог быстро организовать вооруженный отпор. В ходе ожесточенных сражений в августе—сентябре боевики были разгромлены и отброшены в Чечню. На это 5—16 сентября 1999 г. они ответили серией взрывов жилых домов в Буйнакске (где погибло 62 человека),

Москве (226 человек погибших) и Волгодонске (17 человек погибших). Гибель сотен мирных жителей и неэффективность российских спецслужб вызвали в обществе волну страха и паники.

Ответ Путина был скор и жёсток. Невзирая на протесты части политических сил и правозащитников (ставивших защиту граждан от собственного государства выше, чем их защиту от бандитов), 1 октября 1999 г. российские войска были введены в Чечню. На первом этапе ставилась задача создать вокруг нее «санитарный кордон», а затем был взят курс на то, чтобы окончательно разгромить базы террористов и ликвидировать сам анклав экстремизма и криминалитета. Несмотря на ожесточенное сопротивление боевиков, серьезные потери в армии (с начала боевых действий в Дагестане и до февраля 2001 г. они превысили 3 тыс. человек) и среди мирного населения (более 1 тыс. человек), общество встретило вторую чеченскую войну куда с большим одобрением, чем первую. К 2001 г. крупные вооруженные формирования боевиков были в основном разгромлены. Их потери, по приблизительным оценкам, составили 15 тыс. человек.

Рейтинг Путина, зарекомендовавшего в глазах общества свою дееспособность и решительность, стремительно рос. Однако наиболее реальными кандидатами на победу в парламентских выборах (служивших, по сути, важнейшим этапом выборов президентских) по-прежнему выступали коммунисты и блок Примакова—Лужкова «Отечество — Вся Россия». Их поддерживали широкие слои региональной, часть федеральной элиты и некоторые олигархи (Гусинский и др.). В противовес им президентским окружением было создано движение «Единство» во главе с министром по чрезвычайным ситуациям С. К. Шойгу. Неформальным лидером движения стал Путин. Его растущая популярность и поддержка со стороны президентской администрации, части деловой элиты обеспечили блестящую победу «Единству». На выборах в Думу в декабре 1999 г. оно набрало 23% голосов, в то время как «Отечество — Вся Россия» — лишь 13%, коммунисты — 24%, либеральный Союз правых сил (Кириенко, Немцов и И. М. Хакамада) — бо-

лее 8%, ЛДПР и «Яблоко» (во главе с Г. А. Явлинским) — менее 6%.

31 декабря 1999 г. президент Ельцин предпринял свой последний неожиданный ход. Он заявил о своей отставке и извинился перед народом за то, что не смог в полной мере выполнить своих обещаний, оправдать возлагавшиеся на него надежды. Исполняющим обязанности президента стал **Путин**. В марте 2000 г. на досрочных президентских выборах он одержал убедительную победу, выиграв уже в первом туре голосования.

Новый президент четко заявил о своих приоритетах — укрепление государства и рыночные реформы в экономике. В истории страны начался новый этап. Ключевыми его проблемами остаются завершение строительства рыночной экономики, оформление гражданского общества, решение острейших социальных проблем, борьба с сепаратизмом, коррупцией и построение сильного, но демократического федеративного государства. Решение этих сложных задач позволит, наконец, России разомкнуть трагический круг социальных катаклизмов и встать на рельсы устойчивого экономического и демократического развития.

■ **Становление рыночной экономики.** К концу 1991 г. Россия находилась в преддверии экономического и социального коллапса. Спад производства стремительно ускорялся. (Если в 1990 г. выпуск промышленной продукции уменьшился примерно на 1%, то в 1991 — на 8%.) Дефицит союзного бюджета в 1991 г. превысил 20% ВВП. Как следствие, быстро росла инфляция, принявшая не только скрытый, но и открытый характер. К концу 1991 г. она увеличивалась до 25% в неделю. Потребительский рынок был полностью развален, наблюдался тотальный дефицит продуктов питания. Даже в Москве порой стали наблюдаться перебои с хлебом. Золотовалютные резервы государства были почти полностью исчерпаны. Платежи по обслуживанию долга достигли астрономической для советской экономики суммы в 16,7 млрд долларов, просроченная задолженность — до 6 млрд долларов. По данным социологических опросов, 80% россиян к концу 1991 г. ожидали почти не-

преодолимых материальных трудностей и перебоев в снабжении продуктами, теплом, электроэнергией и транспортом.

Брать на себя ответственность за решение этих сложнейших проблем, обеспечивать продвижение реформ, а главное, экономическое выживание страны многие видные экономисты и политики отказывались. В этих условиях вице-премьером по экономике нового российского правительства был назначен малоизвестный для широкой общественности экономист Е. Т. Гайдар. Опираясь на политическую поддержку Ельцина, он начал радикальные рыночные реформы. Их содержание формировалось с учетом катастрофического положения российской экономики, неудачи прежних, половинчатых преобразований и в то же время успешного опыта «шокотерапии» в Польше. Эти факторы, а также развал, недееспособность госаппарата подтолкнули его сделать ставку на дерегулирование экономики и максимально широкое развитие рыночных отношений, на то, что они сами устранят гигантские диспропорции в народном хозяйстве, быстро (подразумевалось, до года) обеспечат макроэкономическую стабилизацию и заложат новые, эффективные стимулы саморазвития экономики. Ключевыми положениями программы стали объявление свободной торговли, либерализация цен и финансовая стабилизация, а также развертывание массовой приватизации государственной собственности.

Либерализация цен, начатая 2 января 1992 г., уже через считанные месяцы привела к нормализации потребительского рынка. В магазинах появились давно забытые товары, исчезли дефицит и очереди. Вместе с тем скачок инфляции оказался непредсказуемо высок. За год цены выросли в 24 раза. В результате были «съедены» как оборотные средства предприятий, так и сбережения населения. Среднемесячная реальная зарплата сократилась на 1/3. Особенно сильно пострадали бюджетники, пенсионеры, многие из которых вынуждены были тратить на продовольствие подавляющую часть своих доходов и при этом все равно балансировать на грани выживания.

Гайдаровское правительство попыталось резко сократить эмиссионное финансирование бюджета, реор-

ганизовало налоговую систему (она была приспособлена к рыночным условиям), а также систему зарплаты (была введена тарифная сетка из 18 разрядов). Была либерализована, хотя и не полностью, внешняя торговля. Началась широкая, преимущественно бесплатная, «ваучерная» приватизация государственной собственности. Она не оправдала надежд населения на получение каких-либо серьезных дивидендов, ликвидных активов, но обеспечила начало небывалой по своей массовости приватизации. Примерно из 250 тыс. предприятий в частную собственности перешло около 47 тыс. Было создано примерно 160 тыс. фермерских хозяйств.

Таким образом, начало реформ дало противоречивые результаты. России удалось избежать экономического коллапса, дезинтеграции и сделать решающий шаг к рыночной экономике. По сути, за кратчайший срок в стране сменилась экономическая модель. Тем не менее добиться бездефицитности бюджета и макроэкономической стабилизации не удалось. Более того, цена реформ оказалась очень высока. Произошло массовое обнищание населения. ВВП сократился почти на 15%, промышленное производство — на 18%.

Из-за слабости политической поддержки правительство Гайдара смогло проводить свой курс лишь несколько месяцев. Уже в апреле 1992 г. под давлением оппозиции и директорского лобби реформы стали свертываться. Центробанк пытался проводить собственную политику. Для расшивки возникшего кризиса неплатежей предприятиям были выданы огромные кредиты, резко увеличилась денежная эмиссия. Как следствие, ежемесячная инфляция, снизившись с 300% в январе до 7% в июле 1992 г., вновь стала быстро расти, а курс рубля упал. В декабре 1992 г. вместо Гайдара правительство возглавил В. С. Черномырдин, провозгласивший курс на «мягкое вхождение в рынок».

В **1993—1996 гг.** *реформирование экономики затормозилось.* Сохранялась высокая инфляция. Для борьбы с ней правительство решило отказаться от денежной эмиссии как источника бюджетных доходов. Но из-за политической слабости оно не смогло сбалансировать бюджет. Для покрытия дефицита начали вы-

пускать Государственные казначейские обязательства (ГКО) и во все возраставших количествах производить заимствования на внутреннем рынке. Стремительно росли и внешние долги. Продолжился, хотя и в несколько меньших размерах, спад производства. Доля населения с доходами ниже черты бедности, по официальным данным, снизилась вдвое, но уровень социальной поляризации в России вырос с 27,5% в 1992 г. до 38,1% в 1995 г. Число безработных в 1994 г. превысило 10 млн человек.

Медленно и противоречиво, но реформирование экономики все же двигалось вперед. В 1993 г. была введена российская национальная валюта, затем фиксированный курс рубля и несколько снижена инфляция. Массовая приватизация не только не была свернута, но, напротив, еще более расширилась. С июля 1994 г. она перешла ко второму, «платному» этапу. К началу 1995 г. уже до 60% ВВП производилось на негосударственных предприятиях. В этом году государство получило от приватизации 3408 млрд руб. (1,5% бюджетных доходов). Как экономика, так и население, постепенно адаптировались к рынку.

Примечательно, что народ встретил жесткие гайдаровские реформы на удивление спокойно. Потери рабочего времени от забастовок (еще недавно сотрясавших всю страну) за 9 месяцев 1992 г. сократились в 6 раз по сравнению с 1991 г. На этом фоне ряд выступлений и митингов в Москве и некоторых других городах выглядел скорее исключением. Более того, до лета 1992 г., по данным некоторых опросов общественного мнения, популярность правительства и самого Гайдара даже росла. И лишь после нового витка инфляции, разбившего надежды на скорую стабилизацию, начался обратный процесс.

Распад СССР, резкая смена социальной модели и стремительное ухудшение материального положения вызывали у людей растерянность, психологический, а для многих и идейный кризис. Однако социологи отмечали, что люди все больше стали сосредотачиваться на частных, семейных делах, все более надеяться на себя и все меньше — на государство. В 1993 г. уже 70% опрошенных были готовы рассчитывать на свои силы и лишь 18% ждали помощи от государства.

Вместе с тем стала усиливаться ностальгия по прежним временам, идеализация советских порядков (что, кстати, и позволило коммунистам вновь обрести массовую базу). К концу 1993 г. по сравнению с 1992 г. в 1,5 раза выросло число сторонников плановой экономики, а число приверженцев рынка сократилось почти в 2 раза. В результате эти доли примерно сравнялись, а в 1994 г. количество предпочитавших доперестроечные времена стало превалировать. Но одновременно 70% населения понимало, что возврат к прошлому невозможен. Не случайно, если еще в 1989 г. самым выдающимся деятелем всех времен большинство называло Ленина, то в 1994 г. — Петра I.

Для ускорения хода реформ Ельцин в 1997 г. включил в правительство А. Б. Чубайса, Б. Е. Немцова и ряд других динамичных экономистов и политиков. Активизация реформ и результаты предшествующей работы привели к тому, что в этом году впервые с 1990 г. прекратилось падение производства и был зафиксирован еле заметный, в пределах статистической погрешности, но важный психологически рост ВВП и промышленности (соответственно на 0,4 и 1,9%). Доходы государства от приватизации предприятий выросли в 22,6 раза (до 18 781 млрд руб. — 5,8% всех доходов бюджета). Была снижена инфляция, проведена деноминация рубля, более чем на 4% выросли реальные доходы населения (впервые они заметно — на 6% — выросли в 1996 г., но оппозиция связывала это исключительно с кампанией по выборам президента).

Более того, стали заметны признаки того, что, несмотря на экономические трудности, страна начинает, пусть противоречиво и «по частям», но эволюционировать к постиндустриальному, или информационному, обществу. Доля сферы услуг увеличилась с 37% в 1980 г. до 51% в 1996. В 1990—1997 гг. количество автомобилей в расчете на 100 семей выросло почти вдвое — с 18 до 35, телефонных аппаратов — с 33 до 41 шт. Быстро шла компьютеризация страны. В 1997 г. 3% семей имели персональные компьютеры, а в Москве ими обладала уже каждая десятая семья. Количество мобильных телефонов в 1995—1998 гг. выросло в 8 раз (с 93,2 тыс. до 770 тыс.).

Однако резкое ухудшение международной конъюнктуры в результате кризиса в Юго-Восточной Азии, обвал цен на нефть и вывод западных капиталов с «развивающихся рынков» (к которым теперь причислялась и Россия) поставили отечественную экономику перед серьезными испытаниями. В это время внутри страны нарастала политическая нестабильность (в результате «информационной войны», кадровых перетрясок в правительстве, смены главы кабинета и шахтерских забастовок), структурные реформы почти не двигались. Но главное, по-прежнему не удавалось сбалансировать бюджет, и государственный долг рос как снежный ком. Наложение всех этих факторов вызвало острейший кризис 17 августа 1998 г. С запозданием отреагировав на стремительное нарастание негативных тенденций, недавно созданное и политически слабое правительство С. В. Кириенко вынужденно было отказаться от фиксированного курса рубля, девальвировать его, а также объявить дефолт — отказ от выплат по ГКО, внутренним и отчасти внешним долгам.

Резко скакнула инфляция, более чем на 5% упал ВВП, среднемесячная реальная зарплата снизилась на 13,4% в 1998 г. и еще на 23,2% — в 1999 г. Доля населения с доходами ниже черты бедности вновь поднялась до 40%. В стране возникла паника. Однако новое правительство Примакова сумело успокоить и вдохнуть немного уверенности в страну. Оно ограничило государственные расходы и благодаря сильным позициям в Думе впервые сумело принять бездефицитный бюджет, чем заложило важные предпосылки для финансовой стабилизации. А главное, вопреки всем прогнозам, кризис привел к оздоровлению экономики. Благодаря девальвации рубля резко сократился импорт, а отечественные товары существенно увеличили свою конкурентоспособность. К тому же вскоре начался и рост цен на нефть.

Все это привело к тому, что впервые в постсоветской России начался *экономический подъем*. В 1999 г. ВВП вырос на 3,2%, в 2000 — на 9%, в 2001 — на 5,4%, а в 2002 — примерно на 4%. Благодаря эффекту импортозамещения, бездефицитным бюджетам и хорошей международной конъюнктуре на российские экс-

портные товары (нефть, газ, цветные и черные металлы) этому росту не помешали ни частая смена премьеров, ни новая война в Чечне, ни парламентские и президентские выборы. Более того, с постдефолтных времен началась консолидация элиты и всего общества.

Новый президент России В. В. Путин взял курс на укрепление государственной власти и в то же время — на активизацию рыночных реформ и интеграцию с Европой. Благодаря большому «политическому ресурсу» президента и конструктивно настроенной Думе (где впервые правительство поддерживало большинство депутатов) в 2000 и особенно в 2001 г. правительство М. М. Касьянова развернуло целый ряд крупных структурных реформ, разработанных министром экономики Г. О. Грефом. Среди них налоговая (в ходе которой была введена «плоская» и одна из самых низких в Европе ставок подоходного налога в 13%), естественных монополий (РАО «ЕЭС России», МПС), была легализована купля и продажа земли, начаты дебюрократизация экономики, а также очень важная судебная реформа.

Реализация этих и других структурных преобразований займет еще не один год. Если их удастся завершить, в России будет создано дееспособное гражданское общество и современная, конкурентоспособная экономика. Успех этих реформ будет означать, что страна наконец-то встает на путь стабильного демократического развития, устойчивого роста экономики и благосостояния населения.

■ **Россия и мир после «холодной войны».** С момента, когда после ликвидации СССР в декабре 1991 г. Россия появилась на международной арене в качестве суверенного государства, она находилась в сложных условиях. Прежде всего они были обусловлены острой социально-экономической ситуацией в стране, слабостью государства и армии, политической нестабильностью, расколом общества, психологическим и идейным кризисом, связанным с распадом СССР и началом рыночных реформ, обнищанием населения. В международном плане Россия лишилась привычных за последние полвека союзников, «пояса безопас-

ности» вдоль своих европейских границ, потеряла многие стратегические объекты, порты и коммуникации. На протяжении многих тысяч километров у нее даже не было демаркированных, тем более — оборудованных, защищенных границ. Собственно, из атрибутов «великой державы» в России оставались главным образом лишь стратегические ядерные силы, которые она с трудом могла содержать.

Все эти факторы требовали скорейшей адаптации страны к новым условиям, но не позволяли вести активную внешнюю политику (для этого не было ни ресурсов, ни единства политической воли). Ограничивали свободу маневра и острая потребность в финансовой и политической помощи Запада, необходимость поддержки стран СНГ. Все это не могло не обусловить противоречивости российской внешней политики. Взяв курс на интеграцию России в западный мир, руководство страны, подобно всему обществу, периодически испытывало не только ностальгию по советским временам, но и рецидивы имперства. Осознание национальных интересов страны и поиски адекватных средств для их реализации шли мучительно, не всегда последовательно и продуманно.

Стратегическая цель российских реформ — создание рыночной экономики и плюралистической демократии — обусловила приоритетное внимание к отношениям с США, в какой-то мере и с другими западными державами. Хотя надежды на финансовую и иную помощь Запада оправдались далеко не в полной мере, отношения с ведущими державами в первой половине 90-х гг. носили в целом продуктивный характер. Россия заняла место СССР в Совете Безопасности ООН, вступила в МВФ, а в последующем в Совет Европы. В июле 1992 г. «семерка» согласилась начать реализацию крупной программы экономической помощи России. Одним из важнейших направлений сотрудничества с США стало дальнейшее разоружение.

В июне 1992 г. между Россией и США была достигнута договоренность о резком сокращении стратегических наступательных вооружений. Соответствующий договор (СНВ-2) был заключен в Москве 3 января 1993 г. Россия подписала конвенцию о запрещении химического оружия. Наши войска были

досрочно выведены из Германии. США ликвидировали КОКОМ — организацию, следившую за недопущением передачи военных и «двойных» технологий в социалистические страны. Важным событием стало принятие России в «семерку» ведущих стран мира. Поначалу она не получила полноценного статуса и не имела голоса при обсуждении экономических вопросов. В 1997 г. в Денвере впервые Россия стала почти полноправным участником этих заседаний, вместо «семерки» все чаще стали говорить «восьмерка». Окончательно эта тенденция закрепилась в 2001—2002 гг.

Однако постепенно эйфория в отношениях России и Запада рассеивалась. Страна была разочарована «скупостью», «эгоизмом» США и других ведущих держав, а Запад — медленным ходом реформ, нестабильностью, «русской мафией» и, наконец, расстрелом Белого дома и войной в Чечне. Заметное охлаждение отношений с США вызвало решение о расширении НАТО на Восток, принятое вопреки настойчивому противодействию российского руководства. Хотя Россия пыталась наладить сотрудничество и в 1994 г. присоединилась к программе НАТО «Партнерство во имя мира», подавляющая часть правящей элиты, да и всего общества, рассматривала НАТО как осколок «холодной войны» и видела в его расширении угрозу национальной безопасности страны. Тем не менее в мае 1998 г. Польша, Венгрия и Чехия были приняты в НАТО, что вызвало рост антизападных настроений и серьезно осложнило отношения России с США.

Дефолт 17 августа 1998 г. стал новым ударом по этим отношениям. Потеря западными инвесторами миллиардов долларов в результате российского кризиса привела к критической переоценке страны и ее перспектив. Образ России в западных СМИ, общественном мнении приобрел явно негативную окраску. Еще одним ударом по отношениям с Западом стал Балканский кризис и в особенности решение НАТО о бомбардировке Югославии. Вопреки отчаянным призывам и даже угрозам со стороны России, с марта 1999 г. НАТО реализовало его и вскоре добилось своего — ненавистный Западу режим Милошевича в

Югославии пал. С бомбежкой Югославии разрушились прежние представления о международном праве и наши надежды на скорую интеграцию России в западное сообщество. Вторая чеченская война вызвала на Западе массовую антироссийскую кампанию.

По мере охлаждения отношений с США российское руководство все чаще стало говорить о «многополярном мире», тем самым бросая словесный вызов американской гегемонии. Все активнее стали развиваться отношения с Китаем, которого Россия «записала» в свои стратегические партнеры, Индией, возобновились отношения с некоторыми из традиционных союзников (Ираком, Ираном и другими «странами-изгоями»). В ответ США объявляли своими зонами стратегических интересов районы, непосредственно прилегающие к российским границам, НАТО расширяло сферу своей деятельности. В апреле 1999 г. НАТО приняло новую доктрину, в которой, не ограничиваясь «коллективной обороной», официально сделало заявку на «отстаивание своих интересов» в разных частях мира. Таким образом, США взяли курс на выстраивание «монополярного» мира, не обращая внимание на протесты слабой России. В воздухе запахло если не новой «холодной войной», то по меньшей мере «холодным миром».

По мере ухудшения отношений с США российское руководство стало придавать все большее значение связям со странами СНГ. Поначалу основное внимание было сосредоточено на решении многочисленных и болезненных проблем раздела имущества СССР, урегулирования военных конфликтов в Таджикистане, Молдавии, Грузии и Нагорном Карабахе. Много сил требовали отстраивание новых отношений с независимыми странами, решение проблем беженцев, защита 25-миллионого русского населения, оказавшегося за пределами России, и т. д.

Но уже вскоре в странах СНГ российское руководство стало видеть новый «пояс безопасности» России. Тем более что поддержание в боеготовности ряда систем вооружений, в первую очередь ПВО, военно-космических сил, а также производство многих видов военной техники, объективно требовали военной кооперации бывших республик Советского Союза. За

сохранение тесных отношений, своего влияния российское руководство стало оказывать странам СНГ экономическую и иную помощь. В 1992 г. шесть стран СНГ (Россия, Армения, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан) подписали договор о коллективной безопасности. Таджикистан, где шла гражданская война, Армения и Грузия согласились оставить на своей территории российские военные базы. Гораздо сложнее складывались отношения с Украиной. Только в 1999 г. были окончательно разрешены проблемы раздела Черноморского флота и аренды Россией военно-морской базы в Севастополе, а в 2001 — заключено соглашение о путях погашения украинских долгов за российский газ.

Убедившись в разной степени готовности постсоветских стран к интеграции и в слабой эффективности СНГ, российское руководство в середине 90-х гг. взяло курс на налаживание более тесных связей с частью этих государств. В 1996 г. было заключено соответствующее соглашение с Белоруссией, Казахстаном и Киргизией. 21 мая 1997 г. был подписан договор о создании союзного государства с Белоруссией. Это событие с одобрением было встречено и политическими элитами, и народами обеих стран. Однако даже с небольшой Белоруссией объединиться оказалось очень непросто. Если в политической сфере за прошлые годы был достигнут определенный прогресс, то несовпадение экономических моделей (в Белоруссии все еще сохранилось множество рудиментов централизованного управления) порождает значительные проблемы на пути экономической интеграции.

Президент В. В. Путин поначалу продолжил ту внешнюю политику, которую Россия вела в последние годы. Хотя он четко высказался за интеграцию России в Европу и за прагматические отношения с США, его курс на укрепление государства, войну в Чечне, развитие отношений с Китаем, визиты в Северную Корею, на Кубу насторожили Запад и создали впечатление, что Россия вновь готовится к противостоянию с США. Однако решительная поддержка Путиным американского народа и правительства во время страшных терактов в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., помощь в организации антитеррористической

операции в Афганистане вновь вызвали резкое изменение отношений с США. Американский президент Дж. Буш-младший и его советники заговорили о конце «холодной войны» (видно, запамятовав, что она закончилась с распадом СССР, и в 1992 г. Россия даже подписала с США соответствующую декларацию), о качественном изменении отношений между странами.

Превратится ли этот неформальный тактический союз в стратегический, говорить еще рано. Пока очевидно одно — на пути взаимовыгодной интеграции России в современный мир много проблем. Но в итоге их решение зависит главным образом от того, насколько быстро Россия сможет создать современную динамичную экономику, стабильное и демократическое общество, восстановить научный и военный потенциал.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

К части I

Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.

Борисов Н. С. Иван Калита. М., 1995.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории: Русские земли в XIII—XV вв. М., 1986.

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков. IX—XII вв. М., 1998.

Дегтярев А. Я., Дубов И. В. Начало Отечества. Л., 1983.

Демидова Н. Ф., Морозова Л. Е., Преображенский А. А. Первые Романовы на российском престоле. М., 1966.

Карпов А. Владимир Святой. М., 1997.

Кучкин В. А. Русь под игом: как это было? М., 1991.

Никитин Н. И. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987.

Пашуто В. Т. Александр Невский. М., 1974.

Петрухин В. Я. Славяне. М., 1997.

Плетнева С. А. Половцы. М., 1990.

Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. М., 1966.

Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1987.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1983.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987.

Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988.

Феннел Д. Крещение средневековой Руси. 1200—1304. М., 1989.

Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... (любое издание).

К части II

Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века: Борьба за наследие Петра. М., 1986.

Архипова Т. Г., Румянцева М. Ф., Сенин А. С. История государственной службы в России XVIII—XX вв. М., 1999.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в XIX в.: Военно-экономический потенциал. М., 1977.

Бескровный Л. Г. Армия и флот России в начале XX в.: Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.

Гейфман А. Революционный террор в России. 1894—1917. М., 1997.

Демин В. И. Государственная дума в России. 1906—1917: Механизм функционирования. М., 1996.

Империя и либералы. СПб., 2001.

Искендеров А. А. Закат империи. М., 2001.

История Северной войны. 1700—1721 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1987.

Каменский А. Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999.

Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001.

Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762—1914. М., 1995.

Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительно-историческое исследование. М., 1994.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи. XVIII — начало XX в. Т. 1—2. СПб., 1999.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.

Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000.

Российские самодержцы. М., 1994.

Российская дипломатия в портретах / Под ред. А. В. Игнатьева, И. С. Рыбаченок, Г. А. Сенина. М., 1992.

Русское православие: вехи истории / Под ред. А. И. Клибанова. М., 1989.

Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (Взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983.

Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII—XIX вв. Л., 1988.

Чибиряев С. А. Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность и политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989.

Шанин Т. Революция как момент истины. 1905—1907 гг. — 1917—1922 гг. М., 1997.

Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб., 2001.

К части III

Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991.

Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. М., 1992.

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки: В 4 кн. М., 1998.

Волкогонов Д. Ленин. Политический портрет: В 2 кн. М., 1994.

Волкогонов Д. Триумф и трагедия. И. В. Сталин: Политический портрет: В 2 кн. М., 1989.

Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995.

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Т. 1—3. М., 1995.

Горинов М. М. Нэп: поиски путей развития. М., 1990.

Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Незапланированная дискуссия: Сборник материалов. М., 1995.

Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1—2. М., 1991. Т. 3—5. Берлин. 1924—1926.

Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в годы коллективизации. М., 1989.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. 11-е изд. М., 1992.

Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М., 1993.

Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992.

Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995.

Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991.

Коэн С. Бухарин: Политическая биография. М., 1989.

Куртуа С., Верт Н., Пане Ж.-Л. и др. Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999.

Л. И. Брежнев: Материалы к биографии. М., 1991.

Медведев Р. А. Н. С. Хрущев: Политическая биография. М., 1990.

Медведев Р. А. О Сталине и сталинизме. М., 1990.

НЭП: взгляд со стороны. М., 1991.

Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935. М., 1993.

Ослунд А. Россия: рождение рыночной экономики. М., 1996.

Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997.

Пайпс Р. Русская революция. Ч. 1—2. М., 1994.

Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: В 2 т. М., 1996. Т. 2.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX в: Энциклопедия. М., 1996.

Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.

Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1991.

Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер: Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений. 1939—1941. М., 1991.

Россия и СССР в войнах XX века: Потери Вооруженных сил. М., 2001.

Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939—1941. М., 1992.

Сервис Р. Ленин. Минск, 2002.

Советское общество: Возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1—2. М., 1997.

Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985): Новое прочтение. М., 1995.

Судоплатов П. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М., 1996.

Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Часть I

РУСЬ СРЕДНЕВЕКОВАЯ (IX—XVII вв.)

Глава 1. У истоков государства 5

«Неолитическая революция» — 6. Поиски прародины славян — 9. Что такое синтез в истории? — 12. От общины к городам — 16. Создание единой Руси — 19.

Глава 2. Народ и власть 22

«Дружинное государство» — 22. Распад державы Рюриковичей — 27. Владимирское «царство» — 31. Первая республика — 34. Господство Орды — 40. «Собирание земель» — 43. Строительство державы — 51. Альтернативы XVI столетия — 54. Московское царство в XVII в. — 64. От дружины — к армии — 71. Как на Руси налоги собирали — 77. Великое княжество Литовское и Русское — 81.

Глава 3. Церковь, общество и государство в России 86

Древнерусское язычество — 86. Церковь на Руси — 90. Христианское мировоззрение — 97. Нарушенная «симфония» — 103. Царь и патриарх — 113.

Глава 4. Люди служилые и тяглые 115

Что такое сословия? — 115. От вассалов к подданным — 119. Служилые «по отечеству» и «по прибору» — 127. Крестьянский «мир» — 135. Наступление крепостничества — 140. Гости и посадские — 144.

Глава 5. Пути российской экономики 149
Хорошо ли жили на Руси? — 149. Государство, вотчина и город в XII—XVI вв. — 153. Рынок и предпринимательство в Московском царстве — 168.

Глава 6. Между Востоком и Западом 180
Соседи Киева — 180. Русь и Орда — 185. «Посольский обычай» — 190. В Дикое поле и на Восток — 194. Вхождение в Европу — 204. Кто и как присоединялся к России — 213.

Глава 7. Самозванцы, бунтари, раскольники 221
Смута: утраченные возможности — 221. Нужен ли мужику бунт? — 231. Если бы Разин победил... — 238. Еретики и раскольники — 243. Кризис традиционного общества — 250.

Часть II

ИМПЕРАТОРСКАЯ РОССИЯ (XVIII — начало XX в.)

Глава 8. Политическая система от Петра I до Николая II 256
Результаты преобразовательной деятельности Петра I — 256. От Екатерины I до Павла I — 266. Министерская система — 278. Пореформенная Россия — 286. Думская монархия — 294.

Глава 9. Бюрократический корпус в России в XVIII — начале XX в. 305
Российская бюрократия — 305. Как готовили профессиональных чиновников? — 308. Денежное жалованье — 310. Чиновные традиции — 312.

Глава 10. Силовые структуры государственного аппарата. Армия 314
Создание регулярной российской армии — 314. Армия от Анны Иоанновны до Александра II — 317. Организация вооруженных сил — 323. Преобразования 10-х гг. XX в. в армии — 327.

Глава 11. Репрессивные органы. Политическая полиция 329
Преображенский приказ и Тайная канцелярия — 329. Тайная экспедиция и Министерство полиции — 331. Третье отделение и корпус жандармов — 332. Министерство внутренних дел — 335.

Глава 12. Церковь и религия 337
Церковь и монархия — 337. Система управления церковью — 340. Ереси и секты — 343.

Глава 13. Социальная структура 345
Дворянство — 345. Духовенство — 352. Городские сословия — 356. Крестьянство — 364.

Глава 14. Социальные движения и революции 374
Движение социальных низов в XVIII—XIX вв. — 374. Дворцовые перевороты — 380. Революционное движение — 383. Либеральное и консервативное течения — 393. Национально-освободительные движения — 397. Первая русская революция — 402.

Глава 15. Экономические институты 403
Развитие путей сообщения — 403. Внутренняя и внешняя торговля — 406. Финансы — 411. Промышленность — 417. Агрикультура и агротехника — 421.

Глава 16. Внешняя политика России в XVIII — начале XX в. 426
Россия и мировые державы при Петре I — 426. Враги и «естественные союзники» — 429. От Аустерлица до Севастополя — 438. Внешняя политика России в 1856 —1917 гг. — 445.

Часть III

СКВОЗЬ БУРИ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: РОССИЯ в 1917—2002 гг.

Глава 17. Россия в революционную эпоху 453
Февральская революция — 453. Послефевральская Россия — 456. Октябрьская революция — 466. Гражданская война — 471.

Глава 18. Советская власть: формирование, эволюция и крушение 479
Становление большевистской диктатуры — 479. «Крестьянский Брест» — 487. Формирование тоталитарного государства — 494. Испытание войной — 503. Поздний сталинизм — 506. «Оттепель»: СССР в 1953 — 1964 гг. — 510. Эпоха «застоя» (1964—1985 гг.) — 519. Перестройка и крах СССР — 523.

Глава 19. Советская экономика между кризисами и модернизациями 531
Экономические преобразования в 1917–1920 гг. – 531. Успехи и противоречия нэпа – 537. «Наступление социализма по всему фронту» – 541. Форсированная индустриализация – 547. Военная экономика – 550. Восстановление и развитие народного хозяйства в 1945–1953 гг. – 554. В поисках новой стратегии (1953–1964 гг.) – 557. На пути к системному кризису – 565. От «совершенствования социализма» – к смене социальной модели – 573.

Глава 20. Советское общество 581
Судьбы советского крестьянства – 581. Город и горожане – 591. Номенклатура – 606. Армия и ВПК – 613.

Глава 21. Россия в поисках своего места в системе международных отношений 624
От мировой войны – к мировой революции – 624. Борьба за выход из международной изоляции – 631. Эволюция внешней политики в 1930-е гг. – 633. Внешняя политика СССР в начальный период Второй мировой войны (1939–1941 гг.) – 639. Причины и начало Великой Отечественной войны – 643. Битва за Москву – 648. Формирование антигитлеровской коалиции – 650. Весенне-летняя кампания 1942 г. – 652. Коренной перелом в войне – 654. Действия союзников – 656. Военные действия в 1944–1945 гг. – 657. Обсуждение послевоенного устройства мира – 659. Война с Японией – 660. Начало «холодной войны» – 662. Советская внешняя политика в 1953–1964 гг. – 665. От «разрядки» к новому обострению «холодной войны» – 668. «Новое политическое мышление» и завершение «холодной войны» – 673.

Глава 22. Советская культура и церковь 676
Культурная революция – 676. «Заморозки» и «оттепели» культуры в 1945–1991 гг. – 686. Церковь в безбожном государстве – 692.

Глава 23. Рождение новой России 702
Трудный путь к демократии – 702. Становление рыночной экономики – 717. Россия и мир после «холодной войны» – 723.

Рекомендуемая литература 729